

ЛАДОГА

И ЕЕ СОСЕДИ В ЭПОХУ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Санкт-Петербург
• 2002 •

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Посвящается 1250-летию Старой Ладогы

ЛАДОГА

и ее соседи в эпоху средневековья

Санкт-Петербург
• 2002 •

Предлагаемый читателю сборник подготовлен в основном сотрудниками Отдела славяно-финской археологии Института истории материальной культуры Российской Академии Наук и посвящен проблемам археологии, истории и культуры Северной Руси, в особенности древней Ладогe, а также международной торговле и культурным связям Руси и сопредельных стран.

Для археологов, историков, искусствоведов и всех интересующихся прошлым Восточной и Северной Европы.

Редакционная коллегия: С.В. Белецкий, О.И. Богуславский (секретарь), А.Н. Кирпичников (ответственный редактор), Е.Н. Носов

Рецензенты: В.А. Алекшин, И.В. Дубов

Набор и верстка: О.И. Богуславский

Утверждено к печати Ученым советом Института истории материальной культуры Российской Академии Наук

Сборник печатается при финансовой поддержке Санкт-Петербургского научного центра Российской Академии Наук

На обложке: вислая печать митрополита Леона из г. Лаодикеи с изображением «Богоматери Одигитрии», XI в., найденная при раскопках в Старой Ладогe.

ISBN 5-201-01227-2

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

TO PUBLICATION

Devoted to 1250 anniversary of Staraja Ladoga

LADOGA and its Neighbours in Middle Ages

St.-Petersburg

• 2002 •

ОТ РЕДАКЦИИ

Историческое прошлое Северо-Западных земель России — Ладоги и ее соседей — традиционно является предметом исследовательского внимания отечественных и зарубежных историков. В этом нет ничего удивительного. Старая Ладога — ровесник Руси, один из десяти древнейших упомянутых на страницах летописи городов. Ладога была основана не позднее 753 г. Эта уникальная по точности дата установлена методом дендрохронологических исследований материалов археологических раскопок в Лаборатории дендрохронологии Института археологии РАН в Москве. В 862 году Ладога становится резиденцией и стольным городом скандинавского пришельца Рюрика, возглавившего Русское государство. Таким образом, Ладога явилась первой государственной столицей Русского государства. Именно здесь, на северной окраине восточнославянских земель впервые произошла историческая встреча людей Востока и Запада, началась международная торговля по Балто-Волжскому и Балто-Днепровскому путям. Здесь родилась русская государственность, с самого начала интегрированная с европейскими странами.

В 2003 году, когда весь мир будет отмечать 300-летие основания столицы Российской империи города Санкт-Петербурга, поселку Старая Ладога Волховского района Ленинградской области исполняется 1250 лет. В связи с этими знаменательными событиями Институтом истории материальной культуры РАН при финансовой поддержке Санкт-Петербургского научного центра РАН был подготовлен к печати сборник научных статей «Ладога и ее соседи в эпоху средневековья», предлагаемый ныне вниманию читателей.

Несмотря на тематическое разнообразие работ, вошедших в состав сборника, в нем отчетливо прослежена стержневая линия, объединяющая самые разноплановые исследования, посвященные фундаментальным проблемам археологии Северной Руси. Именно эта часть Древнерусского

государства с городами Ладога, Новгород, Псков и их округа цементирует территорию, где зародилась Российская государственность, и первой столицей стала Ладога, передавшая затем свои столичные функции Новгороду. По своей «балтийской идее» Ладога явилась историческим предшественником столицы Российской империи — Санкт-Петербурга.

Тематика работ, составляющих сборник, необычайно широка — от исследований, посвященных Великому Волжскому Пути, и результатов раскопок памятников эпохи возникновения Российского государства, вплоть до древностей эпохи позднего средневековья. Отдельно следует отметить серию публикаций, посвященных керамике, памятникам прикладного искусства и сфрагистическим находкам. Мы стремились к тому, чтобы сборник по своему составу в полной мере отражал не только спектр научных интересов сотрудников Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН, но и петербургских специалистов в области славяно-русской археологии в целом.

Тематически исследования расположены следующим образом: «Новые исследования», «Новые раскопки», «Новые находки» и, наконец, «Источниковедение и региональные исследования».

О чем бы ни писали авторы статей, включенных в сборник и как бы ни была хронологически и территориально широка тематика этих статей, все они по новому содержательны и в конечном счете посвящены актуальным проблемам истории, археологии и культуры Северной Руси на разных этапах ее существования — от догосударственной поры и эпохи формирования российской державы вплоть до Нового времени. Материалы раскопок, новые находки, результаты кабинетных изысканий последних лет, как представляется, будут интересны не только узкому кругу специалистов в области славяно-русской археологии, но и широкому кругу читателей, интересующихся историческим прошлым нашей Родины.

Новые исследования

В.И. Кильдюшевский

КЕРАМИКА ПСКОВА XII–XVII вв.

Псков — один из древнейших русских городов — находится на северо-западной границе русских земель. Он расположен при слиянии рек Псковы и Великой в 10 км от Псковского озера. Впервые упоминается в древнерусской летописи под 903 г., но как поселение существовал значительно раньше¹. С 1034 г. Псков стал «пригородом» Новгорода, который присылал сюда посадников, князей, а церковным главой в городе был новгородский архиепископ. Во второй половине XIII в. Псков отделяется от Новгорода и становится столицей Псковской республики. К середине XV в. — это один из крупных ремесленных и торговых центров Руси. Удобное географическое положение давало возможность развития торговли как местной, так и с Прибалтикой и странами Западной Европы. Площадь города в начале XVI в. превышала 210 гектаров а протяженность крепостных стен — 9 км².

Сложное внешнеполитическое положение Псковской республики, постоянные военные столкновения с Ливонским орденом, непростые отношения с Литвой и Новгородом привели в XV в. к тесному политическому и экономическому союзу с Москвой. В 1510 г. Псковская республика вошла в состав Московского государства. В XVI–XVII вв. Псков становится одним из основных центров торговли Московского государства со странами Западной Европы и Прибалтики³. Город был не только крупным местным торговым центром, но и транзитным пунктом для русских товаров, направлявшихся за границу.

В данной работе сделана попытка сопоставить типологическую классификацию керамики Пскова с применением методов

статистики и изучением технологии ее производства. Хронологические рамки работы охватывают в основном конец XII–XVII вв. Керамика более раннего периода (IX–XII вв.) подробно опубликована С.В. Белецким⁴.

Керамический материал, использованный в работе, происходит из раскопок на территории Среднего города в пределах стены 1309 г. (рис. 1). Раскоп общей площадью 9268 кв. м исследовался в течение 25 лет (1967–1994 гг.). На его площади выявлены культурные отложения с IX по XVIII в. с остатками средневековой планировки и застройки⁵.

В работе рассматриваются керамические материалы раскопов II (1976 г.) и VII (1983–1985 гг.), исследованные автором и датирующиеся XII–XVII вв. Они изучались по пластам толщиной 20 см (с 4 по 15 пласт). Остатки открытых сооружений были расчленены на ярусы: со 2-го (пл. 6) по 10 (пл. 13), которые датируются с XIII по 70-е годы XV в.⁶ Керамический материал этих раскопов собирался полностью, подвергался статистической обработке по специально разработанным таблицам, где учитывались не только форма венчика, но и тесто, примеси, орнаментация, размеры сосуда. Для этой цели был выбран участок И (раскоп II 1976 г.), где слой наименее потревожен. Материал этого участка и лег в основу типологической шкалы Пскова, которая была дополнена материалами других участков и раскопов. Керамика конца XV–XVII вв. была изучена на материалах раскопа на ул. Первомайской (Запсковье), исследованного автором в 1981–1982 гг.

В данную работу включены все основные формы глиняной посуды,

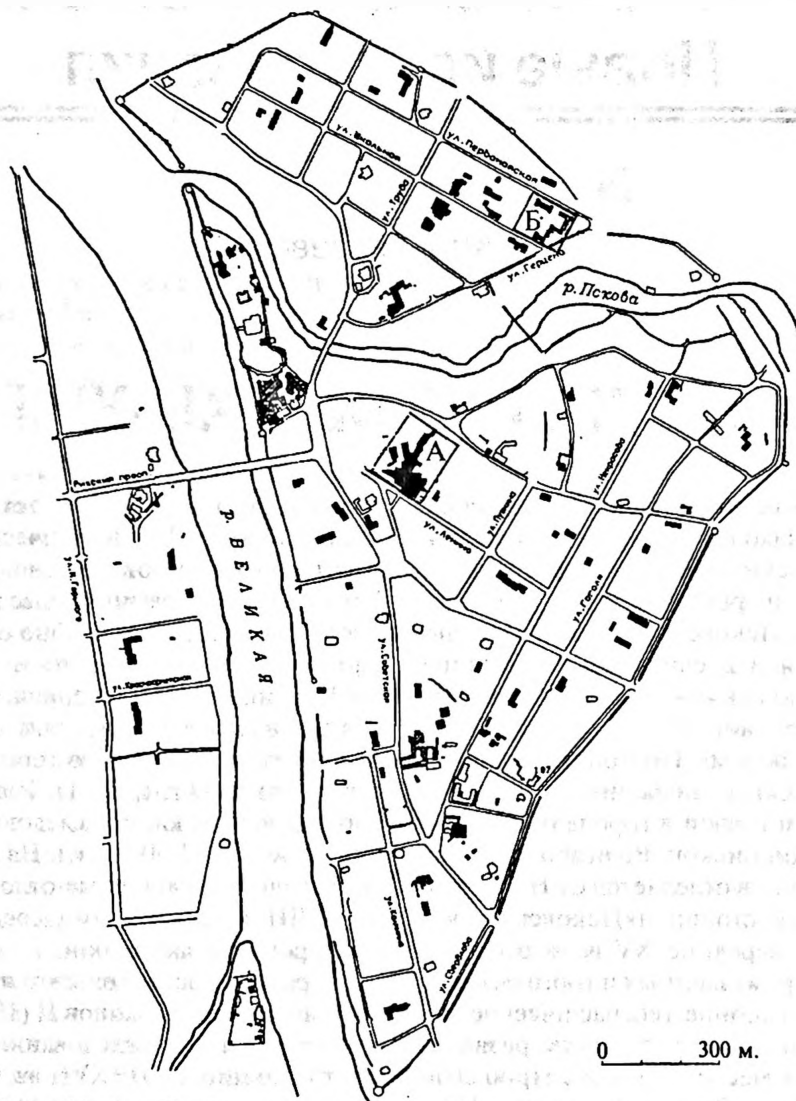

Рис. 1.

Схема расположения раскопов в г. Пскове (по И.К. Лабутиной):

А — раскоп на ул. Ленина; Б — раскоп на ул. Первомайской

использовавшейся населением Пскова с конца XII по XVII в.: горшки, крышки, кувшины, кумганы, миски, фляги, черпаки, кубышки, сосуды для хранения припасов — корчаги. Наиболее яркая картина развития керамики выявлена при классификации горшков — самой массовой продукции керамического производства (до 95%). Большое количество фрагментов, их значительная типологическая однородность позволили выделить устойчивые типы и их хронологическое развитие. Статистические подсчеты по пластам дали возможность определить для каждого хронологического периода самые характерные типы и варианты, динамику их появления, расцвета и исчезновения (рис. 2).

Каждая из категорий глиняной посуды делится на типы. Под типом мы понимаем предметы, обладающие устойчивым сочетанием основных признаков. К типовым признакам мы относим оформление края венчика, шейки и плечика сосуда. В свою очередь, тип делится на варианты, которые выделяются на основе сочетания основных признаков и появления новых, не совсем характерных для основной типовой формы. Появление этих признаков может свидетельствовать о хронологических или локальных вариантах.

Технология изготовления — способ формовки, сырье, обжиг, обработка поверхности, орнаментация — хотя и учитываются в работе, но, по нашему мнению,

Таблица 1

	Псков		
	сероглиняные	красноглиняные	белоглиняные
XVI–XVII вв.	91,9–84,5%	7,8–13,7%	0,3–1,8%
XV в.	79,1–89%	10–20,8%	0,1%
XIV в.	95,1%	4,9%	
XIII в.	98%	2,0%	

не являются основными типобразующими признаками. Скорее они характеризуют развитие гончарного ремесла,

развитие техники обработки, изменение моды и эстетических вкусов потребителей бытовой утвари.

Технология производства

Визуальное исследование керамики Пскова показало значительное единообразие в отборе сырья, составлении глиняной массы, технике изготовления сосудов и способов их обработки.

Сырьё

Для изготовления посуды использовали три сорта глины: а) серо-бурую материковую глину, дающую при обжиге (в зависимости от температуры и условий обжига) целую гамму оттенков — от серого до темно-коричневого и черного; б) сорт глины, дающий при обжиге красный цвет (появляется лишь с конца XIII в. и получает наибольшее распространение (до 20%) в конце XV в.); в) сорт глины — беложгущаяся, каолиновая глина, более пластичная, характерная для Москвы и Новгорода, в Пскове почти не использовалась. В слоях XVI–XVII вв. встречены лишь единичные фрагменты сосудов из этой глины. Керамика из светложгущихся глин в Киевской Руси появилась в конце XII–XIII вв., в Москве — с XIV в., а в XVI–XVII вв. она была для Москвы основным сортом посуды⁷. На Северо-Западе Руси она появилась несколько позднее, а в Пскове — лишь в конце XV–XVI вв. Распространение белоглиняной керамики в Пскове по времени совпало с присоединением Псковской земли к Москве, к тому же видимо не случаен тот факт, что из нее в основном изготавливались те формы керамической посуды, которые появились лишь в XVI в. (таблица 1).

Отметим, что наибольшей популярностью посуда из красножгущейся глины пользовалась на рубеже XV–XVI вв., причём из неё изготавливалась большая часть столовой посуды.

Примеси

Некачественный обжиг, а также вероятно свойство глины (жирная) требовали от гончаров внесения в сырьё специальных добавок — песка, дресвы. Они не давали сосудам при сушке и обжиге сильно усыхать и трескаться, что способствовало большей водонепроницаемости сосудов⁸.

Для отошения глиняного теста псковские гончары использовали: мелкий песок 0,1–0,5 мм, средний — 0,5–1,0 мм, крупный 1,0–2,0 мм, дресву (дробленые гранитные породы) 1–3 мм. Для раннего периода (XII–XIII вв.) характерно использование мелкого (50–60%), среднего (33–44%) и крупного песка (3–7%) и в редких случаях использовалась в качестве добавки дресва.

В XIV–XV вв. наблюдается использование мелкого песка (48–64%), значительно уменьшается количество сосудов с примесью среднего песка (13–26%), и увеличивается применение крупного песка (10–13,7%) и дресвы (3–24%). Наблюдается тенденция к использованию для отошения глины вместо больших по объёму фракций мелкого и среднего песка увеличение размера примесей (крупного песка и дресвы). В XVI–XVII вв. в качестве примесей использовали в основном мелкий песок (81–89%) и средний (9,0–15,6%). Крупный песок и дресва использовались довольно редко: от 0,3% до 1,3%. Видимо в это время наблюдаются значительные изменения в технологии приготовления сырья и обжиге.

Способ изготовления сосудов одинаков для всего исследуемого периода с конца XII по XVII вв. Использовался способ «донно-емкостного начина» с наращиванием стенок сосудов из лент или жгутов. Сосуды

тип	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	ВСЕГО
А Б Г А СЛОД ПЛАВЫ												
кон. X—XII вв.					1,5%	2,1%	2,1%	28,7%	38,2%	4,7%	2,5%	580
					8,7%	5,2%	10,7%	31,6%	34,4%	3%	5,2%	958
				4,6%	7%	13,4%	32%	39,8%	0,5%	8%		439
			10%	7,7%	7%	16,9%	25,3%	33,4%	2,4%	6%		877
ВСЕГО					22,4	15,9	30,0	85,8	104,8	7,9	16,0	234,8
кон. X—XII вв.					8%	5,4%	3,5%	5,5%	12,6%	7,3%	3,7%	130
XIII вв.				2,2%	12,8%	3,1%	37,7%	34,1%	7,2%	4,4%	2,7%	175
XIV вв.					3,5%	5,8%	6%	28,7%	10%			15,8
XV вв.					4,5%	11,2%	11,4%	24%				212
XVI вв.					6,9%	21,9%	60%	8,4%	3,4%			330
XVII вв.	2,4%	2,5%	2,5%	40,4%	6,8%							235
XVIII вв.	7,5%	37%	15%	35,5%	4,4%							205
XIX вв.	10,2%	6,2%	2,4%	2,2%	0,9%							109
XX вв.	2,2%	8,0%	8,5%	4,8%								94
ВСЕГО	52	283	275	566	403	165	143	32	16	9	6	1648

Рис. 2.

Типология и хронология горшков Пскова

изготавливались на ручном круге с медленной скоростью вращения. Это можно определить и по технологическим остаткам на донцах (следы песчаной подсыпки, закраинки и наплывы), и по степени обработки внешней и внутренней поверхности.

В нашем распоряжении имеется очень немного данных для выявления способов изготовления сосудов. Вероятно первоначально изготавлилось днище сосуда в виде глиняного диска — «начина», на котором затем производилась остальная работа по конструированию сосуда. Об этом могут свидетельствовать находки днищ с ровными краями облома по всему диаметру, а между днищем и боковыми стенками обнаруживаются следы их соединения между собой. Донце и стенки сосуда соединяли с помощью примазывания друг к другу или с помощью наложения дополнительного жгута, закрывающего стык между ними с внутренней или внешней стороны. В результате получалось значительное утолщение места стыка, иногда приобретающее в профиле форму «сапожка». Это видно иногда в изломе по слоистости глины, а также на некоторых днищах видны следы примазывания — вмятины от пальцев.

При изготовлении полого тела (фигуры сосуда) использовался прием наращивания стенок сосуда. Для этого использовались глиняные ленты или жгуты шириной 2—3 см. Этот прием очень длительное время (в некоторых местах до наших дней) господствовал на территории Восточной Европы⁹. Косвенными признаками этого метода являются встречающиеся следы раслаивания сосудов на ленты с характерной

скошенностью линий спая лент или жгутов, следы кольцевого или спирального налета с одновременным моделированием формы сосуда с помощью выдавливания с внутренней стороны. Об этом свидетельствуют пальцевые вдавления, сохранившиеся на внутренней части некоторых сосудов. Толщина стенок сосудов довольно значительна, от 6 до 7 мм в верхней части до 8—10 мм — в нижней, что также является косвенным признаком применения данного метода.

Керамика изготовлена на гончарном круге. Об этом свидетельствует целый ряд признаков. Прежде всего, на ряде фрагментов днищ сосудов обнаружены следы подсыпки крупного песка или дресвы. Но при длительном использовании сосуда эти следы стираются. Иногда встречаются на днищах так называемые «бортики». По мнению А.А. Бобринского, эти «бортики» связаны с особенностями укрепления сосудов на плоскости круга и обработки придонного участка. При неполном примазывании донца сосуда к кругу, образуется зона с малым механическим сцеплением, куда и смещается часть глины под давлением ножа при обработке бокового придонного участка и образуется бортик. Иногда эти бортики не круглые, а многогранные. Они могут возникать «при подрезании бокового придонного участка вручную или с помощью круга, когда вращение орудия было неравномерным и непродолжительным». Некоторые отпечатки на днищах сосудов, в том числе отпечатки оси круга, свидетельствуют об износе поверхности круга, в том числе его оси¹⁰.

На глиняной посуде выявлены также следы обработки поверхности и профилировки венчика, являющиеся наиболее достоверными признаками изготовления посуды на гончарном круге. Сосуды обтачивали с помощью ножа или скребка. Эти следы особенно заметны при обработке плечика (если оно имеет сложный профиль). На внешней поверхности многих сосудов видны следы заглаживания, которое производилось пальцами, мокрой кожей, куском ткани. Следы эти в виде горизонтальных мелких параллельных полосок характерны в основном для верхней части сосуда. В нижней части сосудов иногда встречаются следы вертикального или диагонального заглаживания. Все эти приемы обработки поверхности характерны

в основном для XIII–XV вв. Позднее стали использовать и другие методы обработки поверхности: ангобирование, лощение, полива, обваривание.

В конце XV–XVI вв. и особенно в XVII в. технология обработки керамики значительно улучшилась. Качественно изменилось сырье. Наряду с использованием бурой глины, увеличивается количество посуды, изготовленной из более качественной красножгущейся и белой каолиновой глины. Больше значение придается внешнему виду посуды. Она становится более гладкой, ровной. Широко используется ангоб, лощение, с последующим чернением. Вероятно с конца XVI в. появляется посуда, покрытая зеленой поливой. Все эти приемы характерны в основном для столовой посуды: кувшинов, мисок, кубков, фляг, кубышек, кумганов, рукомойников.

Подобные методы обработки в Пскове появились лишь в XVI в. и наибольшее распространение получили в XVII в. Но в отличие от Москвы, Смоленска и ряда других городов, так же, как в Новгороде, они представлены лишь незначительным количеством экземпляров. Лощеные сосуды встречены в единичных экземплярах. Техника обваривания и ангобирования не была распространена (или ее следы не улавливаются на кухонной посуде, покрытой как правило нагаром и копотью). Шире использовалась полива зеленого цвета разных оттенков. Иногда под ней улавливаются следы ангоба. Полива использовалась как правило для столовой посуды: фляги, штофы, миски, кубышки, рукомой. Сосуды покрывались с наружной стороны, и лишь незначительное число небольших сосудов было покрыто поливой, как правило, с внутренней стороны.

Говоря о керамическом производстве Пскова XII–XVII вв. надо признать его ремесленный характер, о чем свидетельствуют большие серии одинаковых сосудов и очень малое количество клейм на днищах сосудов. В 1989 г. на раскопе Бог-8 (на Запсковье) в одной из ям была обнаружена серия одинаковых горшков, вышедших из одной мастерской¹¹. Серия однотипных сосудов, отличающихся по своим размерам, была обнаружена в одной из ям на раскопе II (ул. Ленина) в Пскове в 1976 г.

Обжиг

За период с конца XII до XVII в. произошли изменения и в технике обжига. Во

время раскопок в Пскове и других городах Псковской земли пока не было найдено остатков горна или следов мастерской по производству посуды. Правда, в 1988 г. в одном из раскопов на Полонище (ул. Советская, 47), была обнаружена яма с браком мастерской по производству изразцов и черепицы¹².

Большая часть фрагментов керамики XIII–XIV вв. имеет однослойный в изломе черепок черного или темно-серого цвета, в среднем от 63,6% до 77,7% (пласты 14–11 в раскопе на ул. Ленина). В верхних пластах количество их уменьшается от 49,7% в 10 пласте, до 44–46% в 6–7 пластах, а в раскопе на ул. Первомайской — от 74,8% в 5 пласте до 50,2% во 2-м. Остальная керамика имеет 2–3-х слойный в изломе черепок.

Цвет черепка — различных темных оттенков от серого до черного — получается при недостаточном доступе воздуха к обжигаемому горшкам. При этом присутствующие в глине органические вещества полностью не выгорали и оставались в теле черепка тонкораспределенным углем¹³. Надо отметить, что в верхних слоях появилось некоторое количество фрагментов керамики со светло-серым в изломе черепком, что особенно характерно для поливной и лощеной керамики. Видимо в XVI–XVII вв. обжиг глиняных изделий улучшается. Визуальное исследование фрагментов керамики с 2–3-х слойным обжигом также говорит об улучшении обжига по крайней мере с XV в. (увеличение количества черепков со светло-серой прослойкой).

Двух-трехслойность черепка связана была вероятно с тем, что наружные поверхности сосудов при обжиге подвергались более интенсивному нагреву и становились более светлыми (серыми или красными), а температуры в «горне» не хватало для полного обжига.

Большинство исследователей поддерживают мнение, что в средние века для обжига кухонной посуды использовалась повсеместно температура 700°–800° С. Для обжига белоглиняной керамики температура достигала порядка 950° С¹⁴. Физико-химическое исследование чернолощеной керамики показало, что она обожжена в редуцированной атмосфере при двух температурных режимах: от 700° до 880° С и от 950° до

1000° С. Хронологических и типологических различий между этими двумя группами не замечено¹⁵.

Таким образом, можно констатировать, что температура обжига столовой посуды в конце XV—XVIII в. была несколько выше, чем посуды кухонной. У нас нет данных (без специального физико-химического исследования) говорить о печном или гончарном обжиге керамики. По этнографическим данным вплоть до середины XX в. у сельских гончаров обжиг изделий проводился: в печах, горнах открытого или закрытого типа, в горнах «ямного» типа. Причем именно при обжиге в черной печи (или при быстром обжиге в открытом горне) получается 3-х слойный черепок (на-тужные — светлого цвета, средняя — коричневая или темно-серая), так как углерод не выгорает полностью¹⁶.

В конце XV—XVI вв. качество обжига по сравнению с предшествующим временем улучшается. Появляется посуда с однослойным в изломе черепком, а среди сосудов с 3-х слойным черепком — прослойки значительно светлее. Это указывает на

повышение температуры обжига или же на восстановительный обжиг с достаточным доступом кислорода. С одной стороны эти улучшения — результат внутреннего развития керамического производства, с другой — влияние других керамических центров, в частности Москвы, которое усилилось после 1510 г., когда Псковская земля вошла в состав Московского централизованного государства. Таким образом, мы можем говорить о довольно высоком уровне гончарного производства в Пскове и в городах Псковской земли. Опираясь на местное сырьё и традиции, псковские гончары выработали приёмы приготовления сырья, обработки поверхности и обжига, которые не отличались от технологии изготовления посуды в других центрах средневековой Руси. Местные гончары перенимали новые приемы и образцы керамического производства, появившиеся в других городах. Особенно эти процессы ускорились в XVI—XVII вв. в связи с влиянием московского керамического центра, а также с развитием тесных контактов как с Западной Европой, так и с восточными странами.

Классификация керамики

Наиболее яркая картина развития керамики была выявлена при классификации горшков — самой массовой продукции керамического производства. Большое количество фрагментов (от 50 до 900), их значительная типологическая однородность позволили выделить устойчивые типы, характерные для всей группы памятников. Статистические подсчеты по пластам дали возможность определить для каждого хронологического периода самые характерные типы и варианты, динамику их появления, расцвета и исчезновения (рис. 2). В Пскове горшки составляют до 95% всей коллекции. Благодаря массовости находок и фиксации по пластам удалось выявить динамику их развития, установить период бытования и определить время исчезновения из обихода.

Тип I (52 фрагмента; рис. 3: 1–3). Это довольно высокие, усеченно-конические горшки. Высота их, как правило, равна диаметру горла, тулово несколько шире. Венчик отогнут наружу и косо срезан, со слегка оттянутым краем. Выделено 2 варианта. Сосуды орнаментированы линейным и волнистым орнаментом (от 1/3 до

2/3 горшка). Собрано незначительное число фрагментов в пластах 12–14 (р. II) и в предматериковом слое раскопа VII. С.В. Белецкий выделил эти горшки в тип I-I-Г и датировал сер. XI — сер. XII в¹⁷.

Судя по стратиграфии, а также широкому распространению горшков этого типа в курганных древностях, его можно датировать XI–XII вв. и отнести к периоду начального освоения территории Среднего города Пскова, когда прекратил свое существование псковский некрополь.

Тип II (283 фрагмента, рис. 3: 4–7). Самый массовый тип горшков в нижних пластах раскопов на ул. Ленина. Так, на раскопе II, в пластах 12–14 он составляет от 38 до 78%, в раскопе X встречен в ярусе 14–15 (пласты 28–27). Это, как правило, высокие горшки с узким дном, высоким прямым венчиком, слегка отогнутым наружу и косо срезанным внутрь. Распадается на 2 подтипа (ранний А, Б, В, Г), характерный для 13–14 пластов (XII — начало XIII в.), и более поздний — Д, Е, наиболее распространенный в 11–12 пластах, являющийся переходным к типу III (I половина XIII в.).

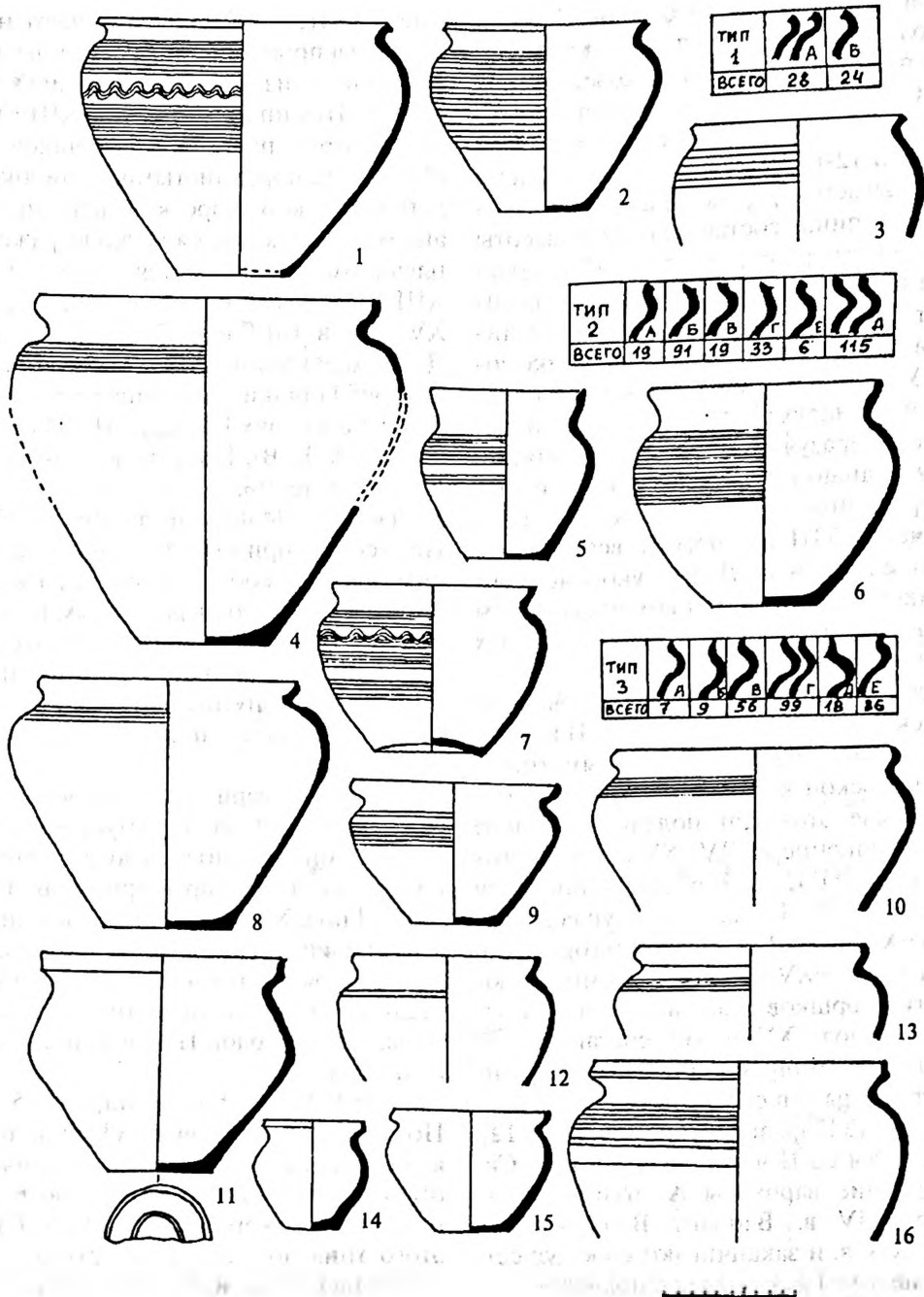

Рис. 3.

Горшки: 1–3 — тип I; 4–7 — тип II; 8–16 — тип III.

Орнаментирован, как правило, многорядным линейным орнаментом (или по плечу, или до середины тулова). С.В. Белецкий датировал его второй пол. XI — сер. XII в. (тип 1–2–Г — варианты А, Б)¹⁸.

Тип III (275 фрагментов; рис. 3: 8–16). Вероятно, развивается из поздних вариантов — Д, Е — горшков II типа. Приземистые горшки с широким туловом; с венчиком, отогнутым наружу, край

которого заострен и загнут внутрь, образуя с внутренней стороны ложбинку.

Орнаментация — как правило, несколько линий по плечу, Ранние варианты (А, Б) не выходят, видимо, за рубеж XII–XIII вв. (13–14 пласт), а остальные (В, Г, Д, Е) — наиболее характерны для середины — второй половины XIII в., с выходом в XIV в. В слое второй половины XIII в. составляет то 31 до 38% всех горшков (рис. 2).

Тип IV (566 фрагментов; рис. 4: 1–5). Наиболее распространенный (35–62%) тип горшков не только в Пскове, но и на всем Северо-Западе. Появляется со второй четверти XIII в., составляя 35% всей керамики 12-го пласта. К этому времени вырабатывается форма горшка: приземистый (ширина составляет 2/3 высоты и даже больше), широкодонный с невысокой шейкой, иногда с четко выраженным плечиком. Орнаментация (2–3 линии, волна) располагается на плечике сосуда. У горшков этого типа венчик сильно отогнут наружу, край его утолщен, закруглен, образуя валик, и отогнут внутрь, образуя канавку. Наиболее ранние и распространенные варианты — А, Б, В, появившись в XIII в., бытуют весь XIV в. Поздние варианты (Д, Е) с укороченным венчиком и почти полным отсутствием шейки составляют от 12 до 8% в слоях XV–нач. XVI в.

Горшки этого типа появились в древнерусских городах в XII–нач. XIII в. и являлись самым распространенным типом домонгольской керамики¹⁹. В Новгородской земле этот тип получил широкое распространение в XIV–XV вв. В Новгороде (V по Г.П. Смирновой) появился в конце XIII в. и существовал в XIV–XV вв.²⁰ В городах Новгородской земли в XIV–XV вв. это — доминирующий тип горшков. Так, в крепости Орешек в I пол. XV в. он составляет до 70–80% всех горшков, а поздние варианты встречены и в слоях XVI в.²¹

Тип V (327 фрагментов; рис. 4: 6–12). Появляется со II четв. — сер. XIII в. Самые ранние варианты А, Б бытуют до I пол. XIV в. Вариант В появляется в нач. XIV в. и заканчивают свое существование в XVI в. Вариант Г появляется на рубеже XIII–XIV вв. и бытует вплоть до XVII в. Поздние (Д, Е) — появляются в XVI в. и встречаются в слоях XVII в. У горшков этого типа (ранние варианты А, Б, В) довольно высокий, слабо отогнутый наружу венчик, край которого заострен или закруглен. Шейка хорошо выделена. Поздние варианты (Д, Е) — невысокий, с закругленным или утолщенным краем венчик, со слабо выраженной шейкой.

Самые ранние варианты А, Б по своей форме (высокие, со слегка расширенным туловом, высокой шейкой, покрытые орнаментацией на 1/3 тулова) бытуют до

рубежа XIII–XIV вв., а получают наибольшее распространение в середине XIII в. Наиболее близки по оформлению к горшкам II–III типов. С рубежа XIII–XIV в. изменяются пропорции горшков. Они становятся приземистыми, с широко раздутым туловом, короткой шейкой. Вариант В, отличающийся четко выраженным плечиком, появляется на рубеже XIII–XIV вв. и бытует до рубежа XV–XVI в. (от 7,8 до 2,1%). Варианты Г, Д, Е характерны для слоев кон. XV–XVII вв. Горшки этого типа составляют от 7 до 12% в слоях II пол. XIII–XIV вв. (варианты А, Б, В). Поздние варианты (Г, Д, Е) — от 8 до 4%.

Тип VI (324 фрагмента; рис. 4: 13–18). Невысокие, приземистые горшки с широким туловом (соотношение высоты к ширине 1:2), с четко выраженным плечиком и шейкой. Край венчика, треугольный в сечении, заострен, оттянут наружу и утолщен, с внутренней стороны — широкая канавка, приспособленная под крышку.

Основной вариант Г появляется на рубеже XIII–XIV вв. и бытует весь XV в. В XVI в. он выходит из употребления. Варианты А, Б, В характерны для II пол. XIV — I пол. XV в. К концу XV в. они исчезают. Вариант Д бытует в XV–XVI вв., а вариант Е появляется только в XVI–XVII вв. Ранние варианты этого типа характерны только для городов Псковской земли (варианты А–Г).

Тип VII (443 фрагмента; рис. 5: 1–7). По своей форме горшки VII типа близки к вышеописанной группе. Отличаются отсутствием ложбинки по краю венчика и менее выраженным плечиком. Горшки этого типа появляются на рубеже конца XIV — нач. XV в. и наибольшую популярность получают в XVI в. Выделено 7 вариантов.

Варианты А, Б, появившись в середине XIV в., исчезают в XVI в., скорее всего в первой его половине, так как в раскопе на ул. Первомайской они уже не встречаются. Вариант В — очень немногочисленный в раскопе на ул. Ленина (6 фрагментов), видимо, появляется в XV в. и к началу XVI в. исчезает. Варианты Г, Д, Е, появившись во II пол. — конце XIV в., получают наибольшее распространение в XV — первой половине XVI в. и бытуют вплоть до середины XVII в.

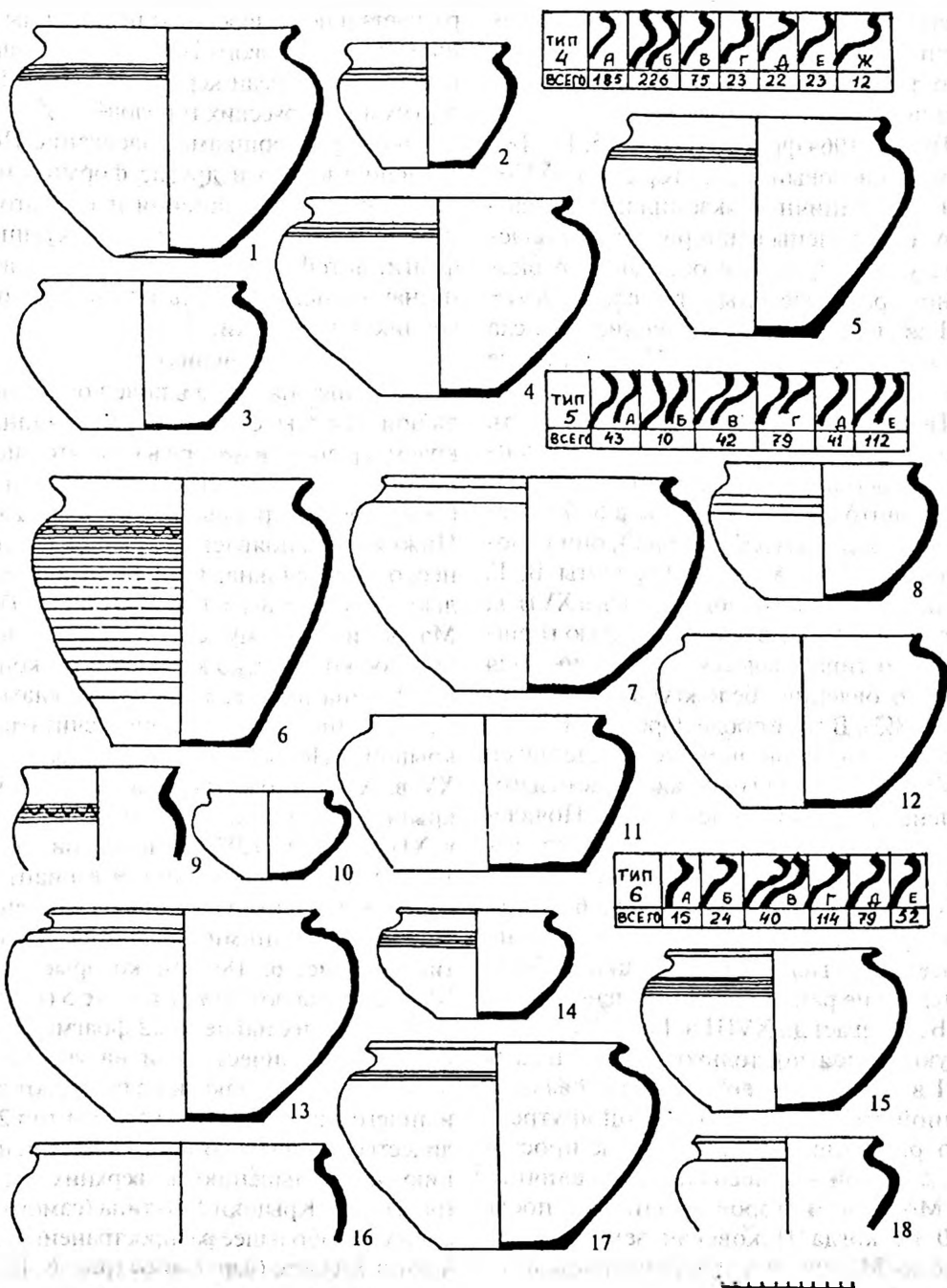

Рис. 4.

Горшки: 1-5 — тип IV; 6-12 — тип V; 13-18 — тип VI

Тип VIII (990 фрагментов; рис. 5: 8-12). Невысокие, с широким округлым туловом горшки. Высота, как правило, составляет $1/2$ диаметра тулова. Дно широкое, плоское, более $1/2$ диаметра венчика. Венчик — треугольный в сечении, с заостренными верхним и нижним краями. Ложбинка с внутренней стороны венчика отсутствует. Выделено 5 вариантов, из них наиболее поздние (варианты Г и Д) встречаются в единичных экземплярах.

Характерен в основном для поздних слоев (раскоп на ул. Первомайской). На ул. Ленина в небольшом количестве встречается в пластах 6-7 (XV-XVI вв.) — варианты А, Б. Наиболее ранним и самым массовым ($2/3$ от общего числа горшков этого типа) является вариант А. Появившись в XV в. (видимо, в конце), наибольший расцвет приобретает в XVI в., а в XVII в. начинается его затухание. Варианты Б и В наибольший расцвет получают в XVII в. и,

вероятно, выходят в XVIII в., так же как и вариант Д. Отметим, что среди горшков этого типа в поздних слоях появляются горшки с зеленой поливой.

Тип IX (1064 фрагмента; рис. 5: 13–18). Самый массовый тип горшков XVI–XVII вв. Единичные экземпляры вариантов А, Б встречены в материалах 6–7 пласта на ул. Ленина. Все остальные равномерно распределены в слое XVI–XVII вв., и некоторое увеличение их числа даже наблюдается в конце XVII в. (кроме типов Д, Е).

Тип X (87 фрагментов; рис. 6: 1–6). Один из наиболее поздних и малочисленных типов горшков. Единичные фрагменты вариантов А, Б встречены в 6–7 пластах на ул. Ленина (XV–XVI вв.), они используются в XVI–XVII вв. Варианты В, Г, Д — более поздние и, появившись в XVII в., выходят и в XVIII в. Особенностью горшков этого типа является применение для их изготовления беложгущейся глины (0,3–1,8%). В Новгороде, Орешке, Кореле этот тип горшков широко представлен в XV–XVI вв., значительная их часть изготовлена из беложгущейся глины. Появление этого типа в Пскове несомненно связано с новгородской традицией.

Тип XI (166 фрагментов; рис. 6: 7–12). Пожалуй, наиболее поздний по времени появления в Пскове тип горшков. Появляется он не ранее XVI в. Основным вариантом Б доживает до XVIII в. Варианты А и В бытуют, вероятно, только в XVI — начале XVII в. Появление его в Пскове связано, с одной стороны, с динамикой внутреннего развития (от сложному к простому), с другой — с несомненным влиянием Москвы, которое усилилось после 1510 г., когда Псковская земля вошла в состав Московского централизованного государства.

Подведем итоги. В конце XII–XV вв. в Пскове бытуют 7 типов горшков (I–VII) (рис. 2). Горшки I–III типов характерны в основном для XII–XIII в. Формы типов IV–VII представляют основную массу керамики XIV–XV вв. и в отдельных вариантах выходят в XVI в. Горшки типов VIII–XI появляются на рубеже XV–XVI вв. и доминируют в XVI–XVII вв. с выходом в XVIII в. Статистические подсчеты по пластам дали возможность определить для каждого хронологического периода самые характерные типы и варианты, динамику их появления,

расцвета и исчезновения (рис. 2). Типы горшков средневекового Пскова имеют широкие аналогии среди керамики XII–XVII вв. других древнерусских городов²².

Наряду с горшками, население Пскова использовало и другие формы глиняной посуды для хранения и приготовления пищи: крышки, миски, кувшины, фляги, штофы, корчаги. Количество ее незначительно — ~ 5% от общего числа венчиков керамики.

Крышки

Делались на круге в виде конуса небольшой высоты с сильно распластанным краем и ручкой в центре в виде утолщения с отогнутым краем. Диаметр ручки от 3 до 6 см, а диаметр крышки от 8 до 26 см. Нижняя дата появления крышек в Пскове несколько условна. Они появляются только на уровне 8-го пласта (II пол. XIV в.). Малое и поэтому статистически недоступное количество крышек в раскопе на ул. Ленина не дает право утверждать это категорично. Автор склонен считать, что крышки в Пскове появились не ранее нач. XV в. Хотя в южных и западных землях крышки широко использовались в XII–XIII вв. (283 фрагментов; рис. 6: 13–22). Выделено 4 типа, 9 вариантов, 7 из них встречены в раскопе на ул. Ленина. Наиболее ранними являются крышки типа 3 (рис. 6: 18–20), которые в слое XV в. составляют 50%, в пласте 5 (ул. Первомайская) их найдено 22 фрагмента (т.е. 2/3 от их количества), и на уровне 4–3 пластов они исчезают и не получают дальнейшего развития. Затем следует тип 2, количество крышек которого имеет тенденцию к уменьшению в верхних пластах (рис. 6: 15). Крышки 1-го типа (самого массового) наибольшее распространение получают в 3 пласте (вар. А и Б) (рис. 6: 13–14). Самыми поздними являются крышки типа 4, которые по своей форме несколько отличаются от 1-го и 2-го и стилистически близки к типу 3. По своим размерам они меньше, среди них много поливных, имеют две формы ручек. Такие крышки использовались, видимо, для столовой посуды. Во втором пласте их количество несколько увеличивается (рис. 6: 16, 21).

Миски

Разнообразны по форме, размерам и функциональному назначению: для еды, приготовления и хранения пищи и т.д. Количество фрагментов мисок невелико, для

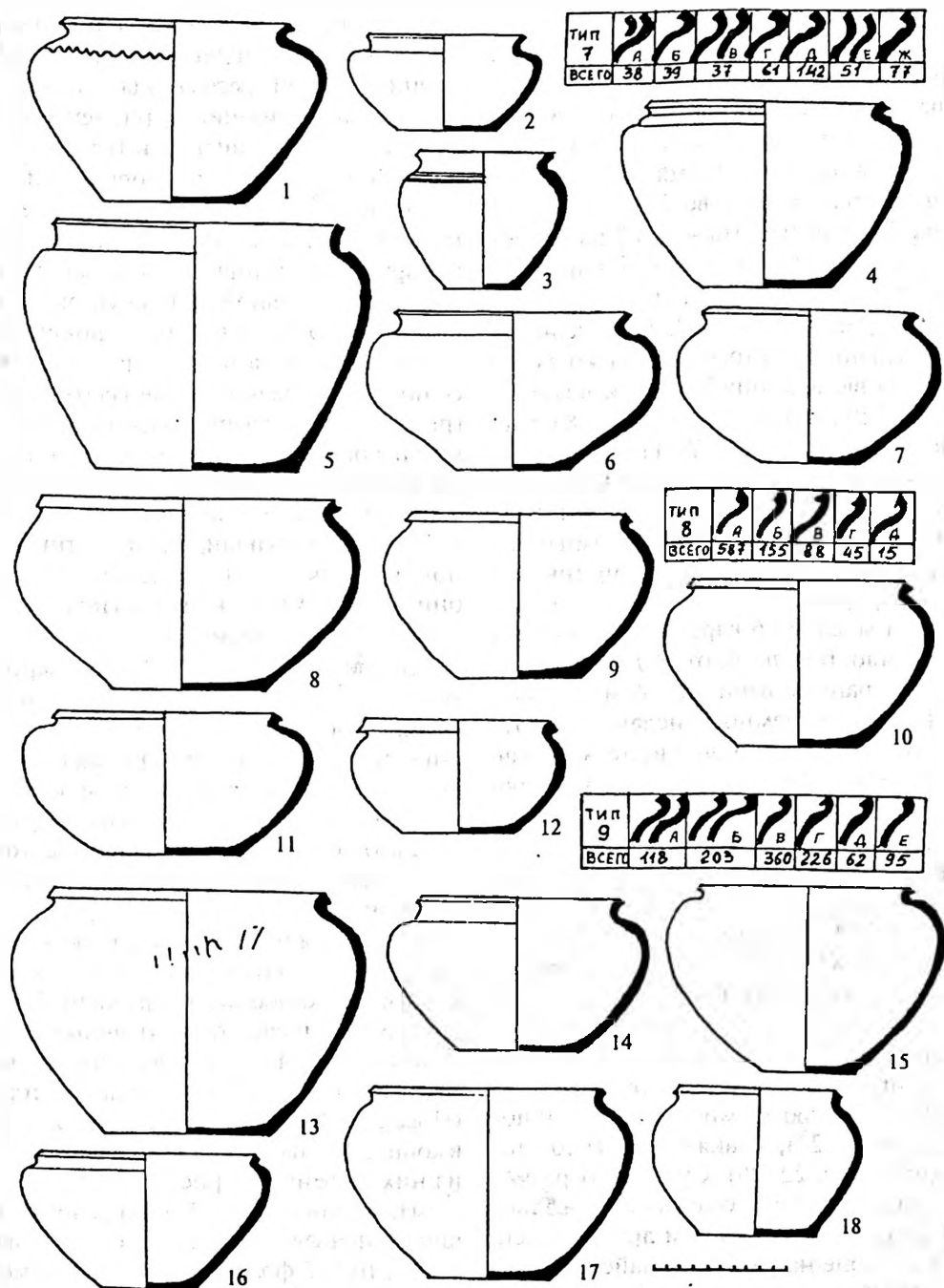

Рис. 5.

Горшки: 1-7 — тип VII; 8-12 — тип VIII; 13-18 — тип IX

более достоверной картины в статистику были включены материалы из раскопок на ул. Первомайской в 1982 г. и на ул. Ленина в 1984 г. По оформлению верхней части выделено 4 типа и 14 вариантов (172 фрагментов; рис. 7: 1-25).

Тип I (43 фр-та — 45,7%) — 3 варианта (рис. 7: 1-3). По своему облику напоминают горшки, но диаметр их в 2-3 раза больше высоты. Дно на небольшом поддоне (диаметр мисок 18-22 см). Дата

с нач. XIII до середины XIV в. и позже. В Новгороде²³ появляются в XIII в. и бытуют до XIV в. На их форму, вероятно, повлияли деревянные миски и блюда, известные в Новгороде с X-XI вв.²⁴

Тип II (64 фрагмента — 38,2% на ул. Ленина, 35% на Первомайской; рис. 7: 4-7). Миски в форме усеченного конуса с прямыми или округлыми стенками. Диаметр 8-16 см, высота 2-6 см. Скорее, это «блюдца» или «плошки». Вариант А —

XIII в. *Вариант Б* («блюдца») — с XI—XIII в., до второй половины XIV в. *Вариант В* — наиболее поздний. В единичных экземплярах встречен в слоях конца XIII в. и бытует вплоть до XVII в., число их в позднее время значительно увеличивается (до 50% во 2 пласте).

Тип III (3 фрагмента — 3,5% на ул. Ленина, 14 — 17,5% на ул. Первомайской). Сравнительно небольшие, высокие, чащеобразные (рис. 7: 8—10, 18, 19), очень многочисленные, встречены только в слое XVI—XVII вв. К концу XVII в. исчезают.

Тип IV (9 фрагментов — 11%, 38 фрагментов — 47,5%; рис. 7: 11—12, 14—15, 22—23). Образцы этого типа самые многочисленные и наиболее поздние. Отличается от предшествующих округлыми стенками, край которых отогнут внутрь. По своему оформлению довольно разнообразный. Выделено 6 вариантов. Диаметр, как правило, большой: от 16 до 24—26 см. Наиболее ранние варианты А и Б. *Вариант А* — очень немногочисленный. Дата — кон. XIII—XVI вв., скорее всего XV — нач. XVI в. Это небольшие «черпачки» или «ковши». Все они имеют загнутую вверх ручку, овальную в сечении, длиной 6 см, диаметром 1,5—2 см (рис. 7: 16). *Вариант Б*. Скорее всего появляется во второй половине XIV в. и бытует до конца XVII в. с выходом в XVIII в. Остальные варианты (В, Г, Д) — наиболее поздние (5—3 пласты — XVI—XVII вв.), а *вариант Е* — не ранее середины XVII в. с выходом в XVIII в.

Среди мисок IV типа (варианты В, Г) в XVII в. появляются миски с зеленой поливой (рис. 7: 23), а также сосуды со сливом (рис. 7: 20, 22, 25). Судя по их размерам и следам нагара, они использовались для приготовления пищи и других целей. Так, в раскопе на ул. Первомайской была найдена миска диаметром 50 см и высотой 12 см с трубчатым сливом. Толщина стенок достигала 1,5—2 см. Вероятнее всего, она использовалась как таз (рис. 7: 25). Там же найдены и овальные в плане миски-латки. Они аналогичны современным и использовались, вероятно, для тушения овощей и мяса.

Подводя итоги, мы можем констатировать, что в XIII—XIV вв. использовались миски 5—6 вариантов, в XV в. — 5 вариантов, в XVI—XVII вв. — 9 вариантов, причем, если в ранний период наблюдается значительное разнообразие форм и, вероятно,

назначения мисок, то в более позднее время основные различия отмечаются в оформлении верхней трети сосуда — налицо сильная стандартизация. Орнаментированы в основном лишь миски I и II типов — линейный и волнообразный орнаменты.

Кроме мисок, среди керамического материала XVI—XVII вв. в Пскове были обнаружены единичные фрагменты сосудов прямоугольной или круглой формы высотой 2—3 см. Внутри они покрыты зеленой поливой, а на дне оттиснуто рельефное изображение. Чаще всего — птица (рис. 7: 21) или зверь. В одном случае выявлены остатки круговой надписи. По нашему мнению, это остатки глиняных форм для выпечки пряников. Деревянные пряничные доски широко известны по этнографическим материалам. Найдены они и во время раскопок в Новгороде²⁵.

Кувшины

Высокие сосуды (16—30 см) с округлым туловом, узким горлом диаметром от 6 до 14 см. Горло снабжено сливом. В верхней части — ручка, овальная или круглая в сечении. На Северо-Западе Руси кувшины появляются в XII — нач. XIII в. и наибольший расцвет получают в XIV—XVI вв., скорее всего под влиянием восточных импульсов: Волжской Булгарии, а затем и Золотой Орды. На это указывают форма сосудов, сорт глины (преимущественно красножущаяся), лощение как способ обработки поверхности. В конце XVI—XVII в. появляются кувшины с зеленой поливой. Сосуды, изготовленные из беложущейся глины, в Пскове и других городах (Новгород, Москва и т. д.) появляются лишь в конце XV — нач. XVI в.²⁶ (100 фрагментов, из них 44 венчика; рис. 8: 1—15).

На раскопе на ул. Ленина обломки кувшинов появляются с 11 пласта — 3 фрагмента, 10 — 3 фрагмента, 9 — 2 фрагмента, 8 — 6 фрагментов, 7 — 4 фрагмента, 6 — 5 фрагментов, т. е. со второй половины XIII в. Не исключено, что некоторые из них попали в нижние слои из перекопа. Немногочисленность и фрагментарность материала не позволяют дать четкую типологию и хронологию этой коллекции.

Тип I (2 фрагмента) — 13 и 8 пласты. Кувшины с рифленным горлом. В Новгороде, Орешке, Кореле они появляются со второй половины XIV в., что не противоречит дате 8-го пласта (рис. 8: 12).

Тип II (10 фрагментов). Все кувшины этого типа поливные. В основном

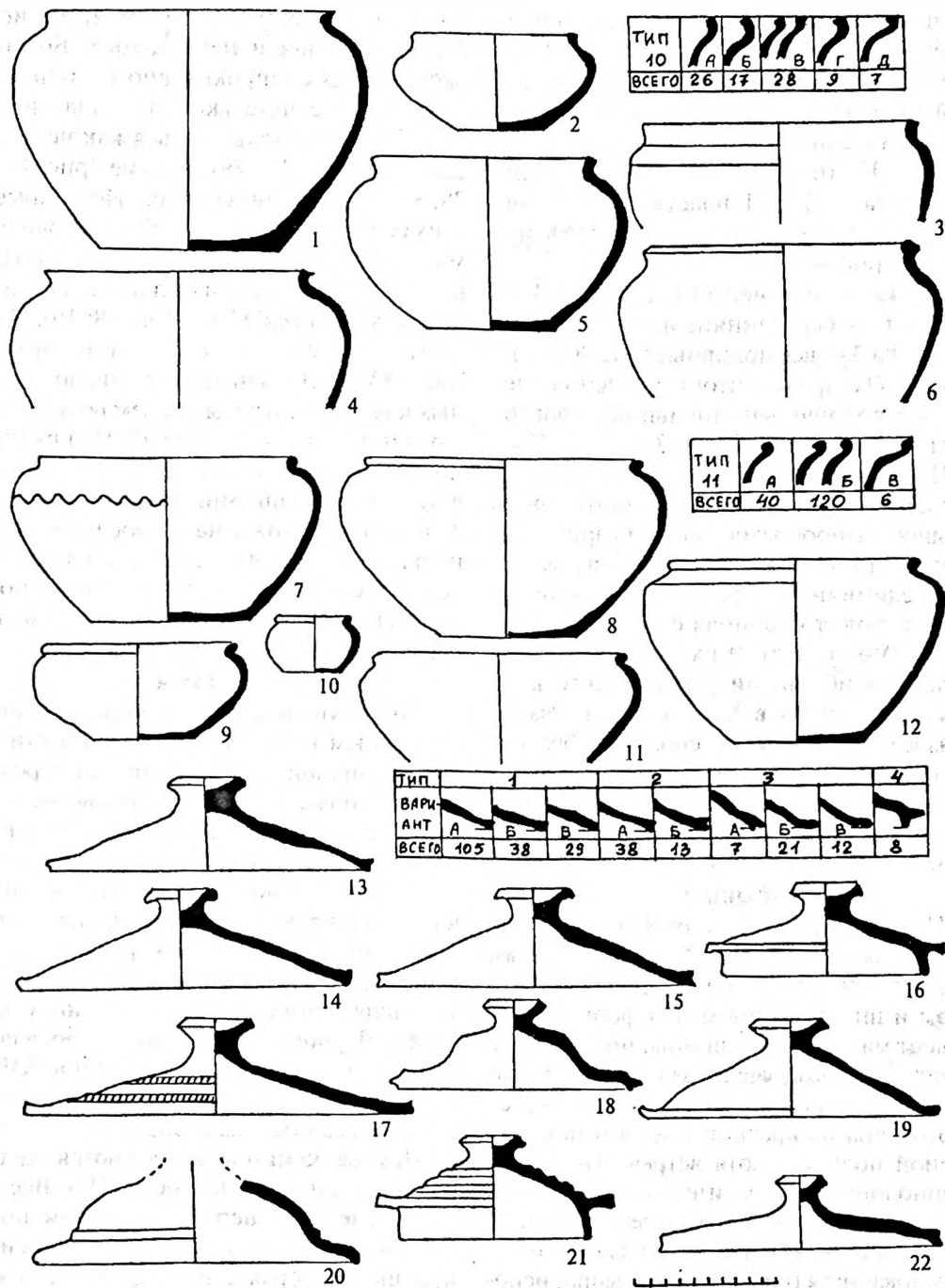

Рис. 6.

Горшки: 1-6 — тип X; 7-12 — тип XI; 13-22 — крышки.

встречены в раскопе на ул. Первомайской и лишь 2 фрагмента (8 и 9 пласты — вар. Г) — на ул. Ленина (рис. 8: 13, 15). Близок к ним (вар. А) белоглиняный кувшин (рис. 8: 2), найденный в 1980 г. на ул. Гоголя (раскопки А.А. Александрова). Он идентичен кувшинам XVI в. из Новгорода, Орешка, Корелы и, вероятно, привозной.

Tun III (1 фрагмент в раскопе на ул. Первомайской). Белоглиняный (рис. 8: 6). В I см

от края горла с внутренней стороны видны следы глиняной перемычки, в которой у слива было отверстие. Подобные небольшие белоглиняные сосуды известны в Новгороде (Троицкий раскоп). Видимо, использовались для хранения жидкости, может быть, масла. Похожий сосуд найден в верхних слоях XV—нач. XVI в. древнего Мстиславля²⁷.

Tun IV (19 фрагментов). Как поливные, так и неполивные. Лишь один вариант

В (3 фрагмента) — неполивной, и, видимо, более ранний (XV — начало XVI в.). Вариант А (2 фрагмента, один из них серолощенный) (рис. 8: 3, 8). Ранее VII пласта практически не встречены.

Туп V (6 фрагментов). Вариант А (2 фр-та — 10–11 пласты, сероглиняный), вариант Б — все поливные, 8 и 3 пласты) (рис. 8: 1, 11).

Туп VI (6 фрагментов). Вариант А — 10–11 пл. — сероглиняный, вариант Б — пласты 8 и 3 — все поливные (рис. 8: 5, 7).

Туп VII (6 фрагментов). 3 краснолощенные, 1 серолощенный, поливной, сероглиняный — пласты 6–7 и 5–3 (рис. 8: 10).

Несмотря на небольшое количество фрагментов, мы можем констатировать большое разнообразие типов и вариантов. Если в ранних слоях XIII–XIV вв. встречены единичные фрагменты кувшинов I и IV типов, то начиная со второй половины XIV в. (пласт 8) их количество возрастает. Наибольший расцвет этого вида посуды наступает в XVI–XVII вв. Разнообразие форм, размеров, способов обработки поверхности (лощение, полива) говорят о более широком применении в быту. Их использовали не только для хранения, но и в качестве столовой посуды.

Кубышки

Небольшие, высотой от 8 до 15 см, сосуды с узким (3–5 см) воронкообразным горлом, яйцевидным или шаровидным туловом и широким дном. По форме напоминают маленькие кувшины, но в отличие от них не имеют ручек и за редким исключением — слива. Большая часть кубышек изготовлена из красной глины и покрыта зеленой поливой, хотя встречаются серо- и чернолощенные. Значительная часть кубышек украшена простым орнаментом: линия, волна (рис. 8: 24) или более сложным — штампованным (рис. 8: 17). Кубышки использовались как столовая посуда для напитков (19 фрагментов; рис. 8: 17, 23–24, 26).

Чернолощенные кубышки появляются в Москве в конце XV–XVI в. и наибольшее распространение получают в XVII в.²⁸ В Пскове кубышки были менее распространены и встречаются в небольших количествах в слое конца XVI–XVII в. в различных частях города. Истоки появления этого вида керамики надо искать в привозных металлических и стеклянных сосудах.

Кроме кубышек в Пскове встречены и маленькие сосудики самого различного

вида и назначения, как поливные (рис. 8: 18–19, 25), так и неполивные. Большая часть из них с широким дном, узким горлом, часто с петелькой для подвешивания. Могли использоваться как чернильницы (рис. 8: 18, 29). Другие (рис. 8: 26, 28, 30) — в качестве солонок. Некоторые из этих сосудов использовались для хранения монет. Так, в Пскове в небольшом поливном сосуде с крышкой был найден клад серебряных копеек XVI в. (рис. 8: 19). В период польско-шведской интервенции (нач. XVII в.) значительное число монетных кладов было зарыто в землю в кубышках или маленьких сосудах²⁹. Не исключено, что некоторые маленькие сосуды были детскими игрушками, так как по своей форме они похожи на «взрослую» глиняную посуду. Подобные сосудики были выделены автором среди керамики крепости Орешек в слоях XIV–XV вв., часть из них была вылеплена от руки и обожжена.

Кумганы

Это кувшины с округлым туловом и длинным носиком. В верхней части носик глиняной перемычкой прикреплен к краю горла. С другой стороны сосуда — большая петлевидная ручка, плоская в сечении (6 фрагментов). Ранние кумганы — с высоким горлом, плавно переходящим в тулово (рис. 8: 22). Более поздние — с широким туловом и более коротким горлом (рис. 8: 16). По своей форме они подражают металлическим восточным кувшинам-кумганам. Чернолощенные кумганы появляются в Москве в XV–XVI вв. В конце XVII в. в Москве распространены чернолощенные и поливные кумганы с широким туловом³⁰. В Пскове кумганы встречаются крайне редко, в основном в слое XVII в. Все они поливные, украшенные сложным штампованным орнаментом. Один из них имел крышку, которая с помощью петли крепилась к ручке сосуда (рис. 8: 22).

Фляги

Дисковидные сосуды для хранения жидкости в пути (47 фрагментов; рис. 9: 1–9). Они являлись необходимым атрибутом походного снаряжения воина-стрельца в XVI–XVII вв. Их носили на ремне у пояса. Судя по стратиграфии, фляги появились в XVI в. после присоединения Пскова к Москве. Большая их часть найдена в раскопе на ул. Первомайской, и многочисленные фрагменты (18) — в верхних пластах раскопов на ул. Ленина

ТИП	1			ВСЕГО	2			ВСЕГО	3			ВСЕГО	4					ВСЕГО	Итого	
ВАРИ-АНТ	А	Б	В		А	Б	В		А	Б			А	Б	В	Г	Д	Е		
ВСЕГО	13	6	25	44	9	21	34	64	6	11	17		6	17	13	5	3	3	47	172

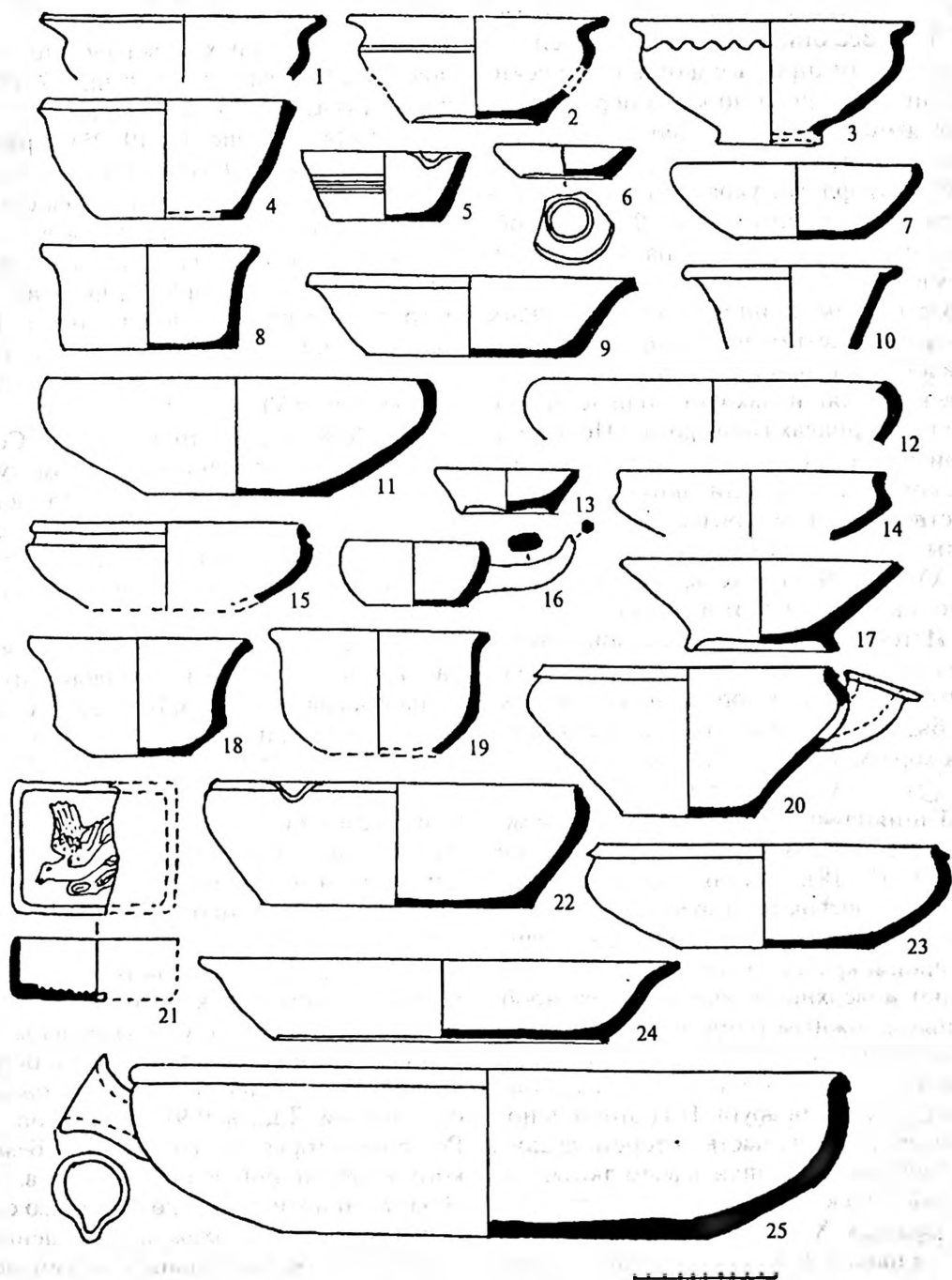

Рис. 7.

Миски: 1-3 — тип I; 4-7, 13 — тип II; 8-10, 17-19 — тип III; 11-12, 14-16, 20, 22-25 — тип IV

(рис. 9: 1-9). Неоднократно они встречались и на других раскопках средневекового Пскова. Фляги изготавливались на круге из двух половинок, которые соединялись потом с помощью центральной ленты. К тулову примазывались горло, ручки, поддон.

Все они одной формы: дисковидные, овальные в разрезе с прямоугольным поддоном, с ребрами по окружности и двумя ручками-налепами со сквозными отверстиями. В поддоне также два отверстия-канала для продевания ремешка, на

котором носили эти сосуды. Диаметр их 12–20 см, хотя в 1984 г. на раскопе VI (ул. Ленина) были найдены обломки фляги диаметром более 35 см. У фляг узкие (2–3 см) и короткие горлышки с раструбом. Все они украшены орнаментом: в основном простые концентрические линии в центре, а по краю переплетающиеся между собой восьмеркообразные линии. Лишь в одном случае встречен фрагмент фляги, украшенный спиралевидным орнаментом (рис. 9: 7). Подобный орнамент имеется на чернолощеных и поливных флягах из Москвы и датируется там концом XVI — началом XVII в. Отметим, что псковские фляги близки ко второй разновидности московских фляг и находят полные аналогии в материалах Новгорода и Новгородской земли. Две другие разновидности московских фляг отличаются весьма существенно³¹. Все фляги с поддоном найдены в Москве в слое конца XVI — начале XVII в. В это же время появились и поливные фляги этого типа.

Истоки появления сосудов такого типа следует искать на Востоке, где они бытовали с давних пор. В Москве, в Зарядье были найдены обломки красноглиняных хорезмских фляг XIV в.³²

Штофы

Глиняная имитация стеклянной и металлической посуды (12 фрагментов; рис. 9: 10–19). Сосуды прямоугольные в плане, высокие, горло с раструбом (аналогично горлам фляг). Изготовлены из серой и красной глины. Лицевые (широкие) поверхности украшены разнообразным сложным геометрическим орнаментом. Найдены 3 фрагмента штофов, на которых изображены животные, стоящие друг против друга. Под этой сценой в рамке надпись, часть которой удалось расшифровать: «сошлись воем лютый...». Подобные сюжеты часто изображались на изразцах XVII в. Один из обломков штофа найден в 1978 г. в районе Поганкиных палат, второй — на ул. Ленина в 1976 г. Два целых штофа найдены на раскопе на ул. Первомайской в сгоревшей постройке. Отдельные фрагменты встречены также в раскопах на «Романовой горке». Штофы не известны в Москве, вероятно, отсутствуют и в Новгороде. Датируются они серединой — второй половиной XVII в.

Рукомойники

Сосуды с шаровидным туловом и сливом в виде стилизованной головы животного. Большая их часть поливные, полностью покрытые зеленой поливой изнутри и на 1/3–1/2 — снаружи, хотя встречаются и неполивные (59 фрагментов, из них 12 венчиков)³³. Выделены 2 типа (рис. 10: 16–25).

Tun I (4 экз.; рис. 10: 19, 25). Красноглиняные рукомой (неполивные, кроме одного), с довольно высоким плавно изогнутым горлом, край которого отогнут наружу и косо срезан внутрь (диаметр — 10–12 см). Тулово широкое, шаровидное. У горла большая петлевидная ручка. Носик массивный, короткий, в виде головы животного. Тип I более ранний, найден в слоях XV–XVI вв.

Tun II (8 экз.; рис. 10: 18, 20–21). Сосуды с прямым невысоким венчиком, тулово широкое, горшковидное. По бокам в верхней части тулова прикреплены 2 ушка для подвешивания. Носик (один или два) менее массивный и более длинный, так же оформлен в виде головы животного. Все они, кроме одного фрагмента, покрыты зеленой поливой внутри и снаружи на 1/3 сосуда. Большая их часть найдена в верхних слоях. Так, в слое пожара конца XVII в. (раскоп на ул. Первомайской) был найден целый сосуд с остатками железной цепи, продетой в петлевидные ушки (рис. 10: 20). Рукомойники типа I, судя по расположению ручки, не подвешивались. Они отличаются от рукомойников конца XV — XVI в., известных в Москве³⁴. Образцы типа II аналогичны чернолощеному московским рукомойникам XVII в. Как правило, они украшены линейным и волнистым орнаментом. Встречаются экземпляры и с более сложным орнаментом. Так, в 1991 г. в раскопе на Романовой горке (по данным С.В. Белецкого) в слое второй половины XVII в. был обнаружен поливной рукомойник со сливом в виде головы барана, украшенный циркульным и треугольным штампованным орнаментом. Тулово сосуда было украшено налепными скульптурными изображениями головы человека. Рукомойник закрывался крышкой, аналогичной изображенной на рис. 8: 19.

Антропоморфные скульптурные изображения на сосудах в Пскове встречены впервые. Не исключено, что здесь свое влияние оказала привозная посуда из так

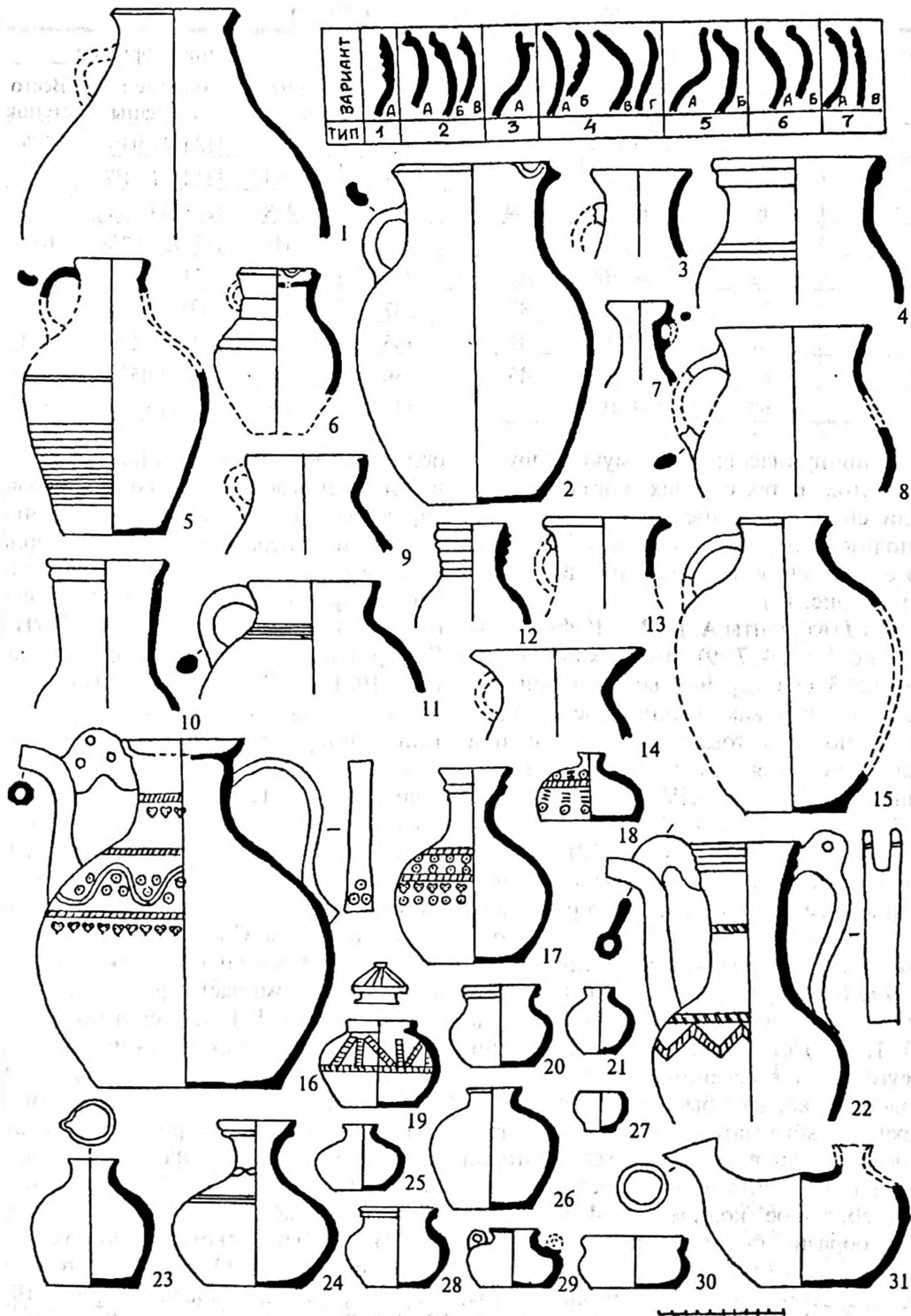

Рис. 8.

Кувшины — 1-15; 16, кумганы — 22; кубышки и миниатюрные сосуды — 17-30; «соловей» — 31.

называемой «каменной массы», получившая в нашей литературе наименование «рейнская керамика», в частности сосуды из Фрехена. Подобные изображения были встречены на изразцах XVII в., обнаруженных в раскопе на ул. Ленина.

Корчаги

Это большие сосуды с диаметром горла от 16 до 25 см, шириной тулова 30-45 см, высотой 30-50 см. Толщина стенок — 0,8-1,2 см (19 фрагментов). Судя по размерам, эти сосуды использовались для

Таблица 2 (ул. Ленина, 1976 г.)

пласт	Венчики горшков				Стенки горшков		
	неорнамен- тированы	орнамен- тированы	Обломки	Всего венчиков	неорнамен- тированы	орнамен- тированы	Всего стенок
14	1	25 / 96,15%	59	83	192	184/48,93%	376
13	2	27 / 93,1%	79	108	299	214/41,71%	513
12	6	56 / 90,37%	144	206	438	288/39,66%	726
11	9	50 / 84,74%	147	206	541	152/21,93%	693
10	22	143 / 86,66%	163	328	1344	231/15,44%	1496
9	21	103 / 83,06%	83	207	673	116/14,7%	789
8	31	77 / 71,2%	37	145	230	24/9,44%	254
7	80	50 / 40,74%	45	180	559	49/8,05%	608
6	60	28 / 31,81%	27	115	289	14/4,62%	303

хранения припасов: зерна, муки и других продуктов. В тех случаях, когда корчаги были снабжены сливами, они вероятно использовались для хранения жидкостей. По оформлению края венчика выделено 3 типа (рис. 11).

Тун I (варианты А, Б, В — 10 фрагментов; рис. 11: 1, 4, 7—9). Это сосуды с высоким (2—3 см) вертикальным венчиком, край которого, как правило, срезан горизонтально. Изготовлены из серой или красножгущейся глины. В основном найдены в слоях конца XIV—XV вв.

Тун II (варианты А, Д, Е, Г — 7 фрагментов; рис. 11: 2—3, 5—6, 11—12). К этому типу относятся сосуды с невысоким, утолщенным венчиком, край которого косо срезан и отогнут внутрь. Среди них встречаются сосуды из беложгущейся глины.

Тун III (2 фрагмента; рис. 11: 13). Сосуды яйцевидной формы с толстыми (до 1,0—1,5 см) стенками. Венчик короткий, треугольный в сечении, отогнут наружу. Подобные корчаги были встречены среди керамического материала городов Новгородской земли, в частности, в слоях второй половины XIV—XV вв. в крепости Орешек.

Небольшое количество фрагментов, разнообразие форм венчика позволяют говорить об отсутствии массового производства этого вида керамической тары. Скорее всего они изготавливались на заказ. Среди фрагментов встречены

обломки с зеленой поливой и следами лощения. Некоторые сосуды были орнаментированы (волна, ногтевидные насечки).

Среди керамического материала Пскова в единичных экземплярах встречены и другие виды посуды. В основном они характерны для слоев XVI—XVII вв. Это различные кружки, бокалы, чарки (рис. 10: 1—8). Большая часть из них изготовлена из хорошо отмученной красной глины, покрыта зеленой поливой и украшена рифлением. Высота их — 10—18 см, диаметр — 8—12 см. Интересный сосуд был найден в раскопе на ул. Первомайской (рис. 8: 31): яйцевидной формы, длиной 16 см, диаметром 10 см, с широким дном. В верхней части — невысокое горло диаметром 2 см. Сосуд снабжен носиком, край которого в виде воронки. По своей форме он напоминает чернолощенные сосуды, которые Р.Л. Розенфельд по находкам в Москве интерпретировал как игрушки «соловьи»³⁵. В данном случае мы интерпретируем его как сосуд-поилку для лежачих больных. Обломки второго сосуда этого типа, найденного на этом раскопе в 1982 г., по своей форме близки к московским находкам. В XVII — начале XVIII в. в быту псковичей широко используется поливная керамика, в том числе горшки, миски, крышки (рис. 10: 5, 9—14). В отличие от кухонной посуды, она часто украшена различным орнаментом.

Орнаментация

Один из важных элементов керамического производства. В ранние эпохи орнамент был не только декором, но и нес большую идеологическую и культурно-этническую

нагрузку. В более позднее время он все более превращался в элемент декора, хотя сохранял еще, часто неосознанно, и более древнее значение (этническое и т.д.).

Таблица 3

	Дата слоя	Пласт	Кол-во фрагментов /%	Кол-во комбинаций	Кол-во элементов орнамента	Элементы орнамента
Раскоп на ул. Первомайской	кон. XV–XVII вв.	2	8 / 2,5%	4	2	1, 2
		3	18 / 2,7%	4	3	1, 2, 3
		4	11 / 5,3%	8	2	1, 2
		5	15 / 3,7%	8	2	1, 2
Раскоп на улице Ленина	кон. XV в.	6	28 / 31,8%	12	3	1, 2, 3
	XV в.	7	55 / 40,7%	17	3	1, 2, 3
	II пол. XIV	8	77 / 71,2%	15	3	1, 2, 3
	I пол. XIV	9	103 / 83,1%	24	6	1, 2, 3, 4, 5, 7
	II п. XIII–	10	143 / 86,7%	23	6	1, 2, 3, 4, 5, 7
	XIV в.	11	50 / 84,7%	22	7	1, 2, 3, 4, 5, 6, 7
	I четв. —сер. XIII в.	12	56 / 90,3%	19	5	1, 2, 3, 4, 5, 7
	I четв. XIII	13	27 / 93,1%	19	3	1, 2, 7
XII в.	14	25 / 96,1%	14	3	1, 2, 7	

Нанося орнамент, мастер логично связывал его с формой, подчеркивая им основные детали, линии, объем. Местное своеобразие форм и орнамента гончарных изделий превращается в дальнейшем в основу художественной традиции. Возникновение тех или иных элементов орнамента также тесно связано с техникой выполнения и назначением посуды.

Для круговой керамики Северо-Западной Руси характерны несколько способов нанесения орнамента на сосуд: а) прочерченные с помощью заостренной палочки, ножа на вращающемся сосуде (разные виды линейного и волнообразного орнамента); б) прочерченный с помощью гребенки (многорядный линейный и волнообразный) на вращающийся сосуд; в) штампованный тычковый (или чеканный) а) с помощью палочки, ножа (разные виды ногтевидных и луновидных насечек, ямки) б) треугольные и четырехугольные вдавления.

Для орнаментации керамики использовалось лишь 7 форм орнаментальных элементов: 1 — линия, 2 — волна, 3 — ногтевидные и овальные насечки, 4 — ямки, 5 — треугольные насечки, 6 — косые черточки, 7 — прямоугольный штамп.

Для статистических подсчетов были использованы как венчики, так и обломки стенок сосудов. Причем для повышения точности (по возможности) из статистики были исключены те обломки

венчиков, которые по своей сохранности не могли нести информацию об орнаментации. Учтены материалы двух коллекций из раскопок на ул. Ленина (1976 г.) и на ул. Первомайской (1981 г.) (таблица 2).

Надо учитывать также то, что в статистику (особенно в нижних пластах) могли попасть фрагменты сосудов, сохранивших орнамент не целиком, что, конечно, в какой-то степени повлияло на результаты статистики (на количество комбинаций).

Нами учтены 57 комбинаций типов орнамента (13 из них встречены только на стенках, 8 — на венчиках) (таблица 3).

Линейный орнамент

Наиболее распространенным был линейный орнамент (22 комбинации) в самых различных сочетаниях: от одной линии, проведенной палочкой по плечикам сосуда, до сплошных тонких расчесов гребенкой, покрывавших почти весь сосуд. Отметим, что для более раннего периода (конец XII — вторая половина XIII в. — пласты 14–12) характерен многорядный линейный орнамент или в виде сплошных расчесов (тонких линий), или редких широких линий, или сочетаний 3–4-х линий, расположенных зонами. Они покрывали от 1/2 до 2/3 сосуда от плечика до придонной части. С конца XIII в. получает широкое распространение тип орнамента, состоящий из 5–8 близко

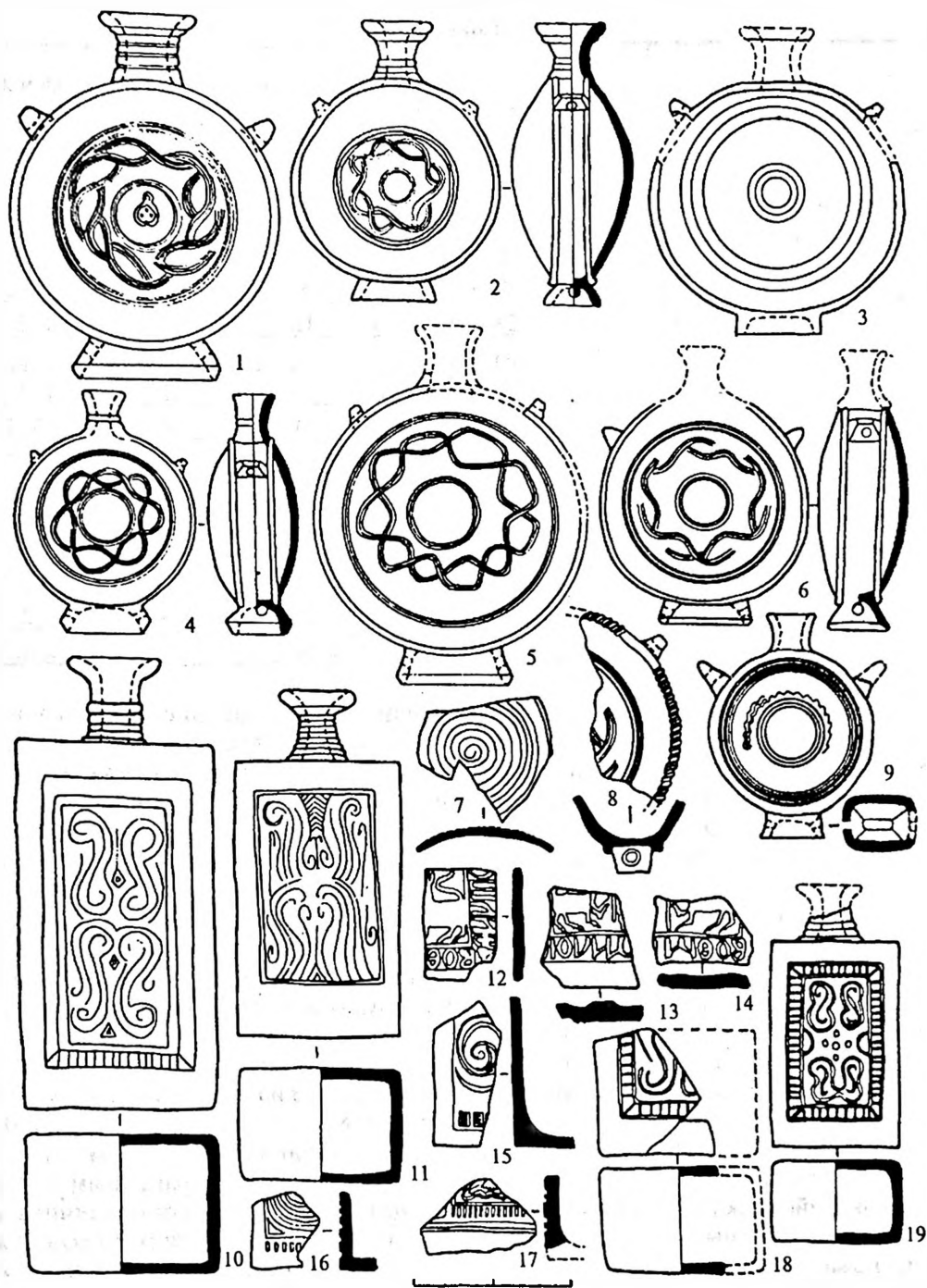

Рис. 9.
Фляги — 1-9; штофы — 10-19

расположенных линий, нанесенных чаще всего гребенкой. Он наносился на плечики сосуда (пласты 12-10).

С начала XIV в. (пл. 10) основным типом становится комбинация линейного орнамента, состоящего из 4-2-х параллельных линий или различных комбинаций из двух сочетаний по 2 линии, 2 и 3 линии (по 9-8 пласт). Однорядная линия встречена

лишь в 7 случаях (3 венчика, 4 стенки) и, судя по другим коллекциям, была характерна для более позднего времени.

В 22 случаях линейный орнамент был встречен в комбинации с другими элементами: волной и насечкой. Таким образом, отметим, что излюбленным элементом декора гончарной посуды Пскова с конца XII в. был линейный орнамент как в чистом

Таблица 4 (ул. Первомайская, 1981 г.)

пласт	Венчики горшков			Всего венчиков
	Неорнаментированный	Орнаментированный	Обломки	
5	395 / 96,34%	15 / 3,7%	532	942
4	197 / 94,71%	11 / 5,3%	164	372
3	653 / 97,31%	18 / 2,7%	320	991
2	308 / 97,46%	8 / 2,5%	326	642
Всего	1553	52 / 3,23%	1342	2947

виде, так и в сочетании с другими элементами. Причем он был распространен с XII по XV в. Любовь псковских гончаров к линейному орнаменту объясняется, вероятно, чисто технологически. При работе на гончарном круге, при массовом производстве нанесение этого типа орнамента требовало меньше всего усилий и времени. Кроме того, исследователи уже неоднократно отмечали, что этот тип орнаментации был наиболее распространенным видом орнамента на памятниках северо-западной и северо-восточной Руси X—XIII вв., а также был распространен и в более поздний период³⁶.

Волнистый орнамент

Второй по распространению (22 комбинации). Отметим, что этот элемент орнамента как самостоятельный в виде одно-, двух-, трехрядной волны, нанесенной, как правило, палочкой (6 комбинаций), характерен только для верхних пластов, начиная с 9 по 6-й (первая половина XIV—XV вв.). В нижних пластах (14—12) он встречается только на пышно декорированных сосудах вместе с линейной орнаментацией (14 комбинаций). Это, как правило, сочетание 2—4-х, реже одной линии волны, нанесенной в основном гребенкой, с многорядным линейным орнаментом. В пяти случаях она расположена выше линейного, а в остальных (7) — в зоне между многорядными линиями, что характерно в основном для более раннего периода. В двух случаях волна прорезана по линейному орнаменту. Лишь на 5 фрагментах (7—6 пласт) встречено сочетание ногтевидных насечек и трехрядной волны. И в одном случае (14 пласт) комбинация прямоугольного штампа, волны и линии.

Ногтевидные насечки

Менее распространенный, наиболее поздний элемент орнамента (8 комбинаций). В сочетании с линейным он встречается в единичных экземплярах (3 фрагмента) в 13—12 пластах и наибольшее распространение получает в 10—9 пластах, а в 7—6

пластах уже не используется. В пяти случаях (наиболее ранних) он сосуществует с линейным орнаментом, в двух — как самостоятельный тип композиции и в одном — вместе с волнообразным орнаментом.

Этот элемент орнаментации не получил в Пскове широкого распространения ни в XIII, ни в XIV—XV вв., хотя в Новгороде он встречается значительно чаще³⁷.

Остальные элементы орнаментации: ямки, треугольные насечки, насечки в виде косой черты и угла, прямоугольный штамп (1 фрагмент) встречены в единичных экземплярах, как правило, в сочетаниях с линейным орнаментом. Видимо, попытки псковских гончаров использовать их для декора не нашли поддержки у потребителя. В более позднее время (XVI—XVII вв.) значение орнамента в Пскове падает. Об этом свидетельствует коллекция керамики из раскопок на ул. Первомайской в 1981 г. (таблица 4).

Из более чем 1600 фрагментов венчиков, найденных в раскопе на ул. Первомайской, оказались орнаментированы лишь 52 фрагмента (3,2%). В это время в Пскове использовалось лишь три элемента орнамента: линейный, волнообразный, насечки. Выявлено лишь 14 композиций орнамента: линейный — 4, волнообразный — 8, ногтевидные насечки — 1 и в одном случае — сочетание двухрядной волны и двух линий (1 фрагмент).

Линейный орнамент представлен на 28 фрагментах сосудов. Наиболее распространенные композиции: двухрядная линия (11 фрагментов), трехрядная линия (8 фрагментов) и сочетание двухкратного повторения двух линий на некотором расстоянии друг от друга (8 фрагментов). Линейный орнамент был характерен преимущественно для керамики 4—3 пластов.

Волнообразный орнамент зафиксирован на 22 фрагментах сосудов. Наиболее распространена однорядная волна, нанесенная палочкой и отличающаяся

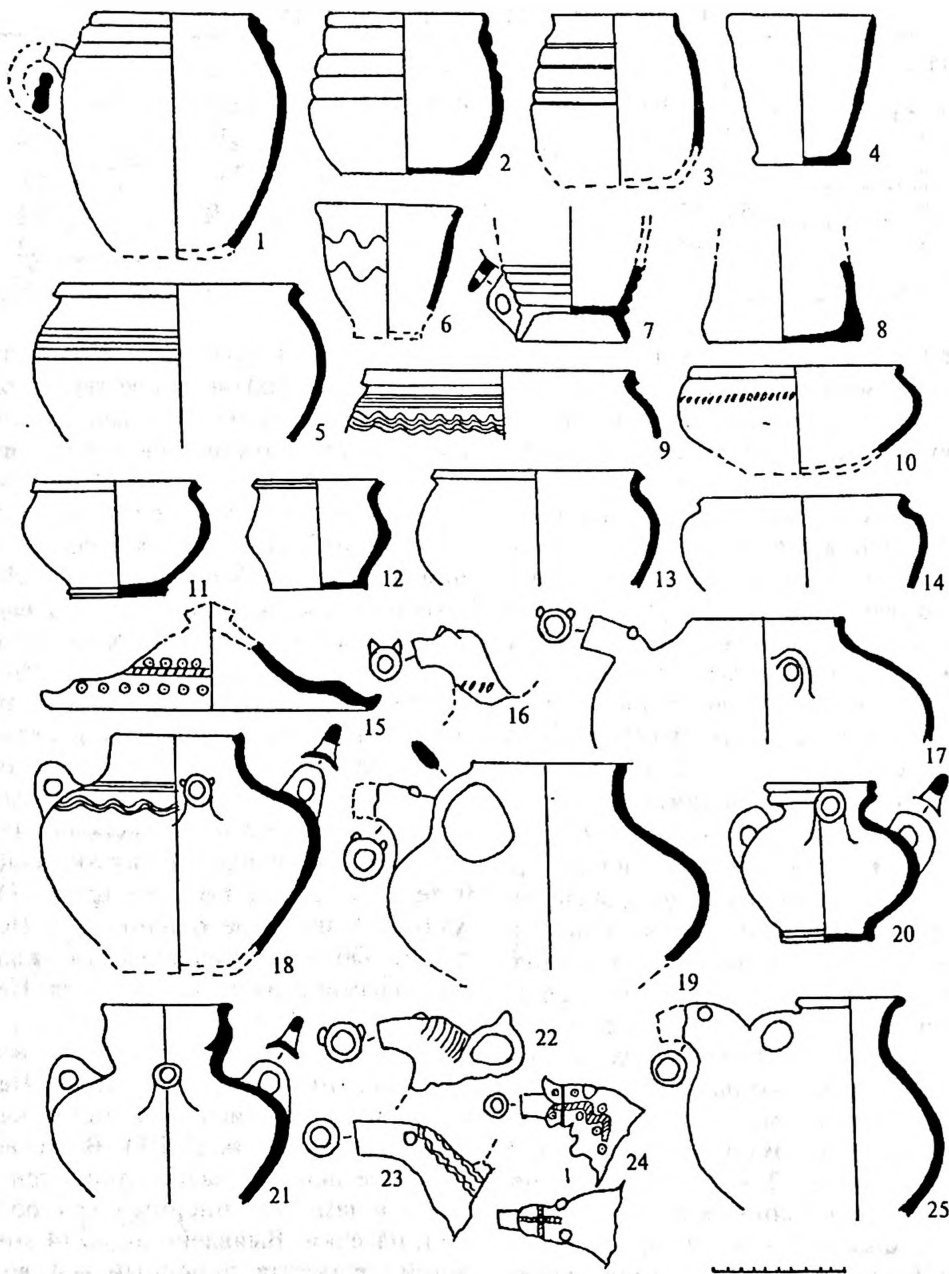

Рис. 10.

Кружки, бокалы — 1–4, 6–8; поливная посуда — 5, 9–15; рукомои — 16–25

различной конфигурацией (6 композиций). В двух случаях (3 фрагмента) — двухрядная волна. Этот тип орнамента наиболее характерен для 5 пласта.

Кроме этого, на одном фрагменте (5 пласт) встречена комбинация двухрядной волны и двух линий, и на одном фрагменте (3 пласт) — ногтевидные насечки.

Таким образом, исследование орнамента керамики Пскова XIII–XVII вв. позволяет сделать несколько общих выводов.

1. В XII — первой половине XIII в., (пласты 14–12) орнаментировалось от 90 до

96% всех сосудов. В основном наносилась многорядная линия, а также сочетание многорядного линейного и волнообразного орнамента. Чаще всего узор наносился гребенкой и покрывал от 1/2 до 2/3 сосуда. Особым декоративным эффектом отличались сосуды, покрытые расположенными зонами сочетаниями линейного и волнообразного орнамента.

2. Со второй половины XIII — первой половины XIV в. (пласты 11–9) происходит постепенное уменьшение числа

Таблица 5

Центры: / Дата	Зигсбург	Рейнланд	Вествальд	Кельн	Фрехен	Рур	Неопред.	Всего
Конец XIII—XIV в.	1	1						2
XIV в.	12						6	18
XV в.	3						7	10
XVI в.	1			2	1		4	8
XVII в.		1	12		4	1	2	20

орнаментированных сосудов (от 86,7% до 83%). Значительно изменяется и сам стиль декора. На смену «роскошно» декорированным сосудам появляются сосуды с более скромной орнаментацией. Как правило, они украшены линейным орнаментом, расположенным лишь по плечикам сосуда и состоящим из 3–9 параллельных тонких линий, нанесенных гребенкой или палочкой. Это самый распространенный тип орнаментации в Пскове (2/3 всех композиций). Претерпевают большие изменения и те типы, где использовались два элемента — волна и линия. Происходит значительное упрощение линейных и волнообразных узоров. Значительно уменьшается их количество. Появляется и новый элемент в орнаментации — насечки ногтевидные, овальные, треугольные³⁸. Они впервые стали фиксироваться с уровня 12 пласта и в основном встречаются в 10 пласте. Чаще всего они встречены в сочетании с многорядной линией. В этот же период начинает проявляться тенденция к использованию в декоре только одного элемента — линии, волны, насечек.

3. Со второй половины — конца XIV в. (пласт 8) отмечается дальнейшее уменьшение числа орнаментированных сосудов до 71,2% и резкое уменьшение (до 15) числа композиций. Полностью возобладали традиция использовать для орнаментации только один элемент, резко уменьшается число элементов узора на одном сосуде: 2–5 линий, 1–2 волны, насечки.

4. В период конца XIV–XV в. (пласты 7–6) резко сокращается количество орнаментированных горшков (от 40,7% до 31,8% в пл. 6). Еще более усилилась традиция использовать для орнаментации только один элемент.

5. В конце XV–XVII вв. (коллекция керамики из раскопок на ул. Первомайской) количество орнаментированных сосудов уменьшается от 5,3% до 2,5%. Орнамент наносится на плечико горшка в виде 1–3 параллельных линий или одной, реже двух волнообразных линий. Это несомненно связано с массовым производством посуды на рынок, с полным отрывом гончара от заказчика, с увеличением товарного производства, с требованием удешевления продукции и превращением горшка только в сосуд для приготовления пищи. В то же время наблюдается увеличение количества поливной, часто богато декорированной посуды, которая использовалась в качестве столовой.

6. Типы орнамента в XIII–XVII вв. не были связаны с отдельными типами посуды, а их последовательность — явление чисто хронологическое. К аналогичному выводу в своей работе пришли С.В. Белецкий и Ю.М. Лесман при исследовании орнаментации круговой керамики Пскова X–XIV вв.³⁹ Кроме посуды местного производства в Пскове встречаются фрагменты импортных сосудов, изготовленных в Германии из так называемой «каменной массы» (Steinzeug), получивших в русской научной литературе наименование «рейнская керамика»⁴⁰. Отдельные находки подобной керамики в Пскове были опубликованы рядом исследователей⁴¹. В коллекциях керамики Псковского музея нам удалось выявить около 60 фрагментов рейнских сосудов, датированных концом XIII–XVII вв., произведенных в разных прирейнских центрах. Большая часть этих находок была сделана в раскопках на ул. Ленина (таблица 5).

Как видно из представленной таблицы, основная часть рейнской керамики попала в Псков в XIV и XVII в., что

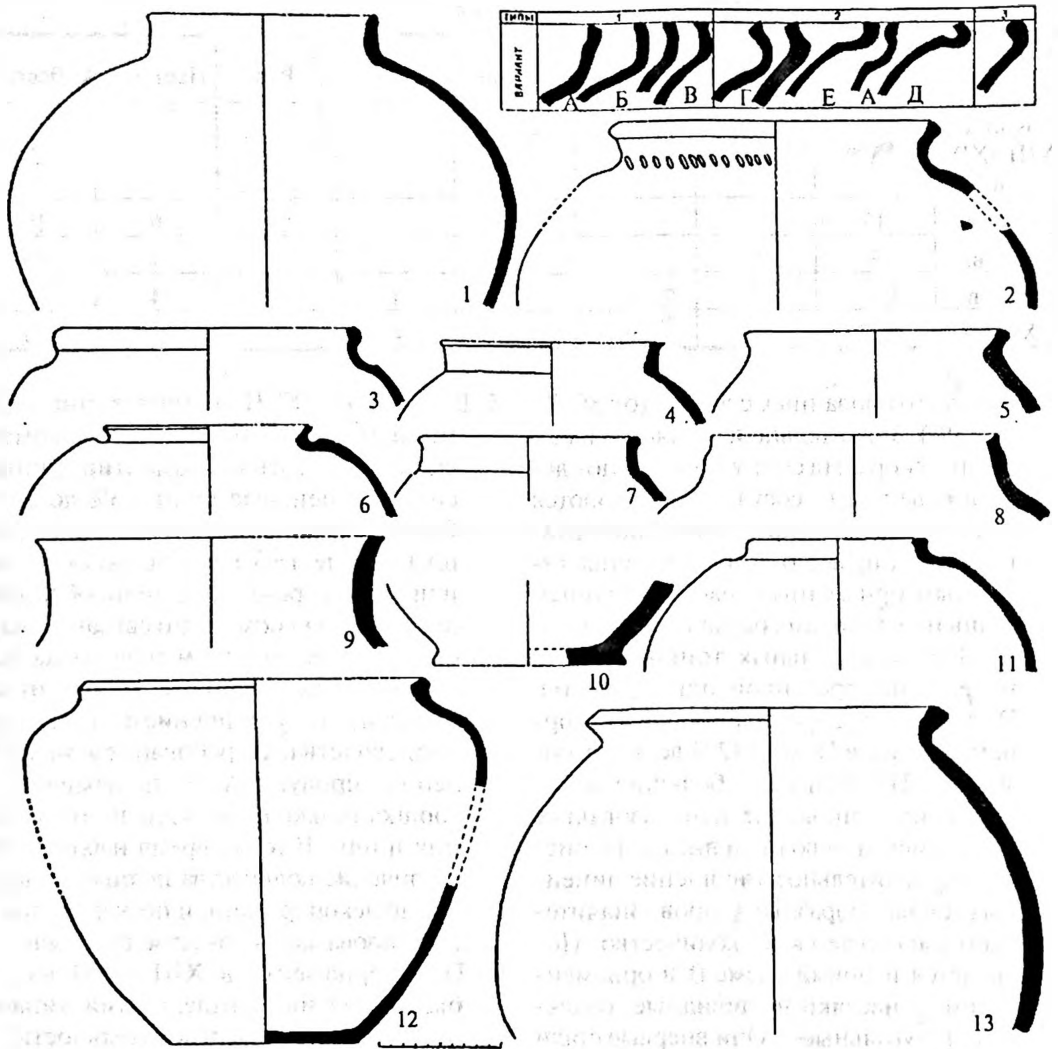

Рис. 11.
Горчаги

связано с целым рядом экономических и политических причин, обусловивших тесные связи Пскова и Западной Европы в этот период. В ранних слоях XIII–XIV вв. представлена в основном продукция мастерских Зигбурга близ Кельна. Это, главным образом, кувшины и кружки,

покрытые светло-желтой и коричневой соляной глазурью. В XVI и особенно в XVII в. появляется продукция из других центров: Вествальд, Кельн, Фрехен. Среди них преобладает продукция из Вествальда, покрытая серой и голубой глазурью со штампованным орнаментом.

Заключение

Керамическое производство Пскова в своем развитии прошло три этапа.

I этап — XII–XIII вв. Период становления собственной керамической традиции на основе типов и приемов, выработанных еще в предшествующее время. В этот период используются такие функции гончарного круга как РФК-2 и РФК-342. На днищах сосудов сохраняются следы подсыпки, наплывы глины по периметру

днищ, образующие «бортик», следы от оси гончарного круга, остатки следов лент, из которых моделировали тело сосуда. Верхняя часть сосуда частично профилируется с помощью вращения круга. В этот период бытуют горшки 5 типов. Два из них, восходящие к более раннему времени (тип 1, 2), к концу этого периода исчезают; резко сокращается количество горшков 3-го типа и появляются горшки

І ЭТАП

ТИП	І ЭТАП															
	2	2	3	3	1	1	2	2	2	2	3	3	3	3	4	4
ВАРИАНТ Дата сбор	В	Б	А	Б	А	Б	А	Е	Г	Б	В	А	Г	Е	В	
	ПРАСТ	В	Б	А	Б	А	Б	А	Е	Г	Б	В	А	Г	Е	В
РАСКОП 1981 г.	2															
	3															
	4															
	5															
	ВСЕГО															
РАСКОП 1976 г.	к. XV - XVII вв.															2,2
	XV в.															2,8
	п. XIV															6,7
	п. XV															9,7
	п. XVI															1,8
	XIII в.															14,9
	XII в.															12,6
	п. XII	2,4														15,7
	п. XIII	2,4														8,3
	ВСЕГО	19	91	7	9	28	24	19	6	33	115	56	18	99	86	75

1

II ЭТАП

ТИП	II ЭТАП															
	4	4	5	5	6	4	6	6	5	4	7	7	6	6	5	
ВАРИАНТ Дата сбор	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	В	В	Е	Ж	А	Б	Г	
	ПРАСТ	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	В	В	Е	Ж	А	Б	Г
РАСКОП 1981 г.	2															2,0
	3															2,9
	4															1,4
	5															2,2
	ВСЕГО									0,7				3,3	3,0	2,3
РАСКОП 1976 г.	к. XV - XVII вв.								0,9	3,6	9,0	27,6	24,9	1,8	3,6	1,8
	XV в.								3,9	7,2	16,1	2,1	8,9	2,2	4,5	11,7
	п. XIV	8	25,6	9,6					7,6	6,9	4,2	6,2	1,4	5,5	8,3	7,9
	п. XV	9	31,9	29,5	2,4	0,5	5,3	1,0			7,8			1,5	8,7	1,5
	п. XVI	10	16,0	25,6	5,5	4,6					0,9			3,6		1,8
	XIII в.	11	11,3	22,8	5,4	2,4										
	п. XIII	12	7,8	21,4	3,4	1,0										
	п. XIV	13	2,2		1,9											
	п. XV	14	4,8													
	ВСЕГО	185	226	43	10	15	45	24	40	35	35	38	45	65	20	15

2

III ЭТАП

ТИП	III ЭТАП																			ВСЕГО				
	7	7	10	6	7	11	8	7	9	9	8	9	9	9	8	11	5	10	10		8	6		
ВАРИАНТ Дата сбор	В	Г	Е	А	Б	Е	Ж	В	А	Д	А	А	Е	Б	Б	В	Г	А	Б	Е	В	Г	Д	Ж
	ПРАСТ	В	Г	Е	А	Б	Е	Ж	В	А	Д	А	А	Е	Б	Б	В	Г	А	Б	Е	В	Г	Д
РАСКОП 1981 г.	2	1,9	0,3	0,1		0,3			12,9	0,3	3,9		5,9	11,2	19,8	3,5	6,5	2,5	3,9	1,7	3,0	2,3	0,6	5,80
	3	1,3	2,2	4,3	2,3	4,5			23,7	2,5	2,3	5,2	3,3	2,2	19,2	11,8	2,4	5,2	7,0	1,6	0,1			95,8
	4	1,6	3,8	0,5	2,7	1,6	0,3		24,2	6,4	7,8	2,9	5,9	3,8	11,6	11,8	14,0	9,0	3,5					439
	5	4,0	0,5	2,0	1,7	2,5	0,5		17,4	6,8	2,4	3,1	2,7	3,5	9,4	3,9	1,6	5,5	4,7					871
	ВСЕГО	6,6	4,4	3,5	4,7	7,7	6		57,2	11,5	10,7	9,5	13,8	19,8	36,0	28,8	13,3	15,4	15,3	2,8	1,6	1,5	4	2,848
РАСКОП 1976 г.	6	13,6	2,7	2,7	0,9				6,1	4,3	2,7		13,6	4,6						1,8				130
	7	5,0	2,2	2,7					2,8	12,1	4,4		1,1											175
	8	5,5																						158
	9																							212
	10																							330
	11																							235
	12																							205
	13																							109
	14																							94
	ВСЕГО	32	7	8	2				15	27	11		17	5				6						1648

3

Рис. 12.

Схема типологического и хронологического развития горшков Пскова XII–XVII вв.:

1 – I этап: XII–XIII вв.; 2 – II этап: кон. XIII–XV в.; 3 – III этап: XV–XVII вв.

4-го и 5-го типов. Подобная тенденция прослежена и на материалах Новгорода⁴³. Для украшения сосудов использовались от трех (XII – первая четверть XIII в.) до семи элементов орнамента (вторая

четверть XIII – нач. XIV в.). Самым распространенным был многорядный линейный орнамент (19–22 комбинации), в различных сочетаниях покрывавший от 1/2 до 2/3 поверхности сосуда.

Орнаментировано от 36 до 96% всех горшков. Из столовой посуды использовались лишь два типа мисок (тип 1–2). Видимо, большая часть столовой посуды в это время изготавливалась из дерева, о чем свидетельствует обилие деревянной посуды в Новгороде⁴⁴.

Отметим также, что к концу I этапа четко прослеживается тенденция к изменению пропорций сосудов. Ранние горшки — высокие, усеченно-конические, с нешироким туловом и сравнительно узким дном. Высота их, как правило, 0,9–1,0 по отношению к тулову. К концу этого периода появляются более приземистые горшки с широким округлым туловом. Диаметр дна увеличивается. Вырабатывается форма, которая характерна для Пскова в более позднее время.

Для изготовления посуды использовались местные железистые глины, дающие после обжига гамму оттенков от серого до черного. Обжиг плохой, часто черепок в изломе 1–2-х слойный (черного и темно-серого цвета), что говорит о недостаточном доступе воздуха к обжигаемым горшкам. По этой же причине применяли большое количество отошителя. Для этого использовались мелкий песок (0,1–0,5 мм) — 50–60%, средний (0,5–1,0 мм) — 33–44%, крупный песок и дресва (1,0–3,0 мм) — 3–10%.

II этап — конец XIII–XV вв. В этот период бытуют горшки 6–7 типов: старые формы (типы 3, 4, 5), которые постепенно выходят из употребления, а также новые — 6, 7 (с рубежа XIII–XIV вв.) и 8–11 (конец XIV в.). В Пскове в этот период доминируют типы 4 и 6. Наиболее распространен тип 4, бытующий на всех памятниках Псковской земли.

Изменяется ассортимент столовой посуды. В конце XIV в. прекращается использование мисок на поддоне (тип 1), исчезают миски 2-го типа (А, Б), а с XV в. появляются миски 3-го и 4-го типов. С этого периода в Пскове начинают изготавливать кувшины, а с XV в. — и крышки сосудов. Улучшается технология производства, упрощается орнаментация. Количество орнаментированных горшков в XV в. в Пскове уменьшается до 40%, а в Изборске — до 25–30%.

Исчезают из употребления различные штампы, ямки, нарезки. Для украшения сосудов используют лишь линию, волну и насечки, нанесенные на плечики

сосудов. Изменяется форма горшков: они становятся более приземистыми, с невысокой шейкой и коротким венчиком. Заметна большая стандартизация размеров. Налицо сформировавшееся ремесленное производство керамики на рынок. Немаловажную роль в этом сыграл и экономический, и политический расцвет Псковской земли, увеличение численности ремесленников, рост торговых связей с Западной Европой и Северо-Восточной Русью.

Отмечается уменьшение использования среднего песка (13–26%) и некоторое увеличение в тесте крупного песка и дресвы. Это связано с более качественной подготовкой глиняного теста, что придавало ему большую однородность и пластичность. Улучшается обжиг. Большая часть черепков в изломе — трехслойные. Средняя часть — светло-серая, что свидетельствует об увеличении температуры обжига и использовании поддува кислорода (горновой обжиг). Поверхность более ровная, заглаженная. Появляется посуда, в основном, столовая, изготовленная из красножгушей глины. Значительно улучшается обработка поверхности. Видны следы заглаживания с помощью кожи, а также использования бочарок для обтачивания верхней части сосуда как с внутренней, так и с внешней стороны (РФК-4). Хотя как начин, так и полое тело конструируются навыками скульптурной лепки. Об использовании бочарок свидетельствует профиль сосуда с утонченными стенками на участке перехода плечика в тулово.

III этап — конец XV–XVII вв. В конце XV – XVI вв. в керамическом производстве городов Псковской земли происходят значительные изменения, обусловленные целым рядом причин. С одной стороны, это значительное улучшение технологии производства и техники обработки поверхности средневековой керамики, улучшение качества глиняной массы, техники обжига. В конце XV–XVI в. появляется посуда, изготовленная из беложгушей глины, а также сосуды, покрытые зеленой поливой (кон. XVI–XVII вв.). Встречено незначительное число серо- и чернолощеных сосудов. Изменяется и сам ассортимент посуды. С конца XV в. появляются новые модели горшков (типы 8–11), получившие наибольшее развитие в XVI–XVII вв. (от 60 до 90%). Параллельно с этими типами

горшков появляется большое количество новых форм столовой посуды: кувшины, кумганы, рукомойники, миски, кубки, сковородки. Наблюдается четкое деление глиняной посуды на кухонную, столовую, сосуды для хранения, что отражается на их внешнем облике и на технологии изготовления. Для столовой посуды характерны более качественное тесто, обработка поверхности и более широкая цветовая гамма: зеленые (поливные), лощеные, белоглиняная и красноглиняная посуда.

На протяжении этого периода происходят изменения и в орнаментации сосудов. Количество элементов — два (волна и линия), а их комбинаций — 4–6. Резко изменяется и процент орнаментированных горшков: от 70–80% в XIV в. до 3–12% в XVI–XVII вв. Правда, среди столовой посуды происходит обратное явление.

Изменяется и сама форма горшков. Они становятся более приземистыми и широкодонными, усиливается стандартизация как формы, так и размеров. Эти же тенденции наблюдаются в гончарном производстве не только Псковской земли. В городах Новгородской земли, в центральных и восточных землях Московского государства, в северо-восточной Белорусии происходят те же изменения⁴⁵. Это связано с созданием единого экономического пространства на всей территории Московского централизованного государства, когда перекрещивались различные традиции и приемы гончарного производства, а также с влиянием (через Прибалтику и Белорусию) западноевропейского керамического производства (рейнская керамика, изразцы). Через Москву в Псков проникают и восточные влияния (лощеная керамика, кумганы).

Изменения формы горшков (приземистость, широкое дно, венчик, превратившийся в валик, широкое распространение крышек) связаны, вероятно, с широким распространением русской печи,

с ее невысоким устьем, куда было неудобно ставить неустойчивые высокие горшки с узким дном. Для таких печей были необходимы ухваты. Один из них был найден в постройке XVII в. в Пскове на ул. Первомайской. Появление в слоях XVI–XVII вв. в Пскове дуговых кирпичей для облицовки свода печи также свидетельствует о широком распространении более совершенного типа отопительного устройства⁴⁶.

Наблюдаются значительные изменения в технологии производства. В качестве отошителя в основном используется мелкий и средний песок. Дресва, как правило, присутствует в тесте крупных толстостенных сосудов. Количество примесей в тесте резко сокращается. Мелкий песок — 80–89%, дресва — 0,3–1,3%. Улучшается обжиг, наряду с черепками трехслойными в изломе, появляется посуда с однослойным в изломе черепком светло-серого, красного, белого цвета. Это характерно, в основном, для столовой посуды (белоглиняная, лощеная, частично поливная). Применяются более совершенные способы заглаживания поверхности (с помощью «бочарок»). Используются химико-термические способы обработки поверхности: обваривание, лощение с последующим чернением, зеленая полива. Заметна значительная стандартизация форм, размеров, типов горшков, что свидетельствует о хорошо налаженном ремесленном производстве глиняной посуды. Те же тенденции прослеживаются и в керамическом производстве малых городов Псковской земли.

Подводя итоги, можно констатировать высокий уровень гончарного производства Пскова. Хотя здесь и наблюдаются общие для всей средневековой Руси приемы изготовления глиняной посуды, все же улавливаются и своеобразные черты, отличающие ее от синхронных ей памятников Новгорода, Москвы, Твери. К XVII в. это своеобразие заметно нивелируется.

***

¹ Белецкий С.В. Начало Пскова. СПб, 1996. С. 54–65.

² Лабутина И.К. Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. М., 1985. С. 84–85.

³ Чистякова Е.В. Псковский торг в середине XVII в. // Исторические записки. Вып. 34. М., 1950. С. 198–215.

⁴ Белецкий С.В. Культурная стратиграфия Пскова // КСИА. Вып. 160. М., 1980. С. 3–8. Рис. 3–4; Белецкий С.В. Начало Пскова... С. 54–70; Белецкий С.В. Псковское городище (керамика и культурный слой) // Археологическое изучение Пскова. М., 1983. С. 46–80.

⁵ Лабутина И.К. Раскопки в древней части псковского посада (1967–1991 гг.) // Археологическое изучение Пскова. Вып. 3. Псков, 1996. С. 13–47.

- 6 Черных Н.Б. Дендрохронологическое изучение дерева построек из раскопов у Пединститута и I, III, IV на ул. Ленина // Археологическое изучение Пскова. Вып. 3. Псков, 1996. С. 182–194; Кулакова М.И. Некоторые итоги дендрохронологического изучения дерева из раскопов по ул. Ленина (1982, 1984–1985 гг. — V–VI раскопы, 1991 г. — XVI раскоп) // Археологическое изучение Пскова. Вып. 3. Псков, 1996. С. 195–205.
- 7 Розенфельд Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. Вып. E1–39. М., 1968. С. 43–44.
- 8 Бобринский А.А. К изучению техники гончарного ремесла на территории Смоленской области // СЭ. № 2. М., 1962. С. 31–50.
- 9 Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1979. С. 131–135.
- 10 Там же. С. 39–42, рис. 8, 2а, б.
- 11 Кильдюшевский В.И., Белецкий С.В. Раскопки на ул. Первомайской // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов, 1989 г. Псков, 1990. С. 99–100.
- 12 Кильдюшевский В.И. Следы производства изразцов в Пскове в XVII в. // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1989. Тезисы докладов. Псков, 1990. С. 22–23.
- 13 Александровский В.А. Поливные половые плитки из раскопок детинца во Владимире // МИА. № 11. М.–Л., 1949. С. 240. Сноска.
- 14 Левко О.Н. Методика изучения позднесредневековой керамики Витебска // Древности Белоруссии и Литвы. Минск, 1982. С. 130–132.
- 15 Вайткявичус Г., Гяндренас Г. Физико-химические исследования чернолощеной керамики в Вильнюсе // Тезисы докладов на конференции «Прибалтика и ее соседи в период раннего средневековья». Таллин, 1983. С. 15–16.
- 16 Бобринский А.А. К изучению техники... С. 48–50.
- 17 Белецкий С.В. Керамика Псковской земли второй половины I — начала II тысячелетий н.э. как исторический источник (культурная стратиграфия региона). Дисс... канд. истор. наук: 07.00.06. М., 1979. С. 41. (Пользуюсь случаем поблагодарить С.В. Белецкого, предоставившего возможность познакомиться с рукописью диссертации).
- 18 Белецкий С.В. Керамика Псковской земли... С. 42.
- 19 Малевская М.В. К вопросу о керамике Галицкой земли XII–XIII вв. // КСИА. № 120. М., 1969. С. 6–8. Рис. 2: 1–6; Каргер М.К. Древний Киев. Т. I. М.–Л., 1958. С. 416. Рис. 96.
- 20 Смирнова Г.П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода // МИА. Вып. 55. М., 1956. С. 244. Рис. 2; 7:2.
- 21 Кильдюшевский В.И. Об одном из типов керамики XIV–XVI вв. крепости Орешек // КСИА. № 164. М., 1981. С. 111–116. Рис. 1, 2.
- 22 Смирнова Г.П. Опыт классификации... Рис. 6–8; Розенфельд Р.Л. Московское керамическое производство... С. 43–44; Рабинович М.Г. Культурный слой центральных районов Москвы. Древности Московского кремля // МИА. Вып. 167. М., 1971. С. 9–117; Малевская М.В. К вопросу о керамике... С. 3–14. Рис. 2, 3; Левко О.Н. Витебск XIV–XVIII вв. Минск, 1984. С. 55–70. Рис. 41–44. Табл. 3. Рис. 51; Загоруйский Э.М. Возникновение Минска. Минск, 1982. С. 235–242. Рис. 142–143, 147; Коваль В.Ю. Керамика Ростислава Рязанского: вопросы хронологии // Труды музея истории города Москвы. Вып. 9. М., 1996. С. 102–120. Рис. 1–11; Коваль В.Ю. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1. М., 2001. С. 98–107.
- 23 Смирнова Г.П. Опыт классификации... С. 242. Рис. 6; 11, 13.
- 24 Колчин Б.А. Новгородские древности. Деревянные изделия // САИ. Вып. E1–55. М., 1968. Табл. 15–21.
- 25 Колчин Б.А. Новгородские древности. Резное дерево // САИ. Вып. E1–55. М., 1971. Табл. 4: 1–4.
- 26 Смирнова Г.П. Опыт классификации... С. 242; Коваль В.Ю. Белоглиняная керамика... С. 100. Рис. 2: 7–13.
- 27 Алексеев Л. В. Древний Мстиславль // КСИА. Вып. 141. М., 1976. С. 51. Рис. 3: 5–6.
- 28 Розенфельд Р.Л. Московское керамическое производство... С. 33–34. Табл. 11.
- 29 Мец Н.В. Датировка черной лощеной керамики по собранию кладов нумизматического сектора ГИМ // КСИИМК. Вып. XXIV. М., 1949. С. 108–115. Рис. 31.
- 30 Розенфельд Р.Л. Московское керамическое производство... С. 32–33. Табл. 10.
- 31 Розенфельд Р.Л. Московское керамическое производство... С. 34. Табл. 12: 1; 18: 1–9.
- 32 Дубынин А.Ф. Археологические исследования 1955 г. в Зарядье (Москва) // КСИИМК. Вып. 77. М., 1959. С. 40. Рис. 7, 8.
- 33 7 — ул. Ленина, 5 — ул. Первомайская.
- 34 Розенфельд Р.Л. Московское керамическое производство... С. 36. Табл. 13, 7.
- 35 Розенфельд Р.Л. Московское керамическое производство... С. 39. Табл. 13: 9, 10, 13, 15–16.
- 36 Мальм В.А. Производство глиняных изделий // Тр. ГИМ. Вып. 33. М., 1959. С. 132.
- 37 В Новгороде и городах Новгородской земли в XIV–XV вв. эти элементы орнаментации пользовались большей популярностью. В основном это орнамент, нанесенный треугольным

- и ромбическим штампом, ногтевидные насечки, ямки, наколы (18–20 комбинаций) (Смирнова Г.П. Опыт классификации... С. 247).
- 38 Бобринский А.А. Гончары — пидьбляне // СА. № 1. М., 1959. С. 228–242.
- 39 Белецкий С.В., Лесман Ю.М. О стилистических особенностях орнаментики древнерусской круговой керамики (по материалам Пскова) // Естественные науки и археология в изучении древних производств. М., 1982. С. 135–145.
- 40 Рыбина Е.А. Готский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 211–213.
- 41 Иванова Г.Н. Рейнская керамика из раскопок в Пскове // СА. № 4. М., 1975. С. 274–276; Белецкий С.В. О рейнской керамике в Пскове // СА. № 2. М., 1978. С. 292–294.
- 42 Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы... С. 27, 39–40.
- 43 Олейников О.М., Смирнова Г.П. Хронология некоторых типов новгородской керамики X–XIII вв. // Древнерусская керамика. М., 1992. С. 73–75. Рис. 1–14.
- 44 Колчин Б.А. Новгородские древности... С. 59.
- 45 Розенфельд Р.Л. Московское керамическое производство... С. 39; Чернов С.З. К хронологии московской керамики конца XV–XVI вв. // Московская керамика. М., 1991. С. 50–59; Левко О.Н. Средневековое гончарство северо-восточной Белоруссии. Минск. 1992. С. 36–40.
- 46 Кильдюшевский В. И. К вопросу о псковских керамических киотах // Архитектурно-археологический семинар. Гос. Эрмитаж. СПб, 2001. С. 57–64. Рис. 3, 13.

ВЕЛИКИЙ ВОЛЖСКИЙ ПУТЬ И ЕВРАЗИЙСКИЕ ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В истории народов Европы и Азии Великий волжский путь в эпоху раннего средневековья приобрел выдающееся геополитическое, культурное, транспортно-торговое, международное и межгосударственное значение. Он способствовал контактам и общению славянских, финно-угорских, тюркских и других народов и племен Старого Света в их стремлении узнать друг друга, обогатиться благами человеческой цивилизации и коллективными достижениями в области экономики, техники и культуры. В тот период названный путь послужил стимулом невиданного до тех пор прогресса евразийского общества, повлиял на ускорение социальных и хозяйственных процессов многих стран и регионов, способствовал созданию единого наднационального экономического пространства в масштабах значительной части Евразии. Функционирование данного пути в VIII—XI вв. решающим образом сказалось на возникновении нового для своей эпохи явления, которое можно назвать глобализацией мировой экономики.

В системе Великого Волжского пути (далее ВВП) укоренились первые средневековые восточно-европейские государства и происходило оформление их территории и распределение народонаселения. Особую роль сыграл ВВП в развитии славянских, финно-угорских, тюркских и скандинавских народов Европы в отношении организации городов, транспорта, ремесла, путей сообщения, международных рынков, а в конечном итоге, становления государств, властных институтов, производственных отношений.

Волжскому пути, каким он сложился в эпоху раннего средневековья, посвящено немало работ, в том числе, и монографических¹. Однако, его всесторонняя характеристика тормозилась по ряду идеологизированных причин, связанных с оценкой в советской историографии торговли в жизни древних обществ. Внимание к этой стороне человеческой деятельности считалось характерным для буржуазной исторической науки. Достаточно вспомнить суровую и продолжительную критику так называемой торговой теории В.О. Ключевского. Показательно в этом отношении заключение Б.Д. Грекова, рассмотревшего историю волжских булгар, описавшего их торговую деятельность и, тем не менее, написавшего, что «не она определила хозяйственный облик страны», а земледелие и скотоводство². Ныне полоса недооценки изучения торговли и обмена миновала, и это направление обрело свою научную полноценность, свободную от догматических ограничений.

Сохранившиеся, преимущественно, русские и арабо-персидские письменные источники представляют ценный, хотя нередко сложный в истолковании, свод сведений о народах, живших в зоне Волги и рек ее системы (или имевших к этой системе отношение). Некоторые из этих сообщений легендарны и неотчетливы, другие содержат достоверные детали. Существенны и вещественные памятники, особенно, умножившиеся в результате раскопок последних десятилетий XX века. Все имеющиеся данные позволяют наметить некоторые общие оценки рассматриваемого исторического и международного явления.

Река Волга впервые упомянута во II в. н.э. под именем Ра (древнеегипетский бог солнца). Древнейшее название Волги — Ра зафиксировано в «Авесте», а также у Геродота и Птолея. Иное, тюркское название реки — Итиль, принятое в византийской, а затем в арабской и персидской литературе, появилось не позже VI в. н.э.³ Происхождение слова Волга также связывали с северорусской формой «волгас» — низкий берег реки, со славянским — «волглый» — сырой, влажный, либо финно-угорским понятием «белая», «светлая»⁴.

Судя по находкам восточного серебра, Волга и ее самый крупный северный приток Кама все настойчивее стали использоваться с середины I тыс. н.э. для целей дальнего судоходства. В VII в. Волга и ее притоки довольно верно описаны Ананием Ширакаци в его «Армянской географии». При этом сообщалось, что с Доном (Танаис) Волга будто бы связана рукавом, что отражало представление «о легком перемещении товаров между бассейнами обеих рек»⁵. В последней четверти I тыс. н.э. значение Волжского пути возросло настолько, что он стал основной дорогой, соединившей Европу и Азию. На то были веские причины. В результате арабской экспансии доступ европейцев в Средиземное море в течение VII–VIII вв. и их связи с Византией и Передним Востоком фактически нарушились, и торговля была вынуждена искать другие пути⁶. И такой путь через Восточную Европу в страны Азии, впрочем издревле известный, был использован во все возрастающей мере. Перенаселение Скандинавии и связанный с этим растущий недостаток земельных угодий выталкивали избыточное население в поисках пригодных для колонизации земель за пределами родины. Одновременно общий подъем экономики, развитие торговли и судоходства стремительно увеличили потребность в денежных средствах. Переселенцы, изгнанники, искатели приключений, обуреваемые жадой обогащения и захвата добычи норманны ринулись на континентальную Европу⁷. Бурный период создания государств, воинственных дружин, флота, властных институтов сопровождался стремлением правящих верхов и общественных групп к переделу мира, походам, дальней торговле. Накоплению богатств и обмену ценностями способствовало сложившееся

мировое естественно-географическое разделение труда и неравномерное распределение сырьевых ресурсов стран Запада и Востока, различие стоимости изделий удаленных регионов. Для ведения караванной торговли возникли сообщества купцов. Основными явились водные дороги. Использовались не только морские, но и речные корабли (шириной примерно, до 2 м и длиной не менее 8 м). Организация региональных и трансконтинентальных связей потребовала устройства береговых поселений, корабельных станций, постоянных или сезонных торжищ.

Протяженность Волги, самой большой реки Восточной Европы и одной из величайших в мире, 3531 км. Она протекает по Русской равнине от Валдайской возвышенности до Прикаспийской низменности минуя зоны леса, лесостепи, степи (ныне еще полупустыни и пустыни). Территория водосборного бассейна 1358 кв. км., что составляет 13% территории Европы. Непосредственно в Волгу впадает 2600 рек, а всего в бассейне насчитывается 150 тыс. водотоков — рек длиной более 10 км. В пределах Волжского бассейна в настоящее время находится полностью или частично 39 областей и республик Российской Федерации и проживает 40% россиян⁸. Принято следующее географическое членение Волги: верхняя — от истока до устья Оки, средняя — от устья Оки до устья Камы, нижняя — от устья Камы до Каспийского моря.

Громадность Волги всегда поражала человека. Как великая река она отмечена в Повести временных лет, вытекающей из Оковского леса и впадающей 70 рукавами в Каспийское море — «тем же из Руси может ити по Волзе в Болгары и в Хвалисы (Хорезм) и на восток дойти в жребий Симов»⁹, то есть, в пределы Азии, которая по библейским понятиям была отдана роду Сима.

ВВП, каким он функционировал в последней четверти I тыс. н.э., можно представить состоящим из нескольких отрезков. Основу, естественно, составляла сама Волга, к ней тяготели реки, а также водные и сухопутные трассы, представлявшие ее транспортное продолжение. Не будет преувеличением протянуть общий маршрут Волжской системы с учетом ее прямого и косвенного функционирования от Британии и Голландии до Ирана и Ирака. Ниже отметим и ответвления этой системы (рис. 1).

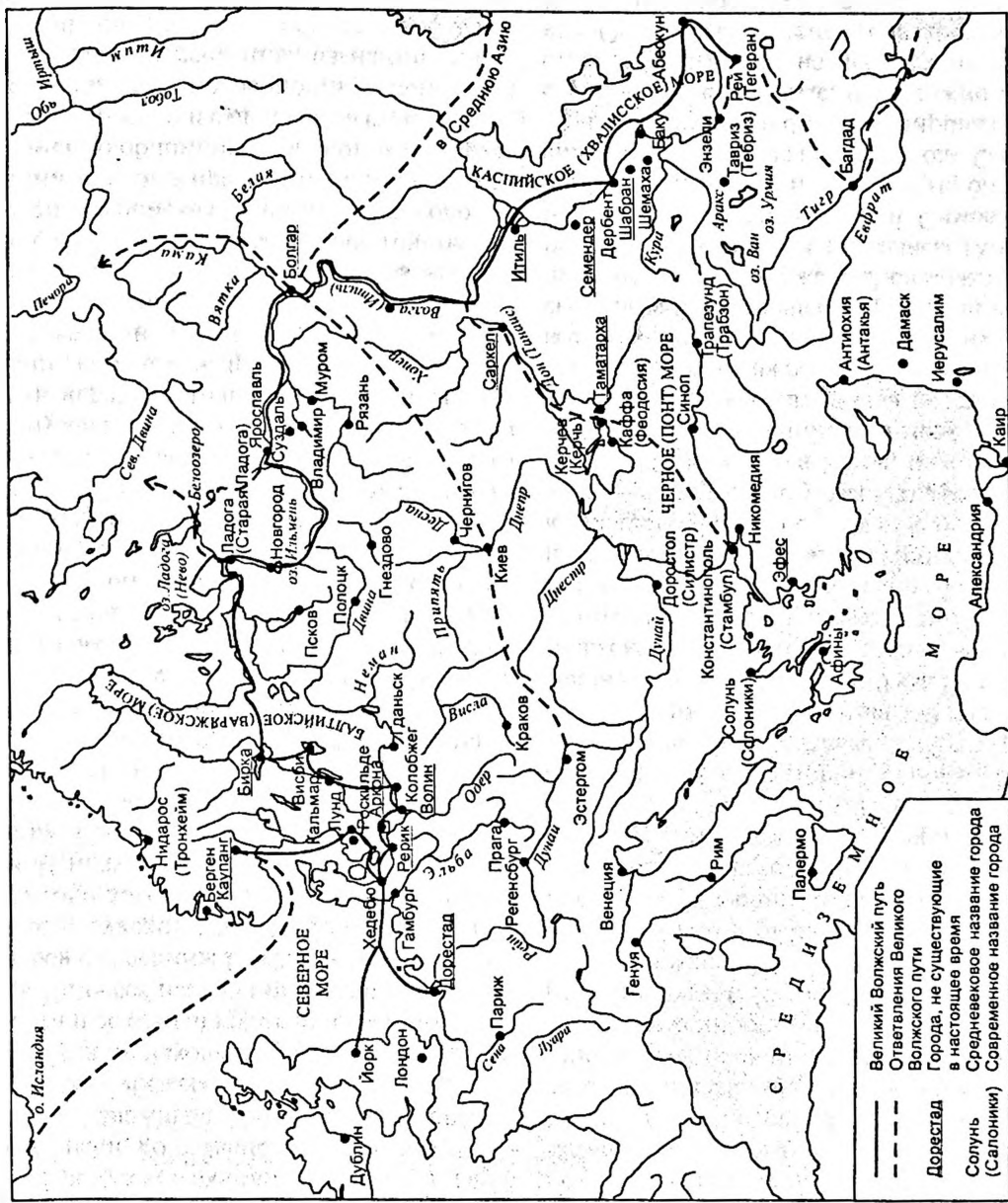

Рис. 1
 Великий Волжский путь и его ответвления в VIII—XI вв.

Северная часть ВВП, частью располагалась за его пределами. Это Северное и Балтийское моря, Финский залив, река Нева, Ладожское озеро, река Волхов, озеро Ильмень. Далее кратчайшим и удобным (даже с учетом волоков) переходом к истоку Волги был «Селигерский путь» по рекам Поле, Явони до озера Селигер и по реке Селижаровке с выходом на Волгу¹⁰. Дальнейшее передвижение, что можно отнести к основной части пути, происходило по главной реке вплоть до ее устья. Южный участок плавания включал Каспийское море до его южного побережья (например, до области Джурджан). Далее шла сухопутная дорога до города Рея или дальше до Багдада. Наибольшая часть водного пути приходилась на пространство Восточной Европы. Путешественникам приходилось преодолевать волоки, а на реках Неве и Волхове, пороги.

Караванное движение кораблей из района Балтики (например, от Бирки) до района Каспия (допустим, до Дербента) с учетом, что расстояние составляло около 5500 км, могло занять 2 месяца и несколько месяцев на обратный путь. В последнем случае, в речной части плыли против течения, а средняя скорость

дневного перехода равнялась 25 км¹¹. Таким образом, в течение летнего сезона суда, побывавшие в городах Прикаспия, едва ли успевали вернуться на свои исходные базы в регионе Балтики. Иными словами, парусно-весельные суда одной флотилии могли осуществить полную поездку, в лучшем случае, раз в год.

В систему передвижения кораблей и грузов по Волге также входили река Кама (так называемый, пушной путь), Вятка, Ока, Клязьма, Которосль, Мста. Самостоятельное значение имели Донской и Неманско-Донецкий пути¹². С верховьев Волги был выход к Западной Двине, «а по Двине в варяги, а из варяг до Рима»¹³. Волжский и Донской пути сближались друг с другом у г. Калач, в месте называемом «переволока» (здесь сухой путь составлял около 60 верст). В среднем течении Волги от нее на юго-восток отходили сухопутные пути в Хорезм, а на запад, в Киев (по Идриси, приблизительно, 20 станций на 1400–1500 км¹⁴) и далее в Чехию и южную Германию. Среди водных дорог Русской равнины Волжский путь с его системными ответвлениями относится к наиболее разветвленным и значительным, а его стержневое направление по отношению Запад–Восток — магистральным.

II

Исторически Волга не только не разъединяла народы, а наоборот, притягивала к своим берегам новых поселенцев. Она как бы являлась осью, вокруг которой в разные времена группировались аланы, хазары, мадьяры, печенеги, гузы, половцы, буртасы, болгары, мордва, мурома, мешера, весь, чудь, марийцы, вотяки-удмурты, славяне (включая северян, радимичей, вятичей, словен новгородских), югра, позднее татары. Хорошо был знаком ВВП арабам, персам, азербайджанцам, армянам, евреям, балтам, скандинавам, фризам, саксам, западным славянам. Эти люди исповедывали разную веру: были язычниками, христианами, иудеями, мусульманами, что не мешало им вступать в длительные деловые контакты и договариваться между собой. В истории мировой цивилизации то был едва ли не самый редкий период всеохватывающей веротерпимости и межэтнической уживаемости коллективов, объединенных торговой необходимостью. Наличие Волги

и рек ее системы способствовало расселению и земледельческому освоению Северо-Восточной и Северо-Западной Руси славянами. С особой интенсивностью этот процесс протекал в Волго-Окском междуречье. Не случайно здесь возникнут крупные города Муром, Суздаль, Ростов, позже Владимир. Создалась новая обстановка и в степной части Волги. Достигнув этой реки, кочевники случалось переходили к частичной или полной оседлости и воздвигали здесь постоянные становища.

Развитие региональной, особенно, дальней торговли в Восточной Европе явилось тем поворотным моментом, который сопровождался взрывом урбанизации. «Город в целом делал рынок всеобщим явлением»¹⁵. Евразийская по своему размаху коммерция имела своим результатом основание ряда новых и преобразование прежних городов и поселений, находящихся в зоне речных и морских путей, в том числе и ВВП. Именно в системе Волжского пути возникло большинство

раннесредневековых городов и торговых факторий. Эти населенные пункты не обязательно находились на берегах морей, рек и озер, некоторые строились в глубине территорий в целях большей безопасности и более удобной связи с сельскохозяйственной или сырьевой округой. Поселения той эпохи по преимуществу были многофункциональными: одновременно являлись административными, военными, ремесленными, религиозными центрами, сосредоточием ремесленников и международной торговли. Здесь находились склады местных и транзитных грузов, устраивались ярмарки, существовали верфи по изготовлению судов, их оснастке и ремонту, строились гостиницы, корабельные пристани, станции по обслуживанию водного транспорта, заставы по сбору пошлин и даней. В северной части ВВП обозначились особые города-порты, сходные с западноевропейскими виками. Устройство таких центров было подчинено интересам торговли¹⁶, товарного ремесла, близости к водным коммуникациям, доступности купеческому транспорту. При всем индивидуальном различии торговым городам были свойственны некоторые общие черты: они имели не аграрный, а торгово-ремесленный характер, в них действовали разнообразные мастерские по выделке изделий, необходимых в быту горожан и для внегородской продажи, существовали кварталы мастеров, купцов и воинов.

Среди городских образований в системе ВВП выделялись ключевые города-лидеры своих территорий, располагавшиеся на определенных отрезках торговых магистралей. Они находились в стратегически важных местах, на скрещении дорог, перевалочных остановках, у гаваней, где имела место стоянка и разгрузка кораблей и были удобны контакты как с горожанами, так и окружающим местным населением. Перечислим такого рода торговые города, имевшие прямое или косвенное отношение к ВВП, функционировавшие в VIII–IX вв. и позже. В перечислении с Запада на Восток и далее на юг таковы: Дорестад во Фризии, Йорк в Британии, Рибе и Хедебу в Дании, Нидарос и Каупанг в Норвегии, Орхус и Бирка в Швеции, Стариград (Ольденбург), Любек, Рёрик (Мекленбург), Ральсвик и Аркона (на острове Рюген), Менштин, Щецин,

Волин, Колобжег, Грузо на озере Дружно — все в землях западных славян, Павилен на острове Готланд, Сальтвик на Аландских островах, Гробини в Латвии¹⁷. Что касается восточноевропейских населенных пунктов (в большинстве IX–X вв.), относящихся к системе ВВП, то следует называть Ладогу в нижнем течении р. Волхов, предшественник Новгорода — Рюриково городище в истоке упомянутой реки. Далее, вниз по течению Волги археологические комплексы Тимерево и Михайловское, давшие начало Ярославлю. С Волгой в определенной мере связаны раннесредневековые центры Залесской земли: Сарское городище — предшественник Ростова, Суздаль, Клецин — предшественник Переяславля-Залесского. Отметим далее Муром на Оке. На средней Волге находились: поселение предшествующее Казани, Булгар, также Биляр, Сувар, Ошель. В дельте Волги помещалась столица Хазарии Итиль, назовем также, построенный между 834 и 837 гг. Саркел-Белую Вежу. В зоне Прикаспия помещались Семендер, Беланджер, Дербент, Баку. На юго-востоке Каспийского моря находилась область Джурджан с портом Абескун, как отмечал современник, «самым известным портом на Хазарском море». Из Абескуна сухопутные караванные дороги вели в Рей — «торговый центр мира» и далее в Багдад. Другим направлением из этого места двигались через Балх и Мавереннахр в Центральную Азию и Китай¹⁸. В приведенном перечне упомянуты отнюдь не все древние населенные пункты периода сложения ВВП. Некоторые еще не установлены, о местоположении других идет спор. Ряд поселений известны лишь археологически, они не сохранили своих наименований. При всем том, более или менее крупных торговых мест, существовавших в VIII–IX вв. и позже, было относительно немного, они имели опорное значение и определяли состояние международных рыночных связей. Если иметь в виду дорожную организацию ВВП, то первоначально осваивались его отдельные отрезки, расположенные обычно между ключевыми торговыми поселениями. В дальнейшем через них прокладывался сквозной, магистральный маршрут.

Население торговых городов включало, как правило, титульный, коренной этнос и приезжих «гостей», состав которых

мог меняться в связи с сезонностью торговли. В целях безопасности, поддержания определенных общественных отношений, регулирования торговли и сделок, несомненно, действовали принятые правила и поведенческие правовые нормы. Торговые поселения по их статусу и положению, во многом опередили свое время, явившись первыми открытыми «вольными» городами Европы. Жители этих центров по своему социальному положению были неоднородны: на полюсах общества распределялся нобилитет, дворовые зависимые люди, а также рабы. При этом основная часть горожан была свободной. Отличительной чертой этих коллективов была национальная пестрота, этническая уживаемость, соседство разноплеменных, даже экзотических по происхождению, по-видимому, равноправных общин, необычайная религиозная и расовая терпимость.

В каких условиях могло преуспевать разноразличное общество ранних портовых мест, с достоверными подробностями на примере Волина описал Адам Бременский в своей «Хронике архиепископов Гамбургской церкви» (около 1075 г.). Вот его слова: «Знаменитый город Юмна (Волин) — отличный порт, посещаемый греками (возможно, подразумеваются русские) и варварами, живущими вокруг... Это величайший из городов Европы. Населяют его славяне вместе с другими народами греками и варварами. Даже саксы, приезжающие туда, получают равные права с местными жителями, если только, оставаясь там, не выставляют напоказ своей христианской веры. Что касается нравов и гостеприимства, то не найти людей честнее и радушнее. В этом городе полным товаром всех народов, есть все чего ни спросишь дорогого и редкого»¹⁹. Описанные особенности городской жизни несомненно были унаследованы волинчанами от более ранних времен и приложимы как типичные к другим торговым городам Северной и Восточной Европы. Так по записи «Жития святого Ансгария» (этот германский миссионер был в Швеции в 829—830 и 852 гг.) в Бирке было «много богатых купцов, изобилие всяческого добра и много ценного имущества»²⁰.

Различие национальных, культурных, хозяйственных и географических условий не препятствовало городским общинам околбалтийской и Восточной Европы

интегрироваться в своеобразное торгово-экономическое сообщество, объединенное интересами международной, судходной торговли. Все это происходило нередко без вмешательства государств и их институтов на основе частного предпринимательства. Развитие торговых центров строилось по принципу «сообщающихся сосудов». Уровень, достигнутый в одном месте, распространялся и на соседние, а порой и далеко друг от друга отстоящие места. В подобных центрах на достигнутом технически передовом уровне развивалось производство популярных изделий, которые пользовались мировым спросом, таких как украшения, предметы туалета, оружие. Повсеместным признаком на мировых рынках пользовались меха, изделия из кожи, благовония, ткани, воск, а также рабы.

В пору расцвета волжской торговли в ней, по словам восточных авторов, принимали непосредственное участие русы, болгары, буртасы, хазары, арабы, евреи и через перекупщиков северные вису и югра. Этот перечень не полон, но при этом уверенно выделяются главные деловые партнеры, русы, болгары и хазары. Эти люди образовывали свои клановые купеческие сообщества. О поистине безграничном размахе их деятельности мы можем судить по поездкам еврейских торговцев. Они, по отзыву арабского писателя и географа IX в. Ибн Хордадбега, ездили с запада на восток и с востока на запад, преодолевая рекордные по дальности расстояния от Испании до Китая. Их общины отмечены, в частности, в Итиле, Самарканде-Тмутаракани, Киеве. Зная персидский, греческий, арабский, французский, андалузский и славянский языки, эти купцы вместе с другими разноэтничными торговыми объединениями находились в авангарде восточно-европейской коммерции.

Купцы, нередко объединявшие в своем лице воинов, мореходов и мастеров, образовывали сплоченные, скрепленные клятвой, товарищества, набирали гребцов и в дальние странствования пускались не меньше, чем на нескольких кораблях. Дорога становилась им известной. Застигнутые холодами, не боялись зимовать в одном из придорожных мест, дожидаясь весны. Постоянно имея при себе пояс с монетами, прибегали и к денежному расчету и к обмену. Так, например,

оказавшись в районах богатых мехами, они обменивали привозные вещи на пушнину. В дальнейшем на восточных рынках приобретенный мех продавали уже за деньги²¹. Поездки торговцев сочетались с посредничеством. Известно, что болгарские купцы продавали арабам меха, выменные у северных народов. Мусульманские писатели сообщали, что арабские купцы дальше Булгара не ездили, довольствуясь богатым местным, во многом перекупным, транзитным рынком.

Товарно-денежные отношения в зоне речных путей и приближенных к ним поселений Европейского континента приобрели в период раннего средневековья небывалый размах в результате экспортно-импортных операций. Баснословную прибыль, достигавшую иногда 1000%, приносила разница в стоимости, исчисляемой в серебре, пушнины у северных народов и на восточных рынках²². Снапливался, накопленный таким образом, крупный торговый капитал. Его, очевидно, использовали для организации новых перевозок, снаряжения кораблей и найма команды, уплаты пошлин, покупки восточных или европейских изделий, а также рабов и невольниц, уплаты дани и налогов, строительства жилищ, складов, пристаней, содержания охраны. Часть прибавочных средств укрывалась «до лучших времен», а иногда жертвовалась богам. Расстущее обогащение отдельных групп людей способствовало социальному расслоению

общества и одновременно развитию его экономической базы. Возникли условия для капиталистических отношений, которые, однако, в то время не были реализованы²³.

Мировой рынок складывался под воздействием разных обстоятельств во многом стихийно, но в тенденции поступательно. Запреты и ограничения на торговлю в большинстве мест фактически отсутствовали. Дорожные издержки и пошлины, а также опасности пути не останавливали торговцев. Путешествия этих людей проходили по населенным, а больше безлюдным местам, в том числе, и через, если так можно выразиться, ничейные «безгосударственные» земли. На волоках, ночевках, да и движении по воде, подстерегали нападения пиратов и разбойников. Понятно, что в одиночку такая поездка была обречена на неуспех. Флотилию каравана должны были охранять воины, бывшие одновременно гребцами. Фигура смелого, предприимчивого, странствующего купца приобрела своего рода героический ореол. В одном восточном источнике писалось: «кто по алчности с востока едет на запад, по горам и морям, и подвергает опасности жизнь и тело и имущество, не страшится разбойников и бродяг и пожирающих людей хищников и небезопасных путей, людям (Запада) доставляет блага Востока, а людям Востока, доставляет блага Запада, тот, конечно, содействует процветанию мира, а это не кто иной, как купец»²⁴.

III

В системе дальней торговли устанавливались приоритеты признанных высококачественных изделий, которые поступали из определенных городов и мастерских. Кузницы Рейнской области едва ли не первые в Европе оружейные мануфактуры, снабжали весь мир мечами и доспехами непревзойденного качества. Меха северных народов концентрировались в северорусских городах, первоначально, в первую очередь в Ладоге, и затем с огромной выгодой продавались на восточных рынках. «Товарная интеграция» Евразии, сблизившая естественно-географические районы разделения труда, в последней четверти I тыс. н.э. проявилась на стандартизации производства определенных популярных изделий в странах и регионах не только

близких, но и достаточно далеко отстоящих друг от друга. В обиход вошли однотипные стеклянные, сердоликовые, хрустальные бусы, привески и бусы из янтаря, костяные гребни, некоторые украшения из бронзы, гири и весы для взвешивания монет, международные по форме мечи, боевые топоры-чеканы, отчасти наконечники копий и стрел, также кольчуги, сходные по форме щиты и булавы, «восточные» наборные воинские пояса. Распространились высокие шапки, подбитые мехом одежды, возможно, использовались одинаковые по устройству корабли. Наряду с этнически нейтрально украшенными вещами, употреблялись украшения, оружие и бытовые изделия, имевшие местные черты. Славянки

носили скандинавские фибулы и салтовские стеклянные лунницы, болгары пользовались русским оружием, арабы употребляли русские шапки. Международная торговля, однако, не привела к тотальной нивелировке национальных культур, которые продолжали развиваться на местной основе, но обогащенной новыми элементами и заимствованиями.

Поразительно подробный перечень товаров волжской торговли в пору ее наивысшего подъема в середине X в. приводится в труде ал-Мукаддаси «Наилучшее разделение для познания климатов», написанном около 985 г. Здесь перечисляются, в частности, товары, привезенные из Булгара в Хорезм, а именно: меха соболей, белок, горностаев, хорьков, ласок, куниц, лисиц, бобров, зайцев, коз, далее воск, стрелы, береста, высокие шапки, рыбий клей, рыбы зубы (моржовые клыки), бобровая струя, янтарь, выделанные кожи (юфть), мед, лесные орехи, соколы, мечи, панцири (точнее кольчуги), березовая древесина, славянские рабы, мелкий скот, крупный рогатый скот²⁵. Все эти товары высоко ценились (например раб стоил от 70 до 300 дирхемов) и в Среднюю Азию из других мест, кроме как Поволжья, не поступали. Среди обозначенного ассортимента обнаруживаются

товары, скорее всего, преимущественно происходящие из Руси. Таковы меха соболей, белок, горностаев, куниц, лисиц, зайцев, также мед, воск, кора и древесина березы, янтарь, высокие шапки, мечи, кольчуги, славянские невольники. В этом составе находились не только изделия русов (здесь, уверенно, русских), но и приобретенные ими у соседних народов, например, меха соболей, белок, куниц. Русы — одни из самых преуспевающих «меховщиков» своего времени, действительно, самый дорогой груз получали из доступных им северных регионов. Кроме мехов на восточных рынках ценили высокие, отороченные мехом шапки (они станут своего рода национальным убором русских князей домонгольской Руси), кольчуги и мечи, как привозные франкские, так и местные древнерусские, называвшиеся слиманскими или сулейманскими, по имени библейского царя Сулеймана — Соломона²⁶.

Список ал-Мукаддаси свидетельствует о том, каким мощным торговым транзитным центром был Булгар, показание этого же списка приложимы и к Итилю, откуда «все товары поступали на рынки Азербайджана, Армении, Ирана, Хорасана и Византии, доходили до Багдада, Джурджании (Ургенча), Мерва, Бухары, Константинополя и даже Александрии²⁷».

IV

Государства, возникшие в зоне ВВП способствовали его интенсивному функционированию. Их роль в этом отношении еще недооценена. Прежде всего речь идет о Хазарии, занимавшей нижнее течение Волги, предгорья Кавказа, Кубань, среднее течение Дона, бассейн Северного Донца, северное Приазовье, часть Крыма. Столица хазар Итиль являлась крупнейшим в Восточной Европе торговым и таможенным городом, в котором в отдельных кварталах жили выходцы разных стран, включая и славян. По справедливому заключению М.И. Артамонова «роль хазар в истории (имеется в виду период 650—965 гг.) была прогрессивной. Они остановили натиск арабов, открыли двери византийской культуре, установили порядок и безопасность в прикаспийских и причерноморских степях, что дало мощный толчок для развития народного хозяйства этих стран (где находились гузы, аланы, мадьяры, болгары, печенеги, половцы, славяне — А.К.)

и обусловило заселение славянами лесостепной полосы Восточной Европы»²⁸.

Мощное развитие, начиная с конца IX в., получила Волжская Булгария, образовавшаяся в среднем Поволжье. В середине X в. она стала независимой от Хазарии и унаследовала необычайно продвинутой собственной торговой миссии. На территории этого государства скрещивались главнейшие водные и сухопутные пути, соединявшие его с основными торговыми партнерами Востока и Запада. Процветание Волжской Булгарии нашло отражение в необыкновенной плотности основанных в домонгольский период укрепленных поселений и селищ. Первых насчитывается около 170, вторых — свыше 700. В отличие от Хазарии, разгромленной в 960 годах, Булгария сохранила свое значение важнейшего экономического и культурного центра и транзитного узла вплоть до монгольского нашествия в 1230 гг. (в какой-то мере существовала и позже).

Основополагающее влияние в отношении использования ВВП, особенно в его прибалтийской части оказала Северная Русь со столицей в Ладоге, а затем Холмгороде-Предновгороде, сформировавшаяся, скорее всего до середины IX в. Руководители новообразованной державы существенным образом расширили балто-европейские связи. Ладога и другие северные русские города выдвинулись тогда в качестве центров, активизировавших экономические и транспортные контакты Запада и Востока. Скорее всего, при первом представителе новой правящей династии — князе Рюрике со скандинавскими странами была установлена система безопасного плавания — «торговый мир» и, следовательно, на значительной части Балто-Волжского маршрута были созданы условия максимального благоприятствования свободному судождению.

Обращает внимание геостратегическое строительство формирующегося государства. По сообщению Повести временных лет Рюрик посадил своих мужей в Полоцке, Муроме, Ростове, Белоозере. Ладога и поселение в истоке Волхова (там где ныне Рюриково городище) принадлежали самому главному норманскому властителю. Показательно, что упомянутые населенные пункты находились на важнейших речных трассах, так или иначе связанных с ВВП. С приведенными данными сопоставимы сведения «Саги об Озде-стреле», записанной в XIII в. В этом историчке неожиданно поименно названы конунги и управляемые ими города, а именно Хольмгард, Муром, Ростов, Суздаль, Полоцк, наконец Киев²⁹. Считается, что русские эпизоды данной саги — приключенческая романтика и домыслы книжной учености. Не входя в подробное рассмотрение достоверности источника, замечу, что перечисленные города, за небольшим исключением соответствуют адресному летописному распределению рюриковых мужей. Не случайно и упоминание в саге Киева. Вновь обратимся к Повести временных лет, содержащей известие о том, что варяги Аскольд и Дир отпросились у Рюрика в Царьград, а на самом деле, возможно, были направлены в Среднее Поднепровье для разведки предстоящего наступления северян на южные земли. Не будет рискованным предположить, что у нового династа был план расширения своих границ на юг в сторону Смоленска и Киева. Как бы то ни было, карта создававшейся единой страны, пронизанной магистральными дорогами,

становилась все более представляемой поколению времени княжения Рюрика.

Держава Рюрика сформировалась на подготовленной почве. Здесь прежде всего обратим внимание на известие о каганате «народа Рос», который возник не позже 830-х годов. По сообщению «Бертинских анналов», в 839 г. византийский император Феофил направил в составе своего посольства в Ингельгейм к королю франков Людовику Благодетелю группу, именовавшую себя «народом Рос», повелитель которых назван «хаканусом». При выяснении принадлежности этих людей, они оказались «свеонами», то есть шведами, и намеревались возвратиться из Константинополя в свою страну кружным путем, так как прямая дорога была опасной, она «проходила среди варварских, отличающихся жестокостью и беспримерной дикостью, племен»³⁰. Это сообщение «Бертинских анналов» достоверно, даже в некоторых деталях. Оно подтверждается известием Ибн Русте, писавшего в начале X в. по данным, восходящим к середине IX в., о том, например, что «у них есть царь, называемый хакан русов»³¹. Правитель русов принял свой титул не позже первой трети IX в., заимствовав его у хазар, чтобы уравнивать себя с хазарским царем и тем самым обозначить свою независимость³².

Для суждений о географическом положении каганата русов более широко могут быть привлечены сведения летописи. Судя по «Сказанию о призвании варягов», Ладога до вокняжения там в 862 г. Рюрика являлась главным центром межплеменной конфедерации северных славянских и финских племен³³. Эта конфедерация была способна на объединенные действия и может быть сопоставлена с каганатом русов, заявившим о себе в первой половине IX в. и, по всей видимости, независимым от Хазарской державы. Дополнить наши представления об этом раннегосударственном образовании могут, во многом еще загадочные, поддающиеся постепенной расшифровке, сведения Иокимовской летописи о доваряжской династии на севере Руси с вероятной резиденцией в Ладоге³⁴.

Если существование каганата русов сомнений не вызывает, то местоположение его центра гадательно. Его «штаб-квартиру» помещали в Тмутаракани, Киеве, районе Ярославля, Рюриковом городище, Ладоге³⁵. Из всех упомянутых

населенных пунктов только в Ладоге обнаружены отчетливые признаки ее существования, начиная со второй половины VIII в. В древнейших слоях этого города обнаружены наиболее ранние среди городов Руси норманнские (да и другие) древности, а также и дирхемы. Все имеющиеся данные выдвигают Ладогу наиболее вероятным претендентом в качестве центра каганата русов еще до появления там варяжского правителя Рюрика. В более широком плане расположение политического образования русов именно в северной части Восточной Европы имеет свои основания³⁶. Не случайно в недатированной части Повести временных лет русы помещены в соседстве с балтийскими народами и северными финно-уграми³⁷, а их территория, как сообщает Повесть временных лет под 852 г. (возможно с запозданием), «начая прозвати Руска земля». Намек на северный адрес русов содержится в самом известии 839 г. Как упоминалось, русы оказались шведами. Их присутствие в качестве послов «хакануса» напоминает аналогичную ситуацию состава посольств Руси в Византию в 911 и 945 гг. Тогда среди подписавших соответствующие договоры «от рода рускаго» находились послы со скандинавскими именами³⁸. Очевидно, традиция включения

скандинавов в дипломатические миссии восходила к первой половине IX в. В тот период, насколько это устанавливается по данным письменных и археологических источников, присутствие норманнов в Восточной Европе ограничивалось низовьями р. Волхов³⁹. Иными словами, наиболее подходящим местом их пребывания в то время была Ладога, а затем, вероятно, поселение в верховьях Волхова, ныне называемое Рюриково городище.

Северный адрес древнерусской зоны, где произошла самая ранняя встреча скандинавов и славян (и, по-видимому, финнов) и где в тот период уже существовали торговые города Ладога и Хольмгард, иначе Предновгород (Рюриково городище) подтверждают и скандинавские источники XI–XIII вв. Показательно, что упоминания только этих населенных мест имеются в древнейшем топонимическом пласте, зафиксированном в скальдических стихах и рунических надписях XI–XIII вв. Запечатленная в скальдике, рунах и сагах информация об этих городах восходит к событиям IX–X вв. и отражает начальный этап освоения скандинавами так называемого «восточного пути» по маршруту: Финский залив, река Нева, южное побережье Ладожского озера и, особенно, река Волхов⁴⁰.

V

Соседство народов в зоне ВВП породило феномен славянского присутствия на значительных пространствах этой системы. В Среднем Поволжье фиксируют земледельческую именьковскую культуру IV–VIII вв., которую связывают со славянами⁴¹. В конце VIII в. под натиском кочевников племена именьковской культуры переселились в область Днепровско-Донского междуречья⁴². Возможно, что некоторая часть этих коллективов осталась на прежних местах. Не случайно, что царь Волжской Булгарии в записках путешественника Ибн Фадлана именовался «маликом болгар» и «эмиром славян». Существование «островков» славян в зоне средней и нижней Волги или их близкое соседство с этими районами, подтверждают известия письменных источников⁴³. Так в 852 г. ожидавшие нашествия арабского полководца Буги жители Кавказа ценары обратились за помощью

к «повелителю Византии», «владыке хазар» и «государю славян»⁴⁴. Предполагать для середины IX в. в «государе славян» болгарского царя вряд ли реально. Скорее всего, здесь разумелся самостоятельный хакан страны русов (смотри выше)⁴⁵. О близости славян к волжским местам свидетельствует и такой факт. В 737 г. арабский полководец Марван, преследуя войско хазар, «напал на славян (сакалиба) и соседних с ними неверных разного рода и захватил в плен из них 20 тысяч семей»⁴⁶. Судя по тому, что войско арабов вступило в землю хазар и подошло к «реке славян» Волге, речь идет о немалом славянском населении, либо непосредственно у границ Хазарского каганата, либо где-то поблизости от него⁴⁷. Действительно, на северо-западе Хазария граничила с землями полян, северян и вятичей, которые вместе с радимичами входили в сферу ее политического влияния и платили

юго-восточному соседу дань. Наконец, известно, что в столице Хазарии Итиле существовали кварталы славяно-русских поселенцев. Эти люди служили в гвардии хазарского царя и имели особого судью и свой храм. По сообщению арабского географа Ибн Хаукаля, в «Славянской части» города находились морская гавань и эта «часть» представлялась более населенной и превосходной, чем итальянский город Палермо⁴⁸.

В источниках вместе со славянами обычно упоминаются русы. Их уверенное соотнесение со скандинавами безоговорочно принять нельзя. Не входя в подробности этого сложного и дискуссионного вопроса, отметим, что этим именем, как справедливо считал М.И. Артамонов, «могли называться нормано-славянские военные и купеческие дружины лишь постольку, поскольку они формировались в Русском государстве и выходили из него»⁴⁹. В составе русов можно представить лиц разного происхождения: скандинавского, славянского, вполне возможно, финского. В целом, термин русы имеет не этнический, а если так можно выразиться, геосоциальный смысл. Условия пребывания этих людей в Восточной Европе не могли не оказать на них свое влияние. Высказано обоснованное мнение, что для IX в. этноним «русь», кем бы не были этнически его носители, являлся славянским самоназванием, а языком общения русов уже в тот период стал восточнославянский язык⁵⁰.

Восточные писатели пишут о русах как об отважных воинственных людях, плававших по Волге (и другим рекам) и спускавшихся по этой реке на кораблях откуда-то от ее верховьев. Они определяются профессионально, как особая группа торговцев, а их поведение, как с похвалой сообщают современники, соответствовало характерным правилам интернационального купеческого гостеприимства. По отзыву Ибн Русте, «гостям (русам) оказывают почет и с чужеземцами, которые ищут их покровительства, обращаются хорошо, так же, как и с теми, кто часто у них бывает, не позволяя никому из своих обижать или притеснять таких людей»⁵¹.

Среди разноязычных купцов русы вызвали повышенный экзотический интерес. Ведь за ними, как не без оснований считали современники, стояли большие товарные ценности и неизведанные места жительства. Замечания о русах у восточных

авторов раскрывают предметы их торговли. Ибн Русте в своей «Книге драгоценных ожерелий» (писал в 903–913 гг. по данным восходящим к IX в.) отмечал, что «единственный промысел (руссов) — торговля собольими, беличьими и другими мехами, которые они продают желающим; плату же получаемую деньгами, завязывают накрепко в свои пояса»⁵². Другой автор Ибн Хаукаль, относительно мехов, которые привозились к хазарам, писал, что «лучшие из них добываются в стране русов, а некоторые дорогие меха⁵³ привозятся из страны народов Гог и Магог (обозначение легендарных северных народов), (эти меха) доходят до русов вследствие их соседства с народами Гог и Магог и торговли с ними, и они продавали их (меха) в Булгаре, пока не разорили его в 358 г. (968–969 гг.). Часть этих товаров доходила до Хорезма»⁵⁴. Далее Ибн Хаукаль прибавляет, что несмотря на захват русами поволжских городов, приток товаров в Итиль не прекратился⁵⁵.

Опознание древностей русов — дело специальных исследований. Сложность заключается в том, что этот культурный комплекс в X столетии становится составной частью общерусской дружинной культуры. Здесь выскажем лишь несколько предварительных замечаний, связанных с рассматриваемой темой.

С наследием русов, на мой взгляд, можно связать дружинные курганы со срубными, камерными гробницами второй половины (или конца) IX–X вв. Одно время их считали исключительно шведскими, теперь же пришли к заключению, что даже в Бирке они не являются местными. Нахождение схожих сооружений в Западной и Северной Европе лишь усиливает интерес к их древнерусским параллелям и загадке их появления. В этой связи привлекает внимание известие Ибн Русте в его «Книге драгоценных ожерелий» (начало X в., восходит к IX в.). Оно гласит: «Когда у них умирает кто либо из знатных, ему выкапывают могилу в виде большого дома, кладут его туда, и вместе с ним кладут в ту же могилу его одежду и золотые браслеты, которые он носил. Затем опускают туда множество съестных припасов, сосуды с напитками и чеканную монету. Наконец, в могилу кладут живую любимую жену покойника. После этого отверстие могилы закладывают, и жена

умирает в заточении»⁵⁶. Приведенное описание представляет устройство подземного «дома мертвых» с труположением знатного человека и его жены. Это могильное сооружение можно отождествить с клетью, «домовиной», перекрытой деревянным накатом. Заметим, что подземные «дома мертвых» запечатлены в русском фольклоре — в былине о Михайле Потоке⁵⁷. Происхождение такого рода погребальных сооружений — тема специальных разысканий.

Неожиданным по своей конкретности для идентификации сообщества русов в контексте торговых связей явились куфические монеты с разного рода метами. Об исламском серебре речь пойдет ниже, здесь коснемся лишь меченых монет, которых на территории Восточной Европы выявлено 605⁵⁸. На них распознаны буквы, слова, различные знаки и изображения. Монеты с подобными метами, как можно предположить, привешивались или прикладывались к грузу, каким-то ценностям, а в дальнейшем оказывались в составе монетных накоплений и средств платежа, уже утратив свой опознавательный смысл.

Начертанья на готовых монетах сделаны острыми предметами во время их перемещения резчиками разных стран и народов. Здесь угадываются арабский, персидский, грузинский, тюркский, греческий, скандинавский и славяно-русский адреса. Назначение меченых денег многозначно. Они, очевидно, использовались для маркировки товаров, включая и сами накопленные денежные знаки, содержали счетные числа, имена владельцев, служили семейным, артельным, индивидуальным, государственно-княжеским, дружинным, дорожно-корабельным, складским знаком, культовым и магическим символом, обозначали успех и благополучие, подтверждали свое платежеспособное качество и подлинность. Дирхемы с граффити, прилагавшиеся к упаковкам, выполняли роль счетных и числовых бирок, иногда обозначали, вероятно, число монет данной партии. Странно было бы представить владельцев серебра, живших в IX или X вв. и не использовавших цифровой подсчет.

Некоторые знаки явно внеалфавитны, это свободные композиции, можно сказать, «черты и резы». Видимо, было необходимо наложить свое «знамение», в данном случае, памятное, узнаваемое, но, при этом в чем-то уникальное, неповторимое⁵⁹.

Полностью или частично повторяющиеся начертания на монетах, несмотря на этническую пестроту их владельцев, очевидно, должны быть признаны и понятны интернациональным по составу коллективам торговцев, воинов, путешественников, действовавших на просторах Старого Света. Международная распространенность тех или иных принятых в обиходе фигур на монетных метам, несомненно, способствовала организации упорядоченной торговли, облегчала контакты продавцов и покупателей, нередко говоривших на разных языках. Граффити на монетах представляли своеобразное эсперанто, надплеменной знаковый язык, столь необходимый участникам торговых караванов русам, финнам, болгарам, хазарам, арабам, скандинавам и представителям других народов тогдашнего мира. Конечно, существовали по-видимому, и этнически однородные славяно-русские, болгарские, норманнские товарищества торговцев, хорошо знавших правила и обычаи на евразийских магистральных путях.

Стремление к унификации знаков прежде всего проявлялось, очевидно, в цифровых обозначениях. В этой связи обращают внимание монеты с одиночными или немногими начертаниями. Эти фигуры истолковывают как ближневосточные или руноподобные. Между тем, ряд распространенных знаков, нанесенных на монеты, могут быть сопоставлены с буквами греческого или, соответственно, кириллического счета⁶⁰. К ним относятся В (2, здесь и далее цифровое значение букв), Е (5), З (7), И (8), I (10), К (20), Л (30), М (40), N (50), Р (100), Т (300), У (400), Х (600)⁶¹. В определенных комбинациях подобные знаки могут также пониматься как цифровые ряды: ЛВI=30+12 или ЛN=30+50.

Не ставлю задачу подробной трактовки цифрообразных знаков. Дискуссионность определений выступает хотя бы на примере знака N (встречен на монетах 45 раз). Его относят к рунам S или N. Это допущение уязвимо. Действительно, некоторые воспроизведения данной фигуры напоминают одну из названных рун, другие, по справедливому замечанию Е.А. Мельниковой, по графике далеко не полностью им соответствуют⁶². Данный знак зато не отличим от кириллической буквы-цифры N. Заметим, что рассматриваемый знак начертан на корчаге

середины X в. из Гнездова с древнейшей славяно-русской надписью «гороуноша»⁶³. Если речь идет о цифре, то она могла быть мерой емкости сосуда, или порядковым номером керамической тары для вина, масла, горчицы, или, наконец, опознавательным знаком перевозимого товара. В дальнейшем знак N присущ метам собственности на бытовом и хозяйственном древнерусском инвентаре⁶⁴.

Безоговорочно отнесение ряда, если не большинства, монетных граффити к рунообразным вряд ли во всех случаях оправдано. Восточноевропейская торговля, скорее всего, выработала свой комплекс

товарных знаков, что, конечно, не исключает маркировку с помощью рун.

Кому бы не приписывать меченые денги, они, по логике вещей, прежде всего имели торгово-транспортный учетный смысл и придавались движимым купеческим ценностям. Не противоречат такому назначению и военно-дружинные и геральдические изображения также встреченные на монетах. Все сказанное позволяет приписать какую-то часть купеческих монет с граффити восточноевропейским торговцам, в том числе и русам. Здесь перспективны дальнейшие изыскания.

VI

Переходим здесь к ценному по своей информативности, хотя и не простому по текстологии, сообщению Ибн Хордадбега, содержащемуся в его «Книге путей и стран», написанной в 846/47 г. и дополненной в 885/86 г.⁶⁵ Обсуждаемый ниже отрывок имеется в первоначальной авторской редакции, а описанные в нем события, как полагают, восходят к началу IX в. Этот отрывок гласит: «Купцы-русы, а они вид (джинс-каста) славян, вывозят меха бобров⁶⁶ и черно-бурых лисиц и мечи из отдаленных частей страны славян к Румскому морю и берет с них десятину властитель ар-Рума (Византии).

Если они хотят, то отправляются по (?) реке⁶⁷ славян входят в Хамилидж, город хазар. Их (хазар) властитель также взимает с них десятину. Затем они отправляются к Джурджанскому (Каспийскому) морю и высаживаются на каком-либо берегу, куда они стремились. Окружность этого моря 500 фарсахов. Иногда везут свои товары из Джурджана (область на юго-востоке Каспия) на верблюдах в Багдад и переводят им славянские евнухи, они русы заявляют себя христианами»⁶⁸.

При анализе приведенного отрывка следует учесть, что Ибн Хордадбег, бывший «начальником почты и осведомления» одной из областей халифата и довольно точный в своих показаниях, коснулся только южной части описываемых маршрутов. О более северных их трассах он, очевидно, сколько-нибудь подробной информации не имел. Можно, однако, попытаться расшифровать местоположение тех «отдаленных частей страны славян», о которых упоминает наш автор.

Арабские писатели самой удаленной и в то же время главной группой русов называли ас-Славийя, что сопоставляют с действительно далекой от арабов землей словен новгородских⁶⁹. В подкрепление этого тезиса обратим внимание на одно загадочное место о русах в тексте труда ал-Масуди «Золотые луга и россыпь самоцветов», написанном в 947–950 гг. «Ар-рус, — пишет этот арабский историк и географ, — некий разряд, называемый ал-лудаана. Они наиболее многочисленны и ходят по торговым делам в страну Андалус, в Рум, Константинию и к хазарам»⁷⁰. Ал-лудаана (в разночтениях лудагия, ладагия, лудана, лудайя) трактовали как литовцы, норманны, как испорченное наименование купцов-евреев ар-Раданийя⁷¹. Высказано также мнение о том, что здесь названы ладожане, что весьма созвучно названию этого древнего города⁷². Если последнее толкование приемлемо, то обрисовывается место нахождения группы северных русов, называвшихся по имени своего города. С учетом того, что Ладога была основана не позже 753 г., служила важнейшим складочным и транзитным центром товаров в Волховско-Невской части ВВП, в начале IX в. могла, как говорилось выше, претендовать на роль столицы каганата русов, базирующиеся в этом городе купцы действительно могли ездить водными путями вокруг Европейского континента в Испанию, а в другом направлении в Византию и Хазарию. Высказанное допущение, думаю, не противоречит известию Ибн Хордадбега о купцах, возивших на Восток от краев славянской земли грузы лучших товаров.

Вернемся к цитированному выше сообщению Ибн Хордадбеха. В нем обозначены не один, как иногда считают, а два маршрута купцов-русов. Один вел к Румийскому морю в Византию. Подробности не сообщаются, но несомненно, что движение предполагалось по одной из рек южной России, может быть, по Дону. Другой маршрут, отмеченный Ибн Хордадбехом, допускает различные трактовки, ибо в рукописях название реки славян искажено настолько, что текстологически не может быть восстановлено⁷³. Если в этом месте значился Танаис, то путь проходил по Дону, далее с переходом на Волгу, вероятно, в районе переволоки, продолжался в ее низовья, затем начинался Каспий. Данных для утверждения именно такого движения с переходом с одной реки на другую все же недостаточно. Ясно только, что в результате своего плавания купцы оказывались в низовьях Волги в городе хазар Хамлидже (Итиле) и после уплаты пошлин могли двигаться в Каспийское море.

Донской или в данном случае точнее, Доно-Волжский путь, по сравнению с Волжским, был меньшей протяженности и более безопасным от кочевников для купцов, ехавших с севера. Если говорить о Донском пути, то он был удобен для черноморской торговли. Этот маршрут представляют связанным с Окой и выходом к верховьям Волги⁷⁴. Прохождение данного пути, на что не обращали внимания, затруднялось протяженными сухопутными переходами, достигавшими местами около 70 верст. Донской путь тяготел к Крымско-Черноморскому направлению, а если с его помощью добирались до Прикаспийских стран, то он по своей, так сказать, сквозной судоходной проходимости уступал Волжскому. Последний, в связи с образованием в конце IX — начале X вв. Булгарского царства, в сравнении с Донским путем считался, видимо,

более предпочтительным. Волжская дорога выводила к богатым городам Северо-Восточной Руси и всегда была экономически притягательна своим продолжением в виде Камского пушного пути.

Если в неясном месте текста Ибн Хордадбеха представить название реки Итиль-Волги, обозначается вполне обоснованный Волжский маршрут. В книге Ибн Хордадбеха пояснено, что хазарский город Хамлидж, где купцы платили пошлины, находится «на конце реки, которая течет из страны славян, и впадает она в море Джурджана»⁷⁵ и далее сообщено, что из этой реки открывается выход в Каспий. Приведенные данные подтверждают, что именно Волга могла называться «рекой славян», а город Хамлидж (Ибн Хордадбех в своем труде называет его главным городом хазар) и есть Итиль⁷⁶.

Как бы не трактовать дорожные сообщения Ибн Хордадбеха, они свидетельствуют о дальней торговле русов мехами и оружием по разным водным путям, ориентированным на Византию и Халифат. Известия арабского чиновника важны еще и потому, что достоверно датируют функционирование торговли русов не позже первой трети IX в.⁷⁷ Языком русов, что отметим еще раз, был скорее всего славянский, так как переводчиками им, как упоминалось, служили славянские евнухи. Как не вспомнить здесь запись Повести временных лет о том, что «словенский язык и русский одно есть»⁷⁸. Как пишет И.Г. Коновалова, «если внимательно посмотреть на этнонимы, хоронимы и гидронимы, сопровождающие рассказ Ибн Хордадбеха о купцах-русах, то славянский контекст упоминания русов будет совершенно очевиден. В самом деле, купцы-русы заготавливают товары в «стране славян», плывут по «реке славян»; пользуются услугами переводчиков-славян, да и сами являются «одной из разновидностей (джинс) славян»⁷⁹.

VII

Разворот судоходной и иной торговли, начиная с VIII в. сопровождался установлением единой денежно-весовой единицы — исламского дирхема. Вплоть до начала XI в. восточное монетное серебро выполняло функции международной валюты. Количество находок дирхемов

в Восточной и Северной Европе в кладах и отдельно составляет более 160000⁸⁰. Эти находки указывают места торговли, маркируют купеческие маршруты и разъезды сборщиков дани. В некоторых случаях выявленные клады способны реконструировать военные потрясения⁸¹, происходившие

Таблица 1

Века	Число кладов	Число дирхемов
VIII	7 (3.1%)	1156 (1%)
IX	75 (33.6%)	22551 (24%)
X	121 (54.3%)	58804 (61%)
XI	20 (9%)	13121 (14%)

в тех или иных регионах, хотя о них молчат письменные источники. Конкретные причины зарытия сокровищ, конечно, многообразны. Для нас важно то, что подземные ценности, при всей их конкретной случайности и непредсказуемости, в тенденции верно отражали интенсивность, направление и даже объем торгово-денежных операций, в том числе, и в системе ВВП. Сокрытие в дальнейшем невостребованных кладов, а также использование дирхемов для изготовления украшений исключало из обращения часть наличного капитала и временно поэтому сужало торговлю, но не прекращало ее развития и грядущего расцвета во второй четверти X в.

Русь, судя по находкам, явилась крупнейшим потребителем и распространителем исламского серебра. Характерна в этом отношении следующая таблица (воспроизвожу ее по подсчетам Т. Нунне⁸²). Использовано 223 клада, найденных на территории Европейской России и относящихся к VIII—XI вв. Каждый клад содержит более 5 дирхемов (таблица 1).

Приведенные данные свидетельствуют о неуклонном росте монетных поступлений на территории Восточной Европы. Как отмечает Т. Нунне, находки кладов иллюстрируют рост торговой активности в 780—810 гг., последующее ее снижение в 820—850 гг., резкий подъем в последующие три десятилетия в 860, 870 и 880 гг. Вторая четверть X в. приносит новый рост активности, очевидно, связанный с увеличением объема сделок. После 1025 г. наступает снижение поступления куфических монет. Приведенные сопоставления чутко отражают реальные обстоятельства, в частности, показывают знаковое увеличение монетных поступлений на Русь в 860—880 гг. Этот период совпадает с деятельностью основателя новой династии князя Рюрика. Здесь угадываются энергичные действия нового династа, направленные на расширение международной торговли, достигшей расцвета в 925—950 гг.,

что примерно соответствует времени правления Ольги и Игоря.

Территориально клады имеют отношение к функционированию водных и иных путей, хотя не всегда с ними обязательно совмещаются. Примером является ВВП. Если его северная часть для VIII — первой половины IX вв. от Ярославля до Старой Ладogi сопровождается рядом кладов, то Среднее и Нижнее Поволжье от них почти свободно⁸³. Это можно объяснить тем, что на этом отрезке пути, проходящего по территории Хазарского каганата, видимо, отсутствовала необходимость прятать денежные капиталы, их везли, так сказать, в другие места. Здесь в рассматриваемый период, за исключением Итиля, прибрежных поселений, действительно или не было, или они были до крайности редки. Как верно заметил А.В. Фомин, степень насыщения района монетными находками не всегда прямо пропорциональна его причастности к торговле. «При значительном увеличении ввоза серебра (из Халифата) и его быстром перемещении клады выпадают реже или вовсе исчезают. Численность находок велика там, где монетный поток замедляет движение, где создаются условия для его распределения в округе»⁸⁴. Приведенное толкование помогает объяснить существование пустынных от кладов пространств по течению Дона и Волги и появление отложений сокровищ в верховьях, например, Дона, а также Оки в землях вятичей, и в верхнем Поволжье — районе Северо-Восточной Руси (рис. 2). Находки монет, как раз обнаруживаются в местах проживания оседлого населения и наоборот, в степных районах, где не отмечается прочной оседлости, клады обнаруживаются крайне редко⁸⁵. Волга протекает и в зоне степи, где оседлость в тот период или отсутствовала, или намечалась слабо, или нарушалась кочевниками, такими, как печенеги, а затем половцы. Добавим сюда еще и недостаточную изученность нижней Волги, ведь точно не установлено даже место Итиля.

Следует также учесть, что стремление прятать сокровища уменьшалось там, где находились постоянные центры стабильной торговли, где местные власти тем или иным способом заботились о ее безопасности, где не опасались завязывать долговременные коммерческие связи, а сделки по купле-продаже могли вместо денег

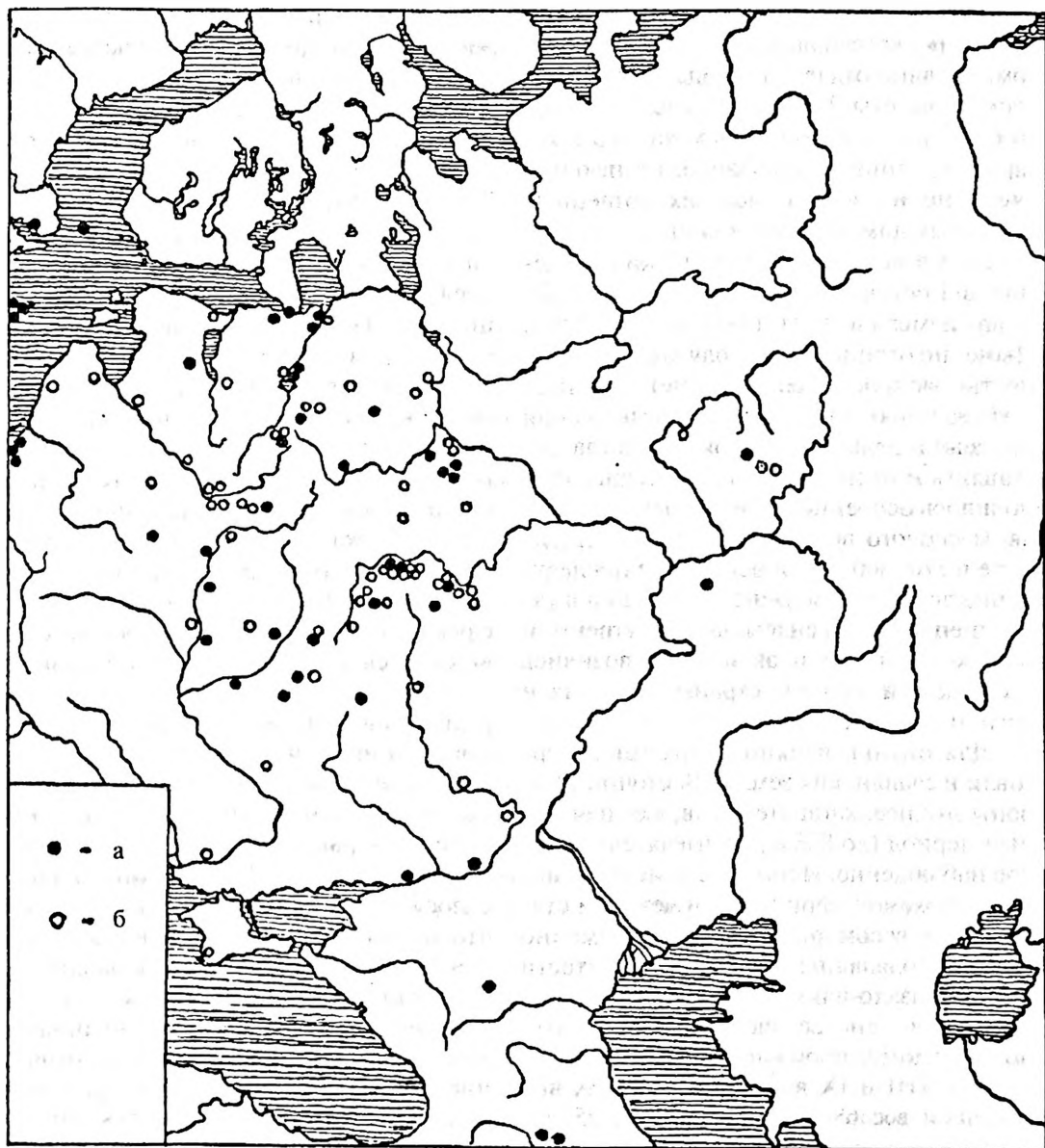

Рис. 2

Клады куфических монет конца VIII–IX вв. в Восточной Европе (по А.Г. Иванову)
 а — клады начального периода обращения дирхема (до 833 г.), б — клады второго периода
 обращения дирхема (833–900 г.)

удостоверяться деловыми документами (в исламских городах это практиковалось уже в раннем средневековье⁸⁶).

Таким образом, отсутствие монетных находок нуждается в объяснениях, но все не свидетельствует об отсутствии на тех или иных территориях денежного обращения и торгового судоходства.

Имеются примеры и иного рода. Так нахождение обычно небольших кладов начального периода обращения дирхема (до 833 г.) в системе Оки и отчасти верховьях Дона, преимущественно в земле вятичей, свидетельствует не столько о прохождении

здесь Донского пути, сколько о «подземном» укрытии монет, отложенных сельскими дворовладельцами на случай выплаты дани хазарам или в связи с военной или иной опасностью. В Повести временных лет под 859 г. отмечено, что поляне, северяне и вятичи отдавали своему юго-восточному соседу от каждого двора «по беле и веверце», то есть, по серебряной монете и белке⁸⁷. В сообщениях того же источника под 884 и 964 гг. сказано, что взимаемая как дань от радимичей и вятичей монета называлась щьягом⁸⁸, что сопоставляется с получившим у еврейских

купцов наименованием дирхема — шэлэг («белый», «серебряник»)⁸⁹. Таким образом, славяне отдавали в виде дани куфические монеты. Что же касается вятичей, то они вплоть до 966 г. находились в хазарской даннической зависимости, с чем очевидно и связана часть их потаенных семейных домовых сокровищ.

Время передвижения арабских дирхемов в Восточной Европе в период IX—X вв. измерялось от 14–17 до 30–40 лет. Ныне, не отрицая в ряде случаев длительность распространения монет, пришли к убеждению, что скорость их движения на весьма дальние расстояния могла составлять и несколько лет. Последнее стало особенно характерным в периоды массового выпуска дирхемов в Халифате в 770, 800, 820 и некоторые последующие десятилетия. Денежные знаки в такие периоды перенасыщали внутренний рынок Халифата и активно вывозились в близкие и дальние страны, включая и регион Балтийского моря⁹⁰.

Для оценки влияния дирхемной торговли в славянских землях Восточной Европы, точнее, каганате русов, в ее начальный период (до 833 г.) примечательно такое наблюдение. Использование аббасидских дирхемов африканской чеканки стабильным весом около 2,73 г (а именно они преобладали в кладах первой трети IX в.) оказало влияние на сложение русской денежно-весовой системы, что, по-видимому, произошло вряд ли позже рубежа VIII и IX вв. В гривне IX—X вв., имевшей вес 68,22 г, содержится 25 подобных дирхемов, в русском исчислении 25 кун. В более поздний период распространение получили дирхемы азиатской чеканки весом около 2,85 г.⁹¹

Начало дирхемной торговли относят к 70–80 годам VIII в. Ныне накапливается все больше данных отодвинуть начальный период этого глобального явления к 50–60 годам VIII в. (если не раньше). В тот период сложились благоприятные для развития экономики Восточной Европы обстоятельства. После 737 г. прекратилась арабо-хазарская война. В отношениях между двумя государствами наступил преобладающе мирный период⁹². Военное противостояние уменьшилось и благодаря тому, что в упомянутом году часть хазар приняла ислам. Уже в 730-х годах купцы из Хазарии и Дербента стали

расширять торговые контакты. Обнаружилась необходимость в поисках мехов и других ценностей двигаться на север. В зоне ВВП возникла новая урбанистическая ситуация. На северном и южном полюсах системы ВВП появились: после 723 г. Итиль, не позже 753 г. Ладога (в Подонье в 830 годах Саркел). В 762 г. утвердившиеся у власти в 749 г. Аббасиды перенесли столицу из Дамаска в Багдад (официально названного «Городом благоденствия»⁹³), в котором на новозаведенном монетном дворе во все возрастающей мере была развернута чеканка полноценной серебряной монеты. В пределах первой половины VIII ряд новых городов отстраиваются в регионе Балтийского моря (Рибе, Бирка, Ральсвик, Рёрик, Павикен и др.). Почти одновременное создание череды городов на торговых маршрутах не случайно и знаменует разворот устойчивых «всесветных» купеческих операций.

Обращают внимание отдельные спорадические находки, которые свидетельствуют о «просачивании» дирхемов в Восточную и Северную Европу, возможно, уже в первой половине VIII в. Для этого периода характерны единичные монеты. Денежные клады фиксируются начиная с последней четверти VIII в. Возможно, что обстановка существовавшая в более раннее время не требовала сокрытия куфического серебра. Что касается отдельных находок, то бесполезно привести некоторые примеры, имеющие отношение к ВВП. Таковы, например, монеты суммарно 709–751 гг., обнаруженные на территории Волжской Булгарии. Некоторые из них происходят из погребений Больше-Тиганского могильника второй половины VIII — первой половины IX вв.⁹⁴ Монеты, чеканенные в 704–750 гг., встречаются на территории Швеции, их большинство концентрируется в районе озера Мелар, а в Бирке дирхемы 710–740 гг.⁹⁵ найдены и в погребениях и на поселении. Вероятно, первые восточные монеты достигли Швеции не позже середины VIII в. (или вскоре после этого рубежа). Конечно, нередко более ранние монеты находились среди находок более поздней поры, но в отдельных закрытых комплексах дата их выпуска и дата использования могут быть очень сближены.

Особое значение для выяснения времени начального проникновения дирхема

по ВВП приобретают находки Старой Ладоги. К числу древнейших русских кладов отнесен обнаруженный в этом поселении клад куфических монет, чеканенных в 749–786 гг. В разные годы на территории «Земляного городища», каменной крепости, посада и в курганах обнаружены 11 монет VIII в. с датами, насколько удалось установить, суммарно 738–739–788 гг.⁹⁶ Во время раскопок в 1950 г. «Земляного городища» из пласта, датированного 750–760 гг., извлечен умайядский дирхем, чеканенный в Дамаске в 699–700 г. Среди найденных в поселенческих слоях древнерусских городов, данная монета по дате является старейшей. На поселении Новые Дубовики, находящемся в 9 км к югу от Старой Ладоги, в культурном слое, датированном не позднее IX в., оказался дирхем 746–747 г.⁹⁷ Ни в одном древнерусском городе не встречено такого количества ранних умайядских и аббасидских дирхемов, как в Ладоге. Вряд ли все они только пережиточно попали в низовья Волхова много позже времени своего изготовления. Анализ кладов наиболее раннего периода распространения дирхемов в Европейской России (780–833 гг.), содержащих 5 и более монет, выявил в их составе 10–12% монет, относящихся к 750–760 гг.⁹⁸ Эти образцы попали в клады более позднего времени, но их постоянное присутствие может указывать на то, что отдельные дирхемы могли проникать в Восточную Европу, в том числе и в Ладогу в середине VIII в., если не раньше.

Подолжая тему о Ладоге, утверждаем, что ее следует рассматривать в составе важнейших ранних коммуникационных, рыночных и транзитных центров, концентрирующих приток куфического серебра. Этот, как упоминалось, ключевой город, где сошлись Волжский и Днепровский пути, а также сухопутные дороги к северным народам, может служить точным и чутким показателем функционирования торговых маршрутов средневековой Евразии, включая и ВВП. В низовьях Волхова, в зоне порогов, протяженностью не менее 65 км, образовалась особая Ладожская волость с укрепленными городками, дорожными станциями, лоцманской службой, складами, купеческими гостевыми домами, пристанями. Здесь ремонтировали, приобретали и снаряжали корабли, а купцам давалось право

свободного проезда внутрь страны. Не позже середины VIII в. Ладога стала главным центром славянских и финских племен, а затем государственной резиденцией и фамильным владением дома Рюриковичей. С Ладогой ассоциируется доваряжский «великий город», названный в Иоакимовской летописи⁹⁹. Как бы в продолжение этой традиции в одной исландско-норвежской саге (для событий около 1034 г.) Ладога отмечена как «большой торговый город»¹⁰⁰.

Именно через Ладогу проходило основное караванное торговое движение и реэкспортировались в страны Балтийского региона от трети до половины всех попавших на Русь в IX–X вв. куфических монет. К примеру, на о. Готланд и в Швеции обнаружено 10261 дирхем, поступивших туда во второй половине IX в. По сравнению с периодом 800–849 гг. число дирхемов возросло почти в 8 раз¹⁰¹. Из этого можно заключить, что после 850 гг. на смену даням и спорадическим контактам пришла растущая, регулярная, прямая и посредническая торговля Руси и Скандинавии, несомненно, главным образом, через Ладогу. Монетные потоки через этот город продолжали нарастать и в дальнейшем. С учетом всей массы импортированного в страны Балтийской Европы монетного серебра, объем ладожско-балтийской торговли, по исчислениям Т. Нуннена, в начале X в. по сравнению с концом IX в., вырос в 3 раза, а в 940 гг. — не менее, чем в 10 раз¹⁰².

Роль Ладоги как денежного канала в Европу конкретизируется по подсчетам находок дирхемов в странах региона Балтики, несомненно вывезенных через Ладогу в 780–909 гг. По данным Т. Нуннена динамика экспорта дирхемов выглядит следующим образом¹⁰³ (таблица 2).

Приведенные подсчеты по десятилетиям (с допуском определенной растянутости по времени перемещения монет от места чеканки) в тенденции верно отражают события своего времени. Угадываются постоянные изменения. 800–830 гг. — судя по находкам, торговля с «востоком» регулярна и развивается по нарастающей. 840 гг. — славяне и финны, что примерно соответствует сообщению летописи, могли быть обложены варяжской данью, скорее всего, денежной. Дань и деньги от продаж дополняют друг друга и вывозятся в страны Балтики. 850 гг. — изгнание варягов, прекращается выдача дани, соответственно уменьшается

Таблица 2

Годы	Количество монет
780	9
790	—
800	111
810	358
820	911
830	893
840	2864
850	934
860	4697
870	2550
880	1272
890	3722
900	2333
Всего	20654

экспорт через Ладогу исламского серебра. 860 гг. — призывание северными племенами Рюрика, по монетным находкам явно заметна активизация дальней торговли по ВВП. 870 гг. — снижение купеческой транзитной деятельности. Рюрик в Новгороде. 880 гг. — поход князя Олега на Киев, уменьшение притока на Запад монет в связи с перестройкой торговых операций и возращением значения черноморско-византийских связей. 890 гг. — оживление торговли объединенной Руси, что отразилось на экспорте дирхемов, поступающих все в большем количестве через ВВП. 900 гг. — стабилизация торговли, по уровню напоминающей 840 и 870 гг.

Из приведенных сопоставлений можно заключить, что по находкам платежных средств, ввезенных из Руси в страны Балтики, можно судить о колебаниях дальней торговли и изменениях международных экономических связей. Открывается повременной баланс коммерции и достоверных летописью политических событий,

а Ладога предстает в качестве крупнейшего транзитно-экспортного центра и судоходной базы, обслуживавшей страны Балтики.

Сказанное выше подтверждают другие примеры ладожской археологии. Различные находки VI–VIII вв. свидетельствуют о первоначально многоэтапных торговых и иных связях региона Ладоги с Востоком. Через этот регион восточные и южные импорты проникали из Прикамья в Финляндию. В самой Старой Ладоге, в слое 750–760 гг., связанном с первыми поселенцами, обнаружены стеклянные мозаичные и глазчатые бусы, а также цилиндрические и многочастные пронизки передневосточного или средиземноморского происхождения.

Далее отметим сердоликовые бусы и бусы, произведенные из посудного стекла, привезенные, как считают, с Кавказа¹⁰⁴. По наблюдениям Ю. Каллмера, потребность европейцев в восточных бусах была настолько велика, что их производство в Халифате в целях экспорта в середине VIII в., по сравнению с более ранним временем, возросло в 10 если не более раз¹⁰⁵. Привозных бус оказалось недостаточно. И в Ладоге, судя по обнаруженным бракованным бусам и остаткам стеклодельных мастерских, в последней четверти VIII в. переходят к массовому выпуску пользующихся растущим спросом стеклянных бисера и многочастных пронизок¹⁰⁶. Опять же в Ладоге, в остатках ювелирно-кузнечной мастерской 750 гг. найдена костяная пластина с изображением судна с треугольным парусом. Это граффити является наиболее ранним рисунком паруса подобного очертания, среди известных в Северной и Восточной Европе¹⁰⁷. Возможно, с таким устройством паруса ладожане могли познакомиться в середине VIII в., общаясь с приезжими мореходами или у себя дома или в плаваниях в бассейне Волги.

VIII

В 80 гг. VIII в. и в первые два десятилетия IX в. обстановка в Восточной Европе стала осложняться. Прямо или косвенно повлияли разбойничьи походы викингов, первоначально затронувшие прибрежные районы Западной Европы. Скандинавов манили неведомые, богатые страны Востока, добраться до которых можно было только речными путями Русской равнины. В Среднем и Нижнем Поволжье

пришли в движение мадьяры, начавшие свой путь на Запад, а затем печенеги. Власть хазар и «страх» перед их военной силой в зоне степей между Азовским морем и низовьем Волги были ослаблены выступлениями коалиций народов, пытавшихся освободиться от хазарского ига¹⁰⁸. Приемник Рюрика князь Олег, в 882 г. овладев Киевом и объединив север и юг Руси в единую державу, ослабил

хазар, освободив от их дани северян и радимичей. В 907 г. состоялся победоносный поход Олега на греков. Войны велись этим правителем и в других местах. Все нестабильные обстоятельства временно нарушили режим евразийской торговли по ВВП. Однако, даже заметные военные события в отношении их влияния на экономику не следует преувеличивать. Источники внимательно отмечали разбойничьи походы русов на Каспий и Закавказье. Они имели место между 864 и 884 гг., в 909–912 гг. (два похода), 913–914 г., 943–944 г.¹⁰⁹ (на более поздних не останавливаемся). Примерно за столетие складывается, следовательно, 6–8 военных лет, остальные открывали простор для мирных торговых контактов. Поправки на неучтенные конфликты вряд ли принципиально изменят намеченную ситуацию.

С провозглашением в 882 г. Киева новой столицей важнейшей магистралью страны становится Балто-Днепровский путь. Отныне торговые потоки и связи Руси направляются не только в города Передней и Средней Азии, но и в Византию. При этом ВВП, который в течение VIII и большей части IX вв. был практически главной дорогой Руси, и в период X столетия не утратил торгово-транспортного значения¹¹⁰. Около 900 г. происходит географическая переориентация исламской торговли в Восточной Европе. На смену прежним лидерам Ираку и Ирану выдвигается государство

Саманидов в Средней Азии. Соответственно усиливается приток на территорию Европейской России саманидских дирхемов.

Через Хазарию и возвысившуюся в X в. Булгарию Русь и страны Балтийской Европы продолжали получать восточные изделия и арабское серебро. Объем этих ценностей по сравнению с IX в. заметно возрос. Главнейшим транзитным центром исламской торговли с Европейским миром становится Булгар и города Булгарского царства.

В течение X в. все отчетливее становилось торговое лидерство Булгарии по отношению к Хазарии. В контрасте с открытостью средневожских городов торговые и военные поездки русских на Каспий сдерживали возрастающие поборы и пошлины итильских властей, нередко переходивших к карательным акциям. Не даром хазарский царь Иосиф в своем письме (60 годы X в.), (правда, не без некоторого хвастовства) писал: «я охраняю устье реки Итиль и не пускаю русов, приходящих на кораблях, проходить морем (Каспийским), чтобы идти на исмаильтян...: я веду с ними войну. Если бы я их оставил (в покое) на один час, они уничтожили всю страну исмаильтян до Багдада»¹¹¹. Враждебность правителей Итиля и другие причины вызвали в 965 г. поход князя Святослава на Хазарию и «одоле Святослав козаром»¹¹². Некогда могущественная держава прекратила свое существование.

IX

Начиная со второй четверти XI в. в связи с истощением восточных серебряных рудников и, как следствие, уменьшением чеканки монет, разгромом князем Святославом в 965 г. Хазарии, растущим внедрением в экономику европейских стран германского денария, снижением самостоятельной военной и торговой активности скандинавских викингов, усилением с начала X в. государственного значения для Киевской Руси Балто-Днепровского пути, международная транспортная миссия ВВП, снижается и приобретает все более региональное значение. Однако, судя по настойчивым походам Владимиро-Суздальских князей (в 1164, 1172, 1184, 1186, 1220 гг.) на Волжскую Булгарию, контроль за Волжским путем и в XII–XIII вв. не утратил стратегическую значимость¹¹³. Тяжелейший удар по волжской

навигации был нанесен татаро-монгольскими войсками, разгромившими болгарские, мордовские и многие русские города Северо-Востока и Юга Руси.

Новая ценность ВВП приходит в период господства на нижней и средней Волге Золотой Орды. Не случайно, на великой реке возникает столица этого государства Сарай, и на Волге появились караваны судов армян, персов, индийцев, арабов, греков, генуэзцев, русских. Жителям Подонья и Поволжья предписывалось заниматься водной транспортировкой судов, за что они освобождались от других обязанностей¹¹⁴. Торговое и транспортное значение Волги в дальнейшем во многом определялось политическими обстоятельствами, но всегда оставалось достаточно заметным в отношении внутрирегиональных связей. Это, однако, тема отдельного исследования.

Подведем общие итоги. В последней четверти I тыс. н.э. на пространстве Старого Света произошла своеобразная торговая революция — с небывалым размахом был освоен водный путь по Волге, соединивший народы Европы и Азии.

Укрепилась налаженная на регулярных основах международная дальняя торговля. Различие национальных, культурных, хозяйственных и географических условий не явилось препятствием для групп людей и стран интегрироваться в своеобразное торгово-экономическое сообщество, объединенное интересами судоходной и сухопутной коммерции. Все эти явления происходили нередко без поддержки государств и их институтов на основе частного предпринимательства.

Впервые было создано наднациональное единое экономическое пространство в масштабах значительной части Евразии на основе общей денежно-весовой единицы — исламского дирхема.

Торговая необходимость явилась первопричиной возникновения ряда городов и рынков и преобразования ранее существовавших населенных мест.

Купеческие сообщества и мастера-ремесленники выдвинулись как универсальная общественная сила, способная влиять на политические отношения.

Состоялся обмен техническими и коммерческими достижениями Востока и Запада, что стимулировало в определенной мере единообразное развитие ремесла и транспорта стран Евразии.

Мировая по масштабу торговля, получение крупных доходов, появление экономически самодостаточного населения способствовали прогрессу средневекового общества и повлияли на ускорение социальных и хозяйственных процессов многих стран и регионов, эти факторы вызвали стремительный рост городов и торговых мест и эффективное развитие материальной и духовной культуры.

Расцвет Волжского пути в период раннего средневековья обозначил собой целую историческую эпоху, которая оставила великое наследие¹¹⁵. Этот путь явился воплощением многовековой живительной связи человека и природы. Он принадлежит к явлениям земной цивилизации, которые по своему неохватному значению, хотя и меняются во времени, но в конечном итоге, принадлежат вечности.

***

- 1 Смирнов П.П. Волзький шлях в стародавній Русі. Київ, 1928; Дубов И.В. Великий Волжский путь. Л., 1982.
- 2 Греков Б.Д. Волжские болгары в IX—X веках // Исторические записки. Т. 14. М., 1945. С. 33.
- 3 Подосинов А.В. О названии Волга в древности и раннем средневековье // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX—XII вв. Казань, 1999. С. 43 сл.; сравни: Бартольд В.В. Соч. Т. II. Ч. 1. М., 1963. С. 814—815, сравни 796.
- 4 Дубов И.В. Великий Волжский путь... С. 17.
- 5 Цукерман К. Хазары и Византия: первые контакты // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VIII. Симферополь, 2001. С. 326.
- 6 Вайбулль И. Краткая история Швеции. Стокгольм, 1997. С. 14.
- 7 Гуревич А.Я. Походы викингов. М., 1966. С. 34 сл.; Носов Е.Н. Речная сеть Восточной Европы в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 162—163.
- 8 Возрождение Волги — шаг к спасению России. М. — Нижний Новгород, 1996. С. 10 сл.
- 9 Повесть временных лет. СПб, 1991. С. 9.
- 10 Не исключается также и переход из Волхова на Волгу по рекам Мста, Цна, Тверца (Носов Е.Н. Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути конца VIII—X вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. VIII. Л., 1976. С. 97 сл.).
- 11 При исчислении расстояний использовались данные ал-Истахри (около 950 г.) о том, что путь по Волге от Итиля до Булгар занимал 2 месяца, а обратный 20 дней (Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX—X вв. Т. 1. М., 1962. С. 103, 236). Плавание Дербент — Итиль занимало 12—13 дней, что предполагает скорость передвижения 35—40 км в день (Артамонов М.И. История хазар. М., 1962. С. 392).
- 12 Булкин В.А., Мачинский Д.А. Русь конца VIII — начала X вв. на Балто-Волжском и Балто-Донском путях // Финно-угры и славяне (проблемы историко-культурных контактов). Сыктывкар, 1986. С. 13—26.
- 13 Повесть временных лет... С. 9.
- 14 Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 181.

- 15 Бродель Ф. Структуры повседневности. Т. 1. М., 1986. С. 509–510.
- 16 Носов Е.Н. Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб, 1993. С. 74–76.
- 17 Ср.: Callmer J. Urbanisation in Scandinavia and the Baltic Region c. AD 700–1100 // Twelfth Viking Congress. Vol. 3. Stockholm, 1994. P. 53–72.
- 18 Заходер Б.Н. Ук. соч. С. 14–17.
- 19 Хрестоматия по истории средних веков. Т. 1. М., 1949. С. 42–43.
- 20 Из ранней истории шведского народа и государства. М., 1999. С. 40.
- 21 Ср.: Львова З.А. К вопросу о причинах проникновения стеклянных бус X — начала XI вв. в северные районы Восточной Европы // Археологический сборник. Вып. 18. СПб, 1977. С. 108.
- 22 Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 82.
- 23 Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII — середина VIII вв. М., 1984. С. 271.
- 24 Заходер Б.Н. Каспийский свод... Т.1. С. 43.
- 25 Бартольд В.В. Соч. Т. 1. М., 1963. С. 294–295; ср.: Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб, 1870. С. 282; Славяне и скандинавы... С. 101; Рыбаков Б.А. Торговля и торговые пути // История культуры древней Руси. Т. 1. М.-Л., 1948. С. 319; Халидов А. Перечень товаров Волжского пути в арабских источниках IX — начала XIII вв. // Великий Волжский путь. Материалы круглого стола и международного научного семинара, 28–29 августа 2000 г. Казань, 2001. С. 192.
- 26 Кирпичников А.Н. О начале производства мечей на Руси // Труды VI международного конгресса славянской археологии. Т. 4. М., 1998. С. 248–249.
- 27 Артамонов М.И. История хазар... С. 403.
- 28 Артамонов М.И. История хазар... С. 457–458.
- 29 Джаксон Т.Н. Austr i Gørdum: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001. С. 152–153.
- 30 Новосельцев А.П. Образование Древнерусского государства и его первый правитель // Вопросы истории. 1991. Вып. 2-3. С. 8.
- 31 Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 397.
- 32 Новосельцев А.П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // Древнейшие государства восточной Европы. 1998 г. М., 2000. С. 378–379.
- 33 Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Славяно-русские древности. Вып. 1. Л., 1988. С. 46 сл.
- 34 Кирпичников А.Н. Раннесредневековая Ладога по данным новых историко-археологических исследований // Древности Поволжья. СПб, 1997. С. 17–18.
- 35 Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. Тверь–Москва, 1996. С. 291; Мачинский Д.А. Эпоха викингов в «Скандинавском средиземноморье» и русско-варяжский период на «восточных путях» // Ладога эпохи викингов. СПб, 1998. С. 136; Седов В.В. Древнерусская народность. М., 1999. С. 27 сл.; Франклин С., Шепард Д. Начало Руси 750–1200. СПб, 2000. С. 56 сл. Границы каганата русов в разные периоды его существования в настоящей работе не обсуждаются.
- 36 Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 207–208.
- 37 Повесть временных лет... С. 8.
- 38 Ср.: Седов В.В. Древнерусская народность... С. 73.
- 39 Седов В.В. Становление первых городов в Северной Руси и варяги // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб, 1999. С. 206–210; Седов В.В. Древнерусская народность... С. 72.
- 40 Джаксон Т.Н. Austr i Gørdum... С. 27 сл.
- 41 Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 152, 194–196.
- 42 Седов В.В. Миграция дунайских славян в Восточную Европу // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 2000. С. 110.
- 43 Калинина Т.М. Арабские средневековые ученые о контактах хазар и славян // Восточная Европа в древности и средневековье. Контакты, зоны контактов и контактные зоны. М., 1999. С. 60–62.
- 44 Бартольд В.В. Соч. Т. II. Ч. 1... С. 816, ср.: С. 871; Новосельцев А.П. Хазарское государство... С. 107, 192.
- 45 Седов В.В. Русский каганат IX столетия // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 2000. С. 153–156. Автор отмечает, что присутствие скандинавов на Волге в VIII–IX вв. в зоне южнее Сарского городища и на Ярославщине археологически не улавливается.
- 46 Кляшторный С.Г. Древнейшее упоминание славян в Нижнем Поволжье // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной Европы. М., 1964. С. 17.

- 47 Там же. С. 17.
- 48 Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей... С. 221–222.
- 49 Артамонов М.И. История хазар... С. 383.
- 50 Назаренко А.В. О языке восточнославянских варягов // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1998. С. 49; Он же. Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 79.
- 51 Новосельцев А.П. Восточные источники... С. 397.
- 52 Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М., 1967. С. 91.
- 53 Названы вывозившиеся из области русов Арсы меха черных соболей и бурых лисиц.
- 54 Указанный Ибн Хаукалем 358 год хиджры, возможно, соответствует второму походу русских войск на Хазарию. Первый, отмеченный летописью, состоялся в 965 г. (Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 94–95; Калинина Т.М. Сведения Ибн Хаукаля о походе Руси времен Святослава // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1976. С. 90–101; Новосельцев А.П. Хазарское государство... С. 16).
- 55 Бартольд В.В. Соч. Т. II. Ч. I... С. 848; ср.: Заходер Б.Н. Каспийский свод... С. 168.
- 56 Новосельцев А.П. Восточные источники... С. 398.
- 57 Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М., 1987. С. 393–396.
- 58 Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. М., 2001. С. 103.
- 59 Кирпичников А.Н. Костяной предмет со знаками из Старой Ладоги // Ладога и религиозное сознание. СПб, 1997. С. 118–120.
- 60 Кирпичников А.Н. Письмена на серебре // Славяно-русские древности. Вып. 2. СПб, 1995. С. 238 сл.
- 61 Выборка знаков основана: Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи... С. 116 сл. Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. Граффити на восточных монетах. Л., 1991. С. 164 сл.
- 62 Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи... С. 109.
- 63 Рождественская Т.В. Древнерусская эпиграфика X–XV вв. СПб, 1991. С. 25.
- 64 Колчин Б.А. Новгородские древности. М., 1968. Рис. 23: 7,9; 31: 11.
- 65 О ценности и содержательности труда Ибн Хордадбега: Велиханова Н.М. О торговых путях купцов-русов и купцов-евреев Ар-Разани по сочинению Ибн Хордадбега «Книга путей и владений» // Товарно-денежные отношения на ближнем и среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979. С. 37–42; Новосельцев А.П. Арабский географ IX в. Ибн Хордадбех о Восточной Европе // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982. С. 120–127.
- 66 В переводах вместо слова бобр указывают и слово заяц.
- 67 В этом месте рукописи не совсем ясное слово, которое востоковеды читают по разному и как Танаис и как Итиль.
- 68 Новосельцев А.П. Восточные источники... С. 384–385; Заходер Б.Н. Из истории волжско-каспийских связей древней Руси // Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М., 1967. С. 84–85; Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Баку, 1986. С. 124; Калинина Т.М. Торговые пути Восточной Европы (по данным Ибн Хордадбега и Ибн ал-Факиха) // История СССР. Вып. 4. М., 1986. С. 71.
- 69 Новосельцев А.П. Восточные источники... С. 408 сл.
- 70 Заходер Б.Н. Каспийский свод. Т. II... С. 88; ср.: Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей...
- 71 Заходер Б.Н. Каспийский свод. Т. II... С. 89–90.
- 72 Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей... С. 155–156; Рыбаков Б.А. Торговля и торговые пути... С. 315.
- 73 Новосельцев А.П. Восточные источники... С. 384. Примечание 168; Калинина Т.М. Торговые пути... С. 79.
- 74 По мнению А.Е. Леонтьева, монетное серебро поступало не по Волге, а через Дон и Северский Донец, далее с Оки на Десну, затем на Днепр и в Поволжье (Леонтьев А.Е. Волжско-Балтийский путь в IX в. // КСИА. Вып. 183. М., 1986. С. 65 сл.). Это построение связано с позицией автора, отрицающего существование Волжского пути в IX в.
- 75 Калинина Т.М. Торговые пути... С. 70–71.
- 76 Основываясь на картах Идриси, достоверность которых сомнительна, Хамлидж помещали в излучине Волги, также представляли в виде двучастного города Баланджер-Хамлидж на западном побережье Каспия (Заходер Б.Н. Каспийский свод... С. 178–179). М.И. Артамонов справедливо считал, что Хамлидж одно из названий Итиля (Артамонов М.И. История хазар... С. 272, 388; ср.: Новосельцев А.П. Хазарское государство... С. 129).
- 77 Калинина Т.М. Торговые пути... С. 82.
- 78 Повесть временных лет... С. 16.
- 79 Коновалова И.Г. К вопросу о датировке сообщения Ибн Хордадбега о путях купцов-русов // Восточная Европа в древности и средневековье. X-е чтения к 80-летию чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 1998. С. 56.
- 80 Славяне и скандинавы... С. 218. В Норвегии, Дании и Швеции обнаружено 55900 арабских монет (Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 142).

- 81 Булкин В.А., Мачинский Д.А. Русь конца VIII — начала X вв... С. 15.
- 82 Noonan T.S. Fluctuations in Islamic Trade with Eastern Europe during the Viking Age // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 16. Harvard, 1992. P. 245.
- 83 Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I-ом тысячелетии н.э. М. 1967. С. 118–122, 132 рис.; Седов В.В. Начальный этап контактов между Балтийским регионом и арабским Востоком // XIV конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Архангельск, 2001. С. 161.
- 84 Фомин А.В. Русь и Хазария в международной торговле монетным серебром в IX в. // *Внешняя политика древней Руси*. Тез. М., 1988. С. 112.
- 85 Кропоткин В.Н. Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII — первой половине XI вв. // *Славяне и Русь*. М., 1968. С. 73; *Степи Евразии в эпоху средневековья*. М., 1981. С. 75. Рис. 51.
- 86 Валеев Р.М. Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX — начала XIII вв. Казань, 1995. С. 40, 116.
- 87 *Повесть временных лет...* С. 12.
- 88 Там же. С. 14, 31.
- 89 Новосельцев А.П. Хазарское государство... С. 117.
- 90 Кирпичников А.Н. Ладога VIII–X вв. и ее международные связи // *Славяно-русские древности*. Вып. 2. СПб, 1995. С. 40
- 91 Янин В.Л. Русские денежные системы IX–XV вв. // *Древняя Русь. Город, замок, село*. М., 1985. С. 364. Особое мнение о происхождении древнерусской денежно-весовой системы высказал А.В. Назаренко (см.: Назаренко А.В. *Древняя Русь на международных путях*. М., 2001. С. 114 сл.).
- 92 Артамонов М.И. *История хазар...* С. 218 сл., 225.
- 93 Бартольд В.В. *Соч. Т. VI*. М., 1966. С. 163.
- 94 Валиев Р.М. Волжская Булгария... С. 98, 147; Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник // *Археологические открытия 1974 г.* М., 1975. С. 178–179; Федоров-Давыдов Г.А. Новые находки восточных монет VIII–XIII вв. на территории Восточной Европы // *Эпиграфика Востока*. Вып. XXIII. Л., 1985. С. 45–47. №№ 20, 29, 32.
- 95 Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья // *Славяне и Русь*. Киев, 1979. С. 97.
- 96 Кирпичников А.Н. Ладога VIII–X вв. и ее международные связи... С. 37–41. №№ 1–5, 20, 25, 27, 28, 29–30, 34.
- 97 Там же. С. 40. № 20. С. 41. №34.
- 98 Нунан Т.С., Ковалев Р.К. Незвестный клад начала IX в. из имени М.А. Оболенского Дмитриевского уезда Московской губернии // *Археологические вестн.* Вып. 7. СПб, 2000. С. 210. Об использовании куфических монет у славян Восточной Европы в середине VIII в. писал И.И. Ляпушкин (см.: Ляпушкин И.И. *Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства*. Л., 1968. С. 151–154).
- 99 Татищев В.Н. *История российская*. Т. I. М.-Л., 1962. С. 284.
- 100 Джаксон Т.Н. Исландские саги о роли Ладоги и Ладожской волости в осуществлении русско-скандинавских торговых и политических связей // *Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей*. СПб, 1999. С. 22.
- 101 Noonan T.S. The Vikings in the East: Coins and Commerce // *Birka Studies*. Vol. 3. Stockholm, 1994. P. 225–226.
- 102 Noonan T.S. The Impact of the Islamic Trade Upon Urbanization in the Rus'lands: the Tenth and early Eleventh Centuries // *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient*. Paris, 2000. P. 329. Tab. V.
- 103 Noonan T.S. Coins, Trade and the Origins of Ninth Century Rus' Towns // XII. *International Numismatischer Kongress Berlin 1997*. Vol. II. Berlin. 2000. S. 938. Автор учел материал стран юго-восточной Прибалтики, Польши, Германии, Дании, Норвегии, Швеции, отдельно Готланд, Финляндии.
- 104 Давидан О.И. Материальная культура первых поселенцев древней Ладоги // *Петербургский археологический вестник*. Вып. 9. СПб, 1995. С. 157. Рис. 1.
- 105 Callmer J. The Influx of Oriental beads into Europe During the 8th Century AD // *Glass Beads: Cultural, History, Technology, Experiment and Analogy Studies in Technology and Culture*. Vol. 2. Leuven, 1995. P. 49–53. По мнению Каллмера привозные бусы на Русь поступали по Средиземному и Балтийскому морям и рекам Русской равнины.
- 106 Рябинин Е.А. Начальный этап стеклоделия в Балтийском регионе (по материалам исследования Ладоги VIII–IX вв.) // *Дивинец Староладожский*. СПб, 1997. С. 43–49.
- 107 Сорокин П.Е., Рябинин Е.А. Некоторые судовые находки в Старой Ладоге // *Дивинец Староладожский*. СПб, 1997. С. 50–54. Рис. 7.

- 108 Франклин С., Шепард Д. Начало Руси... С. 131–132
- 109 Артамонов М.И. История хазар... С. 370 сл.
- 110 Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси. М., 1956. С. 103. Значимость Великого Волжского пути в изменившихся условиях X в. могут прояснить данные о распространении дирхемов, сгруппированные Т. Нунненом. Среди выделенных этим ученым районов распространения дирхемов с ВВП соотносятся: Северо-Западная Русь, нижняя Волга, бассейн Оки, течение Волги и бассейн Камы, Хазария. Если в зоне ВВП обнаружены 51,8% всех дирхемов, поступивших в 900–1025 гг. в районы Европейской России, то соответствующая цифра для 775–899 гг. составляла 60%. В подсчете учтены 176 кладов, содержащих 5 и более монет (Noonan T.S. The Impact... P. 379–384. Tab. 1).
- 111 Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 100–102.
- 112 Повесть временных лет... С. 31.
- 113 Коновалова И.Г. Древняя Русь и волжская Булгария: торговля и политика в восприятии древнерусских летописцев // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1999. С. 80.
- 114 Васильев Д.Д. Караван-сарай на путях в Поволжье // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Казань, 2000. С. 258.
- 115 Настоящая работа писалась в соответствии с международной научной программой «Великий Волжский путь», принятой учеными и властями Татарстана для проведения ежегодных конференций и симпозиумов в связи с предстоящим 1000-летием Казани в 2005 г. (Кирпичников А.Н. Великий Волжский путь и его историческое и международное значение // Великий Волжский путь. Материалы круглого стола и международного научного семинара. Казань 28–29 августа 2000 г. Казань, 2001. С. 9 сл.).

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА СВЯЗЕЙ ТВЕРИ С НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕЙ В XIII–XIV вв.

Традиционное для историографии деление Северной Руси на Северо-Западную (Новгородская земля) и Северо-Восточную (Владими́ро-Суздальская земля) основано на фактах политической истории. При этом обычно подчеркивается связь Северо-Восточной Руси с Поднепровьем. Само ее летописное название — «Залесская земля» свидетельствует о взгляде из Киева.

Вместе с тем археологические материалы указывают на то, что первоначальное освоение Северо-Востока в IX–XI вв. тесно связано с Новгородской землей. На наиболее массовом керамическом материале памятников Северо-Восточной Руси выявлена генетическая связь ее населения с Северо-Западом¹. Изучение важнейших технологических традиций — кузнечной обработки позволило разграничить ремесло южно-русских земель, с его непрерывной традицией, уходящей корнями в эпоху раннего железа, и ремесло Северо-Западной Руси, связанное с технологией стран Балтийского бассейна. Кузнечная обработка Северо-Восточной Руси развивалась в рамках северо-западных традиций². Развитие первых городских центров Северо-Востока в целом укладывается в схему, разработанную для городов Новгородской Руси³: города не обязательно возникают в зонах скопления древнерусского сельского населения, они основываются в процессе освоения новых территорий, нередко опережая массовую колонизацию.

Тверское княжество, выделившееся в самостоятельный удел из Переславского княжества в 1247 г.⁴, являлось северо-западной периферией Владимиро-Суздальской земли, распавшейся в начале XIII в. на удельные княжества. От Твери до

новгородской границы, проходившей по реке Тверце у с. Медно (современное Медное) было всего 28 км⁵, а ближайшим к Твери городом, даже более близким, чем собственные пригороды, был новгородский Торжок (80 км по той же Тверце). С Северо-Запада «Залесская» земля воспринималась как «низовская», с которой и через которую, начиная с XII века, велась столь необходимая для Новгорода хлебная торговля. Водный путь связывал Новгород с Волгой по Мсте и Тверце. Контролировали этот путь Торжок и Тверь. Большинство историков согласно в том, что Тверь изначально принадлежала Владимиро-Суздальскому княжеству, однако расположение ее между Торжком и Волоком Ламским, центрами совместного владения Новгородской республикой и владимирского великого князя, дает основание предполагать, что первоначально и Тверь была новгородским поселением⁶. Бесспорным княжеским центром является Тверь заново отстроенная Ярославом Всеволодовичем после 1238 года⁷. Дальнейшая история экономических взаимоотношений Новгородской земли и Твери — это история оживленной торговли, прерываемой в периоды политических осложнений хлебными блокадами Новгорода.

Ряд археологических находок, сделанных в Твери в последние годы, позволяют конкретизировать наши представления об ее экономических и политических отношениях с Новгородской землей.

Важнейшим источником являются пять тверских берестяных грамот, происходящих с территории Тверского кремля. Грамота № 1 найдена в 1983 г. в раскопе Кремль-4⁸, в северной части Тверского кремля. Автор раскопок Н.В. Жилина

датировала ее концом XII в.⁹ Основываясь на отчетах Н.В. Жилиной, П.Д. Малыгин по распределению стеклянных браслетов в пластах датировал нижний слой раскопа второй четвертью—серединой XIII в.¹⁰ Грамота адресована Михаилу Домажировичу, что вызывает ассоциации с Домажиром из новгородской грамоты № 510, датируемой по стратиграфическим данным концом XII — первой половиной XIII в.¹¹ По мнению В.Л. Янина, Домажир, упомянутый в грамоте и погибший в 1224 г., мог быть отцом Михаила Домажировича¹².

Грамота № 2, найденная в раскопе в южной части кремля (раскоп Кремль-5)¹³, прислана из Торжка. Григорий просит свою мать, живущую в Твери, узнать, «пушающе ли роже новгородцамо безо пакости», т.е. «пропускают ли рожь для новгородцев беспрепятственно», не организована ли в Твери торговая блокада Новгорода. По палеографическим признакам грамота датируется первой половиной XIV в.¹⁴, однако стратиграфическая ситуация позволяет уточнить время ее написания. Грамота связана с комплексом сруба № 26, не имеющим дендродаты. Но он перекрыт строительным горизонтом с порубочными датами 1294—1300 гг. (срубы № 21 и 17)¹⁵. Пожар, в котором сгорел сруб № 26, наиболее вероятно соотносится с большим пожаром 1295/1296 г.¹⁶

Грамоты № 3—5 найдены в 1996 г. в северо-западной части раскопа Кремль-11 на двух смежных усадьбах в смежных горизонтах датируемых суммарно 1311—1334 гг.¹⁷ По заключению Т.В. Рождественской, «в целом и графика, и орфография, и языковые формы всех трех найденных в Твери грамот свидетельствуют об их новгородском происхождении, во всех них отразились черты древненовгородского диалекта и особенности новгородского берестяного письма второй половины XIII — начала XIV вв. Есть все основания полагать, что все эти грамоты были написаны новгородцами.»¹⁸ Время попадания грамот в землю совпадает с годами княжения в Новгороде тверских князей Михаила Ярославича (1304/1305—1318) и его сыновей Дмитрия Михайловича (1322—1325) и Александра Михайловича (1326/1327), когда можно предполагать наиболее оживленные связи между двумя городами. Берестяные грамоты, найденные

на двух смежных усадьбах скорее всего читались членами одной-двух семей новгородцев, живших в Твери.

Находка на большом (1400 кв.м.) раскопе Кремль-11 только трех грамот, сосредоточенных в одном месте говорит об их исключительности для Твери. Напомним, что первые две тверские берестяные грамоты, хотя и датируются более ранним временем, тематически также связаны с Новгородской землей. В настоящее время редкость находок грамот в Твери уже нельзя объяснить случайностью. О грамотности тверичей свидетельствует серия надписей, найденных на различных бытовых предметах¹⁹, топографически и стратиграфически не связанных с берестяными грамотами, а также несколько писал. По-видимому, в Твери традиция берестяного письма, по каким-то причинам не сложилась, но использовались другие материалы (например, восковые таблички), а все найденные в городе грамоты написаны новгородцами.

Свинцовая вислая печать новгородского владыки Василия Калики (1331—1352) была найдена при раскопках в Тверском кремле в 1996 г. Вероятно, она попала в землю при пожаре 1413/1414 г.²⁰, так как наиболее ранняя постройка вышележащего строительного горизонта датируется 1419 г. Василий Калика вошел в историю древнерусской литературы как автор «Послания архиепископу тверскому Феодору о рае», написанного около 1347 г. С Тверью его связывали особые отношения. Василий крестил и обучал грамоте будущего великого князя Тверского Михаила Александровича (1368—1399).²¹ Но находка печати, по-видимому, связана с более прозаическими обстоятельствами. Поскольку со второй четверти XIV в. новгородские владыки получили право скрепления печатью всех земельных документов²², есть основания предполагать, что семья, жившая на одной из усадеб в Тверском кремле, имела земельную собственность на территории Новгородской республики, что подтверждала грамота, хранившаяся по крайней мере тремя поколениями ее владельцев (не менее 70 лет). Письменные источники, в частности договорная грамота Новгорода с великим князем Ярославом Ярославичем 1267 г., косвенно, в форме запрета, свидетельствуют о практике покупки сел на новгородской

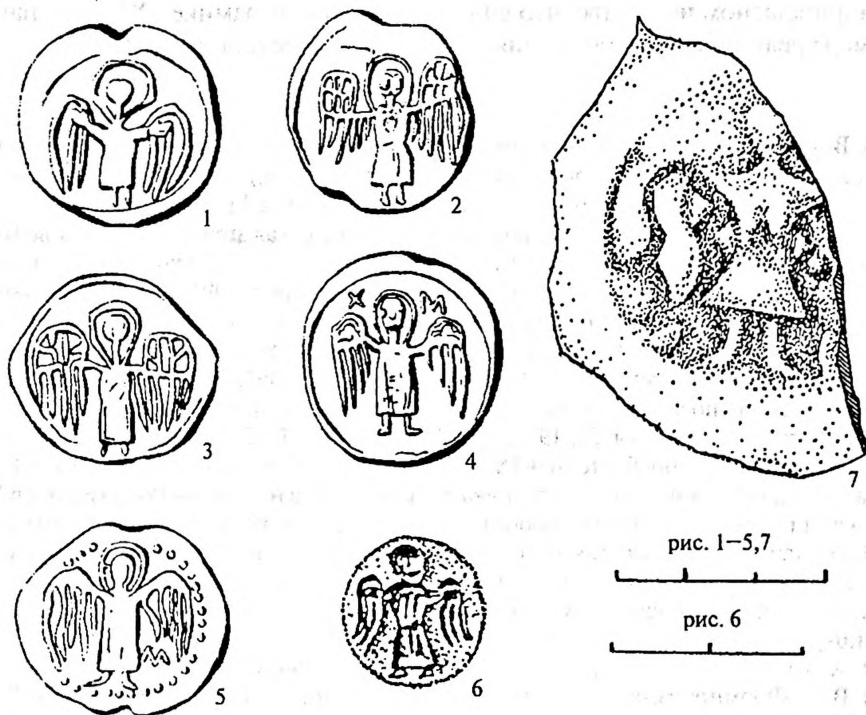

Рис. 1

Изображения архангела на актовых печатях кн. Михаила Ярославича (1-4, № 398, 396, 400, 397 по В.Л. Янину) и кн. Дмитрия Михайловича (5, № 404 по В.Л. Янину), на костяной печати-матрице кн. Михаила Александровича (?) из раскопок в Твери (6) и на донце поливного сосуда из раскопок в Твери (7)

территории княгиней и тверскими боярами.²³ Находка печати является материальным подтверждением реальности таких приобретений.

На усадьбе горизонта 5 (1364–1385 гг.) раскопа Кремль–II в 1995 г. была найдена костяная печать-матрица в форме шахматной пешки (рис. 1:6). На ней вырезано изображение архангела очень редкой иконографии — не только без обычных атрибутов (сферы, посоха, меча, лабарума), но и без рук. Такая иконография не имеет аналогов на других костяных печатях, она была неизвестна также в древнерусской иконописи и прикладном искусстве. Единственной аналогией являются изображения на группе свинцовых вислых печатей Михаила Ярославича Тверского периода его княжения в Новгороде (1304/1305–1318) и его сына Дмитрия Михайловича (1322–1325).²⁴ Если попытаться выстроить изображения архангела Михаила на вислых печатях в типологический ряд, первичной, вероятно, следует признать печать № 398 по своду В.Л. Янина (рис. 1:1), на которой изображена фигура с руками, раскинутыми на фоне крыльев. На печатях № 396 и 400 (рис. 1:2-3) руки уже включаются в рисунок крыльев

и полностью исчезают на печати № 397 (рис. 1:4). Архангел на рассматриваемой костяной печати наиболее близок к последней иконографически.

Замыкает типологический ряд изображение на печати Дмитрия Михайловича (№ 404, рис. 1:5). Не исключено, что образцом для столь нетрадиционной иконографии патронального святого Михаила Ярославича могла быть, например, принадлежавшая тверскому княжескому дому и не дошедшая до нас икона с изображением архангела Михаила.

В первой публикации костяная печать связывалась с Михаилом Ярославичем.²⁵ После создания дендрохронологической шкалы раскопа²⁶ стало очевидно, что печать попала в землю только около 1385 г., т.е. при Михаиле Александровиче, внуке Михаила Ярославича. Возможно, при изготовлении печати Михаила Александровича в качестве образца была использована новгородская печать его деда-тезки, но скорее можно предположить, что нетрадиционное изображение архангела Михаила к этому времени уже стало родовым знаком тверских князей. Во всяком случае, сюжет получил дальнейшее развитие

в тверском прикладном искусстве, что вид- поливной керамике XV в., найденного но на примере рельефного изображения на в том же раскопе (рис. 1:7).

***

- 1 Лапшин В.А. Лепная керамика поселений Суздальской округи (к вопросу о формировании древнерусского населения на территории Суздальского ополья) // Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья. Материалы I региональной научной конференции. Горький, 1990. С. 225–228; Лапшин В.А. Этническая принадлежность верхнего слоя Мало-Давыдовского городища // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Материалы 2 региональной научной конференции. Нижний Новгород, 1991. С. 367–373; Лапшин В.А. Лепная керамика Гнездиловского поселения // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991. С. 119–128; Лапшин В.А. Лепная керамика Суздаля // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991. С. 129–138; Седых В.Н. Керамика Тимеревского поселения (предварительное сообщение) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 111–117; Седых В.Н. Керамика Тимеревского поселения // Дубов И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 192–197.
- 2 Розанова Л.С. Кузнечная продукция и техника ее производства на Северо-Востоке Руси в X–XIII вв. // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991. С. 202–225.
- 3 Носов Е.Н. Характер расселения и становление городов Северной Руси // Взаимодействие древних культур в бассейне Балтийского моря. Л., 1989. С. 14–16; Носов Е.Н. Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб, 1993. С. 59–78.
- 4 Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994. С. 53.
- 5 Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 151.
- 6 Малыгин П.Д. Тверь и Новоторжско-Волоцкие земли в XII–XIII вв. // Становление европейского средневекового города. М., 1989. С. 153.
- 7 ПСРЛ. Т. VIII. С. 76.
- 8 Номенклатуру тверских кремлевских раскопок см.: Лапшин В.А. История археологического изучения Тверского кремля и обзор источников // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение. СПб. 2001. С. 14–16.
- 9 Жилина Н.В. Тверская берестяная грамота № 1 // СА. 1987. № 1. С. 203–216.
- 10 Малыгин П.Д. Тверь и Новоторжско-Волоцкие земли в XII–XIII вв. // Становление европейского средневекового города. М., 1989. С. 149–151; Малыгин П.Д. 1994. Некоторые итоги и проблемы изучения средневековых древностей территории Тверской области // ТАС. 1994. Вып. 1. Тверь. С. 124.
- 11 Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М., 1978. С. 107.
- 12 Янин В.Л. Я послал тебе бересту... 3-е изд. М., 1998. С. 418.
- 13 Попова Л.А. Исследования в Твери // АО 1985 г. М., 1987. С. 93.
- 14 Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 377, 472.
- 15 Черных Н.Б. Дендрохронология и археология. М. 1996. С. 152.
- 16 Малыгин П.Д. Средневековые письменные источники о топографии Твери // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение. СПб. 2001. С. 91.
- 17 Рождественская Т.В. Тверские берестяные грамоты № 3–5 // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение. СПб. 2001. С. 185–189.
- 18 Там же. С. 189.
- 19 Рождественская Т.В. Надписи на предметах // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение. СПб. 2001. С. 190–198.
- 20 Лапшин В.А. Вместо заключения (комментарий археолога) // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение. СПб. 2001. С. 222–223.
- 21 Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI — первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 92–95.
- 22 Янин В. Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III. М., 1998. С. 9.
- 23 Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 156.
- 24 Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. II. М., 1970. С. 13–14, № 396–398, 400, 404.
- 25 Лапшин В.А. Костяная печать-матрица из раскопок в Твери // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. СПб — Псков, 1997. Т. I. С. 400–401.
- 26 Лапшин В. А. Строительные горизонты раскопа Тверской кремль-11 // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение. СПб. 2001. С. 36–68.

СКАНДИНАВСКИЙ МОГИЛЬНИК В УРОЧИЩЕ ПЛАКУН (заметки о хронологии и топографии)

Могильник в урочище Плакун у деревни Черनावино, напротив Староладожского Земляного городища, давно является для археологов примером классического скандинавского некрополя эпохи викингов в Восточной Европе¹. Исследователи связывают погребенных в плакунских курганах скандинавов с «дружиной», окружением князя, «городским» ладожским населением. Подробное описание истории изучения раскопок на Плакуне, топография памятника и описание курганных комплексов дано в работах Г.Ф. Корзухиной, В.А. Назаренко и Е.Н. Носова².

В последние десятилетия XX в. в отечественной историографии сложились устойчивые представления о «ранней» дате плакунского некрополя. Традиционно считается, что могильник начал функционировать в IX в. и прекратил своё существование в начале X в. В работах И.В. Дубова, Г.С. Лебедева и А.Н. Кирпичникова время существования могильника относится к 850–925 гг., Г.С. Лебедев считает, что первые погребения появляются в первой половине IX вв.³ В.А. Назаренко, вслед за Г.Ф. Корзухиной, первой обосновавшей раннюю дату могильника, отнес начало сооружения первых погребений к IX в.⁴ В своей отдельной работе А.Н. Кирпичников отнес рассматриваемый комплекс к 850–950 гг., при этом автор не исключал и более сжатой хронологии, привязанной ко второй половине и рубежу IX и X вв.⁵ Особое мнение высказали О.И. Богуславский и А.Д. Мачинская. Авторы посчитали, что хронологию могильника можно уточнить на основе даты находок в Юго-Восточном Приладжье ланцетовидных стрел (900–950 гг.), железных заклепок (890–920 гг.) и зеленой прозрачной бусины (не ранее горизонта E1, 860–920 гг.)⁶. Верхнюю дату могильника

они отнесли к первой половине XI века. Предложенные широкие временные рамки (первая половина IX — первая половина XI вв.) существования некрополя, на мой взгляд, нуждаются в проверке.

Все погребения могильника, кроме одного, совершены по обряду сожжения. Следует учитывать, что сохранились сведения только о 18 погребальных насыпях. Документально зафиксировано 16 курганов. Вся группа была расположена компактно на площади около 3000 кв.м на правом берегу р. Волхов. Трудно представить, что небольшой некрополь, с единообразным захоронением покойников, так долго продолжал своё существование, сохранив на два столетия единый погребальный обряд. В Восточной Европе нет подобных примеров для могильников со скандинавскими материалами. Например, в скандинавских некрополях однотипных Плакуну, могильниках Петровском и Михайловском (наиболее незначительных в сравнении с Гнездово или киевским некрополем), зафиксировано 115 и 219 насыпей. Исследователи предполагали, что в древности могильник на Плакуне занимал более широкую площадь и на юге доходил до так называемой «сопковидной» насыпи, а на севере — до дома Михалевых⁷. Однако за три десятилетия, прошедшие после финальных исследований на могильнике, не появилось никаких новых данных, подтверждающих эту гипотезу. Широкие временные рамки и предполагаемая значительная площадь плакунского некрополя до сих пор остаются мало аргументированной историографической традицией.

Ранняя дата памятника связана с именем Г.Ф. Корзухиной, которая первой обратила внимание на находки из кургана № 7⁸. К числу материалов IX в. исследовательница отнесла: фрагменты «фризских»

кувшинов и бусы из серебряной рубчатой проволоки. Дополнительными аргументами, подтверждающими функционирование памятника в IX в., стали дендродаты спилов из погребальной камеры кургана № 11 — 880-900 гг. Из инвентаря в погребальной камере в кургане № 11 обнаружены только окислы бронзовых и железных предметов, фрагменты органики и деревянная миска. Над погребением обнаружено до 40 заклепок, гвоздей и их обломков. В своей первой публикации Н.Б. Черных писала: «Сейчас точно можно сказать, что время жизни курганных бревен синхронно периоду роста стволов из постройки горизонта E₁, а время рубки падает на тот же хронологический период». Горизонт E₁ имел даты: начало 860-х — конец IX в.⁹ В.А. Назаренко приводит дендродату: 880-900¹⁰. В другой своей, посвященной этому вопросу, работе Н.Б. Черных пишет, что «сопоставление кривых роста исследованных стволов (из камеры кургана № 11) с графиками бревен построек из культурного слоя Земляного городища (горизонты Д и E₁) показало их синхронность»¹¹. «Наилучшие варианты (сопоставления) получены при сопоставлении с кривыми роста годовичных колец дерева из «большого дома» горизонта E₁» (возводится около 894 г. и существует до 920-х гг.). «Последнее сохранившееся кольцо спиля №1 датируется 889 г., спиля №2 — 884» (внешние кольца не сохранились). Н.Б. Черных предполагает, что погребение возвели в первой половине 890-х гг. В таком случае это погребение выделяется своей ранней датой на фоне всех остальных погребений в камерах на балтийском побережье.

Наиболее ранние захоронения в камерах известны в раннегородских центрах Скандинавии — Хайтхабу и Бирке. Древнейшие камеры Хайтхабу датируются временем не ранее 900 г.¹² Большинство из 111 камерных погребений в Бирке безусловно относятся к X в. и лишь несколько погребений этого типа традиционно продолжают относить к ранней фазе развития могильника (конец VIII — конец IX вв.)¹³. Но, на наш взгляд, последние исследования Лены Холмквист-Олауссон в Бирке так и не смогли подтвердить раннюю дату появления камерного обряда в этом центре викингов¹⁴. Следует отметить, что плакунское погребение в кургане № 11

относится к редкому варианту обряда камерных захоронений, который практически отсутствует в Бирке и на территории Швеции. В погребении был использован деревянный гроб.

Подобные захоронения в эпоху викингов более характерны для территории Дании¹⁵. Из подобных погребений наиболее известными являются захоронение богатого мужчины в кургане Маммен и женское захоронение Хёнингкирхе. Оба они имеют дендродаты: первое — 970/971 гг., второе — около 1000 г.¹⁶ Силке Эйзеншмидт пишет, что скандинавские погребения в камерах, возможно, появляются в конце IX века, но более вероятным она считает распространение этого обряда в начале X в.¹⁷ По классификации камер эпохи викингов, предложенной этой исследовательницей, плакунская камера относится к группе с малочисленным инвентарём (менее пяти предметов погребального инвентаря). Появление этой группы Силке Эйзеншмидт считает результатом хронологического развития скандинавского обряда захоронения в камерах. По материалам датских могильников, она относит массовое появление малоинвентарных камер ко второй половине X в.¹⁸ Сравнивая дендродаты из погребения № 11 Плакуна и современные данные по хронологии скандинавских погребений в камерах, совершенно очевидным становится хронологический разрыв между ними. Таким образом, камерное погребение плакунского могильника оказывается не только самым ранним погребением этого типа на землях Древней Руси, но и одним из самых ранних в самой Скандинавии¹⁹. Маловероятным представляется мнение о распространении этого обряда из Ладоги как в Скандинавию, так и в Восточную Европу. Скорее следует предположить, что плакунское погребение находится в русле развития скандинавского обряда погребения в камерах, и дата погребения № 11 занижена отечественными исследователями. Более обоснованным представляется время сооружения камерного погребения в начале — первой четверти X в. С этой датой согласуется находка второго скандинавского погребения в камере, открытого в 1971 г. в 300 м. к югу от Плакуна²⁰. Поэтому необоснованной представляется гипотеза В.А. Назаренко о принадлежности погребенного в кургане № 11 к дружине Рорика Фрисландского

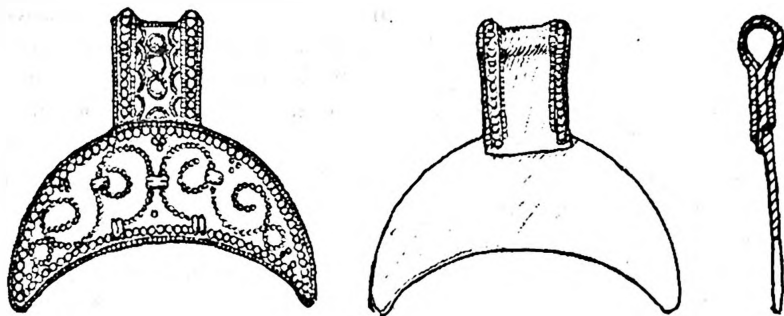

Рис. 1

или о захоронении самого Рорика в кургане № 6²¹.

В настоящее время не столь бесспорной представляется ранняя датировка кургана № 7. Бусы из серебряной рубчатой проволоки, на ранней дате которых основывается дата могильника, обнаружены в Средней Швеции в погребениях X в.²² На территории Древней Руси бусы из металлической проволоки найдены в могильниках Шестовицы, Тимерево и Гнездово²³. Например, в гнездовском кургане Лб-1 подобные бусы обнаружены вместе с овальными фибулами Р-52 (по типологии Яна Петерсена) и мечом типа Н, что позволило исследователям отнести этот комплекс к середине — второй половине X в.²⁴

В кургане № 10 Шестовицкого могильника биконическая бусина из рубчатой проволоки входила в состав ожерелья, вместе с бусами из сердолика и горного хрусталя и подвеской-монетой — дирхемом Исмаила ибн Ахмеда аш Шаш (282 г. хиджры / 895—896 гг.)²⁵. Эти данные позволяют нам датировать шестовицкую находку первой половиной X в.²⁶ Детали наборного гребня из этого кургана более всего совпадают с размерами и орнаментацией костяных гребней группы 2 типа 1 по типологии О.И. Давидан²⁷. Гребни этого типа происходят из горизонта Д Староладожского Земляного городища и не могут быть отнесены к IX веку. Следует отметить, что в наборе бус плакунского могильника полностью отсутствуют глазчатые бусы и ярко представлены каменные бусы из горного хрусталя и сердолика. Хрустальные многогранные бусы из кургана № 13 также имеют аналогии в шведских погребальных комплексах и преимущественно датируются X в.²⁸ Хронологическим индикатором являются граненые сердоликовые и вообще каменные бусы. В культурный слой Старой Ладogi они стали

выпадать не ранее 860-х гг. и наибольшее распространение получают в X в.²⁹

К находкам, которые бесспорно появляются в Ладoge не ранее X века, может быть отнесена литая серебряная позолоченная двурогая подвеска-лунница с растительным орнаментом из зерни (рис. 1). Т. Капелле считает её примером взаимного славяно-скандинавского влияния в области ремесла, своеобразным гибридным изделием со славянской формой и скандинавским орнаментом³⁰. До настоящего времени эта находка так и остается уникальным примером раннесредневекового ювелирного искусства. Несмотря на широкое распространение ширококорогих серебряных лунниц со сканным орнаментом и их изученность, плакунский экземпляр из кургана № 6 не имеет прямых аналогий ни в древнерусских и в западно-славянских, ни в польских и в скандинавских материалах³¹. В отличие от распространенных в этот период ширококорогих лунниц с загнутыми рождками, плакунский экземпляр имеет ярко выраженную форму полумесяца. Растительный орнамент на этой луннице также не имеет аналогий на украшениях данного типа. Большинство подвесок-лунниц, датируемых X—XI вв., сделаны из тонкого серебряного листа с орнаментом из ромбов, треугольников и полос, выполненных в технике зерни³². Орнамент плакунской лунницы имеет завитки и соединения характерные для скандинавского «plant ornament». Скандинавские археологи считают, что позднекаролингский растительный орнамент начинает распространяться на предметах северо-европейской торевтики не ранее конца IX—X вв., под влиянием церковного искусства Империи Каролингов, и чаще всего предметы с подобным орнаментом встречаются с овальными фибулами типа Р-51 (по типологии Яна Петерсена)³³.

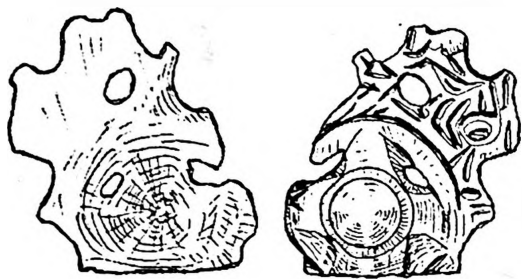

Рис. 2

Однако, наиболее близкими к плакунскому экземпляру по форме и стилю орнамента оказались две лунницы «полунолунного» типа (типология В. Гольмстен), происходящие из Ольвии и хранящихся в фондах Государственного исторического музея³⁴. Можно согласиться, что подвеска из Ладоги является уникальным произведением северного мастера, поэтому не следует относить её к общей группе ширококорых подвесок-лунниц и широко датировать X—XI вв. В XI в. украшения с сочетанием подобных элементов, вероятно, уже не производились.

Ещё одной находкой, которая дает возможность уточнить датировку могильника, можно считать фрагмент бронзовой овальной фибулы, обнаруженной Е.Н. Носовым³⁵ в 1972 г. у дороги, проходящей через могильник, в нескольких метрах к западу от кургана № 6 (рис. 2)³⁶. Этот фрагмент относится к верхней крышке овальной фибулы типа Р-51 (по типологии Яна Петерсена)³⁷. В монографии И. Янссона эта часть фибулы обозначена как Sa3, а ближайшая аналогия происходит из Гнездова из кургана 37/1899 и относится к типу Р-51 С1³⁸. И. Янссон считает, что фибулы Р-51 являются самым многочисленным типом овальных или скорлупообразных скандинавских фибул в Восточной Европе³⁹. Варианты фибул Р-51 С наиболее часто встречаются с монетами, отчеканенными после 890 г. (наиболее вероятно, что вариант Р-51 С распространяется со второй четверти X в.). А.Ф. Андрощук считает временем распространения фибул Р-51 в Восточной Европе 900-950 гг.⁴⁰ Большинство скорлупообразных фибул, обнаруженных вокруг старолadoжского Земляного городища, относятся к этому же типу Р-51⁴¹.

На наш взгляд, ранней датировке плакунского могильника противоречит не только вещевой набор из погребений

и особенности погребального обряда, но также топографическое положение последнего. Во-первых, ранняя датировка могильника заставляет заново посмотреть на соотношение могильника и старолadoжского поселения. Девятый век — это период далеко не самый благополучный для ладожских жителей. Количество построек на Земляном городище сокращается. Могильников, связанных с этим периодом, кроме Никольского, практически неизвестно. Скандинавские украшения — индикатор присутствия скандинавов в это время в Ладоге — практически отсутствуют. Возникает естественный вопрос: почему в этой ситуации могильник городских жителей выносится так далеко за пределы поселения? Вокруг жилой зоны, в этот период, вполне хватает земли для совершения погребений. Можно предположить, что могильник на Плакуне или был связан с неизвестным нам отдельным поселком IX в. у деревни Чернавино, или могильник был сооружен в тот период, когда вокруг поселка на Земляном городище уже не оставалось свободного места для сооружения курганов. Безусловно, плакунский могильник связан с поселением на Земляном городище и его местоположение на правом берегу Волхова, также как и погребальные материалы, подтверждают это. Период быстрого разрастания ладожского поселения в X в. зафиксирован горизонтом Д на Земляном городище⁴².

В 930-960-е гг. происходит перепланировка поселения и сложение плотной уличной застройки, что свидетельствует об ограниченности строительной площадки на Земляном городище в этот период⁴³. Это ограничение могло быть связано как со строительством укреплений вокруг поселка, так и с разрастанием кладбищ вокруг ладожского поселения. С домостроительным горизонтом Д связана наиболее плотная застройка ладожского поселения и увеличение числа могильников вокруг него⁴⁴. Быстрый рост торгового поселения, сезонное увеличение поселка за счет приезжих скандинавов на левом берегу Волхова привело к уменьшению незанятой площади и увеличению площади могильников. Вероятно, по этой причине часть постоянных жителей Старой Ладоги⁴⁵ североевропейского происхождения была вынуждена хоронить своих умерших на другом берегу реки. С одной стороны, община, хоронившая своих

покойников прямо напротив ладожского городища, вероятно, стремилась обозначить связь между своим кладбищем и поселением, а с другой — подчеркнуть особенность своей группы от остальных ладожских поселенцев. Е.А. Рябинин отметил эту особенность ладожского

населения на примере домостроительства Старой Ладogi⁴⁶.

Все вышеприведенные данные позволяют нам отнести начало возникновения плакунского могильника к началу X в., а время его функционирования, скорее всего, следует ограничить первой половиной X в.

***

- 1 Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси. Л., 1978. С. 208–209; Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 194.
- 2 Корзухина Г.Ф. О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладogi // Скандинавский сборник. Вып. XVI. Таллин, 1971. С. 123–131; Назаренко В.А. Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 156–169; Носов Е.Н. Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладoge // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 147–155.
- 3 Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Ук. соч. С. 194; Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 209.
- 4 Назаренко В.А. Ук. соч. С. 165. Ср.: Кузьмин С.Л., Волковицкий А.И. К вопросу о некрополе Старой Ладogi // Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки. Вып. 1. СПб., 2001. С. 45.
- 5 Кирпичников А.Н. Новооткрытая Ладожская каменная крепость IX–X вв. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1979 г. Л., 1980. С. 441–455.
- 6 Богуславский О.И., Мачинская А.Д. Сяьское городище и поселения нижнего Поволжья (опыт сопоставления) // Петербургский археологический вестник. № 6, Л., 1993. С. 120.
- 7 Назаренко В.А. Ук. соч. С. 157; Кузьмин С.Л., Волковицкий А.И. Ук. соч. С. 46.
- 8 Корзухина Г.Ф. Ук. соч. С. 62–63; Назаренко В.А. Ук. соч. С. 165.
- 9 Черных Н.Б. Дендрохронология древнейших горизонтов Ладogi (по материалам раскопок Земляного городища) // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 78–80.
- 10 Назаренко В.А. Ук. соч. С. 165. Эта же датировка приведена и в указанной выше статье А.Н. Кирпичникова.
- 11 Черных Н.Б. Дендрохронология и археология. М., 1996. С. 119.
- 12 Eisenschmidt S. Kammergräber der Wikingerzeit in Altdänemark // Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. Bd. 25, Bonn, 1994. S. 73.
- 13 Gräslund A.-S. The Burial Customs. A study of the graves on Björkö // Birka IV. Stockholm, 1980. S. 29–30.
- 14 Holmqvist-Olausson L., Götherström A. Sex indifikation of a skeleton in a new chamber-grave from Birka // Laborativ Arkeologi. Journal of Nordik Archaeological Science. Vol. 10-11. Stockholm, 1998. S. 105–108; Muyingo H.F. Borgvallen II. Utvidgad undersökning av Borgvallen och underliggande grav 1997 // Rapportserie från Arkeologiska forskningslaboratoriet. Stockholm, 2000. S.47.
- 15 Михайлов К.А. Погребение воина с конями на вершине плакунской сопковидной насыпи в свете погребальных традиций эпохи викингов // Древности Поволжья. СПб, 1997. С. 105–116; Носов Е.Н. Ук. соч. С. 151–154. Погребение в камере на вершине кургана, скорее всего, соорудили во второй половине X в. К этому периоду относятся византийская бронзовая бляшка и острое с головой волка.
- 16 Andersen H. Dendrokronologisk datering af Mammengraven // Jysk Arkæologisk Selskabs. Skrifter 28. Højbjerg, 1991. S. 44; Eisenschmidt S. Op. cit. S. 70.
- 17 Eisenschmidt S. Op. cit. S. 70.
- 18 Ibid. S. 87.
- 19 Ibid. S. 70.
- 20 Михайлов К.А. Погребение воина с конями на вершине плакунской сопковидной насыпи в свете погребальных традиций эпохи викингов // Древности Поволжья. СПб, 1997. С. 105–116; Носов Е.Н. Ук. соч. С. 151–154. Погребение в камере на вершине кургана, скорее всего, соорудили во второй половине X в. К этому периоду относятся византийская бронзовая бляшка и острое с головой волка.
- 21 Назаренко В.А. О возможной интерпретации захоронения в кургане № 11 плакунского могильника // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Том II. Псков, 1997. С. 94–95.
- 22 Неопубликованные материалы из фондов Стокгольмского исторического музея. Сведения получены от сотрудников Стокгольмского исторического музея.
- 23 Дубов И.В. Новые раскопки Тимеровского могильника // КСИА. № 146. М., 1976. С. 85. Рис. 2:1; 4–5; Дубов И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки). Л., 1982. С. 126–127; Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 189–297.

- 24 Пушкина Т.А. Раскопки Гнездова Левобережного // Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Т. XIII. М., 1993. С. 113–115; Каинов С.Ю. Мечи из раскопок Гнездова // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб., 1998. С. 207.
- 25 Бліфельд Д.І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977. С. 171–172. Табл. XXVII:1.
- 26 В могильнике Бирка бусы из рубчатой проволоки открыты в погребениях №№ 606, 639, 791 и 1081 вместе с овальными фибулами типа P-51e, P-51c3, P-51-B1, что позволяет датировать эти находки концом IX–X вв. См.: Arbman H. Birka I. Die Gräber. Stockholm, 1940-1943. SS. 199, 215–219, 286, 287, 449–551. Tab. 114: 1, 7, 11, 12; Jansson I. Ovals spännbucklor // Archaeological Studies Uppsala University Institute of North European Archaeology. Uppsala, 1985. S. 127–129.
- 27 Davidan O. Kunsthandwerkliche Gegenstände des 8. Bis 10 Jahrhunderts aus Alt-Ladoga // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters. Jahrgang 20. Bonn, 1992. S. 18.
- 28 Данные из доклада Я.В. Френкеля, произнесенного в 1998 г. на заседании Отдела Археологии Восточной Европы и Сибири Гос. Эрмитажа.
- 29 Рябинин Е.А. Бусы Старой Ладоги (по материалам раскопок 1973-1975 гг) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 165–173; Рябинин Е.А. Начальный этап поступления полудрагоценных камней на Север Европы (новые материалы древнейшей Ладоги и их скандинавские аналоги) // Ладога и Северная Русь. Чтения, посвященные памяти А.Д. Мачинской. Вып. 1. СПб., 1995. С. 56–61.
- 30 Капелле Т. Славяно-скандинавское художественное ремесло эпохи викингов // Славяне. Этногенез и этническая история (Междисциплинарные исследования). Л., 1989. С. 139. Рис. 7; Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. Ладога — древняя столица Руси, СПб., 1996. С. 62.
- 31 Пушкина Т.А. Новый гнездовский клад // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994. М., 1996. С. 171–186; Duczko W. The filigree and granulation work of the Viking period // Birka V. An analysis of the material from Björkö. Stockholm, 1985. S. 48; Małachowska S. Wczesnośredniowieczne za półksiężycowate znalezione na terenie ziem polskich // Archeologia Polski. T. XLIII. Warszawa, 1998. Z. 1–2, 37–127.
- 32 Пушкина Т.А. Новый гнездовский клад... С. 175–176.
- 33 Klæsøe I.S. Plant Ornament. A Key to a New Chronology of the Viking Age // Lund Archaeological Review. 1997, Lund, 1998. S. 80–83.
- 34 Гольмстенъ В.В. Лунницы Императорского исторического музея // Отчет Исторического музея имени императора Александра III в Москве за 1913 г. М., 1914. С. 101. Рис. 27.
- 35 Приношу свою искреннюю благодарность д.и.н. Е.Н. Носову за возможность опубликовать фрагмент фибулы.
- 36 Рисунок выполнен С.А. Васильевым.
- 37 Petersson J. Vikingatidens smykker. Stavanger, 1928. Fig. 51a-1.
- 38 Jansson I. Ovals spännbucklor... S. 70–75. Fig. 60: b.
- 39 Ibid. S. 81.
- 40 Андрощук А.Ф. К датировке фибул типа Petersen-51 // Vita Antiqua. № 1. Киев, 1999. С. 89–94; с текстом статьи можно ознакомиться: (<http://archaeology.kiev.ua/pub/androschuk.htm>): Восточно-европейский археологический журнал. № 5(12), Киев, 2001.
- 41 Кузьмин С.Л., Волковицкий А.И. Ук. соч. С. 49–51.
- 42 Kuz'min S. Ladoga, Le premier centre proto-urban Russe // Réalités Byzantines. N 7, Paris, 2000. P. 124–142.
- 43 Рябинин Е.А., Черных Н.Б. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского земляного городища в свете новых исследований // Советская археология. № 1, М., 1988. С. 98.
- 44 Кузьмин С.Л., Волковицкий А.И. Ук. соч. С. 46, 50.
- 45 О том, что это были жители Ладоги, а не случайные путешественники, свидетельствует значительное количество женских погребений.
- 46 Рябинин Е.А., Черных Н.Б. Ук. соч. С. 99.

СТРУКТУРЫ ВЛАСТИ ЛАДОГИ XI–XV вв.

Древнерусская Ладога VIII–X вв., сыгравшая важнейшую роль в сложении державы Рюриковичей, ее культуры и всей системы общественных взаимоотношений, становится в XII–XIV вв. полноправной частью «волости Новгородской». Однако эпизодический характер упоминания Ладоги этого времени древнерусским летописанием не позволяет создать цельной картины истории средневекового города. Существенную роль в такой исторической реконструкции способны сыграть исследования в области исторической топографии и картирования археологических памятников¹, изучение данных сфрагистики² и архитектурно-археологические исследования³. Одним из diskutируемых моментов в истории средневековой Ладоги до сих является организация управления городом и соотношение здесь церковной и светской юрисдикции. Из новгородской летописи известно о существовании в Ладоге должности посадника в XII–XIII в., в XIV в. здесь управляют кормленные литовские князья, тогда же, в согласии с данными сфрагистики, здесь действуют владычные наместники. Каково соотношение этих властных структур в истории Русского Севера?

Из древнесеверной литературы известно, что около 1020 г. Ладожская волость была передана князем Ярославом своей супруге Ингигред в качестве вено. В результате здесь образовалось полуавтономное ярлство двоюродного брата княгини конунга Рогнвальда и его потомков — Ульва и Эйлива⁴. Очевидно, в 1030–1070 гг., а особенно активно со смертью князя Ярослава Мудрого после 1054 г., когда предполагается усиление самостоятельных тенденций в политической жизни ярлства, ладожане участвуют в проторении дороги «за югру и самуюдь», которая впоследствии оказывается в руках новгородской аристократии⁵. Об этом

определенно свидетельствуют в 1114–1116 г. сами ладожане со ссылкой на «старых мужей», а так же новгородец Гюрята Рогович, отождествимый с новгородским посадником начала XII в.⁶, отправлявший своих отроков «в югру» не позднее 1092 г.⁷

Однако роль ладожан в новгородской истории не ограничивается этим столетием. Если предлагаемые А.А. Молчановым и А.А. Гиппиусом отождествления верны⁸, то именно с выходцами из Ладоги — потомками ярла Рогнвальда Ульвсона — возможно связать три авторитетные боярские группировки в Новгороде XII–XIII в., представлявшие Прусскую улицу и Людин конец и занимавшие посадничьи должности в ключевые моменты новгородской истории вплоть до середины XIII в.: Мирославичей (Мирослав Гюрятич — 1126–1135 гг.; Якун Мирославич — 1137–1176 гг.; Дмитр Якунич — 1211 г.; Иванко Дмитрович — 1220–1229 гг.), Михалковичей (Михалко Степанович — 1176–1206 гг., Твердислав Михалкович — 1206–1224 гг.; Степан Твердиславич — 1215–1243 гг.) и Мирошкиничей (Иванко Павлович — 1156 г.; Судила Иванкович — 1156 г.; Рагуил Добрынич — 1147–1169 гг.; Мирошка Несдич — 1203 г.; Дмитр Мирошкинич — 1207 г., Семен Борисович — 1230 г.). При этом предполагаемый брат Гюряты — Павел, родоначальник Мирошкиничей, был ладожским посадником в 1116 г., а сын другого брата Добрыни, действовавшего в истории в 1096–1117 гг., Рагуил Добрынич (1147–1169 гг.), может быть отождествлен с ладожским посадником Рагуилом 1132 г.⁹ Таким образом, ряд группировок новгородского боярства не только обладал предположительно ладожским происхождением, но и не порывал своих общественно-политических связей с «малой родиной».

Следующий ладожский посадник Нехата Твердятич, бывший до этого

новгородским посадником в 1144–1146 гг. и 1160–1161 гг., упоминается только в 1164 г.¹⁰ Во время его посадничества 1160 г. Ладога становится местом ссылки князя Святослава Ростиславича. По возвращении Святослава в 1161 г. в Новгород, Нежата был лишен посадничества, полученного при поддержке суздальских князей, и отправлен в Ладогу. Особо тесная связь Нежаты с князем, прослеживается в событиях 1137 г., где его двор, как сторонника Всеволода, подвергается «потоку и разграблению», так и позднее в его эмиграции в Суздаль, откуда он и был возвращен в Новгород в 1143 г.¹¹ Во всех этих событиях Нежата предстает как союзник Судилы Иванковича, внука ладожского посадника Павла и предка Мирошкиничей, и противник Якуна Мирославича, представителя одной из ветвей потомства Гюряты Роговича. Стоит отметить, что из Ладоги происходит печать, предположительно атрибутируемая Судиле Иванковичу (П/IV.2/К-283) и относимая к его посадничеству во время правления в Новгороде Ростислава Мстиславича (1154 г.)¹². Боярская группировка Судилы-Нежаты, пришедшая к власти в 1143 г., характеризуется «античерниговской ориентацией», при этом сам Нежата предположительно относится к боярству Торговой стороны¹³. К сожалению, в его биографии не присутствует достаточных оснований для причисления его к потомкам Рогволда, в силу чего занятие им должности в Ладоге могло бы опираться на родовую традицию, однако связь с предполагаемым потомством посадника Павла как будто бы подсказывает такую возможность.

В период 1164–1256 гг. посадники в Ладоге не упоминаются, однако от второй половины XIII в. до нас дошло сразу три имени представителей этой должности, происходящих из одной боярской фамилии. Так, до 1257 г. в Ладоге посадничал Михаил Федорович, ставший в этом году новгородским посадником и погибший в Раковорской битве (1268 г.)¹⁴. Его сын Семен Михайлович, становится посадником в Ладоге не ранее 1273 г., когда он еще участвует в боярском посольстве, в 1280 г. избран на эту должность в Новгороде, однако в 1287 г. посадничество у него «отъяша», а умер он 16.07.1288 г., не перенеся мятежа, поднятого против него сторонниками нового прусского посадника Андрея Климовича¹⁵. Примечательно, что уход Семена из Ладоги вызывает там

своеобразный вакуум власти, поскольку ладожане, вступив в союзнические отношения с князем Дмитрием Ярославичем, занимают Копорье, откуда их выбивает дружина Довмонта в 1280 г. Однако уже через три года ладожане под руководством того же Семена Михайловича участвуют в военных операциях в устье Невы¹⁶. Матфей Семенович, сын Семена Михайловича, получает ладожское посадничество как союзник неревских бояр Мишничей в 1291 г.¹⁷

В.Л. Янин причисляет посадничье семейство к Славенскому концу, поскольку их политика в отношении признания великокняжеского суверенитета над Новгородом свойственна именно Торговой стороне, а также на основании ряда косвенных данных¹⁸. Характерным для Михаила и его потомков был и союз с Мишничями, так ярко проявившийся во время Раковора¹⁹. Представляется возможным решить вопрос о предках этой посадничьей династии. Предположительно, отцом Михаила Федоровича мог быть прусский боярин Феодор Михалкович, сын Михалки Степановича и брат Твердислава Михалковича (рис. 1). Его имя под 34 номером упомянуто во втором изводе посадничьего списка (список Б Комиссионного списка НПЛ), однако В.Л. Янин показал, что его причисление к посадникам вряд ли оправдано²⁰. Вместе с тем, в пользу подобного отождествления говорит и использование родового имени Михаил, которое передавалось от деда к внуку. Появление потомков прусского боярства во второй половине XIII в. среди граждан Торговой стороны в целом оправдано историческим развитием города, поскольку и Семен Борисович, внук Людинского боярина Мирошки Нездича, в 1220-х гг. принадлежит к Славенскому концу. Не исключено, что две ветви Рогволдовичей — потомки Михаила Гюрятича и Иванки Павловича проживали в середине — второй половине XIII в. в территориальной близости на Торговой стороне. В пользу такой близости говорит, возможно, и крещение сына Михаила Федоровича с именем Симеон, что, предположительно, не только может указывать на связь этой фамилии с храмом св. Павла исповедника на Варяжской улице, где был придел в честь прав. Симеона Богоприимца, но и не исключает сложных семейных связей с родом Семена Борисовича. Таким образом,

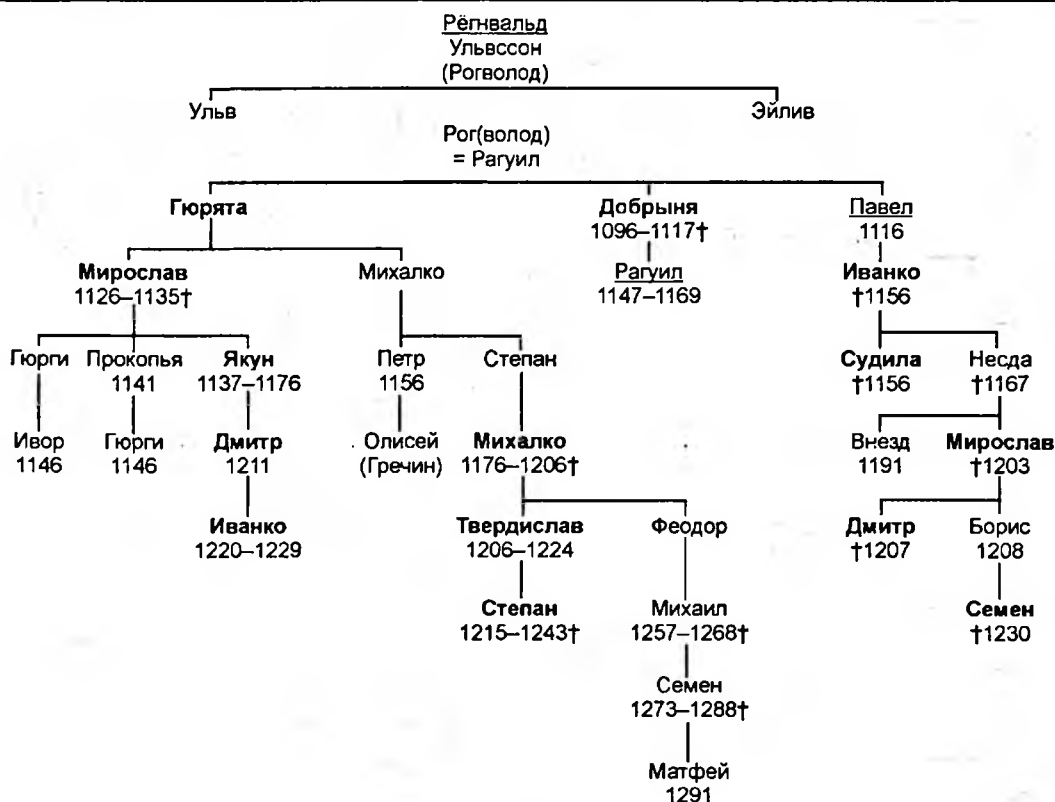

Рис. 1

Ориентировочная стемма новгородских Рогволдовичей (по А.А. Гиппиусу) с предлагаемым дополнением ветви Феодора Михалковича

очевидно, что с первой половины XII в. до конца XIII столетия в Ладоге регулярно появлялись посадники, чье происхождение восходило к одному боярскому роду. При этом к XIII в. исполнительная власть в этом городе перешла к старшей ветви, представленной потомками Гюряты и Михалки, возможно также как это имело место и в Новгороде в 1211 г., когда Твердислав Михалкович добровольно отказывается от посадничества в пользу «старейшего» Дмитра Якунича²¹, происходившего из старшей ветви Рогволдовичей-Гюрятничей²². Возможно и Нежату Твердятича, в силу зафиксированной с XII по XIII в. традиции, так же стоит отнести к потомству Рогволдовичей-Гюрятничей, предположив в нем внука Гюряты от третьего, неизвестного по источникам, сына Твердислава, брата Мирослава и Михалко. Таким образом, представляется, что начиная со второй четверти XII в. и вплоть до конца XIII в. Ладогу необходимо представлять как пригород, находившийся под контролем нескольких новгородских боярских родов, как раз и происходивших из Ладожской земли. Боярский контроль над Ладогой способен

объяснить события 1160 г., когда Святослав Ростиславич был выслан в этот город, тогда как княгиня была опеделена в Варваринский монастырь, находящийся, судя по всему, под контролем предков Мирошкиничей. Высылка могла быть связана с инициативой самого Нежаты, на что уже обратил внимание В.Л. Янин²³.

Очевидно, установление контроля новгородской боярско-княжеской администрации над городом было более сложным процессом, чем это казалось раньше. Так, Новгородская первая летопись сообщает о военном походе в Ладогу в 1104 г.²⁴ Освоение «ладожского наследства» сопровождается появлением на усадьбах горожан документов, скрепленных княжескими печатями Святополка Изъяславича и Владимира Мономаха 70–90-х гг. XI в. (№№ 37 и 38 по В.Л. Янину), а также за печатью протопроедера Евстафия-Завида (1088–1094 гг., № 72–13), представленных сфрагистическими находками из раскопок горизонта Г (XII–XIV вв.) на старолadoжском Земляном городище²⁵. Таким образом, подчинение Ладоги Новгороду происходило за счет авторитета княжеской власти. Это объясняется тем, что

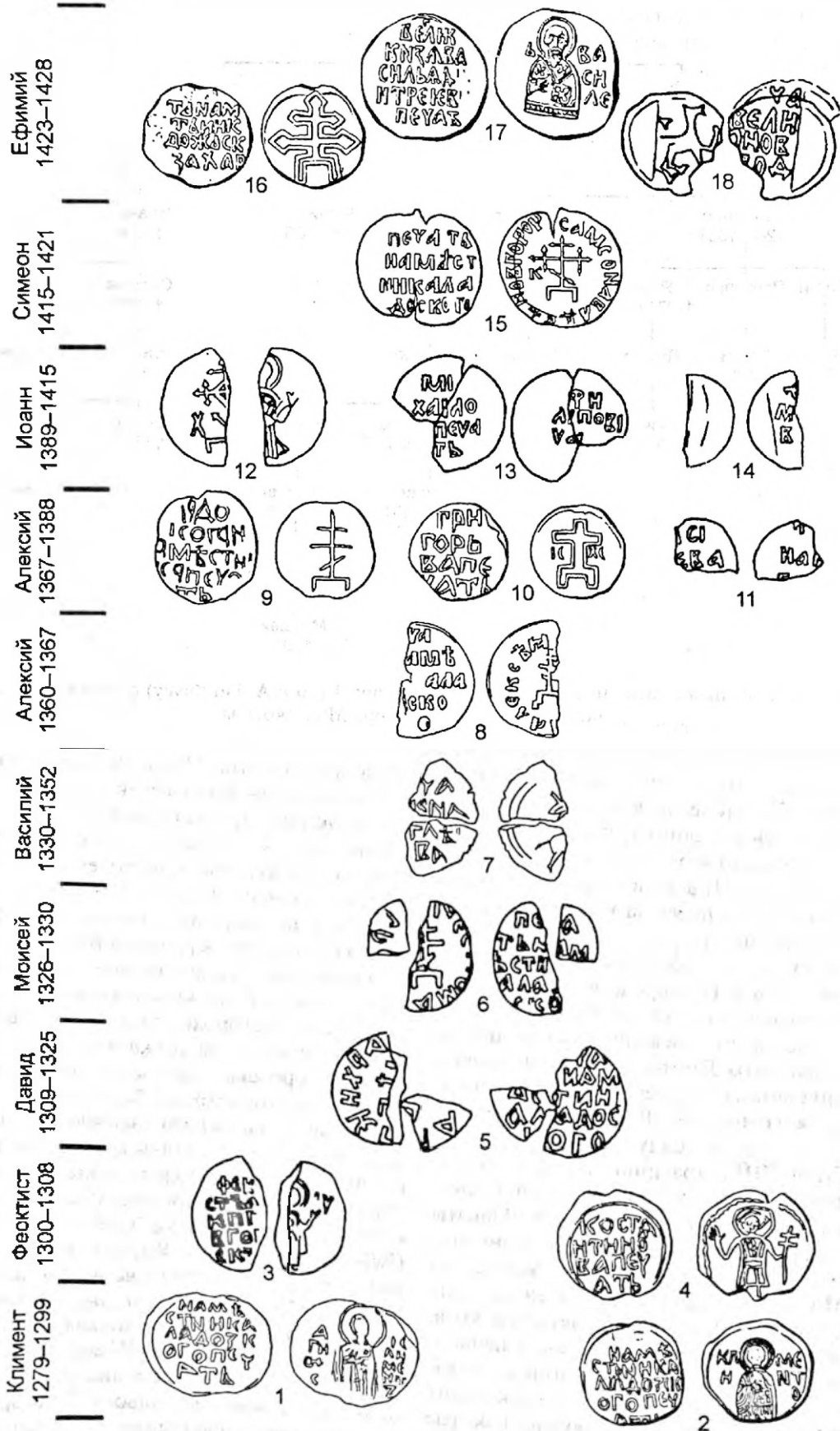

Рис. 2

К рис.2

Ладожское наместничество XIII-XV вв. по данным сфрагистики согласно С.В. Белецкому (нумерация печатей дана в соответствии со сводом С.В. Белецкого и В.П. Петренко)

1, 2 — печати архиерейского наместника в Ладоге времени святительства архиепископа Климента (1279-1299) (П/VI.2.ад/К-521; П/VI.2.ад/16), 3 — печать архиепископа Новгородского Феохиста (1299-1308) (П/III.2.вд/24), 4 — печать посадника Константина (1304-1307 гг.) (П/VI.2.ав-1/К-683), 5 — печать архиерейского наместника в Ладоге времени святительства архиепископа Давида (1308-1325) (П/II.3.ад-ез/8), 6 — печать архиерейского наместника в Ладоге времени первого святительства архиепископа Моисея (1325-1330) (П/II.3.ад-ез/7), 7 — печать ладожского князя-кормленщика Глеба-Наримонта Гедеминовича (1333-1347) (П/IV.3.авд/10), 8 — печать архиерейского наместника в Ладоге времени первого периода святительства архиепископа Алексия (1359-1367) (П/II.3.ад-ез/9), 9 — печать светского наместника в Ладоге времен второго периода святительства архиепископа Алексия (1367-1388) (П/II.3.ад/6), 10 — печать наместника Двинской земли времен второго периода святительства архиепископа Алексия (1367-1388) (П/II.3.ав/15), 11 — печать новгородских тиунов времен второго периода святительства архиепископа Алексия (1367-1388) (П/VIII.1.авд/22), 12 — печать светского новгородского чиновника, направленного в Ладогу во времена святительства архиепископа Иоанна (1389-1415), 13, 14 — печати новгородских тиунов времен святительства архиепископа Иоанна (1389-1415) (П/VIII.1.аг/20, П/VIII.1.аг/21), 15 — печать архиерейского наместника в Ладоге времен святительства архиепископа Симеона (1421-1424) (П/II.3.ад-ез/23), 16 — печать светского наместника ладожского Захарии, принадлежавшего в великокняжеской администрации, во время святительства архиепископа Евфимия (1424-1428) (П/II.3.авд/К-522), 17 — печать великого князя Василия Дмитриевича (до 1425) (П/VI.2.агд-1/18), 18 — печать Новгородского Совета господ (П/IV.3.А/11)

начиная с середины IX в. и вплоть до второй половины XIII в. Ладога предстает перед нами как родовое владение Рюриковичей, что было доказано А.Н. Кирпичниковым²⁶. Однако, участие боярской аристократии в этом процессе, которое становится очевидным из последующей истории этого города, объясняется не только участием в княжеских политических проектах, но и самостоятельными интересами, связанными с перспективой постановки под свой контроль некогда родовых владений. В археологических материалах Новгорода этого времени можно проследить активизацию участия представителей боярства в сборе и распределении государственных доходов, которые изначально находились под контролем княжеской администрации²⁷. А.Н. Кирпичников отметил, что политические изменения рубежа XI—XII вв. происходили мирно, с учетом интересов местных жителей, а впоследствии Ладога сохраняла с Новгородом федеративные отношения с тенденцией к обособлению и политической самостоятельности вплоть до конца XIII в.²⁸ Это вполне могло быть связано с отстаиванием частью Новгородского боярства своих исконных прав на Ладогу и осуществляемые через нее связи с Русским Севером в ущерб общегосударственным интересам. Вхождение Ладоги в это время в церковную юрисдикцию подтверждается находкой анонимной архиерейской

печати, предположительно относимой к 90-м гг. XI в., но происходящей, к сожалению, из отвала, связываемого с горизонтом Г²⁹, которая могла принадлежать епископу Герману (1078—1096 гг.) или св. Никите (1096—1107 гг.). По мнению С.В. Белецкого, она могла скреплять верительную грамоту, связанную с посольством Киевского митрополита в Ладогу³⁰ (рис. 3: 2). Представляется неслучайным совместное происхождение из культурного слоя Земляного городища буллы Владимира Мономаха, которая по своему сфрагистическому типу должна относиться ко времени первого периода его перяславского княжения, и уникальной печати византийского митрополита Леонтия Лаодикийского — находкой полевого сезона 1998 г., не имеющей, к сожалению, стратиграфической даты (рис. 3:1)³¹.

Предполагаемое сопоставление держателя буллотирия с титулярным митрополитом Леоном Переяславским 1070—1080-х гг.³² еще более подтверждается, на наш взгляд, обширной территорией и миссионерским характером Переяславского диоцеза в XI—XII вв. По крайней мере, до второй четверти XI в. Смоленская и Суздальская земли входили в церковном отношении в состав Переяславской епархии, что явствует из факта церковного строительства в Суздале, осуществляемого переяславским митрополитом Ефремом (до 1096 г.), а также запретом

Уставной грамоты Смоленской епархии 1136–1139 г. на последующее присоединение Смоленска к церковному округу Переяславля³³. Не исключено также, что до 1148 г. Ростовская кафедра управлялась из Переяславля, пока на этой кафедре на короткий срок не появляется самостоятельный епископ Нестор³⁴. Вообще, активность Черниговской и Переяславской епархий на Русском Севере в XI–XII вв. представляется если не закономерным, то по крайней мере, обычным явлением. На основании сфрагистических данных мы предполагаем, что епископ Черниговский Антоний, занимавший кафедру приблизительно в 1159–1168 гг.³⁵, также отправлял какие-то церковные документы на Белоозеро, поскольку печать с изображением св. Антония и Божией Матери в типе поясной Ассунты, найденная среди подъемного материала на правом берегу р. Шексны в пределах древнего Белоозера, может быть предположительно атрибуирована именно ему³⁶. Еще один экземпляр такой печати происходит из Смоленска³⁷, что отражает достаточно широкую географию церковных связей южно-русских епархий.

Вместе с тем, несмотря на присутствие христианских древностей среди археологических материалов Старой Ладоги уже со второй половины IX в. (фризский кувшин их кургана № 7 в могильнике Плакун (третья четверть IX в.)³⁸, крест-энколпион сирийского типа без изображений, найденный на раскопе на Варяжской улице в слоях VII–VIII строительного горизонта 900–924 гг.³⁹, бронзовый крест из слоев середины X в. на Варяжском раскопе⁴⁰), а также на определенные свидетельства ранней христианизации города (преднамеренное разрушение «большой постройки» — святилища 950–991 гг.⁴¹, атрибуция срубов X-49 и X-50 верхних слоев горизонта Д (X ярус, 970–990 гг.) как храмового комплекса⁴², раннее христианское кладбище XI–XII вв. на Земляном городище⁴³), первое определенное свидетельство о существовании в Ладоге церковной организации относится к 1153 г., когда архиепископ Нифонт строит здесь каменный храм в честь свт. Климента Римского⁴⁴. Такое положение дел мы связываем с торгово-ремесленным характером поселения и постоянной сменой обитателей раннесредневековой Ладоги,

что не способствовало непрерывной и поступательной христианизации его обитателей. Существование сезонных парцел IX–X вв., объединявших в себе жилую и производственную зону и имеющих полные аналогии в прибрежной планировке г. Рибе (Дания), было доказано раскопками А.Н. Кирпичникова 1991–1992 гг.⁴⁵, а подобный тип городской застройки как раз и свидетельствует, на наш взгляд, о притоке нового населения.

Однако к середине XII в. относятся архитектурно-археологические данные о строительстве в Ладоге еще 4 каменных храмов⁴⁶, а также находка печати архиепископа Новгородского Илии (1165–1186 гг.) (рис. 3: 3)⁴⁷. Таким образом, в это время Ладога представляет из себя вполне христианский город с многочисленными храмами, включенный в сферу епископского делопроизводства. Вместе с тем, известное из Писцовой книги 1500 г. деление Ладоги на пять концов — Никольский, Климятицкий, Спасский, Симеоновский и Богородицкий⁴⁸ — способно подвергнуть сомнению тезис об обязательной связи между кончанской и родо-племенной организациями, выработанный на археологических материалах Новгорода. Название концов соответствует посвящению приходских храмов, которые возникли на территории, уже имеющей культурный слой предшествующего времени (Успенская — 1156–1159, Спасская — 1159–1161, Петровская (?) — 1161–1163, Никольская — 1209–1210 гг.), и в этом смысле конец должен быть тождествен приходу, а само кончанское деление оказывается вторичным по отношению к социальной структуре общины. Подобная ситуация складывается и в конце XIII в., когда развившаяся к этому времени городская жизнь севернее посада замыкается строительством Иоанновского монастыря на Малышевой горе⁴⁹. Не исключено, что достаточно редкое посвящение одного из ладожских престолов в честь св. Симеона, располагавшегося на месте построенной в 1862 г. Крестовоздвиженской церкви⁵⁰, связано с боярскими династиями потомков Рогволдовичей. По крайней мере, Семен Борисович в 1224 г. является фундатом храма с соименным приделом в Славенском конце⁵¹, а ладожский посадник 1273–1280 гг. Семен Михайлович был, очевидно, тезоименит храмовому посвящению.

Приходы не накладывались на уже существующие формы общинной жизни, а активно участвовали в ее становлении, перекраивая городскую топографию. В отличие от Новгорода, где его семисоборное устройство подчинялось кончанскому⁵², здесь мы наблюдаем обратную картину. По сути дела, градообразующую функцию храмов Успения Божией Матери, св. Симеона Богоприимца, Воскресения Христова и свт. Петра, стоящих «берегом по горе», отмечает уже Писцовая книга 1500 г., когда предписывает городской администрации выделять места ладожанам в соответствии с топографией размещения городских храмов, на что в свое время обратил внимание А.Н. Кирпичников⁵³. Представляется, что концы в Ладоге явились привнесенным новгородской администрацией элементом городской организации и служат свидетельством «не только духовной, но и организаторской роли церкви», заключавшейся «в организации и привлечении целых поселенческих коллективов» к социально-городскому строительству в Ладоге⁵⁴. Получается, что на пространстве Ладоги не только вырабатывался новый тип каменного посадского храма⁵⁵, но и апробировалось церковно-административное деление русского города.

Вместе с тем стоит отметить определенную искусственность в церковно-кончанском делении Ладоги, которая не соответствовала формату развития средневекового города. Согласно публикуемой в настоящем сборнике описи Ладоги 1568 г. (РГАДА, Ф.137, Новгород №7, лл.290–321об)⁵⁶, всего за полстолетия существенно меняется структура города. Вместо Спасского конца возникает Воскресенский, в составе которого прежнее внутригородское образование остается в виде Спасской улицы, исчезают Симеоновский и Климятицкий концы, будучи поглощены Воскресенским и Никольским. Очевидно, что посад-окологородие на берегу р. Ладожки также возник к 1568 г. на основе части Климятицкого конца. Принципиальным отличием описи 1568 г. от предшествующих описаний является отсутствие упоминаний о значительных по размерам монастырских и церковных местах на посаде в Ладоге, «молодшие» жители которых выплачивали как государев оброк, так и церковный

позем Никольскому, Успенскому, Симеоновскому и Егорьевскому монастырям⁵⁷. В общей сложности, в церковной собственности было не менее 30% городских дворовых мест. Это достаточно высокий процент, свидетельствующий о приоритетном церковно-монастырском характере городского землевладения в Ладоге. Его формирование может относиться как ко времени сложения церковно-приходской структуры Ладоги во второй половине XII в., но скорее всего — ко времени конца XIII–XV вв., когда в Ладоге фиксируется деятельность владычных наместников новгородского архиепископа, известная по данным сфрагистики.

К 1998 г. было известно 24 печати ладожских наместников, происходящих от 9 пар матриц, большинство из которых несет на себе имя правящего архиерея⁵⁸. При этом ко времени правления архиепископа Климента (1276–1299 гг.) относится 5 печатей, ко времени архиепископа Алексия (1360–1388 гг.) — 1 экземпляр, ко времени архиепископа Иоанна (1389–1415 гг.) — 8 печатей, к правлению архиепископа Симеона в период его «чернечества на сеньях» (1415–1416 гг.) — 2 печати. Еще 8 печатей без указания имен епископов могут в своем большинстве относиться к XIV в. Попытка С.В. Белецкого атрибутировать две печати своего свода архиепископу Моисею (1326–1330 гг.) (П/П.Зад-ез/7; № 522 в:2, рис. 2: 6) и архиепископу Давиду (1309–1325 гг.) (П/П.Зад-ез/8; № 522б, рис. 2:5)⁵⁹ весьма гипотетична, поскольку легенда аверса печати П/П.З.ад-ез/8 «восстанавливаемая по двум фрагментам разных булл от одних и тех же матриц, может предположительно реконструироваться как архиеп[и]с[ко]п[а] [два]» (выделено нами — А.М.), а на этой гипотезе строится другая: легенда аверса печати П/П.З.ад-ез/7, также реконструируемая «по двум фрагментам разных булл от одних и тех же матриц, может быть в предположительной форме прочтена как арх[иеп]с[ко]п[а] мо[и]с[е]я.» (выделено нами — А.М.) Однако близость оформления этих печатей к буллам архиепископа Иоанна (1389–1415 гг.) заставляет нас приписать их времени правления того же архиепископа.

На печати ладожских наместников впервые обратил внимание В.Л. Янин⁶⁰. Тогда науке было известно три печати (№№ 521 и 522, рис. 3: 4,6), оформленные

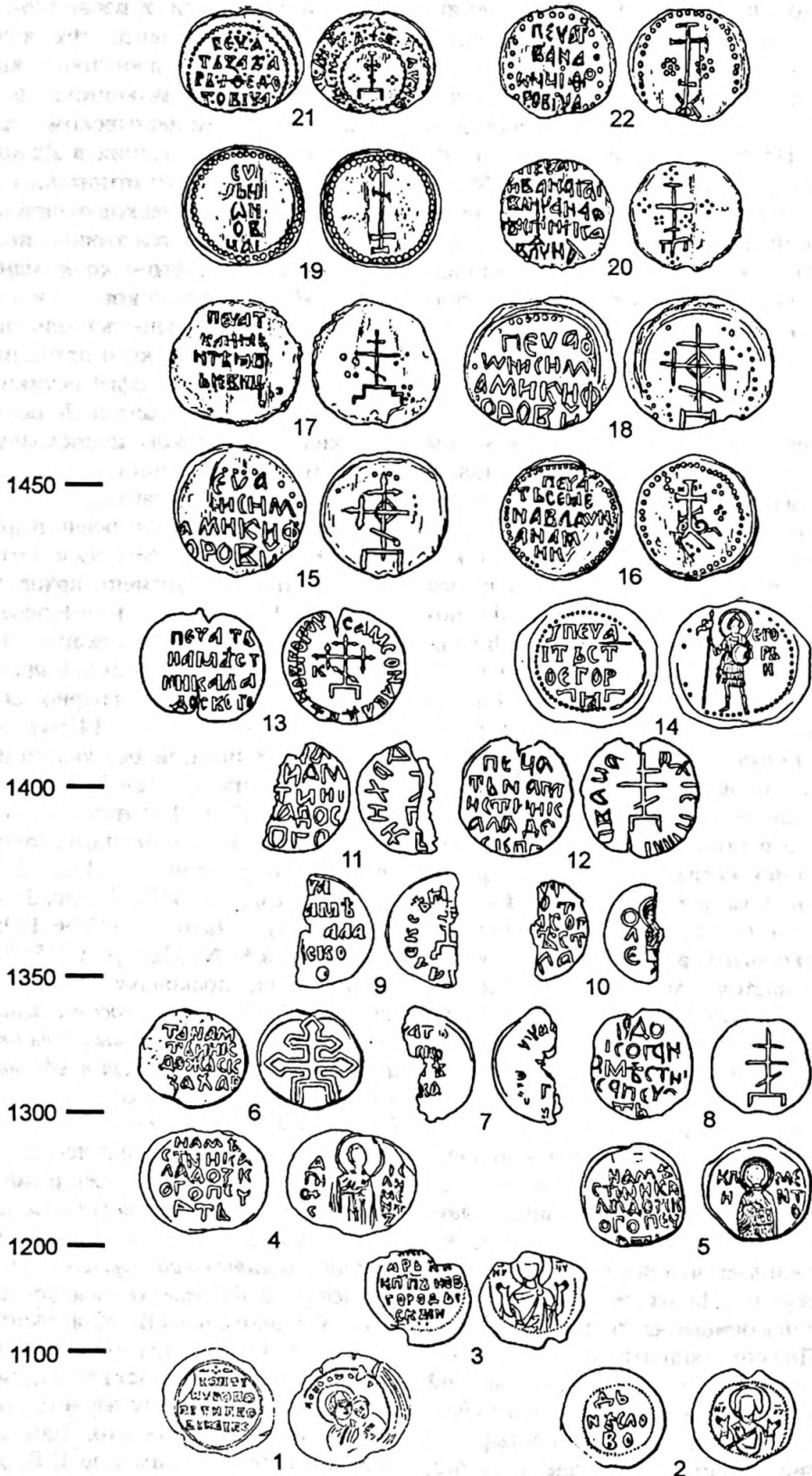

Рис. 3

К рис. 3

Церковная организация Ладоги XI–XV вв. по данным сфрагистики
(нумерация печатей дана по корпусу В.Л. Янина)

1 — печать митрополита Лаодикийского Лсонтия (Леона Переяславского (?), Ладога, Земляное городище, 1998 г.), середина — вторая половина XI в., 2 — печать владычного круга (митрополичья или епископская) конца XI в. (Ладога, Земляное Городище, горизонт Г, 1947 г., № 92), 3 — печать архиепископа Ильи (1163–1186, Ладога, случайная находка, № 58), 4 — печать ладожского наместника архиепископа Климента (1279–1299, Новгород, случайная находка, № 520а), 5 — печать ладожского наместника архиепископа Климента (1279–1299, Ладога, случайная находка, печати этого типа найдены также на Троицком раскопе в Новгороде и в д. Бабино Волховского района на берегу Волхова, № 521), 6 — печать наместника ладожского Захарии (первая половина XIV в. (?), Новгород, случайная находка, № 522), 7 — печать ладожского наместника неизвестного архиепископа (XIV в. (?), происхождение неизвестно, № 522д), 8 — печать ладожского наместника неизвестного архиепископа (вторая четверть — середина XIV в. (?), 6 экземпляров, один происходит из Новгорода, остальные из Ладоги, № 521а), 9 — печать ладожского наместника архиепископа Алексия (1359–1388, Ладога, Земляное Городище, мешаный слой, 1992 г., № 522а), 10 — печать новоторжского наместника архиепископа Алексия (1359–1388, Ладога, случайная находка, № 533б), 11, 12 — печати ладожского наместника архиепископа Иоанна (1389–1415, 8 экземпляров, в двух случаях место находки неизвестно, остальные — случайные находки из Старой Ладоги, № 522б, в), 13 — печать ладожского наместника архиепископа Симеона (1415–1424, два экземпляра из Старой Ладоги, № 522г), 14 — печать Юрьева монастыря из Новгорода (XV в., Ладога, 1974 г. № 768-2), 15, 18 — печать владычного наместника Онисима Микифоровича (середина — третья четверть XV в., Корела, 1989 г., № 570е, ж), 16 — печать владычного наместника Семена (середина — третья четверть XV в., Корела, 1989 г., № 570з), 17 — печать владычного наместника Климентия Михеевича (середина — третья четверть XV в., Корела, 1989 г., № 570д), 19, 22 — печать владычного наместника Ивана Оницифоровича (середина — третья четверть XV в., Корела, 1989 г., № 570б, в), 20 — печать владычного наместника Ивана Яковлевича (середина — третья четверть XV в., Корела, 1989 г., № 570г), 21 — печать владычного наместника Захарии Федотовича (середина — третья четверть XV в., Корела, 1989 г., № 570а)

двумя сфрагистическими типами. Связь этих печатей с архиепископом Климентом (1276–1299) и возможность датировки № 522 первой четвертью XIV в. указывают на их хронологическую компактность и на конец XIII в. как время создания такого органа. В.Л. Янин предположил, что должность новоторжского наместника, также известная по материалам сфрагистики, возникает после 1316 г.⁶¹, и соответственно в это время ладожское наместничество прекращает свое существование: «Новгородцы предоставили владыке Новый Торг взамен Ладоги, а не в дополнение к ней»⁶². В.Л. Янин не определял функции наместника, однако из контекста становится понятным, что речь должна идти об осуществлении им функций государственного управления.

Позднее, с учетом новых сфрагистических находок, В.Л. Янин несколько скорректировал свою гипотезу. Отнеся печати № 522 и 521а к периоду 1300–1315 гг., он предположил, что в связи с основанием наместничества в Новом Торгу, деятельность подобной структуры в Ладоге была временно прекращена и возобновлена лишь в правление архиепископа Алексия (1360–1388 гг.), причем в конце его

правления. Учреждение и возобновление наместничества в Ладоге датируется, соответственно, 1282 и 1384 гг., когда для политического подчинения Ладоги Новгороду в условиях, в первом случае, выступления этого города против Копорья и, во втором случае, ограничения кормленных прав Патрикия Наримонтовича, потребовалось учреждение «параллельного органа государственного контроля, освященных владычным авторитетом»⁶³. Таким образом, ладожский наместник — это прежде всего государственный чиновник с соответствующими функциями.

Гипотеза В.Л. Янина в ее первоначальном варианте была поддержана А.С. Хорошевым. Деятельность наместников архиепископа во всех известных областях — Ладоге, Торжке и Заволочье осуществлялась не одновременно. В конце XIII в. Ладога входит в систему владычного аппарата, с начала XIV в. по 20-е годы XV в. ее сменяет Торжок, когда на смену ему, как явствует из большой серии наместничьих печатей, приходит двинской наместник. А.С. Хорошев пытается датировать возникновение ладожского наместничества 1282 г., когда Ладога стала центром враждебных Новгороду

событий. Князь Дмитрий Ярославич, изгнанный новгородцами и имевший резиденцию в Копорье, пользовался, очевидно, поддержкой ладожан, что потребовало «того же дни» вмешательства союзного новгороду князя Довмонта, который «изгони Ладогу ис Копорья»⁶⁴. «Усмирив Ладогу, новгородцы передали ее целиком в управление владыке»⁶⁵. Причины передачи этой территории новгородскому владыке А.Хорошев связывает со стремлением новгородского правительства удержать в своей орбите эти области, для чего в критический момент надо было опереться на авторитет «церковного князя». При этом деятельность областных владычных наместников определялась характером поземельных актов⁶⁶.

Я.Н. Шапов, касаясь истории архиерейской администрации на Руси, противопоставляет владычного наместника, находившегося в Новгороде и ведавшего судебными делами, относящимися к церковной юрисдикции, наместникам на периферии Новгородской земли, осуществлявшим государственную власть от имени республиканского правительства. Соответственно, после 1316 г. в Ладоге была восстановлена власть светских институтов республики⁶⁷. При этом отметим, что изначально Я.Н. Шапов определяет наместника как специальный судебный орган Церкви, возникающий в эпоху расширения ее юрисдикции, что в общем находится в противоречии с им же предложенным взглядом на функции владычных наместников на окраинах новгородской земли. Характерно невнимание автора к постоянно пополняемому корпусу сфрагистических источников. В соответствующей статье «Православной энциклопедии», посвященной епархиальному управлению в Древней Руси в X–XVII вв., в качестве непреложного исторического факта продолжает использоваться гипотеза о ликвидации Ладожского наместничества в первой четверти XIV в.⁶⁸, несмотря на находки новых печатей, опровергающих такое предположение.

С.В. Белецкий предложил внешне наиболее развернутую реконструкцию истории Ладожского наместничества, где в качестве исследовательских инструментов используются многие предположения и допущения⁶⁹.

Согласно С.В. Белецкому, наместничество как территориально-административная структура, простиравшая функции государственно-политического управления на Ладогу и ее округу, проходит в своем существовании следующие этапы:

1279–1299 гг. — Только что образованное наместничество находится под управлением Новгородского архиепископа, и функции архиерейского наместника ограничивались представительством от имени архиерея, о чем свидетельствуют патрональные изображения архиерея — образ святого Климента на печатях № 521 и П/VI.2.ад/16 (рис. 2: 1, 2), наместник является главой территориального управления с государственно-административными полномочиями и наследует власть у чиновников, представлявших вечевые структуры.

1299–1308 гг. — В годы правления архиепископа Феоктиста (1299–1308) «управление в Ладоге было выведено из под юрисдикции владычного аппарата и передано под контроль вечевых структур власти», о чем свидетельствует найденная в Ладоге именная владычная булла (П/III.2.вд/24) и булла посадничьего типа с именем Константина (П/VI.2.ав-1/К-683) (рис. 2: 3, 4). При этом С.В. Белецкий не смущается тем, что история не знает Новгородского посадника начала XIV в. с таким именем⁷⁰.

1308–1333 гг. — При архиепископе Давиде наместничество вновь возвращается под управление новгородского архиепископа, причем полномочия архиерейского наместника, который располагает теперь заметно большей автономией, существенно расширяются по сравнению с предшествующим временем, о чем свидетельствует печать П/II.3.ад-ез/8 (№5226 по В.Л. Янину), такое положение дел продолжается и в первый период святительства архиепископа Моисея (печать П/II.3.ад-ез/7, №522 в:2 по В.Л. Янину) (рис. 2: 5, 6);

1333–1359 гг. — Отсутствие печатей времени архиепископа Василия (1330–1352) и второго святительства Моисея (1352–1359) объясняется изменениями административно-политического характера: «ладожское наместничество новгородского архиепископа было ликвидировано, а управление городом

перешло литовскому князю Глебу-Наримунту и его администрации». Это происходит на основании договора 1331 г. между Новгородом и великим князем литовским Гедимином, по которому с 1333 г. Ладогу в кормление получает его сын Глеб (рис. 2: 7).

1359–1367 гг. — Возвращение города в юрисдикцию Новгородского архиепископа и сосредоточение власти в Ладоге в руках ладожского владычного наместника происходит не ранее 1347 г. (последнее упоминание наместников Наримунта в Орешке), но не позднее времени правления архиепископа Алексия (1359–1388 гг.). После восстановления наместничества чиновник, возглавлявший эту властную структуру, располагал теми же полномочиями, что и его предшественники при архиепископах Давиде и Моисее (1308–1330 гг.), поскольку тип печатей полностью идентичен (рис. 2: 8).

1367–1383 гг. — Происходит переподчинение уже существующего наместничества как «функционирующего административно-территориального образования» из-под юрисдикции новгородского архиепископа под власть великого князя, возможно, даже без замены персонального состава администрации наместничества. Это следует из прочтения печати П/II.3.ад/6 (рис. 2: 9), согласно которой полномочия наместника остаются прежними, поскольку сохраняется тип сфрагистической регалии, но он перестает в своей деятельности выступать от имени новгородского владыки — имя и титул архиерея на аверсе не читаются. Это связано с заключением мира между Москвой и Новгородом после похода новгородцев на Волгу в 1366 г. и посылкой в Новгород великокняжеских наместников, что объясняет появление в Ладоге документов с печатями великокняжеских тиунов и двинских наместников (П/VIII.1.авд/22, П/II.3.ав/5, рис. 2: 10, 11).

1383–1421 гг. — В это время Новгород передает Ладогу в кормление Патрикию Наримонтовичу, а в 1407 и, возможно, в 1389 и 1392 гг. — Лугвеню Ольгердовичу. Ладожское наместничество преобразовано в подразделение новгородской управленческой структуры

без элементов автономии, печати новгородских правительственных чиновников свидетельствуют о соответствии ладожского административного устройства новгородскому. При этом С. Белецкий относит к печатям правительственных чиновников не только обычные эпиграфические печати (П/VIII. 1 авд/22, П/VIII. 1.г./20–21, рис. 2: 13, 14), но и анонимные печати с изображением Знамени Божией Матери и голгофского креста, которые традиционно атрибуировались владычным наместникам (П/II.1/2, рис. 2: 12) Печати ладожских наместников, относящиеся ко времени архиепископа Иоанна (1388–1415 гг.) остаются С.В. Белецкому не известны.

1421–1424 — В правление архиепископа Симеона (1415–1421 гг.) «ладожское наместничество восстановлено, причем наместник оказался наделен полномочиями, которые, судя по оформлению сфрагистической регалии, были аналогичны тем, которыми располагали наместники времен святительства Алексия и более раннего времени», что следует из сфрагистического типа регалии (рис. 2: 15). Автор определяет время восстановления наместничества узкими рамками первой половины 1421 г., поскольку в 1420 г. Новгород передает князю Константину Дмитриевичу в кормление пригороды, которые были в свое время за Лугвенем Ольгердовичем, а зимой 1421 г. князь отъезжает из Новгорода. Соответственно, и время передачи ладожского наместничества под контроль владычной администрации может датироваться зимой — 15 июня 1421 г., когда на кафедре еще находится владыка Симеон.

1424 г. — После заключения договора между Новгородом и князем Василием Дмитриевичем, согласно которому новгородцы отступались «княщин, где ни есть», происходит изменение статуса ладожского наместничества, а Ладога восстанавливает статус князины, утраченный в 1367 г., и переходит под управление великокняжеской администрации. Печать № 522 корпуса В.Л. Янина (П/II.3.авд/К-522) относится как раз к 20–30 гг. XV в., а упомянутый в ней наместник ладожский

Захария является не чиновником владычного аппарата, а великокняжеским наместником (рис. 3: 16). Об изменении статуса наместничества свидетельствуют и печати великого князя Василия Дмитриевича (до 1425 г.) (П/VI.2.агд-1/18, рис.2:17) и печати Новгородского Совета господ (П/IV.3.А./К-717 и П/IV.3.А./25, рис. 2: 18). Такому постоянно варьируемому в 1279–1424 гг. статусу ладожского наместничества противопоставлено наместничество новоторжское, правовое положение которого, судя по принципиальной неизменности сфрагистического типа, в 1308–1429 гг. не претерпело существенных изменений, продолжая оставаться под юрисдикцией новгородского архиепископа⁷¹.

Мы не можем согласиться с предлагаемой реконструкцией и считаем, что досадные ошибки автора проистекают из недопонимания природы и характера церковной юрисдикции на Руси, а также от чрезмерной доверчивости к репрезентативности опубликованного им сфрагистического корпуса Старой Ладоги и к объективности предлагаемого автором метода «однозначного прочтения сфрагистической регалии». С.В. Белецкому остались неизвестны печати ладожских наместников архиепископа Иоанна (1389–1415 гг.). Таким образом, вывод С.В. Белецкого об отсутствии в это время в Ладоге наместника представляется неверным. В свете находок этих печатей возможна иная атрибуция печатей П/II.3.ад-ез/7 и П/II.3. ад-ез/8, которые С.В. Белецкий сначала предположительно приписал архиепископам Моисею и Давиду, а впоследствии на основе этого предположения уже обрисовал историю наместника ладожского как достоверную. Ко времени первой половины XIV в. могут быть отнесены печати типа П/II.3.авд/К-522 и П/II.3.ад/6, не противоречащие иконографическим и палеографическим данным этого времени, и в силу этого восполняющие сфрагистическую лауну времен архиепископов Феофаста, Давида, Моисея и Василия.

Обратимся к методу прочтения сфрагистических регалий. Мы не можем разделить систему взглядов, предполагающую, что наместник епископа «действовал совершенно автономно». Это противоречит нормам церковного права, согласно

которым не только светский чиновник, но и любой священнослужитель действует исключительно в силу и в рамках полномочий, предоставленных ему архиереем. Данная концепция зиждется на предположении С.В. Белецкого, что крест в сфрагистике является эквивалентом самого Иисуса Христа, и свидетельствует, что держатель буллотирия обладает суверенной властью или властью «от Бога»⁷². При этом С.В. Белецкий настаивает, что новгородский архиепископ «иерархически подчиненный митрополиту всея Руси», тоже «не являлся сувереном в области церковного права»⁷³. Это неверно, поскольку власть епископа на территории епархии рассматривается как первичная по отношению к остальным нормам канонического права. Митрополит же осуществляет свою власть на территории церковной провинции на основании делегирования ему части своих полномочий местными епископами.

Мы предлагаем другое прочтение креста на древнерусских печатях, которое наш взгляд является сфрагистическим выражением обряда «крестоцелования» при заключении сделки, который и придавал ей юридическую силу. Летописные выражения «крест целоваша и печати привесиша» становятся с XIII в. устойчивой нормой описания заключения сделок и договоров⁷⁴. Это в первую очередь и касается печатей владычных наместников, в сферу деятельности которых входило совершение юридических действий, сопровождавшихся установлением договорных отношений и крестоцелованием обеих сторон⁷⁵. Примечательно, что и в византийской сфрагистике представительный ряд печатей IX–XI вв. с изображением креста принадлежит именно императорским чиновникам, связанным с имущественными и финансовыми операциями — хрисотриклинит, кувикуларий, коммеркиарий, турмарх, стратиг фемы, судья фемы в достоинстве ипата, заведующий императорскими имуществами и т.д.⁷⁶

Однако наибольшее количество возражений против рассмотренных выше гипотез вызывает пренебрежение спецификой церковной юрисдикции в Древней Руси. В представлении исследователей наместник прежде всего государственный чиновник, в круг вопросов которого входит решение дел светской администрации,

которые он осуществляет от имени новгородского архиерея, при этом его полномочия то расширяются, то сужаются. Это противоречит характеру церковного права в XIV—XV вв., которое и контролировал прежде всего владычный наместник. Нам ничего не известно о каких-либо резких сокращениях пространства церковной юрисдикции вплоть до середины XV в.⁷⁷ В любом случае в подчинении архиепископа Новгородского продолжал состоять клир Ладоги и ее церковно-зависимое население. Новгородская судная грамота, составление и редактирование которой относится к 1385—1471 гг., предусматривает судебные полномочия новгородского архиепископа и его наместника сохраняющимися в полном объеме наравне со сместным судом посадника и великокняжеского наместника, наместника и тиуна и судом тысяцкого (Ст. 1-5)⁷⁸. При этом стт. 7 и 8 предусматривают судебную (или бессудную) пошлину по земельным делам («земное орудье»), которая причиталась владыке, наместнику и ключнику именно от оформления документа и его скрепы («от печати гривна», «от грамоты три денги»)⁷⁹. Ст. 28 предусматривает полномочия владычного наместника в земельных делах наравне с посадником и тысяцким, очевидно, для каждого в своей области права⁸⁰. Если светская власть и вторгалась в область церковного права, то подобные вторжения носили характер случайной узурпации и получали отпор со стороны церковных иерархов (грамоты митрополита Киприана в Новгород 1392 г. и в Псков 1395 г., послание митрополита Фотия князю Василию Дмитриевичу 1410 г., грамота митрополита Феодосия в Новгород 1463 г., во Псков 1463—1465, послание митрополита Филиппа в Новгород 1467 г.)⁸¹.

Вообще, должность владычных наместников возникает не позднее 30-х гг. XIII в. не как административный пост («управленческая структура» по С.В. Белецкому), а как судебный орган Церкви, призванный осуществлять ее юрисдикцию как в области определенной категории лиц (клир и феодально-зависимое население), так и в области определенной категории дел (прежде всего сфера семейно-брачного, религиозного, отчасти имущественного права, а также ряд уголовных преступлений), что было связано с расширением сферы церковной

юрисдикции в конце XII — начале XIII вв. Административные же функции владычного управления исполнялись тиуном и десятником (середина XII—XIII вв.), а впоследствии (с рубежа XIII/XIV вв.) десятиником, волостелем и поселником. В Новгороде же, судя по Синодальной редакции устава князя Владимира в Кормчей книге архиепископа Климента (1290-е гг.), должность наместника возникает только в конце XIII в. Уже в Крестнинском изводе той же редакции, относящемся к первой половине XIV в. термин «наместник» заменен словом «судья», что еще раз подтверждает судебный характер деятельности этого чиновника⁸².

Подход, пренебрегающий специфическими различиями между церковной и светской юрисдикциями позволил некоторым исследователям превратить церковного судью в государственного чиновника. При этом С.В. Белецкий полагает, что нам неизвестна совокупность полномочий владычного наместника. Однако мы знаем целый ряд документов сер. XV в., совершенно четко определяющих его полномочия. Прежде всего речь идет о формулярном изводе наказа митрополитичьему наместнику времен святительства Ионы (1448—1461 гг.) из сборника Уваровского собрания №512⁸³. Грамота известна в двух вариантах, которые адресованы протодиаконам Михаилу и Акакию, датирована 9 февраля 1451 г. и касается наместничества митрополита в Вильне, Новогрудке и Гродно. Следующая грамота из того же сборника представляет собой послание митрополита Ионы, датированное временем 3 сентября 1454 г. — 3 сентября 1459 г. и регламентирует порядок передачи дел от старого митрополитичьего наместника в Киеве новому⁸⁴. Необходимо отметить грамоту архиепископа новгородского Феофила о поставлении владычного наместника во Псков, которая датируется 1—21 января 1477 г.⁸⁵ Мы считаем допустимым интерполировать данные грамот и на более раннее время и суммарно представить на основании трех документов обязанности ладожского наместника следующим образом:

- «держание места» святительского, «где есть святительские церкви, которые из старины потягнули» к епископу,
- надзор за епископским церковным и домовым имуществом,

- отправление епископских «оправданий, судов и дел духовных»,
- получение епископских «доходов, подъездов и пошлин»
- получение наместничьего «корма»
- «строение церковных сел»,
- обязанность «люди блюсти и дозировать»,
- отправление «церковных и духовных дел», предусматривающее, в частности, освящение новых антиминов и подновление ветхих, подтверждая их действенность написанием имени нового архиерея,
- испытание ставленников, претендующих на священнические и диаконские должности, составление им рекомендательных писем для совершения последующей хиротонии у местных архиереев.

Наличие в Ладоге этого времени непрерывной и неизменной юрисдикции владычного наместника возможно подтвердить и на материалах новгородских берестяных грамот. Грамота № 359 (1396–1422 гг.)⁸⁶ происходит с усадьбы посадника Юрия Оницифоровича и разбита в *editio princeps* на слова следующим образом (предлагаемое А.А. Зализняком новое прочтение не меняет интересующей нас сути грамоты): «Поклон от Парфения к угумену. Осподине, како есьмъ порядилесе, тако и живу. А Василке, село пустоши, вежу свезле, дворе 3 свезле. А Селоана вхыхъ се (всехъ) грозитьце у Ладогу звати. Осподине, о всем томо понаболисе». Среди информативных грамот в ее ближайшем окружении необходимо отметить целый ряд документов, относящихся к судопроизводству и монастырскому быту. Прежде всего это грамота №385 (1350–1367 гг.), которая является официальным ходатайством перед посадником Оницифором Лукичем и содержит слова «наболиса посзовно грамото»⁸⁷. Очевидно, речь идет о просьбе проявить участие в деле в связи с позывницей — повесткой в суд. Грамота № 366 (вторая половина XV вв.) также является юридическим документом судебного характера, и представляет собой акт взыскания по бессудной грамоте между Иаковом и Юрием с Харитоном⁸⁸. Грамота № 354 (1342–1367 гг.) содержит автограф Оницифора Лукича с хозяйственными распоряжениями. Редкость пшени в XIV–XV вв. заставила его искать просо в Юрьевом монастыре: «И диду молися чтобы ихалы в Иурьев монастырь пшенки

попрошал. А сди ее ненадеися»⁸⁹. В связи с этим стоит отметить печать XV в. из Ладоги, атрибуированной новгородскому Юрьеву монастырю (П/VI.2.В/42, №68-7), которая связывается с деятельностью главы черного духовенства Новгорода — Юрьевского архимандрита⁹⁰. Система связей — усадьба И Неревского раскопа — Ладога — Юрьев монастырь предстает в этом случае более конкретной.

Употребленные в грамоте термины «грозится звати» и «понаболиса», почти дословно повторяющие формулу БГ № 385, представляются связанными с определенными формами судебного, как официального вызова в суд, так и неофициального ходатайства. Предположительно, указанная грамота сообщает о юридическом инциденте среди феодално зависимых от монастыря людей, который должен разрешиться у наместника владыки в Ладоге, куда Силуан грозится всех «звати» (сравни «позвати», «позывница» как официальная терминология судебной повестки), а игумен неизвестного нам монастыря определенно мог принять выгодное Парфению участие в этом судебном разбирательстве.

Не надо забывать, что параллельно с печатями ладожских наместников, несущих в легенде имя сюзерена или без такового, из Ладоги происходят анонимные наместничьи печати конца XIV — начала XV вв., а также печати новоторжских и двинских наместников⁹¹. Следует упомянуть о находке 1989 г. в Кореле уникального комплекса из 8 печатей, который представляют собой остатки семейного архива середины — третьей четверти XV в.⁹² Принадлежность печатей владычным наместникам не вызывает сомнений как в связи с самим типом печатей, так и в связи с упоминанием должности на некоторых из них. Оформление сфрагистического типа существенно отличает корельские печати от двинских и роднит их между собой. Предположение В.Л. Янина о существовании «особой территориальной группы корельских наместников новгородского владыки»⁹³ можно конкретизировать, учитывая постоянный характер политических, экономических и церковных связей между Корелой и Ладогой. Известно, что на данной территории 1589/1595 — 1613/1617 гг. существовала епархия, глава которой носил титул епископа Корельского и Ладожского, а в некоторых случаях именовался

Ижорским или Ореховским, что свидетельствует о пространстве его юрисдикции⁹⁴. В данном случае, речь может идти о принадлежности этих печатей ладожским наместникам эпохи архиепископа Евфимия I — архиепископа Феофила (1423—1480 гг.).

В связи с изложенными выше наблюдениями, эволюция архиерейской власти в Ладоге может быть представлена в настоящее время следующим образом (рис. 3). В правление архиепископа Климента впервые упоминается должность владычного наместника и появляются печати, атрибулируемые наместнику ладожскому (рис. 3: 4, 5). Однако несколько ранее, в правление архиепископа Далмата (1251—1273 гг.) составляется Обонежский ряд, который устанавливал новый податный контроль епархии на территориях Юго-Восточного Приладожья⁹⁵. Именно в связи с контролем над этой территорией и могла возникнуть должность ладожского наместника. Создание территориально-административной единицы в этом новгородском регионе может также рассматриваться в контексте попытки легата папы Александра IV Альберта установить в 1253 г. епископию, подчиненную Риму, на территории Водской земли⁹⁶. Наместничество сосуществует с институтом посадников в конце XIII в., а в XIV в. соседствует с властью кормленных князей, поскольку церковная и светская юрисдикция не подменяют друг друга. Очевидно, в связи с реформой республиканского управления, установившей около 1291 г. годичный срок посадничества, происходит переориентация интересов боярских группировок в сторону их «центростремительности»⁹⁷. В силу этого должность ладожского посадника могла быть ликвидирована, а своиственные ей полномочия переданы служилым князьям, как это и прослеживается на протяжении XIV — начала XV в. По крайней мере, уже в эпоху Михаила Ярославича Тверского, т.е. задолго до 1333 г., когда в Ладоге появляется служилый литовский князь Глеб Гедеминович, известен связанный с Корелой князь-кормленщик Борис Константинович, полномочия которого, в силу существовавшего административно-территориального единства Ладоги и Корелы, могли распространяться и на этот город⁹⁸. Такой порядок может восходить ко времени княжения Андрея Александровича (1294—1304 гг.) — эпохе, к которой возводятся «старина и пошлина»

докончаний Новгорода с князьями⁹⁹, или по крайней мере ко времени Михаила Ярославича, наместники которого, в том числе Феодор, упоминаются в связи с Ладогой в 1314—1316 гг.¹⁰⁰

В делопроизводстве владычных наместников употреблялись различные буллы для скрепы разного типа документов: анонимная печать могла утверждать сделки между двумя сторонами, а печать, несущая на себе имя владыки или наместника могла скреплять дела повышенной категории сложности. Печати делопроизводства времени святителей Феофиста, Давида, Моисея и Василия (1300—1352 гг.) нам пока не известны, что объясняется как неполнотой сфрагистического универсума, так и возможностью использования в делопроизводстве именных владычных печатей (рис. 2: 3), анонимных печатей (рис. 3: 8), а также печатей типа буллы наместника Захарии (рис. 3: 6). В середине XIV в. в Ладоге возникает новый сфрагистический тип, который сочетает в себе имя архиепископа и крест как знак утверждения документа.

Этот тип, известный при владыках Алексии (1359—1388 гг.) и Иоанне (1388—1415 гг.), продолжает существовать в правление архиепископа Симеона (1415—1421 гг.) (рис. 3: 9, 11—13), хотя не исключено, что он возникает ранее 1359 г. (рис. 3: 7) Представляется, что особый статус архиерейского наместничества в Ладоге в это время уже существовал, поскольку этот город не был включен в юрисдикцию семисоборной организации Великого Новгорода. Эта церковная структура возникает, по нашим наблюдениям, в середине XIV в., и помимо собственно города распространяет свою административно-судебную власть на всю территорию Новгородской земли. По крайней мере, рудименты семисоборной организации Новгорода, сохранившиеся к середине XVII в., определенно указывают на особый статус Ладоги в системе Новгородской епархии: Судный приказ митрополии состоял из трех столов, которые ведали соответственно делами сохранившихся к этому времени Успенского, Ивановского и Яковлевского соборов, однако в их компетенцию входили еще и соответствующие пятины и новгородские города с их уездами за исключением городов Ладоги, Корелы, Орешка, Яма и Копорья.¹⁰¹ Учитывая традиционность и консервативность

подобных церковных учреждений, считаем методологически оправданным перенести ситуацию XVII в. и на более раннее время.

Впоследствии (1423–1480 гг.) ладожские наместники пользуются именной печатью с упоминанием отчества и с изображением креста различных форм, а упоминание должности становится факультативным (рис.3:

15–22). Таким образом, в XIII–XV вв. властный суд в Ладоге, осуществляемый через наместника, оставался неизменным, как и существование самого наместничества, не подменяя, а логично дополняя деятельность государственных органов, представленных сначала посадниками, а впоследствии служилыми князьями Великого Новгорода.

***

- 1 Кирпичников А.Н. Посад средневековой Ладоги // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 170–180; Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 205–210; Лебедев Г.С., Седых В.Н. Археологическая карта Старой Ладоги и ее ближайших окрестностей // Вестник ЛГУ. № 6. Л., 1985. С. 15–25.
- 2 Кирпичников А.Н., Сарабянов В.Д. Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб., 1996. С. 96–97; Раппопорт П.А. Археологическое исследование памятников новгородского зодчества // Ночгородский исторический сборник. Л., 1982. Вып. 1. С. 189; Пескова А.А., Раппопорт П.А., Штендер Г.М. К вопросу о сложении новгородской архитектурной школы // СА. №3. М., 1982. С. 35–46.
- 3 Кирпичников А.Н., Сарабянов В.Д. Старая Ладога... С.98–100; Янин В.Л. Печати ладожских наместников // КСИИМК. Вып. 52. М.–Л., 1953. С. 111–112; Янин В.Л. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. 2. М., 1970. № 521, 522; Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. 3. М., 1998. С.79–83; Белецкий С.В., Петренко В.П. Печати и пломбы из Старой Ладоги (Свод) // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1994. С. 184–283.
- 4 Рыдзевская Е.А. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе //КСИИМК. Вып. XI. М., 1945. С. 58–59; Ковалевский С.Д. Образование классового общества и государства в Швеции. М., 1977. С. 98; Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н. Из истории Старой Ладоги (по материалам скандинавских саг) // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1986. С. 110, 111; Кирпичников А.Н., Сарабянов В.Д. Старая Ладога... С. 94–95.
- 5 Мачинский Д.А., Мачинская А.Д. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII–XI вв. // Культура русского Севера. Л., 1988. С. 55–56. Об этом опред
- 6 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950. (Далее НПЛ). С. 164, 471.
- 7 Повесть Временных Лет. СПб., 1996. С. 107, 126.
- 8 Молчанов А.А. Ярл Регнвальд Ульвссон и его потомки на Руси (о происхождении ладожско-новгородского посадничьего рода Роговичей-Гюрятничей) // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии. СПб., 1997. С.80–84; Гиппиус А.А. «Суть людие новгородци от рода варяжьска...» (Опыт генеалогической реконструкции)// Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2001. С. 59–65.
- 9 НПЛ... С. 207.
- 10 Там же. С.27, 31, 213, 218.
- 11 Там же. С.24, 27, 210, 213.
- 12 Белецкий С.В., Петренко В.П. Печати и пломбы... С. 197, 250–251; Молчанов А.А. О буллах новгородских посадников XII– первой трети XIII в. // Археологическое изучение Пскова и Псковской земли. Вып.4. Псков, 1984. С. 43; Молчанов А.А. Об атрибуции лично-родовых знаков Рюриковичей X–XIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVI. Л., 1985. С. 81.
- 13 Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962. С.97, 98, 103, 104.
- 14 НПЛ... С. 82, 84–87, 309, 313, 315, 316, 318.
- 15 Там же. С. 322, 324, 325, 326.
- 16 Там же. С. 326.
- 17 Там же. С. 326.
- 18 Янин В.Л. Новгородские посадники... С.147, 151, 154, 155, 166.
- 19 НПЛ... С. 88–89.
- 20 Янин В.Л. Новгородские посадники... С. 21, 31, 160–161.
- 21 НПЛ... С. 52.
- 22 Гиппиус А.А. «Суть людие новгородци от рода варяжьска...»... С. 60.
- 23 Янин В.Л. Новгородские посадники... С. 102.
- 24 НПЛ... С. 19.
- 25 Янин В.Л. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. 1. М., 1970. № 37, 38, 72–13; Белецкий С.В., Петренко В.П. Печати и пломбы из Старой Ладоги... С. 210, 211, 212–217. Рис. 33, 34, 36.

- 26 Кирпичников А.Н. Ладога и Ладужская земля VIII—XIII вв. // Славяно-русские древности. Вып. 1. Историко-археологическое изучение Древней Руси. Итоги и основные проблемы. Л., 1988. С. 51, 55, 64; Кирпичников А.Н. Ладога и Переяславль Южный — древнейшие каменные крепости на Руси // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1977. С. 417 и сл.
- 27 Янин В.Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 47.
- 28 Кирпичников А.Н. Ладога и Ладужская земля... С. 61, 64, 78.
- 29 Янин В.Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв. Т. 1... С. 85. № 92; Белецкий С.В., Петренко В.П. Печати и пломбы... С. 194—197. Рис. 13.
- 30 Белецкий С.В., Петренко В.П. Печати и пломбы... С. 197. (рис. 3:2).
- 31 Казанский Н.Н., Кирпичников А.Н. Печать византийского митрополита из Старой Ладogi // Церковная археология. Вып. 4. Материалы II Всероссийской церковно-археологической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н.В. Покровского (1848—1917). Санкт-Петербург. 1—3 ноября 1998 года. СПб., 1998. С. 115—125.
- 32 Шапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989. С. 56—62.
- 33 ПСРЛ. Т. 1. Л., 1928. Ст. 445; ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908. Ст. 228; Российское законодательство X—XX вв. Т. 1. М., 1984. С. 212—223.
- 34 Шапов Я.Н. Государство и церковь... С. 48.
- 35 ПСРЛ. Т. 9. СПб., 1863. С. XV; ПСРЛ. Т. 1... Ст. 349, 354; ПСРЛ. Т. 2... Ст. 522—523.
- 36 Макаров Н.А., Чернецов А.В. Сфрагистические материалы из Белоозера // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 235. № 24. Рис. 1, 23.
- 37 Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати древней... С. 58—59, 153.
- 38 Корзухина Г.Ф. Курган в урочище Плакун близ Старой Ладogi // КСИА. № 125. М., 1971. С. 59—64.
- 39 Петренко В.П. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 93. Рис. 4А; Петренко В.П. Отчет о работах Княшинского отряда Староладужской экспедиции в 1976 г. / Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1—1976. № 46, 47, 48. Крест-энколпион (САЭ—1976/ЛП1—640, кв. И4, 13 штых, 240—260 см), уникальный сам по себе, связан с настилом мостовой (междворовой вымостки?), откуда происходит не менее уникальный археологический комплекс, включающий в себя скорлупу грецких орехов, раковины каури, воск, самшитовый гребень, орнаментированную костяную рукоятку и фрагменты импортной иракской керамики второй половины IX в. В настоящее время энколпион готовится к публикации с н.с. ИИМК РАН А.А. Песковой, которой мы приносим искреннюю благодарность за возможность упомянуть еще неопубликованные материалы.
- 40 Петренко В.П. Отчет о работах Княшинского отряда Староладужской экспедиции в 1974 г. / Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1—1975. № 155; САЭ—1974/ЛП1—507, кв. Ж—8, 6—7 штых, 100—120 см, неопубликован).
- 41 Петренко В.П. Раскоп на Варяжской улице... С. 111—113.
- 42 Гроздилов Г.П. Раскопки в Старой Ладoge в 1948 г. // СА. Т. XIV. М., 1950. С. 142—143. «Большое сооружение» 9,6x9,3 м ориентированное по сторонам света без печки соединено мощным переходом с жилым домом, вешевой комплекс постройки совершенно лишен бытовых вещей, однако отсюда происходит перстень и остроконечный крест 10x7 см, который, к сожалению, отсутствует среди вешевой коллекции этого года.
- 43 Равдоникас В.И. Старая Ладога // КСИИМК. Т. XI. М., 1945. С. 31, 34; Равдоникас В.И. Страя Ладога. Из итогов археологических исследований 1938—1947 гг. // СА. Т. XI. М., 1949. С. 11—13; Платонова Н.И. Средневековый могильник на Земляном Городище Старой Ладogi // Современность и археология. Международные чтения, посвященные 25 летию Староладужской экспедиции. Тезисы докладов. СПб., 1997. С. 67—71; Платонова Н.И. К уточнению датировки могильника на Староладужском Земляном городище // Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 20—22 декабря 1997 г. Материалы к чтениям. СПб., 1997. С. 25—27.
- 44 НПЛ... С. 29.
- 45 Кирпичников А.Н., Сарабянов В.Д. Старая Ладога... С. 92—93.
- 46 Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура. СПб., 1993. С. 58—59.
- 47 Белецкий С.В., Петренко В.П. Печати и пломбы... С. 193.
- 48 Переписная оброчная книга Водской пятины 1500 г. Первая половина // Новгородские Писцовые книги. Т. III. СПб., 1868. Ст. 957—960.
- 49 Петренко В.П., Смирнов В.Н. Каменная иконка Входа в Иерусалим из Старой Ладogi // СА. № 1. М., 1995. С. 204—206.
- 50 Бранденбург Н.Е. Страя Ладога. СПб., 1896. С. 43; Сергей (Тихомиров), архимандрит. Черты церковно-приходского быта в писцовой книге Водской пятины 1500 года. СПб., 1905. С. 89.
- 51 НПЛ... С. 63, 267.
- 52 Янин В.Л. «Семисоборная роспись» Новгорода // Средневековая Русь. М., 1976. С. 108—117.

- 53 Переписная оброчная книга Вотской пятины 1500 г... Ст.960; Кирпичников А.Н. Посад средневсковой Ладоги... С. 172.
- 54 Кирпичников А.Н. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневсковая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 21.
- 55 Раппопорт П.А. Древнерусская архитектура. СПб., 1993. С. 58–59.
- 56 Приношу сердечную благодарность профессору А.Н. Кирпичникову, позволившему ознакомиться с текстом описи до ее публикации. Смотри так же: Кирпичников А.Н. Ладога по писцовой книге 1568 г. Опыт исторического моделирования средневекового русского города. (Рукопись); Кирпичников А.Н. Посад средневековой Ладоги... С. 170–180.
- 57 Переписная оброчная книга Вотской пятины 1500 г... Ст. 958–959.
- 58 Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати древней Руси... С. 79.
- 59 Белецкий С.В., Петренко В.П. Печати и пломбы... С. 190–192.
- 60 Янин В.Л. Печати ладожских наместников... С. 111–112.
- 61 НПЛ... С.336.
- 62 Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 2. М., 1970. С. 67.
- 63 Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати древней Руси... С. 82–83.
- 64 НПЛ... С. 354.
- 65 Хорошев А.С. Церковь в социально–политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 134–135.
- 66 Хорошев А.С. Церковь в социально–политической системе... С.136., Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 2... С. 67–84.
- 67 Шапов Я.Н. Государство и Церковь в Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 72.
- 68 Флоря Б.Н., Шапов Я.Н. Епархиальное управление и епископат Русской Церкви X–XVII вв. // Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. М., 2000. С. 234.
- 69 Белецкий С.В., Петренко В.П. Печати и пломбы... С. 256.
- 70 Янин В.Л. Новгородские посадники... С. 176 и след.
- 71 Белецкий С.В., Петренко В.П. Печати и пломбы... С. 261.
- 72 Там же. С. 187.
- 73 Там же. С. 187.
- 74 Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Т. 3. Ч. 2. М., 1989. Ст. 1453.
- 75 Недавно С.В. Белецкий уточнил свои взгляды на символику креста в материалах сфрагистики (Белецкий С.В. О значении изображения креста на древнерусских актовых печатях // Ладога и религиозное сознание. Третье чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 20–22 декабря 1997 г. Материалы к чтениям. СПб., 1997. С. 55–60). Здесь окончательно проводится мысль о тождестве сфрагистических изображений Христа и креста, которые являются символами суверенной, независимой и автономной власти. При этом автор комментирует наше предположение о связи изображения креста на печати с чином крестоцелования, как «не представляющееся удачным» и «не опирающееся на проработку имеющихся источников». Курьез заключается в том, что такое мнение не опирается на правильное понимание нашей гипотезы и не представляется удачным прочтением наших предположений. Мы никогда не говорили о связи изображения креста на печати с обрядом крестоцелования при вступлении в должность чиновника, которому предстояло пользоваться печатью с крестом, а исключительно о крестоцеловании при совершении сделки, которую чиновник утверждал. Автор заявляет, что наша версия «автоматически отказывает в обязательности крестоцелования при вступлении в должность тем должностным лицам, на печатях которых символ креста отсутствует». К такому справедливо относятся псковские посадники и новгородские тысяцкие, вступавшие в должность через крестоцелование, но печатями с крестами не использовавшие. Упомянем, что С.В. Белецкий сам отмечает случаи, когда удается проследить связь между «кресчатой» печатью и характером документа (рядная Якимя и Тешаты // ГВНП. М.-Л., 1949. №331; договор Пскова и Риги // ГВНП... № 332, ГВНП... поземельные акты №36, 90, 95, 99, 128, 297–303, 318, 320, 328). Это прежде всего договора, сделки и рядные, то есть дела требующие крестоцелования обеих сторон. Крест на печатях владичных наместников связан, на наш взгляд, с тем, что в сфере их полномочий входили указанные выше категории дел.
- 76 Лихачев Н.П. Моливдовулы греческого Востока. М., 1991. Табл. LVIII.
- 77 Шапов Я.Н. К истории соотношения светской и церковной юрисдикции на Руси в XII–XIV вв. // Польша и Русь. М., 1974. С. 172–189.
- 78 Законодательство Древней Руси // Российское законодательство X–XX веков. М., 1984. С. 304.
- 79 Законодательство Древней Руси... С. 305.
- 80 Законодательство Древней Руси... С. 307.
- 81 Памятники древнерусского канонического права. Ч.1. Памятники XI–XV вв. // РИБ. Т.6. СПб., 1880. № 26, С. 229–232, №27. С. 231–234. № 35, С. 289–304. № 97. С. 695–698. № 98. С. 700–704. № 101. С. 713–722.

- 82 См: Шапов Я.Н. Государство и Церковь в Древней Руси... С.70–71.
- 83 Акты, относящиеся до юридического быта России, изданные Археографической комиссией. СПб., 1857–1884. Т. 2. С. 170. №.167, Памятники древнерусского канонического права... № 69. С. 569–572; РФА. Ч. 1. М., 1986. №44.
- 84 Памятники древнерусского канонического права... № 76. С. 603–604; РФА. Ч. 1... № 57.
- 85 Там же. № 108. С. 741–744.
- 86 Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1958–1961 гг.) М., 1963. С. 52–54.
- 87 Там же. С. 86–87.
- 88 Там же. С. 61–66.
- 89 Там же. С. 43–47.
- 90 Белецкий С.В., Петренко В.П. Печати и пломбы... С. 270.
- 91 Там же. С. 270.
- 92 Сакса А.И., Янин В.Л. Свинцовые печати из раскопок в Кореле // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1996. С. 187–194.
- 93 Там же. С. 192.
- 94 Покровский И. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие состав и пределы. Казань, 1897–1913. С. 45–49.
- 95 Янин В.Л. Грамота Святослава Ольговича 1137 г. // Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977. С. 81, 84–90; Шапов Я.Н. Княжеские уставы и Церковь в Древней Руси. М., 1972. С. 164.
- 96 Трусман Г. Введение христианства в Лифляндии. СПб., 1884. С. 254, 260; Мусин А.Е. Становление Обонежского ряда в IX–XIV вв. // Тихвинский сборник по материалам историко-географической конференции. Вып. 1. Археология Тихвинского края. Тихвин, 1988. С. 43–48.
- 97 Янин В.Л. Новгородские посадники... С. 171.
- 98 Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.–Л., 1949. № 8. С. 18–19.
- 99 Янин В.Л. Новгородские посадники... С. 165.
- 100 НПЛ... С. 335, 336.
- 101 Грсков Б.Д. Новгородский дом Святой Софии. СПб., 1913. С. 132, 186. При том Б. Греков ссылается на описанные, но не опубликованные Акты Новгородского Софийского Дома (Т. IX. №432). Документ представляет собой часть дела, где приводится список подьячих и недельщиков с распределением их по столам Судного приказа, а так же с указанием округов, подсудных соответствующим столам. См.: Яновский П. Описание актов новгородского Софийского дома // Летопись занятий Археографической комиссии за 1901 г. Вып. 14. СПб., 1902. С. 86–87.

ДРЕВНЯЯ КАРЕЛИЯ И НОВГОРОД

Карела и Новгород — тема традиционная для российской историографии. В то же время карельская тематика продолжает оставаться на периферии исследований, связанных с Новгородом (хотя при раскопках новгородской экспедиции были найдены и исследовались также и карельские вещи)¹.

В связи с рассмотрением заявленной в названии темы важны материалы, устанавливающие взаимоотношения Новгорода и Карелии². Как и по каким законам происходило внутреннее развитие на периферийных территориях? Кратко представляя эту исследовательскую тему, пожалуй, следует остановиться на проблемах колонизации территории и ее хозяйственного и административного освоения. Первая рассматривается на археологическом материале, вторая — на материале, главным образом, письменных источников. Правда, обнаружение в раскопках берестяных грамот и, как явствует из последней работы В.Л. Янина³, некоторых других предметов, несколько эту грань стирает, но все же...

Согласно нынешним представлениям, возникновение Новгорода относится к первой половине или середине X в.⁴ До прихода в Приильменье славян, здесь проживали финно-угры — летописная «чудь», оставившая многочисленные сохранившиеся и до наших дней следы в топонимике края (Ильмень — Илмаярви, Мста — Мустаёки и т.д.). Следы этого древнего субстратного населения сохранились слабо, чего не скажешь о находящейся в устье Волхова Старой Ладогге и её округе, включая сюда и южное побережье Ладожского озера⁵. Эта зона привлекала сюда также скандинавов и славян⁶.

Одним из главных путей продвижения славян (назовем их на этом этапе ладожанами и новгородцами) был путь, ведущий по Волхову. Далее пути шли в Заонежье, Заволочье и Подвинье, которые были богаты мехами, рыбой, тюленем и другими продуктами фауны⁷. Старая Ладога, как известно, была важнейшим центром транспортировки рабов и меха в богатые серебром страны арабского халифата.

В этой ситуации огромная, протянувшаяся от Карельского перешейка до р. Нарова территория, заселенная карелой, ижорой и водью осталась практически свободной от чьего-либо внешнего влияния. Там развивались свои, относительно близкие материальные культуры, при том что погребальная обрядность была различной: карела и ижора хоронили своих умерших в грунтовых могилах, а водь — под курганной насыпью. Это все же относится ко времени сложения и расцвета этих культур (XII—XIII вв.). Изученный Е.А. Рябининым на водской территории у д. Валговицы могильник представлял собой захоронения по обряду трупосожжения, характерные также для этого же времени в Эстонии, Финляндии и Карелии⁸.

Происшедшие в XII в. изменения вызваны в значительной степени экономическими причинами и, прежде всего, развитием земледелия, резко увеличившим здесь возможности демографического роста населения. Характерно увеличение могильников, фиксируемых практически у каждой современной деревни⁹. Земледельчески привлекательные и к тому же богатые запасами железных руд районы Ижорского плата влекли сюда и новое население из более южных областей Новгородской земли. Отсюда и характерный для славянского населения курганный обряд погребения и значительное количество вещей новгородских типов¹⁰. В то же время украшения, которые можно отнести к карельским, встречаются крайне редко, а наиболее яркие, такие как бронзовые овально-выпуклые фибулы, вовсе отсутствуют. Остальное, из найденных в курганах, представлено главным образом бронзовыми рукоятями ножей, а также двумя серебряными подковообразными фибулами из Волковиц и двуспиральным цепедержателем из Ново-Сиверской. Целая группа карельских украшений найдена в Инкери Войскорова¹¹. Обращает на себя внимание то, что наибольшая часть карельских украшений найдена в бассейне связанной с Невой р. Ижоры (Инкери Войскорова), где нет курганов, и в погребальных насыпях центральной и западной части курганного ареала.

К западу от Ижорской возвышенности карельское влияние более ощутимо. В Южном Приладожье, неподалеку от Орешка, в деревне Мишкино, обнаружено женское погребение с карельским инвентарем. В Пупышево, расположенном неподалеку от реки Волхов, при земляных работах обнаружили 30 костяков, рядом с которыми собрали целый ряд карельских и древнерусских изделий, относящихся главным образом к XIII в. Среди них следует отметить две карельские овально-выпуклые зооморфные фибулы¹². Этот могильник вполне обоснованно связывают с приладожской лопью, известной по письменным источникам¹³. При раскопках в Орешке в слоях XIV–XV вв. были обнаружены три карельские овально-выпуклые фибулы, декоративный двуспиральный цепедержатель и бронзовая рукоять ножа¹⁴.

Влияние карельской культуры достигло территории проживания води и ижоры в тот исторический момент, когда плодородные земли Ижорского плато были освоены и там укоренилась культура, в которой славянские и прибалтийско-финские элементы дополняли друг друга. Здесь также нужно учитывать неоднородный этнический состав самих новгородских «колонистов» — обстоятельство, которому уделялось еще недостаточно внимания. Неслучайно, что в Поволжье, в районе Костромы (Пьяньково) было обнаружено женское подкурганное погребение, содержавшее практически полный набор карельских женских украшений¹⁵. Может быть и карелы были здесь «новгородскими» переселенцами?

На мой взгляд проявляющееся в археологическом материале северо-западных земель Великого Новгорода отчетливое карельское влияние объясняется несколькими причинами. Речь может идти не только о культурном влиянии, но и о возможном переселении небольших групп, а также и торговых и военных контактах. В XII–XIII вв. прежде редконаселенная территория стала новгородской житницей и регионом железодельного производства. Здесь появилось новое население. В последнее время выделяется два основных направления освоения Ижорского плато: из Северо-Восточного Причудья и из Верхнего Полужья¹⁶. Отметим, что голодные годы, из которых самым

тяжелым был 1215 г., когда согласно летописи вожане перемерли, а оставшиеся рассеялись¹⁷, несомненно повлияли на этнический состав этих земель. В 1241 г. при осаде Копорья в войсках Александра Невского, помимо новгородцев и ладожан, мы находим также ижору и карел¹⁸.

Часть из найденных в курганах «чудских» украшений была произведена в Новгороде, откуда они поставлялись в населяемые финно-угорским населением земли¹⁹. Возможно, что таким же образом туда попадала какая-то часть и произведенных в Карелии украшений. Экономический потенциал обеих соседних территорий являлся хорошей основой для торговых контактов, из которых только часть оставила следы в археологическом материале. Из папских булл мы знаем насколько стратегически важными на Балтике были железо и зерно.

Карельское культурное влияние и возможное переселение небольших групп карел на рассматриваемую территорию не оказало существенного влияния на поселенческую и культурную картину: подавляющая часть вещевого материала из курганов представлена общими финно-угорскими и славянскими (новгородскими) типами; в западной части ареала проявляется также эстонское влияние²⁰. Единственным чисто карельским можно считать погребение из Мишкино. Одиночные изделия карельского ремесла: подковообразные фибулы, спиралеконечные цепедержатели и бронзовые рукояти ножей происходят главным образом из курганов центральной части Ижорской возвышенности²¹.

С точки зрения возможных путей расселения карел северное направление было самым естественным. Туда на Север вели удобные водные пути, выходившие к Ботническому заливу и Белому морю. В Двинской Карелии, к примеру, в XV в. уже фиксируются значительные карельские земельные владения. И неслучайно, что в южной части Карельского перешейка — пограничной с Ингерманландией территории — не найдено ни одного карельского по происхождению изделия. Исключением можно считать находку «карельской» овально-выпуклой фибулы типа А по Айлио, которую следует лишь формально считать карельской, поскольку на территории самой древней Карелии находок именно этого типа фибул нет. Связи

с населением южного берега Финского залива осуществлялись, следовательно, морским путем — по Неве. Зимой по льду это было еще легче сделать, что активно и практиковалось населением двух находящихся в пределах прямой видимости северного и южного берегов вплоть до 1930-х гг. Местом ярмарки могло быть, к примеру Копорье, центр Водской земли, куда можно было попасть из Финского залива по реке Копорке. Неслучайно значительная часть карельских вещей концентрируется в относительной близости от крепости, как также неслучайно и то, что в культурных слоях самого Копорья найдены предметы финно-угорского происхождения, в том числе бронзовая рукоять ножа и одежные бронзовые булавки, характерные для населения средневековой Эстонии и соседних с ней новгородских «чудских» территорий²².

При многих общих чертах культуры у прибалтийско-финских племен рассматриваемой зоны и при том, что эти племена вплоть до последней четверти XIII в. сохраняли относительную самостоятельность, то есть формально не входили в состав новгородских земель, историческая судьба корелы кардинально отличается от судеб води и ижоры. Во первых, карельские земли до XIV в. не были объектом новгородской крестьянской колонизации и, стало быть, организованного налогообложения. Да и в XIV в., и позднее состав населения здесь не изменился. Строительство форпостов на шведской границе расценивалось как важная военно-политическая задача в условиях лояльности карельской знати, имевшей значительные экономические привилегии и фактическую власть на своей племенной территории. Карелы к XII в. сформировали свою самобытную культуру со всеми элементами, где не было достаточно места для посторонних вторжений. Лишь мужской инвентарь с предметами вооружения, поясами, кольцевидными фибулами был в значительной степени интернационален. Набор же женских украшений достиг такого развития, что в каждом поселенческом центре (в отличие скажем от води, где многое определялось поставками продукции новгородских ремесленников) сформировались к XII в. свои варианты женского костюма.

Это однако не означает ограниченности внешних связей карел. И пример

Новгорода — точнее результаты раскопок в городе — ярко демонстрирует их интенсивность в этом направлении. В Новгороде вообще найдено чрезвычайно большое количество предметов прибалтийско-финских типов XII—XIII вв.²³. В этом городе также постоянно проживали представители финно-угорских народов²⁴. Среди вещей находятся и карельские. Они представлены практически всеми металлическими составляющими женского костюма: овально-выпуклыми фибулами (4 экз.) (ещё одна подобная найдена на Рюриковом городище), пластинчатой подковообразной фибулой, ф-видными пронизками (6 экз.), цепедержателями крестовидными (1 экз.) и двуспиральными (4 экз., среди которых один декоративный), бронзовыми рукоятями ножей с «романским» орнаментом (4 экз.), составными ножнами женских ножей с «акантовым» орнаментом и их фрагментами (9 экз.), копоушкой бронзовой ажурной, бусами бронзовыми орнаментированными (20 экз.)²⁵. Наибольшее количество перечисленных вещей обнаружено на Невском (11 экз. и 20 экз. бус бронзовых) и Троицком (11 экз.) раскопах. Вещи по раскопам распределяются достаточно равномерно²⁶. Карелы, следовательно, бесспорно проживали в городе. Также и название Людина конца могло указывать на проживавших там карел-людигов²⁷. О статусе карел в Новгороде и связях между Карелией и Новгородом рассказывают берестяные грамоты, одна из которых написана на карельском языке (№ 292)²⁸. В 1269 г. собирался военный поход на корелу, но новгородцы «умолиша не ити на корелу». Полки были отосланы назад²⁹. Этот эпизод подчеркивает насколько важны были для новгородцев связи с корелой. Берестяные грамоты XIV в. уже свидетельствуют, что связи с Карелией концентрировались в руках отдельных влиятельных боярских родов³⁰.

Прямые свидетельства контактов между Карелией и Новгородом относятся ко времени не ранее середины XIII в., что вполне согласуется с летописными известиями, согласно которым корела лишь со времени около 1270 г. стала «волостью» Новгородской земли. В 1270 г. корела «со всею волостью новгородской» участвовала в недельном стоянии в Голино против полков Ярослава³¹. Область корелы упоминается в «Слове о погибели Русской земли»

(1238–1246 гг.)³². Более ранние известия о карельско-новгородских связях (напр. под 1143, 1149, 1191, и 1240 гг.) говорят о наличии в тот период тесных и, вероятно, взаимовыгодных военно-союзнических отношений. Это же следует из текста договора 1269 г. Новгорода с немецкими и ганзейскими купцами и с Готландом, и из проектов соответствующих договоров 1262–1263 гг.³³ Согласно им Новгород не отвечал за безопасность иноземных купцов в Карелии, где, исходя из текста договора у последних были свои торговые интересы.

Есть ещё одна заслуживающая внимания область совместной с новгородцами деятельности в рассматриваемое время, а именно сбор дани с лопарей на Севере, где карелы зачастую вступали в конфликты с норвежцами. Однако последние уладили

их путем переговоров и подписания соглашений с Новгородом в 1251–1252 и 1336 гг.³⁴

Влияние Новгорода в Карелии проявляется прежде всего путем заимствования местными ремесленниками различных технологических приемов (одинаковые медные сплавы, такая же технология изготовления ножей и т.д.), а также импорта серебра и некоторых вещей (крестики и другие предметы христианского назначения), и в распространении славянской керамики³⁵.

Лишь с постройкой Корелы в 1310 г. (как ответ на захват шведами Западной Карелии и постройки ими Выборгского замка в 1293 г.) и общим усилением административной власти (назначение наместника), новгородское влияние стало все более отчетливо проявляться и в материальной и духовной культуре Карелии.

***

- 1 Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981 С. 223–26148; Варфоломеева Т.С. Металлические детали кожаных футляров XI — XV вв. из раскопок в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1994. С. 166–182; Варенов А.Б. Карельские древности в Новгороде (Опыт топографирования) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1997. С. 94–105.
- 2 Спицын А.А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л.К. Ивановского // Материалы по археологии России. Т. 20. СПб, 1896. С. 48–52. Табл. X, 17; XI, 12; XIX, 26; Насонов А.Н. «Русская земля» и образование Древнерусского государства. М., 1951. С. 79–116; Кирпичников А.Н., Рябинин Е.А. Прибалтийско-финские племена в составе древнерусского государства // Финны в Европе VI — XV вв. Вып. 2. М., 1990. С. 101–124; Седов В.В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (9 — 14 вв.) // Советская археология. Вып. 18. М., 1953. С. 190–229; 1979; Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 170–205; Янин В.Л. Я послал тебе бересту... М., 1975. С. 135–142; Янин В.Л. У истоков Новгородской государственности // Великий Новгород. Новгород, 2001. С. 65–83; Назаренко В.А. Погребальная обрядность Приладожской чуды: Автореф. дис... канд. истор. наук: 07.00.06. Л., 1983. С. 18; Богуславский О.И. Южное Приладожье в системе трансевразийских связей IX — XII вв. // Древности северо-запада России. СПб., 1993. С. 132–157; Saks A.I. Ancient history of the population of the presentday Leningrad Region // Karelia and St. Petersburg. Joensuu, 1996. P. 27–37; Saks A.I. Rautakutinen Karjala. Muinais-Karjalan asutuksen synty ja varhaiskehitys // Studia Carelica Humanistika. Vol. 11. Joensuu, 1998. S. 167–183.
- 3 Янин В.Л. У истоков... С. 31–45.
- 4 Nosov E.N. New data on the Rurik Goroditshce near Novgorod // Fennoskandia archaeologica. Vol. 4. Helsinki, 1987. P. 73–84; Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище... С. 170–199; Финно-угры и славяне в эпоху средневековья // Археология СССР. М., 1985. С. 86.
- 5 Кирпичников А.Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984. С. 137–143; Назаренко В.А. Погребальная обрядность... С. 18; Петренко В.П. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII — X вв. Сопки северного Поволжья. СПб, 1994. С. 42.
- 6 Kirpitsnikov A.N., Pjabinin E.A. Finnougrische Volkstamme und Nordrussland (Vom Sundpunkt neuer Forschungen) // Fennoskandia archaeologica. Vol. 4. Helsinki, 1987. S. 49–72; Стальберг А. Проблемы культурного взаимодействия Руси и Скандинавии в VIII–XI вв. (по археологическим собраниям СНГ) // Археологические Вести. Вып. 3. СПб, 1994. С. 46–49; Кирпичников А.Н., Сарабьянов Б.Д. 1996. Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб, 1996. С. 59–99.
- 7 Насонов А.Н. «Русская земля» и образование Древнерусского государства. М., 1951. С. 79, 80; Голубева Л.А., Кочуркина С.И. Белозерская весь. Петрозаводск, 1991. С. 75–79; Макаров Н.А. Археологические данные о характере колонизации Русского Севера в XI — XIII вв. М., 1986. С. 61–62; Рябинин Е.А. Финно-угорские племена Новгородской земли на современном этапе историко-археологического изучения // Древности северо-запада России. СПб, 1993. С. 114–131.
- 8 Рябинин Е.А. Древнейший памятник воды в Новгородской земле // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1981. Л., 1983. С. 482–493; Конькова О.И. Ижора и корела:

- проблема ранней дифференциации // Русский Север и проблема локальных групп. СПб, 1995. С. 43–62; Kon'kova O.I., Saksa A.I. Karjalaiset ja iäkeröiset — läheisiä sukulaiskansoja? // Historia fenno-ugrica. Vol. 1:1. Congressus primus historiae fenno-ugricae. Oulu, 1996. S. 513–518.
- 9 Лапшин В.А. Археологическая карта Ленинградской области. Часть 1. Л., 1990. С. 98–112.
- 10 Седов В.В. Этнический состав... С. 200–202; Седов В.В. Водь // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987. С. 42–43; Рябинин Е.А. Водь // Финны в Европе. VI–XV вв. Вып. 2. М., 1990. С. 35; Рябинин Е.А. Ижора // Финны в Европе VI–XV вв. Вып. 2. М., 1990. С. 19–21, 54; Рябинин Е.А. Водская земля Великого Новгорода. СПб, 2001. С. 102–110.
- 11 Рябинин Е.А. Водская земля... С. 35, 62–63. Рис. 1.
- 12 Tallgren A.M. Die russischen und asiatischen archeologischen Sammlungen im Nationalmuseum Finnlands // Eurasia Septentrionalis Antiqua (ESA). Vol. III. Helsinki, 1928. S. 20; Tallgren A.M. The Prehistory of Ingria // Eurasia Septentrionalis Antiqua (ESA). Vol. XII. Helsinki, 1938. S. 95, 102–103. Fig. 28; Uino P. Arkeologisia löytöjä Inkerinmaalta // Dokumentteja Inkerinmaalta. Studia Carelica Humanistica. Vol. II. Joensuu, 1990. S. 12–13; Кирпичников А.Н., Рябинин Е.А. Прибалтийско-финские племена... С. 140; Рябинин Е.А. Ижора... С. 34–38, 64–65.
- 13 Кирпичников А.Н., Рябинин Е.А. Прибалтийско-финские племена... С. 135–142, 144.
- 14 Рябинин Е.А. Ижора... С. 35.
- 15 Третьяков П.Н. Костромские курганы // Известия Государственной академии истории материальной культуры. М., 1931. С. 20.
- 16 Лесман Ю.М. 1982. Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато // Северная Русь и её соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 72–73; Рябинин Е.А. Водская земля... С. 104, 105.
- 17 НПЛ. М., 1950. С. 54.
- 18 Там же. С. 78.
- 19 Рябинин Е.А. Славяно-финно-угорские взаимоотношения в Вотской земле (по материалам Ижорской экспедиции) // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 166. М., 1981. С. 39–53.
- 20 Рябинин Е.А. Водь... С. 19–23, 59. Рис. 1.
- 21 Рябинин Е.А. Ижора... С. 62–63. Рис. 1.
- 22 Кирпичников А.Н., Овсянников О.В. Крепость Копорье по новым данным архитектурно-археологических исследований // Советская археология. № 3. М., 1979. С. 106, 107. Рис. 2: 1–3; Кирпичников А.Н. Каменные крепости... С. 150–178. Рис. 71, 72; Рябинин Е.А. Водская земля... С. 112.
- 23 Рябинин Е.А. Финно-угорские племена... С. 117–118; Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище... С. 53–54.
- 24 Голубева Л.А., Варенов А.Б. Полые коньки-амулеты Древней Руси // Советская археология. № 2. М., 1978. С. 57–69; Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище... С. 51.
- 25 Варфоломеева Т.С. Металлические детали... С. 166–182; Варенов А.Б. Карельские древности... С. 94–105.
- 26 Там же. С. 103.
- 27 Егоров В.А. Карельские «люди» в древнем Новгороде // Сборник Ленинградского общества изучения культуры финно-угорских народов. Л., 1929. С. 8; Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы // История СССР. № 2. М., 1971. С. 38–55; Носов Е.Н. Новгород и Новгородская округа IX–X вв. в свете новейших археологических данных (к вопросу о возникновении Новгорода) // Новгородский исторический сборник. Вып. 2. Новгород, 1984. С. 13.
- 28 Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.) М., 1963. С. 120; Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище... С. 51; Кочуркина С.И., Спиридонов А.М., Джексон Т. Н. 1990. Письменные известия о карелах. Петрозаводск, 1990. С. 79–80.
- 29 НПЛ... С. 80.
- 30 Янин В.Л. Я послал тебе бересту... С. 135–142; Кочуркина, С.И., Спиридонов А.М., Джексон Т. Н. 1990. Письменные известия... С. 77–78.
- 31 НПЛ... С. 89.
- 32 Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. С. 130–131.
- 33 Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М., 1949. С. 57, 59, № 29, 31.
- 34 Шаскольский И.П. Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. № 14. М., 1945. С. 38–61; Kirkinen H. Karjalan historia juurista Uudenkaupungin rauhaan // Karjalan kansan historia. Helsinki, 1994. S. 41.
- 35 Кирпичников А.Н., Овсянников О.В. Крепость Копорье... С. 72; Кочуркина С.И. Древняя корела. Л., 1982. С. 126–132; Хомутова Л.С. Технологическая характеристика кузнечных изделий из раскопок Тиверска и Паасо по результатам металлографического анализа // Кочуркина С.И. Древняя корела... С. 188–208; Васильева Е.С. Характеристика медных сплавов с городищ Тиверск и Паасо // Кочуркина С.И. Древняя корела... С. 185–188.

ОРНАМЕНТАЦИЯ ЛАДОЖСКОЙ КЕРАМИКИ VIII – X вв.

Орнамент на ладожской керамике никогда специально не исследовался. В.И. Равдоникас, характеризуя в общих чертах керамику горизонта Д (раскопки 1938–1947 гг.), отмечал, что «кроме лепной гладкостенной керамики встречено много орнаментированных (в верхней части) сосудов. Элементы орнаментации — отпечатки гребенчатого штампа, вдавления или ямки, черточки»¹. Г.П. Гроздилов в работе, посвященной раскопкам в Старой Ладоге в 1948 г., так описывал керамику из горизонта Е: «орнамент на горшках встречается крайне редко и по своему оформлению однообразен. Это косые отпечатки гребенчатого штампа, иногда образующие ломаную линию преимущественно на плечиках горшков или по верхнему бортику. Характерные крупные прочерченные волнистые линии типа роменских орнаментов встречены лишь в горизонте Д. Подобный орнамент на керамике толщи Е₂ не встречен. Керамика нижнего горизонта Е₃ орнамента вовсе не имеет»².

Я.В. Станкевич, описывая керамику древнего культурного слоя Старой Ладogi, отмечала, что «при ее изучении бросается в глаза почти полное отсутствие орнаментации»³. Ею же был установлен «весьма существенный факт появления впервые в горизонте Е₁ Старой Ладogi достаточно разнообразной орнаментации в виде отпечатков гребенчатого штампа, насечек, ямочных вдавлений и т.п., особенно характерной для более развитых форм сосудов с высокими плечиками столь обычных среди раннеславянских памятников». Исследовательница упоминает также наличие таких элементов орнамента, как ногтевые вдавления и кружки⁴.

Характеристика орнаментов дается в обобщенном виде без количественной оценки, без анализа совстречаемости различных элементов и т.п., но тем не менее, материал используется авторами для

доказательства связи ладожской керамики с широким кругом памятников IX — начала X в. лесной зоны Восточной Европы, принадлежащих, по их мнению, славянам, а также с керамикой роменско-боршевского типа⁵.

За годы, прошедшие после выхода работы Я.В. Станкевич, было открыто и исследовано значительное количество памятников на Северо-Западе и близлежащих регионах, подробно изучены разнообразные и выразительные орнаменты на керамике финно-угорских народов. Было выяснено, например, что орнамент в виде отпечатков палочки, обмотанной веревочкой, является далеко не единственным способом орнаментации роменско-боршевской керамики (и не всегда преобладающим)⁶, он также широко распространен в Восточной Европе «от Старой Ладogi до берега Азовского моря, от Дона до Днестра»⁷. На этом фоне орнаментация ладожской керамики практически оказалась вычеркнутой из списка полноценных источников.

В настоящей работе рассмотрены материалы из раскопок на Земляном городище Старой Ладogi 1938–1959 гг., 1973–1975 гг., и 1981–1985 гг., а также материал из раскопок на Варяжской улице 1972–1976 гг. В общей сложности проанализировано 12750 фрагментов керамики, среди которой орнаментированная составляет примерно 1,3 %: 0,87 % для раскопок на Земляном городище и 1,75 % для раскопа на Варяжской улице⁸ (таблица 1). За основу взята классификационная схема орнаментов, предложенная Н.А. Макаровым для керамики Белозерья⁹.

Отпечатки, оставленные на поверхности сосуда, различаются по способу их нанесения, форме и характеру поверхности орудия, которым они нанесены. На основании этих признаков выделены элементы орнамента. По месту расположения на поверхности сосуда и сочетанию

Таблица 1
Распределение фрагментов лепной орнаментированной керамики

Раскоп	Земляное городище				Варяжская улица
	1938-1959	1973-1979	1981-1985	Всего	1972-1976
Год раскопок					
Кол-во фрагментов керамики	5000	1193	2054	8247	4500
Горизонты					
Д	26	1	-	27	X в. — 67 фр-ов
Д ₁	2	-	-	2	
Д ₂	5	1	2	8	
Д-Е ₁	4	-	-	4	IX в. -12 фр-ов
Е ₁	9	-	2	11	
Е ₂	1	-	-	1	
Е ₂ - Е _{3.1}	-	-	2	2	
Е ₃	1	-	-	1	
Е _{3.1}	1	3	6	10	
Е _{3.1} - Е _{3.2}	-	-	3	3	
Е _{3.2}	1	-	1	2	
Е _{3.2} - Е _{3.3}	-	-	-	-	
Е _{3.3}	1	-	-	1	
ВСЕГО	51	5	16	72	79
%	1.02	0.42	0.78	0.87	1.75

отдельных элементов выделены композиции орнамента.

Чаще всего узоры выполнены в технике штамповки, для чего использовались либо специально изготовленные штампы,

либо просто палочка, трубчатая кость, палец и т.п. Значительно реже встречены узоры, выполненные в технике резьбы или прочерчивания. Они наносились ножом или острой палочкой.

Элементы орнамента (таблица 2)

I. Штампованные орнаменты (табл. 2: 1-12)

- Отпечаток гребенки — отпечаток гребенчатого штампа, изготовленного из дерева или из длинной узкой кости (реберной), на которую наносился ряд зубцов нужной формы. Зубцы могут иметь прямоугольную или квадратную форму или быть просто заостренными (табл. 2:1).
- Отпечаток мелкозубчатой гребенки наносился штампом с острыми плотно прилегающими друг к другу зубцами, вероятно, изготовленными из кости (табл. 2: 2).
- Отпечаток палочки, обмотанной веревочкой (табл. 2: 3).
- Вдавления с плоским дном — они нанесены плоским штампом, торцом или боковой стороной плоской палочки. Они имеют, обычно, вытянутый контур (табл. 2: 4).
- Глубокие вдавления наносились концом острой палочки. В зависимости от того, какую форму имел конец, отпечатки могут быть различными: треугольными, округлыми или, если заостренный конец уплощен, — треугольными плоскими и т.п. (табл. 2: 5).
- Двудольный орнамент — характерный отпечаток, который наносился круглым в сечении штампом с глубоким пропилом посередине. При его оттиске остается след в виде углубленных сегментовидных долек с перегородкой (табл. 2: 6).
- Пальцевые вдавления (табл. 2: 7).
- Ногтевые насечки (табл. 2: 8).
- Отпечатки решетчатого штампа, т.е. штампа, поверхность которого покрыта частыми перекрестными насечками (табл. 2: 9).
- Отпечатки фигурного штампа (табл. 2: 10).
- Кольцевидные отпечатки — нанесены торцом трубчатой кости (табл. 2: 11).
- Накольчатый орнамент наносился на поверхность сосуда тонкой заостренной палочкой или шилом (табл. 2: 12).

II. Прочерченные орнаменты (табл. 2: 13—18).

13. Короткие насечки — обычно это 2—3 или более линий, расположенных вертикально или наклонно. Наносились концом деревянной палочки (табл. 2: 13).
14. Нарезной орнамент — это неглубокие бороздки, которые наносились острым, видимо, металлическим предметом. Иногда они образуют законченные фигуры (табл. 2: 14).
15. Волнистый орнамент (табл. 2: 15).
16. Линейный орнамент (табл. 2: 16).
17. Многорядная волна. Она может быть двух видов: а) беспорядочная волна, нанесенная каким-то острым предметом, скорее всего, просто палочкой (табл. 2: 17а); б) очень четкая, «регулярная» волнистая линия, нанесенная, возможно, с помощью гребенчатого штампа (табл. 2: 17б).
18. Каннелюра — горизонтальный желобок, проходящий по плечу сосуда. Нанесен, скорее всего, пальцем (табл. 2: 18).

В древнейшем горизонте Е₃₋₃ встречен один фрагмент сосуда с каннелюрой. В горизонтах Е₂ и Е₃ керамики с орнаментом очень мало (в Е₃ — 17 фрагментов, в Е₂ — 2 фрагмента).

Керамика с орнаментом в виде ногтевых насечек распространена на широкой территории. В единичных экземплярах она встречена на городище Любша (последняя четверть I тыс. н.э.)¹⁰, Рюриковом городище (IX—X вв.)¹¹, в Суздале (в слоях начала XI в.)¹², на Тимеревском поселении (IX—XI вв.)¹³, в Гнездове (IX—XI вв.)¹⁴, на городищах юго-восточной Эстонии 2-й половины I тыс. н.э.¹⁵ В Белоозере такая орнаментация характерна для первой половины X в.¹⁶ Часто встречается подобный орнамент на памятниках боршевской культуры (VIII—X вв.), например, на городище Титчиха в Воронежской области он занимает второе место после веревочного орнамента¹⁷.

Отпечатки гребенчатого штампа также распространены довольно широко. Они встречены в бассейне Верхней Оки¹⁸, на Тумовском селище (IX—XI вв.)¹⁹, Тимеревском поселении (IX—X вв.)²⁰, селище Шурскол II под Ростовом (X—XII вв.)²¹, в Ярославских могильниках (IX—XIII вв.)²², на памятниках типа Рыуге (2-я пол. I тыс. н.э.)²³, в челмужских курганах

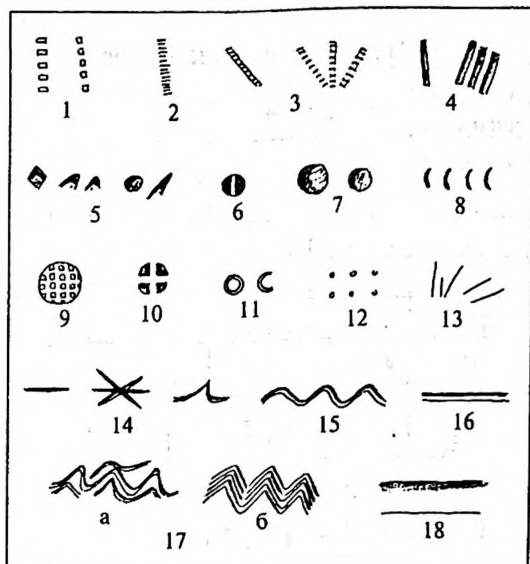

Таблица 2

Элементы орнамента на лепной и раннегончарной керамике:

1 — гребенчатый штамп; 2 — мелкозубчатый штамп; 3 — палочка, обмотанная веревочкой; 4 — вдавления с плоским дном; 5 — глубокие вдавления; 6 — двудольный орнамент; 7 — пальцевые вдавления; 8 — ногтевые насечки; 9 — решетчатый штамп; 10 — фигурный штамп; 11 — кольцевидные отпечатки; 12 — накольчатый орнамент; 13 — короткие насечки; 14 — нарезной орнамент; 15 — волнистый орнамент; 16 — линейный орнамент; 17 — многорядная волна (вид а и б); 18 — каннелюра

(X—XI вв.)²⁴, в курганах на р. Суде (XII в.)²⁵. Более половины всей орнаментированной керамики составляют сосуды с отпечатками гребенчатого штампа в Белоозере X—XI вв. (61,8 %) и почти половину на поселении Крутик IX—X вв. (40,9 %)²⁶. Широко распространен этот элемент орнаментации и на керамике других поселений и погребальных памятников Белозерья²⁷. Н.А. Макаров считает районом широкого распространения гребенчатых штампов Камско-Вычегодский край²⁸. Л.А. Голубева, отмечая, что в конце I тыс. н.э. этот вид орнамента получил очень широкое распространение и утратил свою этническую принадлежность, считает бесспорным его финское происхождение²⁹.

Орнаментация в виде пальцевых вдавлений встречена в единичных экземплярах на лепной керамике Новгорода (X в.)³⁰, Пскова (VII—X вв.)³¹, Рюрикова городища (IX—X вв.)³², городища Княжая Гора (последняя четверть I тыс. н.э.)³³, поселения Золотое Колено (IX—X вв.)³⁴, Белоозера (преимущественно в слоях 2-й

Таблица 3
Распределение элементов орнамента на керамике Земляного городища

элементы орнамента	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17		18	всего
																	а	б		
Горизонты																				
Д	2	-	1	-	6	-	6	7	-	-	-	1	2	3	1	1	-	-	2	32
Д ₁	-	-	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
Д ₂	1	1	1	-	2	-	-	2	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	8
Д ₂ -Е ₁	-	-	-	1	1	-	-	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	4
Е ₁	4	-	2	1	-	-	2	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	2	13
Е ₂	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Е ₂ -Е _{3.1}	1	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3
Е ₃	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Е _{3.1}	2	1	-	1	-	-	-	1	-	-	-	-	1	-	2	-	-	-	-	8
Е _{3.1} -Е _{3.2}	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	3
Е _{3.2}	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
Е _{3.2} -Е _{3.3}	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Е _{3.3}	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1
ВСЕГО	12	2	7	4	9	-	10	13	-	-	-	1	6	3	5	1	-	-	5	78
%	15	3	9	5	12	-	13	17	-	-	-	1	8	4	6	1	-	-	6	100

Лепная керамика

элементы орнамента	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17		18	всего
																	а	б		
Горизонты																				
Д	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	6	17	-	-	26
Д ₁	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Д ₂	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Д ₂ -Е ₁	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ВСЕГО	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	6	17	-	-	27
%	7.5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7.5	22	63	-	-	100

Раннегончарная керамика.

половины X — начала XI в.)³⁵, поселения Крутик (IX—X вв.)³⁶; в курганах на р. Суде и Сорогоже (X—XII вв.)³⁷, в приладожских курганах (X—XII вв.)³⁸, в Ярославском Поволжье (IX—XIII вв.)³⁹, на памятниках Мстинско-Моложского междуречья конца I — начала II тыс. н.э.⁴⁰, в Гнездове (IX—XI вв.)⁴¹. Н.А. Макаров считает местом наибольшей концентрации этих орнаментов бассейн верхней Мологи⁴².

Керамика с орнаментом в виде отпечатков палочки, обмотанной веревочкой, представлена на памятниках роменской и боршевской культур (VIII—X вв.) весьма значительным количеством экземпляров⁴³. Однако, как отметил И.И. Ляпушкин, отпечатки палочки, обмотанной веревочкой, и гребенчатого штампа иногда бывают трудноразличимы, а сосуды

с подобной орнаментацией встречаются и на памятниках других культур⁴⁴. В незначительном количестве такая керамика встречена в материалах культуры смоленских длинных курганов (VIII—X / начале XI вв.)⁴⁵, в Ярославских могильниках (IX—XIII вв.)⁴⁶, памятниках Мстинско-Моложского междуречья конца I — начала II тыс. н.э.⁴⁷, на городищах Рюриковом (IX—X вв.)⁴⁸, Княжая Гора (последняя четверть I тыс. н.э.)⁴⁹, поселении Золотое Колено (IX—X вв.)⁵⁰, в Пскове VIII—X вв.⁵¹, Изборске (VIII—X вв.)⁵², Городке на Ловати (X—нач. XI вв.)⁵³, поселении Крутик (IX—X вв.)⁵⁴, Белоозере (X—XI вв.)⁵⁵, погребальных памятниках Белозерья⁵⁶. Аналогичные орнаменты в единичных экземплярах известны среди керамики типа Рыуге (2-я половина I тыс.

н.э.)⁵⁷, на памятниках Латвии среднего и позднего железного века (2-я половина I тыс. н.э.)⁵⁸, в Бирке VIII—X вв.⁵⁹.

Глубокие вдавления, нанесенные палочкой с четырехугольным, треугольным плоским, заостренным или округлым концом, известны на керамике Белозерья конца I — начала II тыс. н.э. (Крутик, Белоозеро, селище Монастырек, курганы на р. Колпи)⁶⁰, в курганах нижней Мологи^{61,61}, в Ярославских могильниках (IX—XIII вв.)⁶², на Тимеревском поселении IX—XI вв.⁶³, в бассейне верхней Оки на памятниках середины I тыс. н.э. (мошинская культура)⁶⁴, но везде они встречаются в небольшом количестве. Глубокие вдавления в виде ямок достаточно часто встречаются в Камско-Вычегодском крае⁶⁵. Ямочный орнамент (с округлой или овальной формой ямок) известен на керамике II группы (по М.Э. Аун) городищ и селищ юго-восточной Эстонии (2-я половина I тыс. н.э.)⁶⁶.

На довольно обширной территории распространен орнамент в виде коротких насечек, хотя и не везде представлен значительным количеством экземпляров. Около 14 % керамики поселения Крутик (IX—X вв.) орнаментировано короткими насечками⁶⁷. Подобный орнамент встречен на керамике Белоозера в основном в слоях X — начала XI вв.⁶⁸, поселения Луковец⁶⁹, известен он и в Прикамье⁷⁰. Единичные фрагменты с таким орнаментом обнаружены на Рюриковом городище (IX—X вв.)⁷¹, в Городце под Лугой (IX—XII вв.)⁷², на городищах юго-восточной Эстонии 2-й половины I тыс. н.э.⁷³, в Ярославских курганах IX—XIII вв.⁷⁴.

Кольцевидный орнамент эпизодически встречается на керамике Новгорода X в.⁷⁵, поселения на озере Съезжем 2-й половины I тыс. н.э.⁷⁶, в юго-восточном Приладжье (X—XII вв.)⁷⁷, на памятниках Белозерья, например, на поселении Крутик (IX—X вв.) керамика с подобным орнаментом зафиксирована в количестве 0,7 % от всей орнаментированной керамики⁷⁸, на Белоозере — 3,9 % (наиболее распространена в X—XI вв.)⁷⁹. Известен он в материалах Корбальского могильника на р. Ваге (XI—XII вв.)⁸⁰, в курганах на р. Суде (X—XII вв.)⁸¹, в Тимеревских курганах IX—XI вв.⁸², на керамике городища Попово (Ухтубужское) VII—IX вв.⁸³, в юго-восточной Эстонии (2-я половина

I тыс. н.э.)⁸⁴, на керамике из погребений X в. Бирки⁸⁵. Л.А. Голубева считает, что в Белозерском крае этот орнамент восходит к позднекаргопольской керамике, а наиболее распространен он в родановской культуре Верхнего Прикамья в IX—XII вв.⁸⁶

Отпечатки вдавлений с плоским дном встречены в Большом Тимеревском могильнике на посуде, относящейся, по мнению Е.И. Горюновой, к «мерянско-камскому типу»⁸⁷. Известны они на керамике Суздаля (только по краю венчика)⁸⁸, селища Шурскол II под Ростовом (в слоях X в.)⁸⁹, в кургане Никольское V на р. Суде (X—XI вв.)⁹⁰, на поселении Крутик IX—X вв.⁹¹, в Белоозере X—XI вв.⁹². Н.А. Макаров считает этот элемент «собственно белозерским», очень редко встречающимся за пределами бассейна Белого озера и р.Шексны⁹³. Следует отметить наличие такого орнамента на раннегончарной керамике Городка на Ловати⁹⁴.

Сосуды с каннелюрой встречены на многих памятниках Северо-Запада, относящихся к культуре сопков, однако, очень небольшими сериями: 1 фрагмент найден на Рюриковом городище (IX—X вв.)⁹⁵, 8 — на поселении Золотое Колено (IX—X вв.)⁹⁶, 2 — на поселении Холопий Городок (последняя четверть I тыс. н.э.)⁹⁷, 1 — на Передольском селище (X—XII вв.)⁹⁸. Известны они в материалах сопков бассейнов Луги и Плюсы (2-я половина / конец IX — 1-я половина XI вв.)⁹⁹, на городище Камно (последняя четверть I тыс. н.э.)¹⁰⁰, «значительный процент» составляют на селище Которск (IX—XII вв.)¹⁰¹ и в Городце под Лугой (IX—XII вв.)¹⁰². В Городце часть таких сосудов подправлена на гончарном круге. Сосуды с каннелюрой найдены также в Пскове VIII—X вв.¹⁰³, Изборске (VIII—X вв.)¹⁰⁴, кургане Курово¹⁰⁵ и на селище Нестеровичи (2-я половина X—XI вв.)¹⁰⁶ в бассейне Мсты, в оятских курганах X—XII вв. (Нюбиничи-1, где считается привозным; Шангеничи-село-1 — сосуд округлодонный)¹⁰⁷.

В единичных экземплярах встречены в Ладогe сосуды, украшенные нарезным и накольчатый орнаментом, мелкозубчатым, двудольным, решетчатым и фигурным штампами. Один фрагмент сосуда, украшенный наколами по шейке и плечу (подшлакован), найден на Земляном городище в горизонте Д-нижнее.

Таблица 4

Распределение элементов орнамента на керамике из раскопа на Варяжской улице

Элементы орнамента	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	всего	
пласты																	а	б		
6-13	4	-	1	7	15	1	18	5	1	-	2	-	2	3	5	13	-	4	-	81
14-19	-	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	1	-	1	1	-	-	2	7
всего	4	-	1	7	15	1	19	6	1	-	2	-	3	3	6	14	-	4	2	88
%	5	-	1	8	17	1	22	7	1	-	2	-	3	3	7	16	-	5	2	100

Лепная керамика

Элементы орнамента	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	всего	
пласты																	а	б		
6-13	1	-	-	-	1	-	-	1	-	1	-	-	1	-	9	11	5	1	-	31
14-19	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1
всего	1	-	-	-	1	-	-	1	-	1	-	-	1	-	9	12	5	1	-	32
%	3	-	-	-	3	-	-	3	-	3	-	-	3	-	28	38	16	3	-	100

Раннегончарная керамика.

Орнамент представляет собой две параллельные линии, состоящие из двух рядов наколов, между которыми проходит ломаная линия, также состоящая из двух рядов наколов (шифр Ла-605). В качестве аналогии можно назвать миниатюрный сосудик из Холопьевого городка (IX — начало X вв.), украшенный рядом наколов по шейке¹⁰⁸ и мискообразный сосуд, найденный на поселении Золотое Колено, орнаментированный по краю венчика насечками и наколами¹⁰⁹.

Сосуды, украшенные нарезным орнаментом, встречены в незначительном количестве на поселении Крутик IX—X вв. (0,1 %) ¹¹⁰, а также в Ярославском Поволжье (на поселениях и в погребениях IX—XIII вв.) ¹¹¹.

Мелкозубчатый орнамент известен в очень небольшом количестве на керамике поселения Крутик IX—X вв. (0,3 %) ¹¹²¹¹², Белоозера¹¹³, Тимеревских курганов IX—XI вв.¹¹⁴ Встречается он в материалах чепецкой культуры (бассейн р. Чепцы, верховья Камы), особенно на первом ее этапе (IX — начало XIII вв.) ¹¹⁵. Н.А. Макаров связывает происхождение этого вида орнамента с Камско-Вычегодским краем и отмечает, что за пределами этого региона он встречается крайне редко¹¹⁶.

Отпечатки фигурного и решетчатого штампов зафиксированы на керамике из слоев 2-й половины X в. раскопа на

Варяжской улице (решетчатый штамп — на лепной керамике, фигурный штамп в сочетании с линейным орнаментом — на раннегончарной керамике). Подобным же фигурным штампом украшены некоторые глиняные диски из Ладоги (материал раскопок В.П. Петренко 1973—1976 гг. на Варяжской улице). Аналогичный орнамент обнаружен на керамике поселений Крутик (IX—X вв.) в Белоозере¹¹⁷ и Тимерево (IX—XI вв.) под Ярославлем¹¹⁸. На Тимеревском поселении встречены два фрагмента глиняных дисков, орнаментированных при помощи подобного фигурного штампа¹¹⁹. Керамика, украшенная решетчатым штампом, известна на поселении Крутик¹²⁰, в Белоозере¹²¹, но особенно много ее в бассейне р. Чепцы¹²². Н.А. Макаров относит орнаментацию фигурными и решетчатыми штампами к элементам Камско-Вычегодского происхождения, «спорадически встречающимися за пределами этой культурной области»¹²³. В связи с этим интересно отметить находку сосудов, украшенных решетчатым и фигурным штампами (в сочетании с другими элементами орнаментации) в Самлинге и Риббе в Дании и Треллеборге в Швеции¹²⁴, а также в Финляндии в эпоху викингов¹²⁵. Фигурным штампом украшены некоторые глиняные диски, происходящие с Аландских островов¹²⁶.

В раскопе на Варяжской улице в тех же пластах, что и фрагменты с решетчатым

и фигурным штампами, встречены фрагменты лепного сосуда с двудольным орнаментом. Двудольный орнамент был распространен в I тыс. до н.э. на широкой территории: Прибалтика, Верхнее Поволжье, бассейн Москва-реки¹²⁷. И.Г. Розенфельд отметила, что он был «по-видимому, наиболее распространен в Верхнем Поволжье»,

где встречается и в материалах первых веков н.э.¹²⁸. Для интересующего нас времени мне известна только одна аналогия — это орнамент на двух глиняных дисках из построек № 12 и № 17 Тимеревского поселения (раскопки И.В. Дубова). Двудольные отпечатки располагались, вероятно, по одному в каждой четверти диска¹²⁹.

Композиции орнамента (таблица 5)

Прежде чем приступить к анализу композиций орнамента, необходимо сделать несколько замечаний. Так как орнаментированная керамика составляет очень небольшую часть всего материала, для получения полного представления о характере орнаментации учитывались все, даже самые мелкие фрагменты. Иногда это были только фрагменты венчиков, а иногда — только часть плечика или стенки сосуда и т.д. Следовательно, в первом случае фрагмент попадает в группу сосудов, орнаментированных только по венчику, во втором — только по плечу и т.п. Очевидно, что такое деление в некотором смысле условно, но оно определено состоянием материала.

Группа А (17 фрагментов на Земляном городище, 3 фрагмента в раскопе на Варяжской улице) — орнамент украшает только торец или наружный край венчика. Это могут быть ногтевые насечки, пальцевые вдавления, вдавления с плоским дном, отпечатки гребенчатого штампа, отпечатки палочки, обмотанной веревочкой, расположенные наклонно или в виде зигзагообразной линии, прочерченный волнистый орнамент (табл.5: 1–8). Аналогии орнаментальным композициям группы А известны среди материалов Рюрикова городища IX–X вв.¹³⁰, поселения Золотое Колено IX–X вв.¹³¹, городища Камно (последняя четверть I тыс. н.э.)¹³², Пскова VIII–IX вв. (ПСК–2207/1335)¹³³, Городка на Ловати (X — начало XI вв.)¹³⁴, челмужских курганов (X–XII вв.)¹³⁵, Белоозера X–XI вв.¹³⁶, курганов у хутора Стан (X–XII вв.)¹³⁷, поселения Крутик IX–X вв.¹³⁸, селищ верхней Мологи конца I — начала II тыс. н.э.¹³⁹, Суздаля (в слоях X в.; типы I и VI, по В.А. Лапшину)¹⁴⁰, селища Шурскол II (X–XII вв.)¹⁴¹, ярославских курганов IX–XIII вв.¹⁴², смоленских длинных курганов VIII–X/начала XI вв. (Цурковка, Арефино, Новоселки,

Белкино, Василевщина, Ярцево)¹⁴³. На всех памятниках подобные композиции встречаются в очень небольшом количестве за исключением ярославских курганов, где они, видимо, связаны с позднелдыжковской керамикой, для которой характерна орнаментация только по краю венчика¹⁴⁴.

Группа В (53 фрагмента на Земляном городище, 81 — в раскопе на Варяжской улице) — объединяет орнаменты, украшающие плечико сосуда.

Тип I (2 фрагмента на Земляном городище, 5 — в раскопе на Варяжской улице). Орнамент располагается в одном месте наподобие клейма. Из-за отсутствия полных форм сосудов затруднительно сказать, повторяется ли этот узор, поэтому выделение этого типа в некоторой степени условно (табл.5: 9–15). Можно выделить различные варианты, например, знак из четырехугольных отпечатков, сгруппированных в виде ромба, повторяющийся дважды. Он нанесен, видимо, плоским торцом деревянной палочки (зафиксирован на сосуде типа I из раскопа на Варяжской улице)¹⁴⁵. Аналогичный орнамент встречен на глиняном диске с Земляного городища (раскопки 1958 г.): ромбические отпечатки повторяются четыре раза, по одному в каждой четверти диска¹⁴⁶. В.И. Равдоникас на основании «постоянно выдерживающихся расстояний между углублениями в этом орнаментальном мотиве» считал, что подобный орнамент нанесен специальным штампом¹⁴⁷. Косвенным подтверждением, что такой орнамент мог быть нанесен также торцом деревянной палочки, служит находка фрагмента сосуда, на котором подобные четырехугольные отпечатки расположены не в виде ромба, а в виде треугольника, обращенного вершиной вниз (раскоп на Варяжской улице) (табл.5: 10). Сходная композиция известна по материалам Белоозера¹⁴⁸.

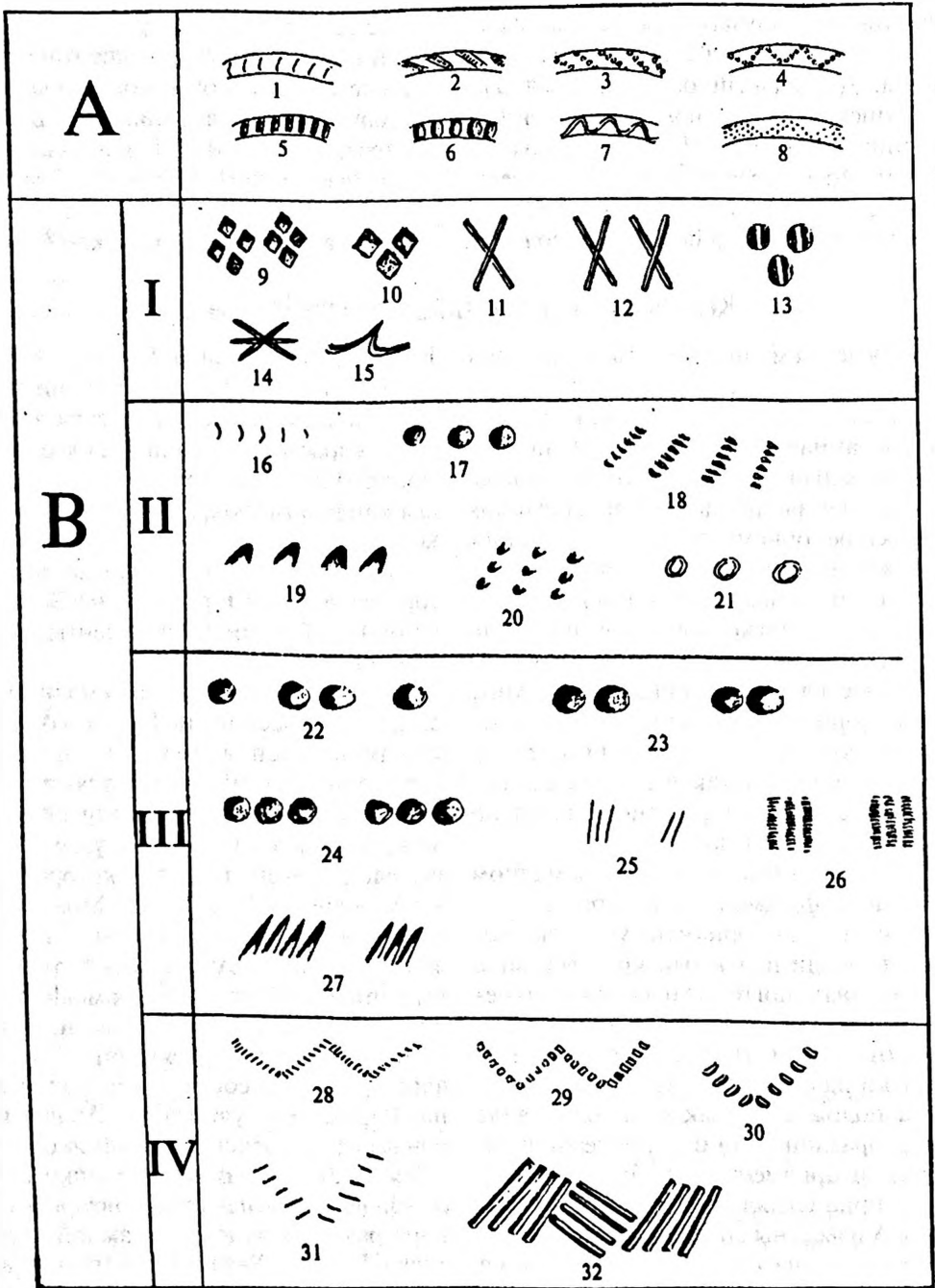

Таблица 5
Композиции орнамента на лепной и раннегончарной керамике

Подобная орнаментация из строенных отпечатков двудольного штампа встречена на фрагменте сосуда, относящегося к типу 1¹⁴⁹, из раскопа на Варяжской улице (табл.5: 13).

Орнамент в виде своеобразной «птички» (табл.5: 15) встречен на фрагменте сосуда с Земляного городища (шифр: СЛ-611, горизонт Д). Подобным значком было отмечено костяное пряслице, найденное там же (раскопки 1959 г.)¹⁵⁰.

На фрагменте сосуда, относящегося к типу 2¹⁵¹ (раскоп на Варяжской улице), встречен знак в виде трех перекрещивающихся коротких насечек, нанесенных каким-то острым предметом, скорее всего, ножом (табл.5: 14).

Два фрагмента сосудов отмечены знаком в виде креста (на фрагменте из раскопа на Варяжской улице — один крест; на фрагменте с Земляного городища — два креста, расположенные рядом).

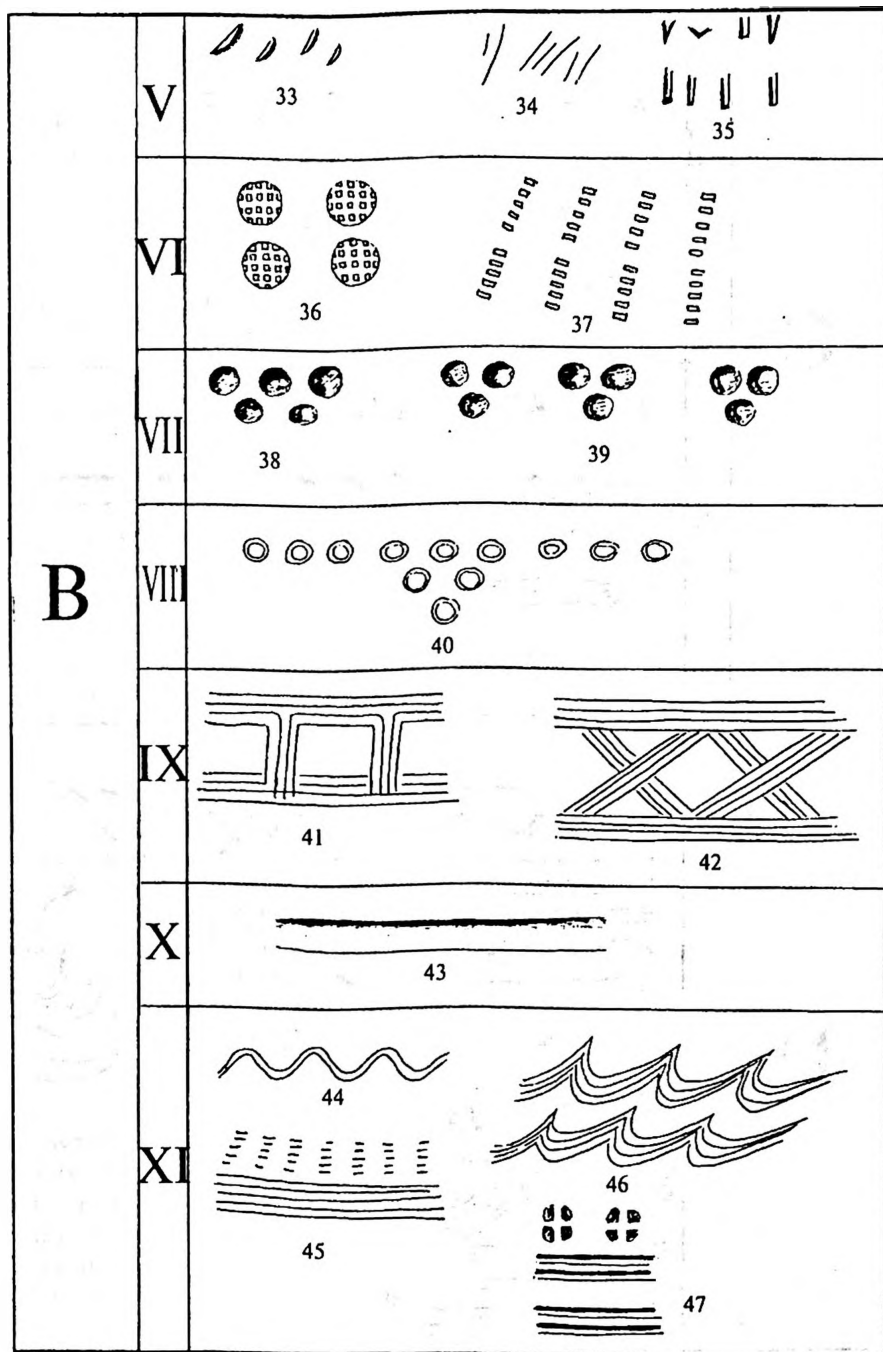

Таблица 5

Композиции орнамента на лепной и раннегончарной керамике (продолжение)

В обоих случаях они выполнены в технике вдавлений с плоским дном (табл.5: 11–12). Знаки в виде косых крестов, выполненные в технике прочерчивания или отпечатков веревочки, известны в незначительном количестве на керамике памятников железного века (IV–VII вв.) верхней Оки, относящихся к дьяковской и мощинской культурам (городища Троицкое, Щербинское, Дьяково, Кузнечики, Тушемля, Надежда, Дуна)¹⁵². Следует

отметить, что подобные знаки встречаются не только на керамических сосудах, но и на глиняных льячках, кресалах, деталях колчанов. Они известны также на керамике роменско-боршевской культуры¹⁵³, в «до-русском» слое Ярославля (VIII–IX вв.)¹⁵⁴, на селище Шурскол II (X–XII вв.)¹⁵⁵. Обычно они рассматриваются как тамги. И.Г. Розенфельд вслед за А.К. Амброзом склонна относить их к символам культового характера, подчеркивая, что это знаки,

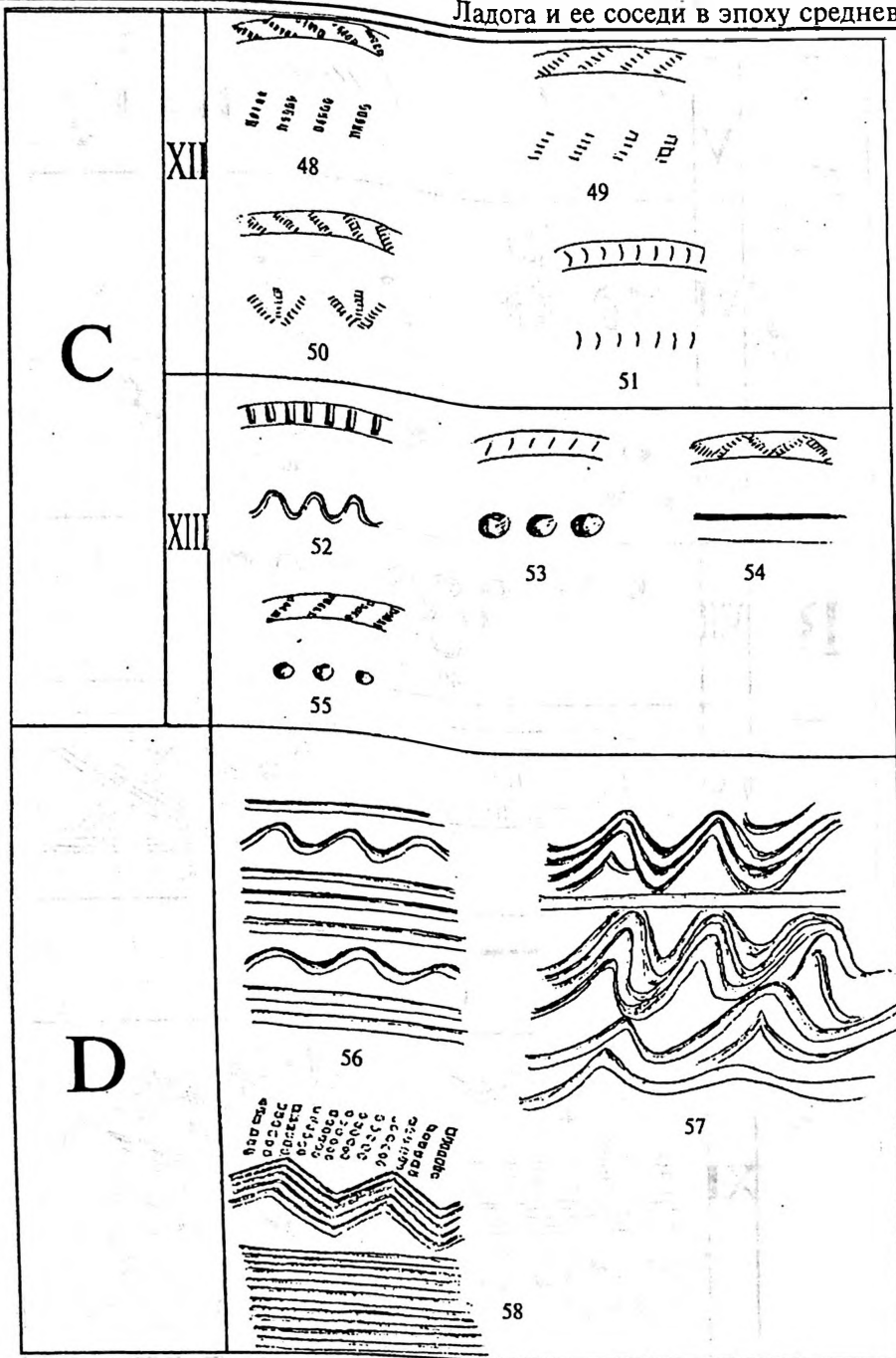

Таблица 5

Композиции орнамента на лепной и раннегончарной керамике (окончание)

связанные с поклонением солнцу и огню и способствующие благополучию¹⁵⁶.

Знаки в виде косога креста известны на глиняных льячках из поселения Крутик IX—X вв. (выполнены в технике прорисовки и оттиска веревочки)¹⁵⁷. Л.А. Голубева рассматривает орнаментацию на глиняных льячках как доказательство участия женщин в литейном деле, отмечая, что некоторые виды орнаментов (в том числе и косые кресты) встречаются

и на другой продукции женского ремесла — глиняных и роговых пряслицах, керамике. Исследовательница полагает, что женщины придавали орнаменту не только значение знака собственности, но и охранительные (магические) функции¹⁵⁸. Возможно, такое же значение имели и знаки на ладожской керамике.

Косым крестом, выполненным в технике вдавлений с плоским дном, аналогичной ладожским находкам, украшена

глиняная лячка, найденная на селище Золотое Колено¹⁵⁹.

Тип II (19 фрагментов на Земляном городище, 24 — в раскопе на Варяжской улице). Орнаментальная композиция образована простым повторением элементов (табл.5:16–21). Это могут быть ногтевые насечки, ямочные вдавления, отпечатки гребенчатого штампа, глубокие вдавления. Вследствие своей простоты эта орнаментальная композиция очень широко распространена. В незначительном количестве она встречена в Новгороде X в.¹⁶⁰, на Рюриковом городище (IX–X вв.)¹⁶¹, в Холопьем городке (последняя четверть I тыс. н.э.)¹⁶², Пскове VIII–X вв.¹⁶³, на памятниках типа Рыуге 2-й половины I тыс. н.э. (очень редко)¹⁶⁴, в Мстинско-Моложском междуречье (2-я половина I тыс. н.э.)¹⁶⁵, в Белозерье¹⁶⁶, в материалах культуры смоленских длинных курганов (VIII–X / начало XI вв.)¹⁶⁷, на селище Шурскол II (X–XII вв.)¹⁶⁸.

Тип III (5 фрагментов на Земляном городище, 3 — в раскопе на Варяжской улице). Орнаментальная композиция представляет собой пояс, в котором несколько одинаковых элементов, сгруппированных по 2 — 3 — 4, повторяются с определенным интервалом (табл.5: 22–27). Керамика с подобной орнаментацией встречается на поселении Крутик (IX–X вв.)¹⁶⁹, в Белоозере (X–XI вв.)¹⁷⁰. Н.А. Макаров отмечает наличие (в единичных случаях) таких композиций в курганах на р. Кеме, в бежецких и ярославских курганах (X–XIII вв.). По его мнению, подобные композиции характерны для памятников Белозерья и редко встречаются за его пределами¹⁷¹.

Тип IV (5 фрагментов на Земляном городище, 4 — в раскопе на Варяжской улице). Орнаментальная композиция в виде зигзагообразной ломаной линии, образованной отпечатками палочки, гребенчатым штампом, палочкой, перевитой веревочкой, пальцевыми вдавлениями, ногтевыми насечками (табл.5: 28–31). Сюда же можно отнести зигзагообразную линию, состоящую из отпечатков вдавлений с плоским дном, сгруппированных по четыре (табл.5: 32). Подобные орнаментальные композиции распространены широко, но на каждом отдельном памятнике встречены единичные образцы. Известен подобный орнамент в культуре смоленских

длинных курганов (Слобода Глушица, VIII–IX вв.)¹⁷², на раннегончарном сосуде из Городка на Ловати¹⁷³, на поселениях верхней Мологи 2-й половины I тыс. н.э.¹⁷⁴, в Белозерье IX–XII вв. (Белоозеро, Крутик, курганы по р. Суде, Колпи, Кеме, Кабоже)¹⁷⁵, в ярославских курганах (IX–XIII вв.)¹⁷⁶, в Приильменье на памятниках последней четверти I тыс. н.э. (Рюриково городище, городище Княжая Гора)¹⁷⁷.

Тип V (7 фрагментов на Земляном городище, 6 — в раскопе на Варяжской улице). Орнамент образован путем неупорядоченного повторения элементов (табл.5: 33–35). Эта композиция эпизодически встречается на различных памятниках: в Городце под Лугой (IX–XII вв.)¹⁷⁸, в Белоозере (X–XI вв.)¹⁷⁹, на поселении Крутик (IX–X вв.)¹⁸⁰, в Суздале (в слое нач. XI в.)¹⁸¹. Н.А. Макаров отметил наличие композиций такого типа (в единичных случаях) на керамике из курганов юго-восточного Приладожья, а также по р. Кеме и Колпи (X–XII вв.)¹⁸².

Тип VI (на Земляном городище отсутствует; 3 фрагмента найдены в раскопе на Варяжской улице). Орнаментальная композиция состоит из повторяющихся одинаковых элементов, расположенных в два яруса и стоящих друг под другом (табл.5: 36–37). Подобная композиция известна в юго-восточном Приладожье (X–XII вв.)¹⁸³, в Белозерье IX–XII вв. (Белоозеро, Крутик, курганы Колпи и Кабожи)¹⁸⁴, часто встречается в материалах ломоватовской и чепецкой культур¹⁸⁵.

Тип VII (1 фрагмент на Земляном городище, 3 — в раскопе на Варяжской улице). Орнаментальная композиция состоит из двух ярусов, элементы которых стоят в шахматном порядке (табл.5: 38–39). Также, как и тип VI, подобная композиция встречается на памятниках Белозерья IX–XI вв.¹⁸⁶, в Тимерево (IX–XI вв.)¹⁸⁷, в материалах полемской (VI–IX вв.) и чепецкой (IX–XIII вв.) культур бассейна р.Чепцы¹⁸⁸.

Тип VIII (на Земляном городище не встречен; 1 фрагмент найден в раскопе на Варяжской улице). Композиция представлена узором с вертикальной осью симметрии (треугольником, обращенным вершиной вниз, состоящим из отпечатков трубчатой кости). Подобные треугольники соединены между собой пояском из повторяющихся элементов (отпечатков

Таблица 6
Распределение орнаментальных композиций на керамике Земляного городища

Композиции орнамента	А	В											С		D	Всего		
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII				
Горизонты																		
Д — р/гонч.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4	5	-	14		23
Д — лепная	9	1	11	1	2	3	-	1	-	3	2	2	3	1	-			39
Д-Е ₁	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	-			4
Е ₁	4	-	3	-	2	1	-	-	-	-	1	-	2	2	-			15
Е ₂	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-			1
Е ₂ - Е _{3.1}	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-			2
Е _{3.1}	4	-	3	1	-	2	-	-	-	-	-	-	1	-	-			11
Е _{3.1} - Е _{3.2}	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-			3
Е _{3.2}	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-			2
Е _{3.2} - Е _{3.3}	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-			-
Е _{3.3}	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-			1
ВСЕГО	17	2	19	5	5	7	-	1	-	3	4	7	12	5	14			101
%	17.9	1.7	19.9	5.9	5.9	7.9	-	1.0	-	3.0	3.9	7.9	12.9	5.9	14.9			100

трубчатой кости) (табл.5: 40). Кольцевидные отпечатки широко распространены в Верхнем Прикамье. В Белоозере две орнаментальные композиции, а именно: поясok из повторяющихся кольцевидных отпечатков и составленные из последних треугольники, обращенные вершиной вверх, — являются, по мнению Л.А. Голубевой, характерными¹⁸⁹. Орнамент из чередующихся треугольников, обращенных вершиной вниз (треугольники образованы ямочными вдавлениями), встречен на керамике городища Камно¹⁹⁰.

Тип IX (3 фрагмента на Земляном городище, 3 — в раскопе на Варяжской улице). Орнамент в виде поясков параллельных линий (сгруппированы по 2 — 3 — 4), между которыми проходят перекрещивающиеся пояски таких же линий, образующие фигуры, подобные ромбам или прямоугольникам (табл.5 41—42).

Аналогичные композиции широко представлены на керамике городища Новотроицкое (рубеж VIII—IX вв. — конец IX — начало X в.)¹⁹¹. Они встречаются на довольно обширной территории, хотя и в единичных экземплярах: в Латвии (городища Даугмале и Талси — 2-я половина I тыс. н.э.)¹⁹², в Пскове VIII—X в.¹⁹³, Новгороде X в.¹⁹⁴, на о. Сааремаа¹⁹⁵, в южной Финляндии IX—XI вв.¹⁹⁶; на о. Готланд¹⁹⁷ и в Бирке в эпоху викингов; на южном побережье Балтийского моря (в округе Мекленбург, где связываются со славянским

населением (1050—1150 гг.)¹⁹⁸; на круговой керамике польского Поморья IX—XIII вв.¹⁹⁹ Интересен сосуд из Треллеборга, датирующийся 900 г., который относится к типу Менкендорф, и на котором описываемый орнамент сочетается с отпечатками фигурного штампа²⁰⁰. На одном фрагменте из Ладоги подобная композиция состоит не из прочерченных линий, а из рядов наколов (шифр Ла-605 — горизонт Д): на этом сосуде двойная ломаная линия из таких же наколов проходит также и по краю венчика, а перекрещивающиеся пояски образуют треугольники.

Тип X (4 фрагмента на Земляном городище, 2 — в раскопе на Варяжской улице). Орнаментальная композиция в виде каннелюр (табл.5: 43). Тип XI (Земляное городище: 3 лепных фрагмента, 4 — раннегончарных; раскоп на Варяжской улице: 11 лепных фрагментов, 16 — раннегончарных). Композиция, в основе которой лежат опоясывающие сосуд прямые и волнистые линии и их разнообразные сочетания. Особенность заключается в том, что орнамент располагается зоной в верхней трети или четверти сосуда (в районе плечика). Сюда относятся одинарная волна и линия, а также их сочетания; поясok, образованный многорядной волной; сочетания линейного орнамента с гребенчатым штампом, вдавлениями с плоским дном, фигурным штампом (табл. 5: 44—47).

Таблица 7

Распределение орнаментальных композиций на керамике из раскопа на Варяжской улице

Композиции орнамента	А	В											С		D	Всего		
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII				
Пласты																		
раннегончарная																		
X в.	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	11	-	-	-	11
	7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	1	2
	8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	2
	9	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	2
	10	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	11	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	лепная																	
	6	-	5	17	-	4	3	1	2	-	2	-	2	-	-	-	-	36
	7	-	-	2	2	-	-	-	-	1	-	-	2	-	-	-	-	7
	8	-	-	3	-	-	-	2	1	-	-	-	-	-	-	-	-	6
	9	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	2
10	-	-	2	-	-	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	4	
11	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1	
12	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	2	
2-ая пол. IX в.	13	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	
	14	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	2	
	15	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	16	2	-	-	1	-	1	-	-	-	-	2	1	-	-	-	7	
	17	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	18	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	19	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	
Всего	3	5	24	3	4	6	3	3	1	3	2	27	-	-	-	1	85	
%	3.5	5.9	28.3	3.5	4.7	7.0	3.5	5.5	1.2	3.5	2.4	31.8	-	-	-	1.2	100	

Орнаментация из параллельных прямых и волнистых линий характерна для ранне-круговой керамики Новгорода X в.²⁰¹, Пскова конца IX — первой половины X в.²⁰², Городка на Ловати (X—XI вв.)²⁰³, памятников польского Поморья (1-я половина IX—X вв.)²⁰⁴.

Группа С (17 фрагментов лепной керамики на Земляном городище; на Варяжской улице не встречены) — объединяет орнаменты, украшающие венчик и плечико сосуда.

Тип XII (7 фрагментов лепной керамики, 5 — раннегончарной). Орнаментальная композиция состоит из одинаковых элементов (табл.5: 48—51).

Тип XIII (5 фрагментов лепной керамики; на раннегончарной не встречен). Орнаментальная композиция состоит из сочетаний различных элементов, иногда выполненных в различной технике, например, отпечатки штампа и линейный орнамент; палочка, обмотанная веревочкой и каннелюра; ногтевые насечки и пальцевые вдавления; гребенчатый штамп и глубокие вдавления (табл.5: 52—55).

Группа D (Земляное городище: 14 фрагментов раннегончарной керамики; на

лепной не встречено; раскоп на Варяжской улице: 1 фрагмент раннегончарной керамики, на лепной не встречено) — орнамент покрывает широкой полосой почти все тулово сосуда. Элементы орнаментации: однорядная и многорядная волна, линейный орнамент, отпечатки гребенки (табл.5: 56—58). В результате анализа встречаемости и распределения элементов орнамента и орнаментальных композиций установлено следующее:

1. Для раннего этапа существования Ладожского поселения (2-я половина VIII — 1-я половина IX в., горизонты E₃ и E₂) характерна лепная неорнаментированная керамика; отдельные фрагменты с орнаментом, который в основном фиксируется по краю венчика, крайне малочисленны. В горизонтах E₁ и D количество лепной орнаментированной керамики увеличивается в 2,5 раза: 69 фрагментов (табл. 3, 4).

2. Несмотря на то, что доля орнаментированной керамики составляет всего 1,3 % от общего ее количества (около 10 % от числа верхних частей сосудов: 6 % — для Земляного городища, 14% — для раскопа на Варяжской улице), выделяется много элементов орнаментации (18),

которые, за немногими исключениями, распространены довольно широко. Большинство составляют простейшие элементы: пальцевые вдавления, ногтевые насечки, отпечатки гребенчатого штампа и палочки, обмотанной веревочкой, глубокие вдавления, короткие насечки, нарезной орнамент — то есть такие, которые представлены в различных культурах и регионах Восточной Европы.

Наряду с этим, встречены элементы, которые связывают керамику Ладоги с финно-угорским миром: мелкозубчатый, двудольный, решетчатый и фигурный штампы, а также вдавления с плоским дном.

Отпечатки мелкозубчатого штампа фиксируются на Земляном городище в горизонтах Ез-1 и Д, а вдавления с плоским дном — начиная с горизонта Ез-1 до горизонта Д. На Варяжской улице вдавления с плоским дном встречены в слоях второй половины X в. так же как и отпечатки решетчатого, фигурного и двудольного штампов.

3. При анализе композиций наблюдается аналогичная картина. Если композиции группы А, группы В (типы I, II, IV, V, X) и группы С являются довольно простыми и вследствие этого широко распространены и не могут служить надежным культурным индикатором, то типы III, VI, VII, VIII группы В, видимо, можно связывать с Белозерским и Камско-Вычегодским краем, а тип IX — возможно, со славянским миром. Почти все эти типы фиксируются в горизонте Д Земляного городища и слоях 2-й половины X в. из раскопа на Варяжской улице. Только композиции типа III зафиксированы впервые в горизонте Ез-1.

4. Для лепной посуды характерными являются штампованные орнаменты, для раннегончарной — прочерченные. Однако линейный и волнистый орнаменты встречаются уже на лепной керамике, иногда сочетаясь с различными штампами, короткими насечками, вдавлениями с плоским дном. С другой стороны, на раннегончарной керамике наряду с прочерченными (линейным и волнистым) присутствуют всевозможные штампованные орнаменты (табл. 3, 4). Подобное обстоятельство было отмечено В.А. Мальм для круговой керамики Ярославского и Угличского Поволжья, и послужило основанием для вывода, что «употребление штампованного

орнамента на круговой посуде Северо-Западной и Северо-Восточной Руси является одной из отличительных особенностей этой керамики»²⁰⁵. Л.А. Голубева объясняет факт наличия на круговой керамике данного региона орнаментов, выполненных с помощью различных штампов, влиянием местной финской традиции²⁰⁶.

Раннегончарная ладожская керамика повторяет форму лепной²⁰⁷ и на нее переносятся элементы и композиционные приемы орнаментации (в частности, зонное расположение орнамента), свойственные последней. На этом основании можно говорить, что появление гончарного круга не нарушило последовательного развития местного керамического производства, хотя и принесло некоторые новации. Вместе с появлением новой технологии изготовления посуды появляется новый прием орнаментации, не встречавшийся ранее: композиция группы Д (табл. 6, 7), когда орнамент покрывает почти все тулово сосуда до самого дна.

5. Распространение элементов и композиций орнамента, связанных с финским миром, подтверждает вывод о существовании контактов между населением Ладоги и областями Поволжья и Прикамья. Эти контакты документированы наличием в материалах Ладоги и ее округи находок финно-угорского происхождения²⁰⁸, а также находками Северо-Западного круга древностей в Камско-Вычегодском регионе, в Костромском и Ярославском Поволжье²⁰⁹. Характер отдельных находок как в Ладоге, так и на памятниках Поволжья (полуфабрикаты, литейные формы, бракованные изделия) говорит о том, что они появились не в результате торговых операций, а могли изготавливаться на месте²¹⁰.

Находки, связанные с финским кругом древностей, по мнению О.И. Давидан, «выделить в материальной культуре древнейшей Ладоги очень сложно, несмотря на то, что Ладога возникла на территории, издавна заселенной финскими племенами»²¹¹. Наиболее четко финские элементы фиксируются в слоях X в. В древнейшем горизонте Ез найдены всего две вещи финского происхождения: бронзовая очковидная подвеска, подобная позднемьяковским, и фрагмент железной сковороды, аналогичной сковородкам из приладожских курганов²¹². Выделяемые

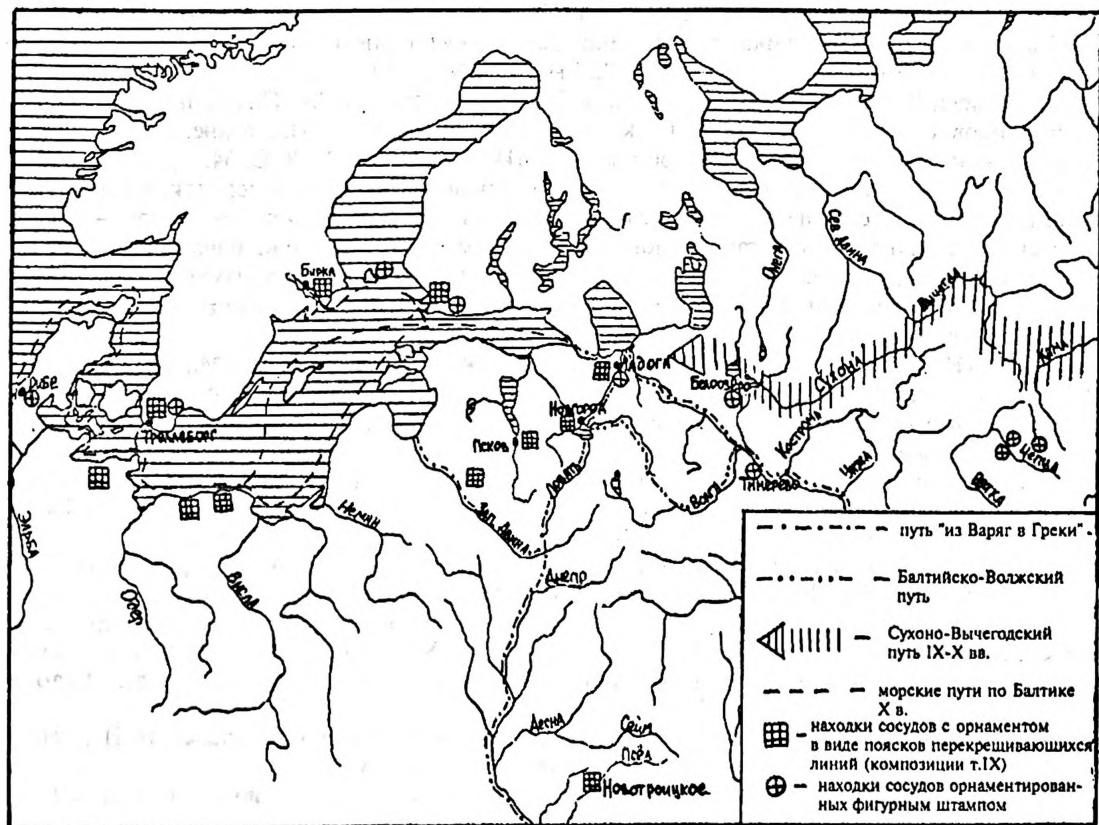

Таблица 8

Торговые пути Восточной Европы в последней четверти I тыс. н.э. и распространение некоторых элементов орнаментации

аналогии в орнаментации керамики могут служить еще одним подтверждением существования таких связей не позднее первой половины IX в. К сожалению, в настоящее время нельзя однозначно ответить на вопрос о характере последних.

В IX-X вв. функционирует Сухоно-Вычегодский торговый путь, «имевший решающее значение в культурных связях Севера, Прибалтики и Волго-Окского междуречья с Прикамьем...»²¹³. Во 2-й половине — конце X в., когда на керамике Ладоги фиксируется большинство приемов орнаментации, характерных для Белозерского и Камско-Вычегодского регионов, отмечается, по данным О.И. Богуславского, увеличение интенсивности связей Ладоги и Приладожья. В это время в погребальных комплексах Приладожья ведущим становится пласт вещей,

связанных с финской культурной традицией. В IX-X вв. активно функционирует отрезок Волжского пути, проходящий через Юго-Восточное Приладожье, который к концу X в. перемещается в бассейн Волхова и Ильменя²¹⁴.

Аналогичная картина наблюдается и при анализе так называемых «славянских» композиций орнамента (группа В, тип IX). Нанесение на карту пунктов, где была найдена керамика с таким орнаментом, не оставляет сомнения в их связи с торговыми путями как морскими, так и сухопутными, известными еще с IX в. (таблица 8).

Таким образом, анализ орнаментации ладожской керамики дает некоторые новые возможности для реконструкции истории Ладожского поселения и культурных процессов, происходивших на Северо-Западе в VIII-X вв.

* * *

¹ Равдоникас В.И. Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938-1947 гг.). Ч. 1 // СА. Вып. XI. М., 1949. С. 41-42.

² Гроздилов Г.П. Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. // СА. Вып. XIV. М., 1950. С. 164-166

- 3 Станкевич Я.В. Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги // СА. Вып. XIV. М., 1950. С. 188.
- 4 Станкевич Я.В. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги (по материалам раскопок 1947–1949 гг.) // СА. Вып. XV. М., 1951. С. 235, 238.
- 5 Станкевич Я.В. Классификация керамики... С. 236–237; Равдоникас В.И. Старая Ладога... С. 41–42
- 6 Винников А.З. Орнаментация боршевской керамики // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 55.
- 7 Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое // МИА. № 74. М., 1958. С. 34.
- 8 При подсчетах за единицу принимался каждый орнаментированный черепок; в том случае, если удавалось установить принадлежность нескольких черепков одному сосуду, — развал сосуда. Различие в процентах обусловлено еще и тем, что в раскопе на Варяжской улице хорошо сохранились слои X в., которые дают наибольшее количество орнаментированной керамики, в отличие от Земляного городища, где верхняя толща горизонта Д практически уничтожена.
- 9 Макаров Н.А. Орнаментика белозерской лепной керамики X–XI вв. // СА. № 2. М., 1985. С. 79–100.
- 10 Петренко В.П., Шитова Т.Б. Любшанское городище и средневековые поселения Северного Поволжья // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 186. Рис. 3: 17.
- 11 Носов Е.Н. Лепная керамика из раскопок на Рюриковом городище под Новгородом // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977. С. 97; Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 134; Орлов С.Н. Археологические исследования на Рюриковом городище под Новгородом // КСИА. Вып. 135. М., 1973. С. 79. Рис. 26: 2.
- 12 Лапшин В.А. Лепная керамика Суздаля // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991. С. 130–139. Рис. 1: 2; 2: 9–11; 3: 1–2.
- 13 Седых В.Н. Керамическое производство Ярославского Поволжья IX–XIII вв. Диссертация... канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1988. С. 109–110, 272. Рис. 8; Седых В.Н. Керамика Тимеревского поселения // Дубов И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Историко-археологические очерки. Л., 1982. С. 116.
- 14 Каменецкая Е.В. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. Автореферат дисс... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1977. С. 17.
- 15 Аун М. Лепная керамика городищ и селищ юго-восточной Эстонии во 2-й половине I тыс. н.э. // Известия АН ЭССР. Т. 25. Общественные науки. № 4. Таллинн, 1976. С. 351. Рис. IV: 5.
- 16 Голубева Л.А. Вель и славяне на Белом озере X–XIII вв. М., 1973. С. 152. Табл. 26.
- 17 Винников А.З. Орнаментация боршевской керамики... С. 57. Табл. 1; Москаленко А.Н. Городище Титчиha. Из истории древнерусских поселений на Дону. Воронеж, 1965. С. 98–109.
- 18 Никольская Т.Н. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс. н.э. // МИА. № 72. М., 1959. С. 67.
- 19 Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. № 94. М., 1961. С. 180. Рис. 79.
- 20 Седых В.Н. Керамика Тимеревского поселения... С. 193; Седых В.Н. Керамическое производство... С. 272. Рис. 8: Б–1–3.
- 21 Исланова И.В. Селище Шурскол II близ Ростова Великого. // СА. № 2. М., 1982. С. 189, 193. Рис. 4: 24.
- 22 Седых В.Н. Керамическое производство... С. 272. Рис. 8: Б–1–3.
- 23 Аун М. Лепная керамика... Табл. IV: 9.
- 24 Кочкуркина С.И. Курганы северного побережья Онежского озера // Археологические исследования в Карелии. Л. 1972. С. 108. Рис. 4.
- 25 Голубева Л.А. Вель и славяне... С. 54. Рис. 8: 1.
- 26 Голубева Л.А. Вель и славяне... С. 145, 151–152. Табл. 25, 26; Макаров Н.А. Лепная керамика поселения Крутик // Голубева Л.А., Кочкуркина С.И. Белозерская вель. Петрозаводск, 1991. С. 145.
- 27 Макаров Н.А. Орнаментика белозерской лепной керамики... С. 82.
- 28 Макаров Н.А. Орнаментика белозерской лепной керамики... С. 82.
- 29 Голубева Л.А. Вель и славяне... С. 156.
- 30 Смирнова Г.П. Лепная керамика древнего Новгорода // КСИА. Вып. 146. М., 1976. С. 2.
- 31 Белецкий С.В. Керамика Псковской земли 2-й половины I — начала II тыс. н.э. как исторический источник (культурная стратиграфия региона). Автореферат дисс... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1979. С. 7.
- 32 Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище... С. 134, 137. Рис. 56: 15.
- 33 Орлов С.Н. Отчет об археологических исследованиях на территории Новгородской области в 1976 г. Архив ИА РАН. Р–1. 1976. № 6153–а. Рис. 21: 7.
- 34 Носов Е.Н., Плохов А.В. Поселение Золотое Колоно на средней Мсте // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М., 1991. С. 128.
- 35 Голубева Л.А. Вель и славяне... С. 151–152. Табл. 25, 26.
- 36 Макаров Н.А. Лепная керамика поселения Крутик... С. 149.
- 37 Голубева Л.А. Вель и славяне... С. 54. Рис. 8: 2, 5.

- 38 Спиридонов А.М. Керамика Приладожской курганной культуры // Кочуркина С.И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск, 1989. С. 305–306. Рис. 3: 1.
- 39 Седых В.Н. Керамическое производство... С. 272. Рис. 8.
- 40 Исланова И.В. Сравнительный анализ наборов лепной посуды Мстинско-Моложского междуречья. // Керамика раннего железного века и средневековья верхневолжских и соседних территорий. Тверь, 1991. С. 46, 51. Рис. 1:7, 3:1, 4.
- 41 Каменецкая Е.В. Керамика... С. 17; Сизов В.И. Курганы Смоленской губернии // МАР. № 28. СПб, 1902. С. 104. Рис. 76.
- 42 Макаров Н.А. Орнаментика белозерской лепной керамики... С. 84.
- 43 Винников А.З. Орнаментация боршевской керамики... С. 55.
- 44 Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое... С. 34.
- 45 Шмидт Е.А. Археологические памятники второй половины I тыс. н.э. на территории Смоленской области // МИСО. Смоленск, 1963. Вып. 5. С. 184. Рис. 4: 1, 8, 9; Шмидт Е.А. Длинные курганы у дер. Цурковки в Смоленском районе. // СА. № 3. М., 1958. С. 167. Рис. 5; Енуков В.В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М., 1990. С. 221. Рис. 30: 2, 4, 13, 16. С. 231. Рис. 40: 8, 11.
- 46 Седых В.Н. Керамическое производство... С. 272. Рис. 8: А–1, А–2.
- 47 Исланова И.В. Сравнительный анализ... С. 47.
- 48 Носов Е.Н. Лепная керамика... С. 96–97. Рис. 2; Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище... С. 32. Рис. 7: 2.
- 49 Орлов С.Н. Отчет... С. 96; Орлов С.Н. Отчет об археологических исследованиях в Демянском районе Новгородской области и на городище Княжья Гора в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р–1. 1978 г. № 7166–а. С. 79.
- 50 Носов Е.Н., Плохов А.В. Поселение Золотое Колено... С. 128.
- 51 Материалы архива С.В. Белецкого, Пс. № 2203/1335. Благодарю С.В. Белецкого за любезно предоставленную возможность ознакомиться с материалами личного архива.
- 52 Седов В.В. Лепная керамика Изборского городища. // КСИА. Вып. 155. М., 1978. С. 63–64.
- 53 Горюнова В.М. Начальная история Древних Лук (X–XI вв.) // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М., 1991. С. 62, 66. Рис. 7: 7, 11: 10.
- 54 Макаров Н.А. Лепная керамика поселения Крутик... С.: 147, 149. Рис. 8: 4, 7, 10.
- 55 Голубева Л.А. Вещь и славяне... С. 151. Табл. 25.
- 56 Макаров Н.А. Орнаментика белозерской лепной керамики... С. 83.
- 57 Аун М. Лепная керамика... Табл IV: 2, 3.
- 58 Циммермане И.Р. Керамика Латвии I тыс. н.э. как источник для исследования этнической истории и культурных связей // Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1977. С. 30–34.
- 59 Arbman H. Birka. Die Gräber. T. II. Tafeln. Uppsala, 1941. Taf. 254: 4, 5.
- 60 Макаров Н.А. Орнаментика белозерской лепной керамики... С. 82; Макаров Н.А. Лепная керамика... С. 145. Рис. 8: 6; 9: 5; Голубева Л.А. Вещь и славяне... С. 153. Рис. 55.
- 61 Исланова 1990: 11–13; Исланова И.В. Сравнительный анализ... С. 46. Рис. 1: 7 (тип IV).
- 62 Седых В.Н. Керамическое производство... С. 272. Рис. 8: 2.
- 63 Седых В.Н. Керамическое производство... Рис. 8: 1–В.
- 64 Никольская Т.Н. Культура племен... С. 44. Рис. 16:10.
- 65 Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. // МИА. № 28. М., 1952. С. 196. Табл. XLVIII: 17, 19.
- 66 Аун М. Лепная керамика... С. 356.
- 67 Макаров Н.А. Лепная керамика поселения Крутик... С.: 149. Рис. 8: 2, 8.
- 68 Голубева Л.А. Вещь и славяне... С. 152. Табл. 26.
- 69 Макаров Н.А. Орнаментика белозерской лепной керамики... С. 83.
- 70 Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории... С. 197. Табл. XLIX: 6, 8.
- 71 Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище... С. 134.
- 72 Ефимова Н.А. Лепная керамика из полуземлянок Городца под Лугой // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977. С. 100. Рис. 2.
- 73 Аун М. Лепная керамика... С. 357.
- 74 Седых В.Н. Керамическое производство... С. 272. Рис. 8: А–2.
- 75 Смирнова Г.П. Лепная керамика... С. 7. Рис. 4: 3.
- 76 Носов Е.Н. Поселение и могильник культуры длинных курганов на оз. Съезжее // КСИА. Вып. 166. М., 1981. С. 68.
- 77 Спиридонов А.М. Керамический материал из оятских курганов (по материалам раскопок А.М. Линецкого) // Кочуркина С.И., Линецкий А.М. Курганы летописной веси. Петрозаводск, 1985. Рис. 1: 2.
- 78 Макаров Н.А. Лепная керамика поселения Крутик... С. 146. Рис. 7: 9.
- 79 Голубева Л.А. Вещь и славяне... С. 151, 158–160. Табл. 25.

- 80 Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР. М., 1987. С. 272. Табл. XXIV: 3.
- 81 Башенькин А.Н. Погребальное сооружение у д. Никольское на р. Суде // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 79.
- 82 Седых В.Н. Керамическое производство... С. 272. Рис. 8: I—Г.
- 83 Самойлович Н.Г. Керамика Поповского городища // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья (Материалы работ Волго-Окской экспедиции). М., 1989. Рис. 3: 12.
- 84 Аун М. Лепная керамика... Табл. VIII: 3.
- 85 Arbman H. Birka... Taf. 238: 1—7.
- 86 Голубева Л.А. Весь и славяне... С. 160.
- 87 Горюнова Е.И. Этническая история... С. 131. Рис. 59: 1, 2.
- 88 Макаров Н.А. Орнаментика белозерской лепной керамики... С. 82.
- 89 Исланова И.В. Селище Шурскол II... С. 193.
- 90 Башенькин А.Н. Погребальное сооружение... С. 79. Рис. 2: 3, 6.
- 91 Макаров Н.А. Лепная керамика поселения Крутик... С.: 145. Рис. 7: 4.
- 92 Голубева Л.А. Весь и славяне... С. 151. Табл. 25, с. 152. Табл. 26.
- 93 Макаров Н.А. Лепная керамика поселения Крутик... С.: 149.
- 94 Горюнова В.М. Начальная история... С. 66. Рис. 11: 14
- 95 Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище... С. 134.
- 96 Носов Е.Н., Плохов А.В. Поселение Золотое Колено... С. 128, 145. Рис. 8: 7.
- 97 Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище... С. 181—182. Рис. 70: 20.
- 98 Платонова Н.И. Укрепленные поселения Лужской волости // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М., 1991. С. 85. Рис. 4.
- 99 Кузьмин С.Л. О хронологическом соотношении сопок и длинных курганов (по материалам западных районов Новгородской земли) // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Сб. трудов молодых ученых. Л., 1991. С. 92.
- 100 Белецкий С.В. Керамика городища Камно Псковской области. // КСИА. Вып. 150. М., 1977. С. 93—94. Рис. 3: 1.
- 101 Кузьмин С.Л. Культура сопок в Верхнем Поплюсье // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 2. Новгород, 1989. С. 37; Кузьмин С.Л. О хронологическом соотношении... Рис. 3: 11.
- 102 Лебедев Г.С. Городец под Лугой (предварительное сообщение) // КСИА. Вып. 135. М., 1973. С. 76; Ефимова Н.А. Лепная керамика... С. 100—101. Рис. 2.
- 103 Белецкий С.В. Псковское городище (керамика и культурный слой) // Археологическое изучение Пскова. М., 1983. С. 56. Рис. 7: 1, 2, 4, 6.
- 104 Гроздилов Г.П. Археологические памятники Старого Изборска // АСТЭ. Вып. 7. М., 1965. С. 71.
- 105 Исланова И.В. Сравнительный анализ... С. 50.
- 106 Конецкий В.Я. Комплекс памятников у д. Нестеровичи (к вопросу о сложении локальных центров конца I — начала II тыс. н.э. в бассейне р. Мсты) // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М., 1991. С. 116. Рис. 7: 13.
- 107 Спиридонов А.М. Керамический материал... Рис. 2: 1, 4
- 108 Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище... С. 181—182. Рис. 70: 6.
- 109 Носов Е.Н., Плохов А.В. Поселение Золотое Колено... С. 128, 145. Рис. 9: 9
- 110 Макаров Н.А. Лепная керамика поселения Крутик... С.: 149.
- 111 Седых В.Н. Керамическое производство... С. 109, 272. Рис. 8: II—1—3
- 112 Макаров Н.А. Лепная керамика поселения Крутик... С.: 145—146. Рис. 7: 2.
- 113 Голубева Л.А. Весь и славяне... С. 158.
- 114 Макаров Н.А. Орнаментика белозерской лепной керамики... С. 82.
- 115 Макаров Н.А. Орнаментика белозерской лепной керамики... С. 82; Финно-угры и балты... С. 142.
- 116 Макаров Н.А. Лепная керамика поселения Крутик... С.: 149.
- 117 Макаров Н.А. Лепная керамика поселения Крутик... С.: 146. Рис. 7: 8.
- 118 Дубов И.В., Седых В.Н. К вопросу о хронологии и назначении глиняных дисков // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 114.
- 119 Дубов И.В., Седых В.Н. К вопросу о хронологии... С. 112. Рис. ж, з.
- 120 Макаров Н.А. Лепная керамика поселения Крутик... С. 150. Рис. 10: 2.
- 121 Голубева Л.А. Весь и славяне... С. 151, 152. Табл. 25, 26.
- 122 Финно-угры и балты... С. 130—135.
- 123 Макаров Н.А. Лепная керамика поселения Крутик... С.: 149.
- 124 Liebgott N—K. Keramik fra vikingetid og middelalder. Kobenhavn, 1978. S. 9, 11.
- 125 Gieve N. Skeletgravfalten på Kjuloholm i Kjulo // SMYA. Vol. 44:1. Helsingfors, 1943. S. 49, Tab. XLIV.
- 126 Kivikoski E. Langängsbacken. Ett gravfält fran yngre järnåldern på Aland // SMYA. Vol. 80. Helsingfors, 1980. Pl. 15: 6.
- 127 Розенфельд И.Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М., 1974. С. 145.

- 128 Розенфельд И.Г. Керамика Троицкого городища // Древнее поселение в Подмоскowie. МИА. № 184. М., 1971. С. 49.
- 129 Дубов И.В., Седых В.Н. К вопросу о хронологии... С. 112, 113. Рис. е.
- 130 Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище... С. 134, 137. Рис. 56: 7, 9.
- 131 Носов Е.Н., Плохов А.В. Поселение Золотое Колено... С. 128, 145. Рис. 8: 9.
- 132 Белецкий С.В. Керамика городища Камно... С.: 94. Рис. 3: 2.
- 133 Белецкий С.В. Псковское городище... С. 56. Рис. 7: 7.
- 134 Горюнова В.М. Начальная история... С. 62. Рис. 7: 7.
- 135 Спиридонов А.М. Керамика Приладожской курганной культуры... С. 307. Рис. 4: 5.
- 136 Макаров Н.А. Лепная керамика Восточного Прионежья IX–XII вв // КСИА. Вып. 196. М., 1989. С. 85, 86. Рис. 1: 5, 2: 2.
- 137 Макаров Н.А. Орнаментака белозерской лепной керамики... С. 85.
- 138 Макаров Н.А. Лепная керамика поселения Крутик... С.: 131, 134. Рис. 1: 4, 4: 2.
- 139 Исланова И.В. Сравнительный анализ... С. 50.
- 140 Лапшин В.А. Лепная керамика Суздаля... С. 137. Рис. 1: 2, 9, 10, 19.
- 141 Исланова И.В. Селище Шурскол II... С. 189, 190. Рис. 4: 14, 25, 5: 56.
- 142 Седых В.Н. Керамика Тимеревского поселения (предварительное сообщение) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 49: 14; Седых В.Н. Керамическое производство... С. 279, 282, 302, 309, 329, 333. Рис. 14, 17, 38, 45, 65, 69.
- 143 Третьяков П.Н. Древние городища Смоленщины // Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. М.–Л., 1963. С. 115; Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // МИА. № 163. М., 1970. С. 100. Рис. 25: 4; Шмидт Е.А. Длинные курганы... С. 167. Рис. 5: 2.
- 144 Розенфельд И.Г. Керамика Троицкого городища... С. 20, 78.
- 145 Сениченкова Т.Б. Керамика Ладоги VIII–X вв. как источник для реконструкции культурных процессов на Северо–Западе Руси. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06. СПб., 1998. С. 15, 29. Рис. 4.
- 146 Равдоникас В.И. Раскопки в Старой Ладоге в 1958 г. // Архив ИИМК РАН. ф. 35. Оп. 1. 1958 г.. Ед. хр. 2. Табл. VIII. Рис. 2.
- 147 Равдоникас В.И. Раскопки в Старой Ладоге в 1958 г... Л. 14.
- 148 Голубева Л.А. Весь и славяне... С. 153. Рис. 55: 33
- 149 Сениченкова Т.Б. Керамика Ладоги... С. 15, 29. Рис. 4.
- 150 Шифр: ЛДГ–186, горизонт E₂
- 151 Сениченкова Т.Б. Керамика Ладоги... С. 15, 29. Рис. 4.
- 152 Никольская Т.Н. Культура племен... С. 17, 23. Рис. 3: 8; 8: 3; Розенфельд И.Г. Керамика дьяковской культуры... С. 149. Рис. 33: 1, 3; Третьяков П.Н. Древние городища Смоленщины... Рис. 19: 2.
- 153 Москаленко А.Н. Городище Титчиха... С. 31. Рис. 55.
- 154 Горюнова Е.И. Этническая история... С. 93. Рис. 37: 6.
- 155 Исланова И.В. Селище Шурскол II... С. 189. Рис. 4: 24.
- 156 Розенфельд И.Г. Керамика дьяковской культуры... С. 150
- 157 Голубева Л.А. Литейное дело на поселении Крутик в Белозерье // Материалы по средневековой археологии Северо–Восточной Руси. М., 1991. С. 163. Рис. 4: 6, 7; Голубева Л.А., Кочкуркина С.И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск, 1991. С. 73. Рис. 33: 13.
- 158 Голубева Л.А., Кочкуркина С.И. Белозерская весь... С. 71–72.
- 159 Носов Е.Н., Плохов А.В. Поселение Золотое Колено... С. 142. Рис. 5: 22
- 160 Смирнова Г.П. Лепная керамика... С. 6. Рис. 3: IVB, IIГ, III2, IVB, IVB.
- 161 Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище... С. 134, 137. Рис. 56: 15.
- 162 Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище... С. 182. Рис. 70: 6.
- 163 Белецкий С.В. Псковское городище... С. 56. Рис. 7: 9.
- 164 Шмидехельм М.Х. Городище Рыуге в юго–восточной Эстонии // ВЭИМП. Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. Т. I. М., 1959. С. 165; Аун М. Лепная керамика... С. 355.
- 165 Исланова И.В. Сравнительный анализ... С. 46, 51 рис. 1: 7, 3: 1, 4, 9, 11.
- 166 Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья... С. 100. Рис. 25: 2.
- 167 Исланова И.В. Селище Шурскол II... С. 189. Рис. 4: 8
- 168 Исланова И.В. Селище Шурскол II... С. 189. Рис. 4: 8
- 169 Макаров Н.А. Лепная керамика поселения Крутик... С.: 134, 148. Рис. 4: 3; 9: 3.
- 170 Голубева Л.А. Весь и славяне... С. 153, 157. Рис. 55: 3; 56: 7.
- 171 Макаров Н.А. Орнаментака белозерской лепной керамики... С. 87

- 172 Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья... С.: 100. Рис. 25: 3; Седов В.В. Длинные курганы кривичей. // САИ. Вып. Е1—8. М., 1974. Табл. 21: 1—3; Шмидт Е.А. Археологические памятники... С. 184. Рис.4: 1, 8, 9.
- 173 Горюнова В.М. Начальная история... С. 66. Рис. 11: 10.
- 174 Исланова И.В. Сравнительный анализ... С. 51. Рис. 3: 8.
- 175 Голубева Л.А. Вещь и славяне... С. 54, 146, 159. Рис. 81; 53:6; 57:9, 14, 16, 19, 21, 26—28; Макаров Н.А. Орнаментика белозерской лепной керамики... С. 87; Макаров Н.А. Лепная керамика поселения Крутик... С. 133. Рис. 3:1.
- 176 Седых В.Н. Керамическое производство... С. 272. Рис. 8: I—A—4, I—B—3, II—A—3.
- 177 Носов Е.Н. Лепная керамика... С. 96. Рис. 2; Орлов С.Н. Отчет об археологических исследованиях в Демянском районе Новгородской области и на городище Княжая Гора в 1978 г... Рис. 17: 8.
- 178 Ефимова Н.А. Лепная керамика... С. 100. Рис. 2.
- 179 Голубева Л.А. Вещь и славяне... С. 153. Рис. 55: 7, 53.
- 180 Макаров Н.А. Лепная керамика поселения Крутик... С.: 133. Рис. 3: 10.
- 181 Лапшин В.А. Лепная керамика Суздаля... С. 138. Рис. 2:11, 15.
- 182 Макаров Н.А. Орнаментика белозерской лепной керамики... С. 85, 87
- 183 Кочуркина С.И. Юго—Восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973. Табл. 5.
- 184 Голубева Л.А. Вещь и славяне... С. 157. Рис. 56: 34; Макаров Н.А. Орнаментика белозерской лепной керамики... С. 88; Макаров Н.А. Лепная керамика поселения Крутик... С. 132, 143. Рис. 2:6, 6:12.
- 185 Генинг В.Ф. Мыдлань—Шай — удмуртский могильник VIII—IX вв. // Вопросы археологии Урала. Вып.3. Ижевск, 1962. Табл. XV: 8—10; Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Позднеломоватовские могильники в Коми-Пермяцком округе // ВАУ. Вып. 9. Ижевск, 1970. С. 44. Табл. 31; Иванова М.Г. Хозяйство северных удмуртов в конце IX — начале XIII в. н.э. // Северные удмурты в начале II тыс.н.э. Ижевск, 1979. Табл. XI:15, 16; Семенов В.А. Варнинский могильник. // Новый памятник поморской культуры. Ижевск, 1980. Табл. XXIX: 30А.
- 186 Голубева Л.А. Вещь и славяне... С. 157. Рис. 56: 1; Макаров Н.А. Орнаментика белозерской лепной керамики... С.: 88; Макаров Н.А. Лепная керамика поселения Крутик... С. 140. Рис. 5: 4.
- 187 Макаров Н.А. Орнаментика белозерской лепной керамики... С. 88.
- 188 Генинг В.Ф. Мыдлань—Шай... Табл. XV: 6; Иванова М.Г. Хозяйство северных удмуртов... С. 64. Табл. XI: 11; Семенов В.А. Варнинский могильник... Т. XXIX: 26; Макаров Н.А. Орнаментика белозерской лепной керамики... С.: 88
- 189 Голубева Л.А. Вещь и славяне... С.159—160.
- 190 Фонды ГМИСПб, шифр К—74/93
- 191 Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое... С. 36, 37, 41. Рис. 20:9,10; 21:1; 23:2.
- 192 Благодарю И.Р. Циммермане за возможность ознакомиться с керамикой из фондов Музея истории Латвии. Необходимо отметить, что орнаментальная композиция на сосуде из городища Талси немного отличается от ладожской.
- 193 ПСК—395.
- 194 Смирнова Г.П. Лепная керамика... С. 6. Рис. 3:1.
- 195 Kustin A. Randvere Kivikalmistu Saaremaal // Muistsed Kalmned ja aarded. Tallinn, 1962. Tab. XV: 3—7, 10.
- 196 Lehtosalo—Hilander P.—L. Luistari I. The graves // SMYA: Vol. 82:1. Helsinki, 1982. P. 371, 374. Gr. 23, Pl. 9; Gr. 25, Pl. 12; Kivikoski E. Die Einsenzeit im Aurafussgebiet // SMYA. N 43. Helsingfors, 1939. S. 199; Hirviluoto A.—L. 1960. Husgrunder från järnåldern på Ristimäki boplatz i Kurala invid Åbo // FM. Vol. LXII. Helsingfors, 1962. S. 50, Fig. 9:a.
- 197 Луото Ю. Вопросы хронологии конца железного века северных районов Прибалтики // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л. 1984. С. 82; Selling D. Wikingerzeitliche und frühmittelalterliche Keramik in Schweden. Stockholm, 1955. Tab.5.
- 198 Schuldt E. Die slavische Keramik in Meclenburg // Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin: Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte. Berlin, 1956. S. 42—43.
- 199 Cnotliwy E., Łosinski W., Wojtasik J. Rozwój przestrzenny wczesnośredniowiecznego Wolina w świetle analizy porównawczej struktur zespołów ceramicznych. // Problemy chronologii ceramiki wczesnośredniowiecznej na Pomorzu Zachodnim. Warszawa, 1986. P. 87, 90, 97, 99, 110. R. 3:16; 6:6; 15:9, 11; 17:6,8; 33:4,8; Cnotliwy E. Chronologia ceramiki i nawarstwień wczesnośredniowiecznego Białogardu // Problemy chronologii ceramiki wczesnośredniowiecznej na Pomorzu Zachodnim. Warszawa, 1986. P. 160—163, R. 2: VI, X; 3: XIV, XXI, XXVIII; Szczecin we wczesnym średniowieczu. Wzgórze zamkowe. (pod redakcją E.Cnotliwego, L.Leciejewicza i W. Łosińskiego). Wrocław. Warszawa. Kraków. Gdańsk. Łódź. Ossolineum, 1983. P. 22, 27, 36, 41. R. 12:11; 17:4; 26:5; 30:2,5,7 ect.
- 200 Liebgott N—K. Keramik fra vikingetid... S. 11.
- 201 Смирнова Г.П. Лепная керамика... С. 235. Табл.

- 202 Белецкий С.В. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города). // КСИА. Вып. 160. М., 1980. С. 6. Рис. 3: 1, 2; Белецкий С.В. Псковское городище... С. 57. Рис. 10:2–6.
- 203 Горюнова В.М. Новое в исследовании «Городка» на Ловати // КСИА. в. 139. М., 1974. С. 42. Рис. 2:1, 3, 5, 7, 9–11, 13; Горюнова В.М. О западных связях «Городка» на Ловати (по керамическому материалу) // Проблемы археологии и этнографии. Вып. 1. Л., 1977. С. 54. Рис. 1; Горюнова В.М. Начальная история... С. 62, 64. Рис. 7:9–13,15–16; 9:6–8,11,12,14,17,18.
- 204 Snotliwy E., Łosinski W., Wojtasik J. Rozwój przestrzenny... P. 86, 87, 88. R. 2:8,11,14,18,19; 3:11–14,17,19; 4:3,5,6,8 etc.; Snotliwy E. Chronologia ceramiki... P. 160–163. R. 2: II, III, VII, VIII–X; 3: I, VI, VIII, IX–XI, XXIII etc.; Szczecin we... P. 17, 23. R. 7: 5, 8–11; 13: 1, 6, 11, 14, 15 etc.; Bialecka F. Ceramika ze stanowiska wycopaliskowego 4 w Wolinie. // Materiały zachodnio-pomorskie. t. VII. Szczecin, 1961. P. Tab. I: 5, II: 2, 5, 10, 11; III: 1, 3, 9; IV: 1, 3; V: 1–4, 7, 9; VI: 3, 10 etc
- 205 Мальм В.А. Производство глиняных изделий // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Тр. ГИМ. Вып. 33. М., 1959. С. 132.
- 206 Голубева Л.А. Весь и славяне... С. 160
- 207 Сениченкова Т.Б. Керамика Ладоги... С. 19.
- 208 Давидан О.И. Гребни Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 4. СПб., 1962. С. 95–108; Давидан О.И. Бронзолитейное дело в Ладого // АСГЭ. Вып. 21. СПб, 1980. С. 59–67; Давидан О.И. Этнокультурные контакты Старой Ладоги в VIII–IX вв. // АСГЭ. Вып. 27. 1986. С. 99–105.
- 209 Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956. С. 84–85; Корзухина Г.Ф. Об Одине и кресалах Прикамья // Средневековая Русь. М., 1976. С. 135–140; Дубов И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., С. 126, 128–129; Рябинин Е.А. Северный трансевропейский путь X в. и мера (по материалам резной кости Костромского Заволжья) // Археологический вестник. Вып. 1. СПб., 1992. С. 153–157.
- 210 Петренко В.П. Финно-угорские элементы в культуре средневековой Ладоги // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 87; Рябинин Е.А. Северный трансевропейский путь... С. 155
- 211 Давидан О.И. Этнокультурные контакты... С. 103.
- 212 Давидан О.И. Этнокультурные контакты... С. 103.
- 213 Горюнова Е.И. Этническая история... С. 9, 148–152. Рис. 1; Иванова М.Г. Хозяйство северных удмуртов... С. 77–78.
- 214 Богуславский О.И. Южное Приладожье в системе трансевразийских связей IX–XII вв. // Древности Северо-Запада. СПб., 1993. С. 147–148

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ДЕРЕВО-ЗЕМЛЯНЫЕ СООРУЖЕНИЯ НА ЗАПАДЕ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

Среди погребальных памятников начала II тыс.н.э. на окраинах Новгородской земли обращают на себя внимание разнообразные дерево-земляные конструкции, выявленные и исследованные в последние десятилетия. Так, срубные погребальные конструкции были изучены в Юго-восточном Приладожье В.А.Назаренко¹ и в бассейне р.Суды А.Н.Башенькиным². По мнению обоих исследователей они принадлежали финно-угорскому населению края. Однако территория распространения подобных сооружений далеко выходит за пределы востока Новгородской земли. Близкие по типу погребальные конструкции были раскопаны нами на восточном побережье Чудского озера в могильнике Залахтовье.

Залахтовье является крупнейшим погребальным комплексом на западе Новгородской земли. В его состав входят как курганные насыпи, хорошо прослеживаемые на современной дневной поверхности, так и грунтовые захоронения, не имеющие внешних признаков. При раскопках как курганов, так и грунтовых погребений были обнаружены сооружения с деревянными конструкциями, содержащие погребения по обряду кремации. В центральной части могильника выявлено 15 грунтовых захоронений, совершенных по обряду трупосожжения, и 21 сооружение типа «домиков мертвых». По характеру погребального инвентаря все они относятся к XI в.

Среди грунтовых захоронений выделяются два основных типа погребений. Первую группу представляют обычные круглые в плане ямки, в которые были помещены остатки трупосожжений, произведенных на стороне. Около них не

прослеживалось никаких деревянных конструкций. Во вторую группу входят погребения, вокруг которых можно реконструировать легкие деревянные оградки. В частности при раскопках выявлены шесть как бы ступенчатых сооружений с небольшими ямками посередине (№№ 2, 3, 4, 7, 10, 22 и 23). Это были круглые (диам. от 0,82 до 1,30 м) или квадратные (размерами 1,70×1,90 м и 1,28×1,36 м) в плане углубления (0,05–0,12 м), заполненные серым пепельным слоем с вкраплениями угольков. У стенок этих мелких углублений фиксировались довольно крупные углистые плашки или угли. На дне их нередко встречаются отдельные кальцинированные кости, предметы сопровождающего инвентаря и фрагменты преднамеренно разбитой посуды. Скорее всего, эти слегка углубленные в материк зольно-углистые площадки можно интерпретировать как основу легких деревянных, возможно, дощатых, конструкций. Затем со дна этих углублений в материк впускались небольшие круглые в плане ямки диаметром от 0,30 до 0,45 м и глубиной 0,1–0,21 м, в которые и помещались остатки кремации, иногда предварительно ссыпанные в берестяные туески или мешочки, о чем свидетельствует характер расположения костей — плотно спрессованными скоплениями. В одном случае ямка была накрыта глиняной лепной миской (погребение №5).

Кроме обычных сооружений с одной погребальной ямкой, зафиксированы конструкции, где рядом с погребальной ямкой находилась еще одна небольшая ямка (диаметром 0,26–0,38 м и глубиной 0,10–0,18 м), заполненная серым гумусом без кальцинированных костей и вещей.

Несомненно, их можно отнести к разряду столбовых. Столб выделял захоронение на местности и одновременно мог являться частью деревянных надмогильных конструкций (рис. 1). Любопытно, что все погребения с дополнительной столбовой ямкой, принадлежали детям разного возраста. В погребении №1 похоронен юноша не старше 16 лет, в погребениях №№ 8 и 16 обнаружены кости новорожденных, в погребении №11 — ребенка 7–8 лет, в погребении №13 — ребенка 8–10 лет. Кости из захоронения № 5 определить не удалось, однако, судя по составу инвентаря, оно вполне вписывается в категорию детских.

В центральной части могильника грунтовые захоронения располагались вперемежку со своеобразными сооружениями, которые названы нами «домиками мертвых». Они имели более внушительные квадратные деревянные конструкции по краям, чем те, которые фиксировались вокруг грунтовых захоронений, и в отличие от последних выделялись на местности, поэтому в свое время в предварительной публикации были названы нами как «новый тип курганов с трупосожжениями»³. Всего исследовано 21 сооружение подобного рода, из которых 19 до раскопок представляли собой небольшие расплывчатые всхолмления диаметром 4–6 м, высотой 0,2–0,3 м и лишь в двух случаях высотой до 0,6–0,7 м (№№ 121 и 162). К сожалению, 18 сооружений имели различного рода нарушения: в 11 случаях ямами в центре были полностью или частично разрушены погребения, в 4 — сильно испорчены наземные части сооружений и в 3 — зафиксированы незначительные перекопы. Все это, безусловно, затрудняло работу по реконструкции этих своеобразных погребальных памятников, хотя в своей совокупности имеющиеся материалы позволяют нарисовать достаточно определенную картину.

Для всех комплексов были характерны погребения по обряду трупосожжения на стороне. Кальцинированные кости вместе с оплавленным и фрагментированным погребальным инвентарем помещались в небольшие ямки круглой в плане формы, вырытые в центре погребальной площадки. Часто кальцинированные кости предварительно ссыпались в берестяной туюсок или иную емкость, так что в разрезе погребальных ямок кости располагались

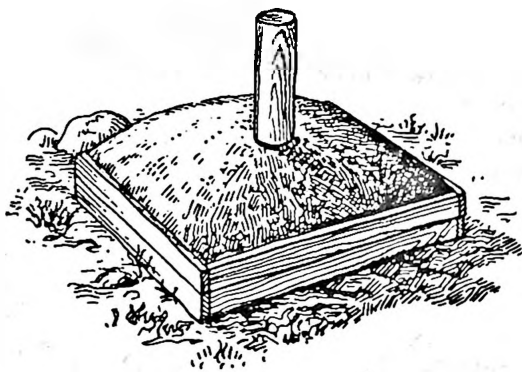

Рис. 1
Реконструкция легкого дерево-земляного сооружения вокруг грунтовых захоронений с «двойными ямками»

плотным компактным скоплением очищенным от углей. В разрезе погребальной ямки сооружения № 135 прослеживалось два таких скопления друг под другом. Характерной особенностью всех сооружений являлось то, что в центре погребальных площадок над ямками с захоронениями на различной площади (от 0,76×0,95 м до 4,20×7,20 м) прослеживался черный углистый слой мощностью 0,06–0,10 м, насыщенный мелкими пережженными косточками, отдельными фрагментами оплавленных предметов и прокаленных вещей, обломками разбитых лепных сосудов. Очевидно, что часть угля вместе с остатками сожжения рассыпалась над погребальной ямкой. Площадь, на которой рассыпались угли, могла быть предварительно огорожена какими-либо деревянными легкими конструкциями, чем и объясняется фиксируемая при раскопках концентрация крупных углей и плашек по краю углисто-го пятна. Особенно это хорошо прослеживается в разрезе сооружений.

В этой связи любопытны обнаруженные в восьми случаях остатки более мощных деревянных конструкций (№№ 122, 130, 135, 158, 162, 154, 166, 202). Для шести погребальных комплексов достаточно отчетливо выявлены их форма и размеры. Это были квадратные в плане, видимо, срубные сооружения размерами 2×2 м. Три из них были ориентированы углами по сторонам света, а другие три соответственно развернуты на 45 градусов углами на северо-восток, юго-восток, юго-запад и северо-запад.

Особое место среди деревянных сооружений занимает комплекс № 162. Он

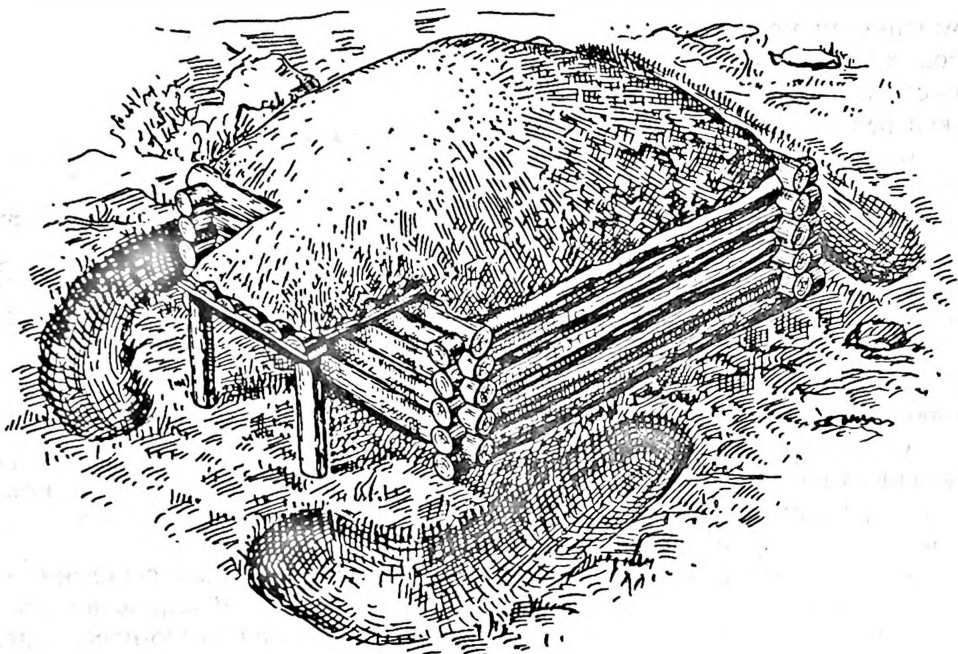

Рис. 2

Реконструкция срубной дерево-земляной конструкции типа «домиков мертвых»
(по материалам раскопок сооружения № 162)

даже внешне выделялся своей высотой и выглядел, как обычный круглый курган. Исследование его позволило уточнить некоторые детали погребального обряда, что трудно было сделать на других погребальных сооружениях, которые из-за своих малых размеров не имели столь четкой и детальной стратиграфии. Для захоронения была расчищена и выровнена квадратная в плане площадка, окруженная с трех сторон ровиками, два из которых оконтуривали ее углы. По периметру площадки располагалось деревянное сооружение 3×3 м, видимо, срубное, имевшее, судя по развалу дерева и стратиграфии, не менее 3–4 венцов (рис. 2). В центре площадки находилась ямка с захоронением, перекрытая углистым слоем. Хотя углистый слой занимал фактически все внутрисрубное пространство и четко очерчивал контуры сооружения даже в тех местах, где дерево не сохранилось, наибольшая его интенсивность прослеживалась над погребальной ямкой и непосредственно около нее. Здесь же в основном концентрировались и вещи, сопровождавшие погребение. После совершения захоронения внутреннее пространство сруба было засыпано песком. Постепенно дерево сгнило и раскатилось, песок оплыл по краям, и сооружение внешне стало напоминать обычный курган.

Археологические материалы, полученные при раскопках дерево-земляных сооружений, позволяют судить о некоторых ритуальных действиях, которые совершались во время проведения погребального обряда. В частности, у населения Залахтовья имело место преднамеренное разбивание сосудов, порча оружия и предметов домашнего обихода, предназначенных для захоронения, а также втыкание в погребальную ямку орудий производства или оружия. Так, обломки сосуда (иногда двух) разбрасывались по погребальной площадке над захоронением. Согнутый пополам меч сопровождал погребение № 131. В других случаях были встречены согнутые ножницы. Воткнутые лезвиями в ямку с погребением большие пружинные ножницы зафиксированы в сооружении № 162. В связи с последним ритуалом особый интерес представляет погребение № 202. Здесь погребальная ямка была накрыта деревянным щитом, от которого сохранился железный умбон. Затем щит был пробит копьем и топором. Острие копья и лезвие топора, вошедшие при ударе в остатки захоронения, прокалились, то есть, когда совершался данный ритуал, остатки праха еще не остыли от погребального костра.

Обычно, погребальные площадки оконтуривались ровиками (13 комплексов),

иногда к площадкам примыкали ямы (3 комплекса). В двух случаях встречено сочетание ровиков и ям (№№ 125, 135). Исключение составляли три площадки, которые никак не были выделены на местности (№№ 100, 162, 202). Строгой закономерности в расположении ровиков не прослеживается. В некоторых ровиках и ямах встречаются обломки лепной керамики (№№ 122, 129) и отдельные предметы: железный замок и ленточный браслет (№ 129), наконечник стрелы (№ 122), а на дне ямы, примыкавшей с севера к сооружению № 135 найдено скопление железных заклепок.

Кроме того, в восточном ровике, окружавшем сооружение № 133, а также на дне северо-западной ямы комплекса № 130 обнаружены остатки погребений, совершенных по обряду кремации. В последнем захоронении среди костей встречен перстень. Остатки погребения также были впущены в юго-восточный край большой круглой в плане ямы, расположенной северо-западнее погребального комплекса № 158. Погребение находилось прямо у деревянной стенки сооружения. Помимо ям, выявленных за пределами погребальных площадок, в нескольких сооружениях обнаружены ямы непосредственно на площадках. Такие ямы имелись в погребальных комплексах №№ 125, 134, 228 и за пределами деревянных конструкций в комплексах №№ 122, 158 и 162. В комплексе № 228 яма, находившаяся восточнее погребения, содержала плотное скопление крупных кальцинированных костей, видимо, лошади или коровы. В ямке, расположенной в восточной половине погребальной площадки № 123, зафиксированы обломки лепного сосуда, а в ямке — с запада от деревянного сооружения № 122, найден обломок бронзового предмета. В остальных ямках, обнаруженных при вскрытии части могильника широкой площадью, находки отсутствовали.

Конструктивные особенности группы залаховских погребальных памятников показывают, что это были своеобразные дерево-земляные сооружения различных размеров и характера — возможно, плетеные, дощатые, реже срубные (отсюда и различная степень их сохранности), ограживающие площадки для погребения, на которых производились различные ритуальные действия. После совершения

захоронений внутреннее пространство этих сооружений засыпалось песком.

Для 18 погребальных сооружений проведены определения кальцинированных костей⁴. Установлено, что в четырех дерево-земляных сооружениях были похоронены женщины. Две из них пожилые, одна — средних лет и одна — молодая (№№ 129, 162, 163, 164). В других трех комплексах находились захоронения мужчин средних лет (№№ 131, 162, 202). Кроме того, в сооружении № 100 зафиксировано совместное погребение мужчины и молодой девушки, а в «домике мертвых» № 135, где в разрезе погребальной ямки прослеживались два плотных скопления костей, одно из них оказалось совместным захоронением мужчины и молодой женщины, а второе — захоронением мужчины средних лет. В погребальных комплексах №№ 113, 122 и 133 похоронены взрослые люди однако пол их установить не удалось. Два захоронения принадлежали подросткам в возрасте до 13–14 лет, а одно — ребенку 3–5 лет (№№ 130, 134, 228).

Сравнивая грунтовые захоронения, часть из которых, как мы показали, также имели деревянные конструкции, и сооружения типа «домиков мертвых» по половозрастным особенностям погребенных, отметим следующие факты. Из 18 исследованных грунтовых захоронений половина принадлежала детям, причем четыре из них — грудным. Остальные 9 погребений являлись мужскими. В одном случае мужчина был похоронен вместе с женщиной, однако данное женское захоронение можно рассматривать как сопутствующее мужскому, так как в сопровождающем инвентаре комплекс женских вещей полностью отсутствовал.

В свою очередь в погребальных сооружениях типа «домиков мертвых» картина несколько иная. Из 19 захоронений только 4 являлись детскими и 2 совместными взрослых и детей. Причем, в группу детских в данном случае входят в основном погребения подростков, инвентарь которых мало чем отличался от захоронений взрослых, и только в одном погребении реально находились останки 3–5-летнего ребенка. Показательно, что новорожденных среди этой группы захоронений вообще не было. Женские и мужские погребения представлены примерно в равном количестве: 4 женских (по характеру

погребального инвентаря к ним можно прибавить еще два в сооружениях №№ 128 и 166, не имеющих антропологических определений) и 4 мужских, то есть соотношение шесть к четырем. Кроме того, в двух сооружениях встречены совместные захоронения мужчин и женщин.

Таким образом, несмотря на сравнительно небольшую серию погребений по обряду кремации XI в., намечается определенная тенденция в распределении захоронений по типам погребальных сооружений. Так, в «домиках мертвых» доминируют погребения взрослых людей и встречаются захоронения подростков. В грунтовом же могильнике много детских захоронений, в том числе младенцев, и представлены погребения мужчин, при полном отсутствии женщин. Отметим и то, что большинство детских захоронений находились в так называемых «ступенчатых комплексах» с двумя ямками посередине, охарактеризованных нами выше. Указанные отличия не случайны и свидетельствуют о том, что тип сооружения, видимо, зависел от положения умершего в залахтовском обществе, не малую роль при этом играли половозрастные характеристики.

Необходимой деталью погребальной обрядности являлось сопровождение умерших определенным набором погребального инвентаря, необходимого, по представлению древних людей, для иной жизни. В его состав входили бытовые и сельскохозяйственные орудия, оружие, предметы, связанные с торговлей. Богато представлены украшения и детали одежды, которая, видимо, находилась в момент сожжения на погребенном. Безусловно, многие предметы погибли в огне, многие дошли до нас фрагментарно, и все же имеющиеся материалы позволяют выявить основные характерные наборы вещей различных половозрастных групп населения⁵.

В мужских захоронениях к наиболее часто встречаемым вещам относятся ножи и кресала, следующее место занимают топоры и браслеты, затем фибулы и равным образом представлены копья, стрелы, перстни, поясные цепочки и гирьки. Следовательно, для мужских погребений характерны предметы вооружения, скромно представлены украшения и детали одежды и незначительный бытовой и торговый инвентарь.

По сравнению с грунтовыми захоронениями в «домиках мертвых» мужской инвентарь несколько богаче и разнообразнее. Здесь встречаются поясные наборы, большее количество украшений, а также такие редкие предметы как меч, щит, плеть, детали весов и костяной гробень в футляре.

Инвентарь женских погребений отличался от мужских тем, что в его составе полностью отсутствовало оружие, торговый инвентарь, поясные наборы, определенные категории бытовых предметов (например, кресала и оселки). Зато в женских комплексах шире и разнообразнее представлены различные типы украшений, появляются такие нехарактерные для мужских погребений украшения, как бусы, гривны, нагрудные цепочки и булавки, различные типы подвесок, роскошные ножны с бронзовыми накладками, специфические предметы домашнего обихода — шилья, ножницы и т.д.

Несомненно, в наборах мужского и женского инвентаря отражаются различия в облике одежды и в характере производственной деятельности мужской и женской части населения.

Детские захоронения мы разделили на три возрастные группы: грудные дети, дети до 7 лет и подростки. Погребения грудных детей сопровождалась, главным образом, различного рода украшениями. Большинство предметов имели миниатюрные размеры, однако, встречались украшения, ничем не отличавшиеся от инвентаря взрослого человека. Последние могли быть положены в качестве родительского дара в могилу с расчетом на дальнейшую жизнь ребенка в загробном мире. Только в погребениях новорожденных встречаются украшения, не имеющие аналогий в наборах инвентаря иных возрастных групп населения. Мы имеем в виду своеобразные гривны, состоящие из проволоки с нанизанными на нее бусами.

В погребениях детей до 7 лет набор инвентаря мало чем отличался от инвентаря новорожденных. Отметим лишь, что в составе инвентаря захоронения ребенка 3—5 лет в сооружении № 134 наблюдается сочетание комплекса мужского и женского набора вещей. С одной стороны, здесь представлены гирька, кресало, поясная цепочка — атрибуты мужского захоронения, с другой стороны: бусы и шило —

индикаторы женского погребения. Подобное явление, но в менее выраженной форме, имеет место и в следующей возрастной группе детей-подростков. Так, в грунтовом погребении №11 бусы сочтались в одном наборе с оселком. Возможно, здесь мы имеем дело с дарами родителей, напутствовавших таким образом своих преждевременно умерших детей.

Состав инвентаря захоронений подростков в наибольшей степени приближен к «взрослому» набору вещей. В погребениях юношей появляется оружие (стрелы и копья), в одном захоронении встречена гирька. От взрослых мужских захоронений их отличает лишь наличие гривен — украшений, характерных для детских наборов погребального инвентаря. В погребениях девушек в основном представлены украшения. Возможно, часть представителей данной половозрастной группы уже имели статус полноправных членов коллектива.

В 8 погребениях, наряду с костями человека, обнаружены фрагменты пережеванных костей животных. Причины попадания костей животных в погребения были различны. Условно их можно подразделить на три группы. Первая группа связана, видимо, с обрядом закапывания домашних животных, в нашем случае собак, которые должны были сопровождать своего хозяина. Надо отметить, что кости собак встречены только в мужских захоронениях (№№ 162, 202). Кроме того, при раскопках нами были встречены и отдельно похороненные по обряду кремации собаки, как в специальных ямках, так и в поле сооружения № 133.

Вторая группа костей животных — это остатки пищи, которая клалась для погребенного. Таково происхождение фрагментов костей коровы в комплексах №№ 100 и 228, а также кости от птичьей ноги в погребении новорожденного за пределами сооружения №158.

Третья группа костей животных наиболее сложна для трактовки. Сюда в частности относятся обнаруженные в двух захоронениях черепные кости и кости копыта овцы (то есть несъедобная часть туши по определению Н.М. Ермоловой), а также хвост тельца в сооружении №133 и когти лисицы в кургане №123 (погр. 1). Хвост тельца и когти лисицы могли входить в состав определенного рода

украшений и нести на себе одновременно культовую нагрузку — играть роль оберегов (например, ожерелье из когтей лисицы). Что касается своеобразного набора костей овцы, то они могли попасть со шкурой, которая использовалась при погребальном обряде, но это лишь догадки, так как найти бесспорное объяснение этому явлению достаточно сложно.

Таким образом, в течение XI в. одновременно у населения Залахтовья существовали различные типы дерево-земляных погребальных сооружений. Как правило, они имели квадратную форму и отличались лишь размерами и конструктивными особенностями.

Среди ближайших аналогий можно указать погребальные сооружения финно-угорского населения Приладожья⁶ и бассейна р. Суды⁷. Они несколько отличались по деталям погребального ритуала и характеру помещения кальцинированных костей, но, тем не менее, в своей основе это были срубные сооружения, расположенные своими углами по сторонам света, точно так же, как у населения Залахтовья. Использование деревянных конструкций на погребальных кострищах зафиксировано и у населения Ярославского Поволжья⁸. В.А. Назаренко, рассматривая погребальный обряд финского населения Приладожья, пришел к выводу, что «у древних коллективов здесь обитавших, погребальными памятниками докурганной культуры были «домики мертвых» — наземные, квадратные в плане дерево-земляные сооружения»⁹. Идея сооружения «домиков мертвых» у финно-угорского населения начала II тыс.н.э. восходит к более древним традициям, которые на археологическом материале зафиксированы в Дьяковской культуре¹⁰ и в культурах Волго-Окского междуречья¹¹. Однако, если истоки этой традиции прослеживаются уже в раннем железном веке, то ее пережитки доживают до современности. П.А. Висковатов, обследуя окрестности С.-Петербурга отмечал, что в 50-ых годах XIX в. у некоторых финнов был известен «обычай общего погребения». Так, например, «в селе Мартышкине близ Ораниенбаума, среди чухонского лютеранского кладбища, существовало, а может быть и теперь существует, старое продолговатое, низенькое строение, или вернее

крыша над низкими стенами врытого в песок строения. Внутри оно было разделено деревянными же перегородками; каждое помещение принадлежало определенной деревне. Сюда свозили гробы с покойниками обыкновенно по воскресеньям»¹². П.И. Мельников—Печерский, рассматривая культурные традиции мордвы, упоминал, что в XIX в. над своими могилами мордва возводит срубы с тесовой крышей, над которой ставился крест¹³.

В целом идея создания специального погребального «дома» для умерших членов древнего коллектива далеко выходит за рамки финно-угорского мира. Дерево-земляные сооружения, иногда с применением каменных конструкций, широко известны и у индоевропейских народов, в частности у славян и германцев. Типология деревянных конструкций в курганных могильниках славян конца I — начала II тыс. н.э. на территории Польши была разработана Х. Цолль-Адамиковой¹⁴. Многочисленные и разнообразные погребальные конструкции, которые вполне могут интерпретироваться как «дома мертвых» исследованы на территории Северной Европы. Причем хронологические рамки этих сооружений достаточно широки¹⁵. Подобные археологические примеры несомненно можно продолжить. Но мы хотели подчеркнуть лишь тот факт, что сооружения типа «домика мертвых» не являются только индикатором финно-угорской культуры и ее специфической чертой. Это единая система

мировоззрения древних народов на переход человека из «дома живых» в «дом мертвых», где он может продолжить свою жизнь в ином мире. В дальнейшем в этнографическом и фольклорном материале фиксируется замена дома могилой и гробом — в русском языке «домовина, домок», в белорусском «домовье», в украинском «гарна хата» и т.д.¹⁶. Не случайно среди археологических культур даже одной этнической группы населения широкой территории трудно найти полностью идентичные погребальные деревянные сооружения, так как у каждой общины имелись свои представления о том, как должно выглядеть место для помещения праха усопших родственников. По мнению некоторых исследователей, такие конструкции были «входом в страну мертвых», «местом постоянного обитания предков»¹⁷. «Домики мертвых» отличались от домов живых, прежде всего, отсутствием в них такого важного признака как очага. Исключением в этом плане являются погребальные сооружения (как дерево-земляные конструкции, так и курганы) Приладожья, где присутствует очаг со всеми его атрибутами, а внутреннее пространство погребального сооружения разделено на женскую и мужскую половину¹⁸. В Приладожье «попытки придать погребальным сооружениям вид жилищ обретают устойчивость в процессе перехода от кремации к ингумации»¹⁹. Именно в эту эпоху перехода от обряда кремации к обряду ингумации мы и застаем залахтовское общество.

***

- 1 Назаренко В.А. Находка «домика мертвых» в Приладожье // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов всесоюзной конференции (Суздаль, 1987). М., 1987. С. 181.
- 2 Башенкин А.Н. Погребальное сооружение у д. Никольское на р. Суде // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 77—81; Башенкин А.Н. Работы Северорусской экспедиции // Археологические открытия 1986 года. М., 1988. С. 11; Башенкин А.Н. Работы Северорусской экспедиции // Археологические открытия 1995 года. М., 1996. С. 27.
- 3 Хвошинская Н.В. О новом типе курганов в могильнике у дер. Залахтовы // КСИА. Вып. 150. М., 1977. С. 62—68.
- 4 Определение кальцинированных костей сделаны Н.М. Ермоловой
- 5 При анализе учитывались только захоронения непогребленные поздними перекопами.
- 6 Назаренко В.А. Находка «домика мертвых»... С. 181.
- 7 Башенкин А.Н. Погребальное сооружение... С. 77—81.
- 8 Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги (руско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и Скандинавы. М., 1986. С. 209, 212.
- 9 Назаренко В.А. Об этнической принадлежности Приладожских курганов // Финно-угры и славяне. Доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. Л., 1979. С. 155.
- 10 Краснов Ю.А., Краснов Н.А. Погребальные сооружения на городищах «дьякова типа» // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 152—156.

- 11 Третьяков П.Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н.э. // МИА. Вып. 5. М., 1941. С. 51; Третьяков П.Н. Северные восточно-славянские племена // МИА. Вып. 6. С. 1941. С. 20; Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. Вып. 94. М., 1961 С. 78–81.
- 12 Висковатов П.А. Тюрсельские раскопки (неосновательность теории о «корабельных могилах» в прибалтийском крае) // Труды VII археологического съезда в Ярославле. Т. 2. М., 1891. С. 207.
- 13 Мельников-Печерский П.И. Очерки мордвы. М., 1876. С. 92.
- 14 Zoll-Adamikowa H. Wczesnośredniowieczne cmentarzyska ciałopalne słowian na terenie Polski. Cz. I. ródła. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1975. P. 120, 130, 131, Rys. 49, 56; Zoll-Adamikowa H. Wczesnośredniowieczne cmentarzyska ciałopalne słowian na terenie Polski. Cz. II. Analiza. Wnioski. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1979. P. 85–103.
- 15 Andersen H. Tomme høje // KUML. Årbok for jysk arhaeologisk selskab. Aarhus, 1951. S. 126–128; Liversage D. Træbyggede grave fra den ældste bondestenalder Udgravningqer vebl Lindebjerg // Nationalmuseets Arbejds-mark 1983. Herning, 1983. S. 5–16.
- 16 Седакова О.А. Тема «доли» в погребальном обряде (восточно- и южнославянский материал) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990. С. 54–63.
- 17 Назаренко В.А., Назаренко Ю.А. «Домики мертвых» и погребальная обрядность Приладожской чуди (некоторые аспекты ее представлений о загробном мире) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1988. С. 38–41.
- 18 Кочкуркина С.И. Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. Л., 1973. С. 11–15.
- 19 Назаренко В.А., Назаренко Ю.А. «Домики мертвых»... С. 41.

НОВГОРОДСКИЕ ПЕЧАТИ XII-XV вв. С ИЗОБРАЖЕНИЕМ БОГОМАТЕРИ¹

Особенности иконографии Богоматери на памятниках сфрагистики впервые были подробно рассмотрены еще Н.П. Лихачевым в работе 1911 г.² В книге Н.П. Лихачева охарактеризованы особенности сфрагистических памятников как иконографического источника: печати, в силу своих физических параметров — оттиск на металле — не переделываются, сохраняя авторское изображение не искаженным, часто несут на себе надписи, позволяющие их датировать, выгодно отличаясь этим от живописных произведений. Вопросы иконографии Богоматери по данным византийских печатей исследуются и в современной литературе³.

На древнерусских печатях зафиксированы изображения Богоматери оттиснутые 158 матрицами. Ни один персонаж не встречается на памятниках древнерусской сфрагистики столь часто (для сравнения, изображения Христа на печатях принадлежат немногим более чем 60 матрицам). Эту же закономерность по материалам византийской сфрагистики отмечал еще Г. Шлюмберже⁴.

Древнерусские вислые печати с изображением Богоматери датируются в литературе концом XI — началом XVI в.⁵ При рассмотрении этих печатей выявлено 5 иконографических типов: I — Оранта, II — Знамение, III — Агиосоритисса, IV — Богоматерь на престоле, V — Богоматерь с мученическим крестом в руках. Три из этих типов зафиксированы на печатях Новгорода — Оранта, Знамение и Агиосоритисса. Придерживаясь атрибуций и датировок В.Л. Янина и П.Г. Гайдукова, к группе новгородских памятников XII—XV в. следует отнести печати с изображением Богоматери, оттиснутые 100 матрицами. (Табл. I).

Печати с изображениями *Оранты* оттиснуты девятью матрицами, 8 из которых датированы (суммарная дата — 1165-1352 гг.),

а еще одна отнесена к периоду XIII-XV вв. (Табл. II). На трех печатях представлено изображение Богоматери Оранты погрудно-поясное (группа А), на шести — в рост (группа В).

Печати, несущие изображения *Знамения*, принадлежат 88 матрицам, 43 из которых датированы (суммарная дата — 1131 — 60—70-е гг. XV в.), а 45 — отнесены к периоду XIII—XV вв. На пяти печатях представлено Знамение погрудно-поясное (группа А) с изображением Младенца без медальона, на 83 — в рост (группа В) с изображением Младенца как в медальоне (23), так и без него (60).

Печати с изображением *Агиосоритиссы* оттиснуты тремя матрицами; две печати датируются 50—60-ми гг. XV в., одна — XIII—XV вв. На всех печатях Агиосоритисса представлена поясной (группа А), обращенной вправо. На одной из этих печатей (№ 760)⁶ на руках у Богоматери Агиосоритиссы изображен Младенец.

Таким образом, наиболее многочисленными среди новгородских печатей с изображением Богоматери являются те, которые несут на себе изображение Знамения (88%). Среди печатей с изображением этого иконографического типа более распространенной является группа В (в рост), при этом с изображением Христа без медальона. Отметим, что широкая распространенность данного иконографического типа характерна не только для новгородских, но и древнерусских печатей в целом — около 75% всех известных Богородичных печатей.

Среди новгородских печатей с изображениями Богоматери, относящимися к определенным иконографическим типам, датированные составляют более половины (оттиснуты 53 матрицами), остальные отнесены к периоду XIII — XV вв. Рассмотрение датированных новгородских печатей на уровне *иконографических*

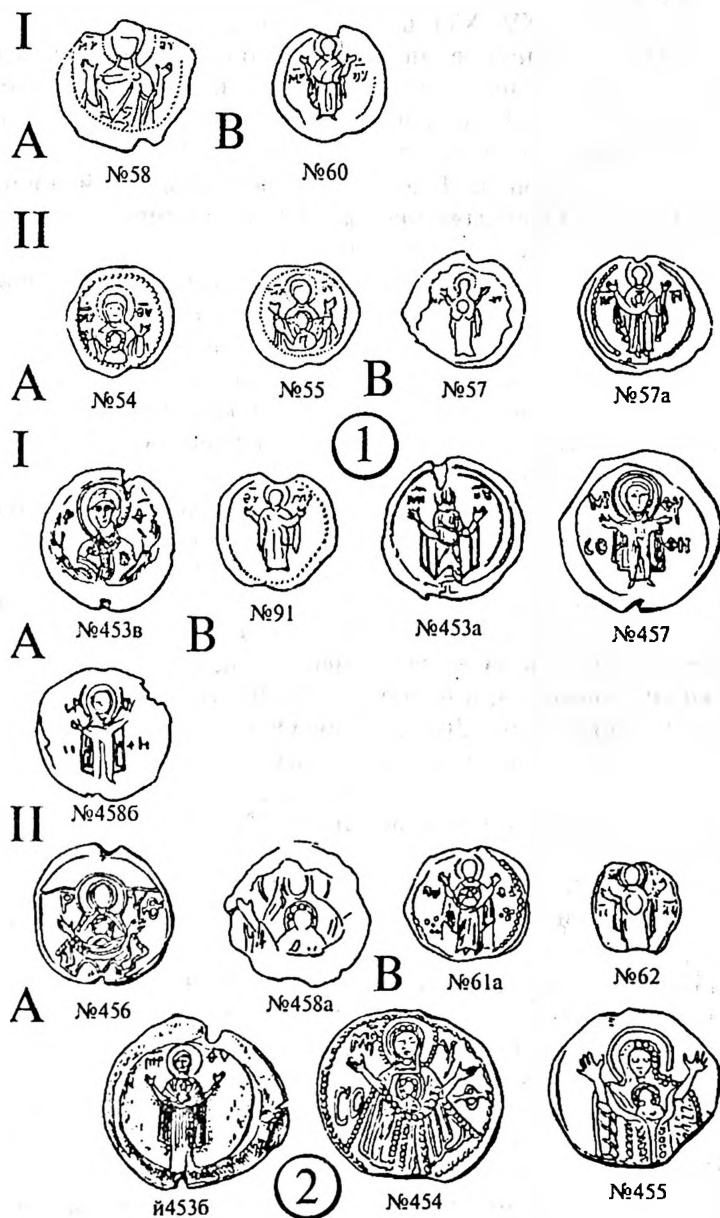

Рис. 1

Датированные новгородские печати с изображением Богоматери: 1). XII вв.; 2). XIII вв.

типов, групп и подгрупп в общем древнерусском контексте позволяет высказать следующие наблюдения:

В 90-е гг. XI в. на киевских печатях появляются изображения Оранты погрудно-поясные. На новгородских печатях изображения, относящиеся к этой иконографической группе, фиксируются со второй половины XII в. (старшая печать — № 58; рис. 1). Они известны до середины XIII в., при этом с 90-х гг. XII в. связаны только с Новгородом. В византийской сфрагистике этот иконографический тип наиболее широко используется в XI в., т.е. — в то время, когда он появляется на

древнерусских печатях⁷. На византийских печатях, как и на древнерусских, чаще помещалось изображение Оранты погрудно-поясное, а не в рост⁸. Выбор данного варианта представлялся, вероятно, более композиционно оправданным, из-за физических параметров печатей — небольшие размеры, круглая форма. С начала XII в. на древнерусских печатях, наряду с продолжающей бытовать погрудно-поясной Орантой, появляется погрудно-поясное Знамение (старшие печати этой группы также связаны с Киевом), где Младенец изображается как в медальоне, так и без него. Эта иконографическая

группа известна до рубежа XV–XVI в., при этом изображение Младенца без медальона фиксируется на датированных печатях лишь до рубежа XIII–XIV вв. Подобные изображения помещались на печати Галича, Смоленска, Полоцка, Пскова. На новгородских печатях изображения данной иконографической группы известны с 30–50-х гг. XII в. Старшая новгородская печать с изображением поясного Знамения (№ 54) принадлежала епископу Нифонту. Как полагает Э.С. Смирнова, «Наиболее вероятно, что и чудотворная икона (Знамение — Т.Ч.) исполнена именно при Нифонте, то есть в 1131–1156 гг.»⁹ При этом отметим: если на иконе Знамение Младенец Христос изображен в медальоне, то на печати Нифонта — без такового. Таким образом, протографом для епископской печати послужила не чудотворная Знаменская икона, почитавшаяся главной святыней Новгорода, а некое другое изображение Богоматери Знамение, возможно, привезенное Нифонтом из Византии.

С 50–60-х гг. XII в. на печатях Новгорода и Пскова изображается Знамение в рост как без медальона, так и с ним, при этом старшие печати этой иконографической группы — новгородские (старшая печать № 57). Печати с изображением Знамения в рост известны в Новгороде до 60–70-х гг. XV в. Появившись впервые на митрополичьих печатях, Знамение стало наиболее характерным иконографическим типом для сфрагистических памятников именно Новгорода, что было связано с особым местным почитанием Знаменской иконы, «палладиума новгородского сепаратизма»¹⁰. Иконография Знамения (и поясной, и в рост) была создана еще около середины XI в. в Константинополе, и ее появление было связано с особо почитаемыми образами Влахернского храма (с XI в. изображение Знамения фиксируется на памятниках византийской сфрагистики и нумизматики; в монументальной живописи и иконописи, — и византийских, и русских, — с XII в.)¹¹. Знамение неслучайно принимается киевскими митрополитами, а затем и новгородскими епископами, для изображения на печатях — догмы воплощения, которые отражает данная иконография, были в центре внимания византийских теологов именно в XI–XII в. Как отмечает Э.С. Смирнова,

иконография Знамения «столь содержательна, что церковные иерархи, взявшие на себя инициативу познакомиться с нею Русь... поистине могут называться просветителями Руси»¹². Наиболее динамичным средством такой пропаганды могли являться именно печати церковных иерархов.

Особую известность новгородская чудотворная икона Знамение приобрела в XIV в. Именно в это время в полной мере складывается Знаменский культ¹³, канонически оформленный Софийской кафедрой¹⁴, и легенда о Чуде Знаменской иконы получает письменное оформление¹⁵ (хотя «следы раннего почитания Знаменской иконы в Новгороде... сохранились в летописных известиях XII–XIII вв.»¹⁶). К XIV в. относится более половины всех дошедших до нас датированных новгородских Знаменских печатей (22 из 43-х).

В 60-е гг. XII в. появляется изображение Оранты в рост: впервые на печати ростовского епископа Леонтия, а с 90-х гг. XII в. и на новгородских печатях (старшая печать № 60, младшая датированная печать этой иконографической группы — новгородская № 469, середина XIV в.).

На протяжении XIII в. на новгородских Богородичных печатях сохраняются изображения всех известных по более ранним памятникам иконографических типов и групп, при этом появление новых не отмечено.

В XIV в. (рис. 2–3) на датированных древнерусских печатях не фиксируются изображения поясной Оранты и Знамения в рост (без медальона). Среди новгородских печатей с датой XIII–XV вв. известно по одной печати из относящихся к этим группе и подгруппе (соответственно — № 494 а, 506). Новые иконографические типы и группы изображений Богоматери в XIV в. на памятниках древнерусской сфрагистики не появляются.

На двух датированных новгородских печатях 50–60-х гг. XV в. (рис. 4; № 760, 761) фиксируются изображения Богоматери нового иконографического типа — Агиосоритисса поясная. Еще три древнерусские печати с изображением Агиосоритиссы имеют широкую дату: две печати (группы А и В) относятся к домонгольскому времени: одна из них не атрибутируется, вторая связывается с Киевом; одна новгородская печать (группа А)

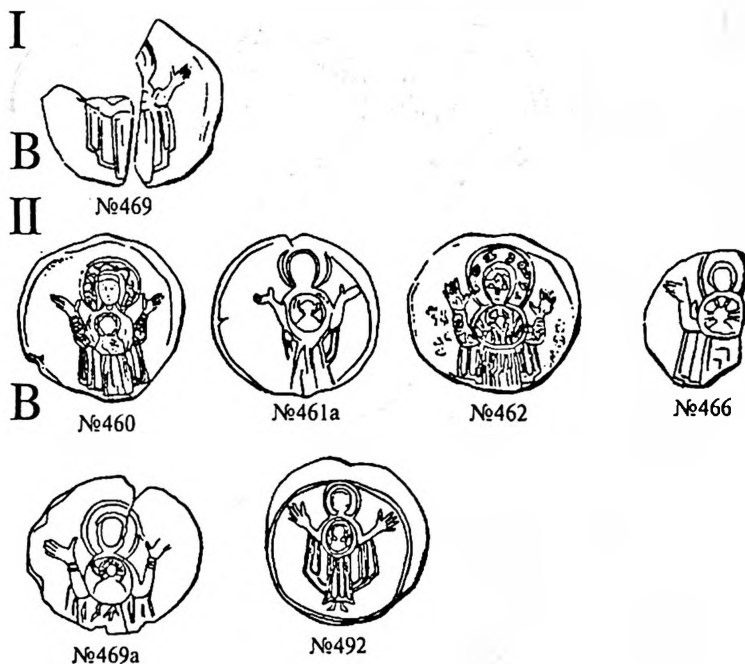

Рис. 2

Датированные новгородские печати с изображением Богоматери XIV вв.

датируется XIII—XV вв. На византийских патриарших печатях изображение Агиосоритиссы фиксируется с 40-х XI в.; особенно оно характерно для памятников византийской сфрагистики XI—XII вв.¹⁷, то есть — именно для того периода, когда этот иконографический тип появляется на древнерусских печатях.

На одной из рассматриваемых печатей (№ 760) Богоматерь Агиосоритисса изображена с Младенцем на руках. Иконографических аналогий ни среди известных нам памятников изобразительного искусства — как русского, так и византийского, — ни среди памятников византийской сфрагистики найти не удалось.

Итак, рассмотрение иконографического репертуара датированных новгородских печатей с изображением Богоматери позволяет констатировать, что временем наиболее активного формирования круга иконографических типов, групп и подгрупп стал XII в. (этот вывод справедлив и для древнерусских Богородичных печатей в целом) (Табл. III).

Сопоставление новгородских печатей с памятниками новгородской металлопластики и резного камня демонстрирует различия в выборе иконографических тем в этих категориях памятников прикладного искусства¹⁸. Так, памятники каменной пластики малых форм несут на себе

изображения, относящиеся к иконографическим типам, не зафиксированным на печатях — Одигитрия (отметим, что этот иконографический тип, неизвестный по русским печатям, широко использовался в византийской сфрагистике); Умиление; гораздо реже Знамение (по данным свода Т.В. Николаевой в трех случаях из 33) и Оранта (соответственно в одном случае из 33). При этом каменные иконы с изображением Знамения и Оранты известны лишь с XV в.¹⁹ Печати выступают как самостоятельная и саморазвивающаяся категория памятников прикладного искусства, отличающаяся своим иконографическим репертуаром и динамикой его формирования от других памятников. Отмеченное расхождение связано с различным назначением рассматриваемых предметов: если печати — атрибут властных структур Новгорода (их владельцы — новгородские епископы, архиепископы, владычные наместники; лишь три печати монастырские/кончанские, а одна принадлежит неизвестному по должности Тимофею), то каменные иконы выполняют прежде всего функцию личноохранительную. Следует подчеркнуть, что изображение Богоматери не встречено на печатях древнерусских князей, в то время как в Византии Богоматерь изображалась не только на печатях церковных иерархов, но также на

II

B

№459

№481

№461

№462a

№463

№464

№465

№467

№468(II)

№468(III)

№5106

№470

№471

№472

№504

№486

Рис.3

Датированные новгородские печати с изображением Богоматери XIV вв. (Продолжение).

печатах императоров, императриц²⁰ и государственных чиновников²¹.

Отметим, что круг иконографических типов Богоматери на древнерусских печатах гораздо уже, чем на печатах византийских. При этом памятники византийской сфрагистики несут на себе ряд иконографических типов изображения Богоматери, которые не использовались на древнерусских печатах (Одигитрия, Никопея, Богоматерь с ладонями перед грудью)²², но были известны древнерусским мастерам, о чем свидетельствуют другие иконографические источники (памятники изобразительного и прикладного искусства). Это может свидетельствовать о том, что основными иконографическими протографами для древнерусских печатей были не только византийские печати, но и особо почитаемые иконы (как привезенные из Византии и ставшие местными святынями, так и древнерусские), а также памятники монументальной живописи, как это было принято и в Византии. На древнерусских печатах не отмечен ни один

иконографический тип, неизвестный по памятникам византийской сфрагистики. Так, согласно выводам В.С. Шандровской, сделанными в связи с рассмотрением иконографии Благовещения на византийских печатах, памятники сфрагистики воспроизводили «строго регламентированные изображения общеизвестных икон знаменитых монастырей и храмов»²³. Сохранившиеся древнерусские иконы и фрески, являющиеся основным иконографическим источником, составляют лишь часть созданных в рассматриваемый период памятников станковой и монументальной живописи (так, например, каталоги новгородской иконописи конца XIII–XV вв. насчитывают около 120 досок²⁴, в то время как только иконостас Софийского собора в 1528 г. включал 66 икон²⁵). Таким образом, значение данной темы выходит за рамки собственно сфрагистического материала.

Рассмотрение иконографических особенностей изображений Богоматери на датированных новгородских печатах на более

II

III

Рис. 4

Датированные новгородские печати с изображением Богоматери XV вв.

подробном уровне подразумевает следующие позиции: изображение погрудно-поясное, в рост, положение рук; трактовка складок мафория; декорировка одежд; трактовка нимбов; особенности изображения Младенца; обрамление изображения на печатях; монограммы; оформление полей (выводы и наблюдения, изложенные ниже, носят предварительный характер и должны сопоставляться по соответствующим позициям с изображениями на печатях с другими персонажами и сюжетными композициями). Прослеживая каждую из предложенных позиций хронологически, отметим:

- На печатях XII в. равно представлены как погрудно-поясные изображения, так и изображения *в рост*. В XIII в. изображения *в рост* уже преобладают (9 из 12-ти), а на печатях XIV в. погрудно-поясных изображений нет вовсе. В XV в. они вновь появляются, но только в изображении Богоматери нового иконографического типа (Аггисоритисса). Таким образом, очевидна тенденция вытеснения погрудно-поясных изображений изображениями *в рост*.

- Руки Богоматери Оранты и Знамения на протяжении XII—XIII вв. изображаются в положении, близком к вертикальному (как правило, на погрудно-поясных изображениях), но чаще широко разведенными, с ладонями, обращенными как вверх, так и фронтально.
- В изображении мафория — одинарной, двойной, тройной ломаной или полукруглой линией — хронологические закономерности не выявляются.
- Одежды Богоматери (мафорий) украшаются каймой и звездами (№ 453 в — XIII в.), геометрическими орнаментами (№ 471 — XIV в.). На печатях XIII и XV вв. складки мафория обозначаются орнаментом-«жемчужником» (№ 454, 455, 520). Особо обращает на себя внимание убранство мафория на печати № 455 (XIII в.), где линия «жемчужин» охватывает только левую половину головы Богоматери и левое плечо. На одной из печатей (Оранта поясная) мафорий на левом плече Богоматери украшен круглой заколкой (№ 58). На

Рис. 5

Новгородские печати с изображением Богоматери XIII–XV вв.:

1) печати XV в.; 2) печати с датой XIII–XV вв.

подобную деталь в убранстве одежд Богоматери обратил внимание Н.П. Кондаков: анализируя особенности иконографии Богоматери Оранты на живописной иконе из Бишилье, Н.П. Кондаков особо подчеркнул, что мафорий за колот «брошь» (на иконе «брошь» располагается в центре). По мнению Н.П. Кондакова, икона, написанная в XII–XIII вв. (новгородская печать датируется 1165–1186 гг.), «копирует древнейший греко-восточный оригинал»²⁶ Подобное украшение одежд Богоматери мы видим и на серебряном кресте из Равенны, относящемся к доиконоборческому периоду²⁷. Возможно протографом новгородской печати послужило изображение Богоматери, в свою очередь выполненное под влиянием некоего образца доиконоборческого периода. Обращает на себя внимание и декорировка (?) рукавов платья Богоматери на двух печатях XIV в. с изображением Знамени (№ 460, 462). На печатях с датой

XIII–XV вв. (Знамение) орнаментирован подол платья Богоматери (№ 479).
 • *Нимбы* Богоматери на печатях XII–XIII вв. оконтуриваются «жемчужником», линейным ободком, в XIV в. нимбы с «жемчужными» контурами исчезают, но на некоторых нимбах с линейным (часто двойным) обрамлением появляются орнаменты (№ 460, 462), которые сохраняются и в XV в. (№ 515, 460), сочетаясь с вновь появившимися «жемчужными» обрамлениями (№ 516, 518, 461).
 • *Нимбы Христа* на Знамени изображаются как с перекрестьем (как правило), так и без него. Форма медальонов как круглая (XII–XIV вв.), так и овальная (XIII–XIV вв.). На одной из печатей XIII–XV вв. медальон имеет форму, приближающуюся к треугольнику (№ 576). Медальон мог выполняться и в виде нимба, охватывающего изображение Христа (№ 466). Такой прием изображения нимба-медальона известен и по византийским печатям²⁸.

- В XII–XIII вв. изображение помещается как в *ободок*-«жемчужник», так и в линейный, в XIV в. «жемчужные» ободки исчезают и появляются вновь (и даже становятся преобладающими) в XV в.
- На печатях XII в. *монограмма* Богоматери непереносима, на печатях XIII–XV в. не обязательна.
- Для новгородских печатей не характерны изображения на *полях*, — в отличие, например, от псковских, на которых рядом с Богородицею Знамение изображалось пяти- и трехчастные точечные «звезды». Поля лишь двух датированных новгородских печатей украшены с использованием такого приема (№ 61 а — XIII в., № 520 — XV в.). Среди новгородских печатей XIII–XV вв. следует отметить серию памятников с изображением Знамения, поля которых украшены многолучевыми звездами (№ 509, 509 а, 510, 510 а). Касаясь стилистических особенностей изображений на новгородских Богородичных печатях, следует отметить, что если ряд памятников XIII и XV вв. отличает подчеркнутая декоративность, то для печатей XIV в. в большей степени характерны определенная схематичность и геометричность трактовки форм.

Иконографические особенности изображений, устойчиво повторяющиеся на узко датированных печатях, позволяют

более точно датировать сходные с ними по иконографическим и стилистическим признакам памятники, датированные широко. Так, например, из представленной на рис. 5 группы из 9-ти новгородских печатей владычных наместников, пять печатей датированы (стратиграфически или документом) 10–80-ми гг. XV в., четыре отнесены к XIII–XV вв. Рассматриваемые печати в особую группу объединяет, прежде всего, необычная парная монограмма Богоматери и Христа, не встречающаяся на византийских печатях с изображением Знамения (на византийских Знаменских печатях помещается *только* монограмма Богоматери)²⁹, а также ободки-«жемчужники», контуры-«жемчужники» нимбов или «жемчужные» заполнения полей нимбов, подчеркнута рельефная трактовка пышных складок мафория Богоматери. Таким образом, все 9 печатей могут быть, как мы полагаем, вполне обоснованно отнесены к XV в.

В заключение отметим: изображения на печатях, вероятнее всего, сохраняют иконографические схемы своих живописных протографов, иногда не известные по другим иконографическим памятникам, а иконографические особенности датированных печатей позволяют уточнять даты печатей, отнесенных по другим признакам к широким хронологическим периодам.

***

- ¹ Благодарю сотрудников Государственного Эрмитажа В.С. Шандровскую, Ю.А. Пятницкого, Е.В. Степанову за их консультации, советы и за предоставленную мне возможность познакомиться с труднодоступными статьями и книгами.
- ² Лихачев Н.П. Историческое значение итало-греческой иконописи; изображения Богоматери в произведениях итало-греческих иконописцев и их влияние на композиции некоторых прославленных русских икон. СПб., 1911.
- ³ Seibt W. Die Darstellung der Theotokos auf Byzantinischen Bleisiegeln, besonders im 11. Jahrhundert // *Studies in Byzantine sigillography*. Vol. 1. Berlin, 1987. S. 35–56; Hunger H. Heimsuchung und Schirmherrschaft über Welt und Menschheit // *Studies in Byzantine sigillography*. Vol. 4. Berlin, 1995. S. 33–42; Шандровская В.С. Печати и монеты византийских императоров с изображением Богоматери // ВВ. Вып. 58. М., 1999. С. 194–211.
- ⁴ Schlumberger G. Sigillographie de l'Empire byzantin. Paris, 1884. P. 15.
- ⁵ Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси XI–XV вв. Т. I–II. М., 1970; Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси XI–XV вв. Т. III. М., 1998; Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 г. // ННЗ. Вып. 12. Новгород, 1998. С. 338–357; Белецкий С.В. Сфрагистика средневекового Пскова. Вып. I–II. СПб., 1994.
- ⁶ Номера печатей соответствуют номерам в Корпусе В.Л. Янина «Актовые печати Древней Руси XI–XV вв.» Т. I–II... и В.Л. Янина, П.Г. Гайдукова «Актовые печати Древней Руси XI–XV вв.» Т. III...
- ⁷ Seibt W. Die Darstellung der Theotokos... S. 50.
- ⁸ Seibt W. Die Darstellung der Theotokos... S. 53.

- 9 Смирнова Э.С. Новгородская икона «Богоматери Знамение»: некоторые вопросы Богородичной иконографии XII вв. // Древнерусское искусство. Балканы. Русь. СПб., 1995. С. 304.
- 10 Хорошев А.С. Знаменская икона: древнейшая святыня Новгорода // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 186.
- 11 Смирнова Э.С. Новгородская икона... С. 292.
- 12 Смирнова Э.С. Новгородская икона... С. 298.
- 13 Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 228.
- 14 Хорошев А.С. Знаменская икона... С. 186.
- 15 Смирнова Э.С. Новгородская икона... С. 288.
- 16 Хорошев А.С. Знаменская икона... С. 183.
- 17 Seibt W. Die Darstellung der Theotokos... S. 52
- 18 Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI–XV вв. М., 1996; Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. САИ. Вып. Е1–60. М., 1983.
- 19 Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика... № 222, 235, 236, 238.
- 20 Шандровская В.С. Печати и монеты византийских императоров с изображением Богоматери. С. 200–203.
- 21 Hunger H. Heimsuchung und Schirmherrschaft... S. 33–42.
- 22 Шандровская В.С. Печати и монеты византийских императоров с изображением Богоматери... С. 195–199; Hunger H. Heimsuchung und Schirmherrschaft... S. 33–35.
- 23 Шандровская В.С. Византийские печати со сценой Благовещения // СГЭ. Вып. XLVII. Л., 1982. С. 61.
- 24 Смирнова Э.С. Живопись Великого Новгорода. Середина XIII — начало XV века. М., 1976; Смирнова Э.С. Лаурина В.К. Гордиенко Э.А. Живопись Великого Новгорода. XV век. М., 1982.
- 25 Филатов В.В. Иконостас новгородского Софийского собора // Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М., 1968. С. 63.
- 26 Кондаков Н.П. Иконография Богоматери. Т. II. СПб., 1915. С. 380.
- 27 Кондаков Н.П. Иконография... Т. I. СПб, 1914. Рис. 74 на С. 97.
- 28 Zacos G., Vegler A. Byzantine Lead Seals. Vol. I. Basel, 1972. N 2678 a.
- 29 Консультация В.С. Шандровской.

Таблица I

Новгородские печати с изображением Богоматери

А — изображение погрудное или поясное; В — изображение в рост; Мед. — изображение Христа в медальоне; Б/м. — изображение Христа без медальона; * — печать имеет стратиграфическую дату; ** — печать сохранилась при документе.

Тип	Группа	№ печати по Корпусу В.Л. Янина и П.Г.Гайдукова	Дата печати по Корпусу В.Л. Янина и П.Г.Гайдукова	Владелец печати по атрибуции В.Л. Янина и П.Г.Гайдукова
I	А	58	1165-86	Архиеп. Илия
		453 в	1229-49	Архиеп. Спиридон
		494 а	XIII-XV	Владычный наместник
	В	60	1193-96	Еп. Мартирий
		61	1201-23	Еп. Митрофан
		453 а	1229-1249	Архиеп. Спиридон
		457-458	1276-1299	Архиеп. Климент

Тип	Группа	№ печати по Корпусу В.Л. Янина и П.Г.Гайдукова	Дата печати по Корпусу В.Л. Янина и П.Г.Гайдукова	Владелец печати по атрибуции В.Л. Янина и П.Г.Гайдукова
I	B	458 б	1276-1299	Архиеп. Климент
		469	1331-52	Архиеп. Василий
II	A (б/м)	54	1131-1156	Еп. Нифонт
		55	1131-1156	Еп. Нифонт
		456	1276-1299	Архиеп. Климент
		458 а	1276-1299	Архиеп. Климент
		506	XIII-XV	Владычный наместник
		57	1165	Еп. Илия
	B (мед.)	61 а	1201-23	Еп. Митрофан
		62	1212-28	Еп. Антоний
		460	1309-1325	Архиеп. Давид
		461 а	1309-1325	Архиеп. Давид
		462	1309-1325	Архиеп. Давид
		466	1326-59	Архиеп. Моисей
		469 а	1331-52	Архиеп. Василий
		492	кон. XIV- перв. четв. XV*	Владычный наместник
		487	XIII-XV	Владычный наместник
		479 (II)	XIII-XV	Владычный наместник
		479 (III)	XIII-XV	Владычный наместник
		480 а	XIII-XV	Владычный наместник
		481 а	XIII-XV	Владычный наместник
		484	XIII-XV	Владычный наместник
		486 а	XIII-XV	Владычный наместник
		486 б	XIII-XV	Владычный наместник
		488	XIII-XV	Владычный наместник
		489	XIII-XV	Владычный наместник
		490 (II)	XIII-XV	Владычный наместник
		490 (III)	XIII-XV	Владычный наместник
	491	XIII-XV	Владычный наместник	
	576	XIII-XV	Владычный наместник	
	B (б/м)	56 а	1158-1163	Еп. Аркадий
		453 б	1229-1249	Архиеп. Спиридон
		454	1251-1273	Архиеп. Далмат
		455	1276-1299	Архиеп. Климент
		459	1300-1308	Архиеп. Феоктист
481		1303-1307**	Владычный наместник	
461		1309-1325	Архиеп. Давид	
462 а		1309-1325	Архиеп. Давид	
463		1326-1359	Архиеп. Моисей	
464		1326-1359	Архиеп. Моисей	
465		1326-1359	Архиеп. Моисей	
467		1326-1359	Архиеп. Моисей	
468 (II)		1331-1352	Архиеп. Василий	
468 (III)		1331-1352	Архиеп. Василий	
510 б	40 - 80-е XIV*	Владычный наместник		

Тип	Группа	№ печати по Корпусу В.Л. Янина и П.Г.Гайдукова	Дата печати по Корпусу В.Л. Янина и П.Г.Гайдукова	Владелец печати по атрибуции В.Л. Янина и П.Г.Гайдукова
		470	1360-1388	Архиеп. Алексей
		471	1360-1388	Архиеп. Алексей
		472	1389-1415	Архиеп. Иона
		504	1390-91	Владычный наместник? Вечевая Пскова?
		486	кон. XIV-перв.тр. XV*	Владычный наместник
		493	XV**	Владычный наместник
		496	втор. четв. XV*	Владычный наместник
		515	пер. тр. XV*	Владычный наместник
		514	втор. четв. XV*	Владычный наместник
		505	втор. четв. XV*	Владычный наместник
		512	40-е XV**	Владычный наместник
		495	40 - 60-е XV*	Владычный наместник
		516	50 - 60-е XV**	Владычный наместник
		518	50 - 70-е XV**	Владычный наместник
		520	60 - 70-е XV**	Владычный наместник
		473	XIII-XV	Архиепископ ?
		480	XIII-XV	Владычный наместник
		482	XIII-XV	Владычный наместник
		483	XIII-XV	Владычный наместник
		493 а	XIII-XV	Владычный наместник
		494	XIII-XV	Владычный наместник
II	B(б/м)	495 а	XIII-XV	Владычный наместник
		497	XIII-XV	Владычный наместник
		498	XIII-XV	Владычный наместник
		499	XIII-XV	Владычный наместник
		500	XIII-XV	Владычный наместник
		501	XIII-XV	Владычный наместник
		502	XIII-XV	Владычный наместник
		503	XIII-XV	Владычный наместник
		507	XIII-XV	Владычный наместник
		508(II)	XIII-XV	Владычный наместник
		508 (III)	XIII-XV	Владычный наместник
		509	XIII-XV	Владычный наместник
		509 а	XIII-XV	Владычный наместник
		510	XIII-XV	Владычный наместник
		510 а	XIII-XV	Владычный наместник
		511	XIII-XV	Владычный наместник
		513	XIII-XV	Владычный наместник
		517	XIII-XV	Владычный наместник
		519	XIII-XV	Владычный наместник
		519 а	XIII-XV	Владычный наместник
		575	XIII-XV	Владычный наместник
		485	XIII-XV	Владычный наместник
		505 а	XIII-XV	Владычный наместник
		702 а	XIII-XV	Тимофей (без должности)

Тип	Группа	№ печати по Корпусу В.Л. Янина и П.Г.Гайдукова	Дата печати по Корпусу В.Л. Янина и П.Г.Гайдукова	Владелец печати по атрибуции В.Л. Янина и П.Г.Гайдукова
III	А	760	сер. XV**	Кончанская-монастырская (Плотницкий кон. - Антонов мон.)
		761	50 - 60-е XV**	Кончанская-монастырская (Плотницкий кон. - Антонов мон.)
		760 а	XIII-XV	Кончанская-монастырская (Плотницкий кон. - Антонов мон.)

Табл. II

Количественно-хронологическое распределение иконографических типов, групп и подгрупп датированных новгородских печатей с изображением Богоматери и их принадлежность

Тип, группа, подгруппа	Кол-во печатей	Суммарная дата печатей	Владельцы печатей
I — Оранта	9	1165 — 1352	Епископ Архиепископ
А	3	1165 — 1249	Архиепископ
В	6	1193 — 1352	Епископ Архиепископ
II — Знамение	43	1131 — 60-70-е XV	Епископ Архиепископ Владычный наместник
А	4	1131 — 1299	—
Мед.	—	—	—
Б/мед.	4	1131 — 1299	Епископ Архиепископ
В	39	1158 — 60-70-е XV	Епископ Архиепископ Владычный наместник
Мед.	9	1165 — кон. XIV — перв. четв. XV	Епископ Архиепископ Владычный наместник
Б/мед	30	1158 — 60-70-е XV	Епископ Архиепископ Владычный наместник
III — Агиосоритисса			
А	2	50 - 60-е XV	Плотницкий конец — Антонов мон.

Табл. III

Количественно-хронологическое распределение типов, групп и подгрупп новгородских печатей с изображением Богоматери

Тип, группа, подгруппа	XII в	XIII в	XIV в	XV в.	Всего датир. печатей	Печати с широкой датой XIII-XV вв
IA	1	1			2	1
IB	1	4	1		6	
I	2	5	1		8	1
II A (Б/мед.)	2	2			3	1
II B (Мед.)	1	2	6		9	14
II B (Б/мед.)	1	3	16	10	31	30
II	4	7	22	10	43	45
III A				2	2	1
III				2	2	1
	6	12	23	12	53	47

СВИНЦОВО-ОЛОВЯННЫЕ УКРАШЕНИЯ VIII–X вв. НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ¹

Изделия из свинцово-оловянных сплавов, особенно мелкие, обычно плохо сохраняются в культурном слое археологических памятников. Однако в тех редких случаях, когда такие поделки все-таки доходят до исследователей, например, вместе с органическими материалами, подвергшимся естественной консервации (Новинковский II могильник X–XII вв. на Вологодчине²; ливский могильник того же времени Лаукскола в низовьях Даугавы на территории Латвии³) или при компактном хранении большого числа таких предметов (клады конца VII в. н.э. на раннеславянском поселении Великие Будки в Сумской области Украины⁴ и на городище Никодимово в Могилевском Поднепровье⁵), открывается картина поразительной по числу и разнообразию типов, широты их использования в качестве нашивных и подвесных деталей платья и головного убора. В то же время, интерес исследователей к ним возникает лишь по случаю очередной находки, так что их систематизация, общее культурно-хронологическое определение, датировка и картина их распространения выглядят в целом достаточно размытыми.

Со времени выхода в свет исследования Х. Моора, специально посвященного оловянным украшениям⁶, вопрос об их производстве в каменных литейных формочках рассматривался, в основном, в «прибалтийско-финноугорском» контексте. Действительно, именно на материалах Прибалтики было убедительно показано, что традиция изготовления нашивных бляшек из легкоплавких материалов прослеживается на протяжении всего средневековья и зафиксирована в этнографии, причем их формы практически не изменяются в течение столетий⁷. В конце I тыс. н.э. наибольшая концентрация

находок формочек и несколько отливок украшений так называемого рыгесского типа приходится на район южного и юго-западного Причудья, где в нижних горизонтах городищ Камно⁸, Труворово⁹, Псковское¹⁰, Рыуге¹¹, Отепя, Унипиха¹² они были обнаружены в значительном количестве. Известны такие находки и из длинных курганов (Арнико III, Лоози)¹³, и с селища культуры длинных курганов на оз. Съезжее за пределами Причудья¹⁴. По подсчетам М. Аун, в юго-восточной Эстонии найдено в разных памятниках 16 каменных формочек и их фрагментов¹⁵, с городища Рыуге происходит несколько бляшек из свинцово-оловянного сплава¹⁶. На городище Камно в отложениях VIII–IX вв. было обнаружено 87 литейных форм и заготовок к ним, 49 льячек, 200 тиглей, что свидетельствовало о существовании там крупного производственного центра, в котором, в частности, отливались и изделия из низкотемпературных сплавов¹⁷. Конечно, на многослойных долговременных поселениях, к числу которых относятся Труворово и Псковское городища, выявление находок, относящихся к определенному этапу развития производственного комплекса, представляет собой отдельную источниковедческую задачу. Однако каменные формочки типа Камно-Рыуге имеют ряд достаточно ярких признаков, которые позволяют отличить их от литейных формочек, которые в разные времена также изготавливались из мягкого слоистого камня — песчаника или известняка, но использовались и в других ремесленных традициях. Так, рассматриваемые нами изделия были предназначены для изготовления мелких, в основном, плоских пластинчатых или ажурных нашивных украшений простых геометрических форм из низкотемпературных

свинцово-оловянных сплавов, которые напрямую отливались в двусторонние разъемные многоразовые формочки, на одну створку которых были нанесены негативы самих изделий с орнаментом на лицевой стороне, а на другую — ямки-негативы маленьких круглых ушек для пришивания к ткани, которые отливались одновременно с пластинкой изделия. Для того, чтобы сформировать отверстие ушка, в оборотной створке формы процарапывался канал, куда вставляли тугоплавкую проволоку, удалявшуюся из отливки. Зачастую по несколько негативов изображений или креплений нанесены на каждую пластину камня с двух плоских сторон, а иногда и с торцов, и это свидетельствует, что формочки использовались в блоке для получения максимального количества отливок за один раз. Поэтому, среди материалов Изборска, например, легко отделить формочки типа Камно-Рыуге, от известняковых же формочек для отливки массивных конических декорированных свинцовых грузиков-пуговиц, хорошо известных в материалах древнерусских городов в эпоху развитого средневековья — изготовление последних предполагало литье сплава в глубокую одностороннюю форму без литника¹⁸.

Редкий пример сочетания достаточно большого типологически разнообразного набора свинцово-оловянных бляшек и формочек для их изготовления, которое к тому же получило достаточно определенную временную привязку, предоставляют материалы Старой Ладogi. Обнаруженные в раскопках Е.А. Рябинина на Земляном городище нашивные бляшки образуют компактную хронологическую группу, относящуюся к периоду функционирования древнейшего производственного комплекса¹⁹, а время 6 из 12 найденных предметов узко определено достоверной привязкой к объектам нижней части горизонта Ез, как середина 760-х — 780-е гг.²⁰ Рассмотрев эти находки вместе с ранее введенными в научный оборот О.И. Давидан²¹, А.Д. Мачинская, помимо достаточно очевидных соответствий, происходящих с памятников Юго-Восточного Причудья и Верхнего Повеличья, указала на серию аналогий ареала ранних колочинской и пеньковской культур²² (развивая наблюдения В.М. Горюновой, сделанные в связи с находкой клада ювелира,

содержавшего сотни свинцово-оловянных нашивных бляшек и других изделий, на колочинском поселении Хутор (Большие Будки) на Левобережной Украине²³). В последние годы в Старой Ладoge пополняется серия случайных находок, связанных ювелирным делом, в их числе есть и литейные формочки²⁴.

В Нижнем Поволжье продолжают исследования Любшанского городища, из раскопок которого ежегодно происходит по несколько характерных формочек рассматриваемого типа, которые относятся, как и весь основной слой городища, ко времени не позднее IX в.²⁵ На поселении Городище на Сяси во время раскопок 1987—1988 и 1997 гг. также найдены такие формочки, а две обнаружены в насыпи сопки №3 севернее поселения²⁶. Промежуточное географическое положение между Причудьем и Приладожьем занимают древнерусское поселение X в. Надбелье²⁷, селище Золотое Колено на Мсте²⁸, где также встречены формочки. Материалы из Рюрикова Городища под Новгородом, где имеется ряд таких находок, невыразительны²⁹. Перечисленные памятники маркируют северную зону распространения нашивных свинцово-оловянных бляшек в VIII—X вв.

Большое количество каменных формочек, происходящих с упомянутых памятников, пока не введено в научный оборот. В связи с этим хочется выразить глубокую признательность коллегам, предоставившим неопубликованные материалы из своих раскопок и архивов: З.Д. Бессарабовой, А.И. Волковицкому, В.М. Горюновой, А.В. Дубашинскому И.И. Еремееву, С.Л. Кузьмину, Е.Р. Михайловой, К.М. Плоткину, Е.А. Рябинину, (Санкт-Петербург), Н.А. Кренке и Е.А. Тавлинцевой (Москва).

Автору уже приходилось говорить о том, что в свете новых находок необходимо пересмотреть некоторые устоявшиеся представления о происхождении и распространении моды на использование нашивных бляшек и подвесок из свинцово-оловянных сплавов во второй половине I тыс. н.э. на территории Восточной Европы³⁰. Основные результаты наших наблюдений сводятся к тому, что находки из Приладожья и Причудья должны рассматриваться в контексте распространения традиции отливки мелких

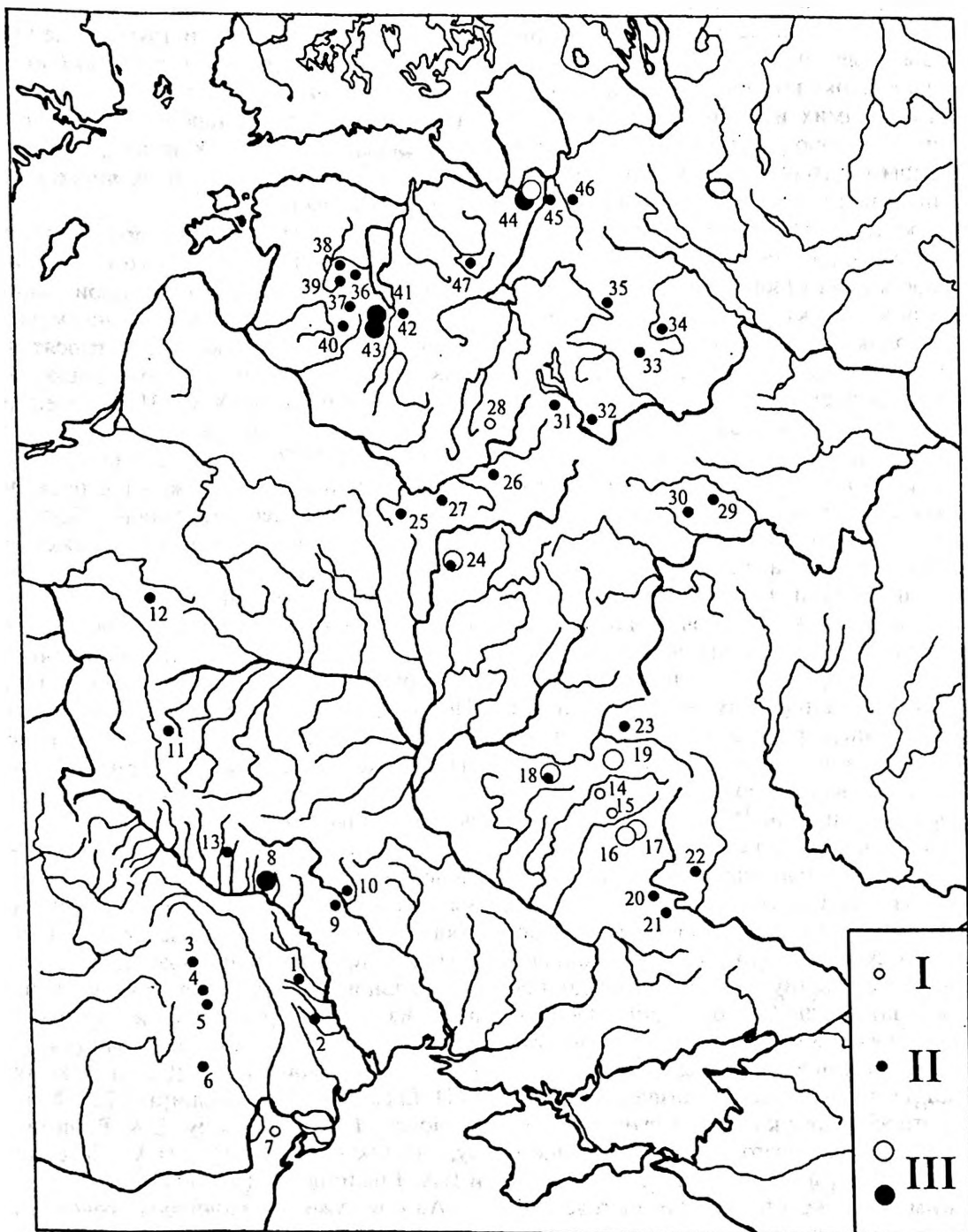

Рис. 1

Карта памятников с находками формочек типа Бернашевка – Камно.

I — отливка, II — формочка, III — более 10 экземпляров.

1 — Селиште, 2 — Данчены, 3 — Ботошана, 4 — Раднь, 5 — Давидень, 6 — Штефан-чел-Марь, 7 — Пятра-Фрекацей, 8 — Бернашевка, 9 — Семенки, 10 — Скибинцы, 11 — Зимно, 12 — Хачки, 13 — Городок, 14 — Нижняя Сыроватка, 15 — Смородино, 16 — Новая Одесса, 17 — Козиевка, 18 — Большие Будки, 19 — Гапоново, 20 — Коробовы Хутора, 21 — Занки, 22 — Лукьяновка, 23 — Нартово, 24 — Никодимово, 25 — Лукомль, 26 — Шугайлово, 27 — Витебск, 28 — Хачево, 29 — Дьяково, 30 — Луковня, 31 — Подол 3, 32 — Осечен, 33 — Белый Городок, 34 — Еськи, 35 — Съезжее, 36 — Арнико, 37 — Лоози, 38 — Унипиша, 39 — Отепя, 40 — Рыуге, 41 — Изборск, 42 — Псков, 43 — Камно, 44 — Ладога, 45 — Любша, 46 — Городище на Сяси, 47 — Надбелье.

плоских нашивных украшений из низко-температурных сплавов, которая была заимствована в Подунавье и в VI в. усвоена раннеславянским населением Нижнего Подунавья, Поднестровья и Побужья. Наиболее яркой находкой в этом регионе является комплекс ювелирной мастерской, обнаруженный в 1990 г. во время исследований раннесредневекового поселения Бернашовка, расположенного на левом берегу Днестра в Могилев-Подольском районе Винницкой области в постройке, принадлежащей пражской культуре, где были найдены 64 формочки из местных пород известняка и мергеля³¹. В его состав входили формочки для отливки не только разнообразных бляшек, но и элементов поясного набора и даже маленьких пальчатых фибул, подобных найденным в кладе из Великих Будков.

Можно спорить с И.И. Винокуром, относящим комплекс бернашевской мастерской к концу V — середине VI вв.³² И.О. Гавритухин причисляет его ко II фазе пражской культуры (середина VI — начало VII вв.) и склонен датировать временем, близким к рубежу столетий³³. Памятники Поднестровья, Побужья и Румынии, на которых встречены формочки и отливки из них, датируются VI—VII вв., более точно определяется начало функционирования городищ Шелиги и Хачки в Польше — начало VII в.³⁴ Таким образом, исходный импульс дальнейшей передачи традиции из юго-западного региона вряд ли может исходить ранее конца VI в.н.э.

Следующий регион, где существование рассматриваемой традиции фиксируется в отличие от прочих, в основном, находками изделий в комплексах кладов — Днепровское лесостепное Левобережье. Они известны в составе Козиевского, Ново-Одесского, Смородинского, Нижне-Сыроватского³⁵, Гапоновского³⁶, и Великобудковского кладов «древностей антов» VII в. н.э. (причем на поселении, где найден последний обнаружена и заготовка для формочки)³⁷.

Тот факт, что изделия, отлитые в формах, подобных бернашевским, обнаружены в синхронных и родственных культурах почти исключительно в кладах «древностей антов» на Днепровском Левобережье, то есть далеко к востоку от тех раннеславянских поселений, где зафиксированы

сами формочки, объясняется не особенностями распространения украшений, а, как отмечено выше, консервирующими условиями их компактного хранения. Количество свинцово-оловянных изделий в комплексе может колебаться (около 1200 в Больших Будках, десятки — в Гапонове и Новой Одессе, «много» — в Козиевке, единицы — в Нижней Сыроватке и Смородине), однако простота изготовления, массовость и, вероятно, дешевизна этих вещей, обеспечивавшая их доступность, заставляют предполагать, что именно они составляли существенный компонент убора из металлических украшений.

Хронологически и типологически к этой группе примыкают находки, происходящие с колочинского городища Никодимово в Верхнем Поднепровье³⁸: клад, состоящий из более чем тысячи бляшек, полностью аналогичных найденным в Великих Будках, поясного набора с накладками на свинцово-оловянной основе и 2-х свинцово-оловянных слитков, и несколько каменных формочек. Городище было разрушено в конце VII в.

Третья группа памятников с формочками расположена в Верхнем Подвинье (Лукомль, Витебск, Шугайлово, Хачево)³⁹. Все эти памятники относятся к последней четверти I тыс. н.э. и изображения на формочках находят прямые соответствия в Причудье и Приладожье и близкие аналогии в других регионах.

Примерно на той же широте, но восточнее, на Верхней Волге и Мологе расположена четвертая группа памятников, ряд которых связан с недавно выделенным И.В. Ислановой удомельским типом древностей третьей четверти I тыс. н.э.⁴⁰. Литейные формочки с большим количеством негативов изделий на каждой были найдены на городищах Осечен, на поселении Подол III, а простая формочка для петель крепления бляшек — на поселении Юрьевская горка⁴¹. Если вспомнить, что литейные формочки типа Камно-Рыуге были найдены и на селище Белый Городок на средней Мологе и городище Ески⁴², то картина складывается достаточно наглядная. Особенностью формочек с Верхней Волги является то, что они несут по несколько негативов бляшек каждая, и изображения находят соответствия в южном районе чаще, чем в северном и соседнем Верхнедвинском.

Необходимо остановиться на находках каменных формочек для работы с низкотемпературными сплавами в позднедьяковских памятниках и соседних с ними памятниках поволжских финнов. Эти находки нередки⁴³, однако только на городищах Дьяково, Луковня и Хлепень в бассейне Москвы реки в слоях третьей четверти I тыс. н.э. найдены формочки для отливки пластинчатых накладок и нашивок, выпуклых ворворок⁴⁴. Они резко выделяются на фоне остальных формочек, найденных в «финской» зоне, поскольку на последних представлены исключительно негативы выпуклых круглых и сдвоенных бляшек, очень редко — простых розеток. А.Е. Леонтьев отмечает, что несмотря на находки формочек и сырья для отливок, «украшения из оловянистых сплавов... у финских народов Поволжья широкого распространения не получили»⁴⁵.

Последнее наблюдение заставляет усомниться в возможности связать всплеск моды на разнообразные мелкие нашивные украшения из низкотемпературных сплавов, фиксируемый в Причудье и Приладжье в последней четверти I тыс. н.э., с древними традициями изготовления свинцово-оловянных украшений, бытовавшими в финно-угорском мире. Двустворчатые каменные формочки для работы с низкотемпературными сплавами появляются там не ранее VI(?) — VII вв. Характерно, что часто приводимая в качестве аналогии формочка из относительно раннего погребения литейщицы в 5 Рождественском могильнике азелинской культуры, на которую нанесены действительно очень похожие на имеющиеся на рассматриваемых нами формочках изображения, вообще не имеет литейных каналов, хотя и не является заготовкой, а следовательно, связана с иной традицией ювелирного дела⁴⁶.

Распространение определенной техники и сырья не тождественно переносу ремесленной традиции изготовления определенных изделий, которая иногда не может преодолеть этнических и культурных границ. Прекрасной иллюстрацией этому являются находки однотипных и близких по составу, весу и оформлению свинцово-оловянных слитков и двустворчатых каменных формочек на городищах Никодимово VII в. в Могиловском Поднепровье и Выжегжа

VII—IX вв. в Волго-Клязьменском междуречье⁴⁷. Однако на славянском городище Никодимово отливками и формочками представлено не менее 5 форм бляшек, накладки поясного набора, ворворки, а на мерянском городище Выжегжа — лишь формочки для простых круглых бляшек.

Таким образом, для выяснения вопроса о происхождении традиции изготовления и использования в costume мелких свинцово-оловянных деталей необходимо рассмотреть их типологический состав, отраженный как негативами изделий, вырезанными в формочках, так и отливками.

По публикациям и архивным материалам нам удалось собрать данные примерно о сотне информативных (то есть несущих типологически определяемые негативы лицевой стороны) изделий, обнаруженных на городищах Камно (40 формочек)⁴⁸, Изборском (12 формочек)⁴⁹, Псковском (2 формочки)⁵⁰, Рыуге (5 формочек и 2 отливки)⁵¹, Отепя (1 формочка)⁵², в Ладоге (6 формочек и более 15 отливок)⁵³, Любше (6 формочек)⁵⁴, Городище на Сяси (2 формочки)⁵⁵, Надбелье (2 формочки)⁵⁶, Золотом Колене (1 формочка)⁵⁷, в длинных курганах Арнико 3 и Лоози⁵⁸ и сопочной насыпи 3 к северу от Городища на Сяси⁵⁹ (по 1 формочке). На некоторых формочках представлено по несколько негативов различных изделий, другие имеют одно или несколько однотипных изображений. Несомненно наши данные неполны и подлежат корректировке, но на фоне единичных опубликованных экземпляров, они позволяют все-таки наблюдать определенные закономерности на достаточно обширной базе источников.

Если рассматривать всю совокупность мелких изделий, которые могли быть изготовлены в двустворчатых формочках на всей территории Восточной Европы, то, несмотря на широкий территориальный разброс находок и их значительно большее, чем на Северо-Западе количество, набор форм изделий будет, тем не менее, ограничен. Нами было выделено 13 групп изделий, объединяющих около 40 их разновидностей⁶⁰. На памятниках Причудья и Приладжья представлены образцы всех групп, за исключением одной — больших и малых ворворок. Однако количество разновидностей изображений каждой группы здесь иное, также как и удельный вес каждой из них в общей массе.

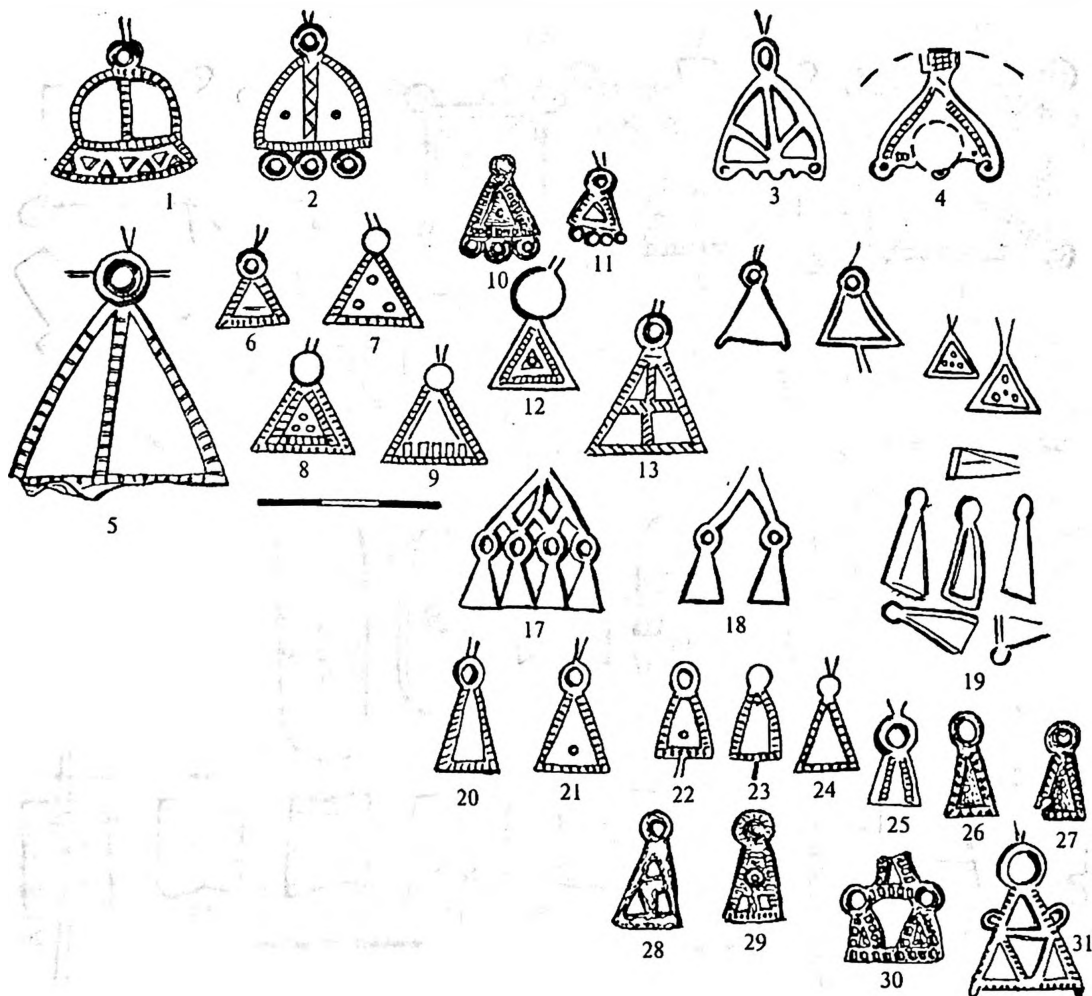

Рис. 2

«Колоколовидные» и трапециевидные бляшки и подвески:

1-9, 11-25, 31 — негативы, 10, 26, 26-30 — отливки

1, 6-9 — Бернашевка; 2 — колл. Одесского музея; 3, 15, 19, 24-25 — Камно; 4, 16, 26, 27, 29, 30 — Ладога; 5 — Скибинцы; 10 — Великие Будки; 11, 17 — Осечен; 12 — Никодимово, 13 — Лукомль, 14, 18 — Лоози; 20 — Шугайлово; 21-23 Изборск, 28 — Хачево; 31 — Надбелье.

1. Подвески плоские колоколовидные с колечком и выделенным нижним краем, декорированным «городками» или колечками (рис. 2:1-4) встречены только на юго-западе, однако на нескольких формах и в количестве 4-х экземпляров (Бернашевка, Одесский музей — рис. 2:1,2). Негатив изделия с такой же разделкой, но менее проработанный, имеется в Камно (рис. 2:3). Возможно, негатив близкого типа имеется на пряслице из Старой Ладоги (СЛМ КП 96.697/л.18.798 — рис. 2:4), сделанном из створки формочки, но он сильно поврежден.

2. Трапециевидные подвески и нашивки (рис. 2:5-31) Нашивки и подвески трапециевидные и треугольные с широким основанием и круглой головкой или колечком (рис. 2:5-16).

Подвески и нашивки трапециевидные вытянутые с узким основанием и круглой головкой (рис. 2: 17-29)

Пирамиды из трех трапеций (рис. 2: 30,31).

Мелкие трапециевидные пластинки с ушками или колечком, являются одной из самых распространенных категорий украшений, которые изготавливались в рассматриваемых формочках. Они представлены практически во всех районах распространения формочек и отливок, за исключением, пожалуй, только дьяковских городищ и памятников к востоку от них. Интересно, что в Юго-Восточном Причудье трапециевидные изображения несет тоже только одна формочка из Лоози (рис. 2:14). Зато в Камно трапеции лидируют по числу (23), представлены

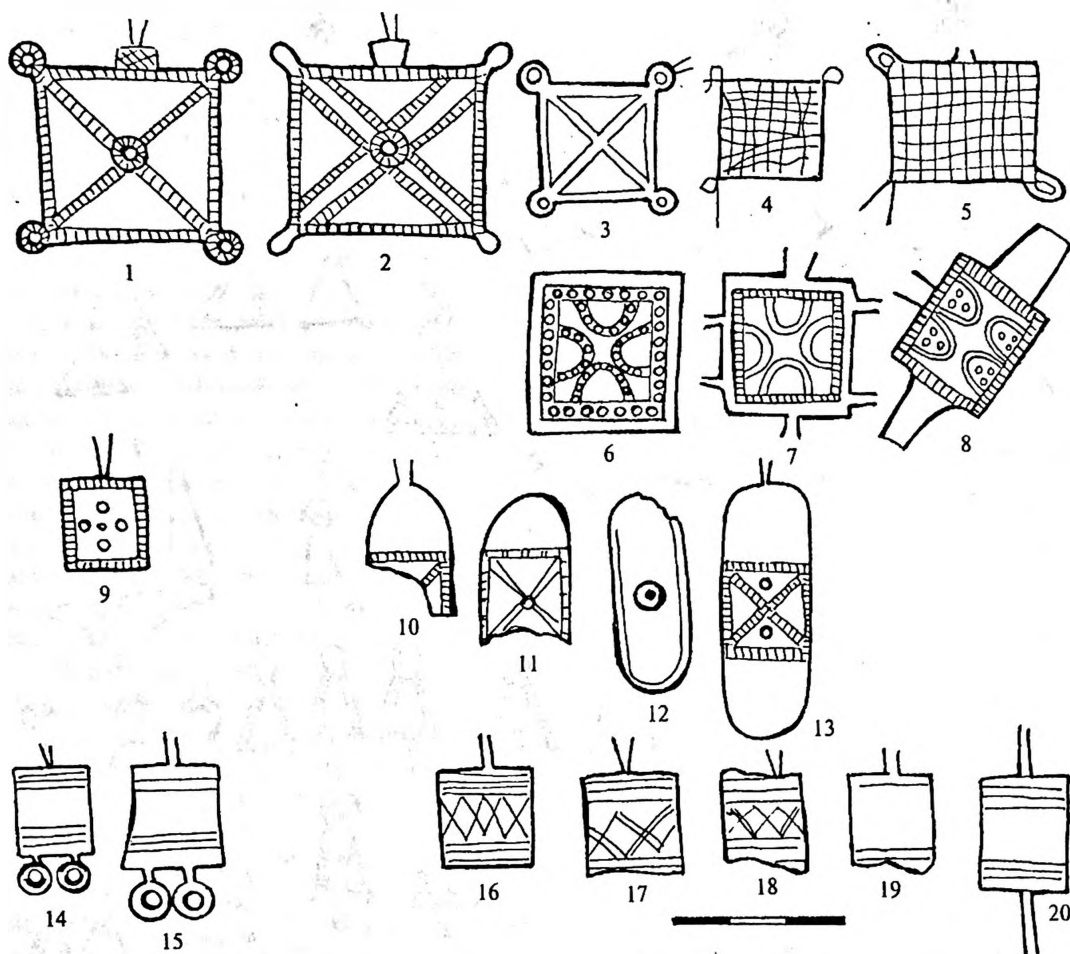

Рис. 3

Квадратные и прямоугольные бляшки и подвески: 1-5, 7-20 — негативы; 6 — матрица 1,2,9,14 — Бернашевка; 3 — Белый Городок; 4,7,8,19 — Камно; 5,6 — Изборск; 10 — Дьяково городище, 11 — Подол; 12 — Осечен; 13 — Лоози; 15 — Скибинцы; 16 — Отпя; 17,18 — Рыуге, 20 — Любша.

в Изборске (6) и Ладоге (4 отливки). Широко представлены трапециевидные подвески и на юге — их много в Бернашевском комплексе (7 — рис. 2:8-11), встречаются их негативы на формочках из Побужья, Румынии, Верхнего Поднепровья, отливки — в Великих Будках на Днепровском Левобережье (рис. 2:5). Однако здесь трапеции несколько иные, чем на севере: они приближаются по форме к равнобедренному треугольнику с широким основанием. Отдельные находки таких изображений в Камно (рис. 2:15) и Старой Ладоге (рис. 2:16) нуждаются в особых комментариях.

Легко заметить, что «приземистые» и «вытянутые» трапеции никогда не сочетаются на одном изделии, за исключением формочек из Осечена и длинного

кургана в Лоози. За пределами Приладожья и Причудья «вытянутых» трапеций вообще нет, не считая находок в Осечене, Хачеве и Шугайлове. Сросшиеся трапеции, образующие пирамидку, встречены только в Ладоге и Надбелье.

3. Лунницы (рис.5).

Трехрогие «пельтовидные» лунницы не представлены на Северо-Западе, но их редуцированная модификация — «сердечко» имеется на формочке из Лоози (рис. 5:5). Помимо Осечена и Подола III, где есть и те, и другие изображения, трехрогие лунницы представлены в Бернашевке, Витебске, а «сердечки» — в Зимно, и в ареале длинных курганов на Съезжем.

4. Квадратные и прямоугольные подвески и накладки с рубчатым краем и крестовидными композициями внутри. (рис.3).

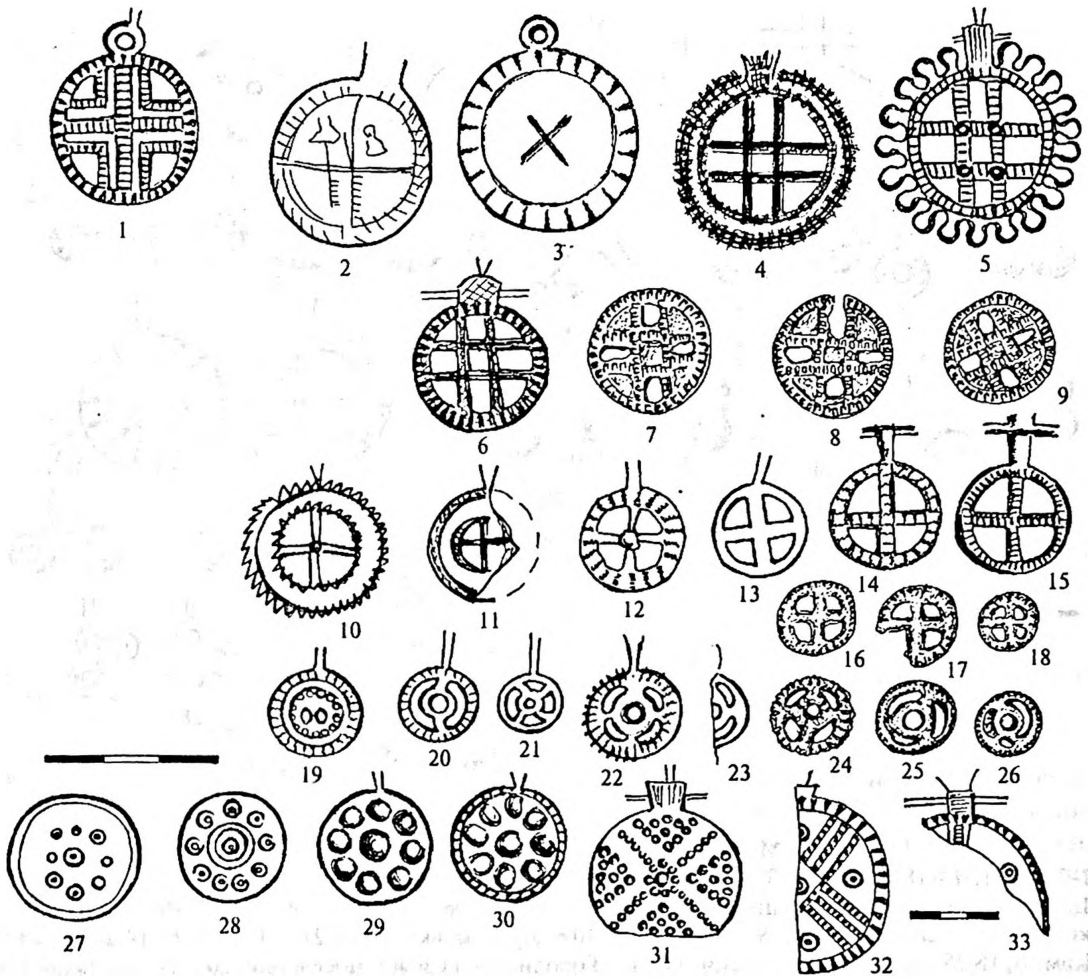

Рис. 4

Круглые бляшки и подвески: 1-6, 10-15, 19-23, 27-33 — негативы; 7-9, 16-18, 24-26 — отливки. 1 — Бернашевка; 2, 4, 6, 10, 12, 13, 20, 30, 32 — Камно; 3 — Любша; 5 — Лыхавере; 7, 8, 9, 16, 23, 24, 25, 26 — Ладога; 11, 29, 31 — Рыуге; 14, 15 — Лукьяновка; 19 — Изборск; 21 — Еськи; 22 — Надбелье; 27 — Совея — Вранча, 28 — Радень; 33 — Лукомль.

Прямоугольные подвески и накладки большие с шариками по углам (рис. 3:1-5) обнаружены, кроме Бернашевки в Камно, Изборске и Белом Городке (рис. 3:3).

Квадратные накладки (вставки перстней?) с имитацией зерна по краю и композицией из 4-х полукружий внутри (рис. 3:6-8) найдены в виде формы для бляшки и формы для перстня в Камно, а в Изборске и на Любше обнаружены каменные квадратные матрицы для таких изделий, и на Любше же — сделанная по ней отливка бляшки. По-видимому, здесь мы имеем дело с инструментарием для изготовления бляшек на свинцово-оловянной основе с тонким серебряным покрытием, для тиснения узора на котором и предназначались шаблоны. Негативы на формочках Камно в деталях совпадают с матрицами

и отливкой из Изборска и Любши. Аналогии перечисленным предметам нам неизвестны, орнамент на изделиях восходит к простому декору квадратных блях с крестом.

Прямоугольные бляшки с закругленными завершениями и квадратной композицией с крестом в центре (рис. 3:10-13) встречаются в длинном кургане в Арнико, а также в Подоле III и Осечене на Верхней Волге и на Дьяковом городище. Центральная композиция в уменьшенном виде повторяет большие бляхи с крестом, сохраняется и рубчатая разделка контуров и перемычек. Отлитые пластинки могли сгибаться в пластинчатый перстень, но в отдельных случаях для этого явно не достаточно их длины.

5. Круглые подвески и бляшки могут быть сплошными и ажурными. (рис.4)

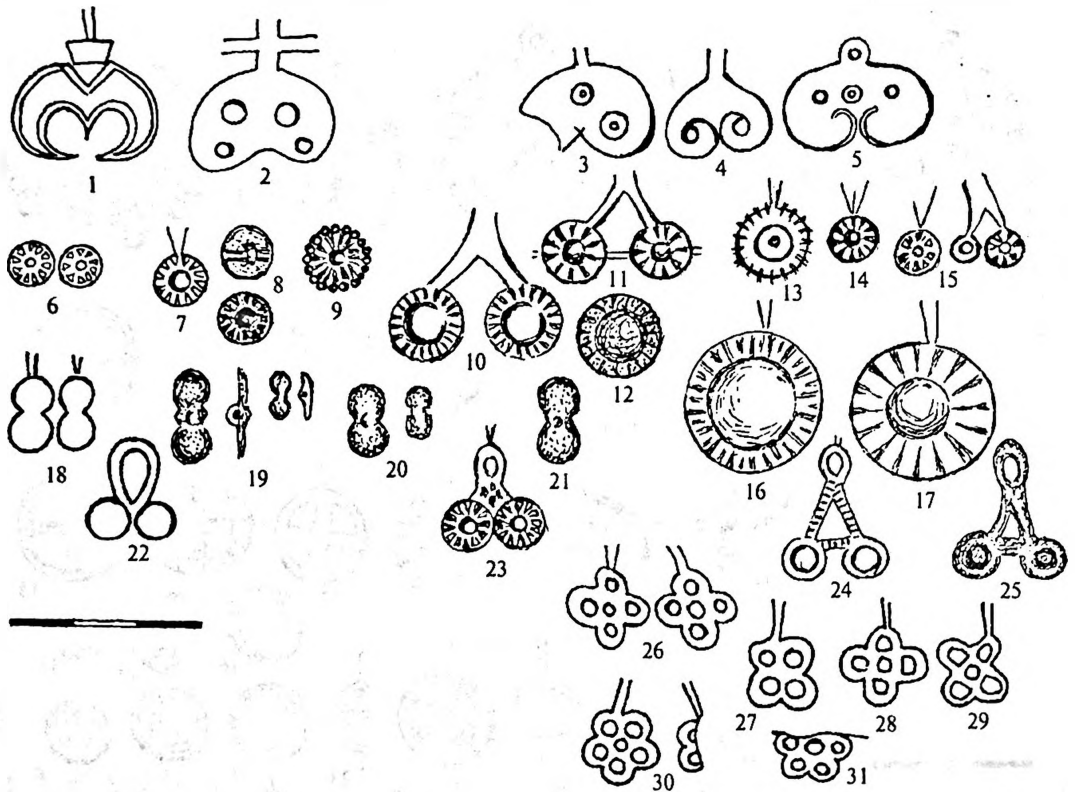

Рис. 5

Мелкие бляшки и подвески разных форм

1-7, 10, 11, 13-18, 22-24, 26-31 — негативы; 8, 9, 12, 19-21, 25 — отливки
 1, 18 — Бернашевка; 2 — Зимно; 3 — Подол 3; 4 — Съезжее; 5 — Лоози; 6 — Совая-Вранча; 7 — Занки; 8, 19 — Великие Будки; 9 — Козиевка; 10 — Лукьяновка; 11, 12, 21 — Рыуге; 13, 14, 24, 27, 28 — Камно; 15, 25 — Ладога; 16 — Отеля; 17, 31 — Городище на Сяси — поселение; 20 — Никодимово; 22 — Штефан-чел-Марь; 23 — Осечен; 26 — Псков; 29 — Городище на Сяси, сопка; 30 — Любша.

Круглые плоские крупные ажурные подвески или нашивки с двойным крестом в центре и рубчатым краем (рис. 4:1-9) представлены как на Юго-Западе (Бернашевка), так и в Камно и на Любшанском городище в виде негативов на формочках, а в Ладоге — в виде отливок (3 экз).

Круглые плоские крупные сплошные подвески с крестообразным орнаментом, выполненным имитацией зерна происходят из Рыуге и Камно (рис. 4:31), а с циркульным орнаментом — из Камно и Лукомля (рис. 4:32-33). Последние представляют прототип одного из популярных в древнерусское время типа монетовидных привесок, имевших широкое распространение и также отливавшихся из свинцово-оловянного сплава, в частности в Новгороде XII в.⁶¹

Круглые ажурные малые нашивки с крестом (рис. 4:10-18) по форме и орнаментации повторяют подвески, но чаще всего меньше их по размерам. Этот тип украшения достаточно широко распространен

в Причудье и Приладожье: 10 негативов в Камно, 1 — в Рыуге, 1 отливка в Ладоге. В Хачеве имеются 2 такие отливки, но южнее таких нашивок и их негативов нет, за исключением формочки, найденной в Подонье на поселении эпохи бронзы Лукьяновка⁶².

Круглые нашивки-колесики с центральным и четырьмя или тремя сегментобразными отверстиями (рис. 4:20-26) представлены в Ладоге одним негативом и отливками, сведения о количестве которых расходятся. 4 предмета происходят из раскопок Е.А. Рябинина, еще 2 приводила в своей публикации 1980 г. О.И. Давидан⁶³, считая остальные находки бляшек из раскопок Репникова утраченными. Однако в статье 1994 г. исследовательница уверенно указывает под тем же инвентарным номером ЛС 2212 уже 19 идентичных предметов⁶⁴. В любом случае колесовидные бляшки представлены самой большой серией отливок, хотя кроме Ладоги,

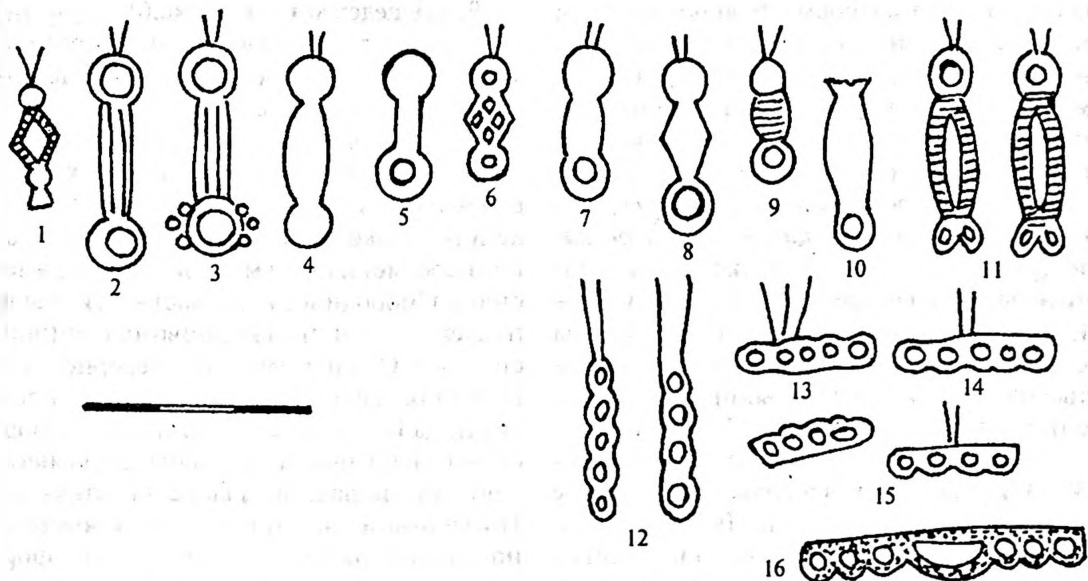

Рис. 6

«Колодочки» и цепедержатели. 1-15 — негативы; 16 — отливка

1-3 — Бернашевка, 4 — Давидень; 5 — Штефан — чел-Марь; 6 — Занки; 7-11, 14, 15 — Камно; 12, 13 — Псков, 16 — Ладога.

всего одна формочка с таким негативом найдена в Камно, и по одной — в Надбелье и за пределами рассматриваемого региона, в Еськах на Мологе.

Круглые пластинчатые бляшки с выпуклинами по краю (рис. 4:30—31), до 2 см диаметром, представлены в Камно и Рыуге, имеются в Румынии. Из древнейшего яруса Ладоги происходит фрагмент отливки бляшки с серебряным покрытием, большего диаметра, и с большим количеством выпуклин⁶⁵. Интересно, что среди наших материалов пока нет мелких розеток с лепестками по краю, диаметром менее 1 см, которые обильно представлены на памятниках юго-запада формочками (Данчены, Поеница) и отливками (Пятра Фрекацей в Румынии)⁶⁶, на Днепровском Левобережье — отливками (Козиевка), на Верхней Волге — формочкой из Осечена. В то же время, именно такие поделки сотнями происходят из прибалтийских материалов развитого и позднего средневековья, известны из этнографии⁶⁷.

Круглые пластинчатые небольшие бляшки-«пуговики» с двумя отверстиями в центре (рис. 4:19), декорированные двумя кругами ложной зерни, имеются в Камно (4 негатива) и Изборске.

Розетки со штрихами по краю (рис. 5: 6—18) встречаются часто и во всех районах распространения свинцово-оловянных

бляшек, на формочках их обычно размещали парами, к которым вел общий литейный канал. Много отливок найдено на Днепровском Левобережье, одна встречена на городище Рыуге, 6 негативов происходят из Камно, по паре — во Пскове, Ладоге. Формы для розеток большого диаметра (до 2 см) есть в Городище на Сяси, Отепя и Ладоге.

6. Мелкие нашивные бляшки разных типов.

Круглые выпуклые нашивные бляшки также представлены повсеместно, это — универсальная простая форма. Негативы 16 изделий есть в Камно, 6 — в Ладоге, 4 — в Изборске.

Сдвоенные восьмеркообразные выпуклые бляшки (рис. 5:19—23) представлены отливкой с городища Рыуге, ближайшие аналогии которой в большом количестве происходят из клада в Больших Будках и Никодимова. Это — единственная известная нам находка в Причудье и Приладожье образца типа, распространенного от Молдавии до Поволжья и популярного, как было отмечено выше, в финском мире.

«Очковые» бляшки с петелькой (рис. 5:24—27) представлены негативом из Изборска и отливкой из Ладоги. В других регионах они встречены всего на двух формочках: из Штефан-чел-Марь в Румынии и Осечена. Уникальный случай

воспроизведения формы бляшки в другом металле, в бронзе, приводится в таблице, иллюстрирующей находки из курганов из могильника Заозерье на Смоленщине, однако без привязки к определенному комплексу этого сложного памятника⁶⁸.

Ажурные крестовидные бляшки, образованные двумя перекрещивающимися овалами (рис. 5:28–31) распространены исключительно на севере (2 — в Камно, 2 — Псков, 1 — Ладога, 1 — Городище на Сяси — сопка №3). Поздние пластинчатые бляшки такой формы, происходящие с о. Саарема, приведены у Х. Моора⁶⁹

Ажурные 5-лепестковые розетки (рис. 5:32–33) также имеются только в Городище на Сяси (поселение) и на Любше.

Отдельные колечки — повсеместно распространенная форма, представленная негативами и отливками. В северном регионе негативы колечек есть в Ладоге, Рюге, Камно, где их число достигает 14.

Интересно, что в северном регионе отсутствуют композиции из колечек, соединенных по два, по три, в пирамиду, которые не редки на юго-западе.

8. Накладки и подвески в виде продолговатых колодочек с «головками» или кольцами (рис.6) имеют целый ряд соответствий за пределами рассматриваемой территории и считаются связанными с конструкцией головного убора финских племен⁷⁰. Однако и на наших формочках имеются негативы подобных изделий, которые объединяются в несколько типов.

Продолговатые колодочки прямые или веретенообразные с кольцами или головками на концах (рис. 6:1–6) встречаются не часто, но и на юге, и на севере, и в Верхнем Поднепровье, и на Дьяковском городище Луковня. Они представлены в Камно (5), Отепя (1), Изборске (2), Ладоге (1), на Любше (6). Вариантом этого типа являются продолговатые колодочки в форме вытянутого ромба с кольцами или шариками на концах (рис. 6:7–10). Они представлены всего на 4-х предметах и сохраняют свою устойчивую форму в сочетании с негативами самых разных украшений в Поднепровье (Бернашевка), Побужье (Семенки), Подонье (Занки) и в Камно.

Колодочки-«рыбки» с прорезью в веретенообразном теле (рис. 6:11–13) имеются только на севере и представляют собой местный вариант рассматриваемого типа. Они есть в Камно (6) и Изборске (1).

9. «Цепедержатели». (рис.6).

К числу таких изделий относятся похожие на ряд соединенных колечек длинные колодочки с серией из 4-х — 5-и сквозных отверстий, к которым могут крепиться цепочки. Негативы их есть в центральном регионе — в Белом Городке и на Дьяковом городище, обломок такого предмета, но из медного сплава, имеется в Смородино, где в частности, были найдены вещи из свинцово-оловянного сплава⁷¹. Однако именно в северном регионе таких форм много: в Камно (3 негатива), на Псковском (4 негатива), Изборском (2 негатива) и Любанском (1 негатив) городищах, в Ладоге (1 отливка). По-видимому негатив короткого двучастного цепедержателя представлен на формочке из Золотого Колена. В последующее время и формочки, и отливки происходят из Лыхаве в Эстонии.

12. Прямоугольные накладки различаются орнаментом и длиной.

Прямоугольные вытянутые накладки с поперечными редкими линиями встречаются повсеместно: на памятниках Молдавии, Польши, в Бернашевке, также в Верхневолжье и на дьяковских памятниках, причем на формочке обычно несколько их негативов. На севере один негатив имеется в Ладоге, на формочке с изображениями розеток со штрихами.

Подквадратные накладки с поперечными и перекрещивающимися редкими линиями (рис. 3:14–20) встречены только на севере: в Рюге, Отепя, Изборске, Камно, Любше. Очень близкие по размеру и украшению вещи во множестве представлены в Бернашевке и на других памятниках юго-запада, но у них с одной из сторон имеется по паре колечек.

Вытянутые прямоугольные накладки с косыми городками есть в районе Верхней Волги и на дьяковских памятниках, но два негатива имеются и в Изборске, причем в сочетании с изображением кольца-«венчика» с ложной зернью. Негативы еще 3-х подквадратных накладок с такой разделкой поверхности сочетаются с негативами позднего крестика и решетчатой подвески на формочке из древнерусского слоя Изборска XIII в.⁷² Формочка с негативами трех подквадратных бляшек с простым рифлением найдена на Рюриковом городище⁷³.

В заключение обзора необходимо упомянуть об одной категории негативов,

которые, строго говоря, не являются ни углублениями для лицевой стороны изделий, ни для петелек изнанки, хотя они нередко встречаются на одних формочках с рассмотренными нами украшениями. Это — небольшие ямочки, нанесенные в геометрическом порядке и имитирующие украшение поверхности или края изделия мелкой зернью. В Ладоге это формочка с негативами зерни на 5 гранях (ЛДГ-197) и известная формочка Л-1843 с негативом перекладчатого украшения с зернью, а в Изборске и Камно — негативы тонких колец-«венков» диаметром 2,5 см, украшенных имитацией шариков зерни на проволочках. Сложно представить, для чего могла бы служить хрупкая отливка такого изделия. Несмотря на хронологический разрыв, больше всего эти поделки напоминают дьяковские круглые фибулы с ложной зернью, хотя меньше их по размеру.⁷⁴ Такие находки логично было бы отнести исключительно к проявлению финно-угорских традиций, которые ранее находили воплощение в иной технике литья⁷⁵ Однако необходимо учесть, что масса формочек с имитацией зерни на мелких украшениях и отдельных композиций из шариков зерни происходит и из южного района — Бернашевки, Шелиг и Хачек в Польше, Зимно. Некоторые из них полностью аналогичны «негативам» из Ладоги и Дьякова городища, при этом старше их и связаны с традицией обработки именно низкотемпературных сплавов. Поэтому однозначного ответа об истоках появления в числе формочек типа Камно-Рыуге экземпляров, предназначенных для отливки ажурных зерненных украшений, пока нет.

Подводя итоги перечислению форм свинцово-оловянных украшений, отливавшихся на северо-западе, подчеркнем несколько моментов, которые представляются нам принципиальными.

Во-первых, все типы и разновидности украшений, представленных здесь, относятся к категориям, распространенным в третьей четверти I тыс. н.э. в южных и центральных районах Восточной Европы на раннеславянских памятниках пражской, пеньковской и колочинской культур, а также там, где отчетливо фиксируется импульс культурного влияния, исходивший из этих регионов (Верхняя Волга).

Во-вторых, среди многообразия конкретных типов выделяется несколько

небольших локальных серий, представленных, за редким исключением, только на памятниках Причудья и Приладожья. Это вытянутые трапеции и пирамиды из трех соединенных трапеций, квадратные накладки с композицией из 4-х полукруглых, малые подквадратные накладки, малые нашивные бляшки с крестом, бляшки-колесики, «пуговки» с двумя отверстиями, крестовидные бляшки из двух овалов, ажурные 5-лепестковые розетки, удлиненные накладки-«рыбки» и цепедержатели. Эти типы в совокупности численно преобладают и определяют специфику набора свинцово-оловянных украшений северного региона. Именно эти изображения образуют набор устойчивых сочетаний на формочках с несколькими негативами. Однако все они являются результатом эволюционного развития «южных» прототипов. Сложение трех самых массовых типов изделий — удлиненных трапеций, нашивных бляшек с крестом и накладок-«рыбок», и их производство, несомненно, связано с городищем Камно, где на формочках-заготовках «отразилась история» выработки форм этих украшений.

В-третьих, в наборе типов украшений Причудья и Приладожья широко представлены не только дериваты, но и прямые заимствования типов украшений, встреченных в южной зоне, но не относящихся к числу повсеместно распространенных. Это плоские подвески «колоколовидной» формы, квадратные подвески с шариками по углам, колодочки с ромбическим туловом и большие бляшки с крестом. Последние и послужили прототипами представительной серии нашивных бляшек с крестом. На хорошо стратифицированном Земляном Городище Старой Ладоги именно большие бляшки не встречаются выше горизонта 770-х — 780-х гг., а производные от них маленькие попадают вплоть до начала X в. Также из Старой Ладоги происходит формочка с негативами трапециевидных бляшек с широким основанием и точечным орнаментом, находящими наиболее близкие аналоги в самой Бернашевке. «Негативы» трапеций сочетаются на изделии с двумя маленькими розетками со штриховкой по краю и круглой бляшечкой. Формочка происходит из коллекции случайных находок (№ КП 7834/А-5989), и до ее публикации трудно судить, связана ли она с Земляным

Городищем или происходит с другого участка древнего поселения в Ладоге. «Негативы» трапеций с широким основанием встречены по одному в Камно и Лоози, причем в последнем случае фиксируется сочетание «вытянутых» и «приземистых» трапеций.

В-четвертых, распространенное представление о местной финской подоснове традиции изготовления мелких бляшек в Причудье и Приладожье не находит подтверждения при рассмотрении конкретных форм изделий. Более того, существует как бы своеобразный фильтр, который не пропустил на территории финских племен основные категории трапециевидных, квадратных и круглых плоских бляшек, хотя круглые выпуклые и сдвоенные бляшки, гантелевидные колодочки, и изредка — рифленные розетки появились там вместе с заимствованной техникой их отливки.

Таким образом, оказывается, что распространение техники изготовления мелких украшений из свинцово-оловянных сплавов в Причудье и Приладожье сопровождалось заимствованием и усвоением основных типов украшений, которые изготавливались в этой технике там, где она была зафиксирована на рубеже VI—VII вв., а именно на раннесредневековых славянских памятниках Румынии, Поднепровья, Побужья и Польши.

Пути и характер этого заимствования определяются пока лишь в общих чертах. Ключевое место занимает в этом контексте район верхнего течения рек Волги и Мологи куда, по-видимому через Верхний Днепр, приходят навыки изготовления изделий определенных типов мелких вещей в каменных формочках. Находки таких формочек связаны с памятниками третьей четверти I тыс. н.э., причем Подол III, Осечен и Юрьевская горка принадлежат удельскому типу древностей, характерной особенностью керамического комплекса которого является высокий процент пражских форм. И.В. Исланова говорит о нескольких переселенческих волнах из разных регионов, сформировавших мозаичную картину сосуществования культуры длинных курганов и удельского типа в исследуемом ею регионе⁷⁶. Одной из таких волн и была принесена мода на украшения из свинцово-оловянных сплавов и технология их изготовления из Среднего Поднепровья.

Достаточно полное воспроизведение исходного набора форм мелких

украшений, их типов и деталей может быть объяснено тем, что рассматриваемая традиция была перенесена в новый район достаточно активной миграцией населения. Изготовление украшений из низкотемпературных сплавов не требует высокой специализации, поэтому появление формочек бернашевского типа, так же, как и пражская керамика на поселениях свидетельствуют о движении населения, а не мастеров.

Из района чересполосного расселения литейные формочки попадают на поселения и в могильники культуры псковских длинных курганов, но их там насчитывается немного (Съезжее, Лоози, Арнико). Негативы изделий на формочках из этих памятников полностью совпадают с представленными в Верхнем Поволжье. Поздняя датировка комплексов из Лоози и Арнико основана М. Аун именно на привязке найденных там формочек к Рыуге (VIII—IX вв.)⁷⁷, однако на фоне продемонстрированных аналогий эта привязка не бесспорна, тем более, что как раз в Рыуге-то, в отличие от поселений Верхнего Поволжья и Камно, прямых соответствий изображениям на формочках из длинных курганов нет.

Определенная хронологическая неувязка в наших рассуждениях возникает при рассмотрении набора формочек из Камно. Появление поселения на городище относится ко времени не ранее начала VIII в., а расцвет его производственной деятельности — ко второй половине VIII в.⁷⁸ Но типы представленных на ряде формочек изображений оказываются даже ближе к исходным юго-западным, чем имеющиеся в промежуточных регионах, и именно на их основе в Камно происходит выработка новых разновидностей изделий, о которых речь уже шла раньше. Мастера Камно унаследовали 13 разновидностей мелких украшений Бернашевского типа и создали на их основе 8. Создается впечатление, что производившийся в Камно набор бляшек соответствует моде более раннего времени, чем возникновение ремесленного центра на городище. В связи с этим уместно вспомнить, что по этнографическим данным, именно традиционные способы украшения костюма, такие как вышивка, аппликация, украшение полотнищ металлическими спиралями, оказываются необыкновенно устойчивыми, веками сохраняющими основные элементы и мотивы. Именно

к таким традициям относится использование нашивных бляшек из свинцово-оловянных сплавов, не чуждое, кстати, и древнерусской курганной культуре от территории кривичей до Подмоскovie и Вологодчины⁷⁹, где типы бляшек в X–XII вв. повторяют известные в «древностях антов»⁸⁰.

То же наблюдение касается и Старой Ладogi. Находка формочки с негативами ранних трапедий с широким основанием, розеток и круглой выпуклой бляшки, на самом деле не единственная находка, свидетельствующая о возможном заимствовании типов для отливки свинцово-оловянных украшений. В их число входит формочка из горизонта E₂ (№ Л-1843) с изображениями трехрогой лунницы с имитацией гроздей зерни на концах, подвески — деривата украшений круга выемчатых эмалей и бляшки-розетки со штрихами по краю. Дискуссия относительно хронологической привязки этого предмета, найденного в строительном ярусе V (840-е — 860-е гг.), но отражающего далекие культурные связи, продолжается⁸¹, однако сегодня он должен рассматриваться вместе с еще одной случайной находкой — пряслицем, выточенным из литейной формочки с негативом плоской подвески колоколовидной формы (СЛМ КП 96.697 /л.18.798 — рис.2:4). Стилистическая подвеска близка луннице с формочки из горизонта E₂, хотя негатив на последней и не имеет соответствий среди изображений на формочках типа Бернашевка-Камно. К сожалению, обе формочки найдены вне контекста раскопов.

Возникает второй вопрос, не имеющий однозначного ответа: каковы

причины «реанимации» моды на вполне определенные типы украшений, вышедшие из славянского мира Поднестровья, которая произошла более чем через 100 лет за тысячи километров от исходного региона, по-видимому, в совершенно иной этнокультурной среде. Ведь мало наладить производство дешевых украшений, необходимо, чтобы они пользовались спросом. Судя по находкам формочек на городищах Рыуге, Отепя, Псковском и Труворовом, а также в Ладoge, Любше и на Городище на Сяси, не говоря уж о Камно, на поселениях юго-восточного Причудья и в Приладожье существовала определенная среда, в которой были востребованы украшения именно таких типов. Трудно сказать, были ли это потомки носителей культуры длинных курганов или кто-то еще⁸².

Со второй половины VIII в. именно регион Причудья и Поволховья становится центром, из которого расходятся созданные здесь типы украшений и мода на них. Находки в Хачеве, Шугайлове, Лукомле, на городище Еськи и в Лукьяновке, где представлены поздние типы украшений, связаны уже с деятельностью этого центра.

Таким образом, намеченное А.Д. Мачинской обращение к южным аналогам ладожской серии вещей из свинцово-оловянного сплава оказалось более чем перспективно. Славянские корни одной из самых устойчивых ремесленных традиций средневековой Прибалтики заставляют вновь вернуться к поискам следов еще не выявленных в полной мере культурных и межэтнических контактов населения Восточной Европы второй половины I тыс. н.э.

***

- 1 Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 02-01-343а «Ювелирные изделия и инструменты в раннеславянских культурах Восточной Европы».
- 2 Сабурова М.А. Женский головной убор у славян (по материалам Вологодской экспедиции) // СА. №2. М., 1974. С. 89.
- 3 Зарина А.Э. Одежда ливов X–XII вв. // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллин, 1985. С. 36–46.
- 4 Горюнова В.М. К вопросу об оловянных украшениях «антских» кладов // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской Лесостепи. Воронеж, 1987. С. 85–93; Горюнова В.М. Новый клад антского времени из Среднего Поднепровья // Археологические вести. №1. СПб, 1992. С. 130–132.
- 5 Седзін А.А. Никодимово — городище третьей четверти I-го тысячелетия н.э. в Восточной Беларуси // Край: диалог на сумежжы культур (Беларусь і Польша — разам у III тысячагоддзе). Могилев, 2000. С. 40–41; Седзін А.А. Клад из городища Никодимово // Магілёўшчына. Вып. V. Магілёў, 1994. С. 16–18.
- 6 Моора Х. Об оловянных украшениях и их изготовлении в Прибалтике // Munera archeologica Josepho Kostorzewski. Poznań, 1963. С. 355–365.
- 7 Моора Х. Об оловянных украшениях... С. 361, 365; Дайга И.В. К вопросу о литейных формах и литейном деле на территории Латвии (до XIII в.) // СА. № 3. М., 1960. С. 78–92; Zagina A.

- Seno latgaļu apgērbs 7.–13. gs. Rīga, 1970. Att. 197; Зариня А.Э. Одежда ливов... С. 40, 44; Зариня А.Э. Одежда жителей Латвии VII–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. С. 176, 186; Лаул С.К. Одежда эстонцев I–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. С. 201.
- 8 Тараканова С.А. Псковские городища // КСИИМК. Вып. 62. М., 1956. С. 33–44; Тараканова С.А. Городища Псковское и Камно. Рукопись книги и альбом / Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 1859; Плоткин К.М. Псков и его округа во второй половине I тысячелетия н.э. Автореферат дисс... канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1980.
- 9 Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 279; Седов В.В. Изборск в VIII–X вв. // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллинн, 1985. С. 119–130; Седов В.В. Изборск в эпоху Древней Руси // Изборск и его окрестности – запovedный край России. Псков, 1994. С. 13.
- 10 Тараканова С.А. Древности Псковской земли // По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953. С. 187–216; Тараканова С.А. Городища Псковское и Камно... Табл. XII.
- 11 Шмидехельм М.Х. Городище Рыуге в Юго-Восточной Эстонии // Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. Т. I. М., 1959. С. 166.
- 12 Аун М. Археологические памятники второй половины I-го тысячелетия н.э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллинн, 1992. С. 55.
- 13 Аун М. Археологические памятники... С. 55.
- 14 Носов Е.Н., Верхорубова Т.А. Исследования комплекса культуры длинных курганов на оз. Съезжем в Новгородской области // АО 1976 г. М., 1977. С. 46.
- 15 Аун М. Археологические памятники... С. 55.
- 16 Шмидехельм М.Х. Городище Рыуге... Табл. V:9; Schmidelhem M. Kääbaskalistud Lindoras ja mujal Kagu-Eestis // Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloost. Tallinn, 1965. Lk. 17–62.
- 17 Плоткин К.М. Псков и его округа... С. 10.
- 18 См., например, образцы форм грузиков/пуговок в: Седов В.В. Отчет о полевых работах Изборской экспедиции ИА АН СССР в 1972 г. / Архив ИА РАН. Ф. Р1, Д. 4789, 4789а. Рис. 32: а–е; образцы изделий в: Сергина Т.В. Раскопки в Окольном городе в 1978–1979 гг. // Археологическое изучение Пскова. М., 1983. С. 99. Рис. 18: 6–12; Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. С. 156–158. Рис. 62: 18–32.
- 19 Рябинин Е.А. У истоков ремесленного производства в Ладоге // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1994. С. 50–51.
- 20 Рябинин Е.А. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище в 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 66–67. Пользуюсь случаем поблагодарить Е.А. Рябинина, предоставившего возможность познакомиться не только с частично неопубликованными находками изделий из свинцово-оловянных сплавов, но и с уточненными авторскими датировками и наблюдениями за особенностями их распределения в слое.
- 21 Давидан О.И. Бронзолитейное дело в Ладоге // АСГЭ. Вып. 21. Л., 1980. С. 60–67.
- 22 Мачинская А.Д. Украшения из оловянистых сплавов из Старой Ладоги // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1988. С. 17–19.
- 23 Горюнова В.М. К вопросу об оловянных украшениях «антских» кладов // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской Лесостепи. Воронеж, 1987. С. 85–93.
- 24 Коллекция из 6 литейных формочек готовится к публикации сотрудником Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника З.Д. Бессарабовой.
- 25 Автор приносит искреннюю благодарность Е.А. Рябинину и А.В. Дубашинскому за возможность познакомиться с коллекцией ювелирных изделий и орудий их изготовления из раскопок Любшанского городища 1999–2001 гг.
- 26 Богуславский О.И., Мачинская А.Д. Сясьское городище и поселения Нижнего Поволжья (опыт сопоставления) // Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. ПАВ №6. СПб., 1993. С. 119; Щеглова О.А., Богуславский, О.И., Сениченкова Т.Б. Продолжение полевых исследований поселения у д. Городище на Яси // Ладога и религиозное сознание. СПб., 1997. С. 120; Богуславский О.И. Новые открытия в юго-восточном Приладожье // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб. 1994. С. 90. Рис. 13.
- 27 Раскопки Е.Р. Михайловой 1997 г., С.Л. Кузьмина 1998 г. Материалы не опубликованы.
- 28 Носов Е.Н., Плохов А.В. Поселение Золотое колено на Средней Мсте // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. М., 1991. С. 142. Рис. 5: 21.
- 29 Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 131. Рис. 51.
- 30 Щеглова О.А., Егорьков А.Н. Литейные формочки из Бернашовки и свинцово-оловянные украшения раннесредневековых кладов Днепровского левого бережья // Ювелирное искусство и материальная культура. ТД VII коллоквиума. Эрмитаж. СПб., 1999. С. 111–112; Щеглова О.А. К вопросу о месте и времени формирования традиции изготовления свинцово-оловянных украшений в формочках «типа Камно-Рыуге» // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в I тыс.

- христианской эры. Пятые чтения памяти Анны Мачинской. Материалы к чтениям. СПб., 2001. С. 46–55.; Щеглова О.А. Ушедший мир свинцово-оловянных украшений. К вопросу о месте и времени формирования традиции // Ладога–Альдейга. Истоки Руси. В печати.
- 31 Винокур И.С. Слов'янськи ювелири Поднистров'я. Каменец-Подольский, 1997.
- 32 Винокур И.С. Слов'янськи ювелири... С. 39.
- 33 Гавритухин И.О. Хронология пражской культуры // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3. М., 1997. С. 47–48.
- 34 Parczewski M. Początki kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Wrocław, 1988. S. 148, 191.
- 35 Корзухина Г.Ф. Клады и отдельные находки вещей кпруга «древностей антов» в Среднем Поднепровье // МАИЭТ. Том V. Симферополь, 1996. Рис. 46, 54, 60, 61.
- 36 Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад. М., 1996. С. 205. Рис.30. С. 208. Рис.33.
- 37 Горюнова В.М. Новый клад антского времени из Среднего Поднепровья // Археологические вести. №1. СПб., 1992. С. 126–140. Горюнова В.М., Родинкова В.Е. Раннеславянское поселение Великие Будки (Хутор) // Stratum plus. №4. Кишинев, 1999. С. 167–219.
- 38 Седзін А.А. Никодимово... С. 39–41; Седзін А.А. Клад... С. 16–19.
- 39 Штыхов Г.В. Города Полоцкой земли. Минск, 1978. С. 49, 137; Шмидт Е.А. Днепро-двинские племена в I тыс. н.э. Дисс... докт. ист. наук: 07.00.06. Смоленск, 1974. С. 266–267. Рис. 131; Ермеев И.И. Древности VIII–IX вв. на водоразделе Ловати и Западной Двины (по материалам раскопок 1996–1998 гг) // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Том. II. Тверь, 2001. С. 23–26.
- 40 Исланова И.В. О новом типе памятников третьей четверти I тыс.н.э. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып.1. Тверь, 1996. С. 87–115.
- 41 Исланова И.В., Мирецкий А.В. Находки с городища Осечен // Тверь и Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь, 1997. С. 12–20; Фурасьев А.Г. Литейные формы из поселения Подол III в Тверской области // Синицина Г.В. Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб., 1996. С. 49–52; Исланова И.В. О новом типе... С. 13. Рис. 1:29.
- 42 Харитонов Г.В., Портнягин И.Г. Раскопки селища Белый Городок на Средней Мологе // КСИА. Вып. 148. М., 1976. С. 96. Рис.3:7–9; Волкова М.В. Исследование городища Еськи на Верхней Мологе // АО 1995 года. М., 1996. С. 111–112.
- 43 Городище Соколова Гора, Попадьянское селище — см.: Смирнов К.А. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М., 1974. С. 68, 88. Табл. IX: 3, 4; Сарское городище и могильник, городища Выжегжа, Дурасовское, селище Попадьянское — см. Леонтьев А.Е. Археология мери. М., 1996. С. 96, 128, 202, 234, 262; из более поздних находок на территории веси — Башенкин А.Н. Погребальное сооружение у д.Никольское на р.Суде // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 79–80. Рис.2:27, 28.
- 44 Кренке Н.А. Раскопки Дьякова городища в 1981 г. // КСИА. №178. М., 1984 С. 25–29; Кренке Н.А., Тавлинцева Е.А. Литейные формочки Дьякова городища // РА. В печати; Векслер А.Г. Отчет об археологических раскопках городища Луковня в Подольском районе Московской области в 1976 г. / Архив ИА РАН. Ф. Р–1. Д. 6898, 6898а. Л. 46–49.
- 45 Леонтьев А.Е. Археология мери... С. 208.
- 46 Старостин П.Н., Кузьминых С.В. Погребение литейщицы из Пятого Рождественского могильника // Вопросы древней и Средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 171. Рис. 2:14..
- 47 Леонтьев А.Е. Археология мери... С. 205–208; Седзін А.А. Никодимово... С. 40–41.
- 48 Тараканова С.А. Псковские городища... С. 40–41; Тараканова С.А. Городища Псковское и Камно... Табл. XLI–XLIII. Л. 13–16; Плоткин К.М. Псков и его округа во второй половине I тысячелетия н.э. Дисс... канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1980. С. 10; Плоткин К.М. Отчет о работе Псковского отряда Северо–Западной археологической экспедиции ГМИЛ и ЛГУ им. А.А. Жданова в 1973 г. / Архив ИА РАН. Ф. Р–1. Д. 5382, 5382а. Л. 1–19; Плоткин К.М. Отчет о работе отряда по изучению городища Камно Псковской областной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1974 г. / Архив ИА РАН. Ф. Р–1. Д. 5484. Л. 15; Плоткин К.М. Отчет о работе отряда по изучению городища Камно Псковской областной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1975 г. / Архив ИА РАН. Ф. Р–1. Д. 5995, 5995а. Л. 15; Плоткин К.М. Отчет о раскопках городища Камно и курганов у д. Северик Псковского района Псковской обл. в 1976 г. / Архив ИА РАН. Ф. Р–1. Д. 6077а. Л. 50.
- 49 Седов В.В. Отчет о раскопках в Изборске в 1971 г. / Архив ИА РАН. Ф. Р–1. Д. 4481. Рис. 5; Седов В.В. Отчет о полевых работах Изборской экспедиции ИА АН СССР в 1972 г. / Архив ИА РАН. Ф. Р–1. Д. 4798, 4789а. Рис. 32–33; Седов В.В. Отчет о полевых работах Изборской экспедиции ИА АН СССР в 1973 г. / Архив ИА РАН. Ф. Р–1. Д. 5079. Л. 12–16. Д. 5079а. Л. Рис. 152–155; Седов В.В. Изборская экспедиция ИА РАН СССР. Отчет о работе 1975 г. / Архив ИА РАН. Ф. Р–1. Д. 5325а. Л. 97. Рис. 59:3; Седов В.В. Отчет о раскопках Изборской экспедиции ИА АН СССР в 1978 г. / Архив ИА РАН. Ф. Р–1, Д. 7257. Л. 6, 148; Седов В.В. Отчет о полевых

- работах Изборской экспедиции ИА АН СССР в 1979 г. / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 7400. Л. 12-78. Рис. 125, 129; Седов В.В. Отчет о раскопках в Изборске в 1980 г. / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 7782, 7782а. Рис. 93-103; Седов В.В. Отчет о раскопках в Изборске в 1981 г. / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 8775. Л. 23, 29, 30. Д. 8775а. Рис. 41-42; Седов В.В. Отчет об археологических исследованиях в Изборске в 1982 г. / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 9150. Л. 12. Д. 9150а. Рис. 23:3, 3, 4.
- 50 Тараканова С.А. Городища Псковское и Камно... Табл. XL.
- 51 Аун М. Археологические памятники... Табл. XIX.
- 52 Аун М. Археологические памятники... Табл. XIX.
- 53 Давидан О.И. Бронзолитейное дело... С. 60-62; Давидан О.И. Материальная культура первых поселенцев древней Ладоги // ПАВ. №9, СПб., 1994. С. 156-158; Фонды Староладожского музея-заповедника: Коллекция из раскопок Е.А. Рябинына — шифр ЗГ, ДОМО-КП; А.Н. Кирпичникова — шифр СЛМ — КП №95953.
- 54 Сообщение Е.А. Рябинына, рисунки А.В. Дубашинского, экспозиция выставки «Тысяча лет Северной Европы», СПб, 2000 г.
- 55 Фонды Староладожского музея-заповедника, колл. Городище (Шифр СЛМ-КП); рисунок А.Д. Мачинской.
- 56 Сообщение и рисунки Е.Р. Михайловой.
- 57 Е.Н. Носов, Плохов А.В. Поселение Золотое колено на Средней Мсте // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. М., 1991. С. 142. Рис. 5:21.
- 58 Аун М. Археологические памятники... Табл. XIX.
- 59 Богуславский О.И. Новые открытия... С. 90. Рис. 13, 1.
- 60 Шеглова О.А. Ушедший мир...
- 61 Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. М., 1981. С. 38. Рис. 12:5, 8. С. 42.
- 62 Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962. С. 118.
- 63 Давидан О.И. Бронзолитейное дело... С.62. Рис. 2, 5.
- 64 Давидан О.И. Материальная культура... С. 156, 157, Рис. 1:18.
- 65 Давидан О.И. Материальная культура... С. 156, 157. Рис. 1:114.
- 66 Дергачев В.А., Ларина О.В., Постикэ Г.И. Раскопки 1980 г. на многослойном поселении Данчены I // Археологические исследования в Молдавии в 1979-1980 гг. Кишинев. 1983. С. 128; Teodor D. Romanitatea Carpato-Dunareana si Bizantul in veacurile V-XI e.n. Iasi, 1981. F. 13:6; Petre A. La romanitate en Scythie Mineure (II-e — VII-e siècles de notre ère). Bucarest, 1987. Pl. 145.
- 67 Зарина А.Э. Одежда ливов... С. 37, 44; Лаул С.К. Одежда эстонцев I-XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. С. 200-201; Моора Х. Об оловянных украшениях... С. 355-365.
- 68 Археологическая карта России. Смоленская область. Часть 1. (составители Краснов Ю.А., Михальченко С.Е., Патрик Г.К.) М., 1997. С. 233. Рис. 101:22.
- 69 Моора Х. Об оловянных украшениях... Рис.3:1.
- 70 Ястребов В.Н. Лядинский и Томниковский могильники // МАР. №10. СПб., 1893. С. 6. Табл. IX:16.
- 71 Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки... С.650. Табл. 60:4.
- 72 Седов В.В. Раскопки в Изборске в 1971 и 1972 гг. // КСИА. № 144. М., 1975. С. 73. Рис. 3:16.
- 73 Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище... С. 131. Рис. 51.
- 74 Дубынин А.Ф. Щербинское городище // Дьяковская культура. М., 1974. С. 265. Табл. XI: 15.
- 75 Давидан О.И. Бронзолитейное дело... С. 66; Горюнова В.М. К вопросу об оловянных украшениях... С. 90.
- 76 Исланова И.В. Древности V-VII вв. бассейна Верхней Мсты. Этногенез и этнокультурные контакты славян // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3. М., 1997. С. 77-87.
- 77 Аун М. Археологические памятники... С.132.
- 78 Плоткин К.М. К вопросу о хронологии городища Камно Псковской области // КСИА. Вып. 139. М., 1974. С. 16.
- 79 Сабурова М.А. Женский головной убор... С. 94.
- 80 Горюнова В.М. К вопросу об оловянных украшениях... С. 89.
- 81 Равдоникас В.И. Старая Ладога (из итогов археологических исследований). Часть II. // СА. Вып. XII. 1950. С. 38; Корзухина Г.Ф. О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладоги // Скандинавский сборник. Вып. 16. Таллин, 1971. С. 124, Мачинский Д.А., Мачинская А.Д. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII-IX в. // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 51-52.
- 82 К сожалению, заманчивая попытка найти в материалах раннего Изборска, с его характерной славянской керамикой и домостроительством, формочки для украшений преимущественно исходных типов, у меня не удалась — набор из Изборска как раз и отличается от набора Камно и Ладоги отсутствием как исходных, так и завершающих типологические ряды форм. Это обстоятельство, хотя и на меньшем по объему материале, было отмечено С.В. Белецким (Белецкий С.В. Начало Пскова. СПб., 1996. С. 76).

Новые раскопки

А.Н. Кирпичников, П.Е. Сорокин

ИССЛЕДОВАНИЯ СТАРОЛАДОЖСКОГО «ЗЕМЛЯНОГО ГОРОДИЩА» В 2000 г.

Раскопки 2000 г. в Старой Ладог (Волховский район Ленинградской области) стали продолжением работ, начатых в 1999 г. в юго-восточной части «Земляного городища». Эти исследования осуществлялись Староладожской археологической экспедицией Института истории материальной культуры РАН при участии Исторического факультета Ленинградского государственного областного Университета и других учебных заведений и организаций¹. Раскоп 3 был заложен на месте, где согласно историческим документам существовал посад Старой Ладог, а в 1584–1585 г.г. была воздвигнута южная куртина так называемого Земляного города (рис. 1). Эти укрепления были реконструированы в эпоху Петра I. Раскоп прорезал северную половину куртины и прилегающую к ней территорию крепостного двора. Дневная поверхность на месте раскопок возвышается по сравнению с прилегающим с юга рвом на 6–7 м. В древности куртина в ее земляной части возвышалась над рвом не менее чем на 10 м. Как показали раскопки, верхняя часть этой преграды вместе с бруствером была полностью срыта, а ее поверхность сnivelирована примерно до уровня крепостного двора. В ходе раскопок 1999 г. были исследованы насыпь куртины и прилегающий к ней с севера участок культурного слоя. При этом открылся нижележащий слой позднесредневекового времени. (рис. 2).

В процессе раскопок 2000 г. был изучен культурный слой эпохи позднего средневековья, мощностью 0,25–0,7 м. (рис. 3–6). Различная глубина связана с уклоном древней дневной поверхности с юго-востока к северо-западу. Общая

глубина раскопа от современной поверхности была доведена до 1,25 м в северной части и до 2,6 м в южной.

Исследованный в 2000 г. культурный слой представлял собой массу коричневого по цвету гумуса, насыщенного древесными остатками, щепой, углем, обломками известковой плиты и кирпича. Судя по находкам и стратиграфическому положению слоя — непосредственно под насыпью куртины 1584–1585 гг., он отложился в течение XVI в., но не позднее 80-х гг. XVI в. Под описанным слоем начинался следующий, состоящий из темного гумуса с включениями древесного тлена. Несомненно, это более ранний строительный горизонт. Его изучение которого было продолжено в 2001 г.

В ходе разборки коричневатого гумуса были обнаружены остатки деревянных срубных построек, существовавших здесь до сооружения «Земляного города» (рис. 2). Сохранились их нижние окладные венцы, носившие явные следы пожара.

Три из обнаруженных построек были соединены вместе и располагались в ряд, вытянутый с юга на север, в восточной части раскопа. Среднее помещение представляло сруб размером, примерно, 4×4 м с квадратной в плане печью-каменкой размером 1,6×1,6 м, помещавшейся на деревянном настиле в северо-западном углу. Примыкавшие с севера и юга вплотную к этому помещению сооружения, печей не имели. С запада от описанного комплекса выявлены деревянные конструкции, длиной около 9 м, прослеженные вдоль южной стены раскопа. По своему устройству они напоминают остатки двухчастной постройки. Назначение ее, однако,

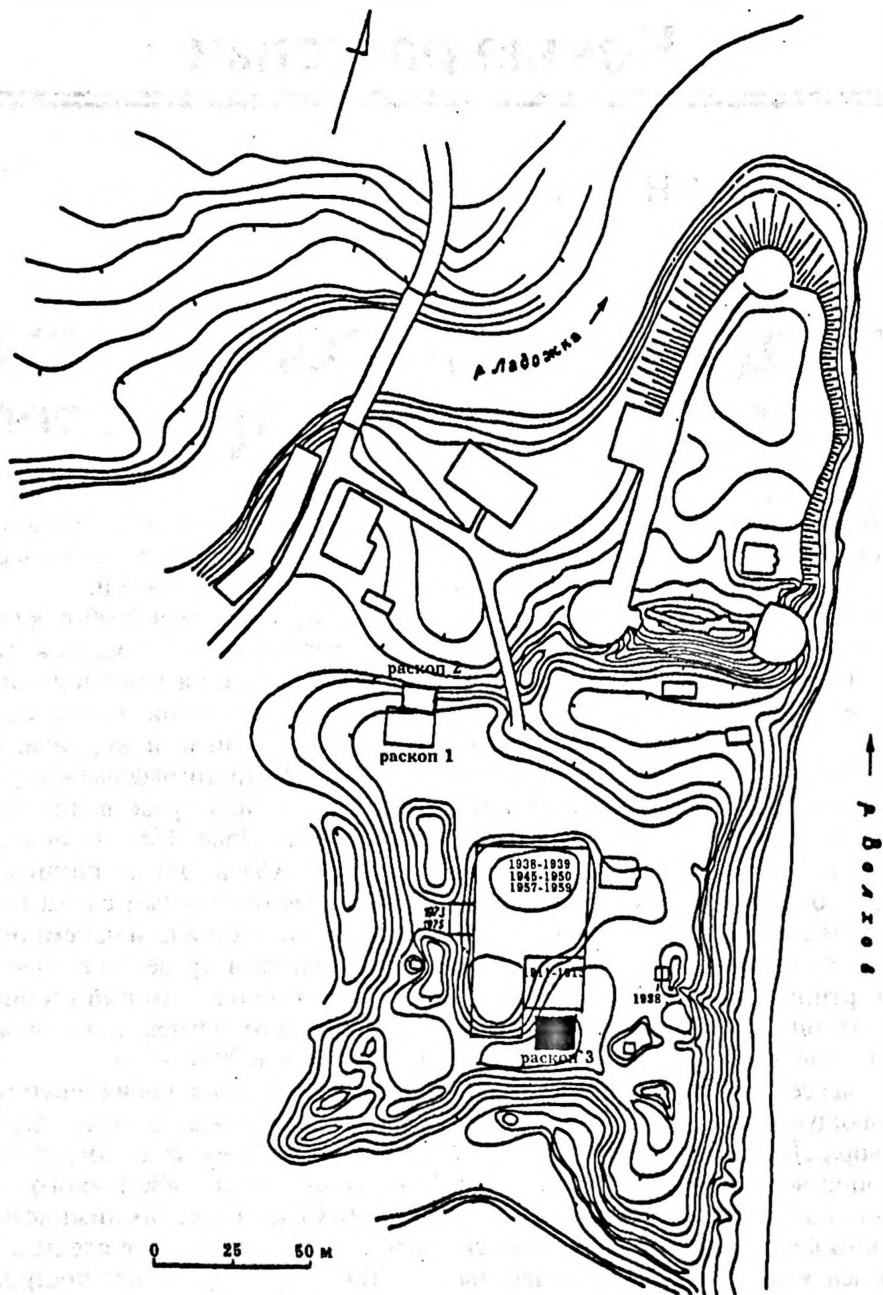

Рис. 1.

Старая Ладога. «Земляное городище». План раскопов разных лет.
Черным цветом обозначен раскоп 3

определить было затруднительно, поскольку основная часть сооружения располагается за пределами раскопа. Тем не менее, можно предположить, что все вместе они образовывали единое сооружение, разделенное конструктивно на пять или более частей и видимо включавшее трехчастную связь, расположенную с востока.

В западной половине раскопа были открыты части сруба размером, примерно, 4×4 м с печью в его южном углу. Под печи

$1,5 \times 1,5$ м состоял из плит, положенных на деревянную подкладку. Перед печью с северной стороны под плахами пола был расчищен подпол, где обнаружен набор игры в «бабки», состоящий из 49 астрагалов и двух дисковидных каменных бит. Возможно, что с севера и юга к описанному сооружению также примыкали срубные постройки, но их остатки, за исключением разрозненных плах, не сохранились. Таким образом, на исследуемом

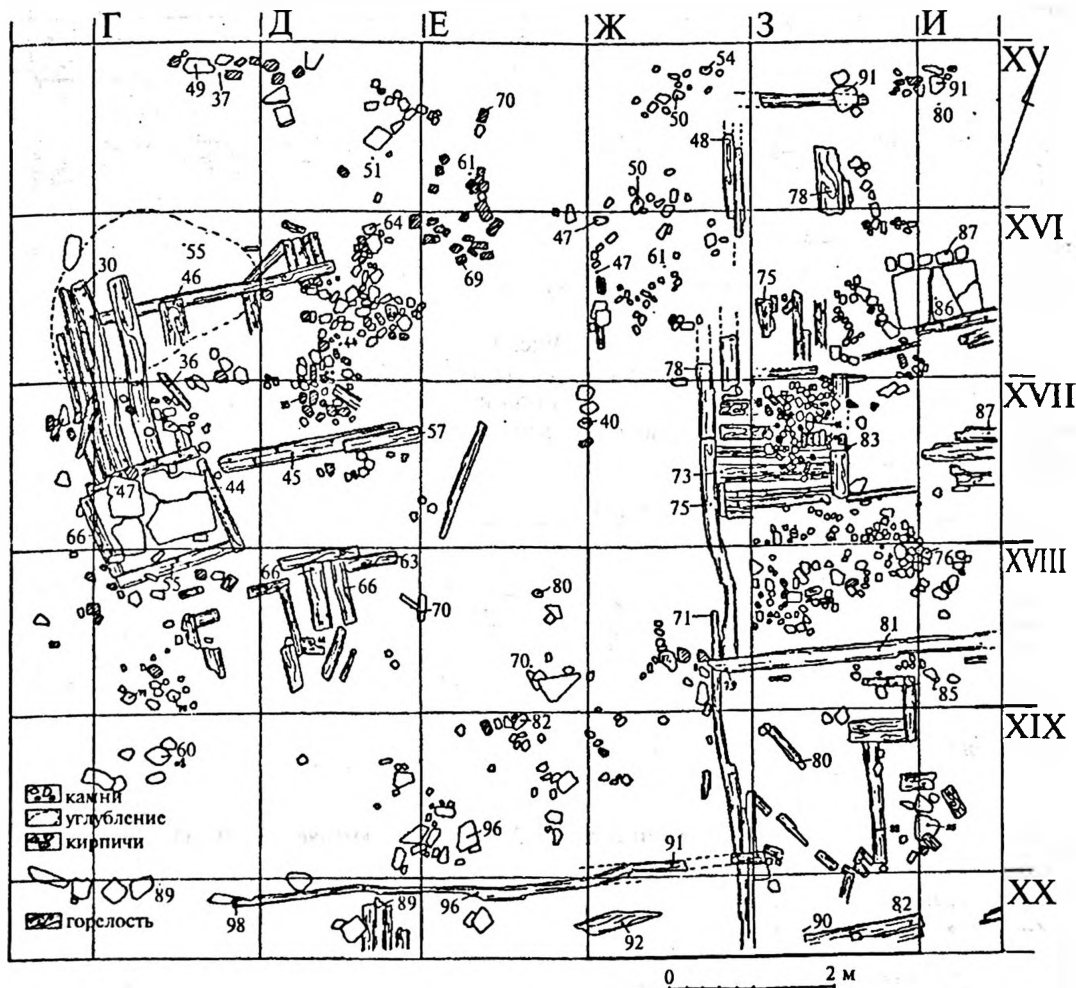

Рис. 2
 Старая Ладога. Археологические раскопки 2000 г.
 План верхнего строительного горизонта.

участке выявлены части нескольких деревянных сооружений, два из которых были отапливаемыми.

Несомненно, что речь идет о посадских постройках ладожан, которые проживали в этом месте города вплоть до 1570 гг. В дальнейшем эта территория не застраивалась в связи с возведением бастионной крепости. Столь отчетливые элементы домостроительства города Ладоги XVI в. археологически выявлены впервые.

При изучении культурного слоя и оказавшихся в нем частей построек обнаружены необычайно разнообразные и многочисленные находки, которые суммарно могут быть датированы концом XV — третьей четвертью XVI вв. К ним добавляется некоторое количество вещей IX—XI вв., случайно попавших в изучаемые слои еще в древности при перекопах. Это, в основном, касается стеклянных бус и обломков

стеклянных браслетов. К предметам предшествующего времени, вероятно, относятся обломки плинфы и фрагменты фресок из находившейся поблизости церкви Климента, которые могли попасть в слой при проведении ремонтных работ.

Находки, в большинстве, составляют предметы домашней утвари, промыслов, детали одежды и обуви, украшения, оружие, снаряжение коня и всадника. Некоторые находки связаны с судами и рыбной ловлей (рис. 7, 1; 1, 2; 8, 1).

Среди вещей, выполненных из железа: ножи, топоры, замки, ключ, зубило, скобы, кольца, светец, ладейные заклепки, звенья цепей, пряжка, наконечник пики, наконечник стрелы, стремя, конские подковы и подковки для обуви (рис. 7-11). Выделяются изделия из бронзы и латуни: крест-тельник, кольцевидная застежка, пряжки, пуговицы, кольца, пинцет,

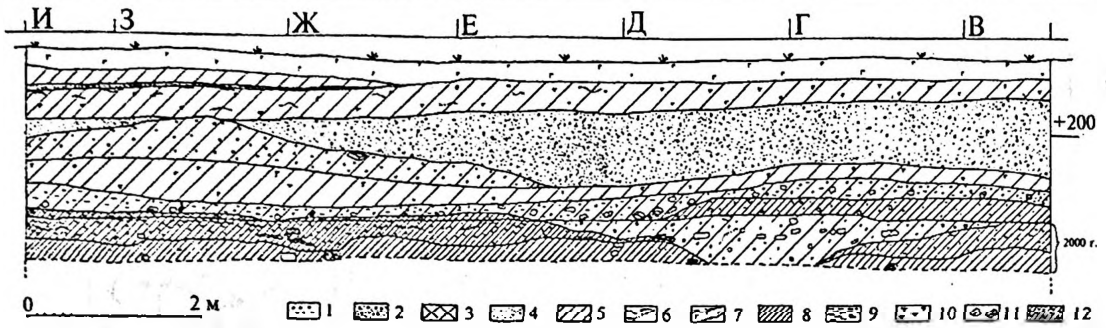

Рис. 3

Профиль южной стенки раскопа 3.

Условные обозначения: 1. щебень, 2. песок с глиной и известковой крошкой, 3. перекоп, 4. песок, 5. серый гумус, 6. древесный тлен, 7. дерн, 8. темный гумус, 9. глина, 10. уголь древесный, 11. камни, 12. коричневый гумус.

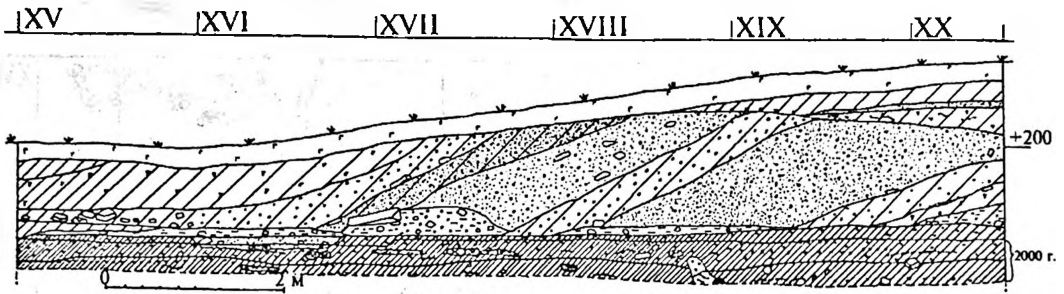

Рис. 4

Профиль восточной стенки раскопа 3. Условные обозначения: см. на рис. 3.

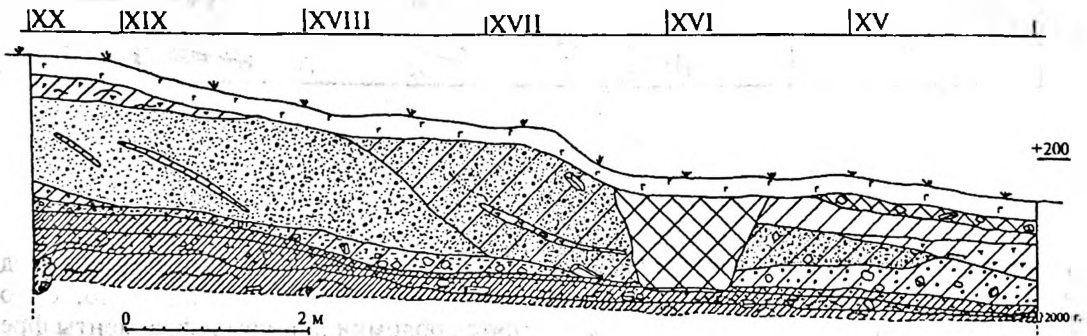

Рис. 5

Профиль западной стенки раскопа 3. Условные обозначения: см. на рис. 3.

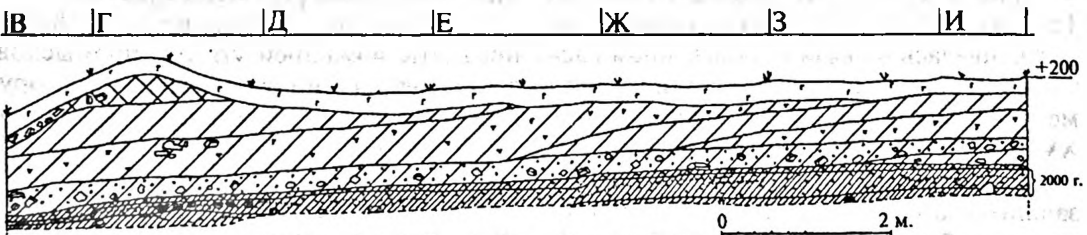

Рис. 6

Профиль северной стенки раскопа 3. Условные обозначения: см. на рис. 3.

обрывки цепочек и куски проволоки, перстень-печатка с изображением птицы, корабельный свисток. Впервые обнаружены золотые женские украшения: подвеска

к ожерелью и ушко от подвески с зернью. Достаточно редкими являются предметы из свинца и свинцово-оловянистых сплавов: вислая печать с изображением воина

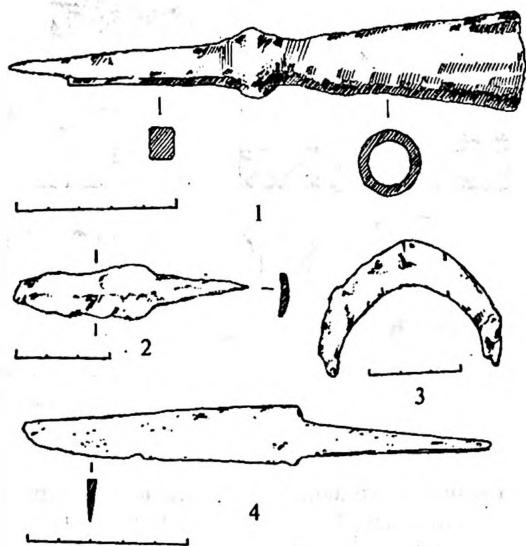

Рис. 7

1 — наконечник пики, 2 — наконечник стрелы, 3 — подковка, 4 — нож.

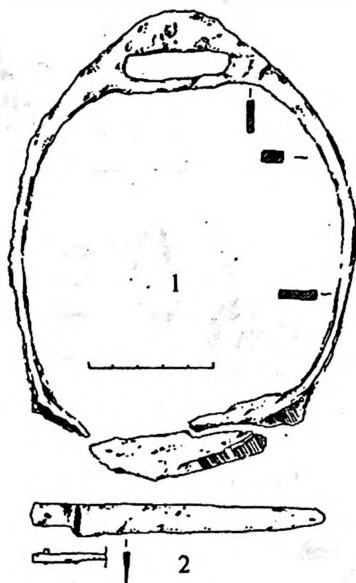

Рис. 8

1 — стремя, 2 — нож.

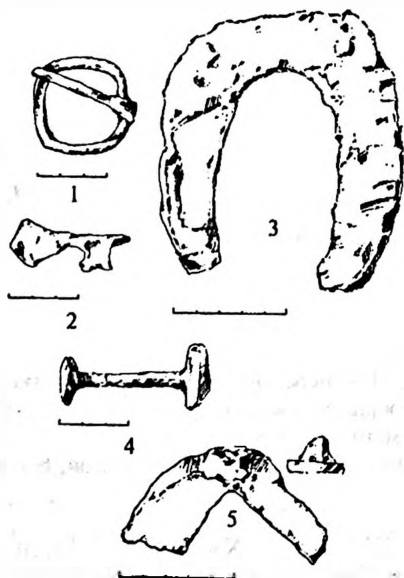

Рис. 9

1 — пряжка, 2 — ключ, 3 — подкова, 4 — заклепка, 5 — подковка.

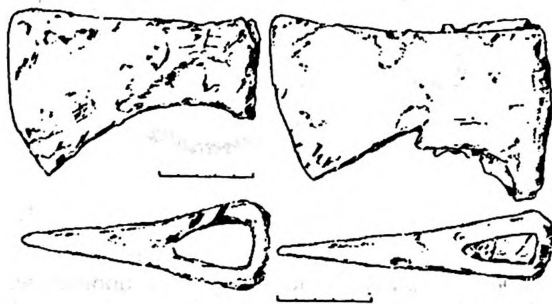

Рис. 10

Топоры рабочие.

с мечом, фрагментированные браслеты с растительным узором (рис. 12-14).

Разнообразны вещи из кости и рога: одно- и двухсторонние гребни, рукоять ножа, иглы, проколки, фрагмент рога со следами обработки, упоминавшаяся выше игра в «бабки», насчитывающая 49 астргалов (рис. 15, 16). Вещи из кожи представлены фрагментами обуви, рукавиц и ножами. Из бересты были изготовлены части лаптей и рыболовные поплавки, а из древесины детали бочек, ставня для окна, ладейное кормовое весло.

Отметим 90 стеклянных бус, пронизок и бисера. Из стекла были также изготовлены 15 обломков браслетов, перстни, подвеска, часть сосуда, оконный диск с бортиком (рис. 17). Помимо стекла в слое были найдены многочисленные фрагменты оконной слюды. Некоторые из найденных вещей были сделаны из камня. Это единичные бусы из янтаря, сердолика и горного хрусталя, а также предметы обихода: пряслица, оселки, рыболовные грузила, биты для игры (рис. 18).

Рис. 11

1 — цепь, 2 — замки.

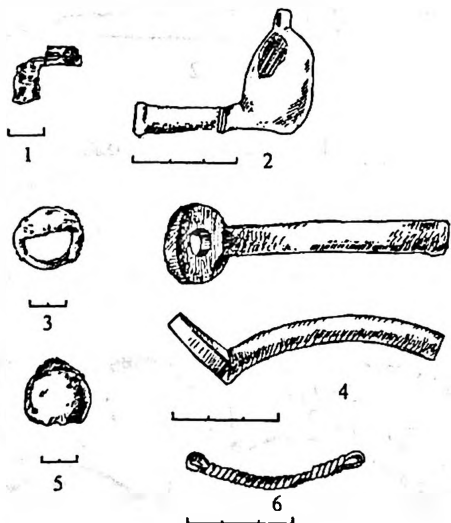

Рис. 13

1 — креста-тельника фрагмент, 2 — корабельный свисток, 3 — кольцо бронзовое, 4 — ручка бронзовая, 5 — гирица бронзовая? 6 — витая проволока бронзовая.

Среди глиняных предметов выделяют: уточка-свистулька, пряслица. Обломков глиняной посуды собрано около 2,5 тыс. (рис. 19). Ассортимент ладожской керамики столь богат, что дает возможность ее убедительно типологизировать в зависимости от формы горловины. При этом типичными были простые валикообразные венчики без шейки.

В постройках были встречены обломки кирпича, использовавшегося, вероятно, в конструкции печей вместе с камнем. Размеры его составляли 24,8×12,7×5–6,7 см (длина, ширина, толщина).

Набор вещевых материалов, обнаруженных в заполнении отдельных построек и вблизи них, необычайно разнообразен. Так в одной из восточных построек

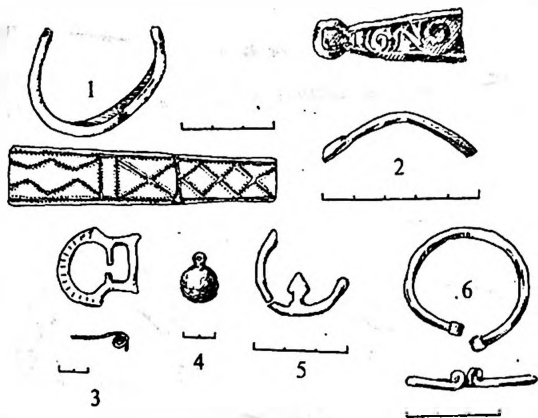

Рис. 12

1-2 — фрагменты браслетов из свинцово-оловянистых сплавов, 3 — пряжка бронзовая, 4 — пуговица бронзовая, 5 — накладка бронзовая, 6 — подковообразная фибула.

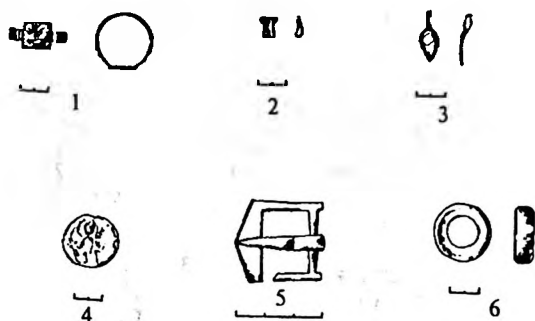

Рис. 14

1 — перстень латуный с печаткой с изображением лебедя, 2 — подвески золотой фрагмент, 3 — подвеска золотая, 4 — печать свинцовая, 5 — пряжка бронзовая, 6 — кольцо свинцовое.

(кв. Ж, 3, И — XV, XVI) найдены вещи, характеризующие одежду и убор ее жителей: нательный крестик (рис. 13, 1), фрагменты цепочки, бронзовые (рис. 12, 1) и стеклянные пуговицы, пронизка, бисер и бусина, обувная подковка. Из предметов утвари: два топора, два ножа (рис. 7, 4), замок (рис. 11, 2), пряслица, декоративные орнаментированные накладки из кости (рис. 15, 1–3), рукоятка ларца (рис. 13, 4), звенья железной цепи. К предметам вооружения относятся наколочный стрелы (рис. 7, 2), чугунное ядро и две свинцовые пули.

В центральной и южной части трехкамерного сооружения, (кв. Ж, 3, И — XVII, XVIII, XIX) также было обнаружено множество находок. Из предметов

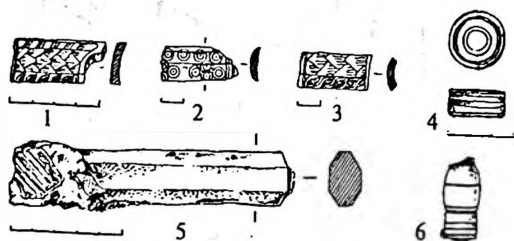

Рис. 15

1-3 — накладки костяные орнаментированные, 4 — пряслице, 5 — рукоять ножа, 6 — рукоять из рога с железным стержнем.

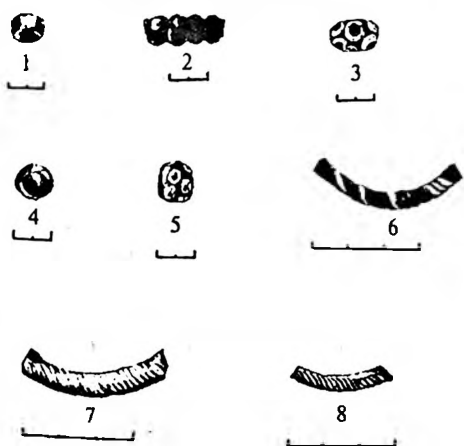

Рис. 17

Бусины: 1, 3, 5 — глазчатые, 2 — пронизка золотостеклянная, 4 — из сердолика, 6-8 — браслеты стеклянные, фрагменты.

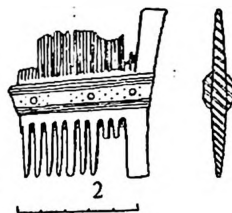
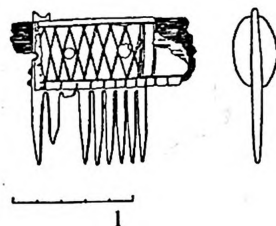

Рис. 16

1, 2 — костяные гребни.

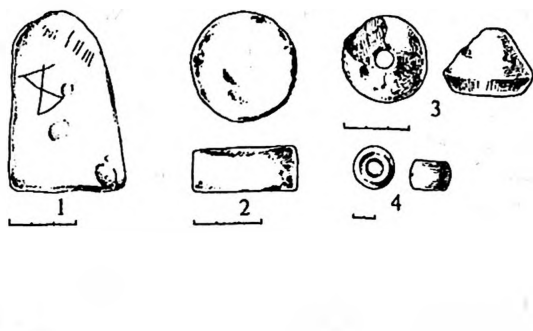

Рис. 18

Изделия из камня: 1 — предмет со знаками, 2 — бита, 3-4 — пряслица.

вооружения: наконечник пики (рис. 7, 1) и свинцовая пуля. Бытовые вещи: два ножа, пряслице, оселок, цепь железная (рис. 11, 1), поделка из рога и фрагмент рога со следами обработки. Из украшений здесь же было несколько бусин (рис. 17, 3, 5), пронизок, обломок стеклянного браслетов. В качестве подкладки к деревянным конструкциям постройки была использована лопасть большого кормового весла (рис. 20). Среди деревянных конструкций было найдено несколько ладейных заклепок.

С постройкой, обнаруженной в западной части раскопа (кв. В, Г, Д - XVI, XVII), связано значительное количество фрагментов кожаной и плетеной обуви: каблук, подошва, несколько фрагментов кожи и плетеных лаптей. Здесь же найдены две железные подковки, бронзовая

пуговица, а также фрагменты веревок и шерстяной ткани. Из предметов домашней утвари можно назвать: два топора (рис. 10, 1-2), нож, ложкарь, четыре оселка, осколки стеклянного сосуда, многочисленные фрагменты керамической посуды, в числе которых обломки фляжки с растительным орнаментом, покрытой зеленой поливой. Здесь же были найдены: подкова, заклепка и железное ядро.

Почти все перечисленные предметы характеризуют занятия и быт горожан периода позднего средневековья. В науке эти вещи практически не изучались, так как слоев равноценных ладожскому и относящихся к концу XV-XVI вв. в русских городах за редким исключением не сохранилось, или они еще не выявлены. В перечне перечисленных вещей почти отсутствуют инструменты, сырье, заготовки и другие свидетельства ремесленного

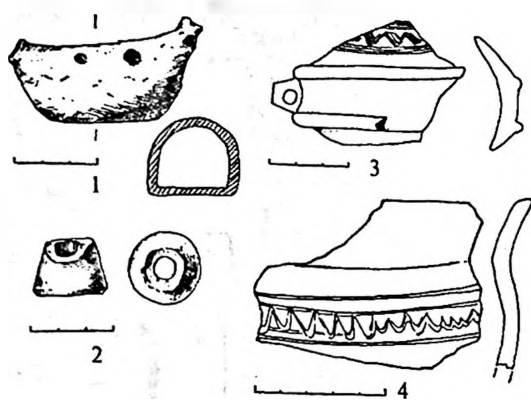

Рис. 19

Изделия из глины: 1 — свистулька-уточка, 2 — пряслице, 3 — фляги муравленой фрагмент, 4 — сосуда орнаментированного фрагмент.

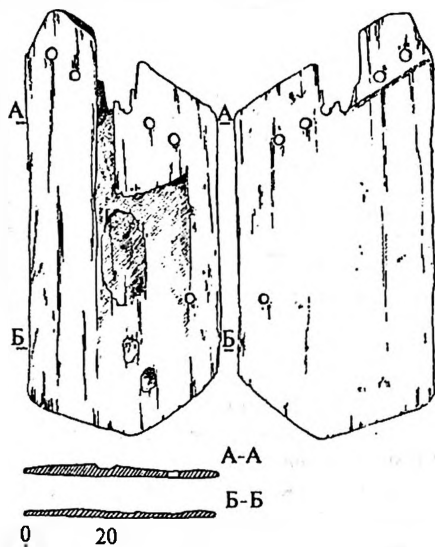

Рис. 20

Лопасть рулевого весла.

производства. В то же время, нахождение среди вещей разнообразных украшений, оружия, снаряжения коня свидетельствует об определенной сословной принадлежности достаточно состоятельных людей, проживавших в данной части Ладожского посада, возможно, воинов и торговцев.

После разборки описанных выше построек в восточной части раскопа обозначился нижележащий горизонт застройки. Выявленные деревянные конструкции были ориентированы в том же направлении, что и вышележащие, однако не вполне точно совпадали с ними по планиграфии. Здесь также выделяется много-частная структура сооружения. С этим

горизонтом связаны некоторые примечательные находки: свинцовая печать, обломки браслета с растительным орнаментом из свинцово-оловянистого сплава, бронзовый свисток и некоторые другие вещи.

Оба выделенных горизонта построек носили явные следы пожара. Синхронизировать эти пожары с реальными историческими событиями пока не представляется возможным из-за скудости документов по этому периоду истории Старой Ладоги. Однако, последний из них, ставший причиной прекращения жизни на этом участке посада, мог быть связан с опричным разорением 70-х г.г. XVI в., охватившим весь Северо-Запад Руси.

***

¹ Исследования велись на средства Федеральной целевой программы «Интеграция высшего образования и фундаментальной науки» проект № К-0388, Министерства Культуры РФ по программе «Развитие культуры и сохранение культурного наследия России», Комитета по культуре Администрации Санкт-Петербурга, Администрации Волховского района Ленинградской области, НИИ Электрофизической аппаратуры им. Д.В. Ефремова.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ИЛЬМЕНСКОМ ПООЗЕРЬЕ¹

Ильменское Поозерье (или Паозерье), как называли его древние новгородцы, — ключевой район на карте лесной зоны Восточной Европы. Поозерьем («земли вдоль озера / по озеру») традиционно именуется небольшой район, протянувшийся узкой полосой шириной 4–5 км на 20 км вдоль северо-западного берега Ильменя, между озером и текущей почти параллельно его берегу р. Веряжей. Важную роль Поозерья в истории Новгородской земли предопределили его плодородные почвы, удобные для начального земледельческого освоения, и чрезвычайно выгодное географическое положение в месте, где сходились обширные системы рек Мсты, Полы, Ловати и Шелони, а по р. Волхову открывался выход в Ладожское озеро. Именно в Поозерье, поблизости от истока Волхова из Ильменя находилось главное капище ильменской группы славян — Перынь.

Все это не оставляет сомнений, в том, что изучение археологических памятников, относящихся к периоду становления Новгорода как центра всего Приильмения, и памятников непосредственно предшествовавших этому времени, то есть датированных в целом второй половиной I тыс. н.э., имеет решающее значение для выяснения облика славянской культуры раннего средневековья, разработки вопросов характера, времени и исходной территории славянской колонизации, изучения процессов взаимоотношения славян с финнами и скандинавами. Именно исследования сельских поселений позволяют ставить и решать вопросы взаимоотношения города и его округа, роли природных и экологических факторов в развитии центра Новгородской земли. Однако до недавнего времени на фоне блестящих достижений археологии собственно Новгорода мы не имели представления об обычных сельских поселениях, синхронных раннему периоду его истории. Не было ни

одного поселения, раскопанного широкой площадью.

Ко второй половине 1970-х гг. относится новый этап в исследованиях древностей ильменского Поозерья. После эпизодически проводившихся ранее случайных разведок и раскопок Новгородская областная экспедиция ЛОИА АН СССР (сейчас ИИМК РАН) начала систематическую работу по выявлению новых, а также обследованию и изучению уже известных археологических памятников на этой ближайшей к Новгороду территории.

В результате работ экспедиции в рассматриваемом районе было зафиксировано 18 древних поселений (два городища и 16 селищ) и шесть пунктов с сопками — погребальными сооружениями конца I тыс. н.э.² Подавляющее большинство известных к настоящему времени памятников сосредоточено на берегах р. Веряжи, что обусловлено особенностями геологического строения, гидрологическими и ландшафтными условиями Поозерья. По истории своего формирования, оно является дельтой вреза древней реки, поэтому его поверхность представляет собой чередование пологих холмов (бывших островов) и длинных понижений, ложбин (бывших протоков), а в почвенном отношении — озерно-ледниковых песков и ленточных глин. В пределах Поозерья непосредственное побережье Ильменя луговой поймы не имеет. Вдоль берега здесь идет узкая полоса слоистого песчаного наноса, а поэтому близ озера древнее население размещалось, главным образом, лишь там, где в озеро впадают обладающие поймами небольшие речки. Наиболее обширную пойму имеет самая крупная из рек Поозерья — Веряжа. Даже в середине лета ее ширина достигает 60–80 м. Берега Веряжи представляют собой чередующиеся всхолмления, разделенные извилистыми низинами.

Месторасположение археологических памятников Поозерья обусловлено

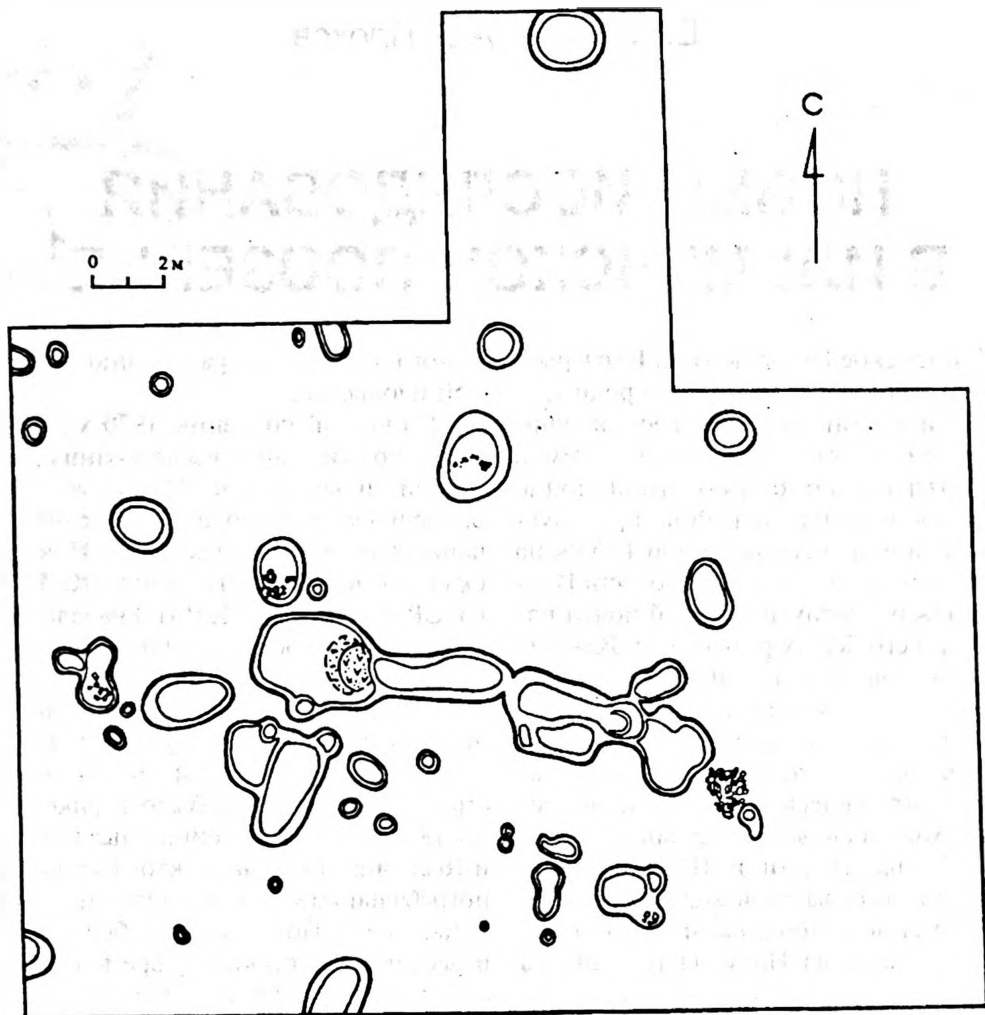

Рис. 1
План раскопа на селище Васильевское.

характером оз. Ильмень, особенно внутригодовым и межгодовым колебанием уровня воды. Течение в реках Поозерья — Веряже, Ракомке и Прости практически отсутствует, и их водный режим целиком определяется уровнем воды в озере. Весной уровень воды в реках, вслед за озером, поднимается на 3–4 м, а иногда и значительно выше в сравнении с зимним периодом. Тогда вплоть до середины лета низкие места побережий превращаются в почти сплошную водную гладь с отдельными возвышенностями. В это время реки Поозерья представляют собой своеобразные озерные фьорды. До того как русло р. Прости было в ходе мелиоративных работ спрямлено, а прилегающая местность осушена, иногда при весеннем подъеме воды речка превращалась в протоку между Веряжей и озером, по которой плавали на лодках³. Летом вода

опускается, уступая место пойменным лугам и болотистым низинам, расчлененным протоками и заливчиками. В сухое время Прость и Ракомка практически пересыхают.

Жители Поозерья, начиная с эпохи раннего металла, выбирали для своих поселений расположенные вдоль рек и недоступные во время паводков склоны пологих холмов. В силу ограниченного числа удобных для жизни мест, на всех выявленных поселениях встречены материалы различных периодов⁴. Места древних памятников заняты пашнями, огородами и строениями современных деревень, что привело к значительному разрушению культурного слоя селищ и уничтожению ряда сопков. Все это серьезно затрудняет изучение археологических памятников новгородской округи.

В настоящее время важнейшим направлением в археологии и истории

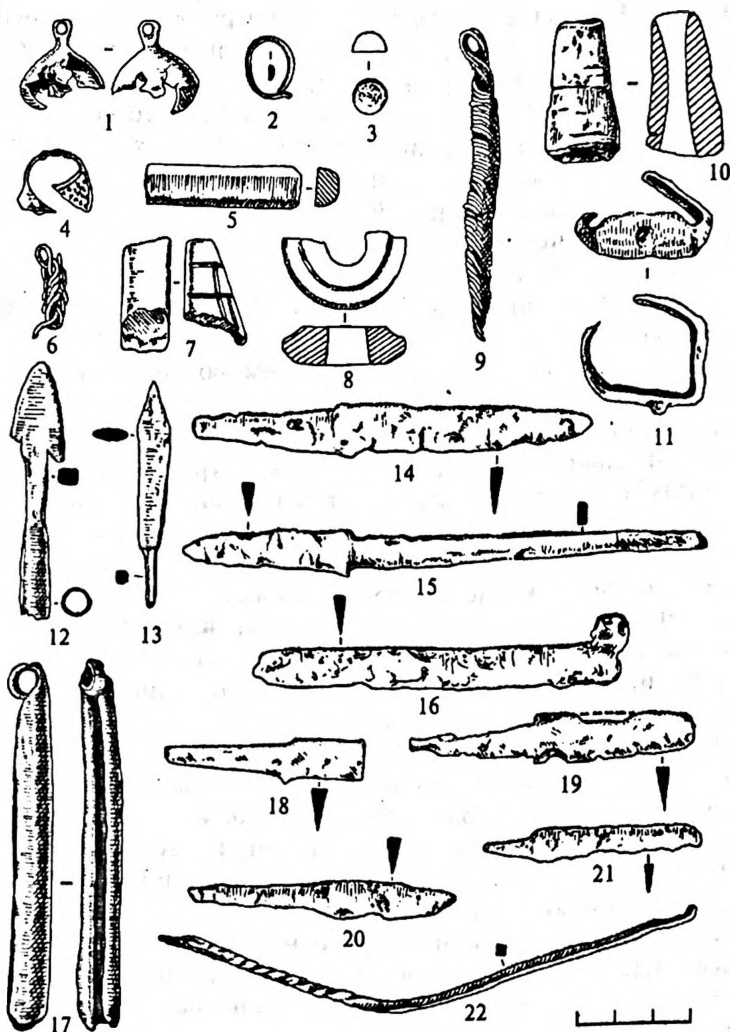

Рис. 2
Вещи из раскопок на селище Васильевское.

Новгородской земли является комплексное исследование славянских памятников Северного Приильменья. Начиная с середины 1980-х гг., Новгородская областная экспедиция ИИМК РАН провела широкомасштабные раскопки на трех поселениях ильменского Поозерья: селищах Васильевское, Прость и городище Георгий.

Выбор объектов для стационарных работ был не случаен. Поселение Прость составляет единый комплекс с центром славянской языческой религии в урочище Перынь, а поэтому именно здесь можно было предполагать наличие наиболее ранних материалов, характеризующих культуру славян. Городище Георгий расположено в самом центре Поозерья и является одним из двух укрепленных пунктов рассматриваемого района. Несомненно, оно выполняло особые функции в поозерской поселенческой зоне. Селище Васильевское

является рядовым неукрепленным поселением в этой местности. Данная статья посвящена частичному подведению итогов предпринятых работ.

Селище Васильевское находится в 1,5 км к северу от одноименной деревни, в южной части одного из всхолмлений левого берега р. Веряжи, возвышающегося на 6 м над водой. Приблизительные размеры поселения, вытянутого по пологому береговому склону вдоль реки, составляют 75×165 м.

Памятник был открыт в конце 1950-х гг. С.Н. Орловым⁵. В 1977, 1985–1990 гг. поселение исследовалось Новгородской областной экспедицией⁶. Небольшой раскоп был заложен в 1977 г. на вершине всхолмления там, где при его обследовании был найден двушипный железный наконечник стрелы (рис. 2: 12). В дальнейшем исследованная площадь была

расширена в южном и западном направлении и достигла 500 кв. м (рис. 1).

Мощность культурного слоя на раскопанной площади составила 0,18–0,6 м, однако лишь в восточной ее половине нижняя часть отложений толщиной до 0,2 м осталась не нарушена в ходе многолетней распахки. В пахоте был найден разновременный керамический материал: от посуды раннего металла до горшков нового времени. В черном не перепаханном культурном слое преобладала лепная профилированная керамика конца I тыс. н.э., хотя встречались фрагменты лепной керамики эпохи раннего железа и отдельные обломки гончарных сосудов позднего средневековья.

На площади раскопа были выявлены разного рода сооружения: остатки нижних углубленных в материк частей построек, печь-каменка и остатки открытых очагов, столбовые и хозяйственные ямы.

Наибольший интерес представляет комплекс, обнаруженный в центральной части раскопа и являвшийся основанием углубленного в материк сооружения с печью. Он состоит из двух частей. Западная половина комплекса представляла собой подпрямоугольную постройку размерами 2–2,4×3,2 м, углубленную в материк на 0,21–0,37 м. В ее восточной части, на площади размерами 1,15×1,25 м расчищены плотные слои прокаленного песка и суглинка различных оттенков, зола, отдельные угли и включения глины. Толщина этих слоев достигает 0,2 м. Это, несомненно, место расположения печи. Здесь было встречено более 1100 фрагментов глиняной обмазки. Судя по их форме, часть ее использовалась для промазки пазов и стыков между бревнами и плахами. Основная же масса фрагментов измельчена, имеет неправильную форму, и на многих встречались отпечатки травы. Видимо, печь была сложена из глины и укреплена снаружи деревянным каркасом. Раскопанный комплекс явно не принадлежал к остаткам жилого строения. Принципиально близкую конструкцию, только с обноской из каменных плит, имели некоторые средневековые горны южной Норвегии⁷. С востока к печи примыкает более глубокая корытообразная часть комплекса размерами 1,05–1,35×3,4 м, глубиной от 0,39 до 0,55 м с уплощенным полом и крутыми стенками, по существу, являющаяся подходом к печи.

При разборке заполнения комплекса кроме большого количества лепной керамики и немногочисленных фрагментов раннегончарного сосуда был найден ряд индивидуальных находок, в том числе часть каменной литейной формочки (рис. 2: 7), грубо вырезанный из рога предмет в форме конуса с несколько вогнутыми боками — обойма (томар?) (рис. 2: 10), железный черешковый ромбовидный наконечник стрелы (рис. 2: 13), деформированная бочонкообразная (?) бусина печеночно-красного стекла.

Наконец, отсюда происходит часть большой гривны из перекрученной, четырехгранной в сечении железной проволоки (рис. 2: 22). Такие гривны в Скандинавии имели весьма ограниченный район распространения. До 95% находок обнаружены в Средней Швеции (Уппланд и Седерманланд). Они также встречены в некоторых других провинциях Восточной Швеции и на Аландских островах и в то же время их нет в южной и западной Швеции, Дании, Норвегии и на основной территории Финляндии. Датируются гривны IX–X вв., и лишь единичные экземпляры относятся к более раннему времени⁸. На территории древней Руси основная часть железных гривен выявлена в могильниках, причем, большинство находок сосредоточено вдоль важнейших водных торговых путей и датируется X в., хотя в Ладоге и на Рюриковом городище есть большие гривны и более раннего времени⁹. У исследователей не вызывает сомнения скандинавская принадлежность железных гривен. По мнению Г.Л. Новиковой, «сакральные изделия, найденные на том или ином археологическом памятнике отмечают временное или постоянное пребывание на нем выходца из Скандинавии (с большей вероятностью, из Средней Швеции)»¹⁰. В связи с этим, обнаружение такого украшения на сельском поселении у д. Васильевское заслуживает пристального внимания.

Производственный характер сооружения с печью не вызывает сомнения, но незначительное количество железных шлаков, встреченных на исследованной площади поселения, говорит не в пользу его связи с металлургическим производством. Мы склонны видеть в обнаруженном на поселении объекте кузнечный горн, а находки шлаков считать отходами

работы кузницы. Это не исключает использование исследованного сооружения для работы с цветными металлами, о чем косвенно свидетельствует найденная здесь часть каменной литейной формочки. Для плавки цветных металлов, видимо, использовались и некоторые комплексы с очагами, зафиксированные на поселении.

Вещевой материал селища невелик. Находки отдельных категорий немногочисленны, исключение составляют ножи, встреченные как в слое пахоты, так и в заполнениях комплексов (рис. 2: 14–16, 18–21). Всего их найдено семь экземпляров, а от еще одного ножа сохранился только черешок. Одной из интереснейших находок является железный нож с волютообразным завершением рукояти (рис. 2: 16). В российской литературе подобные ножи считаются характерными для славянских древностей¹¹. По мнению Р.С. Минасяна, по территории Восточной Европы ножи с волютообразным навершием, распространились вместе с другими категориями хозяйственного и бытового инвентаря благодаря расселению групп славянского населения¹².

Как уже выше упоминалось, среди находок, происходящих с селища Васильевское, имеется втульчатый двушипный наконечник стрелы. Специальный анализ их распространения и датировки осуществил Р.С. Минасян. По его мнению «носителями стрел с двушипными втульчатыми наконечниками в Восточной Европе были славяне»¹³. Эти наконечники наряду с ножами с волютообразными навершиями, включены Р.С. Минасяном в выделенный им комплекс сельскохозяйственного и бытового инвентаря¹⁴. Не ставя под сомнение преимущественное распространение двушипных втульчатых наконечников стрел среди славян, хотя встречены они и среди древностей других племен¹⁵, следует отметить сравнительно позднее их появление на Северо-Западе. Они не встречены здесь в комплексах, датируемых раньше второй четверти X в., что ставит под сомнение связь этого типа наконечников с изначальным славянским заселением Приильменя. В то же время среди памятников лесной зоны Восточной Европы по значительному числу находок двушипных втульчатых наконечников стрел (21 экз.) резко выделяется

близкое к Поозерью Рюриково городище¹⁶. При том, что в материалах Скандинавии таких наконечников практически нет, можно думать, что они несомненно входили в особую группу городищенских древностей, противостоящих яркому скандинавскому комплексу этого поселения. В данном контексте находка такого наконечника на селище Васильевском особо значима.

Среди железных предметов, встреченных на поселении, отметим также футляр для трута (рис. 2: 17), ледоходный шип (рис. 2: 11), часть железной дужки и шило. В пахотном слое и заполнении ям было встречено несколько изделий из цветных металлов и их обломков: бронзовый грушевидный бубенчик с крестовидной прорезью и орнаментом в виде косой насечки в нижней части (рис. 2: 1), широкосрединный пластинчатый перстень с завязанными концами, украшенный точками и орнаментом, известным под названием «волчий зуб» (рис. 2: 4), часть предмета, представляющего собой пучок шерстяных нитей, обмотанных бронзовой проволокой, с петлей на конце, возможно, обломок головного жгута или шейной гривны (рис. 2: 9), бронзовая полусфера, являющаяся, видимо, нижней частью штампованной пуговицы (рис. 2: 3), бронзовое узкопластинчатое кольцо (рис. 2: 2), обрывок бронзовой плетеной цепочки из S-овидных звеньев (рис. 2: 6), свинцовый грузик и бронзовый слиток (рис. 2: 5).

Среди материалов, происходящих с поселения, имеется одна глиняная и восемь стеклянных бусин, обломки двух глиняных и трех каменных пряслиц (рис. 2: 8), в том числе двух биконических из розового шифера, части трех оселков из сланца и одного из песчаника.

Важное место среди материалов, собранных на памятнике, безусловно, занимает керамический материал. Основной категорией посуды на селище являются горшки. По характеру профилировки верхних частей среди горшков можно выделить группу, которую составляют сосуды с четко выраженным плечиком, часто с ребром при переходе от горловины к тулову и выделенной шейкой (рис. 3: 1, 3). Керамика, входящая в эту группу, составляет около половины лепной посуды конца I тыс.н.э. с поселения и определяет своеобразие его керамического комплекса.

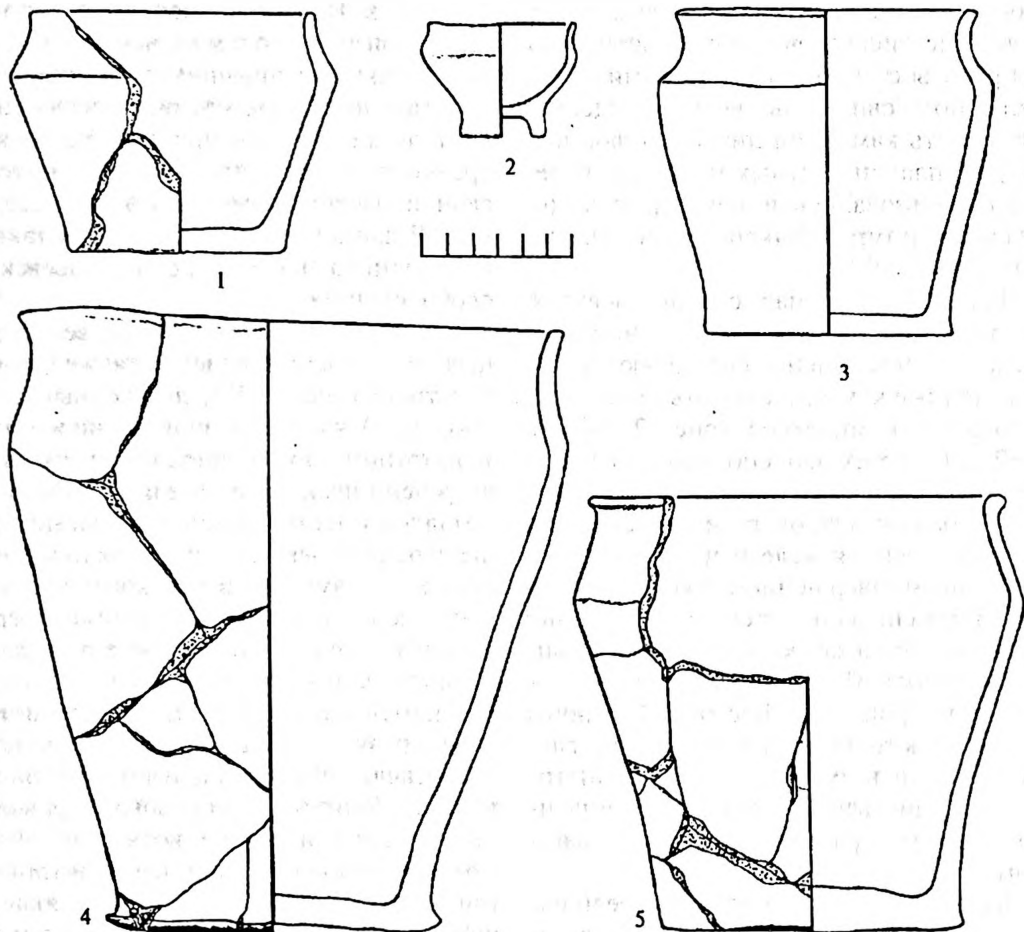

Рис. 3

Керамика селища Васильевское (1–3) и городища Георгий (4, 5).

Верхние части других горшков довольно разнообразны и не составляют отчетливых групп.

Сравнение лепной посуды поселения Васильевское с материалами археологических памятников Северо-Запада России, имеющих слои VIII — начала X вв., показало ее тождество с керамикой нижних горизонтов таких значительных центров, как Ладога, Рюриково городище, Новгород и ряд поселений Поволховья и Ильменского Поозерья. Керамика близких форм встречена при раскопках селищ Золотое Колено и Нестеровичи в бассейне р. Мсты, Городка на Шелони и других. Подобные сосуды найдены во многих погребениях в сопках.

Изучение керамического комплекса играет ключевую роль при решении вопроса датировки раскопанной части поселения Васильевское. Следует учитывать то, что в заполнениях почти всех исследованных сооружений и ям, а также в

непотревоженном культурном слое преобладала лепная неорнаментированная профилированная керамика, а обломки раннегончарной посуды встречены лишь в некоторых комплексах в незначительном числе. Считается, что гончарная посуда появилась в Поволховье с начала X в., и в первой половине этого столетия происходит процесс «смены лепной керамики гончарной», при этом комплексы, содержащие только лепные горшки, относятся к более раннему времени¹⁷. Исходя из этого заключения, основную массу исследованных комплексов можно было бы датировать концом IX — первой половиной X в. н.э. Однако, сравнение раннегончарных сосудов, найденных в комплексах памятника, с материалами стратифицированной колонки раннекруговой посуды Рюрикова городища показало, что горшки с поселения Васильевское относятся ко второй половине X в.¹⁸ Следует отметить, что по данным, полученным

при изучении материалов Рюрикова городища, количество гончарной керамики до середины X в. «крайне невелико — около 4%» и лишь с середины столетия она резко вытесняет лепную посуду¹⁹. В это же время отмечаются изменения в структуре раннегончарного комплекса этого торгово-ремесленного центра — прекращают существование одни группы сосудов, появляются новые, изготавливаемые на другом, более высоком техническом уровне, изменяются существующие типы горшков²⁰. Только на этом этапе развития гончарного производства кружальная посуда появляется на поселении Васильевское.

Анализ угля из заполнения сооружений, исследованных в 1986–1988 гг., проведенный в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН, позволил получить достаточно представительную серию радиоуглеродных датировок. Сравнение шести калиброванных датировок ряда углубленных в материк комплексов позволило «определить их наиболее вероятный период функционирования как 956–1000 (1020) гг.», хотя «с некоторой долей вероятности, они могли относиться и к концу IX — началу X в.»²¹.

Таким образом, керамический материал и данные радиоуглеродного анализа позволяют датировать основные культурные отложения и большую часть комплексов селища Васильевское второй половиной X в. н.э. Эта датировка в целом не противоречит хронологии вещевого набора памятника.

Исследование отпечатков растений на кусках глиняной обмазки дало свидетельства того, что жители поселения выращивали ячмень и пшеницу-двузернянку (полбу)²². Костный материал на памятнике сохранился только в заполнениях комплексов. Его изучение показало, что обитатели поселка разводили коров, овец, свиней, лошадей, собак. На их занятие охотой указывают обнаруженные здесь также кости лося. Судя по находкам большого количества костей и чешуи в заполнении сооружений и ям, жители поселения широко использовали в пищу рыбу.

Проведенные в течение нескольких лет раскопки на селище позволяют сделать вывод о том, что исследованная часть представляет собой периферию поселения, занятую производственными и хозяйственными комплексами. Об обработке

железа говорит открытие горна, шлаки, а также находка обломка сопла. О работе с цветными металлами свидетельствуют находки фрагментов тиглей, бронзового слитка и части каменной литейной формочки. Существование косторезного промысла у жителей поселения находит подтверждение только в найденных здесь фрагменте обработанного рога и грубо сделанной из рога обоймы.

Городище Георгий расположено в 1,2 км к югу от одноименной деревни, в 300 м вверх по течению реки от селища Васильевское, при впадении в Веряжу ручья. Оно занимает северный конец того же всхолмления, что и селище. Площадка поселения поднимается над окружающей поймой на 4,5 м. В ее северо-восточной части на 30 м в длину сохранились остатки земляного вала. Его ширина в основании 12–14 м, высота от 1 м (над уровнем площадки) до 3,3 м (с напольной стороны).

Впервые вал городища был упомянут в своде И.С. Романцева 1911 г. как находящийся у ныне не существующей д. Заостровье²³. В середине 1950-х гг. городище было обследовано М.М. Аксеновым, в 1958 и 1979 гг. его раскопки проводил С.Н. Орлов. Им было исследовано на поселении 166 кв. м. При этом были найдены углубленные в материк хозяйственные ямы, скопления глины и пережженных валунов от печей-каменок. В заполнении комплексов встречена исключительно лепная керамика, которая преобладала и в культурном слое. Среди нее представлены как горшки с четкими ребристыми плечиками «ладожского типа», так и горшки с плавным переходом от слабопрофилированного горла к расширяющемуся тулову²⁴.

В числе находок имелись: подковообразная железная фибула, ромбический наконечник стрелы²⁵, коса-горбуша и железный серповидный нож. Одним из наиболее интересных предметов, обнаруженных при раскопках С.Н. Орлова, стал железный нож, рукоять которого завершалась двумя волютами. Долгое время он был единственной находкой подобного рода на всей территории Северной Руси²⁶. Теперь аналогичный нож найден и на близлежащем к городищу Георгий селище Васильевское и уже описан нами ранее. Еще раз повторим, что подобные ножи обычно связываются с материальной

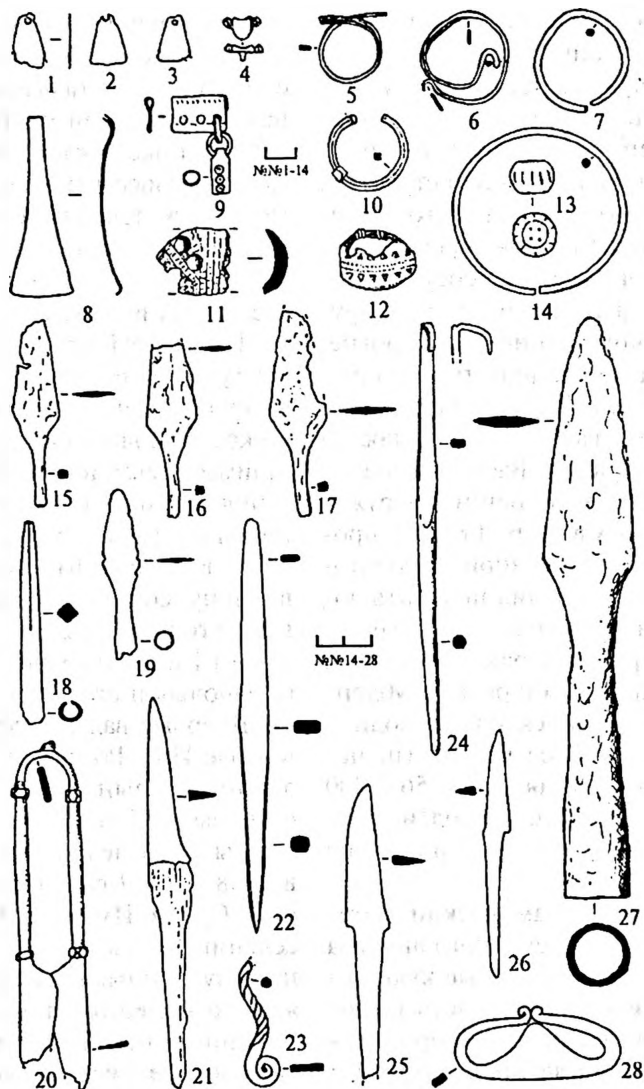

Рис. 4

Вещи из раскопок городища Георгий.

культурой, оставленной славянским населением. Из раскопок 1979 г. происходит бронзовый салтовский перстень с крестообразно расположенными лапками, принадлежащий к типу 1, по классификации С.А. Плетневой. Этот тип датируется автором классификации концом VIII — первой половиной IX в.²⁷

С.Н. Орлов и М.М. Аксенов отнесли основной слой поселения к VIII—IX вв.²⁸ Этот слой, по мнению С.Н. Орлова, уходит под насыпь вала, возведение которого, соответственно, он датировал более поздним временем — X или XI—XII вв. Как полагали С.Н. Орлов и В.В. Мавродин, строительство вала было связано с устройством на данном месте усадьбы феодала²⁹.

В 1983 г. городище было обследовано Новгородской областной экспедицией.

В 1989—1993 гг. экспедицией были проведены исследования поселения, в результате которых была изучена большая часть сохранившейся к настоящему времени площади городища. Раскопом было вскрыто 444 кв. м. на площадке памятника, а двумя траншеями и четырьмя шурфами изучены его оборонительные укрепления³⁰.

Мощность культурного слоя на исследованном участке составила 0,4—0,9 м. Верхняя часть отложений толщиной 0,16—0,6 м представляет собой аморфный гумус серого цвета. Из него происходит лепная и разновременная гончарная керамика, а также ряд индивидуальных находок: части двух витых и одного ладьевидного браслетов из бронзы (рис. 4: 11), крестик, два ножа, железный язычок от пряжки, часть стеклянного браслета,

стеклянная бусина, фрагмент хрустальной 14-гранной бусины, оселок, глиняное пряслице и обломок льячки.

Нижняя часть культурных напластований имела более темную окраску. Мощность этого слоя — 0,1–0,5 м. При его разборке были выявлены развал печи-каменки и остатки глинобитной печи (размеры 1,7×2,52 м), стоявших, видимо, в наземных домах, а также зафиксированы пятна темного (с углистыми включениями) и коричневого гумуса различной интенсивности. Некоторые из этих пятен фиксировали верхние части заполнения различных ям и сооружений, углубленных в материк.

В 1992 г. при изучении разрушенного вала был вскрыт развал обугленного дерева, который при дальнейших исследованиях в 1993 г. оказался частью срубной постройки. От нее сохранилась главным образом южная часть. Сооружение ориентировано углами по сторонам света. Размеры постройки не меньше, чем 5×5,5 м. Сруб сохранился на высоту 2–3 венцов. Сооружение располагалось на культурном слое первоначального поселения и сгорело перед возведением вала, что и сохранило его остатки до нашего времени. При разборке этого сооружения было найдено не менее семи черешковых ромбовидных стрел (рис. 4: 15–17), причем шесть из них на площади немногим более одного квадратного метра.

В нижней части культурного слоя и в заполнении комплексов встречено значительное число фрагментов глиняной обмазки, отдельные фрагменты раннегончарной посуды и большое количество обломков лепной керамики. Среди лепной посуды преобладает неорнаментированная керамика конца I тыс. н.э., причем отмечены как горшки принадлежащие к «ладожскому» типу (рис. 3: 4, 5), так и сосуды других форм. Кроме того, в материалах памятника были встречены фрагменты посуды с текстильной и штрихованной поверхностью, относящейся к раннему железному веку.

Благодаря проводившейся промывке части культурных отложений поселения и заполнений большинства комплексов собрана внушительная коллекция индивидуальных находок: янтарная, сердоликовая, четыре глиняные и 248 стеклянных бусин (среди них 236 бисерин), 1/8 часть

дирхема, обломок и 10 целых маленьких бронзовых трапецевидных подвесок (рис. 4: 1-3), часть трапецевидной бронзовой подвески, бронзовый перстень, пластинчатый широкосрединный перстень с завязанными концами (рис. 4: 12), сферическая весовая гирька (рис. 4: 13), половина и два целых простых проволоочных височных кольца (рис. 4: 7, 14), части двух бронзовых цепочек, бронзовое ромбовидного сечения кольцо с остатками подвески (фибула?) (рис. 4: 10), два обломка бронзового наконечника или перстня (рис. 4: 5), небольшое бронзовое украшение из пластины с загнутыми концами (рис. 4: 6), ножицы с бронзовыми накладками (рис. 4: 20), половинка железной лировидной привески от плети (рис. 4: 23), фрагмент железной пластинки с орнаментом, калачевидное кресало (рис. 4: 28), 3 шила (рис. 4: 22, 24), наконечник дротика (рис. 4: 27), одиннадцать наконечников стрел (целых и обломков) (рис. 4: 18, 19), железный крючок, ножи и их обломки (в том числе нож с остатками деревянной рукоятки) (рис. 4: 21, 25, 26), костяной амулет, обломок сланцевого тесла, два оселка из сланца, два фрагмента глиняных льячек, части тиглей, обломки четырнадцати глиняных и одного костяного пряслиц, глиняный диск диаметром 9,5 см и толщиной 5 см с ямками на плоскостях и ряд других предметов и их фрагментов. При разборке одной из хозяйственных ям был обнаружен комок из трех-четырёх восточных монет плохой сохранности. После их расчистки И.Г. Добровольскому удалось определить три из них: 1) 1/3 арабо-сасанидской драхмы второй половины VII в.; 2) 1/4 часть омайядского дирхема, чеканенного в 713/714 гг.; 3) 1/4 часть аббасидского дирхема второй половины VIII — начала IX вв., чеканенного в Мединат ас-(Салам?).

Особо необходимо упомянуть встреченную в заполнении одного из комплексов, наряду с материалами конца I тыс. н.э., бронзовую двучленную прогнутую подвязную арбалетообразную фибулу. В древности у фибулы был отломан приемник, затем вместо него была согнута вдвое ножка фибулы и ее вновь использовали как застежку. До поломки иглы длина корпуса фибулы была 4,7 см, длина пружины — 3 см, длина иглы — 4,5 см. В отечественной литературе существует

две классификации поздне римских фибул, разработанные А.К. Амброзом и Е.Л. Гороховским. По А.К. Амброзу фибула с городища Георгий относится к серии I, вариантам II и III³¹. По более дробной типологии Е.Л. Гороховского она принадлежит к серии Б, варианту 26 «средних» фибул. Фибулы такого типа появляются со второй половины III в. н.э., но наиболее представлены в материалах второй трети и третьей четверти IV в. — около 330–380 гг.³² Они имели широкое распространение на памятниках черняховской культуры. Древностей этого времени на городище не зафиксировано. Фибула с городища Георгий была обнаружена в заполнении сооружения, относящегося, судя по керамическому материалу, к концу I тыс. н.э., то есть она является случайным предметом в отношении основного вещественного комплекса памятника. О том, как она попала сюда, можно лишь гадать, но, ее присутствие, позволяет предполагать, что фибула была найдена и принесена в поселок одним из его обитателей и не исключено, что и ремонт странной вещицы был сделан на столетия позже ее изготовления. Однако само ее наличие дает основания думать, что в центральных районах Приильменья имеются археологические древности первой половины I тыс. н.э. и постепенно мы сможем представить их облик гораздо полнее, чем сейчас.

Одна траншея длиной 20 м и шириной 2,8 м была заложена в юго-восточной части городища. Она прорезала вал в его южной сохранившейся части. Один ее конец соприкасался с раскопом на площадке, а другой захватывал предвальное пространство. Вторая траншея (2×18 м) располагалась к югу от основной площадки памятника, на месте ясно видимой ложбины.

Раскопки показали, что поселок был изначально не укреплен, о чем свидетельствует зафиксированный под валом культурный слой плотного серого гумуса толщиной до 0,26 м. В этом слое найдены фрагменты глиняной обмазки и обломки лепной керамики, главным образом, конца I тыс. н.э., а также половинка бронзового пинцета (рис. 4: 8). На следующем этапе существования памятника вдоль края ложбины был насыпан вал высотой 0,6–0,7 м и шириной около 5 м. Частично

он был сооружен из грунта, взятого с площадки городища, в результате чего здесь перед валом образовалась выемка. Склон ложбины был, по-видимому, частично эскарпирован. Наибольшая ее глубина по отношению к вершине первоначального вала составляла около 4,4 м. В дальнейшем вал досыпали несколько раз. На основании наблюдений над стратиграфией вала можно говорить о трех таких этапах. Окончательные размеры вала невозможно определить из-за его значительных разрушений во время Великой Отечественной войны. Первоначальная насыпь вала и его последующие досыпки датируются временем не позднее первой половины X в. Об этом свидетельствует то, что как в самой насыпи вала, так и в заполнении выемки на площадке перед валом, была найдена исключительно лепная неорнаментированная керамика при полном отсутствии гончарной посуды, распространившейся в Приильменье во второй половине X в.

Для определения западных границ площадки городища было заложено в линию 4 шурфа на расстоянии 10 м один из другого. Если шурф № 1 оказался в пределах площадки памятника, то в шурфах № 2 и № 3 было зафиксировано резкое падение материка до 2,5–3 м от дневной поверхности — древний ров. Шурф № 4 оказался за пределами оборонительных сооружений. Стратиграфия заполнения рва, судя по выявленной в шурфах картине, в целом, совпадает со стратиграфией, зафиксированной при исследовании укреплений с юго-восточной и южной стороны городища. При работах в шурфе № 3 были найдены колпачковидная бронзовая подвеска и обломок шлифованного сланцевого орудия.

Раскопки показали, что до того как на берегу р. Веряжи появилось поселение этот участок распахивался. После разборки культурного слоя под валом по краю площадки на фоне материка были зафиксированы следы вспашки однозубым пахотным орудием типа рала — узкие (до 6 см в ширину) взаимопересекающиеся полосы, образующие частую клетку³³.

В 1991 г. из заполнения борозд древней пахоты Г.М. Левковской были взяты несколько образцов для палинологического анализа. Ею получены результаты исследования одного из них. В образце

определено 741 пыльцевое зерно. В общем составе комплекса господствует пыльца травяно-кустарничковых растений — 75,5%. Содержание пыльцы древесных пород — 17,8%, спор — 6,7%. Полученные данные говорят о господстве в районе поселения в конце IX в. открытых ценозов, занятых заболоченными пойменными лугами и посевами. Вблизи поселения встречались также леса, в составе древостоя которых содоминировали береза, ольха, вяз, были представлены дуб и лещина. Обилие находок пыльцы сорных и культурных растений говорит о значительной окультуренности ландшафта в прошлом. Палинологические данные свидетельствуют о существовании в районе поселения смешанных посевов из нескольких культур или древних огородов³⁴.

В рамках комплексной программы изучения новгородской округи летом 1993 г. немецкие палеоботаники из Института до- и протоистории Кильского университета Германии Х. Кролль и А. Альслебен в составе Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН провели отбор палеоботанических материалов из раскопок городища Георгий. Лабораторный анализ проб, выполненный А.Альслебен, позволил охарактеризовать земледельческую составляющую в хозяйстве обитателей поселения на р. Веряже и получить некоторые данные о ландшафте³⁵.

Среди культурных растений, возделываемых на памятнике, были выявлены все виды зерновых: ячмень, просо, пшеница (три вида), рожь и овес. Наибольшую роль в структуре питания жителей городища играли ячмень и просо (18,1% и 26,1% соответственно в количестве остатков). Рожь, основная зерновая культура лесной полосы Восточной Европы в последующие века Российской истории, представлена в пробах в незначительном количестве (6,6%), но имеются данные о небольшом увеличении со временем ее доли. Во всяком случае, по мнению А. Альслебен, рожь уже играла определенную роль в структуре питания населения и возделывалась как самостоятельная культура по крайней мере, в X в. Среди бобовых растений наиболее распространенным был горох, кроме которого представлены единичные экземпляры остатков бобов и чечевицы. О занятии обитателей поселения собирательством свидетельствует присутствие

в пробах остатков малины, земляники, орешника, шиповника и боярышника.

Собранные во время раскопок памятника кости были проанализированы группой остеологов из Англии³⁶. По полученным в результате их работы данным, основная масса костей, встреченных на поселении, принадлежит домашним животным. Наибольшее количество их принадлежит останкам свиней — 47%. Значение крупного рогатого скота было несколько меньше — 38%. Кости лошадей и мелкого рогатого скота встречены на памятнике в небольшом количестве (9% и 6% соответственно). Такой состав стада был, видимо, в значительной мере определен характером окружающей местности. Отличительной ее чертой являлись чередующиеся полосы лесов, лугов и пойм. Это, вероятно, было не слишком благоприятно для содержания больших отар овец, а более подходило для разведения крупного рогатого скота и свиней. На городище были встречены отдельные кости собаки и кошки. Некоторую роль в хозяйстве населения поселения Георгий играла охота, что объясняется его расположением на границе дремучих лесов, вплотную подходивших к р. Веряже, и сельскохозяйственных угодий Поозерья. Среди останков диких животных на городище (4,3% костей млекопитающих) установлено наличие костей лося, бобра, медведя, рыси и белки. Птицы в материалах памятника представлены только гусями и утками. Обитатели поселения Георгий активно занимались рыболовством. В их уловах преобладал лещ, судак, щука и окунь.

Керамический комплекс поселения, вещевой материал, монеты позволяют датировать раскопанную часть городища второй половиной IX—X вв. К началу XI в. жизнь на памятнике замирает, и только немногочисленные фрагменты гончарной керамики в верхнем слое и отдельные находки позволяют говорить о посещении поселения в XI—XVIII вв. В нашем распоряжении сейчас нет материалов, которые позволили бы однозначно датировать отдельные отложения поселения, хотя относительная хронология отдельных слоев и комплексов безусловно прослежена при раскопках. По данным радиоуглеродного анализа основная часть сооружений в пределах раскопа 1989—1990 гг. с наибольшей вероятностью относится ко второй

четверти — концу X в., но не исключена и более широкая их дата³⁷.

Городище сильно подмыто со стороны реки, а его укрепления почти полностью разрушены временем. Судя по имеющимся данным, первоначальный облик поселения и его укреплений, вероятнее всего, был близок Сергову Городку, расположенному в низовьях р. Веряжи.

На современном этапе изучения жизнь на поселении Георгий можно представить следующим образом. В IX в. на мысу при впадении в р. Веряжу ручья существовало открытое поселение, рядом с которым находились поля и огороды. Окружающий ландшафт был достаточно открытым. Позднее, в конце IX — начале X в. у края площадки были возведены укрепления. В X в. они несколько раз реконструировались. В конце X — начале XI в. городище практически запустело.

Городище Георгий, единственное укрепленное поселение в центре поозерской поселенческой зоны, несомненно, играло особую роль на фоне других памятников, — прежде всего, административного и, вероятно, военного центра. К концу X — в начале XI вв., в период интенсивного укрепления новгородской административной системы и государственности, городище потеряло свое значение и было заброшено. Характер земледельческого хозяйства и структура питания населения городища Георгий и в период до возведения укреплений и после их строительства, очевидно, являлись типичными и для других близлежащих поозерских поселений IX—X вв.

Поселение Прость расположено на левом берегу протоки реки Волхова при впадении в нее речки Прость в двух километрах к югу от Новгорода. Оно занимает самый высокий холм в районе истока реки Волхова, окруженный низменной и затапливаемой во время паводков территории. Высота площадки селища над уровнем реки 3–6 м. Приблизительные размеры памятника, вытянутого вдоль реки Волхова, 200×500 м. Судя по концентрации керамики и интенсивности темного культурного слоя, на поселении прослеживается несколько гнезд плотной древней застройки. Селище Прость является самым крупным неукрепленным поселением раннего средневековья в окрестностях Новгорода, и некоторые

исследователи видят в нем центр словен Ильменского Поозерья.

Примечательным в его расположении является то, что оно находится всего лишь в 300 м от главного языческого святилища словен новгородских — урочища Перьнь.

Нельзя сказать, что поселение Прость никогда не привлекало внимание исследователей. Оно было открыто в середине 1950-х гг. новгородским краеведом М.М. Аксеновым³⁸. В дальнейшем на памятнике неоднократно проводил раскопки С.Н. Орлов. В 1961, 1976 и 1979 гг. им было заложено на поселении четыре раскопа и четыре шурфа, общей площадью 600 кв. м.³⁹ В них были обнаружены углубленные в материк хозяйственные ямы, скопления пережженных камней, полуземлянка (2,8×3,9 м) с глинобитной печью, которые исследователь датировал VIII—X вв. Известно, что С.Н. Орлов также закладывал на поселении раскопы в 1977 и 1978 гг. и еще в течение ряда лет — шурфы. Однако, отчеты об этих работах в Полевой комитет не представлялись, а полученный материал частично утрачен и до некоторой степени депортирован. В целом, следует отметить, что эти работы не дали комплексного представления о характере поселения, места расположения раскопов не имеют точной привязки на местности, а места расположения целого ряда шурфов — вообще не известны.

В 1982 г. Новгородской областной экспедицией было произведено обследование поселения на реке Прость, сделан его инструментальный план, собран подъемный материал, среди которого, помимо разновременной керамики (лепной посуды конца I тысячелетия н.э., фрагментов гончарных древнерусских и позднесредневековых горшков), был встречен обломок шлифованного каменного топора эпохи раннего металла. По всей площади памятника была найдена керамика с поверхностью, украшенной отпечатками гребенчатого штампа и ямками, относящаяся к этой же эпохе⁴⁰.

Задачей работ на памятнике в 1997–1999 гг. было определение и исследование участка со слоями второй половины I тысячелетия н.э., этого еще плохо изученного в Приильменье периода. С этой целью был заложен раскоп в центральной части поселения, рядом с предполагаемым местом раскопов III, IV

С.Н. Орлова 1976, 1978, 1979 гг., в которых были встречены материалы более ранние, чем на других известных памятниках Новгородской округи. Общая площадь раскопа, подвергаясь исследованиям за три года, составила около 1000 кв. м. Кроме этого, для определения характера культурных напластований в северной и юго-восточной частях поселения были заложены небольшие раскопы площадью 16 и 36 кв. м. соответственно, а в юго-западной части памятника, на месте строительства, экспедицией были на площади около 190 кв. м. проведены аварийные работы⁴¹.

Мощность культурного слоя на исследованном участке составила от 0,14 м до 0,86 м. Верхняя его часть, толщиной от 0,14 м до 0,72 м представляла собой пахотный слой. В пахотном слое, кроме многочисленных фрагментов бутылочных и оконных стекол, обломков металлических предметов нового и новейшего времени, мелких фрагментов кирпича, обломков металлических предметов нового и новейшего времени, небольших, в основном пережженных камней, кремневых отщепов, разновременной керамики (от фрагментов посуды эпохи раннего металла до современных горшков и фарфора), были встречены также индивидуальные находки: разнообразные каменные орудия (топоры, скребки, наконечники стрел), изделия из бронзы (трапециевидная подвеска, пряжка, наконечник ремня, накладка, бляшка, пуговица, обломок нагельного крестика, поясной наконечник с колечком, накладка с растительным орнаментом), железные предметы (ледоходный шип, два ключа, вток (?), обломок лезвия топора, пряжка, язычок от пряжки, обломок наконечника стрелы (?), обломки серпов, три шила, ножи и их обломки), стеклянная вставка от перстня, 17 стеклянных бус и одна глиняная, донце стеклянного сосудика, целое глиняное пряслице и фрагменты еще одиннадцати, обломок грузила, сланцевые оселки, фрагменты тиглей.

Сразу после снятия пахотного слоя в северо-восточной части раскопа были зафиксированы остатки очага, представляющие собой слой обожженных расколовшихся местами до дресвы камней. Под камнями и между ними имелась углистая прослойка толщиной до 0,05 м. Размеры

очага — 0,6×0,7 м. Среди камней был найден только один небольшой фрагмент лепной керамики.

На части исследованной площади сохранился непо потревоженный культурный слой черного цвета мощностью до 0,3 м. При его разборке встречались угольки, значительное число обожженных и расколотых камней, куски глиняной обмазки, железные шлаки, кремневые отщепы, а также отдельные кости и зубы животных. Здесь же было найдено большое количество обломков лепных горшков, а местами, особенно в северо-западной части раскопа, фрагменты гончарной керамики. Среди лепной посуды представлены как сосуды «ладожского типа», составляющие основу керамического комплекса на памятниках Северного Приильменья и Поволжья конца I тысячелетия н.э., так и профилированные горшки других форм. Орнаментация на этой керамике почти полностью отсутствует. В культурном слое представлены фрагменты посуды эпохи раннего металла, украшенные отпечатками разнообразных штампов, и эпохи раннего железа, имеющие «текстильную» или «штрихованную» поверхность.

В черном слое было встречено большое количество индивидуальных находок, среди которых следует отметить: три бронзовых височных кольца со спиральным завитком наружу, считающиеся типичным общеславянским украшением, бронзовое поясное кольцо, бронзовый пластинчатый перстень, обломок бронзового браслета со слабо расширяющимися концами, три бронзовые спиральки, два бронзовых кольца, фрагменты бронзовой проволоки, три бронзовые пуговицы, часть бронзовой цепочки, маленький фрагмент дирхема, два шила, три ножа и три их обломка, два рыболовных крючка, обломок ведерной дужки, язычок пряжки, железную ладейную заклепку, части 24 глиняных пряслиц, льячку, обломки тиглей, части двух оселков, десять глиняных и 59 стеклянных бусин, кусочек янтаря, сланцевый шлифованный топор и несколько кремневых орудий (наконечники стрел и скребки).

После разборки пахотного и черного слоев на фоне серого гумусированного песка и материка было выявлено большое число темно-серых гумусированных пятен, маркирующих заполнения различных

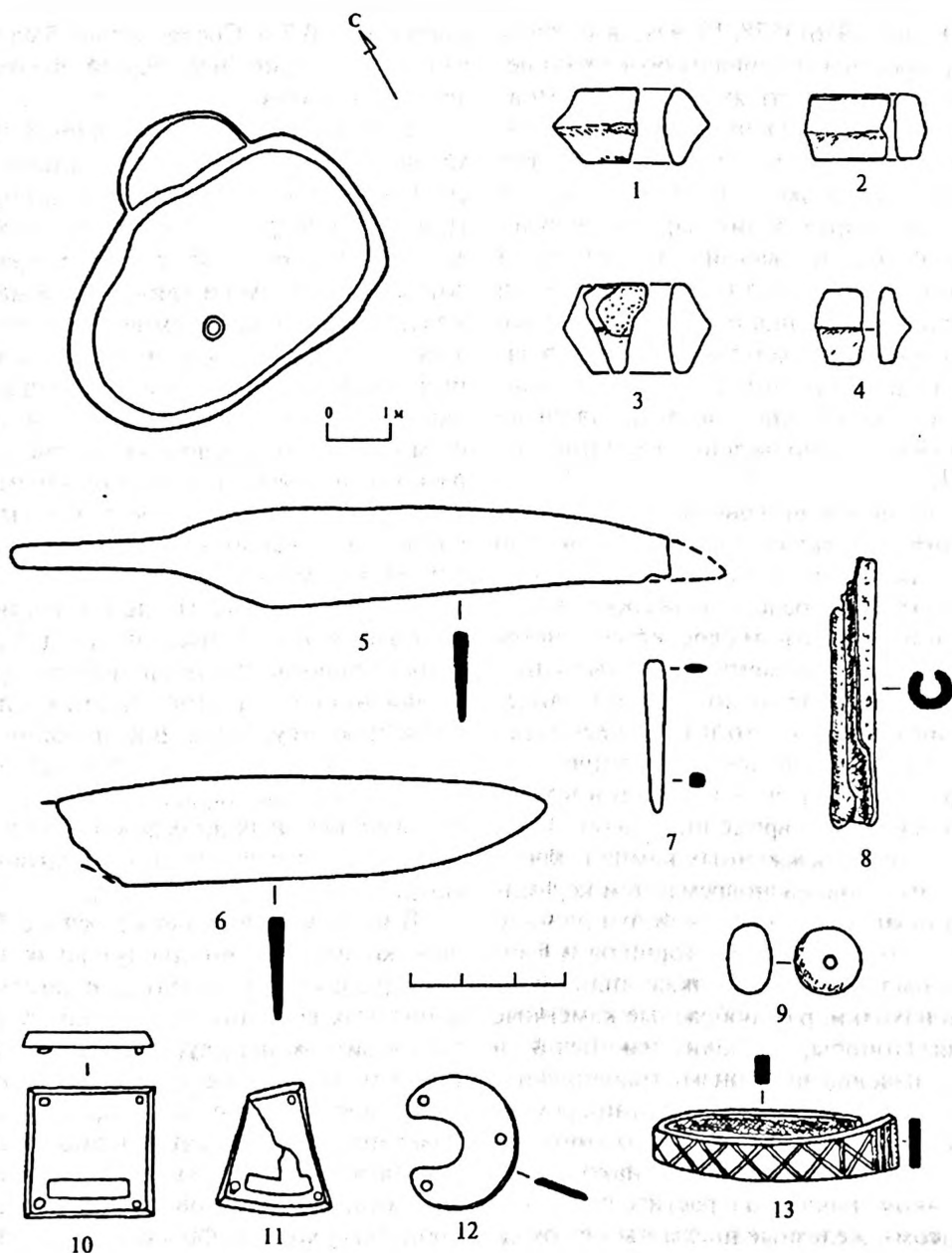

Рис. 5

План и вещи из сооружения VIII в. поселения Прость.

углубленных сооружений и ям. Их дальнейшая разборка показала, что по своей форме, размерам и глубине они различны. Среди них оказались как небольшие ямки от разного рода столбов и хозяйственных ям, так и углубленные основания более значительных сооружений. Предварительное изучение материалов, полученных в результате исследования комплексов, позволяет отнести их к нескольким хронологическим периодам.

Особый интерес представляет сооружение, изученное в центральной части раскопа 1997 г. (рис. 5). Оно представляет

собой близкий к овалу в плане котлован размерами $3,3 \times 5,1$ м. Стенки у него крутые, дно вогнутое. Наибольшая глубина комплекса — 0,54 м. На дне сооружения была зафиксирована столбовая яма диаметром 0,3 м и глубиной 0,26 м. С севера комплекс имел приступок размерами $1 \times 2,1$ м и глубиной 0,2 м. Заполнение постройки представляло собой темный гумус. В верхней части он имел более темный цвет. Здесь было отмечено значительное число камней (в основном обожженных и колотых), большое количество угля (в том числе отдельные

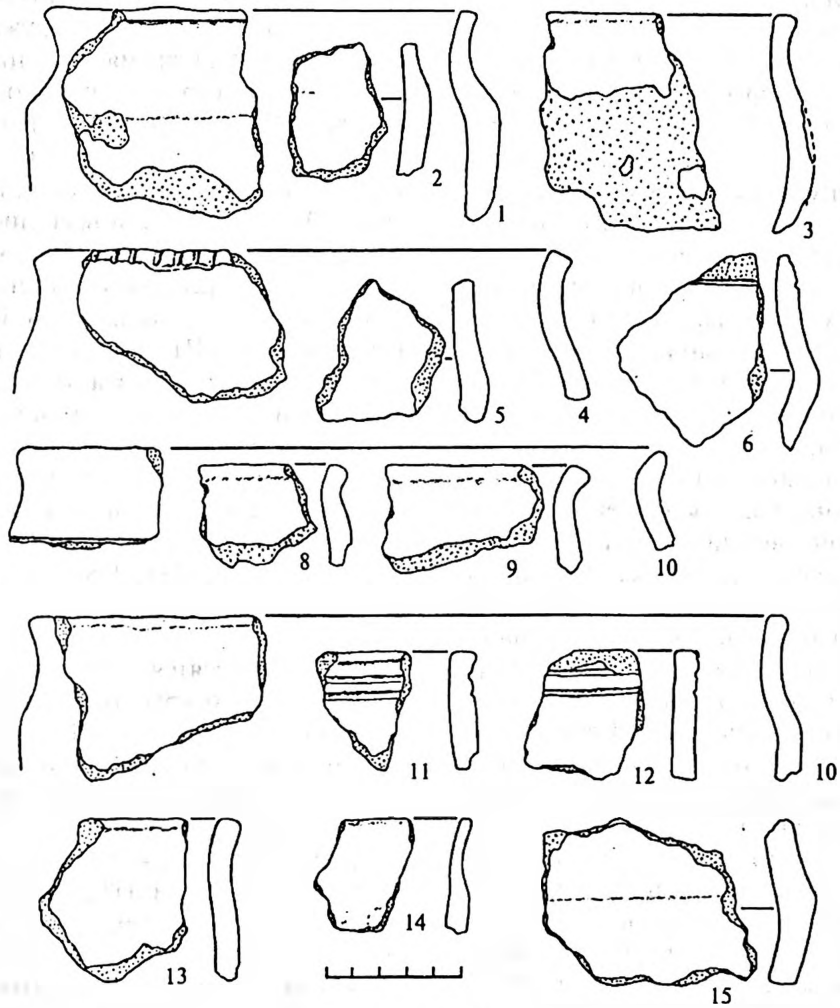

Рис. 6
Керамика из сооружения VIII в. поселения Прость.

обугленные плашки до 0,24 м в длину, причем их ориентация совпадала с продольной осью комплекса), кости животных, фрагмент железного шлака, обломки глиняной обмазки. В северо-западной части сооружения, при разборке заполнения, было зафиксировано несколько скопленных кальцинированных костей.

В комплексе найдено несколько кремневых отщепов, а также порядочное число в основном небольших фрагментов профилированной лепной посуды (рис. 6). Керамический набор, полученный при разборке сооружения, в значительной мере отличен от материалов памятников Новгородской округи конца I тыс. н.э., в том числе полученных с селища Васильевское и городища Георгий. Так здесь оказались не представлены горшки «ладожского типа», а некоторые сосуды комплекса имеют на шейке или плечике

линейный орнамент (рис. 6: 7, 11, 12). Подобное украшение кухонной посуды почти не отмечено на памятниках Приильменья второй половины I тыс. н.э. Исключениями являются несколько горшков из комплекса памятников «культуры длинных курганов» у оз. Крюково в бассейне р. Мсты, декорированных по плечу прочерченными линиями⁴², и лепные лощеные миски с Рюрикова городища, имеющие орнамент из прямых и образующих зигзаг линий по бортику⁴³. В то же время такая орнаментация представлена в древностях Финляндии эпохи мервингов⁴⁴.

Среди индивидуальных находок, встреченных при изучении комплекса, следует отметить часть пластинчатого браслета с расширенными концами, украшенный крестовидными насечками (рис. 5: 13), лезвие и целый нож (рис. 5: 5,6), имеющие необычную для памятников

второй половины I тыс. н.э. несколько выгнутую спинку, шило (рис. 5: 7), футляр для трута (рис. 5: 8), обломки семи глиняных биконических пряслиц (рис. 5: 1-4), одну глиняную (рис. 5: 9) и шесть стеклянных бусин, в том числе черную цилиндрическую бусину, украшенную восемью выступающими фиолетовыми глазками в бело-бирюзовом обрамлении. Такие бусы характерны для памятников ломоватовской культуры VIII–IX вв. Встречены они и в Поломском I могильнике ломовской культуры⁴⁵. В Прикамье такие бусы, по мнению З.А. Львовой, проникали с Северного Кавказа, где они бытовали в VIII–IX вв.⁴⁶

Особо необходимо упомянуть найденные в верхней части заполнения комплекса три бронзовых поясных накладки (две квадратные с гранеными сторонами, прямоугольной прорезью в основании и гладкой поверхностью, а также серповидную без орнамента) (рис. 5: 10-12). Они представляют собой детали поясного набора пока не встречавшегося на Северо-Западе России. Прорезные неорнаментированные накладки прямоугольной формы широко представлены в древностях конца VII–VIII в. Прикамья⁴⁷, в комплексах древних тюрок южной Сибири, Тувы и Монголии⁴⁸, а также в слоях первых трех четвертей VIII в. Пенджикента⁴⁹. Серповидные бляшки известны в материалах ломовской⁵⁰, ломоватовской⁵¹ и неволинской культуры⁵², раннесредневековых мордовских могильников⁵³, а также древностях VIII–IX вв. Северного Кавказа⁵⁴. Эти два типа накладок составляют один комплект на некоторых «тюркско-аварских» поясах неволинской культуры, характерных преимущественно для VIII в.⁵⁵ В эпоху раннего средневековья наборные пояса имели утилитарные, семантические, социальные функции⁵⁶. Они являлись знаком социального или военного ранга их владельцев, символом доблести, власти и богатства⁵⁷. Обнаружение на поселение Прость части наборного пояса, имеющего высокую престижность в раннесредневековых обществах, заслуживает пристального внимания.

Рассматривая в целом керамический и вещевой комплекс сооружения, можно констатировать его существенное отличие от материалов других исследованных памятников Приильменья и Поволховья, имеющих слои конца I тыс. н.э.

При выяснении вопроса о дате существования раскопанного сооружения важную роль играет время функционирования встреченного здесь поясного набора. Не вызывает сомнений отнесение его к неволинской стадии неволинской культуры или деменковской стадии ломоватовской культуры. При всей дискусионности хронологии прикамских могильников можно достаточно уверенно говорить о бытовании подобной поясной гарнитуры в пределах VIII в.⁵⁸ К этому времени и следует относить описанный комплекс. Подобной датировке не противоречит остальная вещевая и керамический комплекс сооружения. Согласуется с такой хронологией и результат радиоуглеродного анализа угля из заполнения котлована. Он дал дату 658...718, 738...770 cal AD (2δ) (LE-5524).

К тому же и несколько более раннему времени относятся, по-видимому, ряд комплексов, открытых в центральной и южной частях раскопа. При их исследовании кроме обломков лепной неорнаментированной посуды, были встречены: три бронзовых кольца, орнаментированная серебряная накладка, железный крючок, железный предмет (игла?), фрагменты ножей, железное кольцо, глиняные и стеклянные бусины, глиняные биконические пряслица, часть глиняного грузила, обломки тиглей, сланцевый оселок, фрагменты бронзовых и железных изделий. К сожалению, материалы, полученные из этих комплексов, не дают данных для их точного датирования. Результаты радиоуглеродного анализа относят время существования исследованных объектов ко второй половине V — первой половине IX в.

О существовании у истоков р. Волхова поселения в третьей четверти I тысячелетия н.э. свидетельствует значительное присутствие в керамическом комплексе памятника слабопрофилированной и баночной посуды (рис. 7), характерной для этого времени. Об этом же говорят найденные на площади раскопа три синих стеклянные бусины, декорированные молочно-белой и красной крошкой. Подобные бусы на Северо-Западе России встречены на целом ряде памятников, которые исследователи относят к «культуре длинных курганов»: грунтовом могильнике на оз. Съезжее⁵⁹, поселении и курганных могильниках около Крюковского озера⁶⁰,

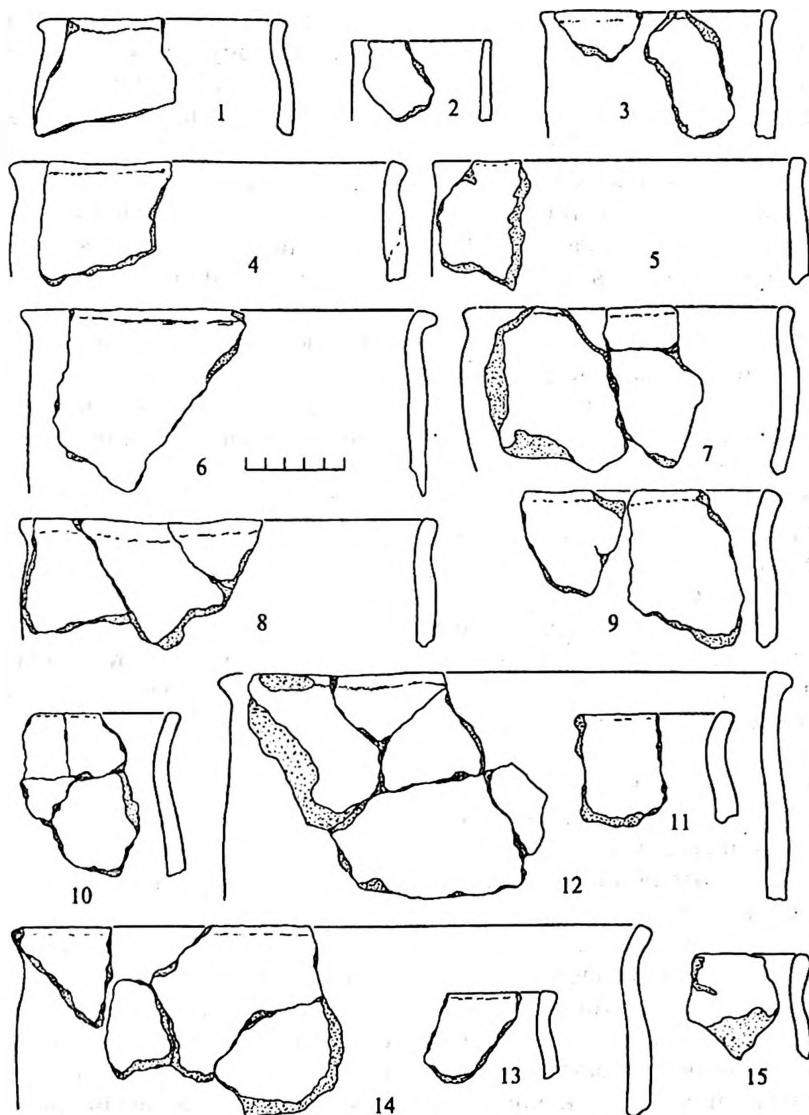

Рис. 7

Слабопрофилированная и баночная керамика поселения Прость.

курганном могильнике у д. Липицы⁶¹, кургане I могильника Мерево³⁶², могильнике Любахин-I⁶³ и на месте разрушенного грунтового могильника (?) в урочище Гатчинское поле⁶⁴ (случайная находка). Бусина этого типа найдена на поселении третьей четверти I тыс. н.э. Юрьевская Горка в Удомельском Поозерье⁶⁵. Аналогичные украшения известны в памятниках Скандинавии, где относятся к позднему этапу эпохи переселения народов и периоду венделя⁶⁶. В то же время такой тип бус отсутствует в массовой коллекции бус Старой Ладogi, где древнейшие культурные напластования восходят к середине VIII века, и, видимо, должен быть датирован более ранним временем.

Некоторые ямы, исследованные в северной и центральной части раскопа, могут быть отнесены к концу I тыс. н.э. О такой их датировке говорит как керамический и вещевой набор комплексов, так и данные радиоуглеродного датирования. Среди встреченных здесь индивидуальных находок отметим маленький фрагмент дирхема, бронзовую спиральку, фрагмент серебряного колечка, обломок оселка, 19 стеклянных, одну глиняную и две янтарные бусины.

К более позднему периоду относится яма, изученная в северно-западной части раскопа. При ее разборке был зафиксирован развал и большое число отдельных крупных фрагментов, принадлежащих двум гончарным сосудам, датированных

XI в. Здесь же было найдено семь стеклянных бусин, четыре бронзовых колечка и обломок глиняного пряслица.

Рядом с этой ямой в 1999 г. было найдено грунтовое захоронение. При разборке серого предматерикового слоя было обращено внимание на концентрацию в нескольких квадратах находок. Это был материал, характерный для XI–XII вв.: многочисленный темно-синий круглый бисер, глазчатые и золотостеклянные бусы, серебряная западноевропейская монета, перстнеобразные височные кольца, нож, бронзовая бусина, развал целого древнерусского сосуда и т.д. Захоронение по обряду ингумации удалось зафиксировать лишь на уровне материка, поскольку заполнение погребальной ямы не отличалось от культурных отложений. В нижней части примерные размеры ямы 1,4×2,86 м, глубина от современной дневной поверхности 0,86 м. Костные останки в значительной мере оказались перемешанными. В погребении были похоронены довольно крупная женщина 25–35 лет и ребенок 8–9 лет⁶⁷. Детское захоронение было совершено позже и кости женщины сдвинуты. Если судить по положению костей ребенка, погребение имело северную ориентировку. Большая часть погребального инвентаря, находившаяся в переотложенном состоянии, упомянута выше. Непосредственно среди костей были найдены два проволоочных перстнеобразных височных кольца и золотостеклянная бусина. Предварительно захоронения могут быть датированы концом XI–XII вв. Костные останки из погребения были детально изучены Д.В. Пежемским. По его заключению, черты в строении женского черепа (низкий свод, низкое лицо, широкое вогнутое переносье, слабо выступающий нос) «близки к морфологическим особенностям западно- и восточнофинских популяций», что «позволяет предварительно отнести череп с поселения Прость к представительнице местных племен, живших здесь до славянской колонизации», и далее: «описанная находка является яркой иллюстрацией к тому факту, что раннестредневековое население Приильменья отличалось неоднородным антропологическим составом»⁶⁸. Открытие грунтового погребения, если оно не окажется единичным, не исключает, что здесь мог быть еще один древнерусский грунтовый

могильник, подобный Нередицкому или Девевяницкому. Это может быть проверено только при дальнейших исследованиях.

Ниже пахоты и черного культурного слоя на большей части раскопа залегал слой серого гумусированного песка, толщиной до 0,3 м, причем его гумусированность книзу уменьшалась. При его разборке, кроме лепной неорнаментированной керамики второй половины I тыс. н.э., было встречено значительное количество обломков сосудов II — первой половины I тыс. до н.э. Здесь же найдены: каменный шлифованный топор, бронзовая трапециевидная подвеска, фрагмент свернутой пластинки, бронзовый перстень, обломок глиняного пряслица, три глиняные и одна стеклянная бусина. Слой серого гумусированного песка, видимо, представляет собой культурные отложения эпохи раннего металла, частично нарушенные в результате позднейшей жизнедеятельности.

В ходе работ удалось частично проследить стенки раскопов III–IV С.Н. Орлова 1976, 1978, 1979 гг. Это позволило связать между собой место предыдущих работ с участком, исследованным в 1997–1999 гг.

Как и на остальных поселениях Приильменья, где проводились исследования Новгородской областной экспедицией ИИМК РАН, в результате раскопок 1997–1999 гг. на поселении Прость была собрана большая коллекция керамики и несколько сотен индивидуальных находок, в том числе значительный материал эпохи раннего металла и второй половины I тыс. н.э. Были получены материалы для палеоботанического анализа и остеологических исследований, а также взяты образцы для радиоуглеродного датирования. Все это имеет большое научное значение, и после научной обработки они, безусловно, станут важным источником для изучения древней истории Новгородской земли. Важнейшим открытием является исследование комплекса, который можно уверенно отнести к VIII в. Хорошо датированные древности этого времени ранее были известны на территории Северо-Запада России только по раскопкам Старой Ладоги. Впервые в Ильменском Поозерье открыт памятник, синхронный эпохе славянского расселения, имеющий принципиальное значение для понимания культурно-исторических процессов, происходящих в Приильменье во второй половине I тыс. н.э.

Во время полевых работ из углубленных сооружений и ям А. Альслебен (Кильский университет, Германия) путем промывки были отобраны образцы для палеоботанического анализа. Работа по изучению всей коллекции еще не завершена, но сделаны и опубликованы предварительные выводы⁶⁹. Найдены зерна и мякина ячменя, полбы, мягкой пшеницы, овса, проса. Встречены также бобы и превосходящий их по числу находок в промывках горох. Основу питания населения составлял ячмень. По мнению А. Альслебен, рожь еще не являлась самостоятельной зерновой культурой, но встречалась как засоритель полей в посевах других культур. Любопытно, что в одном из комплексов найдено почти три тысячи фрагментов половы полбы. Это свидетельствует, что где-то здесь на поселении происходил обмолот зерна. Нельзя согласиться с А. Альслебен, что полба занимала первое место в структуре питания жителей Прости. Исследовательница недооценивает, что массовые находки половы полбы в одном сооружении (2813 образцов половы полбы из учтенных 6654 всех образцов культур, обнаруженных на поселении) влияют на общую ситуацию при оценке материалов всего памятника. Детальный анализ картины земледельческого хозяйства на поселениях Поозерья второй половины I тыс. н.э. можно будет сделать лишь по завершении обработки палеоботанических материалов селища Прость. Тем не менее, уже сейчас, опираясь на данные материалов городища Георгий и используя предварительные наблюдения над коллекцией с поселения Прость, можно высказать некоторые общие суждения. При этом надо исходить из того, что селище у Перыни, судя по археологическим материалам, в тенденции стадильно предшествует городищу Георгий, даже допуская в будущем различные хронологические уточнения.

Основной зерновой культурой на поселении Прость был ячмень. Посевы ржи отсутствовали, выращивались различные сорта пшеницы и просо. Со временем, судя по материалам городища Георгий, роль ячменя постепенно снижалась, количество выращиваемого проса возрастало, как самостоятельная культура появилась рожь⁷⁰. Очевидно, летние месяцы в прилегающем к Ильмену районе были достаточно жаркими, так как выращивание проса характерно для областей с жарким и сухим климатом. Сейчас уже можно с уверенностью говорить, что четко зафиксированное в Поозерье выращивание проса населением в конце I тыс. н.э. не является случайным фактом. Еще в публикации 1945 г., основанной на материалах довоенных раскопок в Ладоге, В.А. Петров отмечал, что просо являлось основной зерновой культурой обитателей древней Ладоги в IX–X вв.⁷¹

Обращает на себя внимание разнообразие обнаруженных видов зерновых на поозерских памятниках. А. Альслебен подчеркивала, что переход к специализированному или более интенсивному земледелию обычно приводит к тому, что возделывается в основном один определенный вид злаков. Разнообразие видов позволяет сделать вывод, что переход к такому специализированному земледелию в Поозерье в IX–X вв. находился лишь на начальном этапе. Можно предположить, что подобная ситуация характеризует этап славянского освоения Приильмения.

Среди бобовых растений преобладал горох. Следует заметить, что предпочтение гороха бобам было характерно именно для славянских поселений, что неоднократно отмечалось палеоботаниками.

В целом, с уверенностью можно утверждать, что палеоботанические исследования сейчас приобретают решающее значение при решении вопросов не только хозяйственной и земледельческой культуры населения Поозерья, но и его этнической принадлежности.

***

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ по проекту № 01-01-16132.

² Носов Е.Н. Археологические памятники верховьев Волхова и Ильменского Поозерья конца I тыс. н.э. (каталог памятников) // Материалы по археологии Новгородской земли (1990). М., 1991. С. 5–37.

³ Путешествие по святым местам русским. СПб., 1846. С. 53.

⁴ Носов Е.Н. Археологические памятники... С. 5–37.

⁵ Орлов С.Н., Аксенов М.М. Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода // Новгородский исторический сборник. Вып. 10. Новгород, 1961. С. 166.

⁶ Носов Е.Н. Исследования Рюрикова городища и памятников новгородской округи // Археологические открытия 1985 г. М., 1987. С. 22; Носов Е.Н. Раскопки резиденции новгородских

- князей и исследования в Приильмень // Археологические открытия 1986 г. М., 1988. С. 31;
- Носов Е.Н. Исследования Новгородской областной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1988 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 2. Новгород, 1989. С. 10, 11; Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 176. Рис. 65: 1, 2, 4; Носов Е.Н. Археологические памятники.... С. 18. Рис. 5; Носов Е.Н., Плохов А.В. Работы Новгородской областной экспедиции ЛОИА в 1989 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 3. Новгород, 1990. С. 8, 9; Носов Е.Н., Плохов А.В. Исследования в Ильменском Поозерье // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 6. Новгород, 1992. С. 15, 16.
- 7 Martens I. Jernvinna på Møsstrand i Telemark. En studie i teknikk, bosetning og økonomi // Norske oldfunn XIII. Oslo, 1988. S. 93–95. Fig. 75.
- 8 Новикова Г.Л. Скандинавские языческие культы на территории Древней Руси. (Культурные предметы: типология и хронология) // Автореферат дисс... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1992. С. 9; Янссон И. Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 33, 34.
- 9 Фехнер М.В. О происхождении и датировке железных гривен // Археологический сборник. Труды ГИМ. Вып. 40. М., 1966. С. 104; Фехнер М.В. Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967. С. 55–87; Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище.... С. 73, 74; Новикова Г.Л. Скандинавские языческие культы.... С. 21.
- 10 Новикова Г.Л. Скандинавские языческие культы... С. 22.
- 11 Минасян Р.С. Железные ножи с волотообразным навершием // Проблемы археологии. Вып. 2. Л., 1978. С. 148–152; Перхавко В.Б. Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана // Советская археология. № 4. М., 1979. С. 47, 55; Королькова Л.В. Вопросы интерпретации ножей с волотообразным навершием // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994. С. 234–238; Ковалевский В.Н. Еще раз о ножах с волотообразным навершием // Вопросы истории славян. Вып. 12. Воронеж, 1998. С. 8–24.
- 12 Минасян Р.С. Железные ножи... С. 148–152.
- 13 Минасян Р.С. Втульчатые двушипные наконечники стрел Восточной Европы // Сообщения Государственного Эрмитажа № 43. Л., 1978. С. 35–37.
- 14 Минасян Р.С. Раннеславянский хозяйственно-бытовой инвентарь и его появление в лесной зоне Восточной Европы // Автореферат дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1980; Минасян Р.С. Проблема славянского заселения лесной зоны Восточной Европы в свете археологических данных // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 24–29.
- 15 Смирнов К.А. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М., 1974. С. 33; Розенфельдт Р.Л. Древности западной части Волго-Окского междуречья. М., 1982. С. 125–127; Циркин А.В. Материальная культура и быт народов Среднего Поволжья в I тыс. н.э. Красноярск, 1987. С. 204, 206. Рис. 65, 1.
- 16 Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище... С. 164, 165.
- 17 Там же. С. 149.
- 18 Горюнова В.М. Развитие раннегончарного комплекса и дендрохронология Рюрикова городища // Древности Поволжья. СПб., 1997. С. 153–175.
- 19 Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище.... С. 62.
- 20 Горюнова В.М. Развитие раннегончарного комплекса... С. 171.
- 21 Попов С.Г., Зайцева Г.И. Ранние этапы заселения Новгородской округи и нижние ярусы Новгорода по данным радиоуглеродного анализа // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1994. С. 172, 180, 181.
- 22 Lempiäinen T, Levkovskaja G. Grain and seed impressions on ceramics from Vasilievskoye, Novgorod, Russia // Annales Botanici Fennici. No. 31. Helsinki, 1994. P. 191–196.
- 23 Романцев И.С. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Новгород, 1911. С. 126.
- 24 Орлов С.Н., Аксенов М.М. Раннеславянские поселения... С. 165, 167. Рис. 3; 4.
- 25 Там же. С. 163. Рис. 2: 1, 2.
- 26 Там же. С. 163. Рис. 2: 3.
- 27 Плетнева С.А. От кочевий к городам // МИА. № 142. М., 1967. С. 137–141. Рис. 36.
- 28 Орлов С.Н., Аксенов М.М. Раннеславянские поселения... С. 165–167.
- 29 Мавродин В.В. О некоторых полукруглых городищах Новгородской области // Вестник ЛГУ. Серия истории, языка, литературы. №20. Вып. 4. Л., 1964. С. 147, 148.
- 30 Носов Е.Н., Плохов А.В. Работы Новгородской областной экспедиции ЛОИА в 1989 г... С. 9; Носов Е.Н., Плохов А.В. Исследования в Ильменском Поозерье... С. 14, 15; Носов Е.Н.,

- Плохов А.В. Раскопки на городище Георгий // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып.6. Новгород, 1992. С. 16–20; Носов Е.Н., Плохов А.В. О работах Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып.7. Новгород, 1993. С. 43–44; Носов Е.Н., В.М.Горюнова, Т.С.Дорофеева, Плохов А.В., Хвошинская Н.В. Новгородская областная экспедиция в 1993 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып.8. Новгород, 1994. С. 15–17; Носов Е.Н., Плохов А.В. Исследования на берегах р.Веряжи и на Рюриковом городище // Археологические открытия 1993 года. М., 1994. С. 29–30.
- 31 Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР, II в. до н.э. — IV в. н.э. // САИ. Вып. Д1–30. М., 1966. С. 60–66.
- 32 Гороховский Е.Л. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев., 1988. С. 35, 44.
- 33 Nosov E.N. New archaeological data on the economy of the population of the lake Ilmen region in the second half of the first Millennium A.D. // Fenno-Ugri et Slavi 1992. Prehistoric economy and means of livelihood. Helsinki, 1994. С. 60–62. Fig. 1.
- 34 Там же. С. 62.
- 35 Альслебен А. Земледелие новгородской округи в IX–X вв. Археоботанические методы и их применение на городище Георгий // Древности Поволховья. СПб., 1998 С. 191–204; Alslleben A. Angebot und Nachfrage. Fruhmittelalterliche Nahrungswirtschaft im Umland von Novgorod // Novgorod. Das mittelalterliche Zentrum und sein Umland im Norden Russland / Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete. Band 1. Neumunster, 2001. S. 362–367, Tab. 1–3. В последней работе А. Альслебен, в сравнении с более ранней русскоязычной публикацией, процентное соотношение различных зерновых культур по отношению к общему числу определенных растительных остатков несколько отличается (абсолютные цифры, в основном, остались прежними). Эти уточнения были внесены по окончании обработки коллекции и атрибуции зерновых остатков, которые требовали дополнительного рассмотрения. Так, если в первой публикации число неопределимых зерновых остатков составляло 24,2%, то в окончательном варианте оно уменьшилось до 22,3%.
- 36 Молтби М., Гамильтон-Даер Ш. Кости животных из раскопок в Новгороде и его округе // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып.9. Новгород, 1995. С. 129–156.
- 37 Попов С.Г., Зайцева Г.И. Ранние этапы заселения... С. 169, 170, 173, 181, 182.
- 38 Орлов С.Н., Аксенов М.М. Раннесредневековое поселение... С. 163–164.
- 39 Орлов С.Н. Славянское поселение на берегу р. Прость около Новгорода // СА. №2 М., 1972. С. 127–138; Орлов С.Н. Отчет об археологических исследованиях в Новгородской области в 1976 г. // Архив ИА. Р-1. 1976 г. №6153. Л. 30–34; Орлов С.Н. Отчет об археологических исследованиях в Новгородской области в 1979 г. // Архив ИА. Р-1. 1979 г. № 7446. Л. 1–6.
- 40 Носов Е.Н. Отчет о работе Новгородской областной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1982 г. // Архив ИА. Р-1. №9204. С. 19.
- 41 Носов Е.Н., Ершевский Б.Д., Плохов А.В. О работе на поселении Прость в 1997 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып.12. Новгород, 1998. С. 25–31; Носов Е.Н., Ершевский Б.Д., Плохов А.В. Исследования на поселении Прость в 1998 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып.13. Новгород, 1999. С. 14–19; Носов Е.Н., Ершевский Б.Д., Хвошинская Н.В. О продолжении исследований на поселении Прость под Новгородом // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 14. Великий Новгород, 2000. С. 41–44.
- 42 Коллекции из раскопок С.Н.Орлова и В.В.Милькова в фондах Новгородского государственного объединенного музея-заповедника.
- 43 Плохов А.В. Об одном редком типе лепной посуды Рюрикова городища // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 9. Новгород. 1995. С. 101–105.
- 44 Hirviluoto A.-L. Pottery, burnt clay and slag // Vainionmäki — a Merovingian period cemetery in Laitila, Finland. Helsinki. 1996. P. 76. Pl. 3–5, 7.
- 45 Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск. 1985. С. 53. Табл. XXV: 86
- 46 Львова З.А. Бусы I Поломского могильника // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 15. Л., 1973. С. 89.
- 47 Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990. С. 81. Табл. XXX: 2; LXVIII: 21; Голдина Р.Д. Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА. Вып.158. М., 1979. С. 81. Рис.1–192, 6–33; Голдина Р.Д. Ломоватовская культура... С. 41, 130, 131. Табл. X: 41, 42, 47; Голдина Р.Д. О датировке поломской культуры // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск, 1995. Рис.5: 22, 23; Семенов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник Поломской культуры. Ижевск, 1980. С. 37. Табл. XII, 39.

- 48 Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск, 1990. С. 37–40. Табл. XXVII:1,3, XXVIII: 1, 2, XXIX: 2, XXX: 1, 4, XXXI: 1, 2 XXXII: 2, XXXIV: 2, 3, XLII: 3, 4, XLIII: 2–4, 6, 7, XLIV: 6, 7, XLV: 2, 3, 5, 6; 40. Рис.19: 83; 22: 12; 23, 13, 14, 20; Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981. С. 40. Рис.19: 83; 22: 12; 23: 13, 14, 20; Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск, 1990. С. 30–32, 34. Рис.7; 23: 2; 24: 7, 8, 10, 11; 53: 76. Табл.2.
- 49 Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980. С. 89. Рис. 63: 1, 3.
- 50 Ковалевская В.Б. К вопросу о «поломской культуре» // МИА. № 169. М., 1969. Рис. 1: 29.
- 51 Голдина Р.Д. Ломоватовская культура... С. 42. Табл. XII: 61–64.
- 52 Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры... С. 82, 93. Табл. XXXII: 35–39.
- 53 Циркин А.В. Материальная культура... С. 221. Рис. 70: 3.
- 54 Степи Евразии... : Рис. 61: 21.
- 55 Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры... С. 75. Табл. XLIV: 3.
- 56 Овчинникова Б.Б. Тюркские древности... С. 44.
- 57 Добжанский В.Н. Наборные пояса... С. 82; Овчинникова Б.Б. Тюркские древности... С. 23, 31, 32, 40, 42–44; Плетнева С.А. От кочевий к городам... С. 164; Распопова В.И. Металлические изделия... С. 107, 108; Степи Евразии... С. 41, 96.
- 58 Голдина Р.Д. Ломоватовская культура... С. 130,131; Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры... С. 93, 94.
- 59 Носов Е.Н. К вопросу о сложении погребального обряда длинных курганов // КСИА. Вып.179. М., 1984. С. 14–16. Рис.4: 1–4, 7, 8.
- 60 Коллекции из раскопок С.Н. Орлова и В.В. Милькова в фондах Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. Торопов С.Е. Поселение культуры длинных курганов на озере Крюково // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1997. С. 12, 14, 15.
- 61 Коллекции из раскопок П.А. Садикова в фондах Государственного Эрмитажа.
- 62 Раскопки Ю.М. Лесмана.
- 63 Башенькин А.Н. К вопросу о сложении погребального обряда культуры длинных курганов // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып.3. Новгород, 1990. С. 48.
- 64 Коллекция из сборов Н.П. Пахомова в фондах Новгородского государственного объединенного музея-заповедника.
- 65 Исланова И.В. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М., 1997. С. 44. Рис. 76: 15
- 66 Excavations at Helgö II. Stockholm. 1970. P. 190, 197. Fig. 102: 4; 121: 8. Pl.34: 14; Petré Bo. Arkeologiska undersökningar på Lovö. Del 2. Stockholm, 1984. P. 121. Fig. A2: 4.
- 67 Пежемский Д.В. Палеоантропологические материалы со средневекового поселения Прость (Приильмень) // Вестник антропологии. Вып. 7. М., 2001. С. 126–129.
- 68 Там же. С. 129. В упоминаемой интересной и детальной антропологической статье Д.В. Пежемский, касаясь археологического контекста находки захоронения, непонятно на чем основываясь, замечает, что в «сезон 1999 г. на поселении был выявлен комплекс разрозненных человеческих костей, условно обозначенных как погребение» (Там же. С. 126). Никаких сомнений, что было найдено именно захоронение, а не некий «условный комплекс костей» нет. Во-первых, удалось проследить на уровне материка сами контуры погребальной ямы, и это главное, а во-вторых, при женском захоронении был полный набор обычного для XI–XII вв. погребального инвентаря.
- 69 Alsleben A. Angebot und Nachfrage ... С. 361–366.
- 70 Альслебен А. Земледелие новгородской округи... С. 194–204; Alsleben A. Angebot und Nachfrage... С. 362–367.
- 71 Петров В.А. Растительные остатки из культурного слоя Старой Ладоги (IX–X век) // КСИИМК. Вып. XI. М., 1945. С. 46.

О ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ВЕРХНЕЛУЖСКИХ СОПОК

(по материалам Передольского погоста)

Бассейн р. Луги в ее верхнем течении (до впадения р. Оредеж) представляет собой крайнюю северо-западную часть ареала «классических сопок»¹. Здесь насчитывается не менее 96 местонахождений памятников этой культуры (без учета поселений, которых до сих пор найдено очень мало). Они занимают достаточно обширный, компактный регион протяженностью около 60 км с запада на восток и 40 км с юга на север (рис. 1). Юго-восточная граница региона проходит примерно в 30 км к северо-западу от оз. Ильмень.

В почвенно-ландшафтном отношении верхнее Полужье представляет собой абразионную озерно-ледниковую равнину с преобладанием слабоподзолистых и дерново-карбонатных почв². Сопочные насыпи, как правило, расположены в поле, в долинах рек и ручьев, на легко суглинистых и супесчаных участках. Прослеживается отчетливое тяготение их к наиболее плодородным почвенным массивам. Так приблизительно две трети пунктов, показанных на карте (рис. 1), локализуется на дерново-карбонатных почвах. Характерна также привязка сопочных местонахождений к участкам речных долин с широкой поймой.

Сопки верхнего Полужья отличаются от аналогичных памятников восточных районов Новгородчины своими сравнительно небольшими размерами и немногочисленностью насыпей в группах. Высота их редко превышает 3–3,5 м. Наиболее распространенным видом местонахождения является одиночная сопка. Группы свыше трех насыпей вообще представляют большую редкость. Как правило, им сопутствуют поселения не рядового характера, по-видимому, игравшие в IX–XI вв. роль окружных центров. Наиболее значительным центром такого рода в Полужье

являлся Передольский погост, в ближайшей округе которого сосредоточено крупнейшее в регионе скопление сопок (рис. 1, врезка)³. Его Центральная группа (Заполье I) примыкает непосредственно к обширному поселению X — сер. XII вв. на погосте. В прошлом она насчитывала не менее 10 насыпей⁴. В этой группе Лужским отрядом ИИМК в настоящий момент раскопано две сопки. Данные, полученные в ходе этих работ, и сравнение их с результатами последних исследований С.Л. Кузьмина в бассейнах рек Плюссы и Оредежа, позволяют предположить существование устойчивого и достаточно распространенного типа сопочной насыпи, характерного для западных районов Новгородской земли.

Центральная группа у Передольского погоста включала насыпи различных размеров — от гигантских до самых незначительных. Исследованная в 1985 г. сопка № 3 имела в поперечнике всего 14 м. Высота ее составляла, по-видимому, около 2 м. Вершина и часть северной половины насыпи были разрушены. Сопка № 4, раскопанная в 1996 г., в отличие от предыдущей, сохранила целую вершину. Ее размеры — 20 м в диаметре при высоте 1,8 м.

В отношении своей стратиграфии и структуры обе насыпи, раскопанные в Центральной группе, обнаруживают значительное сходство. У обеих в основании залегала прослойка погребенного дерна в виде площадки, вокруг которой грунт был подрезан. Подрезка велась на широкой площадке, но неглубоко, поэтому ни четко выраженных «платформ», ни кольцевых рвов тут не наблюдалось. У сопки № 4 имелось с юго-запада углубление неправильной формы длиной в одну пятую окружности насыпи. Грунт из него был использован для досыпки верхней

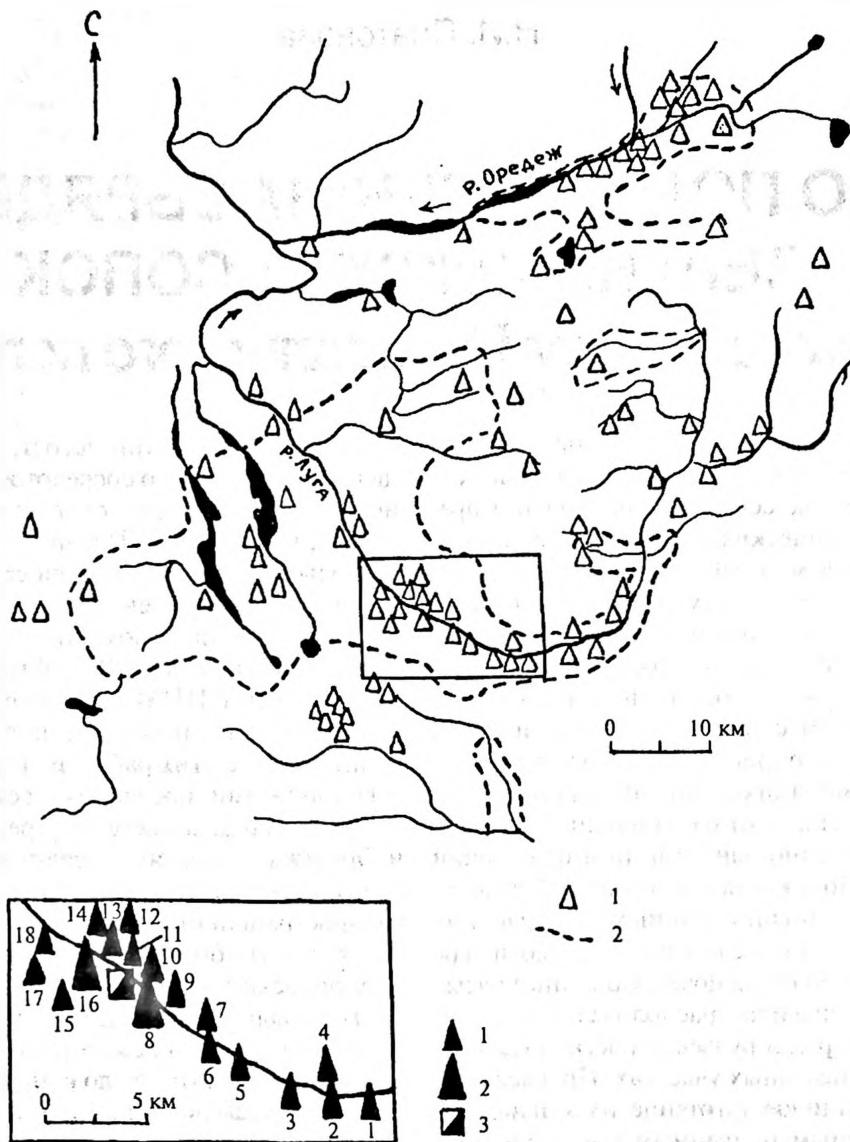

Рис. 1

Археологическая карта сопки верхнего Полужья

Условные обозначения: 1 — сопки и сопочные группы; 2 — границы дерново-карбонатных почвенных массивов.

Врезка: Сопки в окрестностях Передольского погоста.

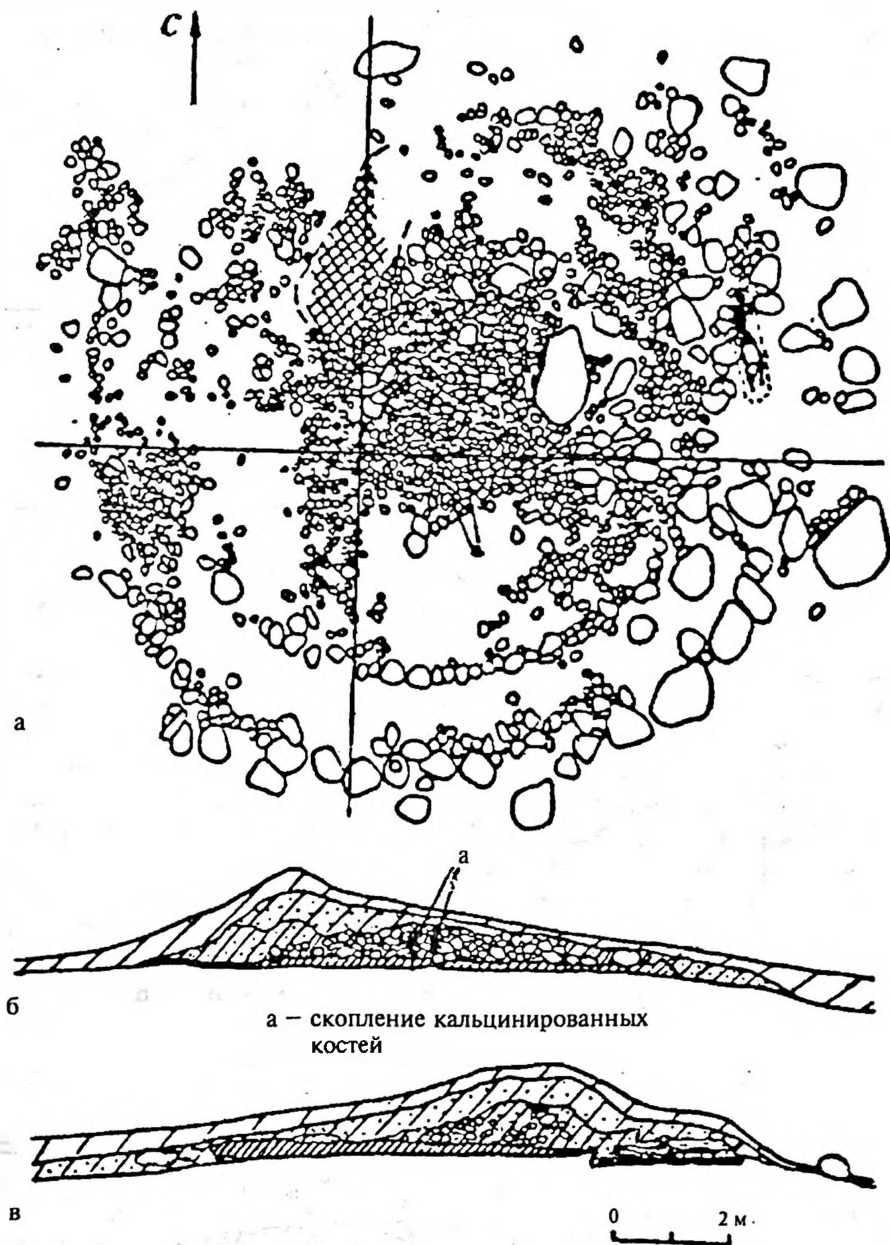
Условные обозначения: 1 — группы не более 2 сопки; 2 — группы из 3 сопки и более; 3 — Центральное поселение на Передольском погосте.

Список памятников к врезке: 1 — Косицкое 3; 2 — Глухой Бережок; 3 — Малый Волочек; 4 — Жилой Бережок 1; 5 — Новое Овсино; 6 — Малый Волок (Овсино); 7 — Большой Волок 1; 8 — Центральная группа у Передольского погоста (Заполье 1); 9 — Заупора; 10 — Княжева Горка (уроч. Коломише); 11 — Княжева Горка — Речка (сопка, раскопанная Л.Н. Целепи); 12 — Княжева Горка 2; 13 — Речка 2; 14 — Речка 1; 15 — Кшева 2; 16 — Подберезье 1; 17 — Лихарева Горка 3; 18 — Лихарева Горка 4; 19 — Передольский погост

части сопки. Однако эта западина может быть названа «ровиком» лишь условно.

Обе насыпи имели каменное кольцо по основанию, сложенное из крупных и средних валунов в 2–4 яруса. Отдельные большие камни залегали непосредственно на материке (то есть на подрезке,

оказавшей подготовленную дерновую площадку и небольшую первичную насыпь в центре ее). Остальные камни выкладывались уже по подсыпке. Ограждение сопки № 3 было двойным. В обоих случаях каменные ограды оказались разомкнуты с севера (рис. 2–3).

а — скопление кальцинированных костей

Рис. 2
Сопка № 3 Центральной группы у Передольского погоста.
а — каменные конструкции; б-в — разрезы

В обеих насыпях наблюдались мощные конструкции из валунов в центре в виде каменных куч или, скорее, многослойных вымоствок. Эти вымоствки представляли собой верхнюю часть небольших первичных насыпей из дерна и валунов в центре подкурганных площадок. В сопке № 3 эта насыпь была низкой и плоской. В сопке № 4 она, по-видимому, имела пирамидальную форму. Тем не менее, однотипность конструкций в целом не вызывает сомнения. Следует отметить,

что очень похожая картина зафиксирована в ходе дореволюционных раскопок сопки, находившейся в 2 км от Центральной группы на противоположном (правом) берегу р. Луги (рис. 1, врезка, № 11). Эта насыпь, расположенная между дер. Княжева Горка и Речка, была исследована в 1899 г. Л.Н. Целепи, не имевшим никакой подготовки в деле раскопок курганов с трупосожжением, а тем более сопки. Никаких погребений в насыпи он не нашел, возможно, просто не заметив

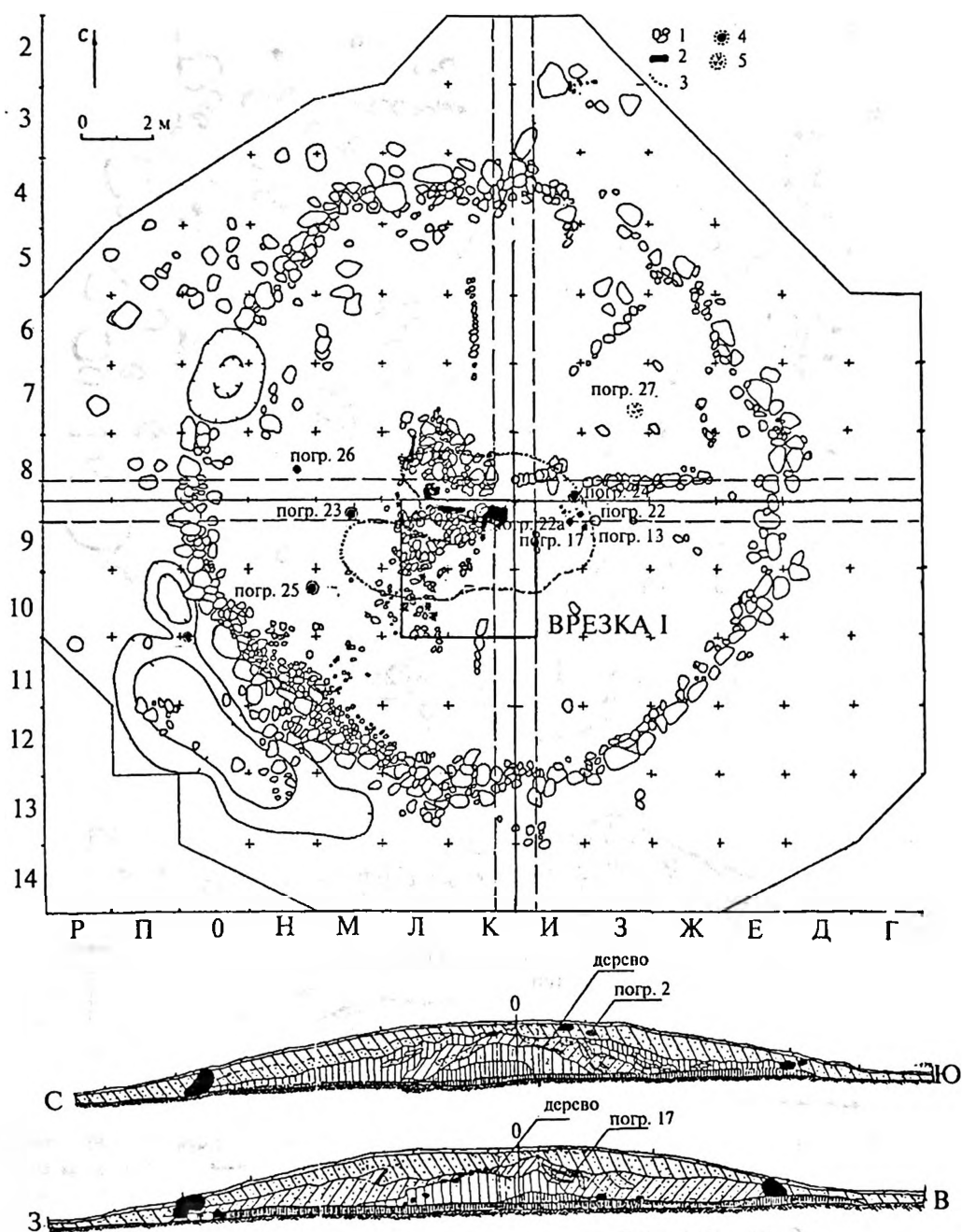

Рис. 3

Сопка № 4 Центральной группы у Передольского погоста.

а — каменные конструкции и погребения нижнего горизонта насыпи; б — в — разрезы.
 Условные обозначения: 1 — камни; 2 — остатки дерева; 3 — границы распространения костеносного слоя верхнего яруса; 4 — погребения нижнего яруса; 5 — реконструируемая граница первичной насыпи на площадке. ерева; 3 — границы распространения костеносного слоя верхнего яруса; 4 — погребения нижнего яруса; 5 — реконструируемая граница первичной насыпи на площадке.

кальцинированных костей россыпью. Помимо каменного кольца по основанию сопки, единственной деталью, зафиксированной им более-менее достоверно, была «куча» валунов в центре площадки⁵. Из этого можно сделать вывод, что все три

насыпи, раскопанные в разное время в округе Передольского погоста, имели совершенно однотипные каменные конструкции.

Сопки № 3 и № 4 Центральной группы имели многослойную структуру, но выраженные гумусные прослойки между

ярусами в них отсутствовали. По-видимому, никакого осязаемого хронологического разрыва между отдельными этапами насыпки не было. Вероятно, эти этапы отражали, скорее, последовательность ритуальных действий при сооружении сопки. Земляных валиков по окружности площадки не сооружалось. Насыпка в обоих случаях велась от центра к краям.

Наконец, очень важно отметить, что в обеих сопках на различных стратиграфических уровнях наблюдались захоронения кальцинированных костей россыпью. С точки зрения функциональной и типологической близости этих насыпей особенно важным является наличие погребений в вершине. Подробное описание комплекса захоронений верхнего яруса сопки № 4 (представлявшего собой, по сути, длительно функционировавший могильник) будет дано ниже. В сопке № 3 аналогичный верхний уровень погребений не сохранился *in situ*. Вершина ее оказалась разрушена, но кальцинированные кости, повсеместно встречавшиеся под дерном в ходе раскопок, указывали на то, что «могильник» функционировал какое-то время и на этой сопке. В связи с этим можно добавить, что отдельные косточки, рассеянные прямо по поверхности, зафиксированы в ходе разведки и на других, еще не раскопанных насыпях Центральной группы.

Сходная погребальная традиция была зафиксирована С.Л. Кузьминым при раскопках сопки в верхнем Поплюсье (Сковородка) и в Полужье в долине р. Оредеж (Пристань). Внутреннее устройство насыпи Пристань I, по сути, совершенно идентично тому, что описано выше. Здесь так же налицо отсутствие «платформ» и ровиков, использование площадки из дерна, сооружение в центре ее небольшой первичной насыпи из дернин с каменными вымостками, а, кроме того, строительство сопки в один прием, без осязаемого хронологического разрыва между этапами насыпки, и наличие в ее вершине яруса поверхностных захоронений⁶.

Сходные черты (насыпка от центра к краям, зачистка дерна вокруг площадки и выкладывание камней по подрезке и подсыпке) наблюдались при исследовании небольшого останца разрушенной сопки Мелковичи I на водоразделе рек Луги и Мшаги, произведенного в 1990 г.

Т.А. Жегловой⁷. Таким образом, уже целый ряд насыпей, раскопанных в верхнем Полужье и смежных с ним регионах, являет черты исключительной близости — и конструктивной, и типологической. Конечно, трудно ожидать, что перечисленный набор признаков в неизменном виде будет сопутствовать каждой исследованной верхнелужской сопке. Здесь возможны вариации, и они, действительно, имеются. Так, например, вторая насыпь, раскопанная С.Л. Кузьминым у дер. Пристань, оказалась сооруженной по способу насыпки от краев к центру, который хорошо известен по материалам других сопочных регионов⁸. Но все же на данном этапе изучения тип сопки, описанный выше, явно доминирует на северо-западе Новгородской земли. За этим, возможно, стоят единые закономерности развития культуры, обусловившие сложение тут более-менее единой региональной сопочной традиции не позднее второй половины X в. Данная традиция может быть описана подробнее на материалах двух исследованных перелдских сопки.

Сопка № 3 Центральной группы

Этапы ритуальных действий при сооружении сопки № 3 выглядят следующим образом. В центре дерновой площадки, обозначенной путем подрезки и маркированной по краям большими валунами, была сооружена низкая плоская насыпь из дернин и камней, набросанных сверху в 3–4 слоя. В поперечнике она составляла 4,5–5 м, в высоту — 0,8 м. Эта насыпь была окружена двойной каменной оградой. Ее поверхностная вымостка имела перемычки с внутренним кольцом ограждения, составляя с ним, до известной степени, единую конструкцию (рис. 2).

В процессе сооружения вымостки на камнях были рассыпаны кальцинированные кости, перекрытые затем слоем камней и гумуса. В пределах россыпи наблюдалось два незначительных скопления костей (возможно, случайных), на расстоянии 0,4 м одно от другого. Кости зафиксированы между камнями на разных высотных уровнях. Вероятно, они ссыпались вниз, проникая в пустоты между камнями. Инвентаря погребения не содержало.

С северо-запада к каменной вымостке первичной насыпи примыкала плоская яма в материке, на дне которой прослеживался слой, похожий на сажу (рис. 2: б–в).

Скорее всего, это яма позднейшего происхождения.

После этого вся площадка и первичная насыпь были перекрыты слоями более светлого суглинка с отдельными дернинами. В дальнейшем в вершину сопки было помещено какое-то количество погребений, совершенных по обряду кремации на стороне. Этот ярус не может быть охарактеризован подробнее из-за обширного перекопа вершины насыпи. В восточной поле сопки обнаружено одно погребение по обряду ингумации в узкой неглубокой яме, ориентированное головой на север с легким уклоном к западу. Погребение не содержало инвентаря. Возможно, оно относится к позднему периоду.

Сопка № 4 Центральной группы

Ритуальные действия при сооружении сопки № 4 производились, в общем, по той же схеме, что определена для сопки № 3, но выглядят они более усложненными. Первоначально в центре площадки дерна, обозначенной по кругу подрезкой и маркированной камнями, было воздвигнуто легкое деревянное сооружение около 2 м в поперечнике. Оно было сразу же сожжено и, недогоревшим, засыпано землей — рыхлым гумусом и дернинами. Следы недогоревшей прямоугольной деревянной конструкции сохранились в насыпи на высоту около 0,6 м от уровня погребенного дерна. Кальцинированных костей эта конструкция не содержала.

Подкурганная площадка была разделена на ряд секторов с помощью радиальных выкладок из валунов. Они ориентированы от центра, маркированного ритуальным кострищем, точно по странам света (рис. 3). Залегали на поверхности погребенного дерна. Близкую аналогию таким радиальным выкладкам представляют собой конструкции сопки № 1 в урочище Победище в Старой Ладогe (14—1 по каталогу В.П. Петренко)⁹.

Над ритуальным кострищем была сооружена небольшая первичная насыпь из гумуса. Она представляла собой земляной конус высотой около 1 м, «облицованный» камнями в 1—2 слоя по северо-западному и юго-западному склонам. Конус имел уплощенную вершину. В поперечнике первичная насыпь составляла 6,5—7 м. С восточной стороны ее наблюдалась радиальная выкладка из валунов по

склону (рис. 3). На поверхности были выявлены следы дерева в виде тонкого слоя древесного тлена с отдельными мелкими угольками. Тлен сохранился на участке около 1 кв.м в 0,5 м к югу от центра первичной насыпи (помост?). Выше него в насыпи залегала каменная вымостка, соответствовавшая уже второму этапу сооружения сопки.

Первичная насыпь имела многослойную структуру, будучи сложена из дерна и гумусированного суглинка, окрашенного в верхней части интенсивнее, чем в нижней. Уже после того, как эта насыпь была сооружена, у ее подножия, в 4 м к юго-востоку от ее центра, на небольшой подсыпке было совершено погребение 13 — первое по времени погребение в сопке¹⁰.

Погребение 13: безурновое. Скопление кальцинированных костей овальное в плане, в поперечнике 14×8 см. Кости перемешаны с песком, общий их объем незначителен. Толщина слоя, в котором встречаются кости — 2 см. Примесь угольков отсутствует. Вещей нет.

И первичная насыпь, и погребение 13 у ее подножия были перекрыты слоями суглинка, заполнившими пространство между нею и каменным ограждением площадки. В результате получилась плоская низкая насыпь второго этапа — 18 м в диаметре и 1,3—1,4 м в высоту. С завершением строительства этой насыпи связаны следующие два (три?) погребения в сопке — скопление костей 22—22а и перекрывшее его погребение 17. В плане все они приурочены к тому же участку, что и предыдущее погребение 13, но находились на 0,5 м выше (рис. 3).

Погребения 22—22а: небольшая насыпь кальцинированных костей, включавшая два их скопления, расположенных в 0,5 м одно от другого на глубине около 0,2 м от поверхности насыпи второго этапа. Кости находились в слое желтого суглинка. Толщина обоих скоплений — не более 1 см. Общий объем костей незначителен. Примесь угольков отсутствует. Захоронение перекрыто линзой песка. Вещей нет.

Погребение 17: округлое в плане скопление костей, очищенных от угля. В поперечнике 18 см, толщина слоя костей — 15 см. Вероятно, захоронение было произведено в органической емкости (туеске?). Присутствуют кости молодого

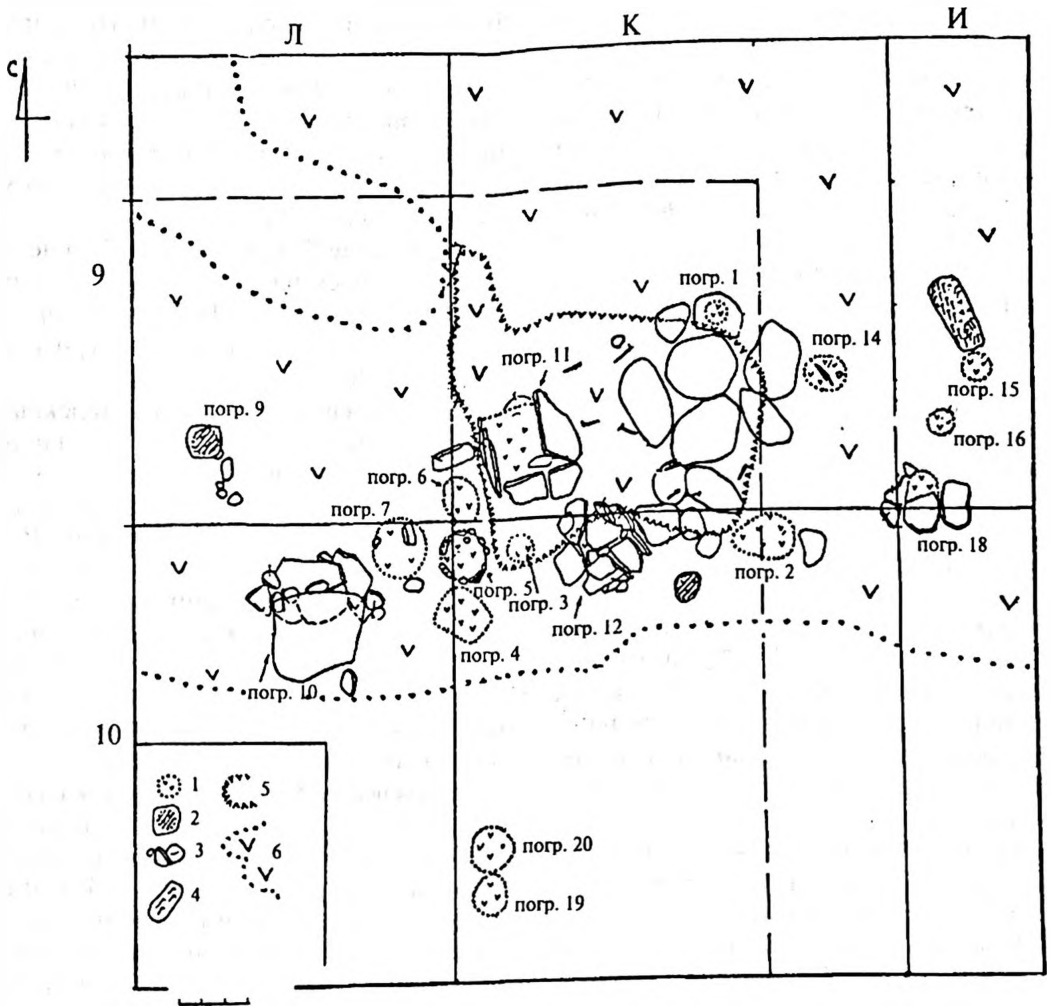

Рис.4

Каменная вымостка и погребения верхнего яруса (врезка 1 к плану сопки на рис. 3).

Условные обозначения: 1 — погребения; 2 — погребения, перекрытые сверху плиткой; 3 — камни; 4 — остатки дерева; 5 — границы пятна костеносного слоя наибольшей интенсивности; 6 — границы распространения костеносного слоя.

человека и овцы¹¹. Вещей нет. Погребение залегало на поверхности песчаной линзы, перекрывшей предыдущие погребения 22–22а. До середины высоты присыпано песком, выше — суглинком. Рядом с ним в разрезе зафиксирована узкая глубокая ямка. Возможно, здесь в насыпь был воткнут колышек (на глубину около 0,4 м), отмечавший место предполагаемого погребения. После установки урны он был выдернут, а вертикальная ямка заполнилась песком.

Далее плоская насыпь второго этапа была перекрыта слоем серо-желтого суглинка мощностью 0,4 м в центре и до 0,9 м на периферии. В этом горизонте, на глубине 0,2–0,4 м от дневной поверхности находились круглая вымостка из валунов 0,8 м в диаметре и 17 индивидуальных

погребений, сконцентрированных на небольшой площади в 2–4 м к югу от центра сопки (рис. 4). Большинство погребений вплотную примыкало к круглой вымостке. Впускные ямки в слое не прослеживались. Не исключено, что первоначально погребения располагались на поверхности сопки (возможно, под деревянным помостом). На небольшой площади рядом с погребением 15 были зафиксированы остатки тонкого слоя дерева со следами естественного обугливания. Судя по характеру и направлению древесных волокон, это была не цельная плашка, а скорее всего, остатки настила из жердей, уложенных рядом. Уровень залегания дерева точно соответствовал верхнему уровню погребения 15. Косвенным указанием на то, что первоначально погребения не

были полностью присыпаны, является характер их расположения. Ни одно из них, сконцентрированных на небольшой площади, тем не менее, не нарушает и не перекрывает другого. Верхняя часть керамического сосуда, в который было помещено погребение 5, обломившись, упала сверху на кости соседнего погребения 7. Такое вряд ли могло бы случиться, будь это последнее присыпано сверху землей. Таким образом, можно предположить, что верхняя часть горизонта серо-желтого суглинка над погребениями была досыпана позднее, после разрушения деревянного настила. Однако в целом горизонт серо-желтого суглинка имеет достаточно аморфный и однородный характер.

Среди индивидуальных погребений верхнего яруса можно выделить три различных вида: 1 — погребения в ящичках из плит (около 40 см в поперечнике); 2 — погребения в органической емкости («безурновые»), иногда поставленные на каменную плитку или, наоборот, перекрытые таковой; 3 — погребения в керамической урне.

Все погребения без исключения содержали кальцинированные кости без примеси угольков. Приведем их описание:

Погребение 2: безурновое. Скопление костей округлое в плане и овальное в разрезе. В поперечнике 35 см, толщина слоя костей — 20 см. Среди костей находились две бронзовых спиральки (рис. 5: 15–16), а также капли серебра и бронзы и остатки оплавленных стеклянных бус — молочного-белых, синих и глазчатой.

Погребение 3: безурновое. Скопление костей округлое в плане. В поперечнике 12 см, толщина слоя — 8 см. Вещей нет.

Погребение 4: безурновое. Подстилалось каменной плиткой. В поперечнике 25 см, толщина слоя — 6 см. Вещей нет.

Погребение 5: урновое. Кости ссыпаны в глиняный горшок с максимальным расширением в верхней трети и ребром по плечу (рис. 5: 25). Венчик сосуда слегка отогнут, тесто — довольно плотное, с примесью дресвы. Обжиг средний. Урна была раздавлена. Нижняя часть ее, распавшаяся на ряд фрагментов, находилась *in situ*. Верхняя — частично раскрошилась, частично лежала поверх соседнего погребения 7. Толщина слоя костей в урне 5 см. Вещей нет.

Погребение 6: безурновое. Скопление костей округлое в плане, в поперечнике —

20 см, толщина слоя — 3 см. Подстилалось каменной плиткой. Возможно, кости принадлежали ребенку. В 2 см от них найдено 2 фрагмента проволочного украшения (височного кольца большого диаметра?). Однако принадлежность их данному погребению сомнительна.

Погребение 7: безурновое. Скопление костей 22×26 см в поперечнике. Толщина слоя 7 см. Вещей нет. Поверх костей лежали фрагменты верхней части урны погребения 5 (см. выше).

Погребение 8: безурновое. Перекрыто каменной плиткой. Скопление костей округлое в плане, в поперечнике — 20 см. Толщина слоя 3 см. Возможно, кости принадлежали мелкому животному. Найдено бронзовое кольцо из толстой проволоки, со сходящимися концами (рис. 5: 5).

Погребение 9: безурновое. Скопление костей округлое в плане, в поперечнике 12 см, толщина — 2 см. Найдены бронзовая трапецевидная подвеска (рис. 5: 9) и оплавленная стеклянная бусина.

Погребение 10: каменный ящик из плиток, раздавленный наваленным сверху большим валуном. Скопление костей овальное в плане, в поперечнике — 40×20 см, вытянуто в направлении СЗ–ЮВ. Толщина слоя 10 см. В погребении представлены кости взрослого человека. Найдены обломки серебряного спирального украшения (накосника?) (рис. 5: 20), обломок серебряной петельки для подвешивания (рис. 5: 14), капли расплавленного серебра, фрагмент округлой многогранной сердоликовой бусины, побывавшей в огне (рис. 5: 23), а также спекшиеся и оплавленные стеклянные бусы — синие (в том числе пронизка), голубая, печеночно-красная и глазчатая синя с бело-желтыми глазками.

Погребение 11: каменный ящик из плиток со сторонами около 40 см. Ориентирован по сторонам света с легким уклоном к западу. Имелись плитняковая крышка и дно. Толщина слоя костей внутри — 10 см. Представлены кости взрослого человека. Вещей нет.

Погребение 12: каменный ящик из плиток, сильно деформированный. В поперечнике около 40 см. Присутствовали плитняковая крышка и дно. Толщина слоя костей 9 см. Кости принадлежали человеку. Среди плиток деформированного ящика найден четырехгранный железный гвоздь (рис. 6: 7).

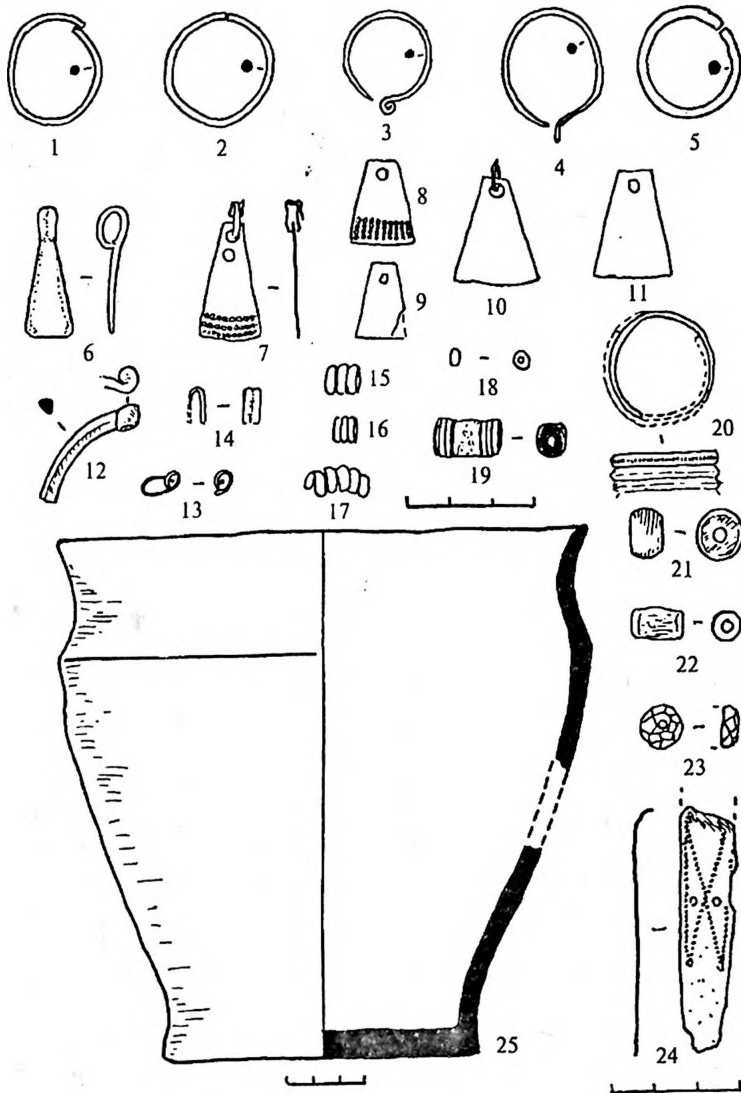

Рис.5

Находки из сопки № 4 Центральной группы у Передольского погоста.

1-3, 6-8, 10-11 — погр. 18; 5 — погр. 8; 9 — погр. 9; 14, 20, 23 — погр. 10; 15-16 — погр. 2; 25 — погр. 5; 17, 21, 22 — костеносный слой; 4, 12, 24 — предметы из насыпи.

1-13, 15-17, 24 — бронза; 14, 20 — серебро; 18-19, 21 — стекло; 23 — сердолик; 25 — керамика.

Погребение 14: безурновое. Скопление костей овальное в плане, в поперечнике — 19×15 см. Толщина слоя 4 см. Поверх костей лежали железный нож (рис. 6: 1) и железная прямоугольная пряжка (рис. 6: 5).

Погребение 15: безурновое. Скопление костей округлое в плане, в поперечнике — 12 см. Толщина слоя 10 см. Кости принадлежали человеку. Вещей нет.

Погребение 18: каменный ящик, сильно деформированный. Имелись плитняковое дно и крышка. Скопление костей подпрямоугольной формы, 30×18 см в поперечнике. Вытянуто в направлении С-Ю с легким уклоном к западу. Толщина слоя костей 5 см. Поверх костей

находились предметы, не побывавшие в огне, представлявшие собой остатки женского головного убора. Среди них две литых бронзовых подвески, по форме напоминающих лапчатые (рис. 5: 6), три неорнаментированных трапециевидных подвески (рис. 5: 10-11), две трапециевидных подвески, украшенных пуансонным орнаментом (рис. 5: 7-8), проволочные височные кольца — со сходящимися концами (1 экз., рис. 5: 2), со слегка заходящими концами (1 экз., рис. 5: 1), с одним заостренным концом и спиральным завитком на другом конце (1 экз., рис. 5: 3). Диаметр колец — 2-2,5 см.

Подвески были расположены в погребении как бы двумя скоплениями, в каждое

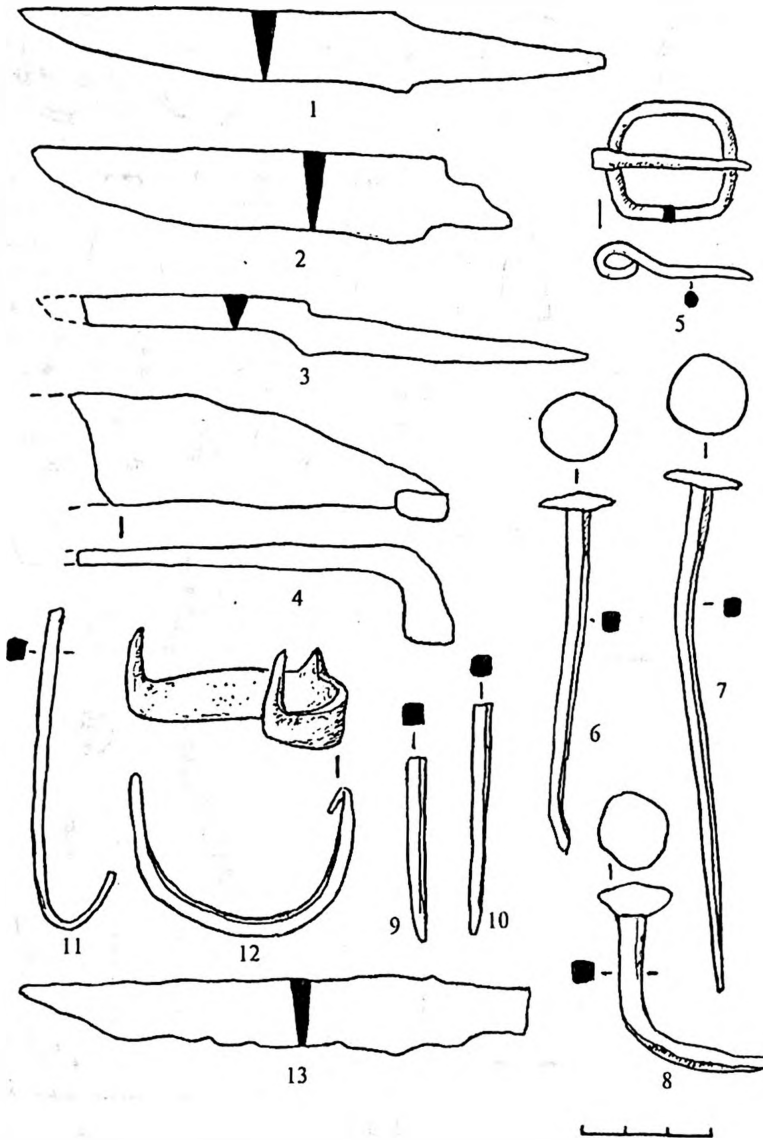

Рис.6

Находки из сопки № 4 (продолжение). Предметы из железа.

1,5 — погр.14; 7 — погр.2; 6,8-10 — костеносный слой; 2-4,11-13 — предметы из насыпи.

из которых входили одна «лапчатая», одна трапециевидная орнаментированная и одна неорнаментированная. Еще одна неорнаментированная подвеска лежала отдельно. Височные кольца находились в 3-6 см от групп подвесок. Два из них лежали рядом, одно — отдельно. Если допустить, что подвески были изначально прикреплены к кольцам, то, вероятно, они крепились не непосредственно к ним, а на шнурках длиной не менее 3 см. С каждой стороны находилось по три разных подвески и по одному перстнеобразному кольцу. Кольцо со спиральным завитком, безусловно, является серьгой и, возможно, было положено отдельно.

Среди костей погребения 18 обнаружены: бронзовая проволока, согнутая в виде миниатюрной «английской булавки» (возможно, колечко для подвешивания) (рис. 5: 13) и оплавленные стеклянные бусы. Сравнительно мало обгорела призматическая пронизка синего стекла с красными и желтыми полосками по краям, относящаяся к группе Ga по Ю. Кальмеру (рис. 5: 19). Среди других бус можно опознать 2 экз. зеленого рубленого бисера и, возможно, 2 экз. черного (?) бисера (рис. 5: 16). Остальные бусы оплавилась до полной потери формы и цвета.

Погребение 19: безурновое. Скопление костей округлое в плане, 15×18 см

в поперечнике. Толщина слоя 4 см. Вещей нет. Кости принадлежали молодому человеку.

Погребение 20: безурновое. Скопление костей округлое в плане, 20 см в поперечнике. Толщина слоя 7 см. Кости принадлежали молодому человеку. Найдены капли расплавленной бронзы и оплавленные печеночно-красные бусы.

Начиная с уровня верха описанных погребений и выше (на глубине от 5 до 20 см от дневной поверхности) в насыпи оказались рассеяны кальцинированные кости. Россыпь, а, точнее, костеносный слой зафиксирован на площади около 24 кв.м (рис. 3–4). Особенно насыщен костями участок над круглой каменной вымосткой и к юго-востоку от нее (рис. 4). С этим участком связана находка 14 обломков четырехгранных железных гвоздей. Здесь же найдены бронзовая спиралька (рис. 5: 17), костяная обожженная бусина (рис. 5: 22), печеночно-красная боченковидная бусина (рис. 5: 21) и обломок бронзовой полковообразной пряжки.

На поверхности одного из плоских камней вымостки обнаружено небольшое скопление кальцинированных костей, условно принятое за индивидуальное погребение 1. Скорее всего, это скопление носит случайный характер. Вещей оно не содержало.

Костеносный слой в вершине и на южном склоне сопки, несомненно, представлял собой остатки достаточно многочисленных погребений, рассеянных и рассыпанных по поверхности насыпи. Часть костей и вещей, высыпанных на вершину, постепенно сползала вниз. Поэтому отдельные кости и их мелкие скопления зафиксированы и на периферии сопки. Скорее всего, именно с костеносным слоем изначально были связаны такие находки, как височное кольцо с отогнутым концом (рис. 5: 4), железный нож группы IV по Р.С. Минасяну (рис. 6: 3), обломок спиралеконечной подковообразной пряжки (рис. 5: 12). Все они происходят из горизонта серо-желтого суглинка на периферии насыпи. В этом же слое найдены обломок косы-горбуши (рис. 6: 4), обломок железной дужки, два сломанных железных ножа (рис. 6: 2, 11, 13), а также обувные оковки эпохи позднего средневековья (рис. 6: 12). В восточной поле сопки в основании каменной крепиды был

найден обломок древнерусского пластинчатого браслета с орнаментом XII–XIII вв. (рис. 5: 24)¹².

Происхождение аморфного слоя мощностью около 20 см, перекрывшего индивидуальные погребения верхнего яруса и насыщенного кальцинированными костями, возможно, объясняется не единовременной досыпкой сопки, а многочисленными небольшими подсыпками, имевшими целью прикрыть очередную россыпь костей на вершине. Костеносный слой, перекрывший индивидуальные погребения, скорее всего, формировался уже тогда, когда традиция совершения таких погребений прекратилась.

Датировка отдельных комплексов сопки № 4 представляет известные трудности, так как украшения, найденные в этих погребениях, как правило, входят в состав женского убора, широко датируемого рубежом I–II тыс.н.э. Уточнить их хронологию можно лишь в тенденции. Так, например, время массового распространения печеночно-красных боченковидных бус на Северо-Западе приходится на IX–X вв.¹³, но отдельные бусины этого типа встречаются в погребальных древностях вплоть до первой трети XII в. Эта датировка установлена по материалам культурного слоя Новгорода¹⁴. В сопке № 4 печеночно-красные бусы обнаружены в костеносном слое на вершине и в двух индивидуальных погребениях верхнего яруса (10 и 20), причем в последнем представлено несколько экземпляров. При этом в сопке совсем не встречено очень характерных для погребальных древностей конца X–XI в. оранжевых боченковидных и желтых лимоновидных бус. Все оплавленные экземпляры, поддающиеся приближительному определению по форме и цвету, относятся к числу ранних, бытовавших в VIII–IX вв., хотя нередко доживавших и до более позднего времени (мозаичная, глазчатые, молочно-белые бусы, синяя пронизка, рубленый бисер и т.д.). Такой набор в целом является аргументом в пользу датировки верхнего яруса индивидуальных погребений в сопке периодом не позднее X в.

Сердоликовая многогранная бусина, фрагмент которой был найден в каменном ящике, среди костей погребения 10, имела шарообразную форму, слегка уплощенную с боков. Ее диаметр 1 см (рис. 5: 23). Бусы

такого типа в Ладоге не встречаются ниже горизонта Д¹⁵. Новгородские материалы свидетельствуют о том, что уже в последней четверти X в. форма их слегка изменяется, приближаясь к битрапециoidal¹⁶.

Обломок спирального украшения в том же погребении 10, по-видимому, представляет собой фрагмент накосника (рис. 5: 20). Аналогии ему имеются в сопках¹⁷ и сопковидных курганах, в конструкции которых прослеживается явная сопочная традиция¹⁸. В этих комплексах он датируется IX — первой половиной X в. В культурном слое Ладоги фрагмент накосника датируется так же первой половиной IX в. В таком случае, в сочетании с находкой сердоликовой многогранной бусины, наиболее вероятной датой комплекса в каменном ящике 10 является период около середины X в. Этой датировке вполне соответствует обнаруженный в погребении набор стеклянных бус (синяя пронизка, синяя глазчатая бусина 2 группы по З.А. Львовой, печеночно-красные бусы и оплавленная голубая неясной формы). Все эти типы очень характерны для I половины—середины X в.¹⁹

Трапециевидные подвески с горизонтальными полосками пуансонного орнамента, найденные в каменном ящике 18, имеют аналогии в культуре смоленско-полоцких длинных курганов (Цурковка, Рацкий Бор, Еленово)²⁰ и на памятниках раннего этапа древнерусской культуры на Северо-Западе (Боково, Городок на Ловати и др.)²¹. Они могли бытовать в IX—XI вв. и позднее. Неорнаментированные трапециевидные подвески в ряде случаев встречены в сопках (Велеша, Сковородка II, Репьи — верхний ярус) и очень широко представлены в слоях синхронных сопкам древнерусских поселений X—XI вв. (Удрай I, Передольский погост, Которск). С.Л. Кузьмин уверенно включает их в состав женского убора культуры сопкок западных районов Новгородской земли²². Вполне возможно, их появление здесь обусловлено влиянием культуры смоленско-полоцких длинных курганов. Распространение их на памятниках сопочного круга западнее оз. Ильмень относится, по-видимому, к X в. В сопке № 4 такие подвески встречены в двух погребениях (9 и 18). Материалы комплекса в каменном ящике 18 указывают на то, что они могли использоваться

носителями культуры сопкок как височное, а не нагрудное украшение.

Простые перстнеобразные кольца с сомкнутыми или слегка заходящими концами датируются по новгородским аналогиям серединой XI — концом XIII вв.²³. Ниже 23 яруса они не встречены. Однако южнее — в верхнем и среднем Поднепровье — такие украшения могут относиться и ко второй половине X в. — по аналогиям в Гнездовском могильнике²⁴, Шестовицах²⁵ и Киевском некрополе²⁶. Их появление в сопочном погребении, датируемом, предположительно, не позднее X в., может быть обусловлено культурным влиянием с юга (вероятно, из области Смоленского Поднепровья).

Бронзовая серьга с завитком на одном конце, найденная в каменном ящике 18, имеет серию аналогий в Гнездове, где этот тип датируется X—XI вв.²⁷. В Киевском некрополе такие кольца найдены вместе с монетами-подвесками начала X в.²⁸. Еще более раннему времени принадлежат находки из культурного слоя Ладоги (первая треть IX в., рубеж IX—X в.)²⁹. Исходные формы таких колец обнаружены на памятниках третьей четверти I тыс. н.э. на Южном Буге (селище Семенки)³⁰. Похожие височные кольца, слегка превышающие в диаметре 2,5 см, доживают на широкой территории до XIII в. включительно. Временем начала их массового распространения считается X в.³¹

Наиболее территориально и, вероятно, хронологически близкая аналогия серьге из сопки № 4 — кольцо из сопковидного кургана в группе Которск IV в верхнем Поплюсье (раскопки С.Л. Кузьмина). Конструктивно этот курган очень близок описываемому типу сопкок и, по-видимому, отражает ту же традицию. Свидетельством тому является его насыпка от центра к краям, сооружение первичной насыпи в виде пирамиды из дерна, наличие в вершине одного индивидуального погребения и россыпи кальцинированных костей по поверхности. Инвентарь, встреченный в кургане, также очень близок набору вещей, представленному в сопке № 4 (накосник, спиральные пронизки, синяя бусина, железный нож того же типа, что и нож из погребения 14)³². Вероятно, этот комплекс следует отнести к первой половине—середине X в.

Литые «лапчатые» подвески, обнаруженные в каменном ящике 18, не имеют

аналогий среди хронологически близких древностей Северо-Запада. Похожие по форме и технике изготовления пластинчатые привески встречены в комплексах поздней (урьинской) стадии ломоватовской культуры (VIII–IX вв.) в верхнем Прикамье³³. Однако подвески из сопки № 4 отличаются более вытянутыми пропорциями и меньшим «зооморфизмом», по сравнению с ломоватовскими привесками-лапками. Более близкую аналогию им представляют трапециевидные привески к коньковым подвескам группы 5 по Е.А. Рябинину, происходящие из Владимирских курганов и датируемые, преимущественно, второй половиной X — первой половиной XI вв. В отдельных случаях эти привески имеют вытянутые пропорции, близкие тем, что встречены в сопке № 4³⁴. Появление такого типа украшений на Северо-Западе, безусловно, является результатом культурного влияния из области среднего Поволжья. Следует отметить лишь, что, в данном случае эти предметы были включены в состав женского убора совершенно иного характера. Они использовались как обычные трапециевидные подвески к серьгам или височным кольцам, а не представляли собой нагрудное украшение, прикрепленное к специальной трубчатой или коньковой основе, как это имело место в Прикамье и Волго-Клязьминском междуречье.

Несколько уточнить дату комплекса в каменном ящике 18 позволяет находка в нем призматической пронизки группы Ga по Ю. Кальмеру. Пики распространения таких бус в Северной Европе падают на конец VIII — первую половину IX вв., а также на конец IX — начало X в. По мнению Ю. Кальмера, к 980 г. пронизки этого типа полностью выходят из употребления³⁵. Аналогии таким пронизкам в Ладоге относятся к I категории I группы по классификации З.А. Львовой. Это очень ранние бусы, представленные, преимущественно, в горизонте E и редко встречающиеся в горизонте D³⁶. Таким образом, восточноевропейские материалы показывают ту же динамику типа, которая отмечена Ю. Кальмером для Северной Европы. Поэтому предложенная им верхняя хронологическая граница распространения таких бус, в принципе, может быть принята как верхняя дата погребения 18 в сопке № 4.

В целом этот комплекс, включающий перстнеобразные височные кольца (серьги), орнаментированные и неорнаментированные трапециевидные подвески, «лапчатые» подвески, рубленый бисер и пронизку группы Ga по Ю.Кальмеру, можно отнести, по сочетанию типов инвентаря, к середине—третьей четверти X в.

Остальные индивидуальные погребения сопки № 4, вероятно, следует суммарно датировать X веком. Уточнить их хронологию в рамках X в. пока не представляется возможным. Костеносный слой, перекрывающий верхний ярус погребений, относится к концу X и, вероятно, к XI в.

Подводя итоги, следует отметить, что исследования последних лет в западных новгородских землях изрядно пошатнули представление о якобы совершенно незначительной роли погребальной функции в сопках. Обнаружение в вершинах непогребенных насыпей десятков погребений по обряду кремации на стороне, заставляет пересмотреть это расхожее мнение. Следует четко сформулировать: любая сопка с поврежденной или снесенной вершиной не является полноценным источником для характеристики погребального обряда этой культуры. Более того, в определенном смысле, использование данных такого рода может способствовать (и способствовало!) формированию ошибочного взгляда на проблему. Сопки со снесенными вершинами доносят до исследователя очень неполный процент информации о погребениях, которые могли изначально в них содержаться. Захоронения в сопках не распределялись равномерно по всем горизонтам насыпи. Малое количество погребений на подкурганых площадках и в нижних горизонтах сопок в настоящий момент установлено достоверно и вряд ли подлежит сомнению. Однако раскопки неповрежденных сопок уже в целом ряде случаев позволили сделать вывод об устройстве в их вершинах целых могильников с трупосожжениями, которые могли функционировать от нескольких дней до нескольких десятилетий. Поскольку именно вершины больших курганов, в первую очередь, во все времена привлекали внимание кладоискателей, такая специфика сопок, по-видимому, привела к тому, что основная масса погребений оказалась разрушенной еще до начала научных исследований этих памятников.

Кальцинированные кости часто обнаруживаются в дерне на вершинах сопки в ходе разведочного осмотра. Безусловно, это требует целенаправленного поиска. В настоящий момент они зафиксированы на каждой из четырех уцелевших насыпей Центральной группы у Передольского погоста, включая гигантскую Шум-гору (сопку № 5). Разумеется, характер и размеры этих россыпей могут быть выяснены только в ходе раскопок. Но, в принципе, можно ожидать наличия могильников не только на вершинах «малых» сопок, сооруженных в один прием, но и на насыпях иного типа. Как уже было справедливо отмечено С.Л. Кузьминым, остатки погребений «между ярусами» целого ряда больших многоярусных сопок Ловатского скопления (Коровитчино, Селяха, Марфино — № 1), вполне могут быть интерпретированы как поверхностные, перекрытые затем верхним ярусом насыпи³⁷.

Дальнейшие исследования покажут, насколько справедливы данные предположения и насколько они применимы ко всем локальным вариантам культуры сопок. В настоящий момент есть основания считать, что наличие могильника в вершине, действительно, очень характерно для того типа сопочной насыпи, который сформировался на северо-западе Новгородской земли в первой половине-середине X в. Сооружение такой сопки было связано с комплексом достаточно сложных ритуальных действий. Единая последовательность и повторяемость обрядовых действий, зафиксированная уже на

нескольких памятниках, говорит о достаточно развитом и устойчивом ритуале. По-видимому, каждый из этапов сооружения насыпи, начиная с обозначения подкурганной площадки, нес определенную смысловую нагрузку. Вероятно, свой особый смысл имело и помещение отдельных немногочисленных захоронений или россыпей кальцинированных костей в нижние горизонты насыпи. Но по-настоящему сопка становилась местом погребения усопших членов родового или иного коллектива уже по завершении ее строительства. В отличие от иных типов курганов Древней Руси IX—XI вв., возводившихся, над неким конкретным погребением или погребениями, сопка рассматриваемого типа строилась под будущие погребения. В верхней части ее помещалась усыпальница, которая и функционировала в течение какого-то достаточно длительного периода времени. Близкие по типу погребельные сооружения (деревянные «камеры», помещенные в насыпь кургана и содержащие разновременные захоронения по обряду кремации на стороне) зафиксированы в ряде могильников VIII—X вв. на Верхнем Дону и на Верхней Оке. Керамика, найденная в них, по большей части, находит аналогии среди сосудов роменского типа³⁸. Вероятно, здесь мы имеем дело с фактом развития сходных традиций и представлений, существовавших у разных территориальных групп населения Древней Руси и, возможно, принесенных на север Восточной Европы славянами.

***

- 1 Седов В.В. Новгородские сопки // САИ. Е1—8. М., 1970; Лебедев Г.С., Платонова Н.И., Лесман Ю.М. Археологическая карта верхнего Полужья (вторая половина I — первая половина II тыс.н.э.) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 45—49 и карта; Кузьмин С.Л. Оредежские сопки // Население Ленинградской области: материалы и исследования по истории и традиционной культуре. СПб., 1992. С. 16—26.
- 2 Долуханов П.М., Носов Е.Н. Палеоэкологические условия и заселение территории Северо-Запада в VI—X вв. // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 20; Конешкий В.Я. Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья // НИС. Вып.3 (13). Л., 1989. С. 11—12.
- 3 Быстров М. Остатки старины близ Передольского погоста, Лужского уезда, Санкт-Петербургской губернии (описание курганов и кладбищ этой местности) // Известия ИРАО. Т. 9. Вып. 4. СПб., 1880. С. 381—398; Платонова Н.И. Укрепленные поселения Лужской волости // Материалы по археологии Новгородской земли (1990). М., 1991. С. 72—79.
- 4 Платонова Н.И. Укрепленные поселения... С. 76—77. Рис.3.
- 5 РА ИИМК РАН. Ф.1. 1899. Д. 113.
- 6 Кузьмин С.Л. Оредежские сопки... С. 17—20.
- 7 Автор выражает глубокую признательность Т.А. Жегловой за предоставленные материалы.
- 8 Кузьмин С.Л. Оредежские сопки... С. 20—21.
- 9 Петренко В.П. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII—X веков. Сопки Северного Поволжья. СПб., 1994. С. 51—52, 125. Рис. 12.

- 10 Предварительные итоги исследования сопки № 4 были обобщены в публикации: Платонова Н.И. Передольские сопки. Предварительные итоги исследования // Курган. Историко-культурные исследования и реконструкции. СПб., 1996. С. 51–53. Там отмечалось наличие на подкурганной площадке целого ряда погребений в материковых ямках. В инвентаре этих захоронений встречены спиральки, бронзовые колокольчики, проволочные украшения. В отличие от погребений в насыпи сопки, кости в материковых ямках имели примесь угольков. Радиоуглеродный анализ, выполненный в лаборатории археологической технологии ИИМК, показал, что они датируются серединой I тыс.н.э. (V–VI вв.). К сопочной насыпи X в. эти грунтовые погребения не имеют прямого отношения (см.: Платонова Н.И. О «белых пятнах» на археологической карте и новом типе памятников третьей четверти I тыс.н.э. на Северо-Западе // Ладога и Северная Европа. СПб., 1996. С. 9–12). Эта находка указывает на то, что, вероятно, не следует без дополнительных доказательств относить к культуре сопок все те грунтовые погребения и могильники с маловыразительным инвентарем I тыс.н.э., которые в настоящее время обнаружены в окрестностях сопочных групп. Локализация их в тех же ландшафтных условиях, что и сопки, явно не представляет собой исчерпывающего доказательства их хронологического и культурного единства.
- 11 Определение кальцинированных костей произведено научным сотрудником отдела антропологии СПб филиала ИЭ РАН С.Л. Санкиной, которой автор выражает свою признательность.
- 12 Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. Рис.40: 11–12.
- 13 Львова З.А. Стекланные бусы Старой Ладоги // АСГЭ. Вып.10. Л., 1968. С.72–73.
- 14 Лесман Ю.М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород. Проблема синхронизации // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 139.
- 15 Рябинин Е.А. Начальный этап поступления полудрагоценных камней на Север Европы. Новые материалы древнейшей Ладоги и их скандинавские аналогии // Ладога и Северная Русь. СПб., 1995. С. 58.
- 16 Полубояринова М.Д. Полудрагоценные камни и янтарь в древнем Новгороде // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 75. Рис.1: 4.
- 17 Яблоник Д.Л. О двух типах бронзовых украшений культуры сопок // История и археология Новгородской земли. Тезисы научно-практической конференции. Новгород, 1987. С. 25.
- 18 Кузьмин С.Л. Которский погост — локальный центр конца I — начала II тыс.н.э. в верховьях Плюсы // Материалы по археологии Новгородской земли... С. 159.
- 19 Львова З.А. Стекланные бусы... С. 70–75.
- 20 Енуков В.В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М., 1990. С. 201–203.
- 21 Грюнюва В.М. Поселок ремесленников на Ловати // Проблемы археологии. Вып.2. Л., 1978. С. 144–146.
- 22 Кузьмин С.Л. О хронологическом соотношении сопок и длинных курганов (по материалам западных районов Новгородской земли) // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л., 1991. С. 92–97.
- 23 Лесман Ю.М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М., 1990. С. 69.
- 24 Пушкина Т.А. Височные кольца Гнездовского комплекса // Труды Пятого Международного конгресса славянской археологии. М., 1997. С. 53.
- 25 Бліфельд Д.І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977. С. 155.
- 26 Каргер М.К. Древний Киев. Т.1. М.-Л., 1958. С. 145 (погр.26).
- 27 Пушкина Т.А. Височные кольца Гнездовского комплекса... С. 52–53.
- 28 Каргер М.К. Древний Киев... Табл. X: 4.
- 29 Кирпичников А.Н. Раннесредневековая Ладога. Итоги археологического исследования // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 17–18.
- 30 Хавлюк П.И. Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1976. С. 197.
- 31 Musianowics K. Kablacki skroniowe — proba typologii i chronologii // Swiatowit. T. XX. Warszawa, 1948–1949. S. 192–194.
- 32 Кузьмин С.Л. Которский погост... С. 159–159.
- 33 Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в верхнем Прикамье. Иркутск, 1985. С. 45 Табл. XVIII: 1, 3.
- 34 Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // САИ7 Е1–60. Л., 1981. С. 32–35. Табл. XVII: 3, 4, 8.
- 35 Callmer J. Trade beads... P. 89–90.
- 36 Львова З.А. Стекланные бусы... С. 67. Рис.1: 2.
- 37 Кузьмин С.Л. Оредежские сопки... С. 23.
- 38 Изюмова С.А. Курганная могильник VIII–X вв. около д. Западной // СА. №2, М., 1964. С. 151–159; Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М., 1981. С. 27–33; Бессарабова З.Д. Славянские курганы второй половины I тыс. н.э. с трупосожжением и деревянными сооружениями на территории Восточной Европы // АСГЭ. Вып. 15. Л., 1973. С. 65–82.

ЛЮБШАНСКОЕ ГОРОДИЩЕ В НИЖНЕМ ПОВОЛХОВЬЕ (предварительное сообщение)

В 1997–2001 гг. Волховская археологическая экспедиция ИИМК РАН произвела исследование средневекового городища в устье р. Любши — притока р. Волхов в окрестностях пос. Старая Ладога (Волховский район Ленинградской области).

Любшанское городище расположено в 2 км к северо-востоку от древнейшего участка Староладожского поселения (т.н. Земляное городище) и Ладожской каменной крепости на противоположном, ниже по течению правому берегу Волхова (рис. 1). Оно занимает мыс в северо-восточной оконечности излучины р. Волхов, имеющей широтную направленность и километровую протяженность. Ближайшими к памятнику населенными пунктами являются дер. Чернавино с расположенным рядом скандинавским могильником IX–X вв. в урочище Плакун (0,8 км к юго-западу от городища), дер. Горчаковщина (в 1 км к северо-востоку от городища).

По типологическим признакам памятник относится к городищам мысового типа (рис. 2). С севера он ограничен верхней надпойменной террасой р. Волхов с крутыми (до 7–8 м скатами), переходящими далее в сторону реки в низинную и затопляемую ныне во время половодья нижнюю террасу. С восточной стороны городищенская площадка маркирована своими границами более пологим спуском к р. Любше, обнаруживающим своего рода террасный переход к каньону этого притока Волхова. С юга, юго-запада и запада расположен сильно оплывший подковообразный вал протяженностью около 70 м. Высота вала на разных его участках сильно варьирует, достигая с напольной стороны уровня по отношению к его подошве 3 м. Ширина оплывшего основания земляных укреплений составляет с напольной стороны от 12 до 18 м.

К настоящему времени древний памятник значительно деформирован. В XVIII — начале XX в. этот археологический объект находился в имении князей Шаховских, где на протяжении многих десятилетий производились строительные и земляные работы. В Великую Отечественную войну Любшанское городище и прилегающая к нему территория были заняты госпиталем Волховского фронта. На площади памятника размещались санитарные строения, фундаментные основы которых частично разрушили культурный слой. Кроме того, в виду близости фронта для охраны госпиталя здесь располагался военный гарнизон. Следы окопов и траншей на городище сохранились до наших дней.

Параметры археологического объекта могут быть определены в следующих пределах. Размеры всего городища, включая его оборонительные сооружения, составляют по линии СЮ около 45 м, по линии ЗВ (по максимальной протяженности обоих измерений) — около 45 м. Общая площадь памятника с учетом валов не превышает 1800 кв.м. Протяженность самой городищенской площадки по линии СЮ составляет около 35 м, по линии ЗВ — 30 м, размеры внутривальной части составляют около 1000 кв.м.

В 1968 г. городище разведочно обследовалось С.Н. Орловым. В 1970–1972 гг. его изучение было продолжено экспедицией Староладожского музея, а затем Княжинским отрядом ЛОИА АН СССР под руководством В.П. Петренко (при участии Г.С. Лебедева)¹. В процессе этих работ была осуществлена прорезка вала с превращением рекогносцировочной траншеи в раскоп на внутривальном участке и заложен ряд шурфов за пределами городища. Вскрытая площадь составила около 120 кв.м.

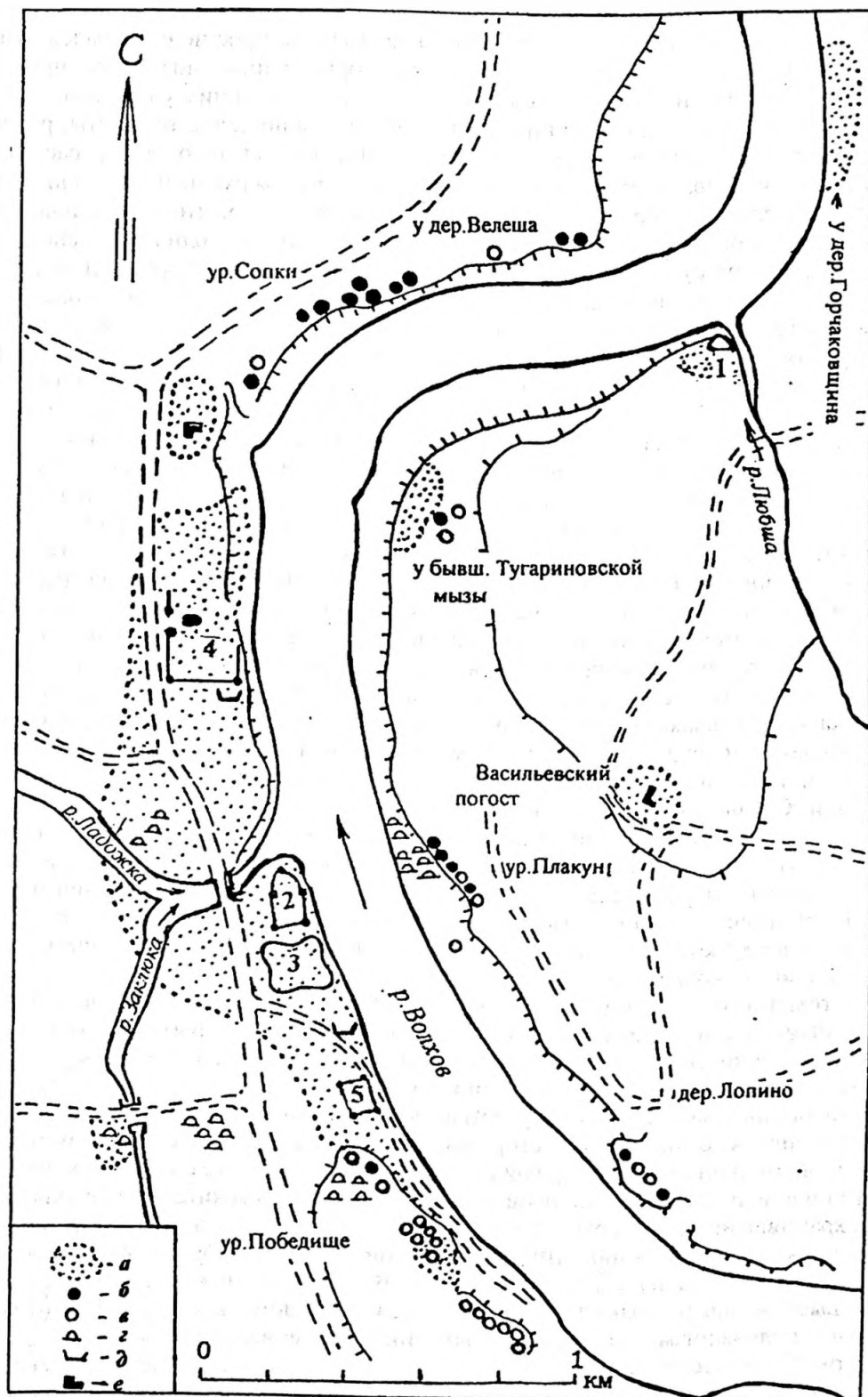

Рис. 1

Старая Ладога и ее окрестности. Схема расположения основных археологических и историко-архитектурных памятников (по материалам Староладожской археологической экспедиции). Условные обозначения: а — средневековый культурный слой; б — сохранившиеся сопки; в — несохранившиеся сопки; г — курганы; д — грунтовые могильники; е — храмы; (1 — Любшанское городище; 2 — Ладожская каменная крепость; 3 — Земляное городище; 4 — Успенский монастырь; 5 — Никольский монастырь).

При исследовании памятника отмечены слабо выраженные следы освоения площадки еще в эпоху «раннего металла». Его функционирование в раннем средневековье документировано единичными и малоинформативными вещевыми находками, а также фрагментами лепной керамики последней четверти I тыс.н.э. Исследователями было высказано заключение о полной разрушенности основной части городища и его непригодности для дальнейшего археологического изучения.

При возобновлении работ на этом памятнике Волховской экспедицией ИИМК РАН произведено изучение вала городища с зачисткой его гребня и склонов на разных участках и прорезками «тела» насыпи. При исследовании были впервые обнаружены остатки уникальных оборонительных сооружений с каменными конструкциями, относящиеся к последней четверти I тыс.н.э. Наиболее выразительным в этом отношении оказался раскоп I, заложенный с напольной стороны городища в юго-восточной части вала, примыкающей к краю возвышенной городищенской площадки с последующим террасным переходом к крутому берегу р. Любши. С запада он смыкается с перпендикулярно расположенной траншеей 1970–1972 гг. При снятии дерна выявлены конструктивные каменные элементы укреплений (рис. 3). Длина раскрытого участка по верху конструкции составила 36 м при ширине около 2 м. Перепад высотных отметок от границы с траншеей начала 1970-х гг. до исследованной оконечности каменного объекта в сторону р. Любши составляет 2 м. Установлено, что валообразная насыпь на этом участке была укреплена с напольной стороны подпорной стенкой ломаного профиля из колотой постелистой известняковой плиты, сохранившейся на высоту 1,8–2,2 м. Ее нижняя часть имеет пологий уклон (подошва выдвинута на 1,2 м). Верхняя часть, высотой 0,6 м характеризуется отвесным положением конструктивных остатков. С напольной стороны подпорная стенка перекрыта насыпными слоями из глины, суглинка и супеси, поверх которых прослежено сплошное покрытие из мелких обломков плиты, не имеющее упорядоченной структуры и, вероятно, связанное с разрушением каменных стен. Оно прослежено на всем протяжении

участка, расчищенного в сторону подошвы вала. Разброс не разбирался, однако некоторые данные позволяют предполагать наличие под ним упорядоченных линий блоков постелистой плиты, расположенных параллельно и на расстоянии 4,8–6,8 м от верхней подпорной стенки. Вполне вероятно, что изначально могли существовать еще одна-две менее выраженные нижние подпорные стенки, позднее перекрытые плитняковым разбросом.

При прорезке траншеей внутренней стороны вала в основании насыпи (рис. 4) обнаружены следы субструкций, представляющих собой древесный тлен. По направлению волокон установлено, что два лежня диаметром не менее 22 см (скорее всего — бревна) были уложены перпендикулярно каменной стенке и валу, их шаг в осях — 0,9 м. В продольном направлении, с шагом 3 м, лежат еще два бревна. Конструкция из одного венца-сруба в основании вала предназначалась для равномерной осадки насыпи. Кроме шага лежней (0,9×3 м) она дает изначальные габариты внутренней части вала, и полностью совпадает с параметрами горизонтальной насыпной площадки укреплений. Отсутствие подобных остатков в вышележащих слоях указывает на то, что это не заполнявшиеся землей клетки, а именно распределительная конструкция. Типологически сходные деревянные остатки прослежены и на других вскрытых участках трассы вала.

При проведении исследований укреплений, расположенных к востоку от траншеи 1970–1972 гг., вплоть до берега р. Волхов, были обнаружены остатки каменных конструкций, в целом имеющих несколько иной характер и близко напоминающих нижние подпорные стенки раскопа I. Особый интерес в архитектонике укреплений представляет каменное сооружение, выявленное при повороте вала в сторону р. Волхов и, возможно, связанное с основным проходом в крепость. Но этот вопрос требует специального изучения.

Крепостные сооружения перекрывают более раннюю земляную насыпь, сохранившуюся на высоту до 1 м и связанную с предшествующим этапом в оборонительной истории памятника. При ее возведении каменные подпорные стенки не использовались; по верху вала, очевидно, располагался деревянный тын. По данным

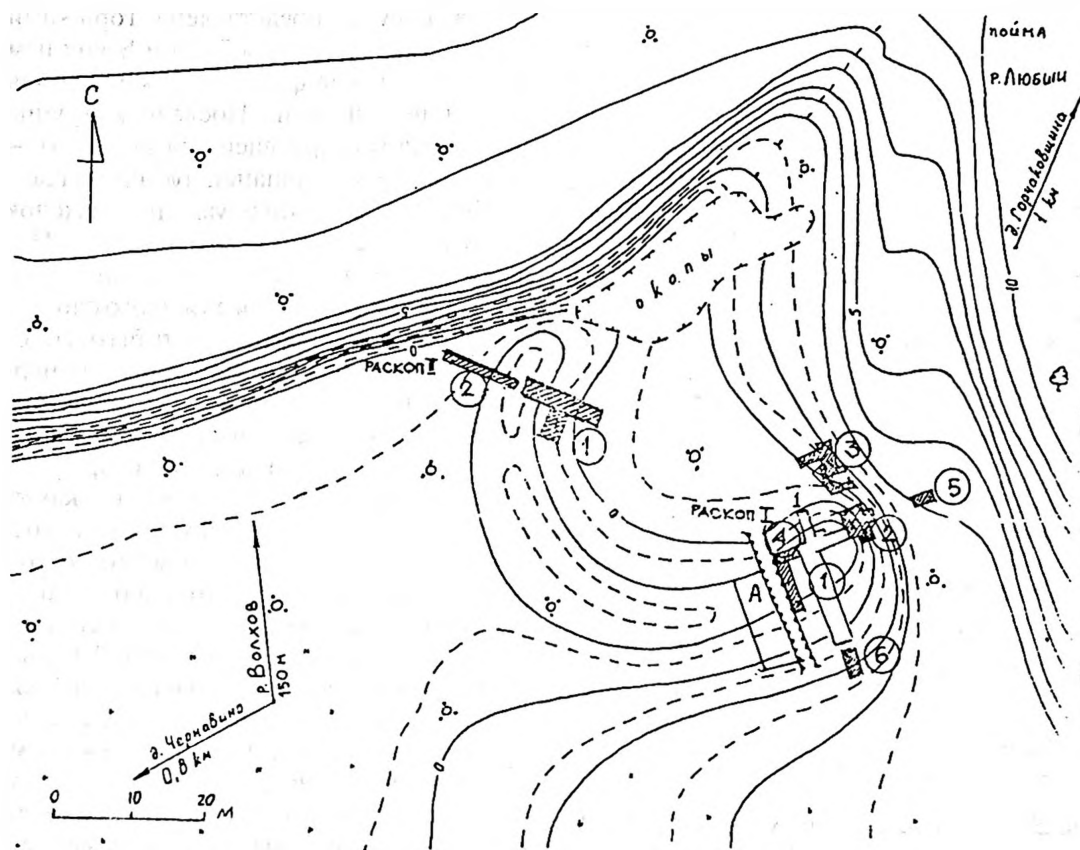

Рис. 2

План Любшанского городища (инструментальная съемка). Арабской нумерацией отмечены исследованные участки. А — траншея 1970-1972 гг.

радиоуглеродного анализа этот объект может быть отнесен к VII — первой половине VIII в. (возможно дальнейшее уточнение хронологических рамок его существования)².

Кратко остановимся на характеристике культурного слоя, в общей сложности изученного на площади более 300 кв.м.

На материковой поверхности (выветренная крыша известняка) отмечен стерильный слой желтой супеси мощностью до 15 см, перекрытой тонкой прослойкой погребенной почвы. При зачистке ее поверхности встречены отдельные фрагменты керамики эпохи «раннего металла».

Культурный слой прослеживается во всех исследованных квадратах, но в некоторых из них значительная его часть уничтожена поздними перекопами. В нем выделяются две стратиграфических прослойки.

Нижний уровень представлен черным гумусом со значительной зольно-углистой примесью, насыщенным рыбьими костями и чешуей. Вещевой материал

крайне незначителен, отсюда происходят в основном обломки лепной посуды. В основании слоя выявлены несколько очагов из сложенных мелких булыжных камней, большинство которых покрыто углистым нагаром и обожжено (размеры около 1,0×1,6 м). Их функциональное назначение определяется скоплением вокруг них ихтиологических остатков. Очевидно, с этой прослойкой связано функционирование первоначальных земляных укреплений.

Верхний уровень («жилой» слой по полевой номенклатуре) маркирован развалом мелких обломков плитняка в сером углистом гумусе и характеризуется сходной с древнейшей Ладогой изготовленной от руки керамикой и большим количеством индивидуальных находок из металла, стекла, камня и кости. Накопление этой прослойки происходило в период существования каменно-земляной крепости.

Прорезка всей площадки городища, включая закладку траншеи по линии З—В между скатами к р. Волхов и к р. Любше

Рис. 3

Раскоп I, участок I. Напольная сторона подпорной стенки, выявленная в 1997 г. Вид с юга.

показала полное отсутствие на основной части памятника культурных отложений и связанных с ними находок. Это свидетельствует о том, что его заселение было ограничено лишь зоной, непосредственно примыкающей к напольной стороне укреплений.

В процессе произведенных раскопок собрана большая коллекция керамического материала, представленная исключительно лепными формами. Среди них выделяется наиболее ранняя группа, представленная фрагментами сосудов, украшенных рядами ямок, насечек и иными видами орнамента. К этой же группе принадлежат единичные образцы штрихованной и асбестовой керамики. Этот керамический комплекс коррелирует с начальным освоением памятника в эпоху «раннего железного века».

Основная масса керамического материала достаточно разнородна. Некоторые из форм по своему происхождению могут быть связаны с древними традициями населения Восточной Европы. Ведущая

группа посуды представлена горшками с четко выраженным ребром и S-видным профилем. Такие формы характерны для древнейшей Ладоги. Последняя группа является доминирующей для позднего — «жилого» слоя Любшанского городища.

Коллекция индивидуальных находок насчитывает свыше 1000 предметов. Подавляющее большинство из них происходит из непотревоженного «жилого слоя».

Единичные находки могут быть сопоставлены с периодом существования первоначальных земляных укреплений. К ним можно отнести часть костяных наконечников стрел и дротиков, архаических пряслиц, изготовленных из камня и глины, а также ряд других железных и бронзовых предметов. Возможно к этому же этапу относится находка бронзового поясного набора, напоминающего аналогичные изделия Прикамья VI—VII вв.

Но, по существу, основная жизнедеятельность Любшанского городища запечатлена в находках, связанных с «жилым» слоем и относящихся к периоду существования каменно-земляной крепости. Они ярко характеризуют как материальную культуру поселенцев последней четверти I тыс. н.э., так и их хозяйственно-производственную деятельность.

Судя по имеющимся данным, древние любшанцы активно занимались ремеслами по изготовлению украшений из цветного металла. Об этом свидетельствуют встреченные на относительно небольшой вскрытой площади находки литейно-ювелирного характера. К ним относятся обнаруженные здесь тигли и их фрагменты (19 экз.), льячки (3), литейные формочки и их заготовки (13), матрицы (2), бронзовые и свинцово-оловянистые слитки для изготовления ювелирных изделий (33). Добавим к тому же, что в этот ремесленный фон органично вписываются многочисленные полуфабрикаты и отходы, относящиеся к деятельности мастеров-ювелиров, а также многочисленные бронзолитейные шлаки. Такая концентрация находок, связанных с литейно-ювелирным производством, пожалуй, не имеет аналогий на остальных раннесредневековых памятниках Восточной Европы.

О развитом железоделательном и железообрабатывающем производстве красноречиво свидетельствуют встреченные в «жилом слое» многие десятки незаконченных

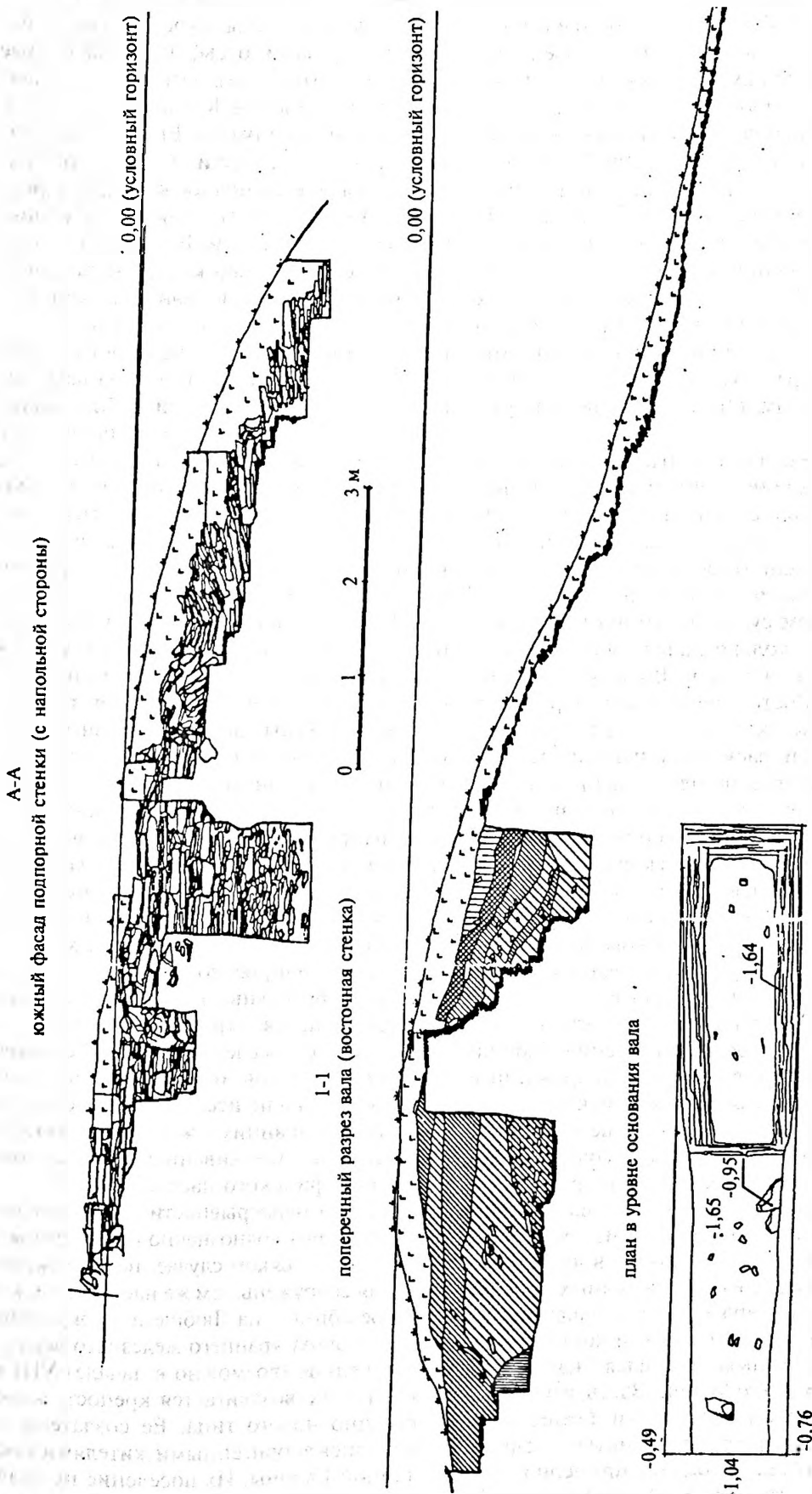

Рис. 4

Раскоп I, участок 1. Стратиграфия и планиграфия траншеи, заложённой со стороны городищенской площадки со следами деревянных лежней

изделий, полуфабрикатов и отходов обработки черного металла. Этот уровень насыщен железными шлаками; здесь же встречены непрокованные крицы. Интерес представляют находки кричного железа, повторяющего по своей форме горшки, в которых производилась цементация металла для его превращения в сталь. Не вызывает сомнения, что техника использования стали при изготовлении железных изделий — в частности, трехслойных клинков ножей, появившихся в Ладоге со времени ее возникновения в середине VIII в. — была хорошо знакома раннесредневековым обитателям Любши уже в этот период.

Важные свидетельства были получены о других сторонах деятельности этого населения, вполне соответствующей экономическому укладу раннесредневекового Северо-Западного региона. Представляет интерес занятие древних любшанцев обслуживанием судоходного пути, который в это время только начал свое функционирование на Великом Волжском пути из Балтики в Восточноевропейскую равнину и далее на Кавказ, Закавказье и Арабский Восток. При раскопках найдена многочисленная серия (около 50 экз.) железных корабельных заклепок и их заготовок. Значимость их обнаружения заключается в том, что такие детали в корабельной технике использовались для соединения деталей крупных морских судов. Далее выходцы из Балтики должны были оставлять свои корабли в удобной гавани и плыть затем на мелких речных судах.

Для этнокультурной характеристики раннесредневекового населения Любши особое значение имеют обнаруженные в «жилом» слое элементы женского убора. Среди них — височные украшения разных типов. Это пластинчатые височные кольца, имеющие аналогии в культуре смоленских длинных курганов и памятниках юго-восточной Прибалтики; лунничное кольцо, имеющее аналогии в древностях Придунавья; два проволочных кольца славянского типа с плотно закрученной наружу спиралью на одном конце³.

Своеобразным оказался набор бус Любшанского городища. Здесь, как и в Ладоге⁴ встречены пронизки (золотостеклянные, серебростеклянные, синего и желтого стекла), однако примерно в том же количестве (20 экз.) здесь встречены

и голубые прозрачные кубовидные со срезанными углами бусы, представленные в Ладоге всего лишь в четырех экземплярах. По определению Ковалевской⁵, такие бусы могли проникать в Европу по Великому Шелковому пути. Феноменом памятника является полное отсутствие рубленого бисера, представляющего основную часть бус древней Ладоги. Специфической особенностью культуры поселенцев являлось использование в женском уборе трапециевидных подвесок. Среди них доминируют обычные пластинчатые изделия (свыше 20 экз.), иногда встречающиеся целыми наборами. Обнаружены также единичные орнаментированные экземпляры, аналогии которых известны на юге Восточной и в центральной Европе. В состав находок входит шесть подковообразных фибул со спиралевитыми концами, лишь одна из которых бронзовая, остальные — железные.

Имеются данные, свидетельствующие о беспокойной военной обстановке, связанной с самым северным укреплением на окраине Восточной Европы. При раскопках обнаружены десятки наконечников стрел, часть которых оказалась воткнутой в вал или в каменную обкладку укреплений. Этот археологический факт полностью корреспондирует со следами пожара, выявленными при исследовании городища. Типы стрел датируются в широком хронологическом диапазоне, но верхняя граница использования некоторых из них не выходит за пределы IX (или, возможно, X) в.

Предварительные выводы пятилетних исследований сводятся к следующему.

- Начальное заселение участка связано с эпохой «раннего металла», оно, как показали наши исследования, соотносится с «ранним железным веком» и связано с проживанием здесь аборигенного финского населения.
- Вопрос о непрерывности заселения памятника пока однозначно не может быть решен. Во всяком случае, первые укрепления сооружены тем же населением, которое обитало на Любше и ее окрестностях в эпоху «раннего железного века».
- В середине (возможно в начале) VIII в. на Любше воздвигается крепость качественно нового типа. Ее создатели не являлись аборигенными жителями Восточной Европы. Их поселение не являлось также форпостом формирующейся

раннесредневековой Ладogi. Изначально здесь осела популяция, связанная по происхождению с западными славянами. На последнее указывает как центральноевропейская техника строительства крепостных сооружений, известная на древних западнославянских территориях, так и в определенной мере специфика археологического материала.

Каменно-земляная крепость была уничтожена во второй половине IX в. Предложенная дата (полученная по данным радиоуглеродного анализа) с учетом

комплекса находок позволяют предполагать, что гибель поселения могла быть связана с междоусобицами («встал род на род»), призыванием варягов или первыми политическими акциями князя Олега Вещего. Но эта тема заслуживает отдельного изучения. Авторы статьи, изучавшие этот памятник на протяжении пяти полевых сезонов, убеждены в необходимости введения результатов раскопок в широкий научный оборот и, в конечном итоге, публикации памятника в виде монографии.

***

- ¹ Петренко В.П., Шитова Т.Б. Любшанское городище и средневековые поселения Северного Поволжья // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 181–191.
- ² Архитектурная часть исследований Любшанского городища выполнена сотрудником института «Спецпроектреставрация» И.Л. Воиновой.
- ³ Кирпичников А.Н. Новооткрытая Ладожская каменная крепость IX–X вв. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1979. М., 1980. С. 452, 453. Седов В.В. Очерки по археологии славян. М., 1994. С. 89–98; Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 232, 233.
- ⁴ Львова З.А. 1968 Стекланные бусы Старой Ладogi.// АСГЭ. Вып. 10. Л., 1968. С. 90.
- ⁵ Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. Вып.2. М., 2000. С. 21, 22.

Новые находки

С.С. Алексашин, С.В. Белецкий

СФРАГИСТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПЕРЕДОЛЬСКОГО ПОГОСТА

Комплекс археологических памятников на месте средневекового Передольского погоста Шелонской пятины давно и хорошо известен в литературе. Составляющие этот комплекс городище, неукрепленное поселение, могильники и культовые объекты неоднократно обследовались археологами, а в 1980-е годы здесь проводил раскопки Лужский отряд Новгородской областной экспедиции ЛОИА под руководством Н.И. Платоновой. Установлено, что значительное торгово-ремесленное поселение на месте Передольского погоста возникло в X в., пережило свой расцвет в XI в. и к середине XII в. пришло в упадок, а в XIII—XIV вв. часть поселения оказалась занята жальничным могильником. Засвидетельствованный в письменных источниках XV—XVI вв. центр Передольского погоста погиб в 1581 г. во время нашествия «литовских людей». Позднее здесь существовал монастырь, а после его упразднения в 1764 г. вокруг монастырской церкви, обращенной в приходскую, разрослось кладбище.¹

В последние годы, благодаря интенсивной собирательской деятельности, на территории Передольского погоста создана значительная коллекция подъемного материала, включающая бытовые предметы, украшения, орудия труда и предметы вооружения. Среди этих находок имеются и ранее неизвестные для данного поселения сфрагистические памятники. Все пять найденных печатей происходят с территории поля, прилегающего к поселению. Размеры поля 150×170 м, состав почвы — легкий суглинок. Все находки залегали приблизительно на одной глубине, места находок обозначены на плане (рис. 1).

Рис. 2, 1. *Аверс*: Изображение св. Иоанна Предтечи, справа следы колончатой надписи. *Реверс*: фрагмент многострочной надписи «ГИ [ПО] / МО [ЗИ Р] / АБ [У СВО] / К [МУ ИЕ / ВАНУ]». Половинка буллы. Диаметр по каналу 19 мм. Печать оттиснута матрицами № 130².

По мнению В.Л. Янина, печать № 130 принадлежала Новгородскому посаднику Иванке Павловичу (1134—1135 гг.)³. Однако гипотеза о посадничьей принадлежности ряда печатей, несущих на реверсе кириллическую благожелательную легенду, представляется малоубедительной. Основанием для персонификации некоторых из этих печатей новгородским посадникам является, во-первых, обнаружение печатей в Новгороде, а, во-вторых, совпадение изображений святых на аверсах печатей с именами новгородских посадников первой трети XII в. Однако совпадающие имена принадлежат к числу обычных на Руси крестильных имен (Дмитрий, Константин, Борис, Даниил, Петр, Иван), а большинство находок из Новгорода происходит с Рюрикова городища, то есть — связано, вероятнее всего, с документами, отложившимися в городищенском архиве. Большинство же известных в настоящее время печатей с легендой типа «Господи, помози...» и изображением на аверсе тезоименитого вадельцу святого, безусловно принадлежали русским князьям⁴. Разделение однородного сфрагистического разряда между двумя противостоящими институтами власти только на том основании, что для одних булл удалось подобрать более или менее удовлетворительные персонификации, а для других — не удалось, представляется,

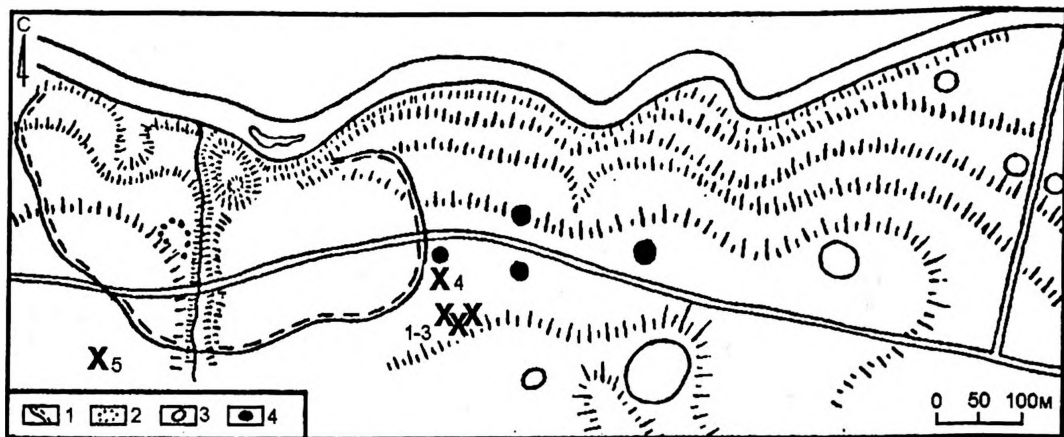

Рис. 1

Ситуационный план Передольского погоста (по Н.И. Платоновой) с обозначением местонахождения печатей (х); номера соответствуют номерам в тексте статьи.

Условные обозначения: 1 — границы раннесредневекового поселения; 2 — жальничный могильник XIV–XV вв.; 3 — сопки; 4 — сопки, уничтоженные в конце XIX в. (топография по описаниям М.И. Быстрова)

по меньшей мере, искусственным⁵. Очевидно, что буллы с кириллической благопожелательной легендой и изображением тезоименитого святого, которые пока остаются неприурочены, принадлежали русским князьям рубежа XI–XII вв. и первой трети XII в., известным по письменным источникам только под своими мирскими именами. К числу таких неприуроченных печатей относится и печать № 130 Корпуса.

Рис. 2, 2. *Аверс:* изображение композиции «Благовещение» со следами надписи «[БАГ]ОВЕЩЬ[НИЕ]». *Реверс:* изображение св.Иоанна Предтечи, справа и слева остатки надписей. Размеры: 18×21 мм. В печати пробиты два отверстия, свидетельствующие о ее вторичном использовании (в качестве нашивного образка?). Печать оттиснута матрицами № 138⁶.

Рис. 2, 3. *Аверс:* изображение композиции «Благовещение». *Реверс:* изображение св. Феодора в рост с копьем в правой руке и щитом в левой руке, справа фрагмент колончатой надписи «ФВО[ДОР]». Размеры: 22×23 мм. Печать оттиснута матрицами № 134⁷.

Обе печати с изображением на аверсе композиции «Благовещение» давно и хорошо известны в литературе. Традиционно эти буллы атрибуируют князю Всеволоду Мстиславичу и его сыну Ивану Всеволодичу⁸. При этом предполагается, что изображение композиции на буллах символизирует крестильное имя Всеволода

Мстиславича — Гавриил, обозначающее на печати № 134 имя, а на печати № 138 — отчество владельца («Гаврилович»). Однако еще Н.П. Лихачев указывал на принципиальную невозможность истолкования композиции «Благовещение» в качестве изобразительного символа имени «Гавриил»⁹, и это представляется справедливым. Судя по печатям Евфросиньи Полоцкой (аверс — изображение композиции «Преображение»; реверс — изображение св. Евфросинии в окружении благопожелательной формулы «Господи, помози рабе своей Евфросинии нарицаемой»)¹⁰, владельцы печатей с изображением на аверсе композиции на тему церковного праздника выступали в своей деятельности от лица храма или монастыря соответствующего посвящения.¹¹ В частности, печати № 134 и 138 вместе с группой близкородственных им булл, могли принадлежать «строителям» Благовещенского монастыря в Новгороде (основан в 1170 г.) братьям Илье-Иоанну и Григорию-Гавриилу, занимавшим Софийскую кафедру соответственно в 1163–1186 и 1186–1193 гг.¹²

Рис. 2, 4. *А:* изображение св.Иоанна Предтечи в рост в точечном ободке, по сторонам колончатые надписи «ПРВДРВМ ІВ // ВАГІВ». *Б:* изображение св.Пантелеймона в рост в точечном ободке, по сторонам колончатые надписи «П[АН]ТВЛѢ[МОН] // ВАГІВ». Размеры: 20×25 мм. Печать оттиснута матрицами № 151¹³. Колончатая надпись с именем «Пантелеймон» на стороне «Б»

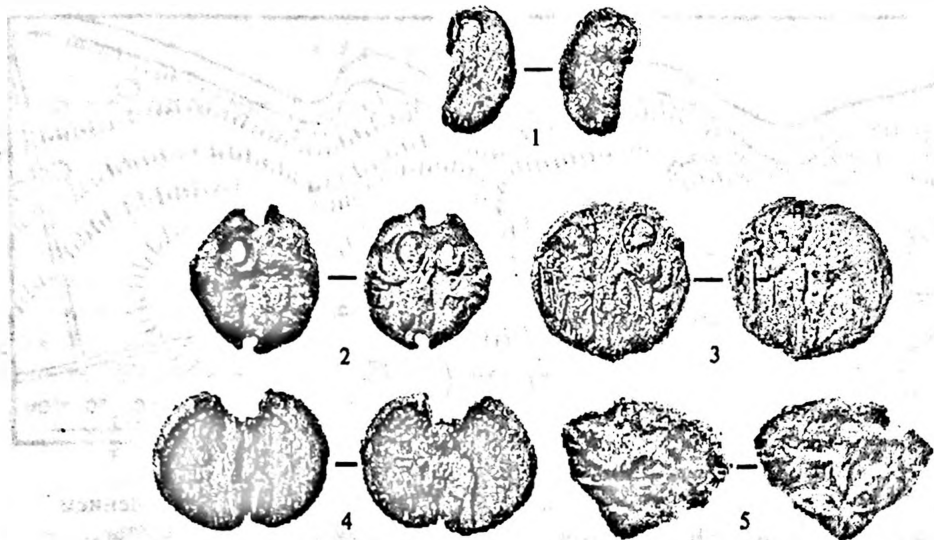

Рис.2

Печати Передольского погоста. Номера соответствуют номерам в тексте статьи и на рис.1

прочитана в Корпусе актовых печатей иначе, однако публикуемый экземпляр, несмотря на трещину по каналу, значительно лучшей сохранности.

В.Л. Янин атрибутирует печать Ярославу Изяславичу, княжившему в Новгороде в 1148–1154 гг.¹⁴ Так как печать определенно датируется XII в., подобная персонализация в принципе возможна (и даже весьма вероятна). Однако подчеркнем, что в основе подавляющего большинства персональных атрибуций, предложенных в Корпусе для печатей с изображениями святых на обеих сторонах, лежат списки князей, занимавших в разное время новгородский княжеский стол, что для атрибутирования печатей данного разряда явно недостаточно: определять персональную принадлежность тех или иных печатей с изображением святых на обеих сторонах следует с опорой на все известные в настоящее время сведения о русских князьях XII–XIII вв. Поэтому вопрос о персональной принадлежности печати № 151 следует пока оставить открытым.

Рис. 2, 5. *Аверс*: Изображение Христа-Вседержителя на престоле. *Реверс*: изображение св. Дмитрия на коне с мечом в правой руке. Фрагмент, диаметр буллы не менее 30 мм. Печать оттиснута матрицами № 387¹⁵.

Печать относится к сфрагистическому разряду, объединяющему буллы

с изображением Христа на аверсе и тезоименитого владельца святого на реверсе. Принципиальная принадлежность таких печатей русским князьям была продемонстрирована Н.П. Лихачевым.¹⁶ Печать № 387, в частности, принадлежала князю Дмитрию Александровичу (†1294) — старшему сыну Александра Ярославича Невского¹⁷.

Таким образом, сфрагистические памятники, найденные на Передольском погосте, позволяют несколько скорректировать имеющиеся на сегодняшний день представления о судьбах поселения. Четыре из пяти печатей определенно датируются XII в., причем три из них — второй половиной столетия. Это обстоятельство позволяет взять под сомнение существовавшее в научной литературе представление о том, что к середине XII в. поселение на месте Передольского погоста пришло в упадок. Обнаружение же на территории поселения печати, принадлежавшей князю Дмитрию Александровичу, в определенной мере закрывает хронологическую лауну между торгово-ремесленным поселением X–XII вв. и историческим Передольским погостом XV–XVI вв. Иными словами, есть основания полагать, что поселение «на р. Луге близ волока на Мшагу и Шелонь»¹⁸, возникшее в X в., существовало непрерывно (и сохраняло свое значение центра округи) вплоть до позднего средневековья.

***

- 1 Платонова Н.И. Укрепленные поселения Лужской волости // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М., 1991. С. 72–78.
- 2 Здесь и далее: номера печатей соответствуют номерам в Корпусе актовых печатей Древней Руси, см.: Янин В.Л. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т.1. М., 1970. С. 192.
- 3 Там же. С. 72.
- 4 Лихачев Н.П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып.1. Л., 1928. С. 103–134; Янин В.Л. Актовые печати... С. 69–71.
- 5 Белецкий С.В. Введение в русскую допетровскую сфрагистику // Исследования и музеефикация древностей Северо–Запада. Вып.4. СПб., 2001. С.49–50.
- 6 Янин В.Л. Актовые печати... С. 194.
- 7 Там же. С. 193.
- 8 Там же. С. 108–110.
- 9 Лихачев Н.П. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Вып.2. Л., 1930. С. 33.
- 10 Янин В.Л. Актовые печати... С.234, № 121а.
- 11 Белецкий С.В. Введение... С.66–69.
- 12 Белецкий С.В., Петренко В.П. Печати и пломбы из Старой Ладogi (свод) // Новые источники по археологии Северо–Запада. СПб., 1994. С. 200–203.
- 13 Янин В.Л. Актовые печати... С. 196.
- 14 Там же. С. 103–104.
- 15 Янин В.Л. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. 2. М., 1970. С. 160–161.
- 16 Лихачев Н.П. Материалы для истории... С. 51.
- 17 Янин В.Л. Актовые печати... Т. 2. С. 15–16.
- 18 Платонова Н.И. Укрепленные поселения Лужской волости... С. 76.

НОВЫЕ НАХОДКИ НА ПЕРЕДОЛЬСКОМ ПОГОСТЕ (перспективы дальнейших исследований)

Поселение на Передольском погосте (совр. Новгородская обл., Батецкий р-н, д. Подгорье) по праву может считаться одним из значительных и наиболее ярких региональных центров Новгородской земли в эпоху раннего средневековья¹. Раскопками 1985–1986 и 1994–1996 гг. установлено наличие на поселении мощного (до 1,2 м) культурного слоя интенсивной окраски (по местному выражению: «черная земля»). Этот слой постепенно теряет цветность и выклинивается к краям поселения, которые были очерчены в 1980-х гг. на основе поверхностных сборов и шурфовки (см. рис. 1 в статье С.В. Белецкого и С.С. Алексашина, в настоящем сборнике). До сих пор исследования были сосредоточены исключительно в пределах «черной земли», в центральной части посада к югу и юго-западу от городища, где наиболее мощные отложения датируются по совокупности материала X–XII вв. Впрочем, в аморфном слое встречаются и находки более позднего времени, свидетельствующие о том, что жизнь на этом месте не прерывалась, хотя в середине XII — начале XIII вв., вероятно, имело место сокращение или изменение характера застройки.

В 1998 г. при заготовке дров в ольшанике, на левом берегу ручья, показанного на плане, приблизительно в 150 м к югу от границы поселения, краеведами С.С. и М.С. Алексашиными были найдены предметы: древнерусский боевой топор, 3 весовые гири (боченковидные), а также медный образок Богоматери с младенцем, датируемый третьей четвертью XIII в. (определение А.А. Песковой). Все находки обнаружены вне культурного слоя, предположительно в выбросе старой

мелиоративной канавы. Одновременно владельцами усадьбы, расположенной на западной окраине поселения, при рытье погребка было найдено серебряное трехбусинное височное кольцо хорошей сохранности, переданное затем С.С. и М.С. Алексашиным. Обе эти находки наводили на мысль о разрушенных погребениях, предположительно XII в., расположенных на периферии культурного слоя или в непосредственной близости от поселения к югу и западу. Никаких видимых следов древнерусских могильников на указанной территории не было обнаружено.

В октябре 2001 г. на усадьбе М.С. Алексашина, примыкающей к поселению с юго-запада, был сделан целый ряд находок, в числе которых оказались бронзовая обкладка ножен, бронзовая серьга с зубчатым орнаментом и свинцовая печать князя Дмитрия Александровича конца XIII в. (см. статью С.В. Белецкого и С.С. Алексашина в настоящем сборнике). Затем большая часть территории к югу и юго-востоку от границ «черной земли», представлявшая собой поля после глубокой осенней вспашки, была тщательно осмотрена. Указанный осмотр дал сенсационные результаты.

Основные находки, сделанные в пахоте, оказались сосредоточены в четырех местах, отмеченных краеведами — у самой дороги, близ уничтоженной сопки 10, под двумя столбами высоковольтной ЛЭП и близ тополиной рощицы возле столба связи. В каждом из этих мест в пахотном слое были обнаружены серии предметов, датируемых X–XIII вв. и позднее. Слой, в котором они находились, представлял собой вывороченные плугом пласты — желтовато-серые, резко

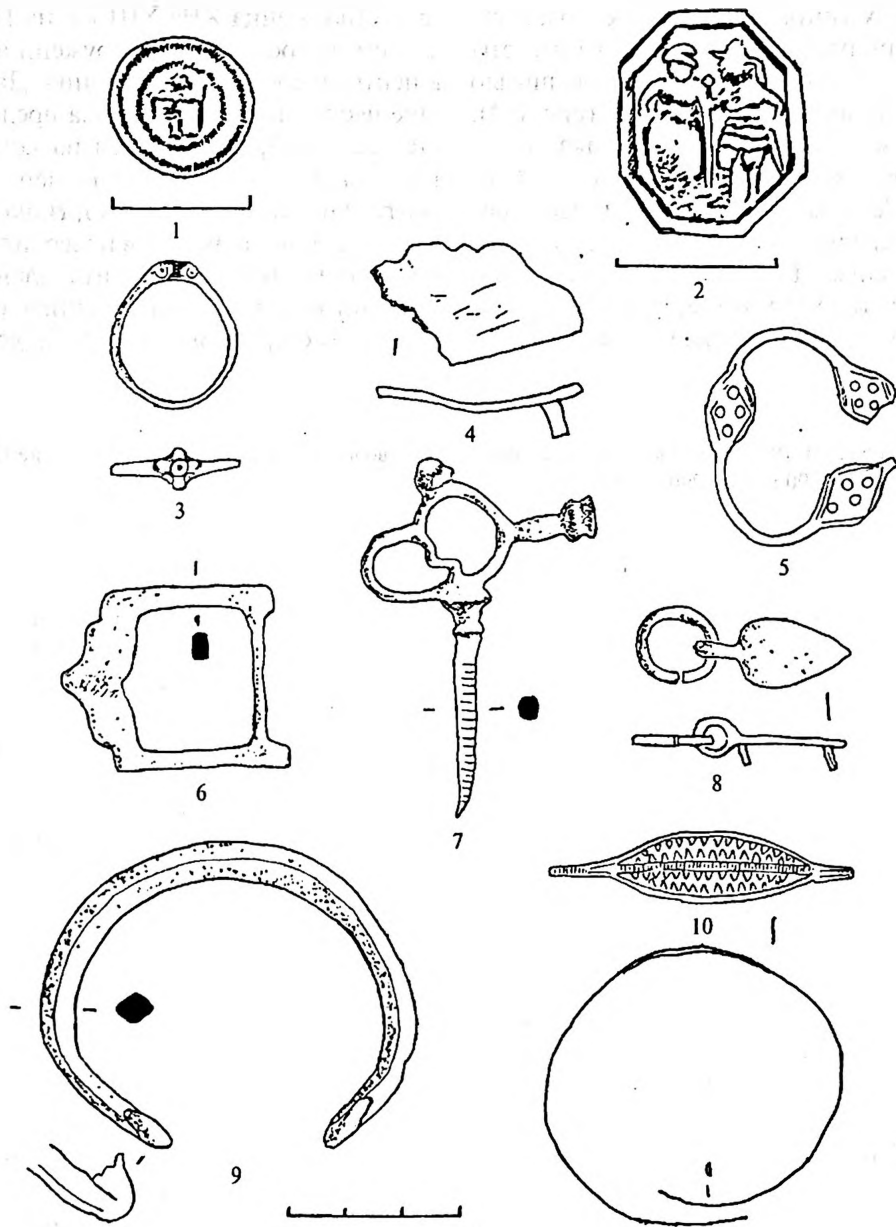

Рис. 1

Находки на Передольском погосте (селище, юго-западная часть, пахотный слой)

отличавшиеся от «черной земли» по цвету и структуре. Однако местами на этом фоне обнаруживались ограниченные пятна более темного слоя, отстоящие одно от другого достаточно далеко — на 50–100 м. Все это заставляет предположить, что границу поселения, показанную на плане, надлежит расширить на 100–150 м к югу и юго-востоку. Вероятно, иной характер слоя здесь объясняется многолетней вспашкой и разрушением, которому подвергалась «черная земля» — центральная часть поселения, занятая помещичьим парком, старинным кладбищем и усадьбами клира.

Серия находок, сделанных на поле, включает арабские дирхемы (6 экз.), свинцовые древнерусские печати (5 экз.), датируемые в диапазоне с конца XI до конца XIII вв., уникальный перстень-печатку (обломок) с изображением двухфигурной композиции — рыцаря в латах и дамы, головной убор которой напоминает античный шлем Афины Паллады (рис. 1: 2), перстень с круглым щитком с изображением человеческой фигуры (рис. 1: 1), полную шумящую подвеску — конек, височное кольцо с округлыми щитками (рис. 1: 5), подковообразную фибулу (рис. 1: 9), ряд поясных украшений (пяржки

различных типов, наконечник с растительным орнаментом) (рис. 1: 6, 8), браслеты (рис. 1: 10), изящное бронзовое писало (рис. 1: 7), бронзовые накладки (рис. 1: 4), пуговицы, 3 нательных крестика и т.д. В целом коллекция, собранная С.С. и М.С. Алексашиными, насчитывает более 100 предметов и заслуживает подробного анализа. В настоящий момент кажется весьма вероятным, что их наблюдения позволяют локализовать место

застройки конца XII–XIII вв. на Передольском погосте, не обнаруженной пока в центральной части поселения. Дальнейшие исследования памятника представляется целесообразным вести на комплексной основе, совместно со специалистами-геофизиками. Возможно, гибкое сочетание различных методов позволит в дальнейшем не только уточнить планировку этого интереснейшего памятника, но и построить его археофизическую модель.

***

¹ Платонова Н.И. 1991: Укрепленные поселения Лужской волости // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. М., 1990. С. 68-88.

КЛАД КОНЦА X — НАЧАЛА XIII вв. В УСТЬЕ р. ВАРЗУГИ (Терский берег Кольского п-ова)

Западная часть Беломорья и низовья Северной Двины всегда были объектом пристального внимания исследователей, занимающихся проблемами как локализации Бьярмии скандинавских источников, так и древнерусских колонизационных процессов на территории Русского Севера. В археологическом отношении эти территории исследованы слабо, но в последние два десятилетия получены обнадеживающие результаты. Архангельский клад XII в. и могильники XII—XIII вв. южного берега Кольского полуострова в районе р. Варзуги дали два самых северных в этом регионе археологических местонахождения развитого средневековья, свидетельствующих об этнокультурных традициях этого региона и о начальных контактах его с древнерусским миром¹. При этом район р. Варзуги приобретает особое значение. Он показывает значительную перспективность археологических исследований еще и в том плане, что в последних работах, посвященных Бьярмаланду, Терский берег и, в частности, р. Варзуга определены в качестве северной границы Биармии в узком понимании этого термина². Хотя и гипотетически, но вполне определенно при этом подразумевается первоначальное освоение данного побережья скандинавскими торговцами пушниной начиная чуть ли не с конца IX в. Финские археологи считают, что в последующие века в освоении и контроле торговых путей от Ботнии к северным и северо-западным берегам Белого моря главную роль играла корела.

Таким образом, намечающаяся дискуSSIONность археологического изучения данной территории требует притока новых материалов, новых археологических источников. В статье мы вводим в научный оборот клад серебряных шейных

гривен, обнаруженный в конце прошлого века в районе р. Варзуги. «Московские Ведомости» в июне 1888 г. сообщали об обстоятельствах находки этого клада. Клад был найден крестьянками в осыпи песчаного холма, все вещи были завернуты в бересту. После того, как клад был доставлен в Архангельск, по распоряжению губернатора они были отправлены в Археологический Институт. Пребывание клада в стенах института отмечено небольшой заметкой в «Записках Императорского Российского Археологического общества»³. Затем он был передан на хранение в Государственный Эрмитаж. В настоящее время коллекция этих вещей находится в ОАВЕС под № 523.

Клад состоит из семи шейных разнотипных серебряных гривен. Возможно, они сопровождалась серебряным ломом, как это бывает обычно в кладах, и находчики властям обломки небольших предметов не передали, но все сохранившиеся на данный момент сведения говорят только об этих семи предметах.

КАТАЛОГ

1. Витая из двух дровов шейная гривна. Горячей кузнечной ковкой концы дровов соединены в один, круглого сечения. Он суживается и заканчивается простым утонченным крючком. Длина — 47 см. Вес — 58,80 гр., серебро. Инв. № 523/1. (Рис. 1: 2; 6: 2).
2. Витая из двух дровов, с пропущенной между ними двойной сканной проволокой, шейная гривна (рис. 3). Концы сканной проволоки загнуты и закреплены в щели между двумя дротоми в месте их перехода в замки гривны, оформленные горячей кузнечной ковкой и последующей проковкой в слегка ограненные дрововидные концы с эсвидными крючками (рис. 6: 3, 4).

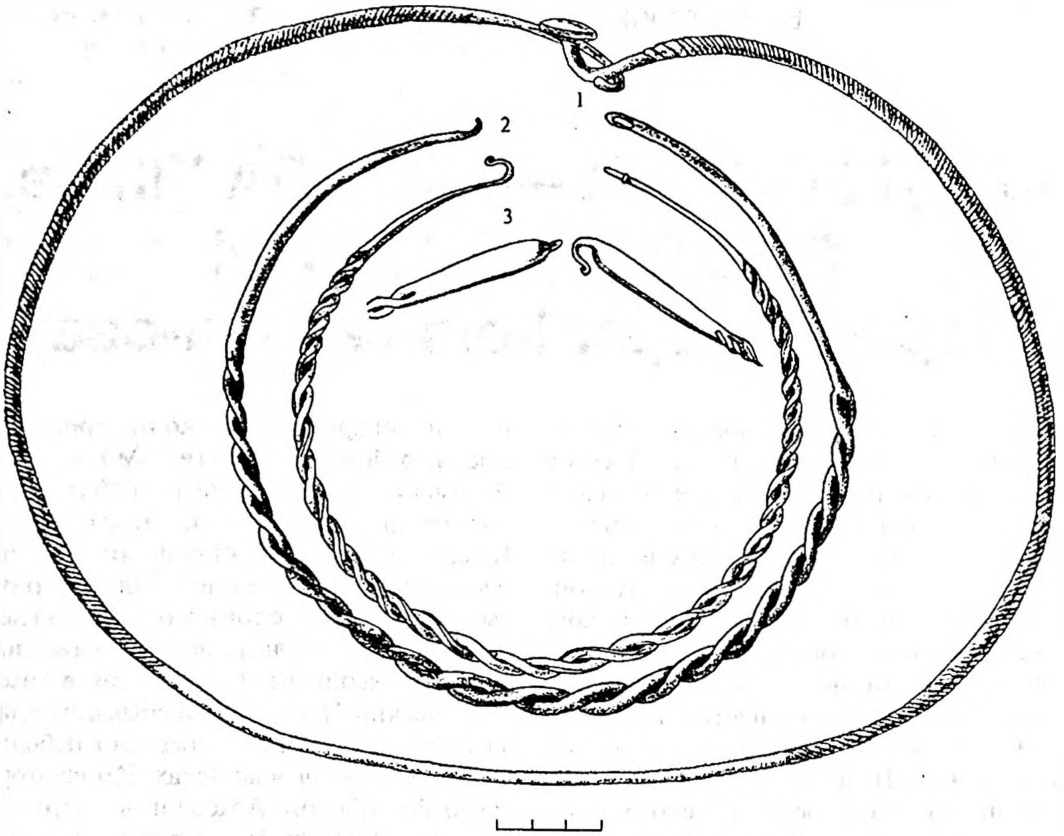

Рис. 1

Гривна первой группы дровтовая тордированная — 1; гривны второй группы, двудровтовые без сканной проволоки — 2, 3

Длина — 45 см. Вес — 99,56 гр., серебро. Инв. № 523/2.

3. Витая из двух дровтов, с пропущенными между ними сканными двойными проволоками, шейная гривна (рис. 2). Закрепление сканной проволоки аналогично вышеописанному экземпляру. Замок гривны сохранился не полностью: один конец гривны обломан (рис. 6: 11), другой конец раскован в плоскую довольно узкую пластину с простым крючком-штырем на конце (рис. 6: 6, 7, 8). Пластина не украшена. Утраченный конец, видимо, имел отверстие для продевания крючка (рис. 6: 10). На данном экземпляре гривны хорошо прослеживается последовательность технологических приемов ее изготовления. Работа над гривной начиналась с заготовки замка гривны на одном из концов каждого дровта. Этот конец расплющивался, затем надсекался с краю (рис. 6: 9 — схема без масштаба) так, чтобы впоследствии, после скручивания двух дровтов между собой, свободный и заостренный конец

одного из них был охвачен отсеченным отрезком и как бы завернут в него в процессе проковки. На рис. 6: 11 хорошо виден такой конец. А на рисунке 6: 8 виден край отсеченного и не до конца сваренного отрезка, из которого выступают концы дровта и сканной проволоки. Затем, по-видимому, формовались на одной пластине — крючок, на другой — отверстие. Технология данной гривны была менее совершенной, так как проковка не дала монолитного соединения концов, как это было сделано у вышеописанных гривен. Для более точного определения вида кузнечнойковки необходим микроструктурный анализ. Длина — 36 см. Вес — 88,65 гр., серебро. Инв. № 523/3.

4. Витая из двух дровтов шейная гривна (рис. 1: 3). Концы дровтов горячей ковкой сплющены в узкие, вытянутые пластины с округлыми торцевыми краями, которые имеют эсвидные крючки. Пластины не украшены (рис. 6: 5). Длина — 40 см. Вес — 60,25 гр., серебро. Инв. № 523/5.

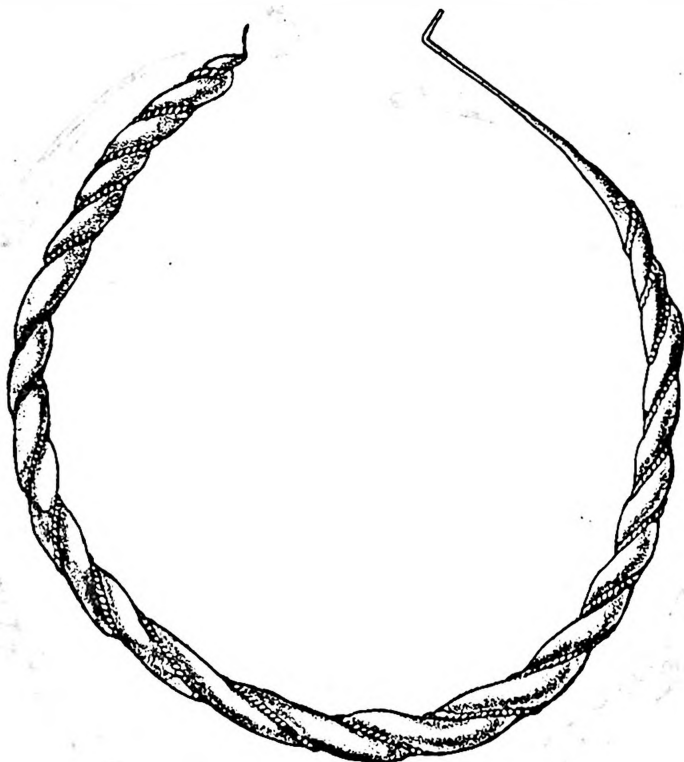

Рис. 2

Гривна второй группы со сканной проволокой

5. Витая из пяти двойных жгутов шейная гривна (рис. 4). В каждый из пяти жгутов, в центральной части гривны, вплетена сканная проволока (рис. 7: 7). Ближе к правому концу гривна перевязана поверх всех жгутов сканной проволокой, вероятно, для крепления подвески (рис. 7: 8). Первоначально концы сплетенных жгутов были сварены горячей ковкой в пластинчатый наконечник, основание которого в месте сварки со жгутами имело в сечении форму квадрата (рис. 7: 4, 5, 6). Раскованная пластинчатая часть имела ромбовидную в плане форму, заканчивалась раздвоенным крючком и была украшена пуансонным орнаментом: кружки, «волчий зуб» и оттиски колесика. Работа отличалась чистотой, точностью, орнаментация — тонкостью и четким исполнением. Левый конец в древности был утрачен. Его заменили новым наконечником, который имел втульчато-пластинчатую форму и отличался более грубой работой (рис. 7: 1, 2, 3). Втулка наконечника представляет собой конусовидную трубочку,

свернутую из пластины, края которой раскованы не до конца, шов хорошо виден (рис. 7: 2). Конусовидная трубочка переходит в плоскую ромбовидную в плане пластину с эсвидным крючком на конце. Пластина украшена отпечатками колесика и «волчьим зубом». При этом употреблялись пуансоны более крупного калибра, чем на первоначальном, правом наконечнике гривны. Орнамент получился более грубым, чем на правом конце. Втулка насажена на концы жгутов и припаяна. Такой способ крепления, видимо, был ненадежен, втулка страхуеться заклепкой, пропущенной сквозь ее основание и «тело» гривны. Длина — 46 см. Вес — 118,52 гр., серебро. Инв. № 523/4.

6. Витая из пяти двойных жгутов шейная гривна (рис. 5). Сканная проволока отсутствует. Наконечники — втульчато-пластинчатые, по технике изготовления аналогичны левому наконечнику гривны № 523/4, но исполнены еще более грубо. Втулка скреплена со жгутами гривны с помощью пайки и заклепки,

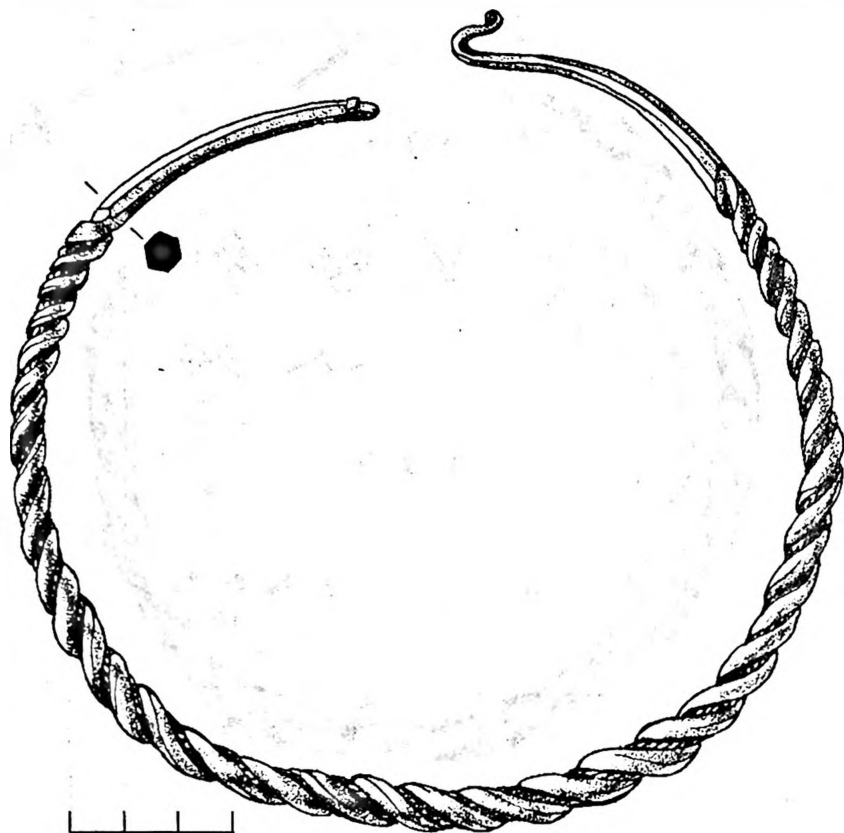

Рис. 3

Гривна второй группы со сканной проволокой

пропущенной в основании конуса. Пластинчатая часть наконечника имеет в плане вытянутую овальную форму с эсвидным крючком. Все тело конуса покрыто отпечатками штампа в виде диагональных полосок, составленных из пяти кружков. На плоской части наконечника отпечатки штампа идут по краю пластины. Исполнение орнамента грубое. Гривна сделана менее технично, чем однотипная с ней гривна № 523/4. Плетение ее также менее тщательно и неравномерно (рис. 7: 9–14). Длина — 47 см. Вес — 175,53 гр., серебро. Инв. № 523/6.

7. Дротовая с тордированными концами шейная гривна (рис. 1: 1). В результате витья получены мелкие «каннелюры-насечки», покрывающие дрот по спирали, на одном конце гривны имеется гранчатая плоская головка, другой заканчивается простым крючком (рис. 6: 1). Длина — 81 см. Вес — 179 гр., серебро. Инв. № 523/7. Все гривны из клада можно разделить на три типологических группы по технологии изготовления «тела» гривны:

дротовая тордированная (одна), двухдротовые витые (четыре, две из них — со сканной проволокой) и витые многодротовые или многожгутовые (две, одна из них — со сканной проволокой).

Первая группа. Дротовая гривна с тордированными концами и гладкой средней частью (рис. 1: 1; 6: 1) имеет довольно точные аналогии в комплексах третьей четверти X в. из муромских⁴ и мерянских могильников⁵. М.В. Фехнер в своей сводке тордированных дротовых гривен древнерусских курганов отмечает, что такого рода гривны не характерны для древнерусской культуры. Они служили предметом импорта и составляют один из самых редких и ранних типов⁶.

Генезис данных гривен можно связывать с группой так называемого «глазовского» (или «пермского» — по терминологии, принятой в европейской литературе) типа гривен, неоднократно находимых в Прикамье (считается исходной территорией для этой категории украшений) в комплексах с монетами. Время их бытования в Прикамье устанавливается по дирхемам IX в.⁷ В качестве платежного

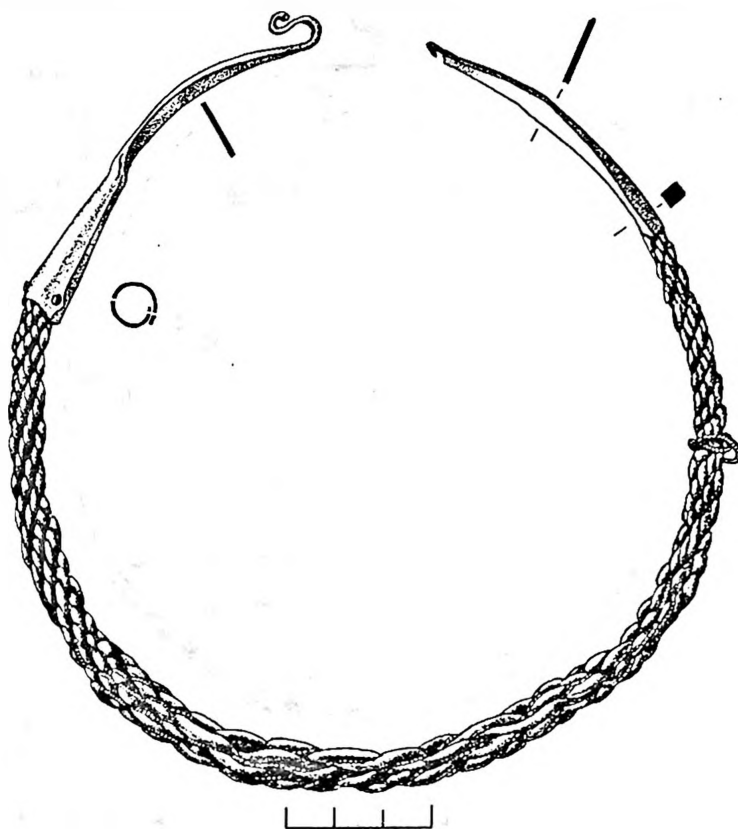

Рис. 4

Гривна третьей группы со сканной проволокой

средства или лома «глазовские» гривны встречаются в Прибалтике, например, в кладе из Унген с монетами 792/793 гг.⁸ В Западную Европу (север Германии и Польши, Дания, Готланд) они попадают также с потоком арабского серебра после середины IX в. и известны там вплоть до конца X в.⁹ Как правило, в кладах и Прибалтики, и Северной Европы эти гривны свернуты в спираль и поэтому нередко их включают в разряд спиральных браслетов.

Поскольку в археологической литературе нет специальных работ, посвященных типологическому анализу этого достаточно выразительного, но рассеянного по всей Северной Европе материала, то терминологические разночтения и не достаточно четко определенные хронологические рамки вполне естественны. Так, например, обстоят дела в финляндской литературе. В кладах на территории Финляндии подобные вещи встречены в своем обычном виде¹⁰ и в свернутой форме, и тогда их называют браслетами¹¹. Хронологические рамки их бытования авторы определяют довольно широко: от поздней эпохи переселения народов и до исхода эпохи викингов¹².

На наш взгляд будет вполне правомерно предварительно расчленить этот материал на две хронологические группы. Выделить раннюю, непосредственно камскую («глазовскую»-«пермскую») группу, в которую входят гривны, кроме тордировки имеющие на концах разного рода чеканный орнамент (крестообразные насечки, кружки и т.п.) и гранчатую головку не более 1,2–1,5 см в диаметре, но достаточно массивную и выпуклую. Именно такие экземпляры чаще всего служили средством платежа, сворачивались в спираль и вместе с арабским серебром попадали в клады Западной Европы с середины IX — по середину X вв.¹³

Более поздняя группа состоит из гривен, украшенных только тордировкой, многогранная головка этих гривен нередко более плоская и несколько большего диаметра (до 2 см). Хронологические рамки этой группы можно определять начиная от последней четверти X в. (время появления их в мерянских, муромских¹⁴ и Приладожских могильниках) и не позднее середины XI в., что зафиксировано на материалах Финляндии¹⁵.

Рис. 5

Гривна третьей группы без сканной проволоки

По некоторым деталям декора (наличие чеканного орнамента, более массивная выпуклая головка) гривны «глазовского» типа из ранней группы не могут служить аналогами для тордированной гривны варзугского клада. А вот более поздние гривны из могильников мери, муромы, Приладожья, как уже отмечалось нами, типологически соответствуют ей, впрочем, также как и экземпляры, происходящие из кладов и случайных находок Южной Финляндии. Не исключено, что распространение гривен позднего варианта пермского типа в муромских, мерянских, а также приладожских могильниках и в могильниках южной Финляндии, равно как и появление этих украшений в бассейне р. Варзуги — результат одновременных, параллельных процессов. Продолжение активного взаимодействия этих территорий хорошо прослеживается на других археологических материалах и для XII в.¹⁶

Вторая группа. Двудротовые витые гривны, в том числе со сканной проволокой (рис. 1: 2–3; 2, 3, 6: 2–11). Концы этих гривен выполнены с помощью различных технических приемов: дротовые с округлым

и граненым сечением (рис. 6: 2, 3), а также пластинчатые лентовидные (рис. 6: 5–10). Замки этих гривен выполнены в виде двух крючков, простых или эсовидных (рис. 6: 2, 3, 5), либо крючка и отверстия, пробитого в концевой пластине — редкая архаичная форма замка (рис. 6: 7, 10) По М.В. Фехнер двудротовые витые гривны с пластинчатыми лентовидными концами имели широкое распространение в Новгородской и Владимиро-Суздальской земле. Существовали в XI, не позднее начала XII вв., в виде исключения — во второй половине XII в.¹⁷ Правда, в отличие от клада на Варзуге, гривны эти, впрочем, как и по всей Руси, имели на концах пластин спирально свернутые трубочки, в которые продевался шнурок-завязка. Крючки встречались редко, и чаще не эсовидной, а простой формы. Замок в виде крючка и отверстия, пробитого в конце противоположной пластины, в сводке М.Ф. Фехнер вообще отсутствует¹⁸, что подтверждается более новыми материалами¹⁹.

Все эти отличия замков гривен варзугского клада от общерусских форм нам кажутся не случайными. Они выявляют

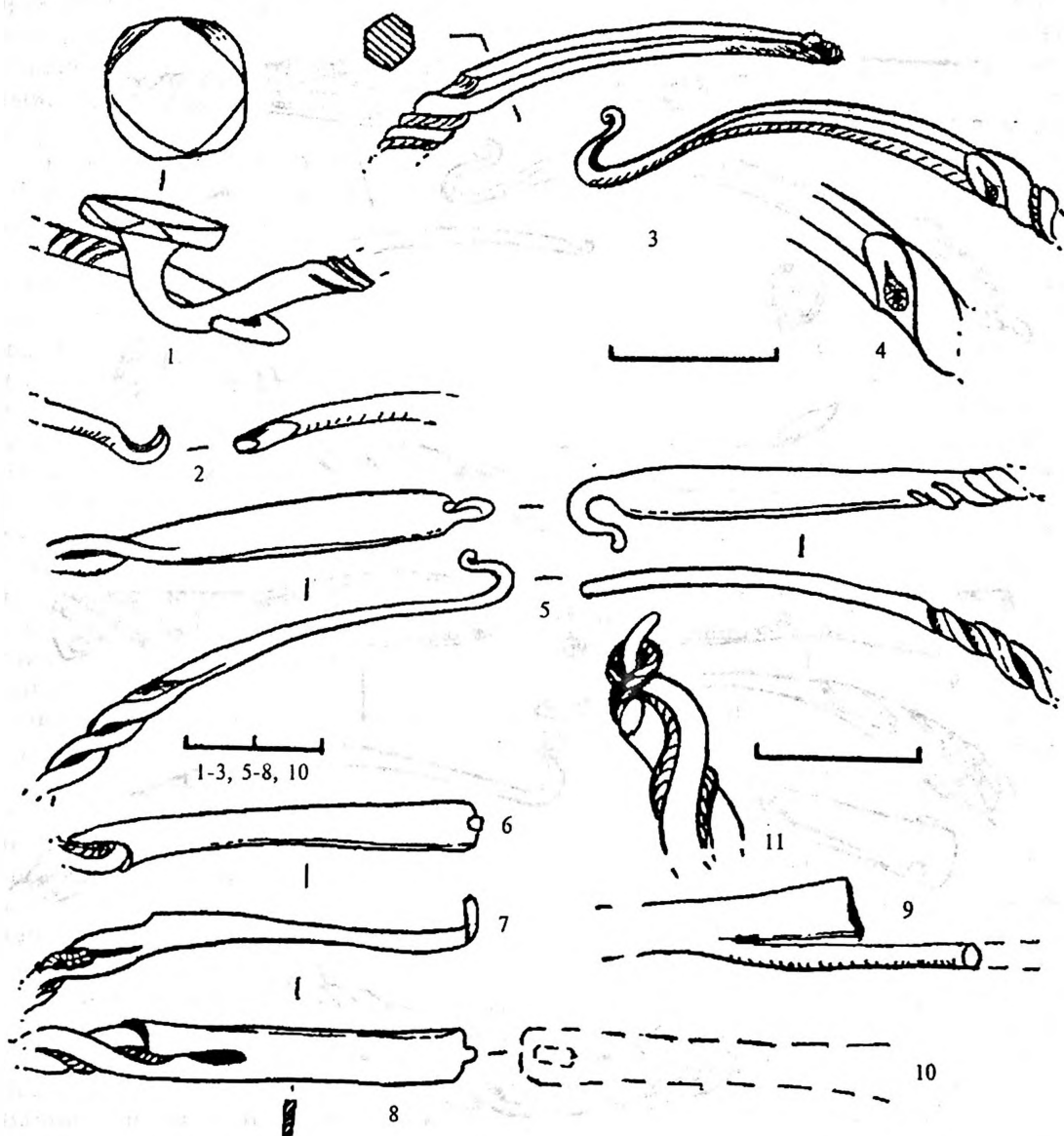

Рис. 6

Формы концов и замков гривен первой – I и второй групп – 2-11

чисто северные тенденции, которые весьма отчетливы в Финляндии²⁰. Происхождение этих тенденций, безусловно, следует связывать со Скандинавией, Готландом, Данией и другими местами Северной Европы, где гораздо раньше, чем на территории Древней Руси появляются многожгутовые гривны. Они, как правило, скандинавского происхождения и большая их часть имеет архаичное оформление концов в виде круглых и граненых дротов с эсовидными крючками, а на сварных пластинах сделан замок в виде

сочетания отверстия и простого крючка. На древнерусских двудротовых, а тем более, многожгутовых гривнах XI в. граненые и круглые в сечении дротовые концы практически не встречаются. Эти детали архаичны так же, как и замок в виде крючка и пробитого отверстия, и они более типичны для Севера Европы, как и эсовидные крючки. Все эти признаки получили наибольшее распространение там в X в. и отчасти в XI в.²¹ Если такие детали и появляются на древнерусской территории, то, как правило, вкладах, где

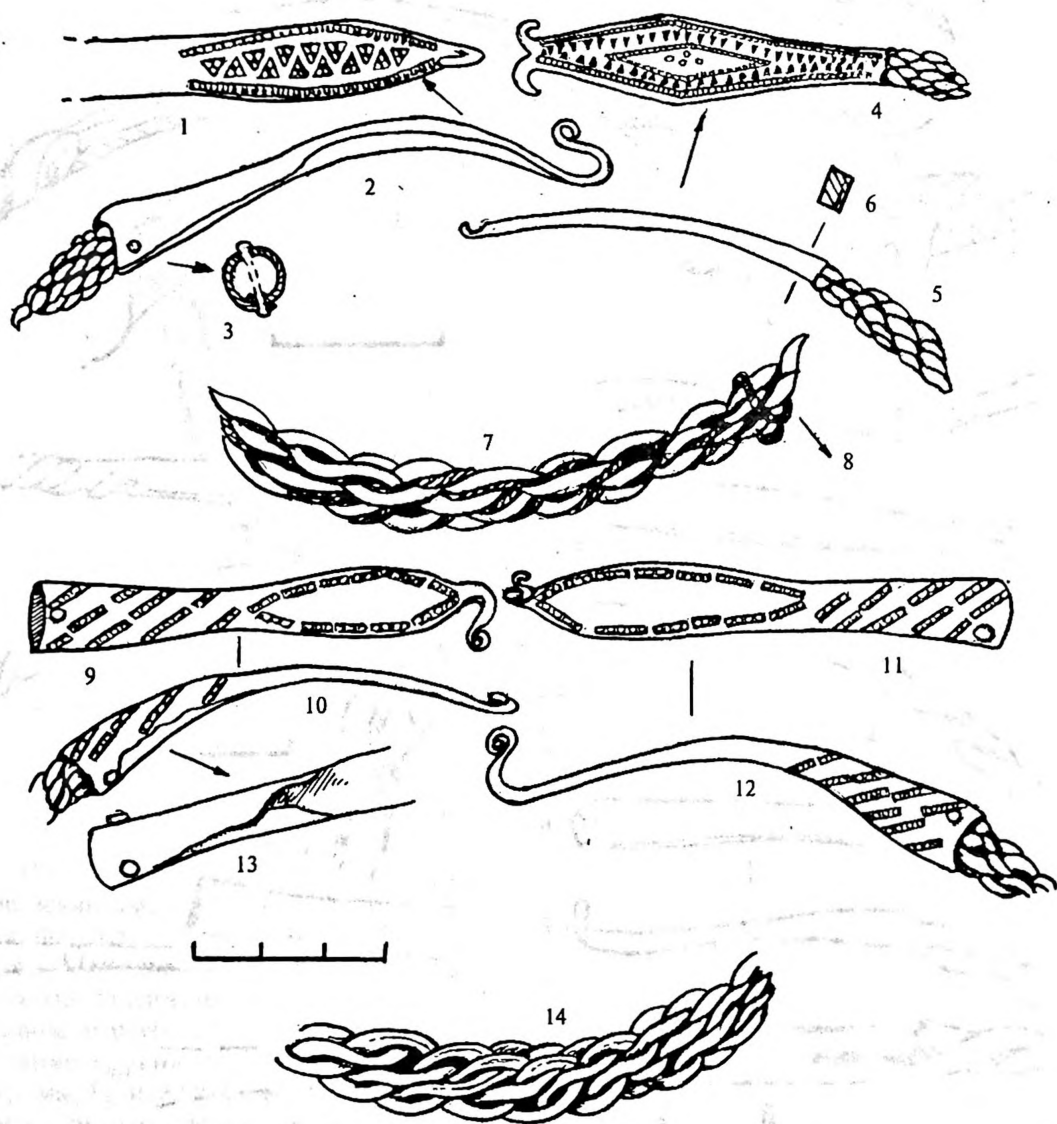

Рис. 7
Формы концов и замков гривен третьей группы

несомненен скандинавский компонент или, вообще, скандинавское (североевропейское) происхождение вещей не вызывает сомнений²².

Третья группа. Многодротовые витые из двойных жгутов шейные гривны (2 шт.). По технике изготовления и применению втульчатого наконечника этот тип гривен вписывается в типологическую схему, разработанную М.Ф. Фехнер. Такого типа гривны, появляясь в XII веке, уже во второй половине XII в. вытесняют двудротовые, сохраняя при этом выработанную в предшествующее

время форму концов и замка: пластинчатые узкие со спирально-свернутой трубкой на конце, предназначенной для шнурков-завязок. Прослеживается лишь изменение техники изготовления концов. Если первоначально, на исходе XI в., концы двудротовых гривен были сварены кузнечной горячей ковкой и оформлены в виде ленточной пластины, то в XII — начале XIII вв. на концы жгутов напаивались втульчатые наконечники²³.

На гривнах Варзуги мы прослеживаем ту же смену техники. Если одна гривна

(№ 523/6) имеет поздние, грубые, напаянные втульчатые конусовидные наконечники, то другая (№ 523/4) — два разных наконечника: один — сварной пластинчатый, более тонкой работы, другой — в виде напаянного на концы жгутов втульчато-пластинчатого конуса. Конус имеет грубое исполнение, украшен грубым пуансонным орнаментом.

Но главное отличие гривен Варзуги в том, что они имеют крючки северного варианта — эсовидные, а форма пластин наконечников — ромбовидная, а не узкая, ленточная. Ромбовидные и близкой к ним формы наконечники были широко распространены в Северной Европе и характерны для скандинавского производства еще в конце X—XI вв. Постоянно встречается эта форма также в Финляндии и в Эстонии на поздних гривнах конца XII — начала XIII вв. в очень огрубленном виде, как правило, с заклепками. Скорее всего, пайка для северной европейской технологии не характерна. Паяные втульчато-пластинчатые ромбовидные наконечники с заклепкой — это изобретение прибалтийских финов и, возможно, карельских мастеров. Для основной территории Руси, включая и Южную Русь, наиболее распространенными формами замка и напаянного наконечника остаются вытянутая узкая, иногда овальная пластина со спирально свернутой трубкой на конце для продевания шнурков-завязок²⁴.

Любопытные тенденции мы можем наблюдать на примере материалов Заволочья. При определении направления колонизационных потоков на этих территориях форма наконечников гривен может служить хорошим индикатором. Так в среднем течении Ваги (р. Кокшеньга) исследователи отмечают преобладание новгородского влияния и прибалтийско-финского компонента в материальной культуре. Гривны, присутствующие здесь, имеют ромбический втульчато-пластинчатый наконечник. Наоборот, для междуречья рек Сухоны и Северной Двины, где сильно ощущается импульс из Ростово-Суздальской земли, характерны гривны с формой наконечников общерусского типа: узкие вытянутые со спирально закрученными трубками для завязывания шнурков²⁵.

Основные итоги анализа клада, происходящего из района р. Варзуга, могут быть сведены к следующему. Хронологические

рамки комплекса достаточно широки, время формирования клада было длительным: с конца X — начала XI вв. до конца XII — начала XIII вв. Выделенные три типологических группы соответствуют трем хронологическим блокам. Первая группа связана с последней четвертью X — первой половиной XI вв., вторая — с концом XI — первой половиной XII вв. и третья — с XII — началом XIII вв. Не исключено, что гривна № 5 была изготовлена в Северной Европе еще в XI в., о чем свидетельствует высокое качество изготовления гривны и ромбическая форма сваренного конца. Затем в XII в. она подверглась ремонту, может быть, в финско-прибалтийской среде, поскольку был напаян и закреплен заклепкой ромбический втульчато-пластинчатый наконечник достаточно грубой работы. И лишь затем она попала на Варзугу.

Каждому временному отрезку соответствует своя технология изготовления гривен. Первому — литье,ковка (видковки — ?) и тордирование. Второму — волочение (при изготовлении дротов), кузнечная сварка (горячаяковка), скань. Третьему — волочение, кузнечная сварка (горячаяковка), сменяющаяся пайкой, чеканка и гравировка, скань.

Кроме этого, анализ способов оформления концов гривен и их замков позволяет наметить исходные территории, где преобладали наблюдаемые нами приемы их изготовления. Так для тордированной с гранчатой головкой и крючком гривны наиболее близкой исходной территорией могли быть земли Приладожья и южной Финляндии. Данный тип гривен служит хорошим хронологическим индикатором освоения западных и северных берегов Белого моря, которое началось не позднее начала XI в. Непосредственным подтверждением этого вывода служит еще один комплекс, происходящий с западного побережья Белого моря — клад серебра из низовий р. Кемь. Наиболее ранними вещами в его составе являются фрагментированные гривны данного типа²⁶.

На другое направление связей варзугского клада указывают формы концов и замков двудротовых и многожгутовых гривен: дротовые граненые, концы сваренные в ромбовидную пластину, эсовидные крючки и сочетание в замке крючка и отверстия. Все эти детали чаще всего встречаются в североευропейских кладах

на разного рода гривнах, включая и многодротовые, в довольно ранний период — начиная с первой половины X в. И, наконец, третье направление дают нам многожгутные шейные гривны с напаянными втульчатыми ромбовидными концами с заклепкой и эсвидными крючками. Они фиксируют более близкие, конкретные влияния, проистекающие с новгородско-финских территорий в конце XII — начале XIII вв.

***

- 1 Овсянников О.В., Рябинин Е.Н. Средневековые грунтовые могильники Терского берега // Советская археология. № 2. М., 1989. С. 197–216; Носов Е.Н., Овсянников О.В. Архангельский клад // Славяне и финно-угры. Археология, история, культура. СПб., 1997. С. 146–157.
- 2 Джаксон Т.Н., Мачинский Д.А. Связи Северной Руси и Беломорья в IX–XIII вв. (по данным письменных источников) // Внешняя политика Древней Руси. Юбилейные чтения посвященные В.Т. Пашуто. Тезисы докладов. М., 1988. С. 24; Джаксон Т.Н. Русский Север в древнескандинавских сагах // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 58–66.
- 3 Записки Русского Археологического общества. Т. III. СПб., 1888. С. 478.
- 4 Розенфельдт Р.Л. Муромский могильник в с. Молвотицы // Вопросы древней и средневековой истории Восточной Европы. М., 1978. С. 170–184, 183. Рис. 2: 2.
- 5 Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии СССР. № 94. М., 1961. С. 117, 118. Рис. 55: 13, 124–125.
- 6 Фехнер М.В. Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни. Труды Государственного исторического музея. Вып. 43. М., 1967. С. 56–59.
- 7 Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // Материалы и исследования по археологии СССР. № 28. М., 1952. С. 124–125; Спицын А.А. Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР. Вып. 25. СПб., 1901. Табл. II: 10.
- 8 Urtāns, U. Senākie depoziti Latviā. Riga, 1977. 167 lpp.
- 9 Херрманн, И. Полабские и ильменьские славяне в раннесредневековой балтийской торговле // Русь и славяне. М., 1978. С. 191–196, 194. Рис.2:1, 2; Stenberger, M. Die Schatzfunde Gotland der Vikerzeit. Vol. I. Text. Stockholm, 1947. S. 124–126. Tabl. 15–17; Stenberger, M. Die Schatzfunde Gotland der Vikerzeit. Vol. II. Tabl. Stockholm, 1958. S. 117. Abb.1, 5; 8, 1; 12,2; 16, 2.; Żak, J. «Importy» skandynawskie na ziemiach zachodniosłowiańskich od IX do XI wieku. Poznań, 1963. S. 283.
- 10 Kivikoski, E. Die Eisenzeit Finlands. Vol. I. Helsinki, 1947. Taf. 48, 426, 427.
- 11 Böcksbacka, Ch. Föremålsbeståndet i 1000-talets Finska Myntförande skattfynd. Helsingin yliopiston arkeologian laitoksen Moniste n:o 11. Helsingfors, 1975. S. 46.
- 12 Kivikoski, E. Die Eisenzeit Finlands... S. 48.
- 13 Stenberger, M. I Die Schatzfunde Gotland... S. 123–128.
- 14 Розенфельдт Р.Л. Муромский могильник... С. 184.
- 15 Kivikoski, E. Die Eisenzeit Finlands. Bildwerk und Text. Helsinki, 1973. S. 68.
- 16 Овсянников О.В., Рябинин Е.А. Новые данные о культуре средневекового «чудского» населения в районе оз. Лача // Советская археология. №3. М., 1986. С. 154.
- 17 Фехнер М.В. Шейные гривны... С. 71–72. Рис. 13: 7.
- 18 Фехнер М.В. Шейные гривны... С. 144. Табл. 134.
- 19 Макаров Н.А. Население Русского Севера в XI–XII вв. М., 1990. С.69. Табл. XXIII: 6, XXIV:10; Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. М., 1997. С.116–117. Рис. 4,5.
- 20 Kivikoski, E. Die Eisenzeit Finlands. Vol. II. Helsinki, 1951. Taf. 128: 1018, 1020; Wikinger, Waranger, Normannen // Katalog XXII. Kunstaussstellung des Europarates «Die Skandinavien und Europa 800–1200». Helsinki, 1992. Kat. 240. S. 291 .
- 21 Libgott N.-K. Danske fund at møntdateret keramik ca. 950–1450 // Nationalmuseets skrifter. Arkæologisk-historisk roekke. Bd. XVIII. 199. S. 24. Fig. 15; Wikinger, Waranger... Kat. 141, 244, 362, 348.
- 22 Корзухина Г.Ф. Русские клады. М.-Л., 1954. Табл. 100; Wikinger, Waranger... Kat. 240. S. 291.
- 23 Фехнер М.В. Шейные гривны... С. 72–73. Рис. 13: 6,8.
- 24 Гушин А.С. Памятники художественного ремесла древней Руси X–XIII вв. Л., 1936. С. 62. Рис. 18; Корзухина Г.Ф. Русские клады... №№ 43, 103, 117, 123, 128, 135; Недошивина Н.Г. О датировке Белевского клада // Славяне и Русь. М., 1968. С. 120. Рис. 2; Литвинов В.А., Макушиников О.А., Дробушевский Д.И. Клады древнерусских шейных гривен из Белоруссии // Советская археология. №1. М., 1987. С. 263–266. Рис. 3.
- 25 Рябинин Е.А. О средневековых древностях Заволочья (по находкам в бассейне Кокшеньги) // Советская археология. №3. М., 1981. С. 68. Рис. 1:3; Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб, 1997. С. 120, 125–126.
- 26 Tallgren A.M. Biarmia // Eurasia septentrionalis antiqua. Vol. VI. Helsinki, 1931. S. 111. Fig. 2.

ДВА ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ МЕЧА ИЗ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Издrevле меч был самым дорогим и почитаемым оружием. Меч не только являлся совершенным средством поражения, но и символизировал честь и достоинство своего обладателя, то есть был еще и неким сакральным предметом. Меч берегли и почитали как нечто одухотворенное, отсюда происходит обычай давать мечам имена. В языческие времена раннего средневековья это оружие сопровождало человека в жизни и после смерти — его клали в могилу вместе с воином. По этой причине мечи VIII—XI вв. представлены значительным количеством археологических находок. С приходом христианства обычай сопроводительного погребального инвентаря постепенно исчез, этим, в основном, объясняются относительно редкие археологические находки мечей развитого и позднего средневековья или их фрагментов. Такое оружие, как меч — атрибут профессионального воина, мог быть утрачен лишь в самых исключительных случаях. Поэтому неудивителен пристальный исследовательский интерес к каждому экземпляру, обнаруженному в результате археологических раскопок или найденному случайно. Тем более ценными являются экземпляры, дошедшие до нашего времени в хорошей сохранности, так как они могут быть датированы, атрибутированы и классифицированы с максимальной точностью. В настоящее время в стране сложилась ситуация, при которой множество средневековых артефактов, в том числе предметов вооружения, извлекается из земли частными лицами и избегает официальной фиксации, выпадая, таким образом, из научного оборота. Целью данной статьи является научная оценка двух, хорошо сохранившихся, мечей XIV—XV вв. из частных коллекций.

Первый меч был случайно найден в Новгородской области в ходе земляных работ в середине 1990-х гг.¹ Ныне находится

в одной из частных коллекций г. Москвы (рис. 1, 1а). Находка представляет собой демонтированную полосу меча (т.е. без навершия, рукояти и гарды). Клинок сохранился почти идеально, только острие немного повреждено коррозией. Лезвия сохранили заточку, а на плоскостях ясно читаются четыре одинаковых клейма по два с каждой стороны.

Клинок имеет 740 мм в длину, ширина у основания 39 мм, за 40 мм до острия клинок сужается до 27 мм. Толщина у основания 4,5 мм, у острия 2 мм. Хвостовик имеет 75 мм в длину. Ширина колеблется от 12 мм у основания клинка до 15 мм, в центре и 10 мм у острия. Оконечность хвостовика несет следы механического воздействия. Видимо он был намеренно отпилен или отрублен. В дальней от клинка трети имеется отверстие, около 10 мм в диаметре, пробитое кузнечным способом. Вес предмета 600 г. Клинок имеет три параллельных узких дола. Центральный имеет 340 мм в длину. Боковые по 248 мм. Максимальная ширина долов составляет 5 мм. Дола расположены почти вплотную друг к другу — зазор составляет не более 2 мм. Клейма расположены непосредственно над боковыми долами и представляют собой гравированные фигуры, состоящие из короткой ломаной линии с точкой над ней, вписанные в круг. Видимо, клейма изначально были таушированы цветным металлом — медью или бронзой.

Основываясь на геометрии клинка, можно отнести его к типу XIIIb по типологии И. Оукшотта². Широкий, слабосужающийся клинок шестигранного сечения с тремя долами видимо происходит от конца XIII — начала XIV вв. Многодольные клинки встречались и позднее, вплоть до конца XVI в.³ Тем не менее характерные очертания клинка типа XIIIb в сочетании с тремя долами являются

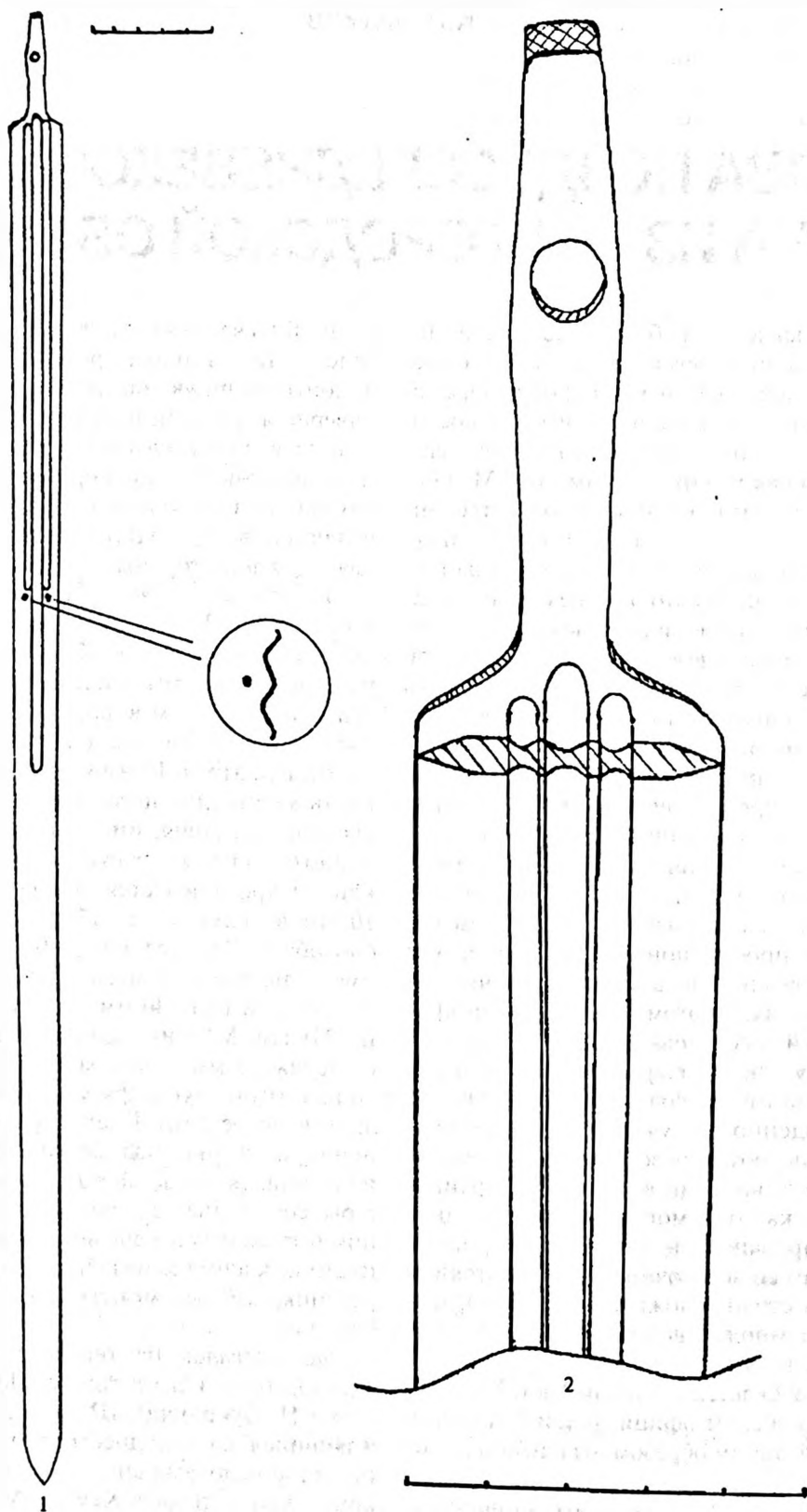

Рис. 1
 Меч (клинок) начала XIV в. Случайная находка под Новгородом.
 1 — общий вид, 2 — хвостовик меча

весомыми аргументами в пользу датировки первой половиной XIV в. Большинство исследователей склонны датировать клинки типа XIII, XIIIb подобным образом⁴. В самом деле, изобразительное искусство Западной Европы, реалистично изображая предметы вооружения, подтверждает подобную датировку. Да и логика взаимовлияния защитного и наступательного вооружения говорит об этом: доспех конца XIII — начала XIV вв. характеризуется переходом от кольчужного к латному⁵, а значит широкий рубящий клинок все еще широко употреблялся наряду с узким колющим. Военное дело Руси было интегрировано в общеевропейское настолько, что характер развития наступательного вооружения, в частности мечей, был в целом схож. Значит, меч, происходящий с территории Руси, должен иметь датировку, аналогичную европейской. Кроме того, известны и другие многодольные клинки подобного типа на Руси⁶. Клеймо на клинке остается загадкой. Схожих знаков на оружии пока не удалось обнаружить. В знаменитых мастерских Пассау и Золингена часто использовали клейма в виде того или иного рисунка, вписанного в круг. Однако, надежным признаком это не является. С таким же успехом меч мог быть продукцией местных мастеров, пометивших его своей маркой, тем более, что собственное клинковое производство известно на Руси с X в.⁷

Артефакт можно атрибуировать как поясной одноручный меч. В пользу этого говорит малая длина клинка — 740 мм и относительно легкий вес — 600 г, т.е. в сборке меч весил не более килограмма. Лезвия отточены почти до бритвенной остроты, а значит, оружие не предназначалось для пробивания доспехов, для этого требовалась другая заточка. Кроме того, клинок слишком тонок и легок. Совокупность признаков позволяет отнести предмет к так называемым костюмным, то есть не военным мечам, а предшественникам позднейших рапир, предназначенным для самообороны или парадного ношения. Хотя, возможно, он использовался и на войне легковооруженной конницей для борьбы с бездоспешным противником⁸.

Привлекает внимание намеренно укороченный хвостовик, а также отсутствие монтировки (конструктивных элементов эфеса). В данном случае возможно, что

старый клинок был оснащен новой гардой и т.д. в более позднее время. Как известно, в конце XV — начале XVI в. русское вооружение практически полностью ориентализировалось. Это выразилось в облегчении вооружения и в полном отказе от мечей и переходе на сабли. Прямой клинок мог встретиться в это время разве только у палаша⁹. Видимо острый и легкий клинок типа XIIIb, потерявший актуальность во второй половине XIV в. из-за повсеместного распространения пластинчатого доспеха, в конце XV в. снова стал эффективным боевым средством. Однако архаичная мечевая монтировка перестала удовлетворять требованиям времени, и меч был переделан в палаш. Восточный палаш по сути представляет собой прямой клинок с саблевидной рукоятью и гардой. При этом хвостовик был укорочен почти в два раза — меч таких размеров должен иметь хвостовик в 150–160 мм. Стержень рукояти длиной в 75 мм слишком короток для эффективного удержания в руке и, очевидно, был приспособлен для оснащения деревянными обкладками заходящими за хвостовик в типичной манере рукоятей сабель и палашей. Об этом говорит и отверстие, несомненно, пробитое тогда же при демонтаже старого эфеса. Обкладки должны были приклепываться через это отверстие, так как не было навершия, прижимавшего их к гарде. Подобный способ крепления применялся на палашах по всей Евразии, начиная с раннего средневековья до XVI–XVII вв.¹⁰

Схожее оружие хранится в краеведческом музее г. Кирова Калужской области¹¹. Автор публикации считает его романским мечом XII–XIII вв., переделанным в XV–XVI вв. в палаш. Присутствуют все характерные признаки, указывающие на это — укороченный хвостовик, пробитое в нем крепежное отверстие, удлиненная наваренными по краям стальными полосами гарда. Правда, сам клинок подвергся более серьезной модернизации по сравнению с новгородской находкой. Он, видимо, был перекован, так как на месте обязательного для меча второго лезвия имеется обух, продолженный длинной елманью — явные следы позднейшей переделки.

Итак, мы имеем дело с одноручным костюмным мечом (или мечом легкого конника) типа XIIIb по классификации Оукшотта. Предположительно он имеет германское

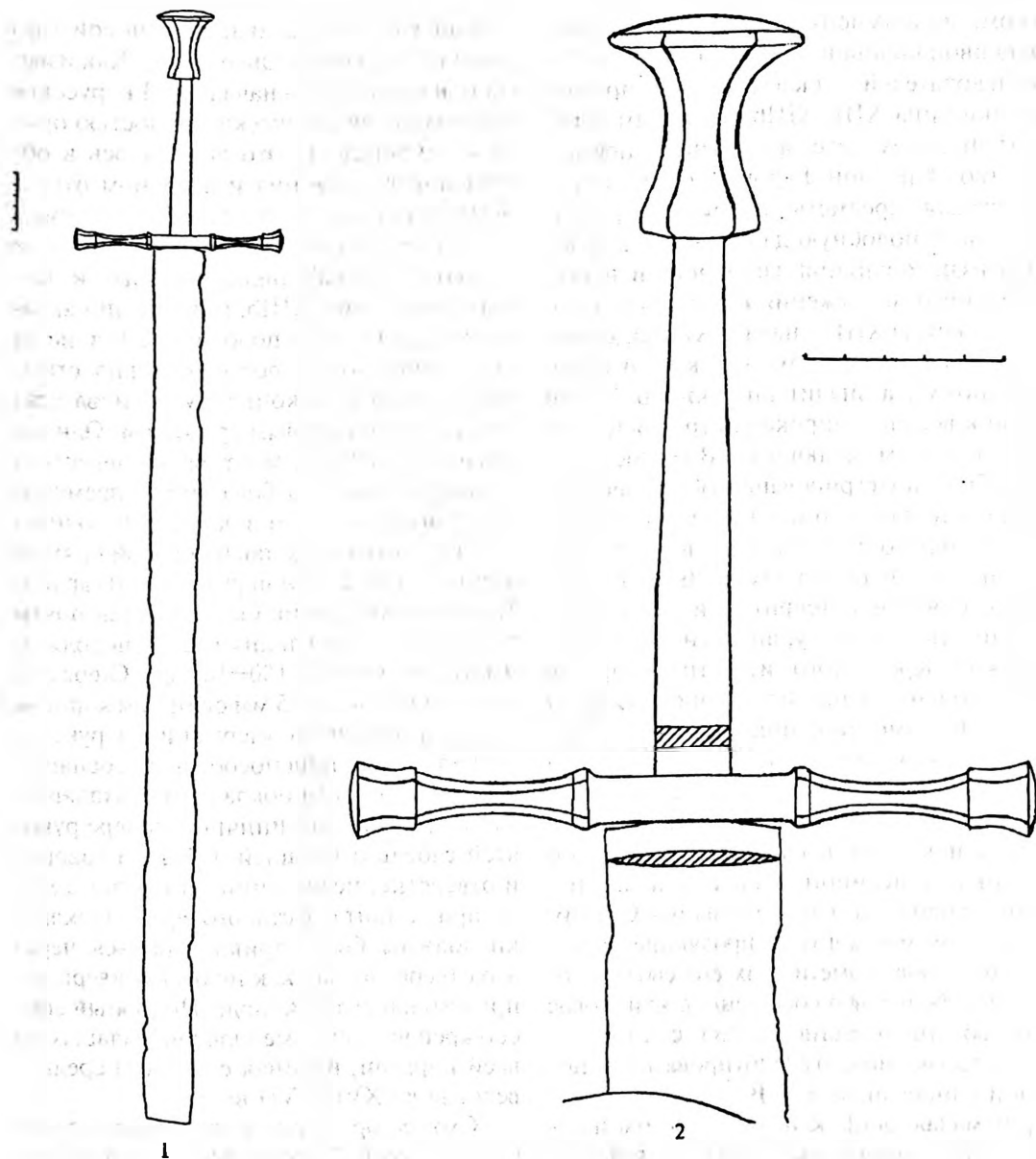

Рис. 2

Полутораручный меч конца XV — начала XVI вв. Случайная находка под Новгородом.

1 — общий вид, 2 — эфес меча

происхождение, хотя мог быть изготовлен и в местных мастерских. В конце XV — начале XVI вв. меч был переделан в палаш.

Второй меч, как и предыдущий, был найден случайно под Новгородом в 1994 г. и теперь находится в одном из частных собраний Санкт-Петербурга; прежде не публиковался (рис 2, 2а). Клинок сильно поврежден коррозией, а также несильно «поведен» в результате воздействия высокой температуры или под механическим воздействием. Тем не менее, общая геометрия, а значит, и тип клинка легко поддаются определению. В отличие от

рассмотренного выше экземпляра, данное оружие, по-видимому, имеет только одну дату, так как не несет на себе каких-либо следов переделки. Почти идеально сохранился эфес меча. Рукоять, гарда и навершие имеют достаточно индивидуальных определяющих черт, совокупность которых, хорошо прослеживается на аналогичном европейском и отечественном материале. Клейма или иные знаки на клинке открыты пока не удалось — требуется тщательная расчистка. Органические детали рукояти, равно как и ножны, не сохранились.

Конструктивно меч состоит из трех элементов: клинка, гарды и навершия. Клинок практически прямоугольный, то есть не сужается к острию. О характере острия судить невозможно, так как оно полностью утрачено. Возможная реконструкция предложена на рисунке 1 и обозначена пунктирной линией. Сечение клинка — линзовидное. Гарда представляет собой простое стальное перекрестье. В центре имеется прямоугольная выступающая планка, незначительно деформированная в боковых плоскостях — результат кузнечной насадки. Центральная планка продолжена с обеих сторон прямыми гранеными плечами, каждое из которых заканчивается небольшими выступами в виде усеченного конуса. Гарда имеет пробитое и аккуратно расточенное прямоугольное технологическое отверстие для насадки на хвостовик полосы клинка. Навершие стальное, грибовидное, восьмигранное с плавно расширяющимся у рукояти основанием. Навершие насажено на хвостовик и зафиксировано расклепыванием хвостовика. Клепка аккуратно зачищена.

Клинок имеет 780 мм в длину. Ширина клинка — 45 мм. Длина хвостовика клинка вместе с навершием — 210 мм. Толщина клинка у основания — 4,3 мм, у острия — 2,2 мм. Длина гарды — 180 мм. Длина навершия составляет 60 мм. Диаметр верхнего основания — 50 мм, диаметр нижнего основания — 30 мм. Толщина рукояти — 5 мм. Вес предмета — 1140 г.

Исходя из предложенного Ивартом Оукшоттом поэлементного метода анализа клинкового оружия, описание меча должно выглядеть как трехсоставная формула, в которой каждая составляющая определяет тип основных деталей меча. Относительно узкий прямоугольный (за исключением острия), то есть не имеющий сужения к концу, клинок, видимо, следует отнести к типу XXI по типологии Р.И. Оукшотта, дополненной М. Глосеком¹². Подобные клинки, как правило, снабжались одним или несколькими долами, но могли встречаться и исключения. Навершие меча, очевидно, отчасти соотносится с типом Т по И. Оукшотту. Это грибовидные навершия усеченно конической или воронкообразной формы с полукруглым увенчанием¹³. Сечение может быть прямоугольным или, чаще,

круглым. Поверхность навершия может быть граненой или гладкой. Указанный тип имеет пять подтипов, ни одному из которых рассматриваемое навершие полностью не соответствует. Представляется возможным отнести навершие к новому типу Т6. Гарда меча без сомнений является разновидностью типа 11, о чем свидетельствуют очерченная прямоугольная планка в центре, расширяющиеся плечи перекрестья с выраженными утолщениями на концах¹⁴. Итак, типологическая формула меча будет выглядеть, как XXI; Т6; 11.

Однотипные клинки относятся к 1440–1510 гг. и происходят из региона Северной Италии, конкретно — Венеции. На территорию Восточной Европы в массовом порядке они были занесены далматинскими и венгерскими наемниками, возвращавшимися со службы в Италии. Как правило, классические «венецианские» мечи сопровождался иным эфесом — с S-образной гардой и прямоугольным навершием¹⁵. Тем не менее, с течением времени подобные клинки могли обрести известную популярность и без привязки к определенной форме эфеса. Учитывая некоторое запоздание распространения оружия, на территорию Руси клинки мечей типа XXI, видимо, не могли попасть раньше второй половины XV в. Сузить датировку позволяет форма эфеса. Совокупность характеристик гарды и навершия указывает на время не раньше конца XV в. Чрезвычайно развитое оформление традиционных средневековых комплекующих элементов эфеса на западноевропейском материале не прослеживается до 1470–1490-х годов. Видимо, временным отрезком 1470–1490 гг. и можно датировать данный меч. Оружие со схожими геометрическими характеристиками эфеса было найдено в Луцке. Кроме того, в Копенгагене хранится полтораручный меч 1500-х гг. с однотипной гардой, правда, гораздо менее вычурной отделки¹⁶. Мечи из Крумени и Малятыни оснащены практически идентичными клинками.

Рассматриваемое оружие является так называемым мечом в полторы руки или «бастардом». Относительно небольшие размеры и малый вес позволяют атрибуировать его как принадлежность легкой конницы. Даже если учесть утраты, реконструируемая длина меча не может превышать 1060 мм, а вес — 1200 г, в то время

как длина и вес мечей-бастардов могли достигать 1300 мм и 2500 г. Это не удивительно, учитывая возможную связь мечей типа XXI со славянскими наемниками в Италии, ведь они традиционно служили там в легковооруженной коннице, им тяжелое оружие было не нужно. Как уже упоминалось, на Руси в конце XV в. актуальность мог сохранить только подобный небольшой и нетяжелый меч из-за повсеместного перехода на облегченное восточное вооружение. С большой долей вероятности можно относить рассматриваемую находку так же и к костюмным мечам.

Происхождение данного меча достоверно неопределимо. Наиболее вероятно, что это был импортный или трофейный

экземпляр. Например, знаменитый боярский арсенал Шереметевых, формировавшийся в период XVI–XVII вв., содержал несколько южно-германских шпаг и даже двуручных мечей, совершенно нехарактерных для русского военного быта той эпохи¹⁷.

В заключение остается сказать, что оба рассмотренных меча, по-видимому, относятся к единой группе клинкового оружия, которое могло иметь хождение на Руси в конце XV — начале XVI вв. Оба являются неким отголоском классического «рыцарского» средневековья той эпохи, когда сабля и лук вытеснили меч и копьё. Очевидно, не случайно и место их находки — под Новгородом, где длительно могло сохраняться вооружение европейского типа.

***

- 1 Жуков К.А. Случайная находка меча в Новгородской области // Средневековое общество в социально политическом и культурном аспекте (Материалы конференции). СПб., 2001. С. 54–56.
- 2 Oakeshott R.E. The sword in the age of chivalry. London, 1964. Fig. 2.
- 3 Muller H., Kolling F. Europäische Hieb und Stich Waffen. Berlin, 1981. S. 198. Fig. 120; Boehem W. Handbuch der Waffenkunde. Leipzig, 1890. Fig. 305.
- 4 Glosek M. Miecze srodkowoeuropejskie X–XV w. Warszawa, 1984. S. 176. Fig. 488; Oakeshott R.E. The sword... P. 50; Muller H., Kolling F. Europäische Hieb... S. 166. Fig. 25.
- 5 Blair C. European Armour. London, 1958. P. 37–52.
- 6 Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Оружие // Археология СССР. Город, замок, село. М., 1985. Таб. 119, 2.
- 7 Кирпичников А.Н. О начале производства мечей на Руси // Труды международного конгресса славянской археологии. Т. 4. М., 1998. С. 246 сл.
- 8 Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Оружие... С. 301.
- 9 Арндт В.В. Палаш боярина Измайлова // Труды секции археологии. Вып. IV. СПб., 1928. С. 21–26.
- 10 Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Новосибирск, 1987. Рис. 10; Glosek M. Interesujacy zabutek broni bialej z Poreby Wielikiej. Nowy Sacz, 1992. S. 5. Fig. 1; Шкриванич Г. Оружие средневековой Сербии, Боснии и Дубровнику. Београд, 1957. С. 58. Сл. 20.
- 11 Хухарев В.В. Средневековый меч из фондов Кировского музея // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 3, Ч. 1. Киров, 1997. С. 92–93.
- 12 Glosek M. Miecze srodkowoeuropejskie X–XV w. Warszawa, 1984. S. 3, 25. Fig. 2.
- 13 Oakeshott R.E. The sword... P. 105–106.
- 14 Oakeshott R.E. The sword... P. 118.
- 15 Boccia L.G. Les epees esclavons: entre Venise et Illyrie // La Revue Genava. T. XLIII. Genava, 1995. P. 103–105. Fig. 10.
- 16 Bruhn-Hoffmeyer A. Middelalderens tveaggede svaerd. Koenhavn, 1954., Tab. XXXIX a.
- 17 Ленц Э.Э. Опись собрания оружия графа Шереметева. СПб., 1895. Таб. 8–9.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС IX в. ИЗ РАСКОПОК СТАРОЙ ЛАДОГИ

В июле 1997 г. Староладожская археологическая экспедиция Института Истории Материальной Культуры Российской Академии Наук при участии Исторического факультета Ленинградского государственного областного Университета продолжала исследование раскопа 2 в северо-западной части «Земляного городища» Старой Ладogi Волховского района Ленинградской области. Этот раскоп размером 8×12 м (рис. 1) был заложен в 1992 г. с северной стороны раскопа 1, законченного в 1991 г. В этом месте расположен край северо-западного бастиона «Земляного городища» или, если употреблять терминологию средневековой поры, «Земляного города». Изучение раскопа 2 преследовало цель более широко и полно понять и изучить части жилых и хозяйственных сооружений IX — начала XI вв. и их окружение, которые частично или полностью были выявлены в раскопе 1¹. Кроме того, ставилась задача определить, каким был в этом месте «Земляного городища» культурный слой, какие содержатся в нем находки и остатки деревянных и иных сооружений. Важен вопрос о планировке этой части ладожского посада, находящегося в береговой зоне р. Ладожки. Особое внимание уделялось выявлению частей ремесленных мастерских и производственных сооружений, если они находились в этом районе древнего города².

Избранный для исследования участок «Земляного городища» расположен, как упоминалось, в его северо-западной части. В этом месте находился бастион, являвшийся частью укреплений «Земляного города», воздвигнутого в 1584—1585 гг. на территории существовавшего здесь Ладожского посада. Упомянутая крепость, включая ее земляное основание, была реконструирована в эпоху Петра I. Подсыпана наружная сторона укреплений, по-видимому, увеличена высота земляной

насыпи. В настоящее время бастион значительно сnivelирован, и его очертания в плане аморфны. Утрачена первоначальная геометрическая линейность. Околобастионный ров засыпан. Площадка бастиона, по сравнению с прилегающей к нему с северо-запада и северо-востока поверхностью напольной стороны, высится на 4—5 м.

В 1992—1994 гг. изучалась насыпная часть бастиона. Она состояла из слоев серой и темной земли с прослойками и линзами зеленоватой и коричневатой глины и песка. В этих наслоениях встречен мелкий камень, угольки, галька, древесный тлен, а также различные предметы IX—XIII вв. Иными словами, насыпь имела слоистую структуру, сооружалась привозным грунтом, взятым из разных мест. Грунт этот представлял собой по преимуществу культурный слой ладожского посада, который укладывался при сооружении вала в перемешанном виде. Изучаемый вал не содержал каких-либо деревянных субструкций, удалось только выявить деревянную выстилку бойницы бруствера.

Во время раскопок 1997 г. продолжалось начатое в 1995 г. изучение непотревоженного культурного слоя, суммарно датированного IX — началом XI вв., залегавшего под насыпью бастиона XVI в. Общая мощность исследованного в 1997 г. и разобранный слой составляла 0,15—0,25 м в зависимости от крутизны берегового склона городища, в северной части раскопа 2 заглубленного не менее, чем на 2,2 м по сравнению с его южной частью³. Кроме того, обнаружен заметный уклон культурного слоя примерно на 1 м в западной части раскопа по линии квадратов Д. Таким образом, раскопки велись в соответствии с наклоном местности, понижающейся в северном и западном направлении в сторону реки Ладожки (рис. 2, 3). Изыскания 1997 г. были сосредоточены на всей

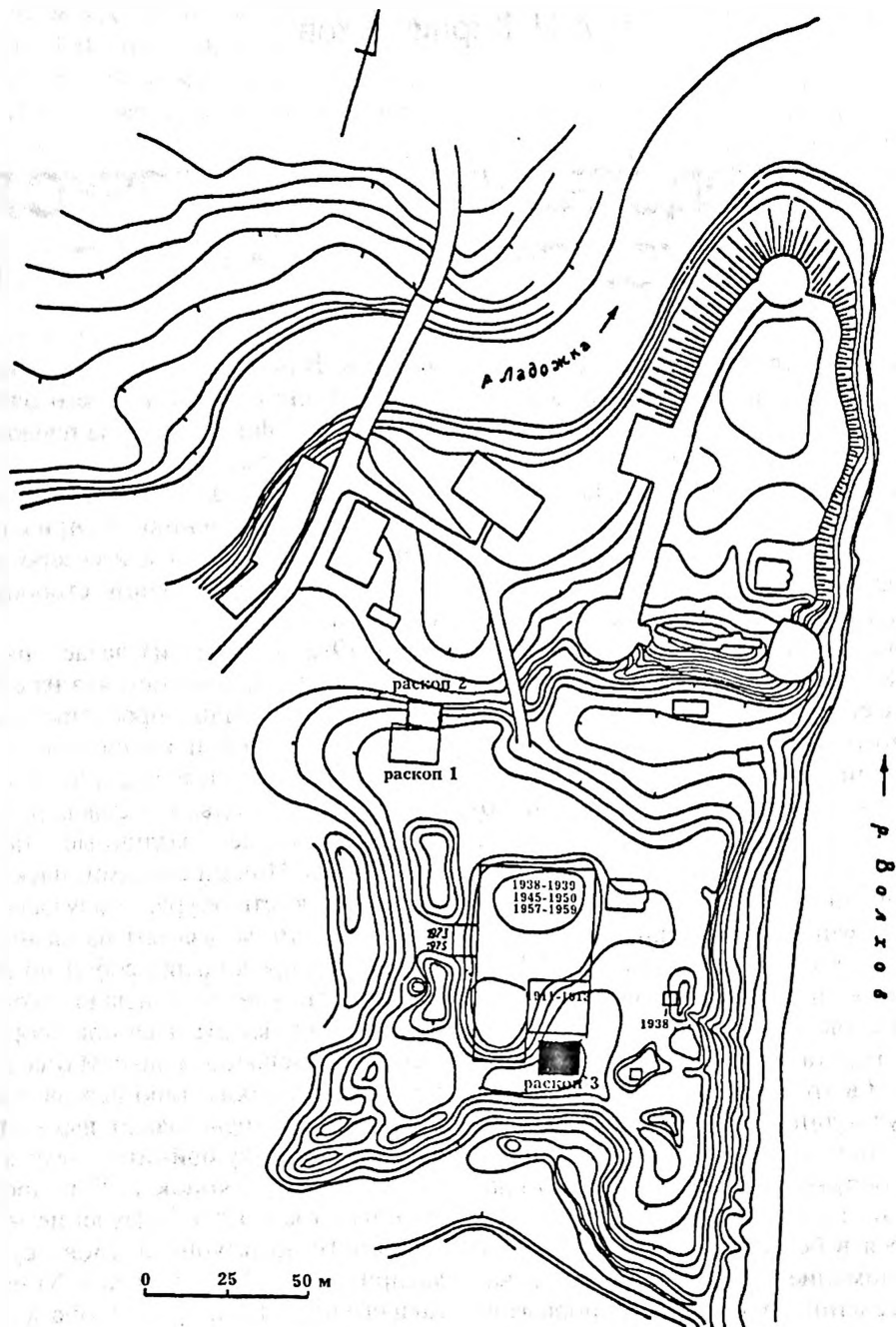

Рис. 1

Старая Ладога. «Земляное городище». План раскопов: 1—3 произведены Староладожской археологической экспедицией, начиная с 1984 г.

площади раскопа 2 за исключением Д-36, Д-37, Г-37, частью В-37, Д-35, Г-36, напластования которых были нарушены сплошной перекопкой и устройством здесь рва «Земляного города».

В отличие от вышеперечисленных северо-западных квадратов раскопа 2 на остальных был разобран расположенный с некоторым наклоном к северу и к западу культурный слой, как упоминалось,

общей толщиной до 0,25 м. Он разделялся на три последовательных строительных горизонта («А», «Б», «В», рис. 2—3). Отметим, что граница между слоями не везде была четкой, имело место некоторое проникновение напластования одной структуры в другую. При этом однако последовательность «нарастания» слоев удалось уловить. Верхний горизонт, большей частью исследованный в 1996 г., состоял из

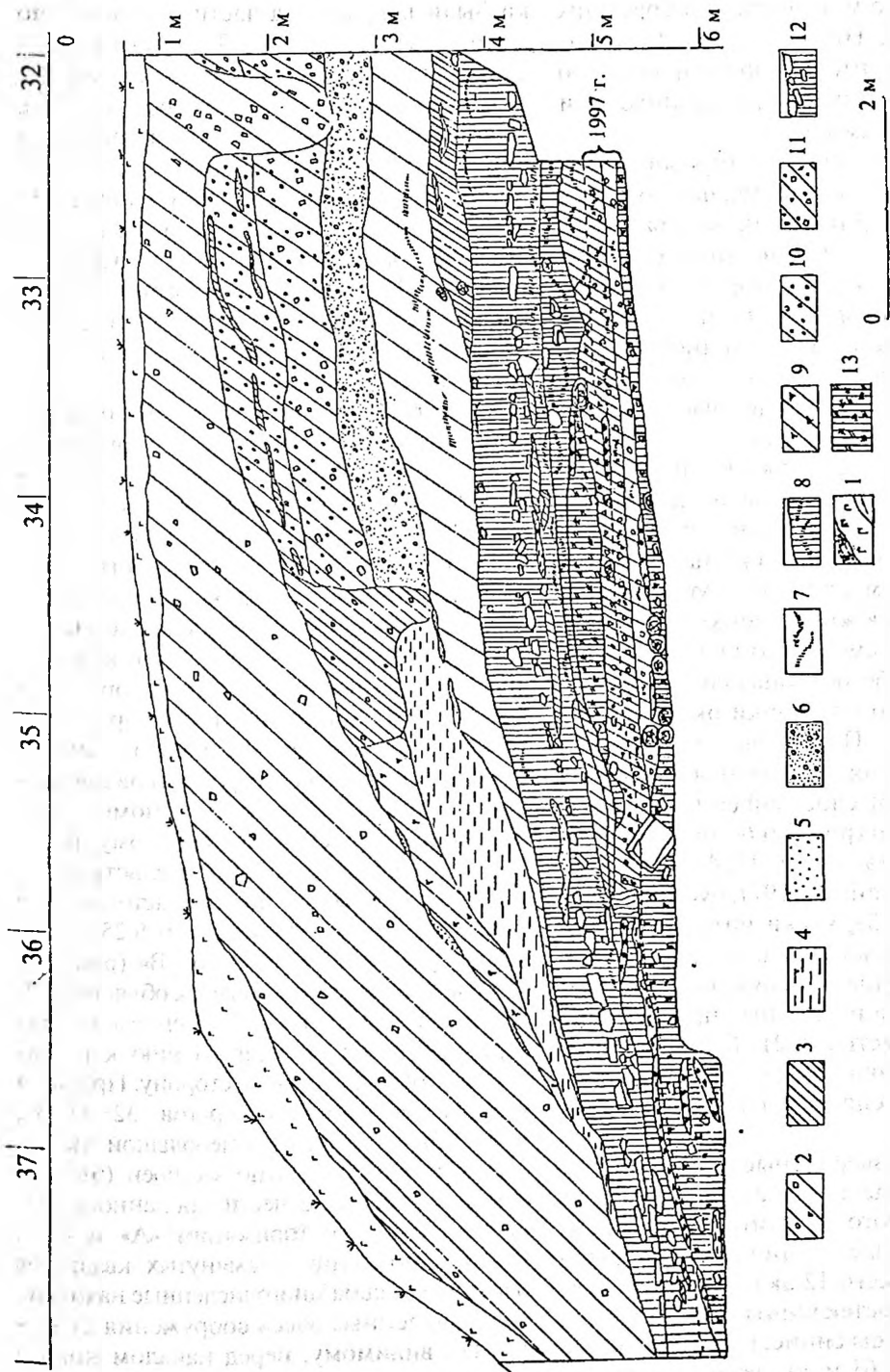

Рис. 2

Старая Ладога. Раскоп 2. Профиль восточной стенки раскопа.

Условные обозначения: 1 — дерн, 2 — серый гумус, 3 — темный гумус со щебнем, 4 — глина, 5 — песок, 6 — песок с галькой и известковой крошкой, 7 — древесный тлен, 8 — черная земля, 9 — серый гумус с угольками, 10 — серая земля с галькой, 11 — серая земля с галькой и камнем, 12 — черная земля, 13 — черная земля с включением щепы и навоза.

черной земли с включением дерева, древесного тлена, обломков камней. Средний горизонт «Б» состоял из темно-серого гумуса с включением дерева, древесного тлена, обломков камней, местами песком. Здесь встречено много угля и обгоревших плах и бревен. Нижний слой «В» представлял собой интенсивно черную землю с частями дерева, углями, булыжниками и колотыми камнями.

Залегающий сверху горизонт «А» представлял собой, во-первых, останец культурного слоя по линии квадратов 32, 33, частью 34, недокопанный в сезоне раскопок 1996 г., во-вторых, нижнюю часть этого же слоя толщиной 8–10 см по линии квадратов 34 (частично), 35, 36 и 37. На нетронутым в 1997 г. участке горизонта «А» был расчищен частично сохранившийся настил пола деревянной постройки. Плахи пола достигали 1,5–2 м, они были ориентированы по линии север-юг (рис. 4). Также обнаружены два поперечных подкладочных бревна, расположенных в 0,55 м один от другого. Часть плах уходила в южную стенку раскопа 2, часть залежала в смещенном виде, поэтому представить себе первоначальные размеры и устройство постройки оказалось затруднительным. При расчистке остатков этого сооружения и в находящемся над ним культурном слое найдены немногочисленные вещи (рис. 5 и 6): бисер желтого и синего цвета (18, 24, 35, 48⁴), пронизка серебростеклянная (197), буса прозрачного стекла (213), куски янтаря (49, 76). На остальной части раскопа каких-либо частей деревянных сооружений обнаружено не было, а найденные при зачистке слоя «А» на отметках 5,21–6,24 м вещи не составляли каких-либо определенных скоплений и располагались довольно разрозненно.

Изделия, извлеченные при разборке слоя «А», таковы: изготовленные из стекла: бисер голубого, желтого, зеленого, синего и преимущественно желтого цвета (18, 19 и др., всего 12 экз.), пронизки серебро- и золотостеклянные (54, 118 и др., всего 4 экз.), бусы синие, глазчатая синяя, мозаичная (17, 61 и др., всего 4 экз.), далее, костяное пряслице (104), фрагмент тигля (207), нож (157), обломки гончарных и лепных сосудов (67 и др., всего 47 экз.). Все перечисленные вещи имеют бытовой и украшательский характер

и свидетельствуют о жилом характере всего данного участка.

Следующий слой с деревянными сооружениями — строительный горизонт «Б» залегал на глубине 4,8–5,51 м. Эти остатки были вскрыты на части раскопа 2 по линии квадратов 32, 33 и 34. Здесь при расчистке выявлены фрагменты настилов деревянной постройки или построек (рис. 7). Некоторые из плах были обожжены, все они сохранились неполностью, их прослеженная длина до 1,6 м. Уложены были по линии восток-запад. Местами среди плах оказались камни и плиты, а в квадратах В 33–34 и Г 33–34 зафиксировано «пятно» песка. Состояние деревянных остатков не позволило составить представление о находившихся здесь строениях.

При разборке горизонта «Б» обнаружены отдельные вещи, не составлявшие определенных комплексов или наборов (рис. 8–10). Здесь найдены стеклянные: бисер (25 экз.), бусы и пронизки (5 экз.), далее, обломок тигля, 2 глиняных грузила, обломок янтаря, несколько неопределенных железных предметов, а также 10 обломков лепной и 9 — гончарной керамики. Встреченные при изучении горизонта «Б» остатки сооружений и подбор сопровождающих находок позволяют заключить, что в этом месте существовали жилые сооружения, в какой-то момент поврежденные огнем и, по-видимому, разобранные перед новым строительством.

Непосредственно под напластованиями горизонта «Б» на отметках 4,90–6,25 м был открыт следующий горизонт «В» (рис. 11). Перепад приведенных отметок объясняется, как упоминалось выше, падением склона береговой суши по направлению к р. Ладожке, то есть в северную сторону. При этом участок по линии квадратов 32–33–34, имевший относительно небольшой уклон, был в древности плотно застроен (это наблюдение следует отнести для данного участка и к другим горизонтам «А» и «Б»). Именно по линии упомянутых квадратов оказались весьма многочисленные находки.

Выявленные здесь сооружения сгорели. По-видимому, перед началом нового строительства пожарище разбиралось, было сnivelировано, поэтому части некоторых несоревших бревен и плах обнаружены в смещенном и нарушенном виде.

В южной части раскопа по линии квадратов 32–34 на отметках 4,90–5,62 м

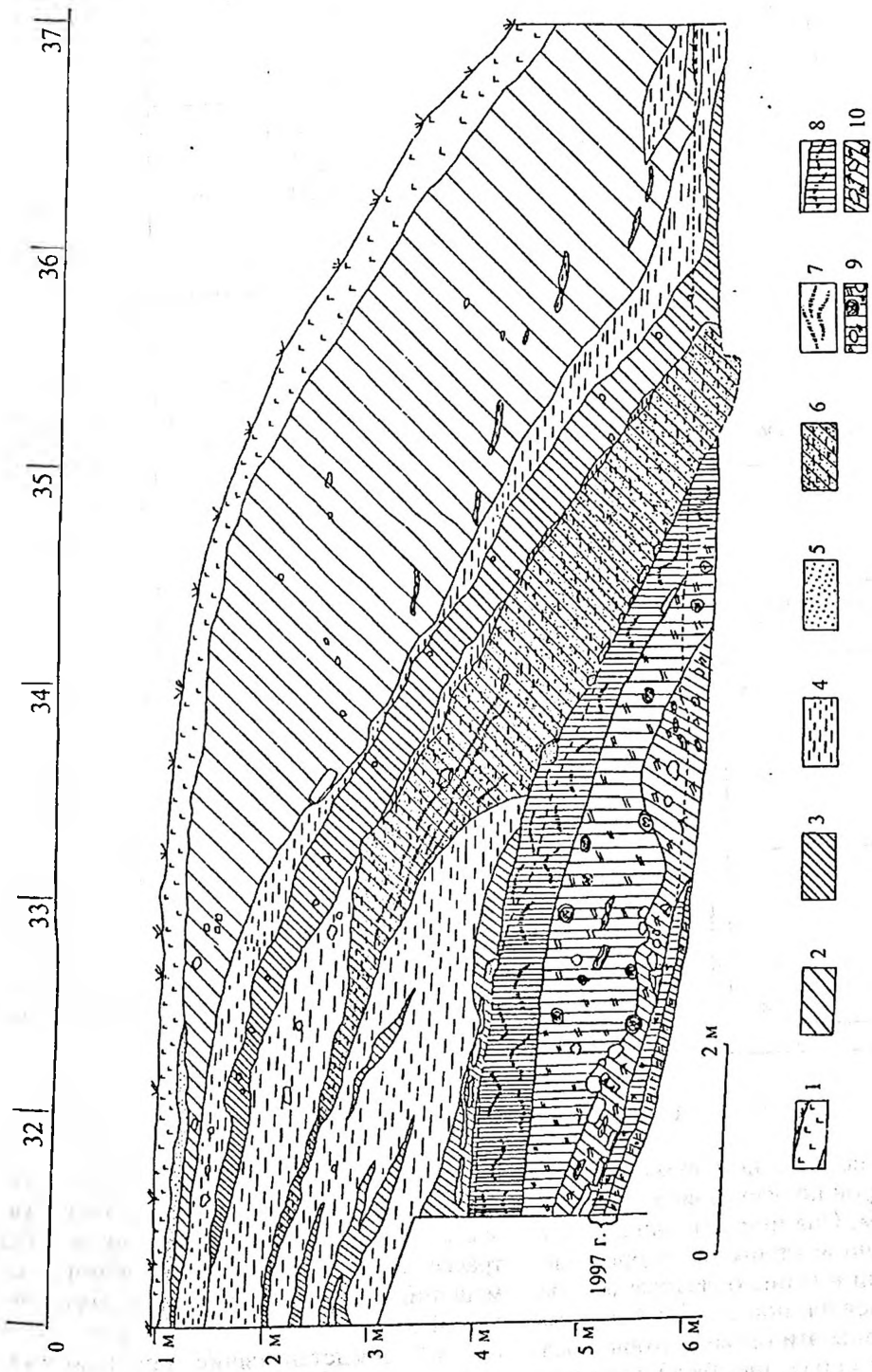

Рис. 3

Старая Ладога. Раскол 2. Профиль западной стенки раскола.

Условные обозначения: 1 — дерн, 2 — серый гумус, 3 — темно-серый гумус, 4 — глина, 5 — песок, 6 — черный гумус, 7 — глинистый гумус, 8 — кварцевый песок, щепа, 9 — древесный тлен, 10 — черная земля, камень, дерево, древесный тлен, 10 — темно-серый гумус с глиной, остатками дерева, песком и камнем

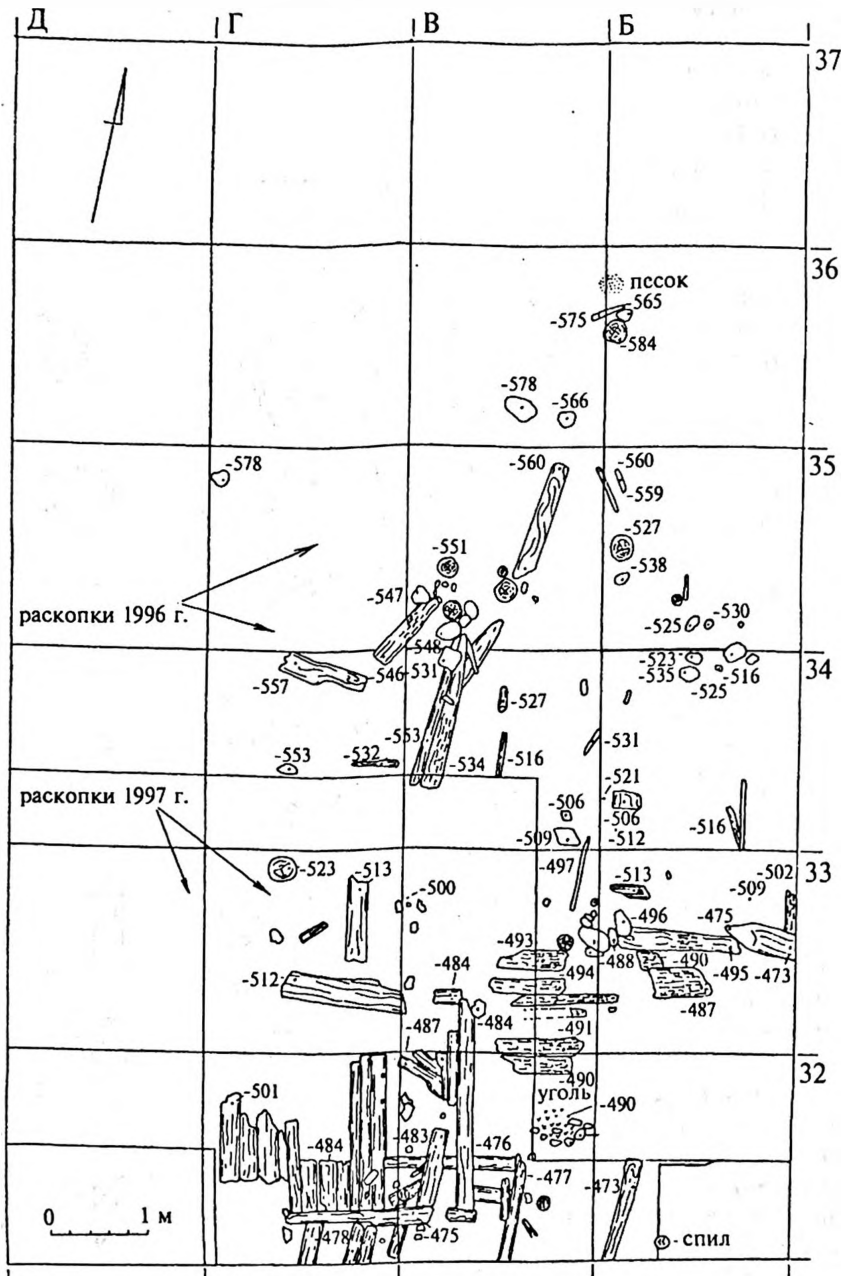

Рис. 4
Раскоп 2. Горизонт «А». План

обнаружены остатки постройки, размер «пятна» которой по осям приблизительно равен $4 \times 5,5$ м. Она имела двойные внутренние и внешние стены, от которых частично уцелели нижние окладные бревна, сохранившейся длиной от 1 до 4 м. С западной стороны эти бревна, чтобы предотвратить их сползание, были подперты колышками (рис. 11). В южной половине постройки можно представить отдельное внутреннее помещение размером, примерно, 3×3 м. По сторонам этого помещения открыты скопления обожженных

и закопченных камней, явно относящихся к большому, занимавшему большую часть площади, печному устройству. По трассе северной стены описываемого помещения располагались два врытых в земляной вал вместилища диаметром около $0,6$ м⁵, представлявшие круглодонную корзину с глиной на ее дне и берестяной туес высотой стенок не менее 5 см (рис. 12). Возможно, что стена в данном месте прерывалась, либо ее нижнее бревно было несколько смещено в сторону при разборке пожарища.

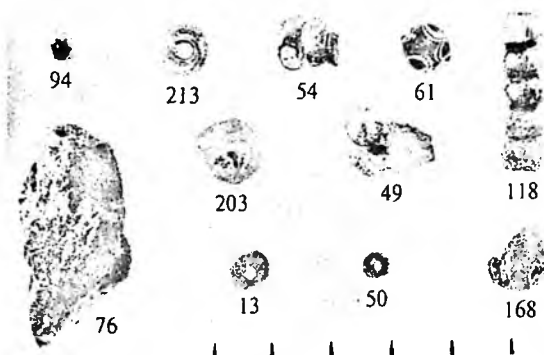

Рис. 5

Раскоп 2. Горизонт «А». Находки из стекла: бусы (61, 168, 203, 213), пронизки (54, 118), бисер (13, 50, 94), куски янтаря (49, 76)

С южной стороны постройки, как бы в отдельном тамбуре размером $1 \times 1,8$ м, помещался вход шириной 0,5 м. Уцелел порог с двумя гнездами для стоек дверной рамы.

Представить детальное устройство всего сооружения, включая его внутреннюю планировку и вход, затруднительно в связи с его почти полной разрушенностью. Можно, пожалуй, утверждать, что оно являлось не столько жилым, сколько производственным, что подтверждается и составом находок (рис. 13–15 и 19). Они были обнаружены в зоне пятна постройки в бессистемном распределении.

В остатках постройки и ее ближайшем окружении найдены 27 экземпляров бисера преимущественно желтого и синего цвета (25, 26, 27: 30, 31, 36, 40, 80, 81, 82, 145, 148, 152, 155, 156, 183, 184, 195, 206, 229, 231, 232, 234, 235, 236, 241, 243); 14 стеклянных разнообразных по цвету и технике исполнения бус (117, 121, 130, 146, 158, 169, 190, 196, 220, 226, 227, 233, 249, 258); 17 золото- и серебростеклянных пронизок (79, 103, 119, 125, 147, 149, 159, 160, 161, 186, 187, 205, 217, 238, 242, 248, 250), 4 днища берестяных туесов (115, 140, 141, 222, пятое — 165, относилось к упомянутому выше берестяному туесу, врытому в земляной пол), 3 железных заклепки от ладьи (112, 166, 176), нож (162), костяная рукоять ножа (?), 225), бронзовое кольцо и рыболовный крючок (128, 167), железные штырь, пластина и обойма (143, 251, 247), фигурный отделочный гвоздь от ларца (?), 170), 2 точильных бруска (204, 224), рукоять и другие изделия из дерева (101, 123 и 201), 5 кусков янтаря (135, 151, 153, 185, 194), железный канфарник или чекан (239). Там же найдены 101 обломок

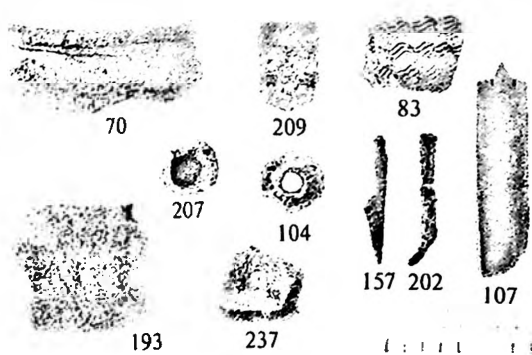

Рис. 6

Раскоп 2. Горизонт «А». Обломки кружалных (70, 83, 237) и лепных сосудов (193, 209), обломок тигля (207), костяное пряслице (104), железные предметы (нож — 157, 202, часть бруска — 107)

лепной (включая 15 венчиков сосудов) и 9 фрагментов гончарной (включая 1 венчик) керамики.

Судя по кускам янтаря — явным отходам производства, бракованным, недоделанным, обломанным, фрагментированным бусам, бисеру и пронизкам, владелец постройки мог изготавливать стеклянные и янтарные изделия. Особым направлением деятельности ремесленника было литье украшений из латуни, выполненных в стиле скандинавского искусства. Таковы найденные в развале печи: овальновыпуклая, орнаментированная «зверинными» узорами недоделанная фибула типа «Бирка 655» (131) (рис. 16); полностью готовая равноплечная фибула с геометрическим узором типа «Вальста» (154) (рис. 17); поделка дугообразной формы с фигурным шитком (164) (рис. 18). Перечисленные вещи очень редки в Скандинавии и в данном случае демонстрируют стадии литья от бракованных, неудачных образцов до высококачественных. Несомненно, речь идет не о привозных изделиях, а о их местной выработке. В этой связи объяснение получают два вместилища, вкопанные в земляной пол. В одном были комья принесенной глины, в другом, возможно, приготавлилось глиняное тесто для изготовления форм⁶.

Обнаруженные литые латунные вещи, по всей видимости, предназначались состоятельным людям. Не случайно в мастерской найдены вещи не обязательно там сделанные, но свидетельствующие не о рядовом социальном статусе жителя этого места. Такова круглая серебристая по цвету литая бляха (163) и бронзовая булава с фигурной головкой и латунным

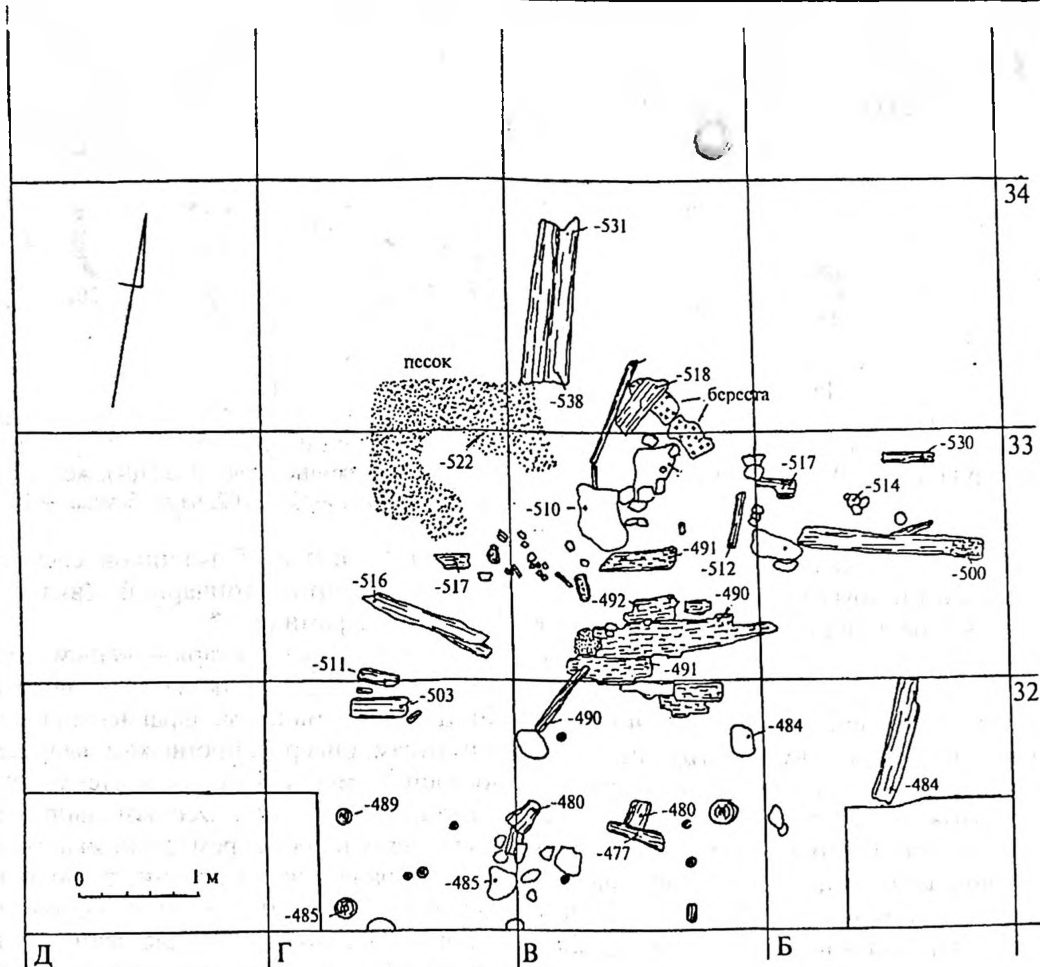

Рис. 7
Раскоп 2. Горизонт «Б». План

колечком (111) (рис. 18). Предполагают, что такие булавки использовались как держатель нитки бус или как застежка плаща или накидки. Подводя итог, полагаем, что на «Земляном городище» обнаружен производственный комплекс с литыми вещами скандинавского характера. Такого рода комплекс в Старой Ладоге открыт впервые. Ниже будут специально проанализированы найденные там вещи.

При разборке культурного слоя горизонта «В» за пределами постройки-мастерской — в квадратах Г-34 и во всей северной половине раскопа — по линии квадратов 35–37 найдены: бисера 5 экз. (57, 58, 66, 97, 171), стеклянных и янтарных бус разных цветов 4 экз. (47, 51, 56, 188), стеклянных пронизок 1 экз. (79), наконечник ромбической стрелы (139), ладейная заклепка (71), железный крюк (182), обломок точильного камня (138), обломок тигля (183), 152 обломка лепных и 17 фрагментов кружальной посуды (рис.

20). Выделяются далее костяной составной односторонний гребень (рис. 22) (33) и бронзовое височное кольцо древнего славянского облика со спиралевидным завитком (252) (рис. 21). Отметим также, что при зачистке в 1998 г. квадратов В-35 и Д-34 найдены несомненно относящиеся к горизонту «В» буса из закрученной латунной проволоки и пластина из латуни со следами рубящего инструмента на одном из ее торцов (рис. 13). Все упомянутые находки обнаружены в разрозненном виде, с какими-либо комплексами или скоплениями они не сопоставлялись.

Дендроанализ 15 спилов, взятых из построек горизонта «В», произведенный в Лаборатории дендрохронологии ИА РАН Н.Б. Черных, показал, что бревна производственного комплекса, если подходить усредненно, были спилены около 900 г., вряд ли позже самого начала первого десятилетия X в. (приложение 1). Эта дата соответствует по данным шведских

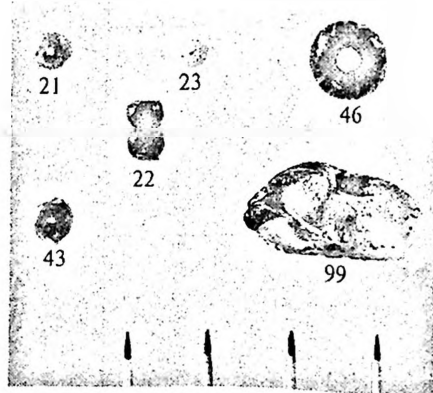

Рис. 8

Раскоп 2. Горизонт «Б». Находки из стекла: бисер (21, 23, 43), пронызка (22), кусок янтаря (99)

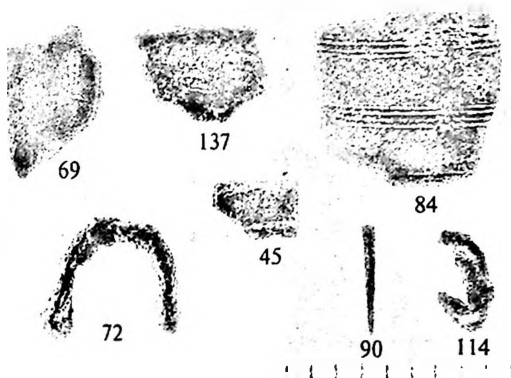

Рис. 9

Раскоп 2. Горизонт «Б». Обломки лепной (137) и кружальной (69, 84) посуды, обломок тигля (45), железные предметы (72, 90, 114)

109

110

Рис. 10

Раскоп 2. Горизонт «Б». Грузила из глины (109 — горизонт «Б», 110 — горизонт «В»)

археологов самому позднему периоду бытования всех двух новонайденных фибул. Еще один спил, относящийся к горизонту «А», датирован 922 г. Таким образом, верхняя дата изученных в 1997 г. горизонтов не выходит за пределы первой четверти X в.

Все обнаруженные в раскопе 2 обломки керамики подсчитаны и типологизированы (рис. 23). Приведем эти данные соответственно трем изученным строительным горизонтам (табл. 1).

Всего в раскопе 2 обнаружено обломков кружальных сосудов 67, лепных 276.

Что касается определимых фрагментов венчиков горшков, то они распределяются в соответствии с классификацией, разработанной экспедицией и неоднократно помещавшейся в отчетах о раскопках в Старой Ладогe за 1984 и последующие годы. Ниже приводится описание типов найденных венчиков и суммарный подсчет этих находок по трем строительным горизонтам (табл. 1).

К образцам с мысообразным в профиле краем венчика (тип I) относится 5 экз., к сосудам с косым срезом края горловины

Таблица 1

Фрагменты глиняных сосудов, найденных в раскопе 2. Типологически-статистическое распределение по горизонтам.

Типы венчиков	I	III	IV	VI	VII	VIII	IX	XI	Обломки стенок		Обломки днищ	
									лепные	гончарные	лепные	гончарные
Горизонт А	1	—	—	1	2	—	1	4	10	27	—	1
Горизонт Б	—	—	—	—	—	—	1	5	5	7	—	1
Горизонт В	4	1	1	—	—	1	4	39	208	4	5	10

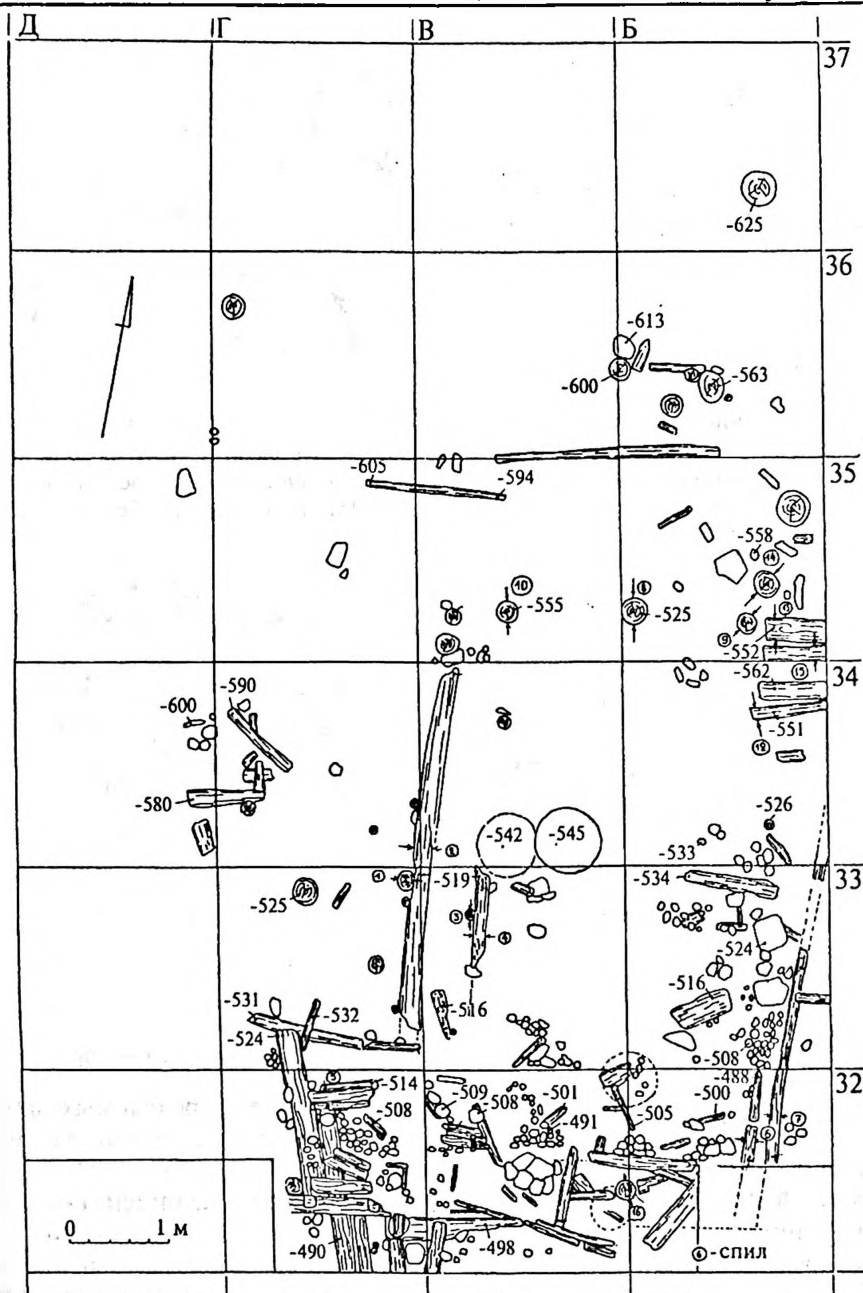

Рис. 11
Раскоп 2. Горизонт «В». План

(тип III) — 1 экз., к горшкам с плавным, полулунным в профиле венчиком (тип IV) — 1 экз., к формам с плавно отогнутым горлом и внутренним валиком (тип VI) — 1 экз., к горшкам с плавно изогнутым венчиком и прямым горизонтальным срезом края (тип VII) — 2 экз., к образцам с внутренним наклонным срезом края венчика (тип VIII) — 1 экз., к сосудам с вертикально вытянутой горловиной и с горизонтальным срезом края горловины (тип IX) — 6 экз., наконец, к лепным сосудам (тип XI, типы I–IX характеризуют кружальные формы) —

48 экз. Горизонты «А»–«В» примечательны в отношении определения времени появления гончарной посуды. В этом отношении характерно соотношение встреченных фрагментов разной техники выделки. В составе горизонта «В» на 24 гончарных приходится 252 лепных обломка (эта пропорция примерно действительна и для находок из мастерской и для керамического материала всего культурного горизонта «В»). Для горизонта «Б» образцы разной техники выделки находятся примерно в равной доле. В составе горизонта «А» 33 гончарным

Рис. 12

Раскоп 2. Горизонт «В». Дно корзины и берестяной туес (165) в полу мастерской

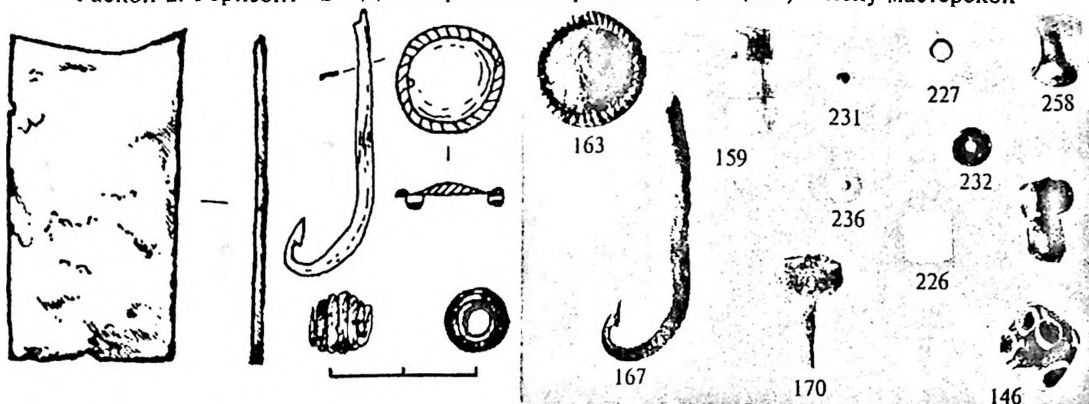

Рис. 13

Раскоп 2. Горизонт «В». Находки из мастерской: пластина из латуни (159), бляха из оловянисто-цинковой бронзы (163), бронзовый рыболовный крючок (167), бусина из латунной проволоки (43), гвоздь от ларца? (170), стеклянные: пронизки (159, 242), бисер (231, 232, 236), бусы (146, 226 — из горного хрусталя, 258)

обломкам соответствуют 14 лепных. Если горизонт «А» датируется 920-ми годами, то можно констатировать для этого периода явное преобладание произведений новой для тогдашнего времени техники выделки посуды. Таким образом, выработка кружальной посуды фиксируется около 900 г., если не раньше. Двумя десятилетиями позже новая техника изготовления посуды начинает преобладать. Это наблюдение позволяет удревнить принятую в науке дату (930-е годы) появления в Ладоге

гончарных изделий не меньше, чем на несколько десятилетий⁷.

В заключение отмечу, что Староладожская археологическая экспедиция участвует в научной деятельности музея-заповедника и высказала свои рекомендации в связи с предстоящим в 2003 г. празднованием 1250-летия Старой Ладоги.

В 1998 г. состоялось завершающее продолжение археологических изысканий в раскопе 2 на «Земляном городище», но это тема отдельной работы.

***

Находки, обнаруженные в слое «В», обращают внимание своей редкостью и необычностью. Они заслуживают особого комментария.

Овальновыпуклая фибула из латуни, сохранилась фрагментарно (длиной 5,8 см).

Пatina не отмечается. Несколько больше трети изделия отсутствуют. Со стороны недостающей части виден отлом древнего происхождения (131, рис. 16). Первоначальные подлинные размеры можно установить: длина 9-9,5 см, ширина около 5 см,

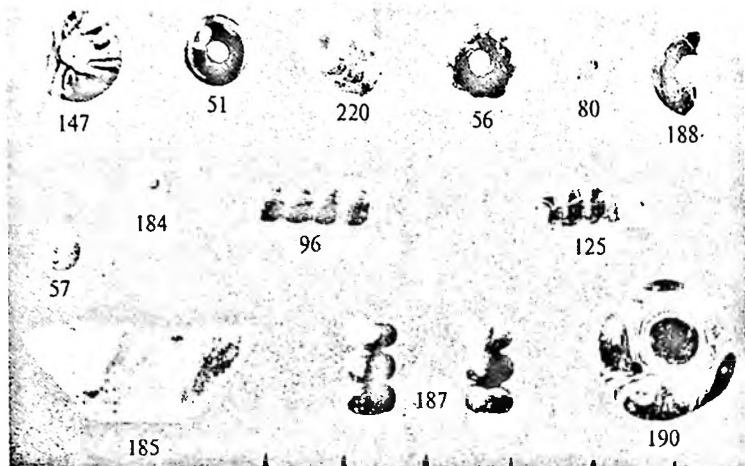

Рис. 14

Раскоп 2. Горизонт «В». Находки из мастерской и вне ее (56–57). Стекланные: бусы (47, 51 — янтарная, 56, 190, 220), пронизки (96, 125, 187), бисер (57, 80, 184), кусок янтаря (185)

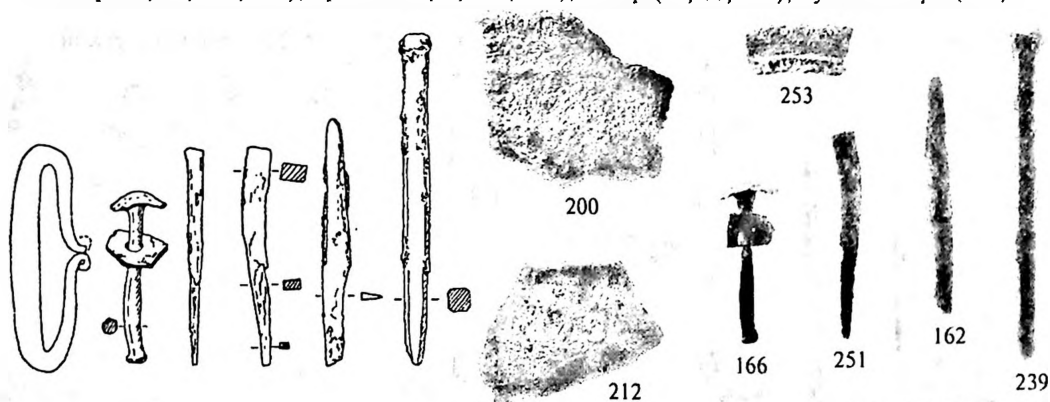

Рис. 15

Раскоп 2. Горизонт «В». Находки из мастерской. Обломки лепной (200, 212) и кружалной (253) посуды, ладейная заклепка (166), штырь (251), нож (162), чекан (239), кресало

высота 2,3 см. С внутренней стороны сохранилось не сдвоенное, а одиночное ушко иглодержателя, что, по мнению И. Янссона, характерно для фибул вендельской эпохи⁸. Внешний вид находки не оставляет сомнений в том, что перед нами неудавшаяся отливка, производившаяся в разъемной глиняной форме. Металл по толщине распределен неравномерно, местами очень тонок, имеет изначальные отверстия и раковины. Корпус фибулы деформирован, а сам металл местами имеет губчатую структуру. Налицо явный производственный брак. Естественно поэтому, что изделие оказалось негодным к употреблению, его оставили, очевидно, как материал для будущих отливок.

Лицевую сторону вещи украшает местами нечетко сохранившийся рельефный орнамент. Поверхность узора поделена крестообразно расположенными полосами с «жемчужными» выпуклостями на

четыре зоны. В центре сходящихся полос — круг, а на их оконечностях попарно — полукруги и волюты, разделенные своеобразными трилистниками. Четыре упомянутых выше зоны (полностью сохранились две) занимают композиции разного рисунка в виде извивающихся фантастических чудовищ. Видны морды и лапы. Туловища представлены перевитыми лентами, но прослеживаются с трудом, так как осложнены дополнительными плетениями, не связанными с фигурой зверя.

Среди 4000 овальновыпуклых фибул, найденных в Скандинавии, и примерно 200, обнаруженных на территории древней Руси — старолadoжская по ее орнаменту уникальна. Она имеет неполное сходство с единственными в своем роде двумя фибулами, оказавшимися в одном из погребений Бирки (тип «Bj 655»)⁹. Эти изделия также имеют четырехконечные разделители с кругом, волютами и полукругами, но

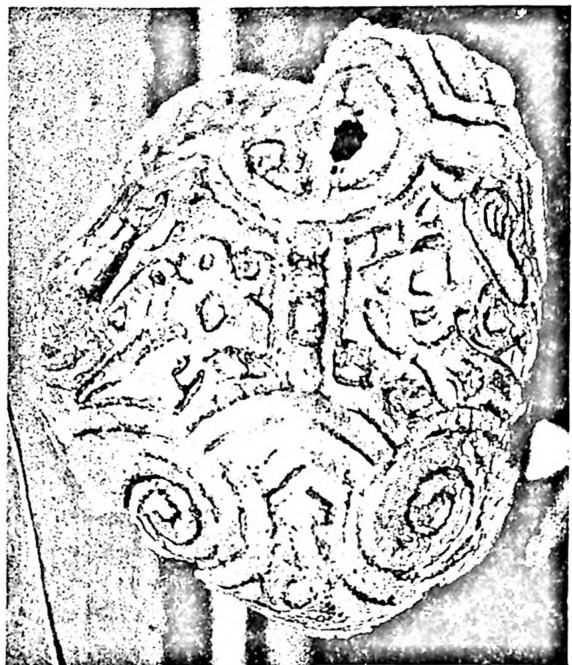
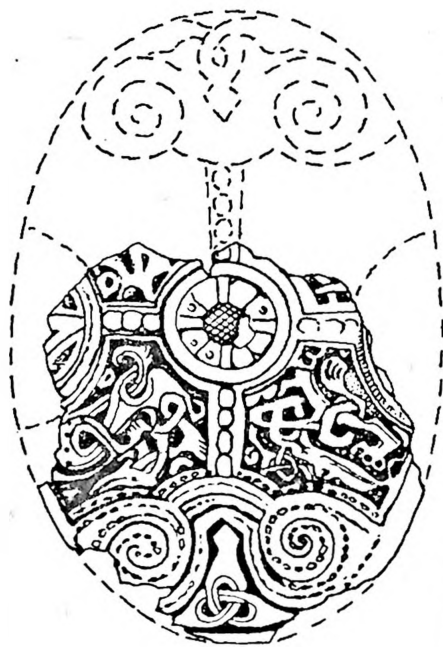

Рис. 16

Раскоп 2. Горизонт «В». Находки из мастерской.
Фибула типа «Вj 655» (131) (справа) и ее орнаментация (слева)

их разграниченные композиции со звериными мотивами отличаются от старолдожских (рис. 24)¹⁰. По мнению И. Янссона, упомянутое погребение относится к переходному периоду — к концу вендельского периода и ранней эпохе викингов, точнее к середине и второй половине VIII в.¹¹

Экземпляры из Бирки, также как и из Старой Ладogi, украшены в двух различных стилях: геометрическим с крестообразными рамочными разделителями и участками со звериным орнаментом. По мнению Х. Арбмана и поддержавшего его И. Янссона, геометрические мотивы фибул восходят к кельтизированному англосаксонскому искусству, а звериные сюжеты — к позднемеровингскому, франкскому¹². Столь разностильные эксперименты, как полагают, были связаны с влиянием на континент художественного творчества мастеров Британских островов и Ирландии, стимулированным растущей миссионерской деятельностью на континенте христианских проповедников. В этом отношении характерно появление в отделке фибул и других изделий четырехконечных разделителей орнаментального поля, в которых усматривают изображение креста. Что касается звериного орнамента, то в сложении его вариантов участвовали мастера ряда европейских стран, не исключая и Скандинавии. По-видимому,

определяющей была здесь художественная деятельность континентальных ювелиров. Медиевисты настойчиво пытаются решить этот сложный вопрос, анализируя произведения ювелирного мастерства VIII—IX вв., обнаруженные в Германии, Дании, Англии, Швеции (включая Готланд), Норвегии, Австрии¹³.

Рассматриваемая старолдожская фибула входит в ряд неординарных ювелирных произведений раннесредневековой Европы. Она свидетельствует о попытке местного производства вещи по, очевидно, привозному высококачественному образцу. Будучи созданием орнаментального творчества, эта вещь отражает формирование искусства раннего периода викингов, в котором нашли воплощение контрастные художественные комбинации островных и континентальных регионов Европы.

Предмет из латуни дугообразный с одним расширенным концом, другим — обрубленным еще в древности (164, рис. 18). Ширина между дужками 4,3 см. Патина отсутствует. Средняя часть предмета в виде фигурного щитка, на ней с одной стороны пять параллельных вмятин длиной 2,5 см — вероятно, след действия затупленным инструментом по разогретому металлу. На оконечности одной из дужек узор «в елочку».

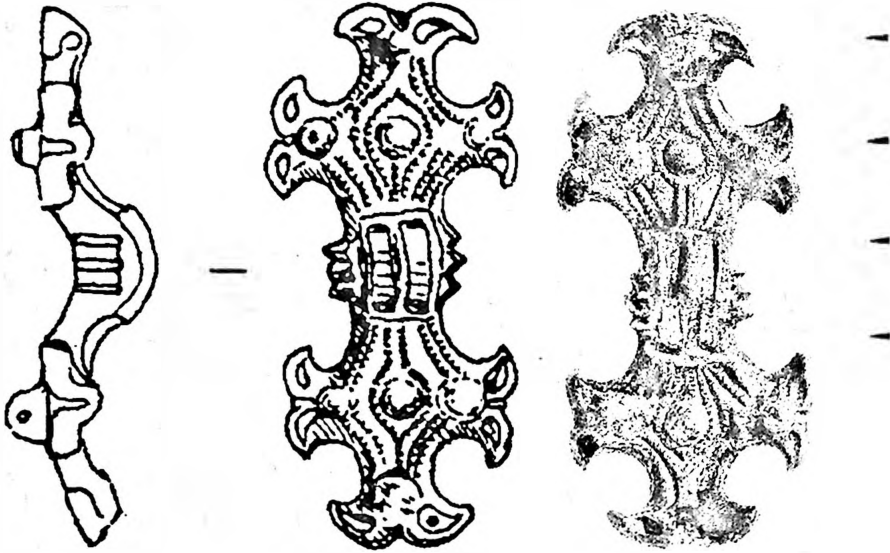

Рис. 17

Раскоп 2. Горизонт «В». Находки из мастерской. Фибула типа «Вальста» (154)

Судя по всему, предмет находился в процессе незавершенной вторичной обработки. Первоначально он являлся браслетом с расширенными концами. В дальнейшем его среднюю часть расплющили ковкой в виде фигурного щитка. При этом что-то не получилось, и работа была заброшена. Из браслета, по нашему мнению, возможно, пытались сделать деталь кольцевой фибулы (с длинной иглой). Такого рода фибулы снабжались пластинчатым расширением с фигурным обрамлением края. Они известны по находкам времени викингов в Швеции, Норвегии и Финляндии¹⁴. Что касается первоначального назначения вещи, то, как упоминалось, речь идет о браслете с расширенными концами, образцы которых нередки среди древностей начиная с V–VII вв. в Восточной Европе, включая юго-восточную Прибалтику, а также на о. Готланд¹⁵. Более близкие аналогии представленной вещи имеются в древностях Смоленщины VIII–IX вв.¹⁶

Для конца IX в. (дата слоя «В») браслет описанного типа архаичен, что, возможно, следует увязать с попыткой использовать устаревшую вещь для новой работы. Мастера постигла неудача, и он отложил поделку как лом для будущей отливки.

Равноплечная фибула из латуни типа «Вальста» (154, рис. 17). Длина 5,5 см, ширина 2,5 см, высота 1,1 см. Полностью сохранилась, не имеет патины. Плечи фибулы ромбовидны, по бокам увенчаны двурогими ответвлениями. Контуры

ромбов подчеркнуты рифлеными полосками. На внешних углах ромбов и в их центре выпуклости, одна из них отдаленно напоминает человеческую маску. Центральная часть вещи имеет отделку в виде филенки с продольным ребром. В целом, декор фибулы четкий, подчеркнута геометричность. На оборотной стороне имеется приемник для иглы и иглодержатель, состоящий из одиночного ушка с отверстием, что, по наблюдению И. Янссона, характерно для фибул вендельского времени. Вещь кажется не бывшей в употреблении, каких-либо следов изношенности не имеет.

Фибул типа «Вальста» обнаружено: в Швеции — 6, Норвегии — 1, Финляндии — 1, Эстонии — 1. В России их 2: одна найдена в районе истока реки Волхов¹⁷, вторая, описываемая, — в Старой Ладоге. Суммарно эти изделия датируются второй половиной VIII — второй половиной IX в.¹⁸ В соответствии с оговоренной выше датировкой слоя «В», рассматриваемая староладожская фибула приведенной выше международной хронологии не противоречит.

Экземпляр из Старой Ладоги по своим украшениям относится к популярному варианту с выраженным геометрическим орнаментом. Звериные мотивы здесь отсутствуют. Звериные или человеческие маски трансформировались в обычные выпуклости. Именно такая разновидность ближе всего соответствует параллелям, обнаруженным на пространстве

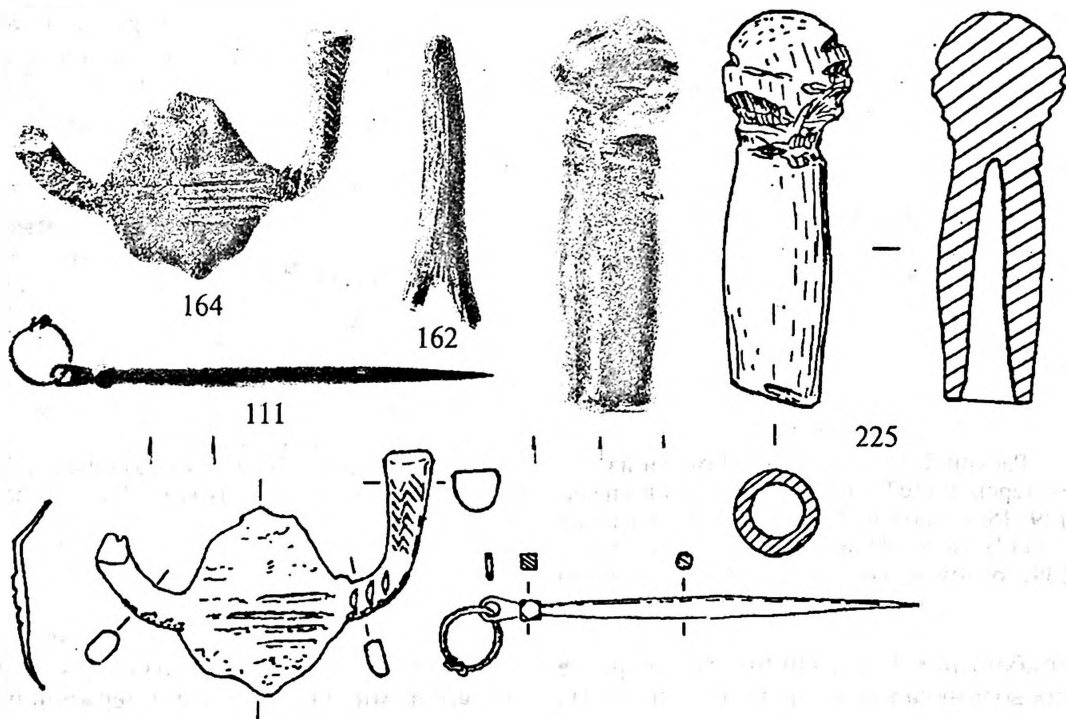

Рис. 18

Раскоп 2. Горизонт «В». Находки из мастерской. Поделка дугообразной формы с фигурным шитком (164), бронзовая булавка (111); деревянная рукоять ножа (162); костяное навершие (225)

между устьем реки Рейн на севере и рекой Сена на юге. Показательно, что в этом районе встречены формы VI–VII вв. — прямые предшественники образцов типа «Вальста». Они представляют собой трехчастные застежки с простым геометрическим орнаментом¹⁹. По справедливому мнению исследователей первой древнерусской находки типа «Вальста», эти прототипы «иллюстрируют сильные культурные влияния, которые достигли Скандинавии на раннем этапе периода викингов со стороны Франкской империи через торговые пункты в устье Рейна»²⁰.

Установленным центром производства (правда, не единственным) фибул типа «Вальста» признаны Бирка и Хедебю, где найдены и формы и сами отливки этих вещей. Это обстоятельство указывает «датский или шведский путь» проникновения данных женских украшений на Русь. Что касается старолadoжской фибулы, то с учетом ее «нового» облика и местонахождения среди других литых изделий производственного комплекса, думаем, что она произведена в Ладого, может быть, по скандинавской модели высококвалифицированным мастером.

Относительно трех описанных выше находок А.Н. Егорьевым в лаборатории

ИИМК РАН был проведен количественный спектральный анализ, показавший, что они отлиты из латуни (табл. 2).

В составе проанализированного металла показательно содержание цинка. Считается, что если его примесь достигает 25–30%, то в производстве использовался металл, не подвергавшийся многократным переплавкам²¹. Иными словами, вещь создавалась из нового сырья. К такому разряду можно отнести фибулу типа «Вj 655». При неоднократных плавках примесь цинка улетучивалась. Содержание цинка в изделиях, равное, как установила Н.Е. Ениосова, от 1 до 15%, означало, что для их плавки брали вышедшие из употребления вещи или разбавляли металл чистой медью, свинцом, бронзой или латунией²². Именно на территории Руси выявлены образцы литья с низким и средним содержанием цинка. К такого рода произведениям можно отнести подделку из браслета и фибулу типа «Вальста». В целом, анализ старолadoжских украшений показал, что они отливались из металла разного происхождения, и, вероятно, это происходило не одновременно. Что касается источника происхождения латуней, то в Ладого и на северо-запад Руси они, скорее всего, попадали из стран региона

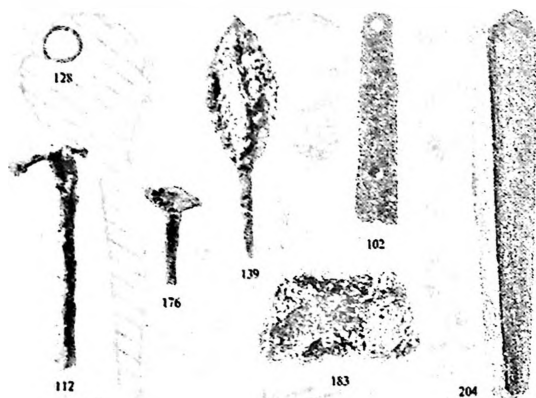

Рис. 19

Раскоп 2. Горизонт «В». Находки из мастерской (102, 112, 128, 176, 204) и вне ее (139, 183). Бронзовое кольцо (128), заклепка (112), гвоздь (176), наконечник стрелы (139), обломок накладки (102), обломок тигля (183), оселок (204)

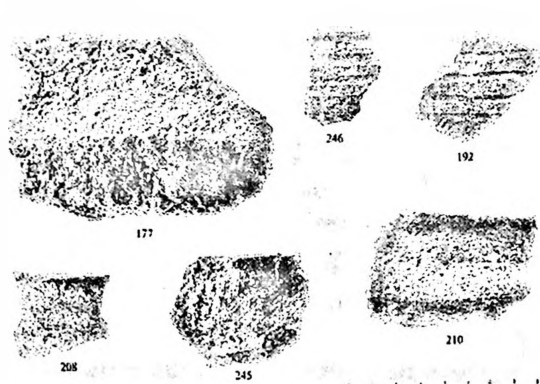

Рис. 20

Раскоп 2. Горизонт «В». Обломки лепных (177, 208, 210, 245) и кружальных (192, 246) сосудов

Прибалтики, где традиция их употребления возникла уже в первые века н.э.²³ Настойчивое стремление ювелиров производить украшения из латуни объяснялось цветовым воздействием металла, имитирующего золото. Подобные имитации используют в бижутерии и в наши дни, сплав меди и цинка характерного желтого цвета получил наименование томпак. Продолжим здесь рассмотрение примечательных изделий изучаемого комплекса.

Булавка в виде стержня из латуни с фигурным ушком длиной 7 см и латунным же проволочным с завязанными концами колечком диаметром 1 см. Верх булавки при переходе от стержня к ушку

имеет утолщение в виде куба с срезанными уголками (111, рис. 18). Стержень патинизирован, колечко патины не имеет, что, скорее всего, свидетельствует о разнородности состава металла этих деталей. Судя по некоторой стертости краев ушка, изделие было в употреблении.

Булавки подобного рода распространенная принадлежность женского костюма эпохи викингов. По информации И. Янссона, такие вещи обычно по одной обнаруживают в женских погребениях материковой Швеции. Они встречены при костях в скоплениях вместе с ножами, ножницами и другими бытовыми принадлежностями. Конкретное назначение

Таблица 2

Результаты количественного спектрального анализа (в %) (Лаборатория археологической технологии ИИМК РАН. Шифр: 669-11, 12)

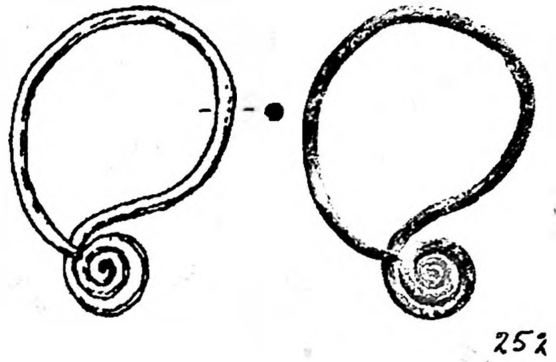
Предмет	Фибула типа Bj 655	Поделка из браслета	Фибула типа "Вальста"
Номер	131	164	154
Cu	основа	основа	основа
Sn	0.6	2.6	0.07
Pb	3.1	2.3	1.3
Zn	26	7.8	14
Bi	—	—	—
Sb	0.02	0.05	—
As	0.4	0.3	—
Ag	0.05	0.09	0.2
Ni	0.01	0.04	0.06
Co	0.01	0.02	0.2
Fe	0.01	0.09	1.4
Mn	—	—	—

булавок удалось понять при рассмотрении состава вещей женских могил на о. Готланд. В этих захоронениях булавки обычно попарно фиксируются при костях чуть ниже плечей²⁴. Там же находились и бусы. Очевидно, булавки прикреплялись к платью со стороны груди и служили держателями низки бус²⁵. В случаях одиночного нахождения булавки в погребениях, она, по правдоподобию предположению, служила для пристегивания плечевой части накидки (рис. 25)²⁶. При этом острие стержня, скреплявшее полотнища накидки, обвязывали шнурком, соединенным с его колечком²⁷.

Булавка из Старой Ладogi среди многих скандинавских аналогов является одной из лучших по своему изяществу и тонкости работы.

Круглая литая бляха, возможно, из оловянно-цинковой бронзы, диаметром 1,6 см. Край оторочен рельефным валиком (43, рис. 13). Лицевая поверхность имеет серебристый отлив. Два боковых сквозных отверстия на диске похоже не изначальны. На обороте по краям бляхи два ушка, между которыми канавка для пропуска нити или тонкой проволоки. Эта канавка фиксировала бляху при ее прикреплении в относительно неподвижном виде. Рассматриваемое украшение, вероятно, крепилось к мягкой основе как составная часть металлического убора костюма. Аналогии вещи оказались среди древностей VI—VII вв. в Среднем Поднепровье²⁸.

Буса из крученой в шесть витков гладкой латунной проволоки бочковидной формы, диаметром 0,8 см (43, рис. 13). Является репликой биконических несколько более крупных бус из рубчатой серебряной или бронзовой проволоки, известных по раннесредневековым материалам материковой Швеции, Готланда, Аландских островов, а также Старой Ладogi (курган 7 в урочище Плакун), Гнездова и Тимерево²⁹. В случаях, когда комплексы с проволочными рубчатыми бусами поддаются датировке, они относятся к IX в.³⁰ Аналогии, совершенно тождественные староладожской бусе вплоть до числа витков, оказались в Норвегии. Я. Петерссеном опубликовано изделие (застежка?) с 11-ю подвешенными к нему небольшими бусами из гладкой проволоки³¹. Эти бусы происходили из

252

Рис. 21
Раскоп 2. Горизонт «В».
Бронзовое височное кольцо (252)

погребения в окрестностях Тромсо, по сопутствующим находкам, сопоставленным с «восточным культурным ареалом». В Норвегии известны также образцы такого типа, но более крупные, датированные второй половиной IX в. Число скандинавских, особенно норвежских параллелей староладожской находке по мере дальнейших поисков наверняка возрастет.

Пластина со следами нагара из латуни размером: длина 4,7 см, ширина 2,3 см, толщина 0,2 см (159, рис. 13). Предназначалась для поделок в качестве материала как ценное латунное сырье. На торцах пластины имеются следы отлома. Кроме того, на ее плоской стороне с двух сторон нанесены две врубki — явные следы разметки для дальнейшей разрубki металла.

Как упоминалось выше, в процессе исследования рассматриваемого комплекса с вещами скандинавского характера в осыпи южной стенки раскопа было обнаружено кресало (рис. 15). Его отношение к этому комплексу поэтому условно. С такой оговоркой небесполезно обсудить данную находку. Кресало овальных очертаний относится к типу калачевидных без внутреннего выступа. В поперечнике равно 7,8 см. Подобные, но с внутренним выступом, датируются по русским материалам X — началом XII вв.³² Многочисленные примеры ранних образцов этого типа представлены в материалах Ярославских и Гнездовских могильников³³. Распространены они весьма широко, сходные по форме бытуют уже в эпоху великого переселения народов³⁴. Если говорить о калачевидных

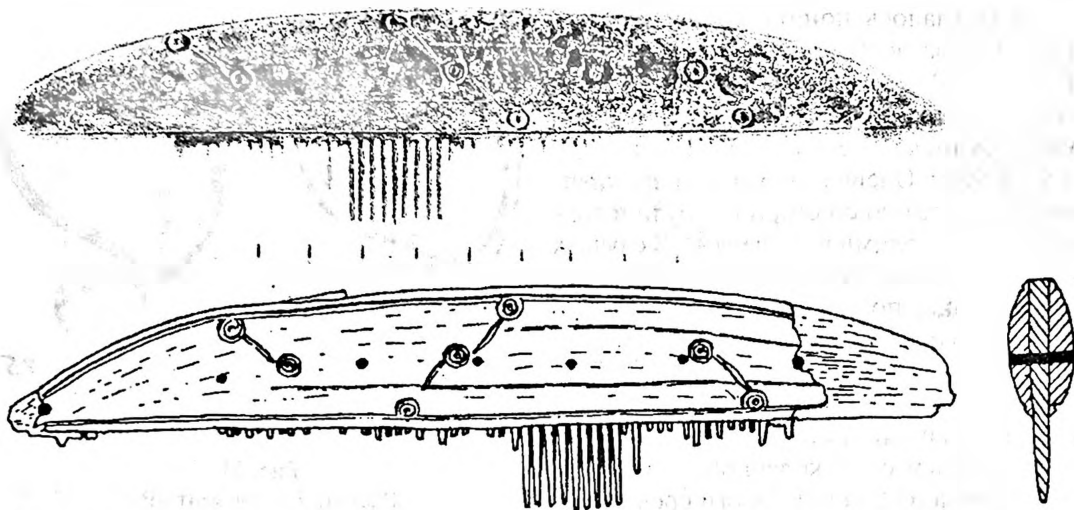

Рис. 22
Раскоп 2. Горизонт «В». Костяной гребень (33)

кресалах без внутреннего выступа, то есть соответствующих рассматриваемому староладожскому экземпляру, то таковые, как удалось установить, зафиксированы в составе утвари эпохи викингов в Норвегии³⁵. Следует заметить, что кресала без внутреннего выступа, выделенные в новгородских материалах, датируются концом XI—XII в., но имеют треугольные очертания, поэтому от более ранних образцов их следует отличать. Таким образом, хронологически рассматриваемое изделие не противоречит комплексу всех рассматриваемых находок.

Как упоминалось выше, при расчистке производственного комплекса найдены **стеклянные бусы, бисер, пронизки**. Среди них оказалось 15 (около 26%) обломанных, оплавленных во время производства, а в одном случае недоделанная пронизка светлого стекла. Следует сказать о составе и особенностях этой коллекции³⁶. В целом, весь комплекс обнаруженных бус можно сопоставить с материалами верхней части горизонта Е₁ Староладожского «Земляного городища» (860—920-е гг.). Об этом говорит как характерный типологический состав бусинного материала, так и количественное соотношение различных типов бус. Наиболее ранними в данной коллекции можно признать глазчатые бусины, характерные для горизонтов Е₃—Е₂, в виде единичных находок встречающиеся в горизонте Е₁, однако только

в слоях, связанных с верхней частью этого горизонта. Наиболее позднюю датировку имеет цилиндрическая бусина голубого прозрачного стекла. Такие бусины характерны для культурных слоев горизонта Д «Земляного городища».

Итак, нами рассмотрена серия изделий, включающих как бракованные, так и готовые украшения женского костюма, происходящие из постройки конца IX — начала X вв. В ней не оказалось литейных форм, а из инструментов уцелел только **чекан**. Руины сгоревшего дома, как упоминалось, разбирались. Сохранившиеся вещи далеко не полная, можно сказать случайная часть обстановки деревянного сооружения. С учетом того, что житель постройки хранил ценное латунное сырье и неудавшиеся в производстве изделия, обладал готовой, по-видимому, еще не употреблявшейся вещью, имел неординарные предметы женского туалета, располагал целой коллекцией разнообразных бус, из которых почти 26% были бракованными, этот человек мог заниматься изготовлением женских украшений из стекла, латуни, может быть, янтаря. Для Ладоги существование жилищ-мастерских ювелиров-универсалов, создававших предметы из разнородных материалов, являлось стойкой местной традицией. Наличие в этом городе столь разветвленной ювелирной «индустрии» свидетельствует о постоянном спросе на

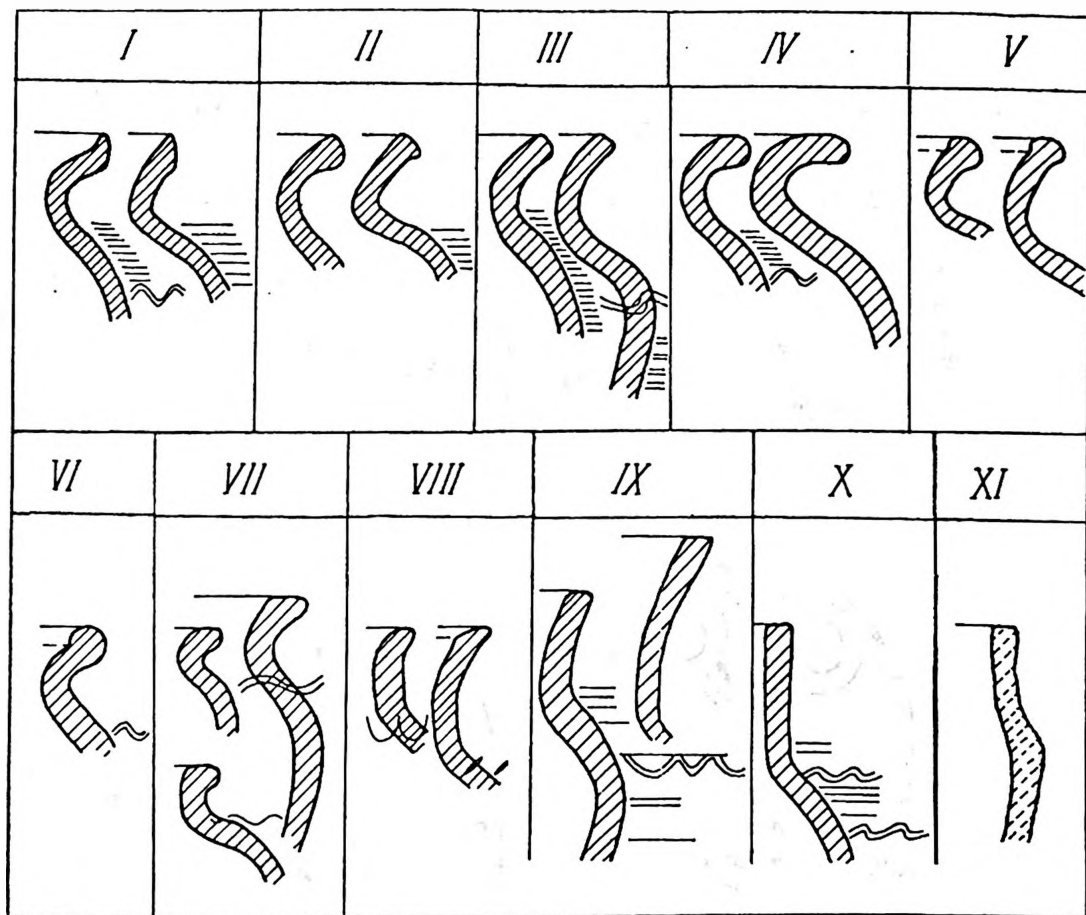

Рис. 23

Раскоп 2. Венчики сосудов. Типологическая схема

высококачественные ювелирные изделия городского ремесла. Готовые вещи, думается, предназначались не только элите общества и городскому населению, но и поступали на внешний рынок, включая северо-западные земли и более далекие районы. Выработка, обмен и продажа продукции, вероятно, приносили ладожским ремесленникам немалую прибыль, при этом не имело большого значения, в каком стиле были выработаны вещи, лишь бы по своей отделке они соответствовали качеству и престижу международно признанных образцов. Скандинавские вещи с динамичной звериной и геометрической орнаментацией этой моде как нельзя лучше соответствовали.

Обращает внимание определенный архаизм изделий, оказавшихся в описанной постройке конца IX в., по своим формам восходящих к значительно более раннему времени. Вряд ли речь идет о вещах, переживших свою эпоху и использовавшихся много позже своего «рождения». Здесь, по-видимому, следует учесть запаздывание

влияния скандинавского ремесла на восточно-европейское, первое, будучи воспринято на Руси, не сразу там повсеместно укоренялось. Могла иметь место некоторая задержка в распространении предметов норманского севера и днепровского юга, а также относительно длительное сохранение иноземной моды. Скандинавские ремесленники, переселившиеся в русские места, что было естественно, консервировали навыки собственного ремесла и ассортимент привычных украшений, а также оружия и конского снаряжения, усвоенные ими на далекой родине. В объяснении этого феномена допустима и неполная изученность относительно времени бытования некоторых изделий, в действительности существовавших более длительное время, чем признается до сих пор в археологической науке.

Открытый в Старой Ладоге производственный комплекс характеризуется набором ярких, высококачественных вещей скандинавского характера. Это также подтверждают датские, шведские и норвежские аналогии.

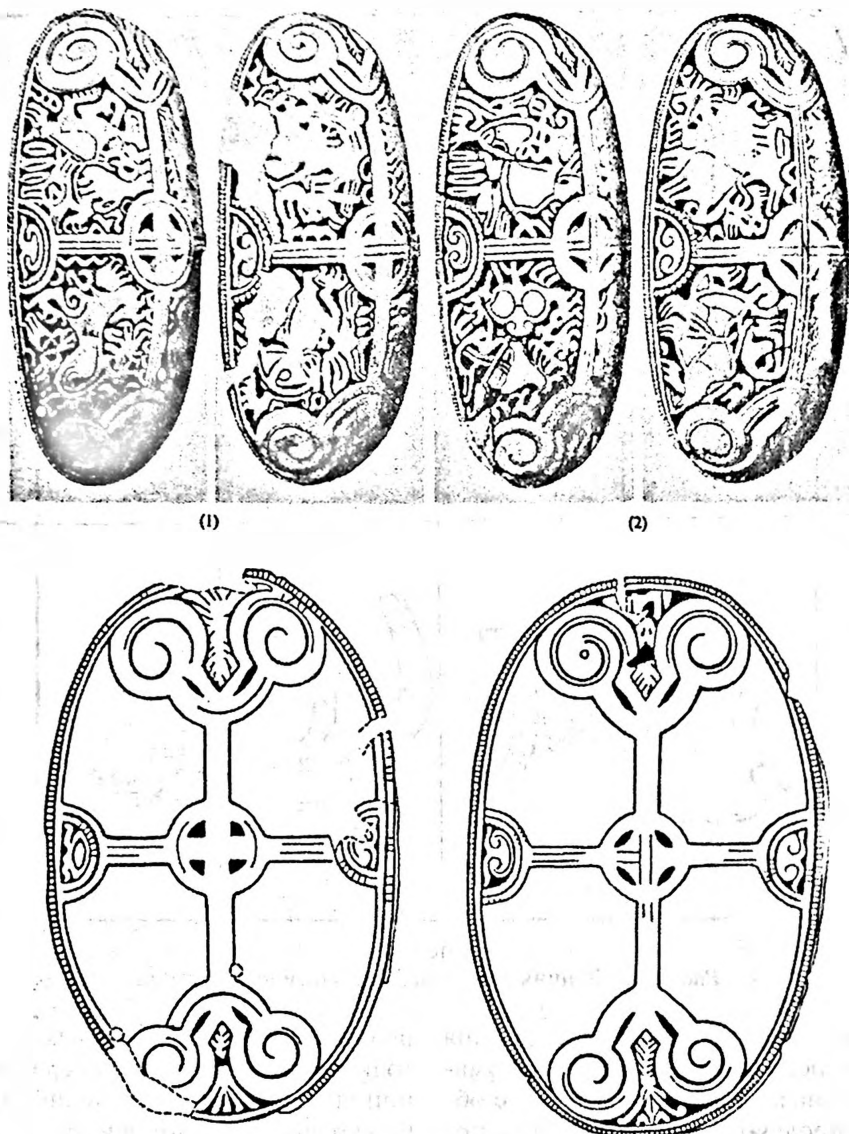

Рис. 24
Фибулы из мог. Бирка, погребение 655 (по И. Янссону)

Данное обстоятельство, несомненно, связано с посещением города в низовьях Волхова скандинавами и особенно приходом сюда основателя новой династии конунга Рюрика с дружиной и деятельностью его продолжателя Олега Вещего. Вместе с купцами-воинами на Русь попадали и ювелиры, продолжавшие творить по образцам своей страны и принешие на освоенные места свои художественные навыки. Северные пришельцы, как установлено, селились в Ладоге для постоянного проживания с семьями. Усилия поколений этих людей, оказавшихся в восприимчивой славянской и финской среде, попали на благоприятную почву. Эпоха раннего средневековья и первые века существования Ладоги, основанной не

позже середины VIII в. (может быть, в 40-е годы этого столетия), характеризуется лавинообразным развитием ремесла, торговли, транспорта, общественных и государственных институтов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в тот период на Руси стали создаваться произведения, по своему декоративному стилю и качеству не уступавшие тем, которые изготавливались в самой Скандинавии и шире — странах региона Балтийского моря.

В Старой Ладоге во время археологических раскопок разных лет в слоях VIII–X вв. находили формочку, отдельные редкие разрозненные отливки, свидетельствующие о не всегда удачном литье по скандинавским образцам³⁷. Но только находки 1997 г. по компактности их

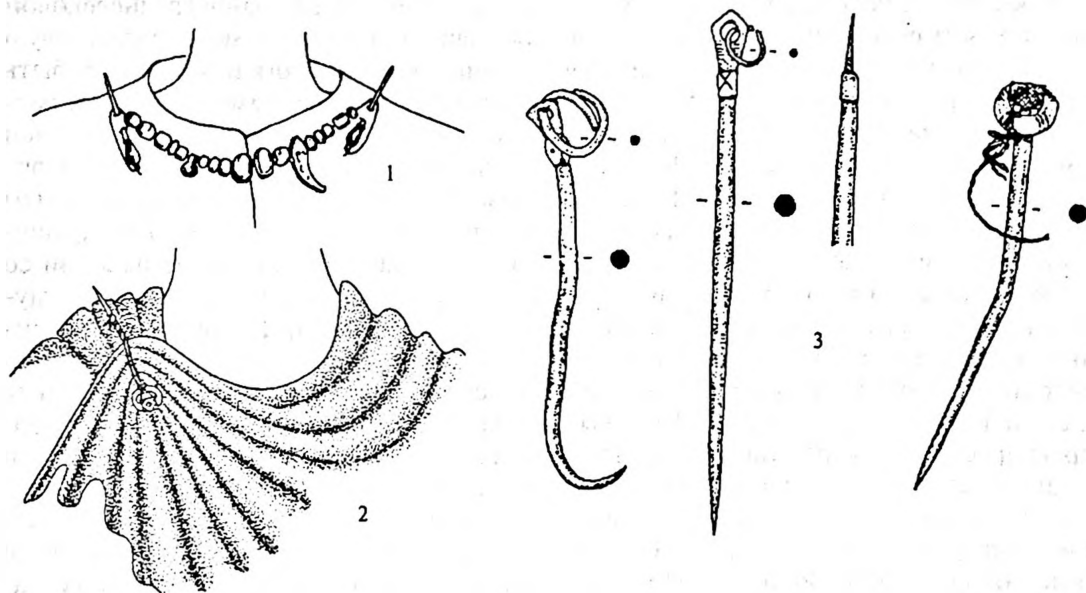

Рис. 25

1 — булавки-держатели бус; 2-3 — реконструкция способа заколки одежды и булавки для этого.
1 — по Л. Тунмарк-Нюлен, 2-3 — по Т. Феннингу

концентрации, производственному характеру и художественному облику открывают новые возможности для характеристики ремесла эпохи викингов и деятельности высококвалифицированного мастера (или мастеров), несомненно, скандинава, работавшего вне пределов своей страны.

В заключение коснемся примечательных находок, обнаруженных в слое «В» вне стен производственного комплекса, но имеющих оценочное значение. К ним относится роговой, односторонний, составной с двумя дугообразными накладками гребень (33, рис. 22). Накладки с помощью бронзовых штифтов скрепляют 8 пластин, образующих зубья. Часть зубьев отсутствует. Повреждена одна из боковых оконечностей вещи. Длина гребня с учетом обломанного конца 19 см, высота накладок 2,5 см, их общая толщина 0,8 см, зубья выступают на 1,6 см.

На боковых накладках имеется орнамент, состоящий из двух разновеликих обводных рамок, соответствующих контуру этих накладок, а также циркульных кружков с центральным углублением. Кружки размещены не регулярно и соединены косыми, небрежно выполненными линиями — явно нанесенными на готовую, уже смонтированную и украшенную вещь.

Гребни такой формы относят к фризско-скандинавским³⁸. Рассматриваемый

образец относится к 1-ой группе (точнее, тип 16) по классификации О.И. Давидан, а по разработке К. Амброзиани к типу А2³⁹. Однако, старолadoжский экземпляр по особенностям своей орнаментации, заключающейся в свободном расположении кружков, не вполне тождествен названным выше классификациям. Возможно, речь идет о местной работе по привозной модели.

Гребни обозначенной формы датируются по скандинавским примерам ранней эпохой викингов (в Бирке относятся к древнейшим принадлежностям такого рода), а по древнерусским — к IX в. Эта последняя дата приемлема и для обсуждаемого старолadoжского образца. Подчеркнем при этом, что такие детали отделки гребня, как его общие очертания и элементы геометрического узора, отражают более раннюю международную ремесленную традицию

Височное проволочное кольцо из латуни с выступающим наружу спиральным завитком. Диаметр 2,5 см (252, рис. 21). Это третье кольцо данной формы, найденное в Старой Ладогe. Одно обнаружено в раскопках «Земляного городища» в слое Ез (750–830 гг.), другое — при изучении каменной крепости, в слое 880–940 гг.⁴⁰. Подобные кольца являются (что еще недостаточно оценено) этноопределяющим индикатором славян и по своему

распространению в какой-то мере могут маркировать если не путь, то направление проникновения этого этноса в низовья Волхова. Древнейшие кольца рассматриваемого типа, найденные в Побужье, Смоленском Поднепровье и на Псковщине относятся к VI–VIII и VIII–IX вв. На ладожский север этого рода украшения проникли вместе со славянами, переселившимися сюда в VII–VIII вв. из зоны между Балканами и Днепром⁴¹. В IX–X вв. эти кольца встречены в сопках и на поселениях (кроме Старой Ладоги) в Любше⁴² и Новых Дубровиках⁴³, в Полужье, древнерусских погребениях Гнездова, Суздальского ополья, Киева. В последующее время они как надплеменное украшение обнаруживаются в ряде районов Руси и проникают в Юго-Восточное Приладожье и Прикамье⁴⁴. Карта распространения и хронология не позволяет считать их славяно-балтскими или восходящими к литовским образцам. Представители балтских и финно-угорских племен Восточной Европы в период раннего средневековья височных колец не носили. Они встречаются только в контактных зонах как славянские заимствования⁴⁵. Использование колец рассматриваемой формы

в женском уборе раннесредневековой Восточной Европы имело устойчивую традицию и типологически могло быть связано с излюбленными славянами разновидностями браслетообразных колец и с праславянскими большими проволочными кольцами с завитком, обращенным внутрь⁴⁶. Можно ли связать это украшение в его начальном распространении со словенскими новгородскими, покажут будущие исследования. Не будет рискованным утверждать, что эти кольца были присущи славянкам, которые находились среди первых насельников Нижнего Поволховья, пришедших сюда в VIII в. Эти украшения примечательны в том отношении, что позволяют наконец удостоверить славянский компонент в полиэтничной по происхождению культуре раннесредневекового поселения в низовьях р. Волхов и указывают на присутствие южных групп славян среди населения новосозданного города⁴⁷.

Рассматриваемое височное кольцо обнаружено в смежном квадрате с производственным комплексом, что лишний раз свидетельствует о непосредственном соседстве культур титульного и пришлого населения Ладоги — славян и скандинавов.

***

Приложение 1

Старая Ладога. Дендрохронология спилов из раскопок 1997 г.⁴⁸ Раскоп 2.

№	Квадрат	Сооружение/Деталь	Возраст	Дата
1	Г-33	Укрепляющий столб постройки (галереи?)	82 года	875?
2	В-34	1-ый венец постройки (галереи?)		не датирован.
3	В-33	Укрепляющий столб 1-го венца постройки	30 лет	904?
4	В-33	1-ый венец постройки	18 лет	не датирован.
5	Г-32	Фрагмент венца	39 лет	902?
6	Б-32	Фрагмент венца	19 лет	не датирован.
7	Б-32	1-ый венец постройки	19 лет	не датирован.
8	Б-35	Столб	36 лет	902?
9	Б-35	Столб	32 года	899?
10	В-35	Столб	16 лет	не датирован.
11	Г-32	Подкладное бревно настила	65 лет	922
12	Б-34	Подкладное бревно настила	до 30 лет	не датирован.
13	Б-35	Подкладное бревно настила	до 30 лет	не датирован.
14	Б-35	Столб	35 лет	902?
15	Б-35	Подкладное бревно настила	49 лет	907?
16	В-32	Столб	45 лет	910?

- 1 Кирпичников А.Н., Назаренко В.А. Деревянные сооружения Старой Ладogi по раскопкам 1984–1991 гг. // Древности Поволховья. СПб., 1997. С. 63–82.
- 2 В составе экспедиции участвовали сотрудники ИИМК РАН Кирпичников А.Н. (начальник экспедиции), Богуславский О.И. (заместитель начальника экспедиции), студенты-практиканты и преподаватели Ленинградского государственного областного университета во главе с деканом Исторического факультета Казенновым А.С., студенты Исторического факультета Санкт-Петербургского университета, а также студенты Исторического факультета Колледжа высшего образования из г. Висби (о. Готланд, Швеция). Раскопки велись на средства Федеральной целевой Программы «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997–2000 годы» (проект № К-0388) и при финансовой поддержке Правительства Ленинградской области, Промстройбанка и Санкт-Петербургского отделения Российского фонда мира. Экспедиция с благодарностью приняла материальную помощь студентам, которую в частном порядке оказала депутат Государственной Думы Г.В. Старовойтова.
- 3 Глубина замерялась от общего репера, установленного Староладожской археологической экспедицией под руководством В.И. Равдоникаса.
- 4 Здесь и далее мы сохранили номера вещей, под которыми они значатся в полевой описи находок. Эта опись не публикуется, но доступна исследователям, так как приложена к «Отчету о раскопках Староладожской археологической экспедиции в июле 1997 г. в поселке Старая Ладога Волховского района Ленинградской области», находящемуся в архиве Института археологии РАН в Москве. Все найденные вещи переданы в Староладожский музей-заповедник.
- 5 В полу жилища под завалом камней печи и плах в квадратах В-32 и Б-В-32–33 выявлены еще два вкопанные в землю вместилища от корзин.
- 6 Во время раскопок в осыпи южной стенки раскопа 2 в зоне постройки с литыми предметами обнаружено кресало, о котором скажем ниже.
- 7 Это наблюдение подтвердилось и конкретизировалось во время раскопок на данном участке «Земляного городища» в 1998 г. Были изучены два последовательно залегающие напластования «А» и «Б». Ниже залегал материк. В напластовании «А» удалось взять 8 спилов, из которых шесть по данным дендрохронологического анализа, осуществленного Н.Б. Черных в Лаборатории естественно-научных методов в археологии в Институте археологии РАН, были датированы 800–832 гг., правда, в большинстве под вопросом, так как не сохранили своих внешних колец. Подлинную дату «А» можно поэтому осторожно соотнести с 40–50-ми гг. IX в. В напластованиях «Б» деревянных остатков не встречено. В напластовании «А» встречено 37 кружальных и 110 лепных обломков глиняной посуды. Эти же подсчеты для «Б» обнаружены 11 кружальных и 61 лепных. Таким образом, первые кружальные образцы посуды появились в Ладoge в рамках второй половины IX в. (или чуть раньше).
- 8 Иглодержатель имеет отверстие. Полагают, что подобные отверстия просверливались после отливки фибулы. Сам иглодержатель согнут. В таком положении прикреплennую к нему железную спицу использовать было невозможно. Следовательно, фибулу нельзя было прикрепить к ткани, ее не носили. Возможно, неудавшуюся вещь как-то пытались приспособить для ношения, но оставили это намерение. Пользуясь случаем, выражаем благодарность Р.С. Минаяну и Е.А. Шаблавиной за консультации относительно отливки изучаемой вещи.
- 9 Arbman H. Birka. Die Gräber. Text. Uppsala, 1943. S. 229–230. Taf. 58, 3–6.
- 10 Jansson I. Ovale spännbucklor. Uppsala, 1985. P. 19–22. Fig. 5a, b, c.
- 11 Благодарим И. Янссона, высказавшего свое мнение о публикуемых староладожских находках.
- 12 Arbman H. Schweden und das Karolingische Reich. Stockholm, 1937. S. 124. Taf. 39, 5–6; Jansson I. Ovale spännbucklor... P. 20.
- 13 Haseloff G. Angelsächsische Elemente in der spätsächsischen Kleinkunst // Sachsen und Angelsachsen. Hamburg, 1978. S. 525–541; Karlson L. Nordisk Form om djuvornamentik // The Museum of National Antiquities, Stockholm. Studies 3. Stockholm, 1983. P. 149–151, cp.: P. 104–105. Fig. 52–55, 150; Wamers E. Zwischen Salzburg und Oseberg. Zu Ursprung und Ikonographie des nordischen Greiftierstils // Völker an Nord- und Ostsee und die Franken. Bonn, 1999. S. 197–218.
- 14 Arbman H. Birka. Die Gräber. Tafeln. Stockholm, 1940. Taf. 42; Petersen J. Vikingertidens Smykker. Stavanger, 1928. Fig. 222; Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki. Taf. 81, 724.
- 15 Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. Рис. 38; Bluijjenè A. Vikinges epochos Kuršių paruoiaų ornamentika. Vilnius, 1999. 4 lentelė, I a, 5; 94 pav, 10–12; Thunmark–Nylen L. Die Wikingerzeit Gotlands. II. Stockholm 1998. Taf. 8 a–b.
- 16 Штыхау Г.В. Крывічы. Мінск. 1992. С. 54. Рис. 35:7, 24; Енуков В.В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М., 1990. С. 203. Рис. 15:6, 7. Близкие аналогии, вплоть до тождественной орнаментации «в елочку», любезно подсказаны О.А. Щеловой.
- 17 Амброзиани Б., Гайдуков П.Г., Носов Е.Н., Янсон И. Первая находка скандинавской равноплечной фибулы типа Вальста на Руси // Археологические вести 3. СПб., 1994. С. 111–112; Ambrosiani B., Erikson Bo.G. Birka vikinga staden. Vol. 5. Stockholm, 1996. S. 28.

- 18 Амброзиани Б. и др. Первая находка... С. 113–114. Несколько иные данные приводит Й. Кальмер. По его подсчетам известно минимум 16 фибул этого типа, причем на территории России — 2 шт. По его мнению, датировка этих изделий около 800 г. и первая половина IX в., редко позже. Callmer J. Vikingatidens likarmade spännen // Fynden i centrum. Uppåkrasrudier 2. Uppåkra, 1999. S. 204.
- 19 Hougen E.K. Bostigningsområdets Keramik. Kaupangfunnene. Bd. III B // Norske Oldfunn XIV. Oslo, 1993. P. 50. Pl. 25, 1–3.
- 20 Амброзиани Б. и др. Первая находка... С. 116.
- 21 Енисосова Н.В. Ювелирное производство Гнездово (по материалам курганов и поселения). Автореф. дисс... канд. истор. наук: 07.00.06. М., 1999. С. 7.
- 22 Там же. С. 7.
- 23 Там же. С. 8.
- 24 Thunmark-Nylen L. Die Wikingerzeit Gotlands. Vol. I. Stockholm, 1995. Abb. 1 и след.
- 25 Thunmark-Nylen L. Dräkt och dräktsmycken på Gotland under vikingatiden // Gutar och vikingar. Stockholm, 1983. S. 165.
- 26 Fanning Th. Viking Age Ringed Pins from Dublin. Dublin, 1994. P. 110. Fig. 92; Tab. XIII. Реконструкция использования булавки впервые помещена в работе того же автора, опубликованной в 1988 г. Этой работой я не располагал.
- 27 Предположение, что некоторые булавки могли использоваться как шилья, кажется маловероятным.
- 28 Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древности антов» в Среднем Поднепровье // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 5. Симферополь, 1996. Табл. 46, 9; 54, 31.
- 29 Кирпичников А.Н. Новооткрытая Ладожская каменная крепость IX–X вв. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1979. Л., 1980. С. 450; Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973. S. 74, Taf. 53, 500, 501; Vikingetidens ABC. Stockholm, 1981. P. 157; Thunmark-Nylen L. Die Wikingerzeit Gotlands... Abb. 49a, 6a.
- 30 Корзухина Г.Ф. Курган в урочище Плакун близ Ладоги // КСИИМК. Вып. 125. М., 1971. С. 62–63.
- 31 Petersen J. Vikingetidens smykker... P. 167–168. Fig. 200, ср.: Fig. 202.
- 32 Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Советская археология. Вып. 2. М., 1958. Рис. 4 на С. 98.
- 33 Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963. Рис. 18, 6 и таблицы по курганному составу вещей в приложении; Гнездовский могильник. Часть I. // Труды ГИМ. Вып. XXXVI. М., 1999. Рис. 16 и след.
- 34 Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973. S. 129, Taf. 71, 641; Taf. 112, 1008.
- 35 Petersen J. Vikingetidens Redkaper. Oslo, 1951. P. 433, Fig. 229, 231.
- 36 Благодарю Я.В. Френкеля, высказавшего замечания о найденных бусах.
- 37 Давидан О.И. Бронзолитейное дело в Ладоге // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Вып. 21. Л., 1980. Таб. 1, 5; 2, 9; 3, 5. Интересно, что в напластованиях 890–990 гг. найдено семь слитков латуни, явно производственного назначения (см. там же, таб. 2, 1–4, 6–7, 10).
- 38 Давидан О.И. Материальная культура первых поселенцев древней Ладоги // Петербургский археологический вестник. Вып. 9. СПб., 1995. С. 161.
- 39 Давидан О.И. К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенок Старой Ладоги // Археологический сборник государственного Эрмитажа. Вып. 10. Л., 1968. С. 56. Рис. 1, 15 и 17; Ambrosiani K. Kämme // Birka. Untersuchungen und Studien. II: 1. Stockholm, 1984. S. 164, 169, Abb. 18:4.
- 40 Кирпичников А.Н. Новооткрытая Ладожская каменная крепость IX–X вв. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, 1979. Л., 1980. Рис. 21 на С. 448.
- 41 Мачинский Д.А., Мачинская А.Д. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII–XI вв. // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 49–51. Рис. 1, 1.
- 42 О двух височных кольцах рассматриваемого типа из раскопок Е.А. Рябинина в Любше см. статью Рябинин Е.А., Дубашинский А.В. Любшанское городище в Нижнем Поволжье (предварительное сообщение) в настоящем сборнике.
- 43 В сопке уд. Новые Дубовики обломок аналогичного кольца найден в одном из захоронений, датированном третьей четвертью IX в. (Кузьмин С.Л. Сопка уд. Новые Дубовики // Древний Псков. Исследования средневекового города. СПб., 1994. С. 62. Рис. 1:1, также любезное сообщение Е.Р. Михайловой).
- 44 Кирпичников А.Н. Несколько замечаний о славянских височных кольцах со спиральным завитком // Памятники культуры... Ежегодник 1979. С. 452–453.
- 45 Седов В.В. Из этнической истории населения средней полосы Русской равнины во второй половине I тыс. н.э. // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1963. Псков, 1994. С. 62–64.
- 46 Седов В.В. Браслетообразные височные кольца восточных славян // Новое в археологии. М., 1972. С. 139 и след.; Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 260.
- 47 Кирпичников А.Н. Несколько замечаний... С. 453; Мачинский Д.А., Мачинская А.Д. Северная Русь... С. 51.
- 48 Анализ произведен в Лаборатории Института Археологии РАН Черных Н.Б. 1–10 и 12–16 относятся к горизонту “В”, 11 — к горизонту “А”.

НЕКОТОРЫЕ СФРАГИСТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ 1985–1988 гг. С РЮРИКОВА ГОРОДИЩА¹

В 1985–1988 гг. Новгородской областной экспедицией ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) на центральной, самой возвышенной части Рюрикова городища под Новгородом были исследованы остатки трех углубленных в материк построек древнерусского времени. Сооружения имели довольно крупные размеры. От первой остался котлован 7,2×7,4 м. Его основание было впущено в материк на 1,1 м. Две другие постройки, представляющие в древности единый комплекс, располагались рядом к востоку и юго-востоку от нее. Зафиксированные размеры обоих этих объектов составляли приблизительно 7,4×7,6 м. Основная их часть была врезана в материк на 0,1–0,45 м, но некоторые части сооружений были углублены на 0,6–0,8 м от уровня древней дневной поверхности.

В заполнении этих крупных комплексов были найдены тысячи обломков средневековой керамики, большое число вещевых находок. Среди них отмечено и несколько сфрагистических. Интересной находкой, найденной при исследовании первой постройки, является заготовка вислой свинцовой печати диаметром 17–19 мм. По определению В.Л. Янина, заготовка может быть отнесена к периоду не раньше 30-х годов XII в., но не позднее 20-х годов XIII в.

Во втором сооружении была встречена костяная печать для оттисков по воско-мастичной массе (рис. 1). Она имеет форму многоярусной шахматной фигуры сложного профиля, выточенной на токарном станке. Высота печати составляет 2,3 см. Диаметр основания 1,4 см. В нижней части фигуры просверлен сквозной горизонтальный канал. С ним соединен другой вертикальный канал, опущенный с вершины фигурки. Каналы, очевидно,

предназначались для шнура, необходимого для ношения печати. Верхний шар фигуры украшен врезным орнаментом. На круглой плоскости основания — схематичное изображение птицы с поднятой лапкой, как бы идущей по кругу. Одно крыло птицы поднято вверх. Клюв направлен вперед. Хвост изображен тремя штрихами — длинными перьями.

В средневековых материалах костяные прикладные печати встречаются нечасто. В.Д. Белецкий выделил среди них две хронологические группы, различающиеся между собой, прежде всего, по форме. В раннюю группу, датируемую XIII–XIV вв., он объединил печати, напоминающие шахматные пешки². Близкие по форме прикладные костяные печати встречены в Новгороде в слоях XIII–XIV вв.³, в Серенске, где она относится ко времени до монгольского нашествия⁴, на городище Дуна⁵. Печать этого типа найдена в Старой Рязани в постройке усадьбы второй половины XII в. — 1237 г., которую исследователи считают принадлежащей «выходцам из боярской среды, представителям княжеской администрации»⁶. Еще одна находка сделана при исследовании жилой постройки конца XIII — начала XIV в. Твери⁷. Два экземпляра костяных печатей обнаружено в Болгаре. Одна из них датирована второй половиной XIV — первой четвертью XV в.⁸

Изображения птиц встречены на ряде костяных средневековых печатей из Серенска⁹, Новгорода (в слое рубежа XV–XVI вв.)¹⁰, Болгара¹¹. Печати с Рюрикова городища по манере изображения ближе всего изделия Болгара.

На древнерусских свинцовых печатях изображения птиц появляются в середине XV в. Среди них есть довольно близкие по деталям обсуждаемому городищенскому

Рис. 1

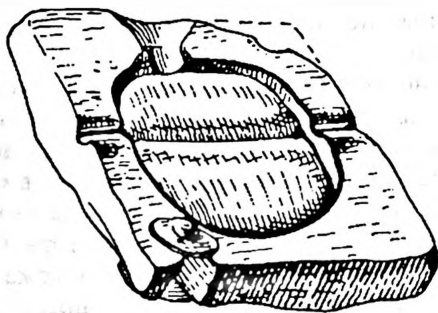

Рис. 2

экземпляру¹². Определенную близость можно найти и между фигурой на печати и изображениями птиц на русских монетах конца XIV—XVI в.¹³

При разборке культурного слоя над третьим комплексом была обнаружена уникальная находка — половинка литейной формочки из песчаника для отливки вислых свинцовых печатей (рис. 2). В древности она треснула, и ее угол был скреплен бронзовой заклепкой¹⁴. Эта формочка является дополнительным важнейшим материальным свидетельством

функционирования на резиденции новгородских князей государственного института по удостоверению официальных документов.

Все эти находки свидетельствуют об особом социальном статусе владельцев раскопанных построек. Они, по-видимому, принадлежали в древности лицам, которые занимали какие-то высокие административные должности в Новгородской земле и имели право скреплять государственные документы своими печатями.

Большие размеры строений, расположение их вблизи княжеской церкви Благовещения — в 21 м к югу от храма, позволяют думать, что они входили в комплекс построек княжеского двора, находившегося здесь в древнерусское время. Об этом же говорит и богатый материал из их заполнения. Дорогие импортные товары (стеклянная и керамическая посуда, амфоры, украшения) были доступны лишь верхам древнерусского общества. В Новгороде они были встречены только на боярских усадьбах.

По совокупности находок и керамическому материалу, время существования первой большой постройки может быть отнесено к XII — первой половине XIII вв. Существенным хронологическим индикатором для ее датировки, кроме заготовки печати, является наличие большого количества обломков амфор в заполнении. Фрагменты амфорной тары появились в Новгороде в отложениях конца X в. Ввоз этой импортной посуды достигает максимума в XII в., а в слоях, сформировавшихся после монгольского нашествия, ее обломки практически отсутствуют¹⁵.

Комплекс из двух других сооружений был построен не раньше XIII в., когда первый дом погиб в огне. Судя по найденным в нем материалам, постройки функционировали до XV в. Три радиоуглеродные датировки по остаткам двух бревен и углю на дне комплекса относят начальный этап существования этих сооружений ко второй половине XIII в. Результаты еще 6 датировок позволяют считать, что эти постройки прекратили существование «в интервале около середины — третьей четверти XV в.»¹⁶ Такое длительное существование сооружения, возможно, объясняется тем, что этот крупный комплекс неоднократно подновлялся.

***

- 1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ по проекту № 01-01-16132.
- 2 Белецкий В.Д. Костяная печать из Пскова // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. XL. Л., 1975. С. 24.
- 3 Колчин Б.А., Рыбина Е.А. Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 211. Рис. 23; Полубояринова М.Д. Две костяные печати из Болгара // Краткие сообщения института археологии. Вып. 175. М., 1983. С. 95; Гайдуков П.Г. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М., 1992. С. 84. Рис. 42: 5.
- 4 Полубояринова М.Д. Костяная печать из Серенска // Краткие сообщения института археологии. Вып. 125. М., 1971. С. 95–97.
- 5 Гендуне Ю.Г. Городище Дуна. СПб., 1903. С. 20.
- 6 Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995. С. 168–170.
- 7 Лапшин В.А. Костяная печать-матрица из раскопок в Твери // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 1. СПб.–Псков, 1997. С. 400.
- 8 Полубояринова М.Д. Две костяные печати... С. 95, 96.
- 9 Полубояринова М.Д. Костяная печать из Серенска... Рис. 33.
- 10 Янин В.Л. Печати из новгородских раскопок 1955 г. // Материалы и исследования по археологии СССР. №65. М., 1959. С. 304. Рис. 1: 9.
- 11 Полубояринова М.Д. Две костяные печати... Рис. 2.
- 12 Янин В.Л. Акторы печати Древней Руси X–XV вв. Т. II. М., 1970. №№ 591, 727, 728.
- 13 Орешников А.В. Русские монеты до 1547 г. Вып. 1. М., 1896. Табл. IV:24, VI:232, XI:491; Гайдуков П.Г. Медные российские монеты конца XIV–XVI вв. М., 1993. С. 193, 203.
- 14 Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 129. Рис. 51: 3.
- 15 Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода: историко-археологические очерки. Великий Новгород, 2001. С. 69, 70. Рис. 3; 4.
- 16 Попов С.Г., Зайцева Г.И. Ранние этапы заселения новгородской округи и нижние ярусы Новгорода по данным радиоуглеродного анализа // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1994. С. 172, 180.

КРЕСТ С РАСПЯТИЕМ ИЗ ЛИЛЛА КЛИНТЕГАРДА (о. Готланд) И ЕГО ВИЗАНТИЙСКИЙ ПРОТОТИП

Серебряный нательный крест с двусторонним изображением распятого Христа был найден в 1841 г. в составе большого монетного клада в местечке Лилла Клинтегарда (о. Готланд) недалеко от Висбю (рис. 1: 1). Позднейшая из монет клада относится к правлению Вильгельма Завоевателя (1066–1087 гг.)¹. Впервые этот крест опубликовал Б. Салин в 1893 г. Спустя немногим более 50 лет М. Стенбергер включил его в Каталог готландских кладов эпохи викингов². Еще через 50 лет появилась статья Х. Фуглезанг, посвященная иконографическим особенностям этого креста³. В Российской археологической литературе крест из Лилла Клинтегарда фигурирует в статьях конца 80–90-х годов XX в., посвященных рассмотрению группы нагрудных крестов с так называемым грубым изображением Распятия⁴. Несмотря на разницу в позиции исследователей по вопросу о первичности появления этих крестов в том или ином регионе, несмотря на общее для них стремление рассматривать это явление глобально и выделять в первую очередь сходные черты, всеми авторами отмечается большое своеобразие скандинавской группы крестов с Распятием. Оно заключается, прежде всего, в наличии на большинстве из них двусторонних, зачастую одинаковых, изображений, а также в предпочтительном использовании для их изготовления серебра, а не медных сплавов, не говоря уже о применении техники зерни и скани при изготовлении отдельных экземпляров (1 из Бирки и 2 из Тронхейма). Основной тип Распятия, помещаемого на этих крестах — это изображение Христа в препоясании, с прямо поставленной головой, прямым торсом и прямо вытянутыми руками, тип *Christus vivus* (качество литья или сильная

потертость изображений, как правило, не позволяют уверенно утверждать, закрыты глаза или открыты). Второй тип Распятия (Христос со слегка склоненной к правому плечу головой, прямым торсом и прямыми руками, в препоясании с косо расходящимися фалдами) чаще встречается на меднолитых крестах. По сути своей только эти кресты с изображением Распятия 2-го типа типологически сопоставимы с серийными древнерусскими. Кресты с Распятием 1-го типа, к которым относится и экземпляр из Лилла Клинтегарда, заметно отличаются друг от друга стилистически, а порой и техникой изготовления, а потому требуют индивидуального анализа каждой модели.

Крест из Лилла Клинтегарда (51×45 мм), подвешенный на колечке с концами, завязанными типично скандинавским узлом, несет на себе двусторонние рельефные изображения распятого Христа в препоясании с прямо поставленной головой, прямым торсом и прямыми руками. На одной стороне Христос изображен с бородой и усами, над головой его четырехконечный крест, руки привязаны на запястьях, ступни ног разведены в стороны; нимб не прослеживается. На другой стороне та же фигура распятого, но лицо безусое, безбородое, с широко открытыми глазами, над головой нимб без обозначения в нем креста; ступни ног направлены вниз. Обе стороны креста окаймлены невысоким гладким бортиком и почти полностью лишены орнаментализации. Лишь по углам поперечной перекладины видны небольшие плоскорельефные шишечки. Такое сочетание в одном изделии двух типов изображения Христа, по мнению Х. Фуглезанг, является хорошо известной иконографической формулой, символизирующей Спасение человечества через

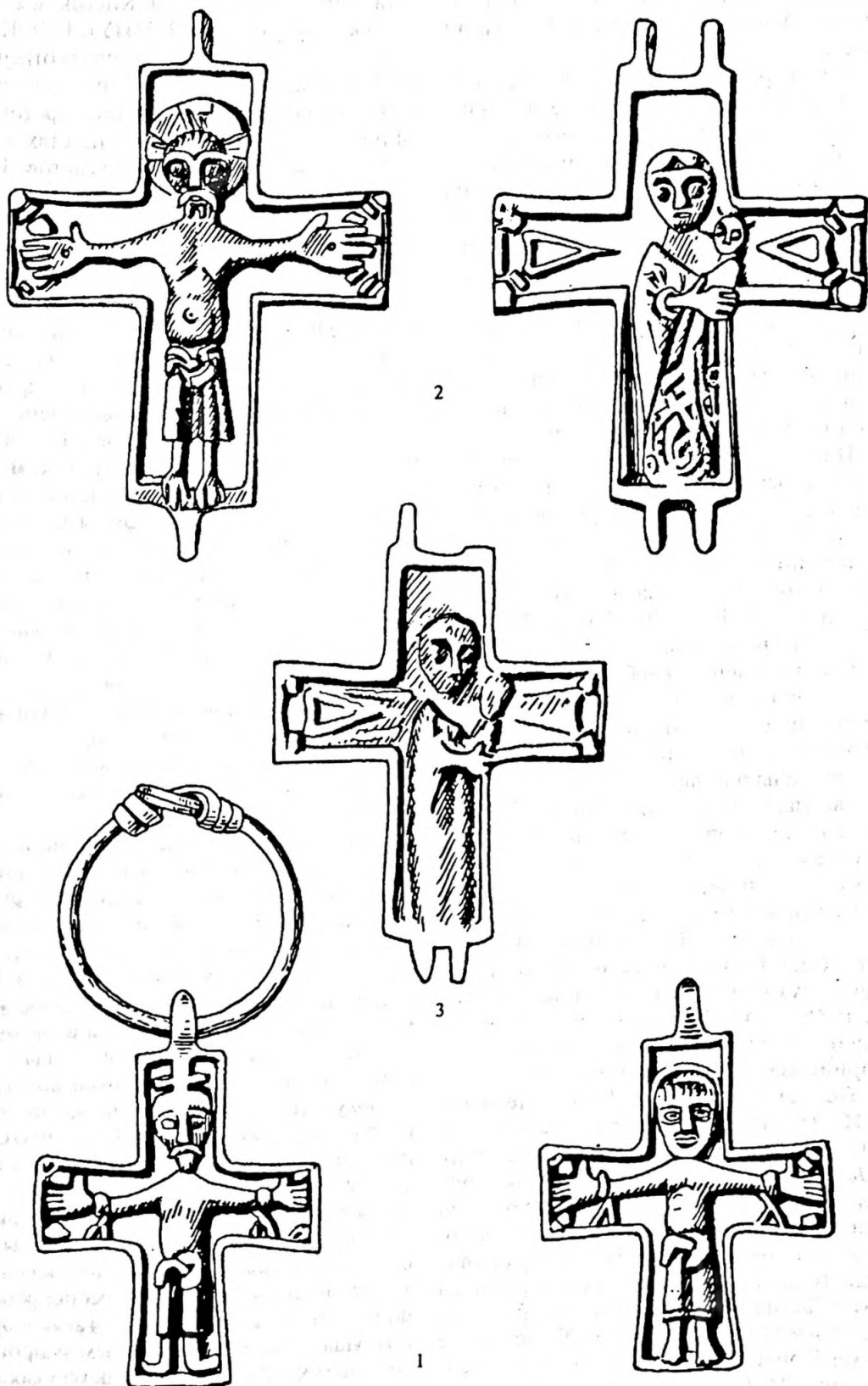

Рис. 1

1 — серебряный крест из Лилла Клинтегарда; 2 — меднолитой энколпион из «сирийской» коллекции Б.И. и В.Н. Ханенко (Киев, НМИУ); 3 — створка меднолитого креста из коллекции А.С. Уварова (ГИМ, ОМСМ) (рисунки по фото Г.А. Кузнецовой)

Крестную жертву Христа и Второе пришествие Христа Эммануила на Страшном Суде⁵.

При первой же публикации креста из Лилла Клинтегарда Б. Салин предположил, что такого рода кресты появились в результате подражания византийским энколпионам⁶. Исследователи новых поколений с ним соглашались или спорили. Сегодня появилось убедительное подтверждение несомненной правоты Б. Салина — обнаружился энколпион, который мог бы послужить образцом для мастера, отливавшего скандинавский крест. Правда, этот энколпион с первого взгляда не вписывается в наши представления ни о византийском культовом литье, ни о древнерусском.

Представлен он двумя экземплярами: одним целым и одной оборотной створкой (рис. 1: 2, 3). Оборотная створка была опубликована в Каталоге собрания А.С. Уварова⁷ и хранится ныне, как удалось установить, в Отделе металла и синтетических материалов ГИМа, № 75034, М 6120 (рис. 1: 3). Очень грубое, к тому же сильно стертое рельефное изображение в рост Богоматери с младенцем на левой руке, помещенное на этой створке, даже и не сразу опознаваемое, производит впечатление не столько архаичности, сколько примитивизма. Не случайно в архиве Г.Ф. Корзухиной эта створка, учтенная ею по Уваровскому каталогу, числится в разделе «Кресты поздние, разные»⁸.

Целый экземпляр такого же энколпиона происходит из собрания Б.И. и В.Н. Ханенко (рис. 1: 2), хранящегося в Национальном музее истории Украины в Киеве (№ В-4626/241, 244). Согласно музейной описи, он принадлежит к так называемой «сирийской коллекции Ханенко».

По свидетельству Н.И. Петрова, «Б.И. Ханенко приобрел две коллекции металлических (медных) крестов, одну в Дамаске в Сирии, а другую на острове Крите»⁹. Н.П. Кондаков упоминает лишь сирийскую коллекцию Б.И. Ханенко, приобретенную «от инженера, участвовавшего в постройке железнодорожного пути в Дамаск и скупившего эти кресты во время землекопных работ»¹⁰. В настоящее время Критская коллекция в составе собрания Б.И. и В.Н. Ханенко не выделяется. Сирийская же коллекция была сфотографирована В.В. Хвойко, бывшим тогда главным хранителем музея. С его

негативов, хранившихся в Киевском историческом музее (ныне НМИУ), Г.Ф. Корзухина в 1949 г., к счастью, сделала отпечатки¹¹. К счастью, так как ныне негативы В.В. Хвойко утрачены. На двух сфотографированных В.В. Хвойко планшетах было смонтировано только 28 предметов. Интересующего нас энколпиона на этих планшетах нет. Однако в музейной описи сирийской коллекции Б.И. и В.Н. Ханенко сейчас числится свыше 300 предметов, в том числе и рассматриваемый энколпион. Следовательно: либо на негативах В.В. Хвойко отражена не вся сирийская коллекция (или не все негативы сохранились к 1949 г.), либо в ней объединены обе коллекции Б.И. и В.Н. Ханенко (собственно сирийская и критская). Таким образом, вопрос о происхождении исследуемого креста остается открытым. Только целенаправленное изучение всей коллекции и ее истории может его прояснить.

В настоящее время лицевая и оборотная створки энколпиона записаны как отдельные створки под разными номерами, хотя вне всякого сомнения составляют одно целое¹², судя по форме, размерам (64×55 мм), по цвету темно-коричневому, почти черному, а также по технике исполнения (литье с последующей доработкой резцом) и стилю изображений.

На лицевой створке энколпиона помещено изображение распятого Христа в препоясании с прямо вытянутыми руками и преувеличенно большими кистями рук, прямо поставленной головой с крестчатым нимбом, с открытыми (?) глазами и длинными, бросающимися в глаза усами. Фигура Христа выполнена в высоком рельефе и возвышается на 3–4 мм над гладким рельефным бортиком, окаймляющим створку. На уровне бортиков, то есть в плоском рельефе выполнены и треугольные завершения концов креста с шишечками, выступающими в углах поперечной перекладины створки. Таким образом, фигура Христа помещена не на фоне обычно выделяемой прямоконечной перекладины Крестного древа, а на фоне креста необычной для этого случая формы. Такая форма присуща в основном вотивным и процессионным крестам (рис. 2), как бронзовым, так и серебряным, распространенным в византийском мире, по крайней мере с VI–VII веков¹³ и несущим в себе победную символику, что в общем согласуется

с представленным на энколпионе типом Христа торжествующего.

На оборотной створке энколпиона высоким рельефом выполнено изображение Богоматери с младенцем на левой руке. Плоским рельефом (на уровне бортиков) передано изображение такого же, как на лицевой створке, креста, точнее его боковых остроугольных концов. Изображение Богоматери с крупными чертами лица, без нимба передано фронтально. Младенца, не сидящего, а лежащего на левой руке, она придерживает правой рукой с преувеличенно крупной ладонью. Детализовка одежд выполнена резцом глубокими (но уже полустертыми) линиями, местами образующими плетенку, местами переходящую в завитки. На нижнем конце створки у правого бортика слабо проступают отдельные буквы монограммы Богоматери: $\Phi\psi$.

Обе створки неглубокие (2,0–2,5 мм), внутренние края нечеткие, оплывшие; внутри прослеживается слабый «негатив» — углубления, повторяющие наружный рельеф центральных фигур. Иконографический тип Распятия, когда Христос представлен торжествующим, в препоясании, восходит к эпохе раннего христианства. По наблюдениям А. Картсонис он был активно воспринят каролингским искусством Запада и совершенно отвергнут на Востоке¹⁴. В послеиконоборческое время этот тип Распятия встречается довольно редко. Однако, в Скандинавии он является доминирующим, если не единственным, до конца XI в.¹⁵ Поэтому, создание модели креста с двусторонним изображением Распятия, где с одной стороны Христос представлен в типе *Christus mortuus*, а с другой — *Christus vivus*, вполне отвечает скандинавским традициям. Однако не следует забывать, что это не самостоятельная модель, а только оригинальная переосмысленная реплика на изображении на энколпионе, предположительно провинциально-византийского происхождения. А для византийских энколпионов, как столичных, так и провинциальных, рассматриваемый тип Распятия совершенно чужд. Своеобразие данной конкретной модели энколпиона так велико, что и среди крестов с тем же типом Распятия трудно найти ему близкие аналогии. По грубой натуралистичности изображения Христа он мог бы быть сопоставим с

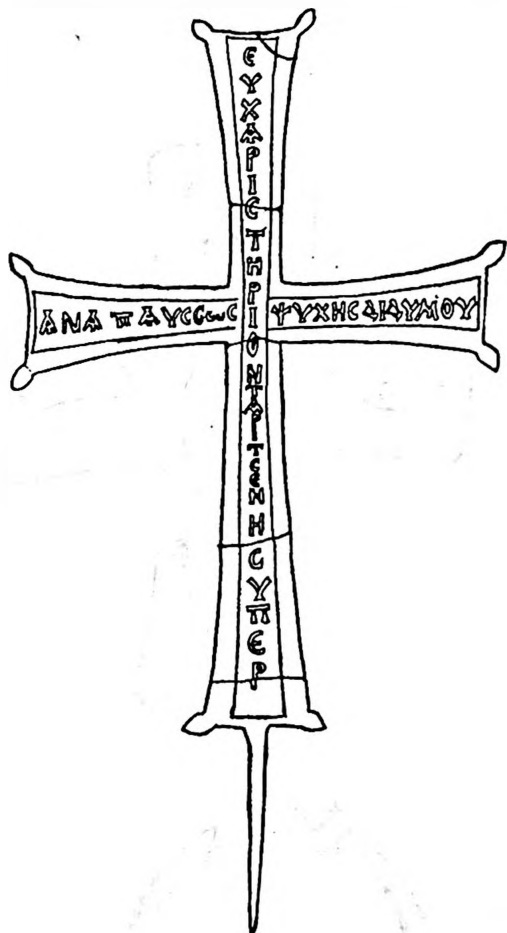
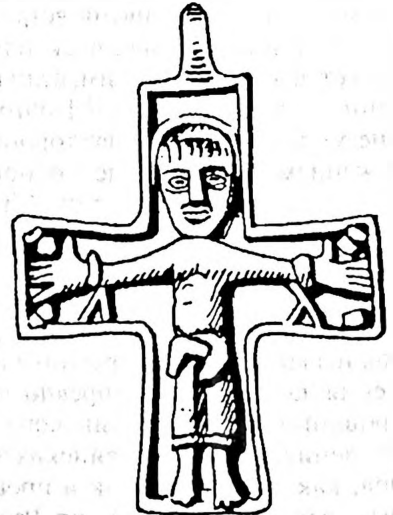
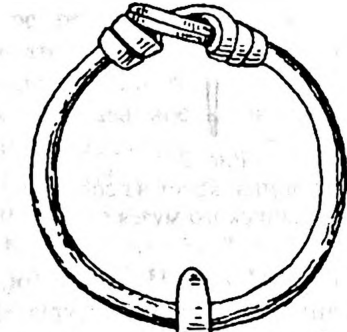
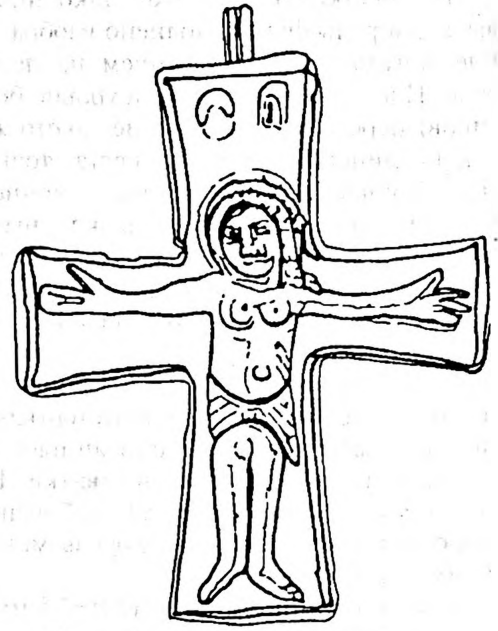
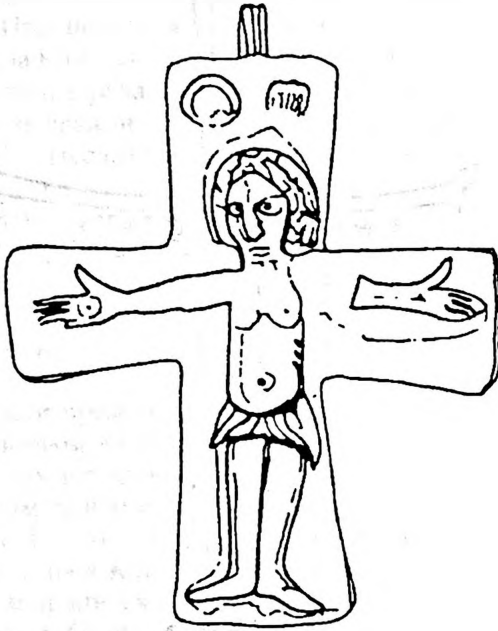

Рис. 2

Процессионный крест из собрания Каирского музея

крестом X в. из Павии, Италия¹⁶ (рис. 3: 1). Но тип лица, плотность фигуры, форма препоясания совершенно различны. Особенно отличается такой элемент, как длинные усы, характерные для северных изображений богов и героев. Исходя из этого, можно было бы предположить, что и данная модель энколпиона была создана в Скандинавии. Но этому противоречит ряд наблюдений общего порядка: 1) обычно скандинавские энколпионы сделаны из серебра, даже когда они копируют бронзовый образец; 2) на самобытных скандинавских энколпионах вообще отсутствует изображение Богоматери, без которого невозможно представить ни византийские, ни древнерусские энколпионы (исключение составляет один из энколпионов, представляющий собой очень своеобразную реплику на византийский образец — из клада в Халико¹⁷. Ближайшей и единственной аналогией для оборотной створки рассматриваемого

2

Рис. 3

1 — двусторонний серебряный крест из Павии (по: Staecker 1999: fig. 73); 2 — крест из Лилла Клинтегарда (по: Salin 1893: fig. 7)

Рис. 4

Изображения Богоматери: 1-2 — на створках энколпионов из коллекции Б.И. и В.Н. Ханенко (Киев, НМИУ); 3 — на византийской печати IX в. (по: Кондаков 1915: рис. 73); 4 — на монете имп. Романа IV Диогена (1068–1071) (по: Кондаков 1915: рис. 74); 5 — древнерусский энколпион XIII в.

энколпиона с изображением Богоматери является створка складня из той же «сирийской» коллекции Ханенко, к тому же зафиксированного на негативах В.В. Хвойко (рис. 4: 2), то есть безусловно «сирийского» происхождения¹⁸. Этот энколпион, на гладкой лицевой створке которого помещено традиционное рельефное изображение распятого Христа в колобии, а на оборотной рельефное изображение Богоматери с младенцем, полулежащим на ее левой руке, был определен Н.П. Кондаковым как «сирийский крест VIII–IX вв.»¹⁹. Он значительно крупнее исследуемого нами креста (76×60 мм), створки очень глубокие (5–7 мм), с четкими углами и ребрами внутри, но без «негатива». Рельефы детально и с высоким мастерством проработаны дополнительно резцом. В стилистическом отношении и по качеству исполнения изображения Богоматери с младенцем на створках обоих энколпионов далеки друг от друга. Объединяет эти два энколпиона, во-первых, исключительность помещения рельефного изображения Богоматери Одигитрии на створке византийского энколпиона (хотя и черневые изображения Богоматери

Одигитрии на энколпионах чрезвычайно редки). Во-вторых, они оба воспроизводят наиболее ранний иконографический тип Богоматери Одигитрии, зафиксированный на печатях византийских императоров и патриархов конца VII — начала IX вв.²⁰ (рис. 4: 3), тип, который Н.П. Кондаков считал лишь греко-восточным прототипом чудотворной иконы Одигитрии²¹. Причем на первом (рис. 4: 1) энколпионе прямолинейное изображение Богоматери ближе к архаическому прототипу (по положению младенца, лежащего на руке Богоматери), а на втором энколпионе младенец изображен уже полулежащим на левой руке матери, в легком повороте склонившей к нему голову. В целом это изображение пожалуй ближе к тому, которое начали чеканить на монетах при императоре Романе III Аргире (1028–1034 гг.)²² (рис. 4: 4), нежели к его архаическому прототипу, что может рассматриваться как аргумент в пользу более поздней датировки этой модели энколпиона — может быть, концом X — началом XI вв. Не исключено, что именно оно послужило иконографическим образцом для древнерусских энколпионов типа Купятицкого (рис. 4: 5).

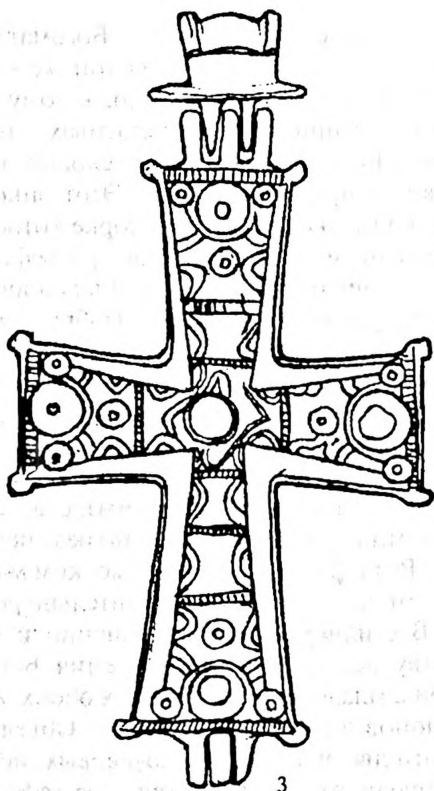
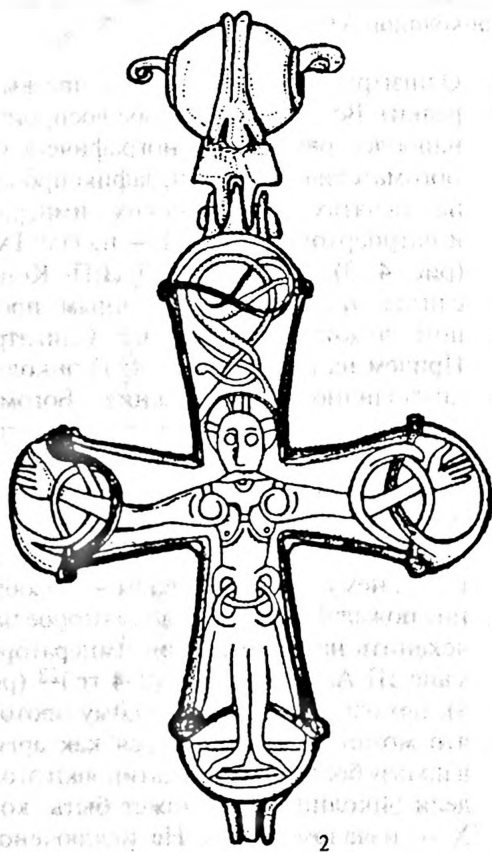
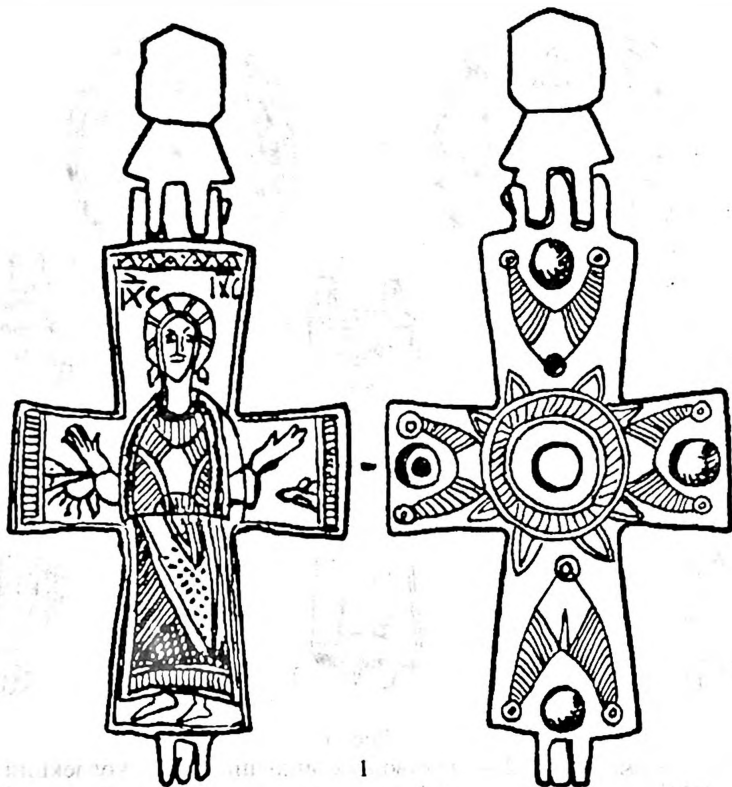

Рис. 5

1-3 — изображения крестов типа процессионных на энколпионах

Сравнение изображений на кресте и энколпионе показывает, что мастер, изготовивший крест, всего лишь комбинируя элементы изображений, представленных на энколпионе, кардинально изменил его богословское содержание в соответствии со своими традициями и новой программой. На основе изображения Богоматери создан образ Спаса-Эммануила. Образ Христа с усами и бородой с закрытыми глазами дополняется крестом в возглавии, а руки Христа изображаются привязанными (именно этой иконографической черте уделено основное внимание в статье Х. Фуглезанг). Примечательно, что в углах поперечной перекладки готландского креста прослеживаются, как и на энколпионе, завершения крестов типа процессионных, уже почти неузнаваемых. Врезанные изображения крестов этой формы можно встретить на так называемых «сирийских» энколпионах (рис. 5: 1, 3). В Италии примером наложения остроконечного с шишечками по углам креста на поле прямоконечного может служить серебряный крест XI в. из Музея в Салерно²³. В Скандинавии (Оланд) помимо готландского креста есть еще один пример включения такого сугубо восточнохристианского элемента в изделие местного мастера. Это серебряный крест XI в. с врезанным изображением Распятия на одной из створок на фоне такого же креста, очертания которого ясно читаются на нижнем конце энколпиона и с трудом угадываются на других его концах, отмеченные узлами плетенки²⁴ (рис. 5: 2). Принимая во внимание сам факт переосмысливания богословского содержания при изготовлении двустороннего креста, а не простого подражания энколпиону, следует признать, что его изготавливали в среде, далекой от высокоразвитого культа Богоматери, какой предстает по археологическим памятникам Скандинавия, принявшая христианство в латинской традиции²⁵.

Рассматривая готландский крест XI в. как переосмысленное подражание изучаемому энколпиону, можно с уверенностью датировать появление этого типа

энколпионов не позднее XI в. При этом, несмотря на его якобы провинциально-византийское происхождение, нельзя не учитывать того, что он соединяет в себе разнокультурные иконографические традиции: западную в изображении Распятия и восточнохристианскую в изображении Богоматери Одигитрии, причем в ее раннем архаическом варианте, с незначительным добавлением такого «северного» элемента как орнамент в виде плетенки.

Географическое размещение этих трех находок на карте, пусть в самом общем виде, отражает, во-первых, крайние полюсы разнокультурного взаимодействия (энколпион из коллекции Ханенко — Византия, серебряный крест с Готланда — Скандинавия) и, во-вторых, указывает на путь, по которому такое взаимодействие происходило. Имеется ввиду створка энколпиона такого же типа из Уваровской коллекции, место находки которой неизвестно, но наиболее вероятно, что это были древнерусские земли.

Самое раннее присутствие шведов (свеев) в Византии засвидетельствовано письменными источниками в IX в. (Бертинские анналы 839 г.); в первой половине X в., согласно русским летописям, они появляются в Константинополе в составе дружины киевского князя; к XI в. относятся более 20 надписей на рунических камнях в Упланде, сообщающих о походах в «Griklandi». О том, что многие из отправившихся в дальний путь принимали христианство в Византии, говорят не только летописи, саги, но и вещественные памятники. Так, в Старой Ладоге в раскопе на Варяжской улице в слое первой четверти X в. был обнаружен бронзовый прямоконечный энколпион, гладкий, без изображений, безусловно византийского происхождения (раскопки 1976 г. В.П. Петренко).

В заключение следует признать, что выявление прототипа для готландского креста с Распятием лишь отчасти прояснило вопрос о месте его создания, и одновременно поставило новые вопросы, связанные с неизвестным прежде типом креста-энколпиона весьма архаичного облика.

***

¹ Salin B. Några crucifix och kors i Statens Historiska Museum // Svenska Fornminnes-foreningens. Tidskräft VIII. Stockholm, 1891–1893. S. 296–298. Abb. 7. Хранится в Государственном историческом музее Стокгольма, № 980.

- 2 Stenberger M. Die Schatzfunde Gotlands der Vikingerzeit. T. II. Stokholm, 1947. S. 231–232. Kat. № 578. Abb. 89.
- 3 Fuglesang H.S. Crucifixion iconography in Viking Scandinavia // Proceedings of the Eighth Viking Congress. Aarhus, 1977. Odence, 1981. P. 73–94.
- 4 Седов В.В. Об одной группе древнерусских крестов // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 63–67; Недошивина Н.Г. Об одном типе крестовидных подвесок Древней Руси // Проблемы археологии Евразии. Труды ГИМ. Вып. 74. М., 1990. С. 102–106; Мусин А.Е. Крест-тельник из Псковского Кремля (к характеристике корпуса древнейших русских крестов) // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. Сборник статей к 75-летию В.Д. Белецкого. СПб., 1994. С. 155–163.
- 5 Fuglesang H. S. Crucifixion iconography... P. 73.
- 6 Salin. Några crucifix... S. 277–279.
- 7 Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. Отд. VIII–XI. М., 1908. № 95. Рис. 160.
- 8 Корзухина Г.Ф. Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 77. Д. 16. Л. 116.
- 9 Петров Н.И. Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея Киевской Духовной академии. Вып. 4–5. Киев, 1915. С. 25.
- 10 Кондаков Н.П. Иконография Богоматери. Т. II. Петроград, 1915. С. 104.
- 11 Корзухина Г.Ф. Рукописный архив ИИМК РАН... Л. 12–13.
- 12 Судя по старым номерам с планшетов Б.И. Ханенко, готовившихся, по-видимому, к публикации III-го тома «Крестов и образков ...», где эти створки пронумерованы одна за другой (№№ 371, 371), они изначально воспринимались как парные.
- 13 Ross M. Byzantine Bronze Hand Holding Crosses // Archaeology. V. 17, № 2. New York, 1964. P. 101–103; Cruikshank-Dodd E. Three early Byzantine silver crosses // Dumbarton Oaks Papers. № 41. Washington, 1987. P. 165–179.
- 14 Kartsonis A. D. Anastasis: the Making of an Image. Princeton, 1986. P. 127.
- 15 Staecker J. Rex regum et Dominus Dominorum. Stockholm, 1999. S. 398.
- 16 Staecker J. Rex regum... S. 136–137. Abb. 73.
- 17 Purhonen P. Kristinuskon Saapurmisesta Suomeen. Uskontoarkeologinen tutkimus. Helsinki, 1998. S. 45–46.
- 18 Кондаков Н.П. Иконография Богоматери... Т. II. С. 166. Рис. 75; Корзухина Г.Ф. Рукописный архив ИИМК РАН... Л. 12. Оба энколпиона, судя по старым номерам собрания Б.И. и В.Н. Ханенко, планировалось поместить на одной таблице (XXXVII) третьего, так и неизданного тома «Крестов и образков ...».
- 19 Кондаков Н.П. Иконография Богоматери... С. 166. Рис. 75.
- 20 Кондаков Н.П. Иконография Богоматери... С. 162–164. Рис. 72–73; Шандровская В.С. Печати и монеты византийских императоров с изображением Богоматери // Византийский временник, 58 (83). М., 1999. С. 197.
- 21 Кондаков Н. П. Иконография Богоматери... С. 166. Рис. 75.
- 22 Кондаков Н. П. Иконография Богоматери... Рис. 74; Шандровская В. С. Печати и монеты... Рис. 3, 9.
- 23 Tresors romans d'Italie du Sud et de Sicilie. Tuluza, 1995. № 16, P. 33, Fig. Благодарю А. Е. Мусина за указание на эту находку.
- 24 Staecker J. Rex regum... № 60.
- 25 Staecker J. Rex regum... S. 398.

СЕРЕБРЯНЫЙ КРЕСТИК-ЭНКОЛПИОН (из раскопок 2001 г. в Угличе)

Угличе Поле — древнерусский город, возникший в середине X в. на северо-западной границе Волго-Окского междуречья, то есть на периферии ареала летописной мери, уже в VIII—IX вв. включившейся в процесс становления древнерусской государственности в лесной зоне Восточной Европы¹. Раскопки на территории угличского кремля и посада, ведущиеся Угличской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа с 1989 г., показали, что в начальный период развития, как, впрочем, и позднее, Угличе Поле поддерживало тесные контакты с северо-западными соседями, среди обитателей города уже с момента основания оказались выходцы из ареала носителей культуры сопок и длинных курганов (хотя эти ареалы достаточно далеко не доходят до Угличского Поволжья) и скандинавы, проникшие в этот регион либо непосредственно с северо-запада, либо уже из Приднепровья. Таким образом, географическое положение Угличского Поволжья предопределило развитие города в контактной зоне различных культурных традиций, и в этом контексте все происходившее в Угличе Поле в X—XI вв. представляет несомненный интерес для исследователей древностей Поволжья, бассейна Мсты и Мологи и Белозерья.

Индивидуальные находки и керамика из антропогенных отложений территории угличского кремля и посада ставят перед археологами и историками иногда неожиданные вопросы, поиски ответов на которые уводят далеко за пределы Волго-Окского междуречья. Пожалуй, один из самых сложных вопросов был поставлен перед нами находкой в июле 2001 г. на участке раскопа 17 серебряного крестика-энколпиона, признанного одним из самых интересных экспонатов весьма представительной в настоящее время коллекции из материалов раскопок этого памятника

(рис. 1: а, б). Раскоп 17, на котором была сделана эта уникальная для Углича находка, непосредственно примыкал к участкам раскопов 8—10 и 14, заложенных в 1993, 1994, 1995 и 1999 гг. в юго-восточной части кремля, у церкви царевича Димитрия «на крови». Крестик залегал в заполнении ямы №40. Яма эта, судя по заполнению, представляла собой изначально естественную западину, заполненную прослойкой углистого суглинка мощностью до 0,2 м. Позднее западина была потревожена перекопом, однако, он не затронул той части заполнения, где был обнаружен крестик. Имеет смысл еще раз уточнить основной состав датирующих находок, происходящих из заполнения ямы.

Дирхемы (определения И.Г. Добровольского и Г.Б. Шагуриной): Наср II ибн Ахмед, Самарканд, 942/3 гг. (фальшивый); 888/9 г., 896/7 г.; подражания куфическим дирхемам IX—X вв. Бусы: кобальтового стекла зонные (X в.). «лимонки» желтые, золото- и серебростеклянные (до середины 1130-х гг.), синие, черная, аметистового прозрачного стекла (до середины 1070-х гг.), полосатые черно-белые и желто-красные (до середины 1050-х гг.); эллипсоидные ребристые (до конца 1090-х гг.), синие стеклянные прозрачные пронизки с горизонтальными нарезками, черно-белые слоистого стекла (XI в.), крупные глазчатые с «ресничками» (до первой четверти XII в.)² Наконечники стрел: ланцетовидный с упором (до первой четверти XII в.), трехлопастной (типы 13 и 62 по А.Ф. Медведеву, VIII—X вв.)³. Поясная фурнитура: пряжка бронзовая, орнаментированная в стиле Вогге (X — первая четверть XI вв.); накладки поясные серебряные в виде трилистников, тисненая и литая золоченая (X в.); пряжка миниатюрная треугольнорамчатая с прочерченными треугольниками на щитке (X в.). Шиферные пряслица — не ранее

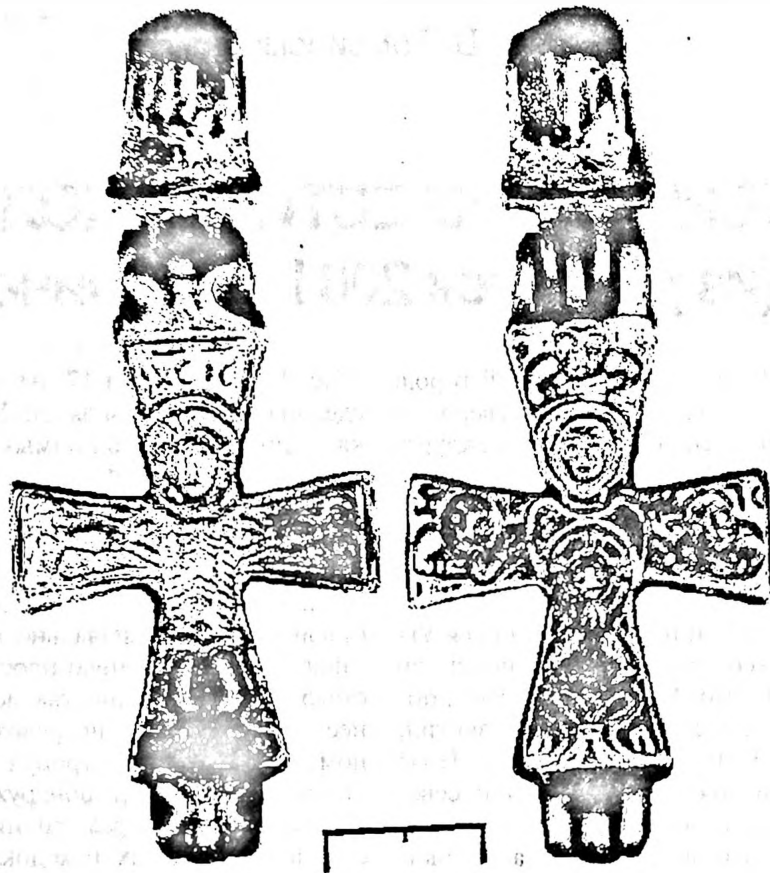

Рис. 1

Крестик-энколпион из раскопок 2001 г. в Углич

второй половины X в.⁴ Керамика из микрогоризонта 1 горизонта 2 слоя 3 представлена различными типами лепных (грубых и гладкостенных) и реннегончарных сосудов, аналогии которым известны на памятниках лесной зоны Восточной Европы на обширной территории от Старой Ладоги, Новгорода, Пскова до Сарского городища.

Перечисленный комплекс находок может быть уверенно датирован второй половиной X — первой четвертью XI вв. В этих достаточно широких хронологических пределах и приходится определять время попадания крестика в антропогенные отложения, поскольку данных для конкретизации даты нет.

Обратимся непосредственно к самому предмету нашего исследования. Двухстворчатый миниатюрный крестик, изготовленный из серебра в технике литья с проработкой деталей резцом и гравировки с чернью, был найден закрытым. В петлях шарниров сохранились сильно патинированные медные шпеньки, петли шарниров на лицевой стороне прикрыты крупными литыми кринами. Оглавие

имеет вид массивной биконической бусины с горизонтальным отверстием и остатками покрытия чернью. На лицевой и оборотной сторонах сохранились следы позолоты. Изначально, видимо, вся лицевая сторона была покрыта позолотой с заполнением чернью гравированных линий и углублений в металле. На обороте позолота наносилась только на лики и нимбы, все линии, проведенные резцом и углубления в металле также заполнены чернью.

Лицевая сторона. Распятие. Изображение выполнено в низком рельефе в технике литья с правкой деталей резцом гравировкой. Композиция заключена в тонкое контурное обрамление по периметру створки.

Христос изображен прямолично, в коротком, выше колен коллобиуме, разделанном крупными и неровными орнаментальными чешуйками; подол коллобиума обозначен рельефной линией. Вдоль туловища с обеих сторон — две вертикальных полосы с косыми насечками. На плечах — по два вписанных один в другой треугольника. На широко раскинутых

руках в области локтевых суставов и кистей четко проработанные в низком рельефе широкие вертикальные полосы, изображающие веревки, которыми Распятый привязан к кресту, большие пальцы рук отставлены в стороны. Складки гематия свисают по бокам ниже колен Распятого, сливаясь с контурной линией, обрамляющей всю композицию. Немного расставленные и согнутые наружу в коленях ноги трактованы в виде двух узких полосок, массивные ступни развернуты в противоположные стороны. Углубленный участок вокруг ступней заполнен чернью. Над головой Христа — изображение прямоугольной дощечки с буквами ХС ІС.

Лик Распятого в крестчатом нимбе, срезанном по краям вертикальной переключиной креста, округлый, с выпуклыми глазами и носом, рот в виде небольшого выпуклого овала.

Оборотная сторона. Богоматерь, Эммануил, избранные святые. Композиция заключена в тонкое контурное обрамление по периметру створки.

В центре на вертикальной переключиной креста — Богоматерь в рост, перед ней изображен сидящий с широко расставленными коленями Эммануил, благословляющий двоеперстно десницей, голова которого в широком круглом нимбе находится на уровне груди Марии. Ступни ног Богоматери показаны по сторонам фигуры Эммануила. Богоматерь и Эммануил изображены в низком рельефе, облаченными в длинные одеяния, на которых углубления в металле заполнены чернью. Плечи Богоматери трактованы двумя плавными округлыми линиями. Округлый, с выпуклыми глазами, носом и ртом лик Богоматери четко проработан в низком рельефе; лик Эммануила в крупном крестчатом нимбе поврежден патиной. Лик святого, изображенного в оглавию, в широком нимбе, также с выпуклыми глазами, Т-образными бровями и носом, выпуклым ртом, одеяние трактовано в виде решетчатого прямоугольника (чешуйчатый доспех?). Лики святых на горизонтальной переключиной в широких круглых нимбах — с теми же иконографическими особенностями, руки моленно обращены к Богоматери. Рядом с ними на поперечной переключиной заполненные чернью штрихи, имитирующие буквы нечитаемых надписей.

Судя по миниатюрным размерам креста, изготовленного из драгоценного металла, угличский энколпион носился как тельник. Владельцем этого предмета личного благочестия мог быть только человек достаточно высокого социального статуса, представитель дружинной знати или православного духовенства. Возьмем на себя смелость предположить, что такой крест мог быть скорее всего изготовлен при принятии крещения и несомненно по индивидуальному заказу.

Стилистика изображений на створках угличского креста приводит к любопытным выводам о его возможном происхождении. В композиции Распятого обращает на себя внимание трактовка коллобиума двумя узкими вертикальными полосками вдоль туловища, типичная для византийской иконографии энколпионов еще с VIII в. Аналогичные, но значительно более грубо трактованные полоски встречаются и в северноевропейской традиции, на скандинавских крестиках, датируемых X—XI вв.⁵ О близком знакомстве мастера с северной традицией определенно свидетельствует и своеобразная трактовка согнутых в коленях ног Распятого с массивными ступнями, вызывающая устойчивые ассоциации не только с упоминавшимися выше скандинавскими крестиками, но и с миниатюрами ирландских рукописей IX—X вв., в которых, к тому же, можно обнаружить весьма близкую трактовку складок одеяний, и некоторыми изображениями на каменных ирландских крестах того же времени (при том, что портативная культовая пластика Ирландии демонстрирует иные типы иконографии Распятого)⁶.

Иконографический тип привязанного к переключиной Христа известен со II в. н.э. и в VIII—XI вв. получил достаточно широкое распространение на памятниках христианского искусства Северной Европы. Причем здесь известны различные приемы изображения веревок, которыми тело Христа было привязано к переключинам: веревки изображаются в виде вертикальных полос на локтях и запястьях в один или несколько параллельных рядов, в виде плотной косой обмотки на руках, причем на ладонях часто изображены и стигматы, наконец, вокруг туловища и у щиколоток. Известны в этом регионе и памятники с особой трактовкой грудных и плечевых мышц Распятого

спиралями, в чем можно усмотреть отдаленное, но все же сходство в трактовке плечевых мышц Распятого на угличском энколпионе треугольниками. Примером может быть хотя бы неоднократно публиковавшийся крест из Готебю, датированный второй половиной XI в. Предположение скандинавских исследователей о перенесении иконографического типа привязанного или пригвожденного и привязанного Христа с Востока на Запад через ареал расселения христианизированных славян представляется весьма вероятным, но требует дальнейших обоснований⁷. Таким образом, лицевая створка угличского креста могла бы вполне быть отнесена к памятникам западноевропейского или скандинавского происхождения. В то же время композиция на оборотной створке явно восходит к иконографии и стилистики изображений на оборотных створках энколпионов, происходящих, бытовавших в эпоху раннего средневековья в восточных провинциях Византийской империи и на Балканах⁸. Согласно Н.П. Кондакову, особый тип изображений Богоматери на створках медных резных крестов византийского происхождения «представляет ту же Орланту уже с Младенцем, как бы стоящим у ног Богоматери, но по смыслу сидящим перед нею»⁹. На угличском энколпионе Эммануил изображен именно сидящим перед Богоматерью с широко раздвинутыми коленями, но руки Богоматери не моделированы вовсе. Не исключено, что мастер механически воспроизводил не совсем понятную ему композицию с некоего образца, или в его представлениях руки Богоматери оказались как бы заслонены нимбом Эммануила. Во всяком случае, они не касаются фигуры Младенца. При этом не возникает никаких сомнений, что обе створки креста изготовлены одним, притом опытным мастером-ювелиром и одновременно, а отсутствие выраженных следов потертости свидетельствует о том, что крест до попадания в антропогенные отложения угличского кремля относительно недолго был в обиходе.

Происхождение креста однозначно не устанавливается: мастер, создавший этот предмет личного благочестия, мог работать и в Скандинавии, и, что, правда, менее вероятно, в одном из регионов Центральной или Западной Европы, и, наконец, в древней Руси в начальный период распространения

христианства, когда серийное производство собственно древнерусских энколпионов не было еще налажено.

Если рассматривать находку угличского энколпиона в сугубо местном историко-культурном контексте, однозначно усатновленным можно считать только сам факт потери этого предмета личного благочестия владельцем, видимо, при каких-то экстремальных для последнего обстоятельствах. Но при этом невозможно выяснить, был ли владелец креста обитателем Углича Поля или пришельцем в этом верхневолжском городе. Представляется, что для правильного понимания памятника это и не имеет принципиального значения. Хронологически угличский крест принадлежит периоду постепенного утверждения христианства в Древней Руси, завершившемся крещением Киева, Новгорода, а затем и других волостей при Владимире Святославиче. Существование христианских общин в различных центрах формирующейся древнерусской государственности письменные источники зафиксировали уже с середины X в.¹⁰ Угличе Поле, основанное, если верить местной традиции, принявшим христианство «сродственником» княгини Ольги, вполне могло быть одним из таких центров. Присутствие дружинной группировки, среди представителей которой явно были и скандинавы, еще в начале XI в. не забывшие рунической письменности, достоверно установлено материалами исследований на территории угличского кремля¹¹. Среди этих дружинников «сродственника» Ольги вполне могли оказаться и христиане. Составитель «Летописца» конца XVIII в. из собрания Ростовского музея, угличский старообрядец, не сомневался в том, что среди обитателей города христиане присутствовали изначально¹². Однако, мы не располагаем пока подтверждениями этого сообщения «Летописца» в материалах раскопок хотя бы по той причине, что могильник ранне-средневекового Углича Поля не сохранился, или, во всяком случае, его остатки пока не выявлены под современной застройкой города. В этом контексте полагаем вполне достаточным признать угличский крест одним из самых интересных памятников начального периода утверждения христианства в Древней Руси. Пока это самый ранний энколпион, известный

на раннесредневековых памятниках Вол- ранних на всей обширной территории го-Окского междуречья и один из самых лесной зоны Восточной Европы.

***

- 1 Леонтьев А.Е. Археология мери. М., 1996. С. 26, 223, 242–243, 272.; Томсинский С.В. Угличский кремль — археологический памятник X–XVII вв. // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 2. М., 1997. С. 42.
- 2 Шапова Ю.Л. Стекланные бусы древнего Новгорода // МИА. №55. М., 1956. С.174; Рябинин Е.А. Бусы Старой Ладogi (по материалам раскопок 1973–1975 гг.) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 165–173; Лесман Ю.М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С.138–139.
- 3 Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук, стрелы и самострел. VIII–XIV вв. // САИ. Е1-36. М., 1966. С. 59, 73.
- 4 Леонтьев А.Е. Археология мери... С. 132–134.
- 5 Марјанович-Вујович Г. Крстови од VI до XII века из збирке Народног музеја. Београд, 1977. С. 41, 43, 52; Staecker J. Rex regum et dominus dominorum. Stockholm, 1999. S. 97.
- 6 Henry F. Irish art during the Vicing Invasions (800–1020 A.D.) London, 1973. P. 87; Уместно также обратить внимание на явное сходство кринов на шарнирах угличского креста с кринами на шарнирах датированного X в. энколпиона из Селлунг; в последнем случае, правда, они усложнены дополнительными изгибами плетенки. Этот крест датируется XI–XII вв., но для датировки столь поздним периодом угличского энколпиона у нас оснований нет.
- 7 Fulgesang S. Crucifixion iconography in Viking Scandinavia // Proceeding of the Eight Viking Congress. Odense, 1981. P. 82–85; Staecker J. Rex regum... P. 447, 458, 474, 478.
- 8 Kartsonis A. Anastasis. The making of image. Princenton, 1986. P. 94–126, Fig. 24–27; Кондаков Н.П. Иконография Богоматери. Т. I. М., 1998. С. 258–263.
- 9 Кондаков Н.П. Иконография Богоматери... С. 262–263.
- 10 Рапов О.М. Русская церковь в IX — первой трети XII вв. Принятие христианства. М., 1988. С. 150–377.
- 11 Томсинский С.В. «Сродственник» княгини Ольги — Ян Плесковитич — основатель Углича // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы семинара за 2000 г. Псков, 2001. С. 145–155; Мельникова Е.А.. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Тексты, переводы, комментарии. М., 2000. С. 256.
- 12 Угличский Летописец. Ярославль, 1996. С. 24.

Источниковедение и региональные исследования

А.Н. Кирпичников

ЛАДОГА В ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVI в. (первопубликация писцовой книги 1568 г.)

Публикуемая впервые опись г. Ладоги 1568 г. необычайно ценный исторический документ. Она как бы зеркально запечатлела Ладогу, какой она была в третьей четверти XVI в. незадолго до ее упадка и разорения. Описание Ладоги содержится в писцовой книге Инши Булгакова и Поника Шипилова. В источнике учтено облагаемое податями население и его владения. Жители не платившие налоги, например, военные, писцов не интересовали. Кроме фискального назначения, опись являлась землемерным документом. Перечислены все посадские дворы, включавшие, кроме жилых и иных построек, еще и огороды, при этом все это промерено в сажнях. Все эти единственные в своем роде данные позволили воссоздать общий план позднесредневековой Ладоги и очертить ее условные границы¹.

Документ изобилует уникальными сведениями. Поименно названы жители, точнее владельцы дворов, говорится о их занятиях. Ценно упоминание районов-концов, улиц, монастырей, хозяйственных построек, пашен, тоней, некоторых урочищ, таких как Любша, Победище, Могилыцы (последние «под лугом, под Победищем»). Некоторые дворы и места дворовые фигурируют как пустые, при этом всегда указывается кому они принадлежали. Право собственности, таким образом, сохранялось за теми, кто по каким-то причинам в Ладоге уже не жил. Обращает внимание перечисление и топография рыбных ловель на Волхове и Ладожском озере, связанных с сезонным ловом сига, леща, осетра.

Согласно рассматриваемой описи в Ладоге в 1568 г. зафиксировано 126 дворов и 176 их владельцев. Общая же численность горожан, включая членов семей дворовладельцев, жителей слобод и воинский гарнизон составляла, вероятно, не меньше 1000–1200 человек. Город подразделялся в тот период на Никольский, Богородицкий и Воскресенский концы по имени своих храмов. Отдельным районом являлась крепость — «город». Общая площадь города в 1568 г., с учетом обмеренных участков, в совокупности занимающих 10 га, а также улиц, площадей, предполагаемых гостинного и ямского дворов, мест церквей и монастырей, всякого рода торговых и промысловых помещений (существовавших вне усадеб), подгородных и подмонастырских слобод составляла, как можно прикинуть, не менее 16–18 га. Если вычисленную площадь наложить на план местности, то протяженность посада вдоль берега Волхова может составить не меньше 1000 м, а вдоль речки Ладожки — 350 м. Очерченная зона ладожского посада XVI в. (за исключением слобод) не намного превосходила территорию, сложившуюся четырьмя веками раньше (в XII в. — не менее 14–15 га).

В целом, реконструируемый план Ладоги представляет поселение веерного типа, которое полукругом охватывало кремлевский мыс и оси которого были подчинены линии берегов рек Волхова и Ладожки.

На основании сведений описи 1568 г. затруднительно нарисовать детальный

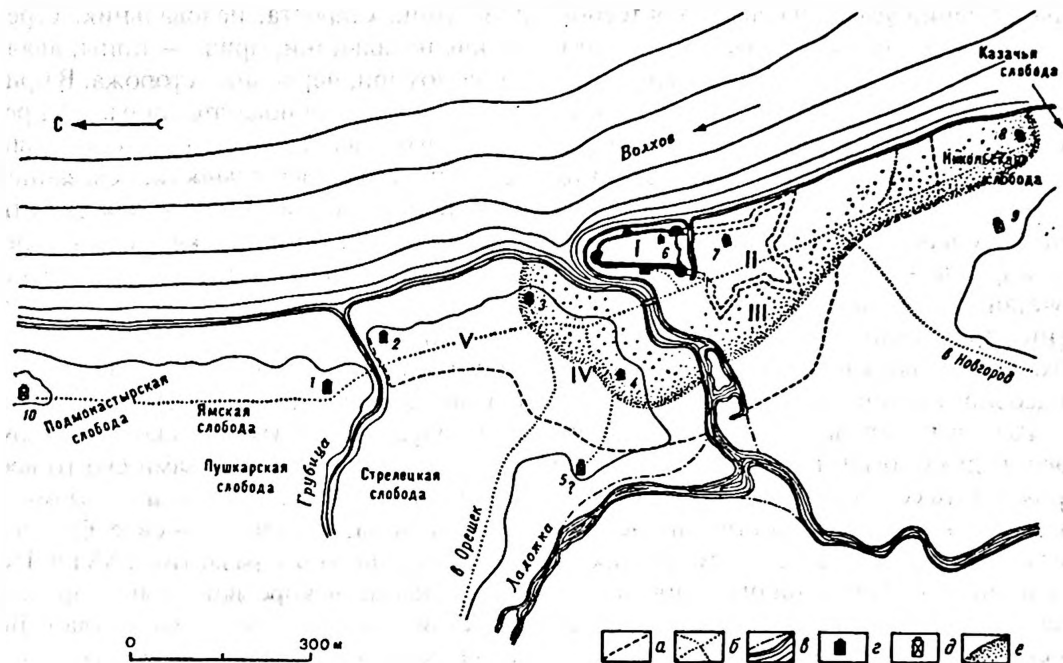

Рис. 1

Город Ладога в XVI в. План-реконструкция автора.

I — каменная крепость не древнее 1490-х гг.; II — земляная крепость 1584–1585 гг.; III — Никольский конец; IV — Воскресенский конец; V — Богородицкий конец. 1 — Успенский монастырь; 2 — Симеоновский монастырь; 3 — церковь Спаса; 4 — церковь Воскресения; 5 — церковь Петра (?); б — церковь Георгия; 7 — церковь Климента; 8 — Никольский монастырь; 9 — церковь Рождества; 10 — монастырь Иоанна Предтечи, а — граница посада по данным 1568 г.; б — дороги; в — старые русла рек Ладожки и Заклюки; г — каменные храмы; д — деревянные храмы; е — культурный слой VIII–XI вв.

план строений города, ибо в разбивке разновеликих дворов не было единообразия и регулярности. Можно лишь судить о примерном расположении некоторых улиц. Одна, магистральная, примерно, длиной не меньше 300 м, вела через Никольский конец и реку Ладожку в направлении к Успенскому монастырю (возможно, что ее археологические следы зафиксированы раскопками на «Земляном городище» в 2000–2001 гг.). Другая, Спаская улица упомянута в Воскресенском конце. Конечно, улиц и проулков было больше, но писцы их не указывали.

Место расположения Ладоги помогает понять, почему она возникла именно здесь. Особо благоприятная для жизни зона длиной около 2 км и шириной до 600 м тянется от Малышевой горы на севере до нагорья Победище на юге. На западе эта территория ограничена грядой с населенным пунктом Ахматова Гора, на востоке — рекой Волхов. Близость воды, плодородные долины протекающих здесь рек Ладожки и Заклюки, речек Грубицы и Стрековца (ныне пересохли), транспортная доступность —

все это создавало здесь, можно сказать, оазисные условия для удобного строительства, устройства корабельных пристаней, освоения земельных угодий². Не случайно, в ближайших окрестностях Ладоги посадские люди имели свыше 45 га покосов и пашен, а на Волхове 15 тоней для ловли рыбы. Ладогу, однако, не следует представлять неким изолированным островком славянской заселенности в южном Приладожье. Пригодные для освоения земли располагались вдоль нижнего течения Волхова почти сплошной полосой длиной 65 км. В этих местах находилась, связанная с Волховскими порогами, «Порожская земля». Археологические наблюдения выявили здесь необычную концентрацию многочисленных селищ эпохи средневековья.

Целостные результаты дает сопоставление городских усадеб по их размерам по данным описи 1568 г. Средняя площадь ладожского двора составляла 30–50 кв. саженей, а входившего в его состав огорода 50–100 кв. саженей (в отдельных случаях доходила до 250–760 кв. саженей).

В размещении усадеб наблюдается теснота. Владельцы дорожили каждым клочком земли, стремясь приобрести и разместить дополнительный огородик где-нибудь в стороне от дома — на склоне горы, берегу ручья или реки. Подсчет показал, что приусадебные огороды занимали 7 га учтенной в переписи 1568 г. посадской земли, а дворы — 3 га. Почти обязательное сочетание двора и огорода выявляет значение приусадебного земледелия как необходимого для каждой городской семьи подсобного промысла.

Размеры огорода в большинстве случаев, видимо, были недостаточны, чтобы прокормить семью. Городской, а не сельский характер деятельности жителей отчетливо выступает при знакомстве с их занятиями. Подсчеты таковы: почти 30% всего самостоятельного населения занималось рыбной ловлей, 23% (судя по записям их специальностей) — ремеслом, наконец, 18% — торговлей. Перепись 1568 г. (дополненная данными описи 1572 г.³) называет 3 зелейников (изготовителей пороха), кузнеца, 2 горшечников, 3 плотников, 4 портных мастеров, 2 овчинников, скорняка, 4 сапожников, 2 гусельников, 5 хлебников, 2 калачников, 5 мясников, рыбника, 8 молодежников (изготавливали какой-то напиток — молодое молоко, то есть простоквашу, молодое пиво, молодой мед), щепетильника (производитель и торговец мелочным товаром). Указаны также 2 портома, скоморох, пастух, ямщик, административные чины —

наместник, староста, целовальник, стрелецкие начальники, причт — попы, дьячки, пономари, церковные сторожа. В приведенном перечне показателен расклад ремесленных специальностей, который свидетельствует о деятельности, связанной с обслуживанием местного и, так сказать, уездного рынка, хотя не исключены и более дающие связи с такими городами, как Орешек, Корела, Новгород. В целом, занятия жителей Ладоги характеризуют ее экономику как промыслово-торговую. Горожане, с одной стороны, были связаны с обработкой приусадебной земли и скотоводством, с другой — эти люди, словами своего времени, «промышляли торгом и извозом».

Опись Ладоги 1568 г. — своеобразный итог ее стабильного развития в XVI в. Последовавшие вскоре войны и репрессии нанесли городу непоправимый удар. Все началось с «государева разгрома» 1570 г. Затем последовал правяж 1571 г., усугубившийся хлебным недородом и эпидемией. В 1572 г. в Ладоге из указанных там 108 тягловых дворов запустело 77, то есть, 71% застройки. Погибли или «разошлись» 2/3 ее жителей, включая значительную часть ремесленников и торговцев. В начале XVII в. в Ладоге существовало лишь 16 тягловых дворов⁴. Были разорены (некоторые окончательно) все 6 монастырей и 2 церкви. Понадобятся усилия нескольких поколений ладожан, чтобы к середине XVII в. город мог с трудом, да и то частично, оправиться от своего запустения и упадка.

Описание города Ладоги

Отрывок из писцовой книги Водской пятины 1568 г.

(ЦГАДА, ф. 137, Новгород, № 7)

л. 290

Город Ладога, а в ней монастырь *страстотернца Христова Георгия*.

В Ладоге на посаде дворы нетяглые. Двор наместнич.: длина ему 25 сажен, а поперег 21 сажен. Двор зелейной на берегу реки Ладоги; длина ему 60 сажен, а поперег 6 сажен, а живет в нем зелейник Фетко Максимов. *Да церковных нетяглых дворов:* двор пречистенской поп Тимофей Павлов, длина двору 10 сажен, а поперег 14 сажен, а огороду длина 15 сажен, а поперег 4 сажен. //

л. 290 об.

В Ладоге ж на посаде в Никольском конце дворы тяглые. Двор Осташка Першин: длина двору и поперег двора по шти сажен, а огороду длина двадцать шесть сажен, а поперег одинатцать сажен, да за ним же огород под Ивановым двором Рыбника; длина ему тритцать одна сажен, а поперег три сажени. Двор Олешка Михайлов [сын] Бабин; длина двору и поперег двора по шти сажен, а огороду длина тринацать сажен, а поперег денадцать сажен. Двор Тимошка Федотов да брат его Харитонко Хорошовы; длина двору и поперег двора по шти сажен, а огороду длина дватцать четыре

- л. 291 сажени, а поперег шесть сажен, да за ним же два огорода отхожие, длина им пятьдесят две сажени, а поперег двенадцать // сажен. Двор Куземка Оксенов, да сын его Фетко; длина двору сем сажен, а поперег шесть сажен, а огороду длина дватцать две сажени, а поперег девятнатцать сажен.
- л. 291 об. Двор // Нечайко Малгин да сын его Иванко; длина двору шесть сажен, а поперег двора пять сажен, а огороду длина дватцать две сажени, а поперег семь сажен. Двор Потапко Лукьянов да сын его Ларка; длина двору и поперег двора по шти сажен, а огороду дватцать семь сажен, а поперег четыре сажени. Двор Игнашко Беляй Остафьев сын да брат его Никитка; длина двору и огороду тритцать пол сажени, а поперег двора девять сажен, а поперег огорода четыре сажени. // Двор Еустратко Тарасов; длина двору и огороду пол одиннатцаты сажени, а поперег двора и огорода по пяти сажен. Двор Олферко Федоров да сын его Клишко длина двору и огороду двенатцать сажен, а поперег двора /и огорода/ восемь сажен, да его ж огородишко против двора на берегу реки Волхова, длина ему восемь сажен, а поперег четыре сажени. Двор Истомка Земляницин; длина двору шесть сажен, а поперег двора пять сажен, а огороду длина ше // сть сажен, а поперег четыре сажени, да их же позади двора огород, длина ему одиннатцать сажен, а поперег девять сажен. Двор Васка Михайлов, портной мастер; длина двору и огороду дватцать пол сажени, а поперег двора шесть сажен, а огорода поперег четыре сажени, да его ж огородишко против двора, длина ему и поперег по четыре сажени. Двор Юшко Ортемьев; длина двору пол осмы сажени, а поперег шесть сажен, а огороду длина // шесть сажен, а поперег пять сажен. Двор Опаско Степанов да Семенка Иванов; длина двору девять сажен, а поперег восемь сажен, а огороду длина осьмнатцать сажен, а поперег пять сажен. Двор Савинко Микитин, портной мастер; длина двору восемь сажен, а поперег пол пяти сажени, а огороду длина пол шести сажени, а поперег пять сажен. Двор Жданко Тимофеев, земец, да брат его Суботка; длина двору семь сажен а поперег полше // сты сажени, а огороду длина и поперег по шти сажен, да их же огород против двора на реке на Волхове, длина огороду три сажени, а поперег пол третьи сажени. Двор вдова Анница Дмитриева дочь Якушова жена Олексеева; длина двору шесть сажен, а поперег четыре сажени, а огороду длина семь сажен, а поперег пять сажен, да их же огородишко против двора на берегу реки Волхова, длина семь сажен, а поперег четыре сажени. Двор Будилко Добры // нин; длина двору семь сажен, а поперег шесть сажен, а огороду длина десять сажен, а поперег шесть сажен, да его ж огород против двора на берегу реки Волхова, длина шесть сажен, а поперег четыре сажени. Двор Панкратко Ефимьев да сын его Лучка; длина двору семь сажен, а поперег пять сажен, а огороду длина одиннатцать сажен, а поперег пять сажен. Двор Ларка Григорьев; длина двору шесть сажен, а поперег тож, а огороду длина // девятнатцать сажен, а поперег шеснатцать сажен, да его ж огород против двора на берегу реки Волхова, длина и поперег его по две сажени. Двор Степанко да брат его Юшко Родивоновы; длина двору и огороду дватцать девять сажен, а поперег двора восемь сажен, а поперег огорода дватцать сажен. Двор Фетко Васильев [сын] Мелева; длина двору и огороду дватцать четыре сажени, а поперег двора шесть сажен, а поперег огорода девять сажен, да его ж огород на берегу реки Вол // хова, длина трех сажен, а поперег две сажени. Двор Якушко Ондреев [сын] Наумов; длина двору и огороду четырнатцать сажен, а поперег двора и огорода по семи сажен. Двор Петелка Сидоров да брат его Гаврилко; длина двору и огороду шеснатцать сажен, а поперег двора пять сажен, а огорода поперег четыре сажени.
- л. 295 об. *Николского ж конца дворы тяглые по другой стороне улицы.* Двор Лучка Терехов; длина двору и огороду тритцать сажен, а поперег // двора шесть сажен, а огорода поперег пол пятинатцаты сажени. Двор Капуста

- Полуехтов, мясник, да сын его Филатко; длина двору шесть сажен, а поперег пять сажен с лохтем, а огороду длина дватцать одна сажень, а поперег девять сажен с полусаженью. Двор Петелка Исаков; длина двору и огороду шеснатцать сажен, а поперег двора шесть сажен с полсаженью, а огорода поперег дватцать одна сажень. Двор Сенка Иванов, сапожник; длина двору и поперег по шти сажен //, а огороду длина дватцать одна сажень, а поперег девять сажен. Двор Костя Алексеев; длина двору и поперег двора по осми сажен, а огороду длина дватцать одна сажен, а поперег восемь сажен. Двор Юшко Онисимов да его дети Карпик да Костя; длина двору и огороду девятнатцать сажен, а поперег двора семь сажен, а огорода поперег семнатцать сажен. Двор Ромашко Гришин; длина двору полшесты сажени, а поперег тож, а огороду длина сорок две сажени, а поперег семь сажен. //
- л. 296 об. Двор Маковейко Матвеев; длина двору и огороду сорок семь сажен, а поперег двора шесть сажен, а огорода поперег девять сажен. Двор Федорова жена Никитина вдова Оринка; длина двору и огороду сорок девять сажен, а поперег двора и огорода по осми сажен. Двор Иванко Иванов; длина двору шесть сажен, а поперег пять сажен, а огороду длина дватцать пять сажен, а поперег одиннатцать сажен. Двор Иванко Ортемов, пастух; длина двору // и поперег двора по четыре сажени, а огороду длина пятьдесят три сажени, а поперег семнатцать сажен.
- л. 297

- В Никольском же конце дворы тяглые по реке по Ладожнице.* Двор Самсонко Лукин, плотник; длина двору и огороду пятнатцать сажен, а поперег двора полсемы сажени, а огорода поперег семь сажен. Двор Неудача Яковлев да Мартемьянко Лукьянов, молодожники; длина двору девять сажен, а поперег восемь сажен, а огороду длина десять сажен, а поперег шесть // сажен с лохтем, да их же огород на берегу реки Ладожницы, длина ему одиннатцать сажен, а поперег семь сажен, да у них же огород позади двора, длина ему дватцать сажен, а поперег четырнатцать сажен. Двор Богданко Фомин, молодожник; длина двору и огороду шеснатцать сажен, а поперег двора восемь сажен, а огорода поперег шесть сажен, да его ж огород по стороне его двора, длина ему семнатцать сажен, а поперег двенатцать сажен. Двор Мартемьянко Ортюшин да сын его // Михко, овчинники; длина двору шесть сажен, а поперег пять сажен, а огороду длина осмнатцать сажен, а поперег двенатцать сажен. Двор Осипко Юрьев да брат его Иванко, молодожники; длина двору и огороду осмнатцать сажен, а поперег двора шесть сажен, а огорода поперег девять сажен, да их же огород на берегу реки Ладожницы, длина ему дватцать две сажени, а поперег семнатцать сажен. Двор Игнашка Захаров, молодожник; длина двору и поперег двора по // осми сажен, а огороду длина осмнатцать сажен, а поперег девять сажен. Двор Онашка Юрьев; длина двору и огороду дватцать сажен, а поперег двора полсемы сажени, а огорода поперег шесть сажен, да его ж огород по стороне двора его, длина ему дватцать девять сажен, а поперег дватцать одна сажень.
- л. 297 об.
- л. 298

- В Ладоге ж на посаде в Воскресенском конце в Спасской /улице/ дворы тяглые.* Двор Петруша Васильев, горшечник, да сын его Иванко; длина двору и поперег двора по шти сажен, а огоро // ду длина шеснатцать сажен, а поперег тринатцать сажен. Двор Сенка Фомин, горшечник; длина двору и огороду полодиннатцаты сажени, а поперег двора шесть сажен, а поперег огорода девять сажен. Двор Зонко Федоров; длина двору и огороду дватцать пол сажени, а поперег двора пол пяты сажени, а огорода поперег четыре сажени, да его ж хмелник, длина ему двенатцать сажен, а поперег три сажени. Двор Исачко Степанов; длина двору шесть сажен, а огороду // на семнатцать сажен, а поперег двора и огорода по десять сажен. Двор вдова Марьица Игнашина жена; длина двору и поперег двора по четыре сажени. Двор Исаковская жена Устьянова вдова Овдотьица Семёнова дочь длина двору дватцать сажен, а поперег одиннатцать сажен.
- л. 299
- л. 299 об.

- л. 300 Двор Третьячко Лукьянов, плотник; длина двору и огороду пятнадцать сажен, а поперег двора семь сажен, а огорода поперег девять сажен. Двор Никифорик Спицын; длина двору восемь сажен, а по // перег двора пол осмы сажени, а огороду длина и поперег по двенадцать сажен. Двор Назимко Некрасов; длина двору пол семы сажени, а поперег шесть сажен, а огороду длина полдесяты сажени, а поперег девять сажен. Двор Ондрейко Кузмин да сын его Богданко; длина двору и поперег двора по осми сажен, а огороду длина десять сажен, а поперег девять сажен. Двор Олексейко Федотов да сын его Онисимко; длина двору восемь сажен, а поперег пол семы сажени, а огороду длина девять сажен, а поперег // шесть сажен.
- л. 300 об. Двор Сенка Иванов, гуселник; длина двору шесть сажен, а поперег четыре сажени без лохти, а огороду длина девять сажен, а поперег три сажени. Двор Михалко Деметьев [сын] Ревякин; длина двору пять сажен, а огороду длина тринадцать сажен, а поперег двора и огорода по шти сажен. Степанко Иванов Брехов, да сын его Третьячко; длина двору восемь сажен, а поперег шесть сажен, а огороду длина девять сажен, а поперег восемь сажен. Двор Омелка Мо // сеев, плотник; длина двору шесть сажен без лохти, а поперег пять сажен без лохти, а огороду длина восемь сажен, а поперег пол семы сажени. Двор Якушко Васильев да Воскресенья Христова церковной дьячек Фетко Микифоров; длина двору и поперег двора по полу осме сажени. Двор Иванко Фомин Ляховского да подсоседник его кlementьевской дьякон Поспел Ильин; длина двору восемь сажен, а поперег четыре сажени, а огороду длина девять сажен, а поперег пять сажен без лохти. Двор Кли // шко Титов; длина двору пятнадцать сажен, а поперег пять сажен. Двор Якушко Игнатъев Белозер; длина двору десять сажен, а поперег пол пяты сажени, а огороду длина пять сажен, а поперег полчетверты сажени. Двор Пантелейко Никифоров; длина двору двенадцать сажен, а поперег пол пяты сажени. Двор Илейка Иванов; длина двору семь сажен, а поперег пол осмы сажени, а огороду длина пол одиннатцаты сажени, а поперег четыре сажени без лохти. Двор Ива // нова жена Погиблцова вдова Овдотьица; длина двору восемь сажен, а поперег пол шесты сажени, а огороду длина десять сажен, а поперег шесть сажен. Двор Гридя Семенов, кузнец; длина двору и огороду пол шестынатцаты сажени, а поперег двора восемь сажен, а огорода поперег пол семы сажени, да его ж огород отхожей у ручья у Грубици, длина ему шесть сажен, а поперег пять сажен. Двор Исачко Гришин да сын его Первушка; длина двору /и огороду/ четырнадцать сажен, а поперег пол пяты са // жени, да его ж огород у ручья у Грубици, длина ему шесть сажен, а поперег пять сажен. Двор Смирка Яковлев, зелейник, да сын его Ерема; длина двору и огороду шеснатцать сажен, а поперег двора девять сажен, а огорода поперег пол четверты сажени, да их же огород у ручья у Грубици, длина ему шесть сажен, а поперег пять сажен.
- л. 302 об. *В Воскресенском конце дворы тяглые.* Двор воскресенской поп Обросим Олексеев да подсоседник его Иванко Онисимов; длина двору // девять сажен, а поперег восемь сажен, а огороду длина и поперег по семинатцати сажен. Двор Иванко Иванов; длина двору и поперег двора по шти сажени, а огороду длина и поперег по тринатцати сажен. Двор Юшко Иванов, сапожник; длина двору восемь сажен, а поперег пять сажен, а огороду длина и поперег по шти сажен. Двор воскресенской понамарь Куземка Филипов; длина двору и поперег двора по пяты сажени, а огороду длина дватцать сажен, а поперег восемь сажен. // Двор Митя Михайлов да братья его Кешко да подсосудник их Митя Тарасов, мясник; длина двору восемь сажен, а поперег двора семь сажен, а огороду длина десять сажен, а поперег тож. Двор Матюшка Михайлов; длина двору четыре сажени, а поперег три сажени, а огороду длина восемь сажен, а поперег семь сажен. Двор Иванко Микитин [сын] Кобылин; длина двору и огороду пол четвертынатцаты сажени, а поперег двора восемь сажен, а огорода поперег пять са // жен, да за
- л. 303
- л. 303 об.
- л. 304

ним же огород у Воскресенья Христова, длина ему пять сажен, а поперег четыре сажени. Двор Савка Гаврилов; длина двору и поперег двора по полу пята сажени, а огороду длина пол четверты сажени, а поперег пол третьи сажени.

- л. 304 об. *Конец Богородитцкой, а в нем дворы тяглые.* Двор Фетко да брат его Матвейко Яковле // вы; длина двору пол десяти, а поперег пол шести сажени, а огородом их двум длина четырнатцать сажен, а поперег десять сажен. Двор Лучка Семенов да Третьячко Фуфаев, длина двору девять сажен, а поперег двора пять сажен без лехти, а огороду длина дватцать сажен, а поперег девять сажен. Двор Степанко Иванов; длина двору восемь сажен, а поперег пол четверты сажени, а огороду длина десять сажен, а поперег четыре сажени. Двор Юшко Семенов, портной мастер; дли // на двору восемь сажен, а поперег пять сажен, а огороду длина пять сажен, а поперег четыре сажени. Двор Саватейко Мосеев, мясник; длина двору шесть сажен, а поперег тож, а огороду длина одиннатцать сажен, а поперег семь сажен. Двор Иванко Фролов; длина двору восемь сажен, а поперег семь сажен, а огороду длина пятнатцать сажен, а поперег девять сажен. Двор Петрушка Титов шепетинник; длина двору шесть сажен, а поперег восемь сажен, а огороду длина и по // перег по четыре сажени. Двор Микифорко Матвеев, гуселник; длина двору и поперег двора по шти сажен, а огороду длина пять сажен, а поперег четыре сажени. Двор Петеля Семенов; длина двору шесть сажен, а поперег пять сажен. Двор Сенка Матвеев; длина двору и огороду дватцать две сажени, а поперег двора шесть сажен, а огорода поперег двенатцать сажен. Двор Труфанко Мартемьянов; длина двору девять сажен, а поперег восемь сажен. Двор Рыба Оверкиев Иванов // сын; длина двору шесть сажен, а поперег три сажени. Двор Фомка Макарьев; длина двору шесть сажен, а поперег четыре сажени. Двор Суханко Ортемьев, (мясник⁵); длина двору шесть сажен, а огороду длина тринатцать сажен, а поперег двора и огорода по шти сажен. Двор Пашко Ларин; длина двору пять сажен, а огороду длина тринатцать сажен, а поперег двора и огорода по ште сажени. Двор Олексейко Фомин [сын] Дубровского земец; длина двору девять сажен, а огороду длина одинна // тцать сажен, а поперег двора десять сажен, а огорода поперег семнатцать сажен, да его ж огород против двора, длина ему десять сажен, а поперег семь сажен. Двор Фетко Степанов; длина двору девять сажен, а поперег пять сажен с лохтем, а огороду длина семнатцать сажен, а поперег пол пяты сажени. Двор пречистенской сторож Ворыпанко Иванов; длина двору и огороду дватцать пол третьи сажени, а поперег двора девять сажен, а огорода поперег пол пя // ты сажени. Двор Сенка Кузмин да сын его Демитко, да подсоседник их Иванко Кузмин; длина двору восемь сажен, а поперег семь сажен, а огороду длина семнатцать сажен, а поперег шесть сажен. Двор Ларка Иванов, сапожник; длина двору пол осмы сажени, а огороду длина пол четвертынатцаты сажени, а поперег двора и огорода по полу осме сажени. Двор Никитка Кузмин да зять его Лашюк; длина двору пол четверты сажени, а поперег две сажени. Двор Ма // карко Осташков да брат его Третьячко, да подсоседник их Огафонко Обакумов; длина двору девять сажен, а поперег пол шести сажени, а огороду длина пять сажен, а поперег три сажени. Двор Петрушка Матвеев, портной мастер да Иванко Кондратов, хлебник; длина двору одиннатцать сажен, а поперег восемь сажен. Двор Михалко Иванов [сын] Скрыбин, молодожник; длина двору девять сажен, а поперег шесть сажен. Двор Сенка Васильев, хлебник, да Костя Кляйнов, да Иванко Терен // тьев, хлебник; длина двору пол осмы сажени, а поперег полторы сажени, а огороду длина одиннатцать сажен, а поперег четыре саженки. Двор Вешнячко Семенов, хлебник; длина двору одиннатцать сажен, а поперег пол семы сажени, а огороду длина семь сажен, а поперег пол пяты сажени. Двор Лучка Иванов да брат его Васюк, да Лукин сын

- л. 308 об. Якуш, да подсоседник их Петрушка сапожник; длина двору двенадцать сажен, а поперег шесть сажен, а ого // роду длина шесть сажен, а поперег пол шести сажени. Двор Ондророва жена Кузнецова вдова Анница да сын ее Гришка; длина двору пятнадцать сажен, а поперег пять сажен, а огороду длина одиннадцать сажон, а поперег десять сажон. Двор Гришина Сивцова жена вдова Офимьица; длина двору пятнадцать сажон, а поперег четыре сажени с лохтем. Двор Негодяйко Мартынов да Иванко Космыня Кондратьев, молодожник; длина двору двенадцать сажен, а поперег шесть сажен с лохтем. Двор Матвейко Ондронов Шишка; длина двору семь сажон, а поперег шесть сажен. Двор Богданко Орефинов, мясник; длина двору семь сажен, а поперег пол пяти сажени. Двор Васка Яковлев Онитин; длина двору пол пяти сажени, а поперег пол шести сажени, а огороду длина восемь сажон, а поперег четыре сажени. Двор Лешюк да Нечайко, да Иванко Васильевы дети; длина двору тринадцать сажон, а поперег семь сажен.
- л. 309 об. Двор Васка // Степанов, скорняк, да церковной дьячек Богданко Федоров да сын его Ивашко, да Васюков сын Демка; длина двору четырнадцать сажен, а поперег шесть сажон. Двор Микулка Юрьев, колачник, да Гришка Никитин; длина двору четырнадцать сажен, а поперег пять сажен, а огороду их длина одиннадцать сажен, а поперег семь сажон. Двор Тимофейко Омелянов, хлебник; длина двору восемь сажен, а поперег семь сажон, а огороду длина восемь сажен, а поперег пол осмы // сажени. Двор Гриша Бирич Иванов; длина двору и огороду семнадцать сажен, а поперег пол осмы сажени, а огороду длина одиннадцать сажен.
- л. 310

В Ладогe ж на посаде в Николском конце дворы и места дворовые пусты:

Двор Фетка Васильева; длина двору и огороду дватцать четыре сажени, а поперег двора пол шести сажени, а огороду поперег 6 сажен. Двор Иванка Жеребцова; длина двору и огороду 20 сажен, а поперег двора и огорода по 6 сажон без лохти. // Двор портомойника Иванка; длина двору и огороду восемь сажен и поперег двора 7 сажен, а огороду поперег 2 сажени. Двор Матвейка Ондреева; длина двору 4 сажени, а поперег 6 сажен, а две(м) огородом длина и поперег по 10 сажен. Место дворовое Исачка Степанова; длина ему 13 сажон, а поперег 7 сажен. Двор Лашюковское Поповкина; длина дворищу и огороду 20 сажен, а поперег осмь // натцать сажен.

л. 310 об.

л. 311

В Воскресенском конце дворы и места дворовые тяглые пусты. Место дворовое Рудинское; длина двору и огороду семь сажен, а поперег двора и огорода по шти сажен. Двор Богдашка Ереллена; длина двору восемь сажен, а поперег пол пяти сажени, а огороду длина пол одиннадцати сажени, а поперег пол четверты сажени. // Место дворовое Невзорково, скоророхова; длина двору и огороду семнадцать сажен, а поперег девять сажен. Двор Иголкинской Ермолина; длина двору пол девяти сажени, а поперег пол пяти сажени, а огороду длина девять сажен, а поперег пол четверты сажени. Место дворовое Исачка Семенова; длина дворищу и огороду двенадцать сажен, а поперег шесть // сажен.

л. 311 об.

л. 312

И всего в Ладогe на посаде живущих тяглых 112 дворов, людй в них 158 человек да 7 дворов пустых, да 5 мест дворовых. В Ладогe ж на посаде у посадчких людей во дворех и против дворов анбары и щербети товарные. Анбар Юшка Ортемова 2 сажен без лохти. Щербет Кости Олексеева 2 сажен без лохти. Щербет Ромашка Гришина пол 2 сажени. Щербет Ондрейка // Кузмина 2 сажен. Щербет Михалка Дементьева 2 сажен. Щербет Якуша Васильева пол 3 сажени. Анбар Климца Титова 3 сажен без лохти. Анбар Исачка Гришина 2 сажен. Щербет Смирка Яковлева 2 сажен. Щербет Луки Семенова сажени с лохтем. Щербет Богданка Орефина 2 сажен. Анбар Фетка Яковлева 2 сажен. Щербет Степанка Павлова сажени с лохтем. Щербет Яшка Семенова пол 2 сажени. Щербет Иванка Фролова 2 сажени. Анбар Саватейка Мосеева пол 2 сажени. // Анбар Степанка Павлова да Ширядка Курова пол 4 сажени. Анбар Лучки Иванова 3 сажен. Анбар Семейки

л. 312 об.

л. 313

- Корохова пол 2 сажени. Щербет Вешняка Семенова пол 2 сажени. Анбар Ондреевы жены вдовы Анницы 3 сажен с лохтем. Анбар Петруши Титова 2 сажен. Анбар Григорьевы жены вдовы Офимьицы 3 сажен с лохтем. Анбар Васки Яковлева 3 сажен с лохтем. 2 анбара Олешкины да Нечайковы, да Иванковы Васильевых детей, анбар 2 сажон, а другой пол 2 сажени. // Анбар Васки Степанова пол 4 сажени. Анбар Микулки Юрьева 3 сажен с лохтем. Анбар Нечайка Васильева Калинина пол 3 сажени. Анбар Васки Степанова пол 2 сажени.
- л. 313 об. *Да в Ладоге ж на посаде анбары на монастырской земле Успенья Пречистые девича монастыря.* Анбар Иванка Фларева пол 2 сажени. Анбар Нечайка да Лешука да Иванка Васильевых 2 сажен. Анбар Суханка Ортемова мясника, пол 2 сажени. //
- л. 314 *Да в Ладоге ж на посаде анбары Успенья Пречистые девича монастыря,* а торгуют в них, приезжая в год на два праздника, на Успенье Пречистые Богородицы да на Рожество Пречистые, ноугородци посадские люди, а дают в монастырь на темьян по 2 алтына с анбара: анбар пол 3 сажени, анбар 4 сажен, анбар 2 сажен, анбар пол 2 сажени, 3 анбары под папертью 4 сажен, 2 анбара пол 3 сажени, 2 анбара по сажени, 3 анбары 2 са // жен.
- л. 314 об. *И всех ладожан посадских людей щербетей и анбаров 33 да Успенья Пречистые девича монастыря 12 анбаров, а во государеву казну дают с тех щербетей и анбаров ладожским тамощикам с сажени по 10 денег.*
- л. 315 *А оброков с Ладоги с посаду во государеву казну идет в год пишалных денег со 108 дворов 36 рублей и 26 алтын и пол 6 деньги да пошлин 6 алтын, да оброку 3 рубли и 8 алтын з двора по алтыну, да пошлин 5 алтын и пол 3 деньги. // Да за намеснич откуп ладожских намесников идет 25 рублей до пошлин пол 2 рубли, с рубля по 2 алтына //*
- л. 315 об. *Да у ладожан же у посадских людей под посадом пашни в розных местех, что была преж сего за земцы за Митею да за Омелянком огороду длина сорок без трети десятин, да пашни 5 десятин, сена ставитца 50 копен, на десятине по 10 копен, а оброку дают в государеву казну с тое пашни и пожни 23 алтыны и пол 2 деньги да пошлин 7 денег.*
- л. 316 *Да у ладожан же у посадских людей на оброке по грамоте ноуго // родичких дьяков Василья Степанова сына Угримова да Левонтья Онанына лета 7071 (1562/1563 гг.) на реке на Вохове да на Ладоском озере рыбных ловель:*
- л. 316 *На Волхове тони сиговых ловель.* Тоня Звягинская Дристуха, Тоня Бакланиха под круглым полем. Пол чети тони сиговых Богдани что была за Юшком за ... неговым, а половина тое тони за ним же на старом оброке, // а полторы чети тое полутони Троецкого монастыря с Ысада. Четь тони сиговые, что была за Никифором за Апрелевым, а три чети тое тони за ними же на старом оброке. А в тех трех четвертях тони сиговые ловит троецкому игумену из Обонежские пятины в третьей год четь тони. Четь тони Шишковы, что была /за Васильем за Клементьевым /да за/ Федором за Остафьевым // сыном Глухова, а дру/га/я половина тое тони за ладожаны ж на старом оброке. Пол тони Головина, что была за Никитою за Скобелциным, а другая половина тое тони за ладожаны ж на старом оброке. Четь тони Березски, что была за Никитою за Скобелциным, а три чети тое тони за ладожаны ж на старом оброке. // *Да на Волхове ж вешние ловли лещовые тони.* Тоня под Заболотьем выше Ладоги Марфинская Исаковы. Тоня под Узица. 2 тони пониже Ладоги над островом под Стриковцом Матвеевские Телятева. Тоня Юрьевская против Любшина омута. Тоня Кривулина Григорьевская Ногаткина. Тоня Григорьевская Мурашкина. // Тоня Новица Григорьевская Тучина, лустая, пониже Березки. *Да на Ладожском озере вешние лещовые ловли:* в Борутицах 11 мест, в Березовом 7 мест, в Дерну 5 мест, в Воченицах 17 мест, в Сторожне 6 мест, на Тяганцех 18 мест, на Салцове пол 2 места, на Клубучем 10 мест, на Сухоше 5 мест, на Славинце
- л. 317 *место, // на Чюткине 2 места, на Платке 3 места, на Воротке 3 места, на Кирвети 6 мест, на Княжом 3 места, у Кирвети место.*
- л. 317 об.
- л. 318
- л. 318 об.

Да на Ладожском же озере осенние ловли: на Носу на Сухоше 2 лотки Андреяна Далюбских на Бережницах, да на Салцове лотка, что была за земци за Ондрюшкою за Далюбским, да на Цилкине лотка, что была за Блудовыми // земци, да на Домахе лотка, что была за Офонаском Рогато/й вши/, да на Княжом Носу, что были Ширинских земцов, лотки Микулки с Устья, лотка Головиных земцов, да 2 лотки на Пещанке Сенки Гостишина, да лотка Некраска Дмитриева.

л. 319

И всего за ладожаны за посадцикими людми на оброке пол 13 тони и полчети тони, да вешних лещовых ловель 100 мест, да осенние ловли 11 лоток, а оброку дают за ры // бную ловлю з году на год 39 рублей и 28 алтын, 4 деньги, да пошлин с рубля по 10 денег в московское число.

л. 319 об.

Да ладоженя ж посадцикие люди дают оброку за осетровую ловлю, что ловили на государя в Бванские да в Петровские ночи по 2 рубля и по 24 алтыны и по 4 деньги, да пошлин 4 алтына и пол 4 деньги в московское число.

л. 320

Да ладоженя ж посадцикие рыбные // ловци дают оброку Ладожского порога целовальником за рыбную ловлю с 27 поездов 54 человеком 7 рублей и 4 деньги в московское число, с человека по 4 алтыны и по 2 московки. Да рыбного дают ноугородциким зборщиком 3 рубли и 8 алтын по 2 алтына с человека. //

л. 320 об.

В Ладогѣ ж на посаде монастыри: Монастырь девич Успенья Пречистые Богородици, а под монастырем в огородах пашни четверть десятины.

л. 321

Монастырь девич Рожества Христова. Монастырь Николы Чюдотворца, а угодья под монастырем полдесятины, ставитца⁶ копен, да Николского же монастыря // из Ладogi за игуменом за Захеею з братьею по грамоте ноугоротцких писцов Федора Игнатъевича Салтыкова да Семена Молвянинова с товарищи на оброке от лета 7069 (1560/1561 гг.) году по конец Ладogi на берегу реки Волхова 12 дворищ пустых да лужек Марфинской Исаковы да 2 тони Котели да 2 тони Бряхотина выше Лужку, а другая половина тое тони Васильевского монастыря из Обонежские пятины, да тоня под Могилицами под лугом под Победишем, а оброку // им с тех дворищ и лужку и с тонь давати в цареву и великого князя казну в Великом Новегораде 30 алтын на год.

л. 321 об.

***

¹ Кирпичников А.Н. Посад средневековой Ладogi // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 170–180. В статье проанализирована опись 1568 г., но опубликовать ее не удалось.

² Кирпичников А.Н., Сарабянов В.Д. Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб, 1996. С. 17.

³ Самоквасов Д.Я. Архивный материал: Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. М., 1909. Т. 2. С. 303–306.

⁴ Кирпичников А.Н. Посад... С. 180; Русская историческая библиотека. Л., 1926. Т. 38. С. 187, 199–200.

⁵ Восстановлено по описи 1572 года.

⁶ Число не проставлено.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ г. ОСТАШКОВА (исследования в зоне южных рубежей Новгородской земли)

По состоянию на 1992–1993 гг. в Осташковском районе Тверской области на государственной охране стояло 564 памятника археологии, среди которых подавляющее большинство составляют стоянки каменного века, а остальное — селища раннего и развитого средневековья, отдельные курганы и курганные группы, городища железного века и средневековья, а также несколько исторических каменных крестов и валунов¹. В результате инвентаризации памятников в 1993 г. были выявлены 18 новых археологических объектов только на восточном берегу оз. Селигер, что позволяет надеяться в дальнейшем на обнаружение и других древних поселений и могильников.

Берега Селигера, других верхневолжских озер и рек были освоены человеком, видимо, уже после отступления ледника. Тогда же была обжита и территория современного г. Осташкова. Экспедиции Н.Н. Гуриной и Д.А. Крайнова открыли здесь серию стоянок каменного века, а также и раннесредневековое селище VIII–IX вв. На юго-западной окраине города известно не менее 5 стоянок каменного века на реке Емша, по предварительной оценке отнесенных к IV–III тыс. до н.э. Площадь стоянок достигает 0,2–0,4 га, их поверхность распахивается и культурный слой перемешан. На пашне собраны различные кремневые орудия — скребки, ножи, ножевидные пластины и многочисленные отщепы. Поселения в этом месте существовали и позднее — в эпоху бронзового и железного века. Среди находок имеются костяные привеска-штамп, обломки пещни, изделия с нарезками, обломки льячки (?), многочисленные кремневые орудия, фрагменты лепных сосудов

с ямочным орнаментом и косыми оттисками гладкого штампа, оттисками зубчатого штампа и зигзагов, сделанных с его помощью.

Разновременные памятники открыты в 1980-е гг. и на о. Кличен.

В 1980 г. А.Д. Максимов обнаружил кратковременную стоянку охотников и рыболовов раннего неолита (IV тыс. до н.э.) на северном берегу острова, в небольшой бухте первой надпойменной террасы Селигера. Поверхность ее размыта и развеяна, а культурный слой перемешан. На небольшой площади (60×20 м) собраны кремневые орудия: вкладыш-резец на пластине, концевой скребок, ножевидная пластина, скребок на отщепе. На этом берегу отмечено и селище X–XIV вв., где собрана разнообразная керамика: лепная, раннегончарная, фрагменты круговой керамики из беложгущейся глины XIII–XIV вв. с линейным орнаментом и ногтевыми вдавлениями. Здесь же, в сосновом лесу, зафиксированы одиночный курган и курганный комплекс конца I–II тыс. н.э., включавшая не менее 63 насыпей различной формы — округлые, овальные и подпрямоугольные. Высота курганов 0,2–14 м, окружность 13–25 м.

В центре города Осташкова, на мысу у северо-восточной оконечности полуострова, повышение рельефа местности указывает место городища — первоначально укрепления Осташковской слободы. На этой территории прекрасно сохраняется плотная городская застройка XVIII — начала XX вв. В названиях улиц — Ефстафьевская, Тимофеевская — отражена история города. Кроме того, в районе ул. Урицкого прослежены остатки поселения, существовавшего с XIII–XIV вв.

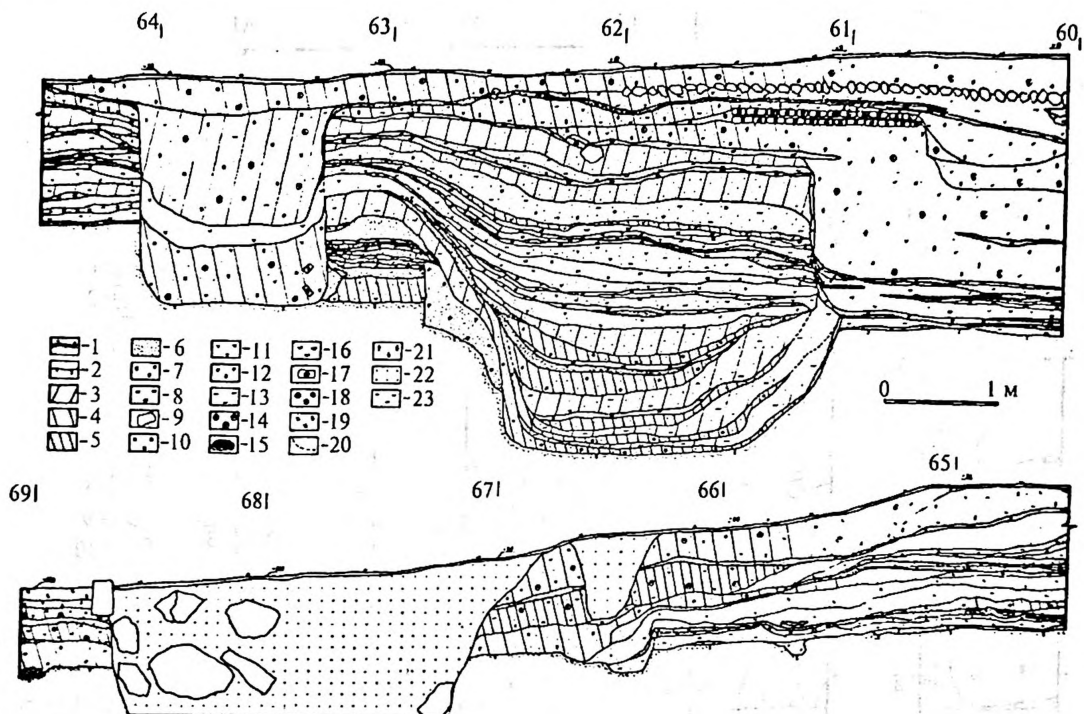

Рис. 1

Осташков. Трэнша. Разрез остатков деревянных сооружений.

Условные обозначения: 1 — дерн; 2 — материк; 3 — светло-коричневый гумус; 4 — коричневый гумус; 5 — темно-коричневый гумус; 6 песок; 7 — белый песок; 8 — глина; 9 — отдельный камень; 10 — мелкие камни, галька; 11 — уголь; 12 — разрушенный уголь; 13 — зола; 14 — угольные конкреции; 15 — бревно; 16 — древесный тлен; 17 — кирпич; 18 — кирпичная крошка; 19 — асфальт; 20 — условная граница слоев; 21 известь; 22 — перекоп; 23 — строительный раствор.

В слое мощностью до 0,45 м собраны фрагменты гончарной керамики.

Исторические данные об Осташкове.

В своде археологических памятников Тверской губернии В.А. Плетнев пересказывает основные исторические вехи развития поселения и предположения относительно времени и места расположения летописного Кличена². В раннем средневековье по верховьям Волги, р. Селижаровке и Селигеру проходила одна, возможно основная, трасса Волго-Балтийского торгового пути, по которому, из стран Исламского Востока на Русь поступало серебро и различные товары. В это время на ключевых участках водного пути появились открытые поселения и городища. Селигерский путь на протяжении всего средневековья служил для прохождения и торговых караванов и воинских отрядов к Новгороду и обратно — «на низ», а территория Осташковского района тяготела к Новгородской земле и была ее крайним рубежом.

На страницах летописей озеро «Серегер» отмечено неоднократно: под 1199 г. — «на озери Серегери представился архиепископ

Мартурин, ехавший во Владимир»; под 1216 г. — «князь Мстислав же поиде Серегером... и вниде в свою волость... и бысть върху Волзе»; под 1229 г. — «тое же зимы приидиша Литва и воеваше Любне, Мореву и Серегер». В 1238 г. после разорения Торжка отряд монголо-татар преследует ушедших новоторжцев, разоряя на своем пути встречающиеся поселения. «Тогда же гнашася безбожнии Татарове от Торжку Серегерскимъ путемъ до Игнача креста а все люди секуще, аки траву. За сто верст толико Новгорода не дошли...»³.

Селигер упомянут в новгородской берестяной грамоте 80-х гг. XI в. (№ 526), где читается: «Серегери на Хъмоуне и на Дрозде 5 гр(и)внъ бес коуне». В документе исследователи видят запись ростовщика или перечисление дани, собираемой в разных районах Новгородской земли. Написание озера здесь соответствует летописному⁴.

Все приведенные данные свидетельствуют о существовании особого Селигерского района и о важном, проходящем здесь, речном и озерном пути.

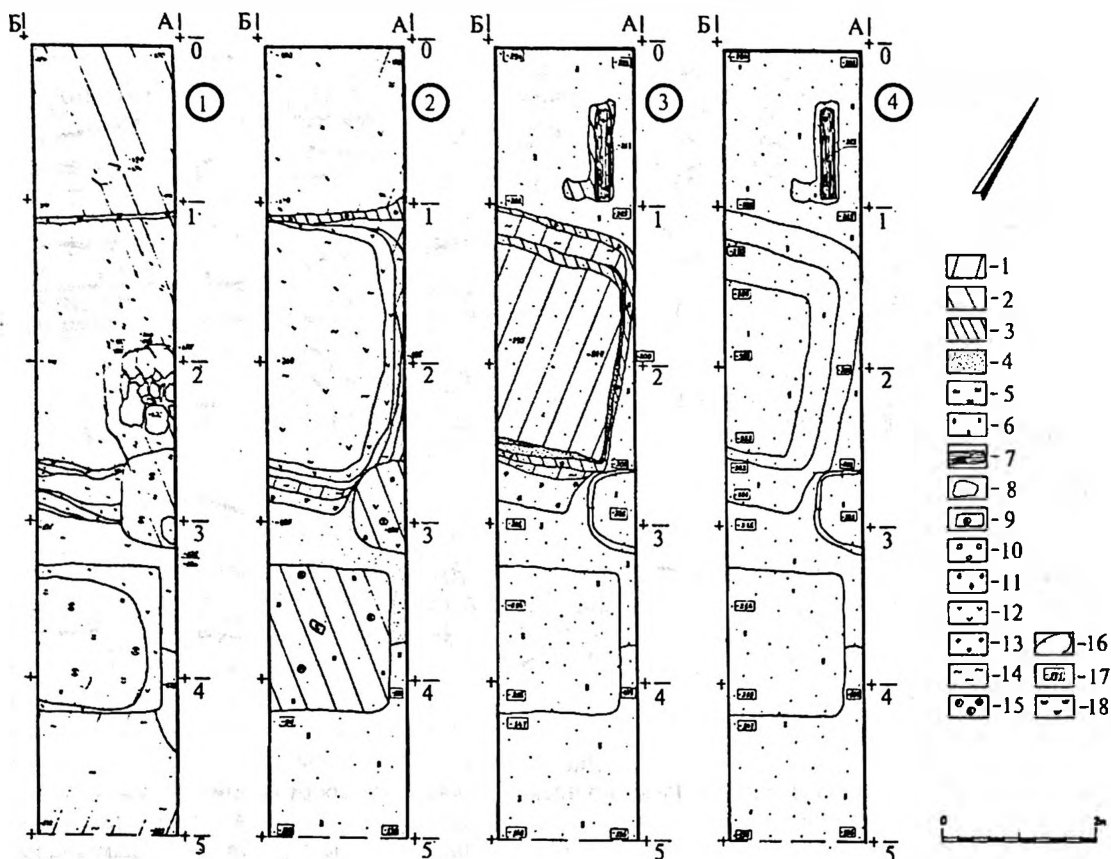

Рис. 2

Фрагменты раскрытых сооружений в плане.

Условные обозначения: 1 — светло-коричневый гумус; 2 — коричневый гумус; 3 — темно-коричневый гумус; 4 — песок; 5 — глина; 6 — материк; 7 — дерево; 8 — отдельный камень; 9 — кирпич; 10 — мелкие камни, галька; 11 — песчаник; 12 — уголь; 13 — разрушенный уголь; 14 — зола; 15 — кирпичная крошка; 16 — ямы; 17 — нивелировочные отметки по матерiku; 18 — древесный глел.

В XIV—XV вв. Верхневолжские озера были предметом столкновений Москвы с Литвой и неоднократно переходили из рук в руки. В грамоте литовского князя Ольгерда 1371 г. упомянут «город» Кличен, располагавшийся, как считают исследователи, на одноименном острове в границах г. Осташкова. В 1393 г. этот пограничный городок был разорен новгородцами: «Потомъ же Новгородцы съ княземъ Романомъ Литовскимъ събраша рать многу, и со княземъ Константиномъ Васильевичемъ Белозерскимъ въ велицей силе поидоша на великого князя Василея Дмитриевича и взяша городъ Кличенъ и Устюжну»⁵.

К концу XV в. земли Осташковского района полностью вошли в границы Московского государства, но оставались пограничными владениями с Литвой. В отказной грамоте 1477 г. Волоцкого (Волоколамского) князя Бориса Васильевича

своей супруге Ульянии упомянуты две слободки на месте г. Осташкова, «которые на кличенской земле сели». Одна из них была подарена волоцким князем Федором Борисовичем Иосифо-Волоколамскому монастырю, а другая в середине XVI в. отошла к московскому митрополиту. Одно из поселений основано, по преданию, кличенским рыбаком Евстафием (Осташкой), переселившимся на ближайший мыс после разорения «городка Кличена» новгородским войском в 1393 г., другое — обосновавшимся по соседству Тимофеем⁶. В настоящее время археологические изыскания не подтверждают достоверной локализации городка Кличена на одноименном острове. Правда П.А. Раппопорт видел городок «не на основной части острова, а на полуострове, отделенном от самого острова узким перешейком» и относил его к городищам островного типа⁷.

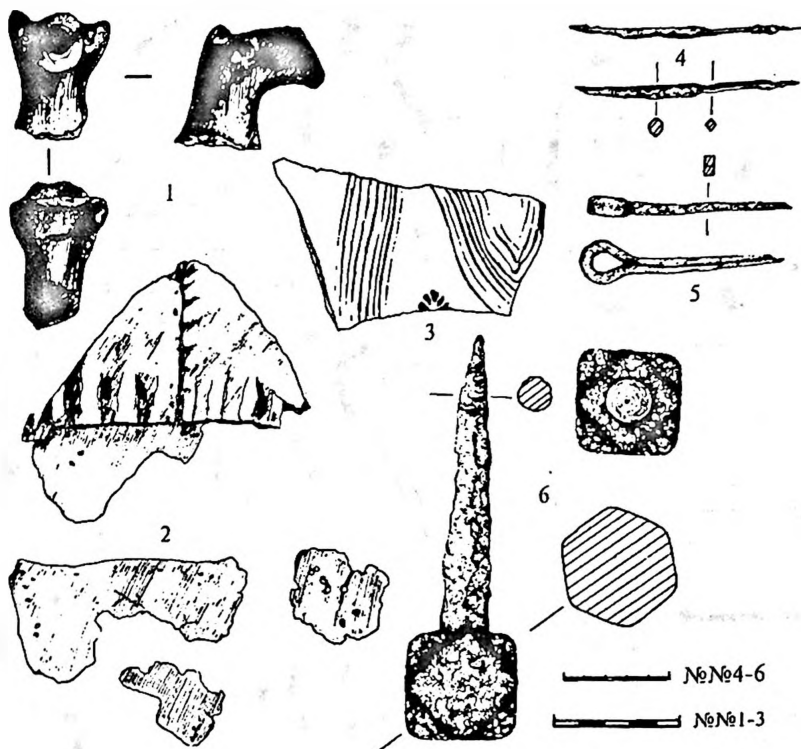

Рис. 3

Индивидуальные находки: 1 — носик глиняного рукоя; 2 — фрагменты кожного поршня и подметки; 3 — фрагмент красноглиняной «макитры» с зеленой поливой; 4 — шило; 5 — пробой; 6 — воротная ось (?).

Во второй пол. XV в. «осташевские» деревни стали многолюдными, приобрели некоторые льготы и стали именоваться «слободами». Первые деревянные оборонительные сооружения были построены в 1587 г. для защиты местного населения слобод «по причине близости Литовской границы». В 1608 г. крепость взята отрядом Лжедмитрия II, но в 1610 г. она выдержала осаду польско-литовских войск. В 1651–1653 гг. по указу царя Алексея Михайловича построена новая «деревянная крепость», но в ночь на 22 сентября 1676 г. здесь «сгорело много дворов, церкви и город». Указом царя Федора Алексеевича по Пушкарскому приказу от 25 октября 1678 г. на имя патриаршего приказного Корнилы Сурмина велено было строить крепость, как и прежде строили, т.е. «обеих осташковских слобод жильцами». Строительство продолжалось три года. Стена, охватившая площадь треугольной формы, шла по краю природного всхолмления на протяжении 280 саженей. Снаружи был вырыт глубокий ров.

После расширения границ Московского государства на запад крепость потеряла свое оборонительное значение, и после пожара

1711 г., истребившего крепостные здания, кроме церквей и «палатки», укрепления не восстанавливались. Площадь бывшей крепости стала стихийно застраиваться «осташами», пока в 1770 г. Указом Екатерины II слободам не были пожалованы права города. Уже в 1772 г. новгородский генерал-губернатор Я.Е. Сиверс представил на утверждение императрицы регулярный план г. Осташкова, выполненный архитектором И.Е. Старовым.

С XVIII в. обилие рек и озер, судоходных и волоковых речных путей, способствовало созданию системы шлюзов Вышневолоцкой системы и развитию судоходного промысла в целом. Избыток леса вел к развитию лесосплава. Эта деятельность активно развивалась и в Осташковском уезде. В Осташкове стал активно развиваться сапожный промысел, учитывавший возросшую потребность в добротной обуви для рыбаков и других жителей, связанных деятельностью на воде и возле нее. Значительное развитие скотоводства, способствуя дешевизне сырых кож, дало возможность распространиться кожевенным и юфтевым заводам. С развитием кожевенного производства расширяется

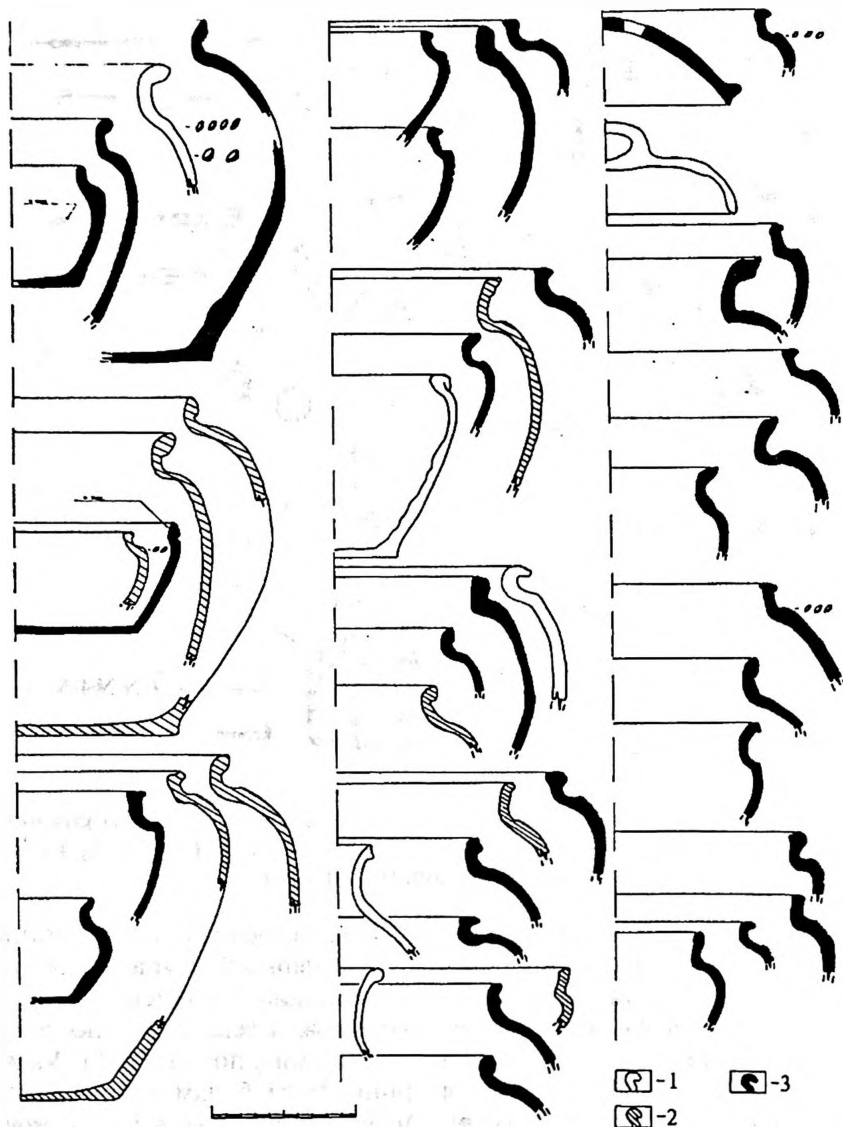

Рис. 4
Профили керамики.

Условные обозначения: 1 — белоглазая керамика; 2 — красноглиняная керамика; 3 — серо-глиняная керамика.

сапожный промысел в Осташкове, а также в Краснохолмском, Кашинском, Корчевском и Калязинском уездах⁸.

Раскопки оборонительных укреплений. В 1992 г. областной отряд археологической экспедиции Тверского государственного объединенного музея провел охранные работы на месте прокладки теплотрассы к зданию Осташковского краеведческого музея. Здесь на пересечении улицы Володарского и переулка Адрианова исследовалась траншея шириной 2 м и длиной 49 м. Большее колено траншеи пролегло по переулку, вдоль подножия естественного песчаного всхолмления, второе колено шло перпендикулярно первому

и прорезало склон всхолмления в том месте, где проходила южная сторона дерево-земляной крепости XVI начала XVIII вв., позднее сгоревшей и сnivelированной в результате хозяйственной деятельности жителей и перепланировки слободы после 1772 г. На участке раскопок 1992 г. следы оборонительных сооружений еще визуальнo «читались» на местности.

При разборке нижних отложений культурного слоя в северной части траншеи открыт фрагмент основания деревянной конструкции (?), заглубленной в материк на 1,0–1,4 м. Ширина ее на уровне материка составляла 3,6 м, а внизу — более 2 м.

В заполнении сооружения встречены слои песка разной степени гумусированности, прослойки глины, угля, золы и древесного тлена (Рис. 1). Наблюдения за планиграфией при разборке слоев, особенно чередования напластований в заполнении основания сооружения, а также следы прорезки тех или иных отложений позволяют предположить, что здесь встречены остатки деревянного строения, возможно, со свободным внутренним двором (рис. 2). Снаружи стена, видимо, была обмазана слоем глины. Судя по слоям угля, золы, древесного тлена и глины, сооружение горело не менее двух раз и восстанавливалось на прежнем месте с учетом единых плановых и конструктивных особенностей. Последняя из конструкций, частично сгоревшая и истлевшая, более не восстанавливалась.

Среди немногочисленных находок в нижней части заполнения сооружения и рядом с ним встречены железные шило, пробой, дверная (воротная?) ось, а в предматериковых слоях южнее — фрагмент красноглиняной «макитры» с зеленой поливой («муравчатой»), носик глиняного

рукомя в виде головы животного (коня?) и кожаный поршень с подметкой (Рис. 3). Массовый материал представлен фрагментами и целыми формами беложгущейся, красно- и сероглиняной керамики (Рис. 4). Данный вещевой комплекс характерен для русского позднего средневековья и может быть определен в рамках XVI—XVIII вв.

Элементы вскрытых конструкций отличаются от известных оборонительных сооружений русских городов. Среди особенностей надо назвать заглубленность основания стен и их незначительную толщину, а также отсутствие внутреннего заполнения городней песком, камнем или глиной⁹. Толщина раскрытой части постройки составляет, на разных этапах существования, от одной сажени до «двух без чети», принимая за основу трехаршинную сажень (216 см), установленную для городского дела после 1649 г.¹⁰ Учитывая незначительную ширину прорезки вала открытое здесь заглубленное сооружение могло быть подвалом наземной постройки, стоявшей здесь до закладки крепости.

***

- 1 Курбатов А.В. Историко-культурные валуны Тверской области // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 1. Тверь, 1996. С. 91—104; Максимов А.Д. Краткие итоги и перспективы изучения памятников раннего железного века Тверской области // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994. С. 108—115; Малыгин П.Д. Некоторые итоги и проблемы изучения средневековых древностей территории Тверской области // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994. С. 116—128.
- 2 Плетнев В.А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии (к археологической карте губернии). Тверь, 1903. С. 41—43.
- 3 Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 58.
- 4 Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978. С. 124—127; Рыбина Е.А. Древнерусские города в новгородских берестяных грамотах // ННЗИА. Вып. 4/5. Новгород, 1992. С. 54.
- 5 Новгородская 4-я летопись // ПСРЛ. Т. 4. СПб., 1848. С. 100; Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. XI. СПб., 1897. С. 154.
- 6 Токмаков И.Ф. Город Осташков Тверской губернии и его уезд. Сборник историко-статистических и археологических сведений. М. 1906. С. 18; Покровский В.Ф. Историко-статистическое описание г. Осташкова. Тверь, 1880. С. 7—9.
- 7 Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. // МИА. Вып. 105. М., 1961. С. 58.
- 8 Покровский В.Ф. Историко-статистическое описание Тверской губернии. Тверь, 1879. С. 130.
- 9 Фриде М.А. Русские деревянные укрепления по древним литературным источникам // Известия РАИМК. Т. 3. Л., 1924. С. 125—126.
- 10 Шостьин Н.А. Очерки истории русской метрологии XI — начала XX вв. М. 1990. С. 59—61.

ТЕСОВО

(исторические исследования и археологические перспективы)

Выбранный нами для изучения микрорегион — Тесовская волость. Она располагается в среднем течении Оредежа — крупнейшего притока Луги, в том месте, где Оредежские притоки ближе всего подходят к Новгороду. Первый предварительный итог историко-географических и историко-археологических исследований этого микрорегиона я подвел в работе 1997 г.¹ С этого времени процесс изучения Тесовской волости чрезвычайно продвинулся. Удалось выявить и опубликовать новые документы, касающиеся Тесовской округи², а в июне 1998 г. начать археологические исследования памятника, идентифицируемого со средневековым волостным центром.

Впервые Тесов упомянут в связи с новгородско-орденским конфликтом 1233–1234 гг., связанным с внутриновгородскими событиями — смутой «Борисовой чади». Борьба новгородских боярских родов — сторонников черниговских и перяславских князей привела к бегству из города бывшего тысяцкого Бориса Негочевича и его сторонников. В 1232 г. «Борисова чадь» с трубчевским князем Святославом идут к Новгороду, однако, не дойдя до Новгорода, князь Святослав покидает своих сторонников, и те бегут к Пскову и захватывают там нескольких сторонников Ярослава Всеволодовича. После этого происходит размен: «Борисова чадь» при бегстве из Новгорода в 1230 г. оставила там своих жен, которых новгородцы в 1232 г. согласились обменять на захваченных в Пскове пленников. Вскоре, вызвав противодействие псковичей, «Борисова чадь» уходит в Медвежью Голову (Оденпе), а в Новгороде утверждает посадник Степан Твердиславич и сторонники Ярослава Всеволодовича. На следующий год происходит вторжение

немцев: они захватывают в Тесове Кирилла Синкинича и увозят в Медвежью Голову, а в 1234 г. Ярослав Всеволодович, войдя в Орденскую землю, освобождает Кирилла Синкинича³. Вторично Тесов фигурирует в источниках под 1240 г., в связи с походом немцев на Лугу, причем в отличие от первого эпизода, который попал лишь на страницы новгородских летописей, известие о походе немцев к Новгороду, разорении ими Луги «до Сабля» (то есть до Сабельского погоста), что, впрочем, по свидетельствам летописцев, было не столь страшно, как падение Тесова, приводится многими русскими летописями⁴. После 1240 г. главный оборонительный рубеж северо-запада новгородских земель вероятно переносится в Копорье, необходимость в укреплении, расположенном ближе к Новгороду, отпадает, и Тесов исчезает со страниц источников. Однако, в Евреиновской летописи под 1400/01 г. содержится следующее упоминание: «Того же году (6909) в Новегороде и на Москве и в Ладоге и в Порхове и в Тесове и в Торжску и во Твери и в Дмитрове и по всем Руским землем было поветрие велми великое»⁵. Издатели в 1907 г. сделали по поводу упоминания Тесова следующее примечание: «Должно быть в Пскове». Неясно, ошибка это летописца, или действительно Тесово представляло в то время значительную местность Новгородской земли.

В 1500 г. в новгородских писцовых книгах впервые упоминается Климентовский Тесовский погост, историю которого возможно проследить вплоть до настоящего времени. Он являлся центром Тесовской волости, которая до конфискации Ивана III находилась во владении новгородского архиепископа. Еще в середине XV в. Софийский дом приобретал земли в Тесовской округе, по юго-восточному берегу Фроловского озера (согласно

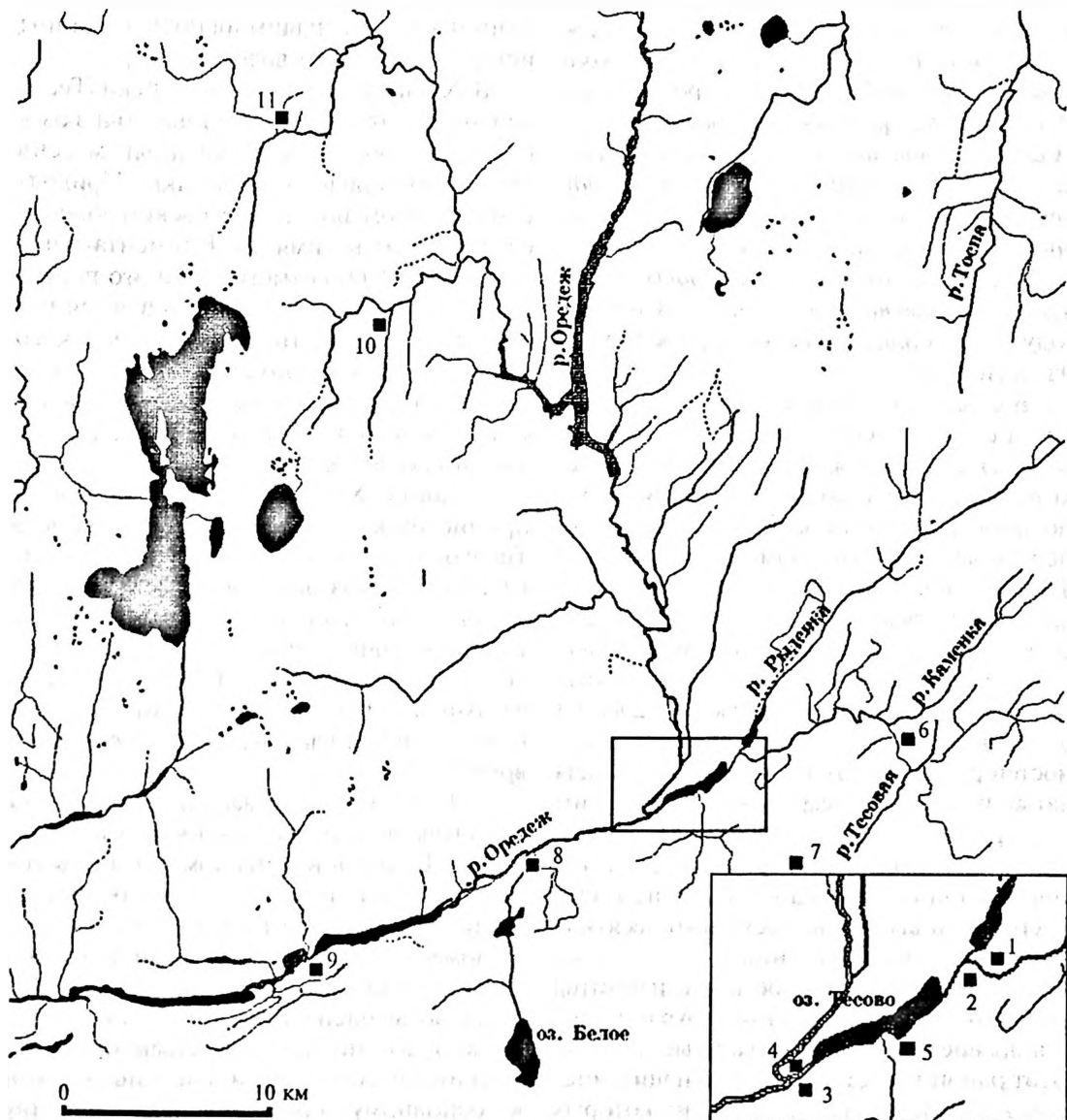

Рис. 1
Тёсовская округа.

Условные обозначения: 1 — Климентовский Тесовский погост; 2 — Успенский монастырь в Тесове; 3 — Спасский погост на Ордеже и Тесовский ям; 4 — Никольский Клинский монастырь; 5 — Тесовская пристань; 6 — Фроловская церковь; 7 — село Каменные Поляны; 8 — Городок у д. Надбелье; 9 — Пантелеевский острог; 10 — Троицкий Зверинский монастырь; 11 — Чашинский монастырь.

меновной грамоте владыки, датированной В.Л. Яниным 1456 г.)⁶. В конце XV в. Тесовская волость перешла в ведение Дворца московских великих князей.

Археологическое изучение Тесовской округи. Тесовская округа вошла в орбиту археологических исследований во второй половине прошлого века. Первым исследователем древностей Тесовского погоста был Н.Г. Богословский, раскопавший в 1876 г. сопку близ кладбища у Тесовского погоста⁷. В мае 1924 г. А.А. Спицын заказал в РАИМК открытый лист на

исследование курганов в районе Ям-Тесова⁸. Эти работы по какой-то причине не начались, но в июне того же года А.А. Спицын представил в комиссию по нумизматике и глиптике фрисландскую монету (денарий Бруно III, чеканенный в Доккуме в 1038–1057 гг., которую при разрытии кургана у пог. Климентовского нашел местный крестьянин⁹). В 1928 г. С.А. Теплоухов, тогда сотрудник Этнографического Отдела Русского музея, заказал открытый лист на раскопку «могил IX–XII вв., находящихся в Новгородской

и Ленинградской губерниях на р. Оредеж близ погостов Бутковского, Ям-Тесовского и Флоровского»¹⁰, которым угрожало, по его данным, разрушение распашкой¹¹. «Семь курганов находились в общем могильнике, расположенном в 80 м к северо-западу от современного кладбища у ц. Климента, один — одиночный курган (курган № 4) находился у северо-восточной стороны упомянутого современного кладбища». В том же году С.А. Теплоухов раскопал 8 курганов из могильника.

В ходе работ Оредежского отряда Северо-Западной экспедиции ЛГУ в 1979 г. Ю.М. Лесманом было открыто поселение, которое, по мнению исследователя, соотносится с известным по Новгородской первой летописи городом Тесовым XIII в. Тогда же Ю.М. Лесман выявил городище железного века в пос. Ям-Тесово¹². В 1993 г. исследование городища у д. Надбелье начал С.Л. Кузьмин. Эти работы (проводившиеся с перерывами до 2000 г.) были продолжением исследований древностей рубежа I и II тысячелетий н.э., начатых исследователем в 1989 г., когда им были раскопаны 2 сопки близ д. Пристань. Можно сказать, что центральная часть Тесовской округи исследована лучше всего. Всего здесь выявлено несколько десятков археологических памятников.

На востоке микрорегиона известны немногочисленные и плохо сохранившиеся древнерусские погребальные насыпи. Этот район известен также большим числом каменных крестов, часть из которых в нач. XX в. попала в Новгородский музей и исчезла в годы II мировой войны.

Север Тесовской округи — среднее течение р. Оредеж беден памятниками археологии. В основном — это также каменные кресты, зачастую соотносимые с существовавшими в XV—XVII вв. монастырскими и приходскими центрами (в ур. Абрамово, на месте Троицкого Зверинского монастыря, на месте Чашинского монастыря¹³).

Формирование Тесовской волости. В работе, посвященной землевладению Новгородского Софийского дома, Б.Д. Греков упомянул волость Тесово среди описанных государем на себя между 1478 и 1500 гг.¹⁴, используя для реконструкции волостных границ писцовую книгу 1629 г.¹⁵ Между тем существуют документы XVI в., позволяющие реконструировать волостные

границы¹⁶. Обозначим основные этапы истории Тесовской волости.

В XV веке вдоль течения реки Тесовой — притока Оредежа, а также близ озера Тесово формируется крупный массив земель новгородского владыки. Приходским центром для всей Тесовской волости служит храм во имя св. Климента-папы римского. Особо отметим, что это посвящение характерно именно для владычных земель¹⁷. Меновая грамота новгородского владыки и Вяжицкого игумена¹⁸ указывает на то, что компактная территория волости в районе озера Тесовского складывалась в течение XV в.

В конце XV в. волость Тесово была приписана к Дворцу. Дворцовая волость Тесово, как это следует из писцовой книги 1500 г., была образована не только из земель новгородского владыки. В нее частично вошли земли, принадлежавшие Павлу Савельеву, детям Ивана Пантелеева, Андрею Григорьеву и, возможно, каким-то другим владельцам новгородского времени¹⁹.

В 1540/41 г. царь и великий князь Иван Васильевич «волость, что была в кормленье во Дворце в Климецком погосте в Тесове... велел раздать детям боярским в придачу к старым их поместьям...»²⁰. В поместную раздачу поступила только часть волости, а другая часть в 1552 г. была возвращена новгородскому архиепископу в обмен на Рождественский Олонецкий погост²¹. Эта прилежавшая с юга к основному поселенческому массиву территория, после возвращения Софийскому дому составила особую Полянскую волость (см. ниже).

В 1573 году в центральной части Тесовского погоста была воссоздана дворцовая Тесовская волость, включавшая несколько меньше деревень, чем до раздачи 1540/41 г.²². В отписной книге 1573 г. были зафиксированы селения, известные по писцовой книге 1568 г., но за прошедшие 5 лет запустевшие и только-только восстанавливающиеся. Таким образом, массовое разорение этой территории следует отнести к периоду между 1568 и 1573 гг. Видимо, запустение Тесовской волости следует связывать с походом Ивана IV на Новгород и действиями опричников в новгородской округе в 1570—1571 гг. При воссоздании Тесовской дворцовой волости в ноябре 1573 г. государева десятинная

пашня из бывших помещичьих земель была выделена «единой круговой межей» близ центра Тесовского погоста — его наиболее плодородной и доступной с точки зрения коммуникаций, части (всего 300 четвертей)²³.

В 1578 году к дворцовой Тесовской волости была приписана большая часть селений, оставшихся за помещиками в 1540—1578 гг., но ранее входивших в состав Тесовской дворцовой волости. По всей вероятности, эта часть Тесовской волости образовывала приход Фроловской церкви, находившейся близ деревень Клюкошицы и Загородицы. Заметим, что если в 1573 году к дворцовой Тесовской волости приписывались только населенные деревни, то в 1578 г. — только пустоши. Однако Тесовская дворцовая волость, сформированная в 1573—1578 гг., была несколько меньше той, что существовала в 1500—1540 гг., часть деревень волости, розданных в поместья в 1540 г., так и осталась за помещиками.

По писцовой книге 1582 г. к Тесовской дворцовой волости был приписан еще ряд селений Климентовского Тесовского и Спасского на Оредеже погостов, находившихся в поместной раздаче²⁴, а в писцовой книге 1584 г. волость была описана целиком²⁵. В 1586 г. была проведена общая круговая межа всех деревень и сел Тесовской волости²⁶. С этого времени границы Тесовской волости не менялись до XVIII в. В дворцовом ведомстве она находилась до 1648 г., когда была возвращена во владение новгородского митрополита²⁷.

В Смутное время Тесовская волость продолжает оставаться дворцовой. В 1612—1618 гг. административным центром волости и округа становится Тесовский острожек. Вокруг острожка формируется округ из нескольких окрестных погостов, за счет которого обеспечивался гарнизон.

До 1648 г. Тесовская волость находится в ведении Дворца. В писцовой книге 1629 г. снова приводится круговая межа Тесовской волости²⁸. По описанию 1646 г. в состав волости, кроме возобновившихся после Смуты деревень входили также Никольский Клинский монастырь, село Городок (на месте бывшего Успенского Тесовского монастыря) и село Загородицы с Фроловской церковью.

В 1648 г. вся Тесовская волость была передана Новгородскому Софийскому

дому в обмен на Рождественский Олонецкий погост, где строился новый город Московского государства — Олонец²⁹. С этого времени и вплоть до передачи архиерейских волостей в ведение Коллегии экономии Тесовская и Полянская волости находились во владении Софийского дома.

Тесовская волость на всех этапах своего существования представляла собой большой земельный массив. Рассмотрим подробнее разные участки Тесовской волости.

Центр погоста. Центр Тесовского микрорегиона — это заселенная с древнейших времен полоса вдоль южного берега озера Тесово (ныне — Пристанское). Древнейший центр расселения в этой местности располагался именно здесь; он может соотноситься с городищем в ур. «Буйко», близ п. Ям-Тесово (в XV—XVII вв. — Спасский погост на Оредеже). Оно располагается напротив того места, где озеро Тесово узкой протокой соединяется с Оредежем. На противоположном берегу озера в XV—XVII вв. на таком же вытянутом мысу располагался Никольский Клинский монастырь.

В IX в. в 6 км ниже по течению Оредежа, близ впадения в него речки Моровинки возникает укрепленное поселение — городище у д. Надбелье³⁰, функционирующее примерно до середины X в., когда, по всей вероятности, функции локального центра переносятся на 12 км к востоку, в район Климентовского Тесовского погоста. Именно здесь, по всей вероятности, возникает тот самый городок Тесов, который в 1233 и 1240 гг. упомянут в Новгородской первой летописи. Представляется убедительным предложенное Ю.М. Лесманом соотношение центра Тесовского погоста и дворцовой Тесовской волости с поселением Заполье-2 (Приозерная волость Лужского района Ленинградской области). Оно находится на возвышенности, близ кладбища³¹ и развалин каменной церкви св. Климента постройки 1827 г.³² В 1970-х годах вся западная часть поселения была уничтожена карьером, заложенным для постройки мостов через Рыденку и Оредеж.

За четыре года археологических исследований (1998—2001 гг.) на памятнике Заполье-2 (Тесовский погост) исследовано 420 м², преимущественно в юго-западной, разрушающейся части (здесь полной площадью вскрыт участок в 316 м²). Памятник почти полностью распахан в XVIII—XX вв.; только в 2001 г. удалось

найти в северной части поселения участки, не поврежденные распашкой. Результаты работ позволяют говорить о том, что основной исследованный участок был занят жилой зоной, датируемой XI—XII вв. Более поздние материалы, происходящие с юго-запада поселения находятся в пахотном слое. Материалы XI—XII вв. достаточно показательны. Здесь найдены два элемента поясной гарнитуры, две трапециевидные подвески, набор бус, ледоходный шип, гребни с циркульным орнаментом. Возможно, этим же периодом датируются происходящие из пахотного слоя ключ, фигурка птицы из рога и височное кольцо. К этому времени относятся и все выявленные на поселении комплексы в виде ям. В некоторых из них найдены серия тиглей и керамика XI в.³³ К XI—XIII вв. относятся и керамика, полученная при исследовании С.А. Теплоуховым курганного могильника, близ поселения³⁴.

Материалы XIII в., соотносимые с упоминанием Тесова в летописях, не встречают ярких археологических соответствий. Ни одной постройки, ни одной ямы, связанной с этим периодом не зафиксировано. Хронологически с этим временем соотносятся только наконецники стрел³⁵. Следует полагать, очевидно, что жилая зона Тесовского погоста в течение древнерусской эпохи переносилась с места на место, а в 1998—2001 гг. исследовалась древнейшая часть поселения, где сохранились следы построек XI—XII вв. и нет комплексов более поздних эпох.

Сложнее всего оценить существование Тесовского погоста в XIV (особенно) и в XV вв. По всей вероятности, жилая зона поселения этого периода также не затронута раскопками. Можно со всей уверенностью утверждать, что село Тесово, центр Тесовского погоста, существовало во всяком случае в XV столетии. Выше мы приводили цитату из Евреиновской летописи, вроде бы указывающую на то, что Тесово на рубеже XIV—XV вв. было рядовым поселением Новгородской земли, а также данные о Тесове в XV—XVI вв. Однако в археологических материалах Тесовского поселения нам не удалось проследить сколько-нибудь примечательных комплексов этого времени. Следует отметить лишь фрагмент (верхняя лопасть) бронзового наперсного креста, который возможно датировать 2-й пол. XV в. Нам

известна почти полная его аналогия из собрания Б.И. и В.Н. Ханенко, относящаяся ко 2-й пол. XV — началу XVI в.³⁶

Московский период (XVI—XVII вв.) в археологических материалах Тесовского погоста также представлен довольно бедно. В юго-западной части поселения к этому времени относится в основном керамический материал. Лишь в 2001 г. в северной части памятника удалось выявить участок, содержащий непотревоженные слои этого периода. Но на сегодняшний день проблема поиска местоположения государева села Тесова XVI в. остается открытой. На поселении есть и отдельные находки и даже комплексы XVIII—XIX вв. (петровская монета, хозяйственная постройка XIX в.).

К началу XVI в. местность вокруг бывшего новгородского городка была хорошо освоенной. Центральные поселения Тесовской округи выполняют некоторые функции, свойственные обычным сельским поселениям. Тесово в эти годы — торговое поселение на перекрестке речного и сухопутного (Ивангородской дороги) путей, ведущих из Новгорода в Ивангород и Нарву. После начала русско-шведской войны 1590—1595 гг. возрастает военное значение Тесова. В начале первой кампании, в конце августа — начале сентября 1590 г. три русских полка из Тесова двинулись к Ивангороду³⁷. В декабре того же года кн.Ф.А. Звенигородский был послан из Тесова к Орешку «на выласку»³⁸. Через год, в августе 1591 г., в Тесове стояли воеводы Большого, Передового и Сторожевого полков³⁹; эти же полки находились в Тесове и в июне 1592 г.⁴⁰

Особо следует рассмотреть церковно-приходскую историю центра Тесовского микрорегиона. Большое число храмов, возникающих здесь уже к концу XV в., свидетельствует, на наш взгляд, об определенных тенденциях градообразования здесь на исходе новгородской независимости.

Церковно-приходская история округи. Первое упоминание о церкви св. Климента в Тесове относится к 1500 г.⁴¹ Можно предположить, что задолго до составления писцовых книг конца XV — начала XVI вв., в годы существования городка, возникла и первая церковь на этом месте. Этому есть и дополнительные подтверждения. Мы полагаем, что возникновение в центре Тесовского микрорегиона

церкви во имя св. Климента папы Римского связано с распространением культа этого святого на Севере Руси в XII в. в связи с деятельностью новгородского владыки Нифонта (1130—1156 гг.)⁴² Вряд ли будет основательным утверждать, что первый Климентовский храм в Тесове появился в годы святительства Нифонта, но рассматривать его появление следует в связи с распространением на Руси культа этого святого.

Однако никаких прямых данных о существовании в эпоху новгородской независимости церкви или церквей в Тесове мы не знаем. Особая роль Тесова, Тесовского микрорегиона в системе епархиального управления в Новгородской земле косвенно отражена в административном делении епархии в XVI—XVII в. В рамках этого деления существовала Тесовская и Залесская десятина, которая включала в себя храмы, находившиеся в двух различных частях Новгородской земли: в юго-восточной части Водской пятины и на западе Шелонской (отсюда и двойное название)⁴³. Храмы «Тесовской» части этой десятины располагались компактной группой в Новгородском уезде Водской пятины, не занимая при этом территории Поволховья и Полужья. Особо следует отметить массив церквей вблизи Тесовского погоста, давшего название этой половине десятины, а также Ярвосольский погост с выставочными церквями, располагавшийся в соседнем Ореховском уезде⁴⁴. В конце XVI в. Тесовская и Залесская десятина представляла собой крупный церковно-территориальный округ, объединявший три расположенные порознь части Новгородской земли. В ее составе, по нашим данным, насчитывалось от 40 до 80 церквей (в 17 погостах). В районе Тесова в XVI—XVII вв. происходит мощное по своей интенсивности церковное и монастырское строительство, приведшее к появлению в рамках большого Климентовского Тесовского погоста нескольких «дочерних» приходов.

В XVI в. церковь св. Климента являлась важной пространственной доминантой для округи. Не случайно, при описании местной дорожной сети называются «дорога от Климента святого к Фролу святому», «от Климента святого в Будковский погост» и т.п.

Известна история Климентовского храма на рубеже XVI—XVII вв., когда на протяжении десятилетий климентовским

священником был Богдан Клементьев (1573 — после 1615 гг.), а дьячком Климентовской церкви — Пимен Игнатьев (1578 — после 1615 гг.).

В 800 м от Климентовского храма, на небольшом островке, располагался Успенский монастырь⁴⁵, впервые упомянутый в писцовой книге 1500 г.⁴⁶, а в последний раз в годы святительства новгородского митрополита Киприана⁴⁷ (1627—1635 гг.). В конце XVI — середине XVII вв. мы встречаем упоминания о приуроченности Успенского монастыря к некоему «городку»⁴⁸. С этим соотносится обособленное местоположение монастыря на острове в пойме Тесовой. Последняя каменная церковь на месте монастыря, упраздненной в 1764 г., была разрушена в 1937 г.

В Спасском погосте, близ Тесовского яма, расположенном в 6 верстах к западу от св. Климента, стоял Преображенский храм, известный с 1500 г. Эта церковь, по всей видимости, существовала на протяжении XVI в. до начала 1580-х гг., когда она была разорена в ходе боевых действий Ливонской войны. К 1612 г. Спасская церковь восстанавливается. По дозорной книге 1612 г. известен Спасский священник Пров Анцыферов «с Тесовского яма». Разоренная при уходе шведов в 1617 г., церковь восстанавливается здесь в середине XVII в. Последний храм, разрушенный в годы II мировой войны, был построен архимандритом Юрьевским Фотием (Спасским), сыном дьячка Ям-Тесовской церкви, в 1835 г.⁴⁹

Почти напротив Спасской Тесовской церкви, на северном берегу озера Тесово на узком мысу при слиянии озера и Ордежа в XV—XVII в. находился Никольский Клинский монастырь. В 1573 г. в монастыре, кроме главной — Никольской, стояла также теплая церковь во имя свв. Прохора, Никанора, Тимона и Пармена — храм с чрезвычайно необычным посвящением⁵⁰. Монастырь активно функционирует в годы Смутного времени: сохранилось множество документов, скрепленных священником Никольского Клинского монастыря Ионой (был священником между 1614 и 1631 гг.). В 1613 г. в монастыре строится новый храм во имя св. Николая Чудотворца, а к 1646 г. здесь стоит уже две деревянных клетцких церкви — Никольская и Сретенская⁵¹. В последний раз Клинский монастырь

упоминается в 1669 г., после чего Никольская и Сретенская церкви с Клинска становятся приходскими, в качестве которых они существуют до середины XX в. В XVII в. среди вкладчиков Никольского Клинского монастыря встречаются окрестные помещики, к примеру: Богдан Тырков⁵² (родственник упомянутого ниже Никиты Тыркова).

Культе св. Климента — папы римского был на протяжении всей известной истории Тесовской округи доминирующим. В качестве престольного праздника день св. Климента празднуется во всех селениях округи, а если рассмотреть иконостас всех десяти храмов, существовавших в пределах древнего Климентовского погоста в 1751 г., то в каждой церкви мы найдем икону этого святого. Интересно, что по интенсивности почитания, выраженной в престольных праздниках, культ Климента стоит сравнить (в этом регионе) с культом Космы и Дамиана. Он здесь связан со строительством в 1894 г. церкви в селе Малые Березницы (ранее на этом месте никогда храма не было, он явился приходским центром для всего течения р. Рыденки). Отметим, что если устойчивое почитание Космы и Дамиана может объясняться сравнительно недавней постройкой церкви (она была уничтожена в годы Второй мировой войны), то культ Климента, по всей видимости, имеет более раннее происхождение.

Тесовский острог и застава. События, протекавшие на Северо-Западе России в конце XVI — начале XVII вв., повлекли за собой значительные изменения в структуре сельского населения. Большие подвижки населения, вызванные опричниной и событиями Ливонской войны и усугубившиеся, после недолгой стабилизации в годы правления Бориса Федоровича Годунова, разорением в Смутное время привели к сокращению числа небольших деревень и починок и концентрации населения в сравнительно крупных селах и погостах⁵³.

Но выбор этих крупных селений был обусловлен различными, непростыми причинами. Еще в конце XVI века близ многих погостов Новгородской земли возникают небольшие укрепления. Так, известен археологически не выявленный «городок» у Офремовского погоста Шелонской пятины⁵⁴, около 1555 г. (а возможно и ранее⁵⁵) возникает городок «у Спаса на Неве»⁵⁶. Новый этап в строительстве

небольших укреплений на погостских центрах начинается, по всей видимости, после Выборгского договора 1609 г., во время похода М.В. Скопина-Шуйского из Новгорода к Троице. По мнению С.Ф. Платонова, именно систематическое строительство небольших острожков на основных дорогах государства и, таким образом, взятие под контроль транспортных магистралей, и обеспечило успехи этого военачальника⁵⁷.

К XVI в. относится сравнительно небольшое количество информации об острогах Северо-Запада и о Тесовском остроге, в частности. По всей вероятности, он выполнял таможенные⁵⁸ и военно-санитарные функции. Какое-то укрепление на этом месте существовало уже в годы русско-шведской войны 1590-х гг., по крайней мере, осенью 1592 г.⁵⁹ В годы новгородско-шведского политического альянса Тесовский острог (наряду с Зарецким, Пантелеевским, Ивнинским⁶⁰) — важный элемент в системе обороны Новгорода с Северо-Запада. При этом функция Тесовского острога в эти годы заключалась в значительной степени в обеспечении хлебных кормов как шведскому гарнизону острожка, так и проходившим по Ивангородской дороге отдельным воинскими частям и проезжавшим военачальникам и дипломатам. Шведские роты сменялись в Тесове с периодичностью в 20 дней⁶¹. Такая система установилась в конце 1611 г.⁶², возможно вскоре после визита Эверта Горна, также получавшего корма в Тесовском острожке⁶³. В 1611–1617 гг. Тесовский острог с сильным гарнизоном и сменяющимися друг друга русскими воеводами — Г.Н. Муравьевым, Ф.М. Муравьевым, Г.С. Обольяниновым, князем Г.И. Нарымовым, князем Г. Гагариным являлся центром концентрации военной и полицейской силы новгородско-шведского политического образования. Примерно к 1615 г. относится известное нам изображение погоста Тесова, помещенное в книге голландца А. Хутеериса⁶⁴. В Тесовском остроге кроме гарнизона находилась и тюрьма, возможно, какие-то другие учреждения⁶⁵. «*Острог Тессау*», по словам голландца ван Бредероде, являлся в 1616 г. «*единственным обитаемым местом в области*»⁶⁶. До наших дней частично дошел архив Тесовского острога 1611–1616 гг.

Район Тесова, Тесовского острожка был зоной особо активных боевых

действий между шведами и сторонниками правительства Михаила Федоровича, особенно в 1614–1615 гг. Будучи местом концентрации не только военных соединений, но и государственных продовольственных запасов, Тесовский острог нередко подвергался грабежу. Так, 11 октября 1615 г. *«немецкие люди Крест Анцовы да Петра Бронса роты в селе в Тесове из житнец государева десятинного пашенного хлеба»*, а 16 декабря того же года *«взяли грабежом немецкие люди из Новагорода идущи к Невскому устью восм четъей овса»*⁶⁷.

В 1614 г. Тесово неоднократно подвергалось тотальному разорению: на Страстной неделе крестьяне Тесова подверглись насилию *«воровских, литовских и немецких людей»*, позднее, в Петров пост, *«приходили ... в Тесово воры казаки, и на тех воров казаков приходили из Новагорода в Петров день немецкие ратные люди да с Ъвана города или литовские и немецкие люди в Новгород, да из Новаграда многажды приезжали литовские и немецкие люди»*, что привело все дворцовые деревни в состояние полнейшего запустения⁶⁸. В августе 1614 г. новая русская администрация Тесовской волости, приехав в острог вынуждена была собирать по лесам разбежавшихся крестьян, которые, будучи допрошены, показали: *«как деи приходили немецкие ж люди из Ругодива, а литовские люди от Корелы и от Орешка, и стояли деи в Тесове недели з две, и в твоём государеве в селе в Тесове крестьян многих побили, а иных жгли и мучили и хлеб и лошади и всякой живот у них весь поимали»*. При этом выяснилось, что сеять хлеб на новый год уже поздно⁶⁹. У крестьян же, после разорения, во всей волости осталось *«всево девятеро лошадей, а болии деи того у них лошадей нет»*. Интересно, что за советом, как поступить с пахотой государевой десятинной пашни, Н. Тырков и подьячий И. Прокофьев обратились в Новгород⁷⁰.

При выводе оккупационных отрядов шведы зарыли в Тесове колокола с нескольких новгородских церквей⁷¹. После ухода шведов Тесовский острог является уже единственным укрепленным поселением. 23 мая 1617 г. туда был введен русский гарнизон и учреждена пограничная стража для упорядочения пропуска по Ивангородской дороге, в первую очередь — *«немецких людей»*. Интересно, что новая администрация назначила в Тесовский

острог Г.С. Оболянинова, служившего там воеводой в 1613–1614 гг.⁷² В 1630-х годах заставным головой в Тесове был Н.Я. Тырков, служивший в 1610-х годах сборщиком кормов при Тесовском остроге⁷³. В 1657 г. Тесов отмечен среди городов, находившихся в ведении Новгородской четверти⁷⁴. Известна Тесовская застава и в более позднее время, в 1668 г.⁷⁵, 1672/73⁷⁶, 1675/76 гг.⁷⁷ В 1670-х гг. Тесовский острог должны были *«делать»* крестьяне как Тесовской волости, так и окольных погостов⁷⁸. Последнее упоминание о Тесовской заставе относится к последним годам перед Северной войной. В 1698 г. головой на Тесовской заставе, с 10 солдатами, служил стольник Ф.Н. Ушаков⁷⁹.

Вопрос о местоположении Тесовского острога сложен. На сегодняшний день мы склоняемся к тому, что он находился близ церкви св. Климента, на господствующей над всей Тесовской округой высоте. Ранее мы писали о том, что возможным местоположением острожка и более ранней крепости XIII в. может быть островной Успенский Тесовский монастырь, расположенный в низине р. Тесовой. Однако анализ документов убеждает нас в том, что «Городок», упоминаемый в связи с Успенским монастырем в 1573, 1646 и др. годах, и Тесовский острог — это два различных объекта. Вероятно, мы не сможем прояснить ситуацию без археологических исследований на месте бывшего Успенского монастыря.

В 1611–1616 гг. какое-то время на берегу Оредежа существовал еще один, Пантелеевский острожек. Он, вероятно, был сооружен на высоком левом берегу Оредежа, близ деревни Пантелеевичи, известной с 1500 г., в 2 км от современного пос. Оредеж. Возможно, он возник прежде того Тесовского острога, который известен с 1612 г. до конца XVII в. В одном документе они прямо противопоставлены друг другу⁸⁰. Он был разрушен, видимо, в 1614 г., когда в районе Тесова развернулись боевые действия⁸¹. До этих событий, в августе 1614 г. в Пантелеевском острожке стоял шведский гарнизон — *«конные и пешие ратные люди»* во главе с ротмистром Гансом Термом⁸². К острожку были приписаны помещицьи и митрополичьи крестьяне всех окрестных погостов (до строительства Ивнинского острога в конце 1614 г.), а воеводе Г.С. Оболянинову (одновременно ведавшему Тесовским острогом) было предписано собирать него корма⁸³.

Соль и торговля в Тесове. Обращает на себя внимание особая роль Тесова еще в XVI в. в связи с торговыми операциями. В середине XVI в., в канун Ливонской войны, в Тесове уже существовала застава, призванная ограничить вывоз «в немцы» сала и воска⁸⁴. Внутренний же рынок особенно тщательно охранялся от контрабандной торговли солью. На страстной неделе 1614 г. в село Тесово приехал из Ивангорода новгородский купец Милей Белянин, который остановился «у Пречистой Богородицы на Городки у попа у Кузмы Иванова», т.е. в Успенском Тесовском монастыре и не явился к приказным Тесовского острога. Милей начал активно торговать солью в волости, причем немало заповедного товара извел на взятки: воевода Тесовского острога взял в острог восемь мехов соли, были и другие получатели взяток. Вскоре, на той же неделе, окрестности Тесовского острога были заняты «воровскими» казаками, которые отобрали у Милея соль и сами стали продавать ее крестьянам Тигодского и Ижорского погостов, через которые, вероятно, они пришли в Тесово. Однако, после того, как казаков от Тесова отогнали, было начато следствие, и Г.С. Оболянинов, дабы уйти от обвинений, подал челобитную на крестьян села Тесова в том, что те, во время казацкого прихода якобы также получили бесплатно три меха соли (т.е. поддержали политических противников новгородского правительства)⁸⁵. Оболянинов в ответ на крестьянскую челобитную отчитывался, что он отписал на государя, т.е. фактически конфисковал, соль у Милея «про немецкий обиход», действуя совместно с ротмистром Гансом Адамсом, а когда казаки фактически овладели Тесовской округой, то крестьяне, забрав спрятанную на островке (т.е. в Успенском монастыре) соль, попросту ее разграбили⁸⁶. По челобитной было назначено следствие, материалы которого не сохранились, однако уже имеющиеся данные позволяют судить об особой ценности соли в годы политических потрясений начала XVII в. Таможенная же застава на Тесовской (Ивангородской) дороге продолжала стоять на протяжении всего XVII в.⁸⁷

Тесовский ям. Тесовский ям, располагавшийся близ Спасского погоста на Орездеже совершенно точно соотносится с современной д. Ям-Тесово, Лужского

района. Трасса Ивангородской дороги от д. Кипино к Тесовскому яму локализуется приблизительно по прямой, вдоль современной дороги между этими деревнями. Впервые «слобода ямская у Спаса на погосте» отмечена в писцовой книге 1568 г.⁸⁸ В 1582 г. эту слободу разорили «немецкие люди»⁸⁹, но в начале XVII в. ям в Тесове оживает: в 1601 г. на Тесовском яме жило 6 бобылей, а также ямской дьячок Первушка Анцыфоров⁹⁰. В 1611–1617 гг. ям исчезает, а в 1620-е гг. известен пустой Тесовский ям⁹¹. Название «ям» прочно укрепилось за его местоположением. Оно сохраняется до сих пор в названии пос. Ям-Тесово.

Тесовская пристань. Впервые источники сообщают о Тесовской пристани в 1568 г., когда в писцовой книге описывается государева Судовая пристань с 4 дворами дворников⁹². Первое подробное описание ее мы встречаем в отписной книге 1573 г.: «*Да у возери [Тесовского] ж пристань, пристава-ет из Ругодива гости и с Ъваня города с товаром, а на пристани царева и великого князя четыре дворы учинены для пристани ... На пристани царевых и великого князя 7 анбаров, а склатут в них разны товары, а с товару со всякого емлются тамги, коли которой приедет: с ласту по ноугородки да с телеги з двое полной свазнаго и накладного по три московки, да с судна, которое приходит из Ругодива и з Иваня города привязного новгородка да отвязного новгородка ж. У пристани ж двор зелейной, а на нем хором: изба да навалуша да промеж их сени да мелнишко да анбар, а варят в нем ямчугу, двуна, ..., да анбар, а в нем ставят емчюгу, четырех сажен, а в анбаре 3 котла, варят в них емчугу, 2 медных, а третьей железы, да противо зелейного анбара анбар, сыплют в него зельи»⁹³. В 1584 г. все вышеуказанные строения были сожжены «немецкими людьми»⁹⁴, но вскоре жизнь на пристани восстанавливается, и в 1596/97 г. извозчики Тесовской пристани тягались в недополученных ими деньгах с подьячим С. Михайловым⁹⁵. В июне 1611 г. на Тесовской пристани состоялись какие-то переговоры между новгородцами и шведами, в которых принимали участие представители новгородского дворянства. Примечательно, что в позднейших апелляциях к этим переговорам участвовавшие в них дворяне именуют сам процесс «Тесовским кругом», наподобие традиционных казачьих кругов — народных собраний, принимавших важнейшие решения.*

В писцовой книге 1629 г. описаны лишь оставшиеся от амбаров и таможенных избу пустые места, на самой же пристани в это время жили непашенные бобыли⁹⁶.

Полянская волость. Полянская волость — территория к югу от центра Тесовского погоста, соединявшая две больших владычных волости — Тесовскую и ту, что располагалась в Лусском погосте. Все эти земли лежали вдоль Ивангородской дороги. В конце XV в. вместе со всей Тесовской волостью Полянская волость была описана от Софийского Дома ко Дворцу, но в 1552 г. именно она была возвращена Новгородской архиепископской кафедре и находилась в ее ведении вплоть до Екатерининских реформ. Полянская волость располагалась в зоне, где полностью отсутствуют археологические памятники древнерусской эпохи; однако в XVI в. она представляет собой достаточно плотно освоенное пространство. Важная особенность волости заключается в том, что во всем Тесовском микрорегионе именно здесь наблюдается самая большая устойчивость поселений на всем протяжении ее известной истории. История хозяйства Полянской волости в первые годы XVII в. достаточно подробно изучена Б.Д. Грековым⁹⁷.

Фроловский погост и речка Рыденка. Выделим еще два специфических участка Тесовского микрорегиона — это течение р. Рыденки и течение р. Тесовой (последний — с приходским центром — Фроловской церковью).

Фроловская церковь — один из трех важнейших приходских центров Тесовской округи. Она впервые упомянута в писцовой книге 1568 г., когда, как мы помним, Тесовская волость находилась в поместной раздаче. 24 июня 1578 г. деревни, составлявшие ее приход были возвращены во Дворец. В отписной книге 1578 г. упомянута «на Городке»⁹⁸ церковь *Флор и Лавер*⁹⁹, а деревня, которую пахали причетники этой церкви, названа Загородень. В этой же книге впервые упомянута большая дорога, шедшая от церкви св. Климента в Тесове к Фролу святому. К востоку от Фроловской церкви располагается незаселенное болотистое пространство с притоками Тесовой — речками Язвинкой и Каменкой; чуть севернее — поселенческий массив вдоль берегов речки Рыденки.

Последний был, по всей вероятности, заселен еще в древнерусское время.

Освоенность берегов Рыденки в XVI в. была столь высокой, что большинство существовавших там древнерусских курганных групп ныне почти полностью уничтожены распашкой. Ни один из этих памятников не исследован. В XVI в. вдоль правого берега Рыденки от церкви св. Климента проходила большая дорога¹⁰⁰. Она шла в район верховий р. Тосны, в XVII в. — в восточную Ингерманландию. Ближайшим поселенческим массивом были деревни в верховьях Тосны, в районе устья речки Еглинки, куда в конце XVII в. бежали помещичьи крестьяне из Тесовской округи¹⁰¹.

Однако особый интерес представляет собой древнерусский могильник, расположенный у бывшей деревни Веряжино. Дело в том, что именно в этой деревне писцовая книга 1500 г. фиксирует одиннадцать дворов своеземцев; мы можем считать, что все население деревни к концу XVI в. составляли новгородцы-землевладельцы.

Северная (приграничная) округа Тесова. Большинство погостов Водской пятины составляли цельные территории. Однако в XVI в. в Поореджье мы фиксируем своего рода «анклав», компактную территорию одного погоста, окруженной территорией другого. Так, Спасский погост на Оредеже распался на две части. Одна из них находилась в зоне древнего освоения, на плодородных дерново-карбонатных почвах вдоль нижнего течения Оредежа, «заятая» между землями Никольского Будковского и Климентовского Тесовского погостов. Здесь находился сам Спасский погост-место. Другая часть Спасского погоста располагалась в 20 км выше по течению р. Оредеж, только на левом берегу реки. При этом на правом берегу с юга и по обоим берегам с севера находились деревни Климентовского Тесовского погоста. Такой «северный анклав» селений Спасского погоста на Оредеже своим центром имел деревню «на Шуче на луке у часовни»¹⁰², где между 1500 и 1568 гг. была построена церковь во имя Георгия Победоносца¹⁰³. К 1582 г. все деревни «северного анклава» запустевают.

Среди ярких топографических объектов, известных в конце XVI в. здесь, на севере рассматриваемого микрорегиона — камень, стоявший на дороге из д. Буйно к деревням Коречно и Дубовая Колода, рядом с которым «*ставала исстари кузница, а секали на ней железо*»¹⁰⁴

К XV в. важнейшим религиозным центром этого региона был Спасский Чашинский монастырь. В течение XVI в. здесь, в болотистой местности выстраивается еще 2 монастыря и Георгиевская церковь на Шуче.

При Борисе Федоровиче Годунове деревни на среднем Оредеже возобновляются, а в первые годы Смутного времени там даже наблюдается определенный подъем. Интересна запись в таможенной книге, относящаяся к 18 ноября 1611 г.: «Тово ж дни явил с Оредежи реки Иванов крестьянин Савина Кирил Ларионов рысь, две выдры, лисица, десять куниц, восемь норк, шестнатцать овчин, три медведно, лосинка молодая, два куса сала медвежья»¹⁰⁵. Поместье Ивана Савина — это деревня Савкино на левом берегу Оредежа, одна из самых северных в Тесовском микрорегионе. В 1615 г. в деревнях на среднем Оредеже уже никто не живет; более того, проживание там становится опасным¹⁰⁶. Вотчина Зверинского монастыря оказалась в те годы полностью подконтрольна казакам, совершавшим рейды из Тихвина. Да и сами старцы Зверинского монастыря не отличались особым благонаравием. В последние месяцы существования в Новгороде администрации Делаярдии и Одоевского обратился Г.С. Обольянинов с жалобой на монастырского старца Дионисия, избившего и ограбившего его холопку Настасию Иванову, шедшую в Новгород через монастырскую пустошь Озеречно¹⁰⁷.

После Столбовского мира северные деревни Тесовского микрорегиона становятся еще и пограничными. Первым пунктом на русско-шведской границе была Осиновая Горка на Ивангородской дороге, где происходил, в частности, обмен перебежчиками¹⁰⁸. По данным фольклорной традиции, здесь находились какие-то пограничные укрепления¹⁰⁹. Далее на пути к Новгороду находился Троицкий Зверинский монастырь, возникший в середине XVI в., где также известна существовавшая в XVII в. застава, причем монастырские помещения часто использовались как место заключения перебежчиков¹¹⁰.

Однако в целом деревни по среднему Оредежу стали возобновляться только во второй половине XVII в. После возобновления части деревень в XVII—XVIII вв. они относятся уже к Климентовскому погосту на Оредеже. В переписной книге

Водской пятины 1669 г. группа деревень Климентовского Тесовского погоста, расположенная на среднем Оредеже, вокруг возобновленной Егорьевской церкви в селе на Шуче, носит общее именование: «деревни в Егорьевской выставке в Спасском и Климентовском погосте»¹¹¹.

После русско-шведской войны 1656–1658 гг. вдоль границы со Швецией была создана новая Тесовская дворцовая волость за счет заселения «зарубежскими выходцами» пустующих приграничных деревень¹¹². Во второй половине XVII в. в пограничных со Швецией районах Новгородской земли формируется дворцовая волость, также получившая название Тесовской. Первое ее описание относится к 1674–1676 гг.¹¹³ Анализ этого описания показывает, что пустовавшие со времен Смуты деревни Климентовского Тесовского, Спасского на Оредеже и Никольского Будковского погостов вдоль шведской границы заселялись выходцами из-за рубежа, преимущественно из Копорского уезда. Эти деревни образовали особую Тесовскую дворцовую волость. В 1733 г. эта волость была передана Александро-Невскому монастырю¹¹⁴, а в 1775 г. отошла к Санкт-Петербургской губернии, тогда как все другие селения Климентовского Тесовского и Спасского на Оредеже погостов остались в Новгородской губернии. Вероятно, переселившиеся в XVII в. в эти деревни жители Копорского уезда были преимущественно ижорами, что определило этнический состав данной территории. Именно в районе селений Тесовской дворцовой волости и в соседних деревнях, принадлежавших в XVII в. Троицкому Зверинскому монастырю, исследователи ижорского языка и культуры выделяют особый верхнеоредежский диалект ижорского языка¹¹⁵. Интересно, что при том, что именно Тесовская волость была зоной, куда с середины XVII в. стекаются перебежчики, в то же время известно и переселение за русско-шведскую границу крестьян Тесовской волости сразу после Столбовского мира¹¹⁶.

Подведем итоги. За четыре года археологических исследований удалось накопить значительный археологический материал, относящийся преимущественно непосредственно к Тесовскому погосту. Одновременно введены в научный оборот материалы описаний XVI—XVII вв. В перспективе нам представляется важным

исследование поселения столь же большими площадями — только здесь возможен видимый прорыв в исследовании — в первую очередь при выявлении комплексов XIII–XV вв. Вместе с тем перспективным представляется и исследование сельских поселений в периферийных областях Тесовского микрорегиона.

***

- 1 Селин А.А. Тесово и Тесовская волость: некоторые итоги изучения // Дивинец Старолadoжский. СПб., 1997. С. 119–124.
- 2 Селин А.А. Об одной сельской свадьбе при царе Василии Шуйском // Мифология и повседневность. Вып. 2. Мат. науч. конф., 24–26 февраля 1999 г. СПб., 1999. С. 186–197; Селин А.А. Источники по истории сельского расселения XVI в.: Тесовская волость // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: Редактор и текст. Вып. 3. СПб., 2000. С. 207–232.
- 3 Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 138–139; Новгородская четвертая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 4. СПб., 1848. С. 30.
- 4 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 295; Новгородская четвертая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 4. СПб., 1848. С. 37; Софийская первая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 5. СПб., 1851. С. 179; Симсоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 18. СПб., 1913. С. 63; Вологодско–Пермская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 26. М.; Л., 1959. С. 80; Львовская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 20. Ч. 1. СПб., 1910. С. 160.
- 5 Еврсиновский список. Книга Великого княжества Литовского и Жемоитцкого // Полное собрание русских летописей. Т. 17. СПб., 1907. Ст. 357–412.392.
- 6 Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.–Л., 1949. С. 292; Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 248–251.
- 7 Богословский Н.Г. Раскопка курганов в Тесове, близ границы Лужского уезда Петербургской губернии в 75 в. от Новгорода // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 31. 1878/79. С. 205.
- 8 Раскопки А.А. Спицына в районе с. Яма Тесова на р. Оредежи Новгородской губернии 1924 г. Переписка // Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1924. Д. 129.
- 9 Протокол 203 заседания секции нумизматики и глиптики Российской академии истории материальной культуры // Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1924. Д. 23. Л. 45, 45 об; Комиссия по нумизматике и глиптике Российской академии истории материальной культуры. Приложение к протоколам и отчеты о работе комиссии за 1924–1925 гг. 2–я часть // Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1925, Д. 27. Л. 7 об.
- 10 Теплоухов С.А. Раскопки в Оредежском районе Лужского округа группы курганов у Бутковского и Ям-Тесовского в 1928 г. // Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. 122. Л. 1–2.
- 11 Таким образом, поселение распаивалось еще в 1920–х гг.
- 12 Лесман Ю.М. Древнерусский Тесов // Древности Северо–западной России. Сборник материалов научной конференции, посвященной 90–летию со дня рождения Г.П. Гроздилова. СПб., 1995. С. 78–82.
- 13 Сведения о памятниках Лужского уезда Петербургской губернии для составления археологической карты губернии. 1900–1901 гг. // Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 37. Оп. 1. Д. 6. Л. 12–13.
- 14 Греков Б.Д. Новгородский дом святой Софии. Ч. 1. СПб., 1914. Приложение. С. 50–51.
- 15 Выпись из писцовых книг письма и меры Ф. Маврина да подьячего А. Козловского 1629 г. за приписью дьяка Ф. Арцыбашева // СлбИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 65 (далее — Выпись 1629). Л. 178 об.–329 об.
- 16 Селин А.А. Источники по истории сельского расселения... С. 210–225.
- 17 Селин А.А. О посвящении сельских храмов в Новгородской земле XVI в.: св. Климент (папа римский) // Теорет. конф. «Философия религии и религиозная философия: Россия. Запад. Восток»: ТД. СПб., 1995. С. 80–82; Селин А.А. Тесово и Тесовская волость... С. 119–124.
- 18 Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.–Л., 1949. № 292. С. 292; Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 248–251.
- 19 Новгородские писцовые книги, издаваемые Имп. археографической комиссией. Т. 3. СПб., 1868. Стб. 75–76.
- 20 Выпись из писцовой книги дворцовых земель Водской пятины письма О. Вышеславцова. 1550/51 // Российский государственный архив древних актов. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 781 (далее — Книга Вышеславцова). Л. 17.
- 21 Греков Б.Д. Новгородский дом святой Софии... С. 281.
- 22 Селин А.А. Источники по истории сельского расселения... С. 210–225.
- 23 Там же.

- 24 Подлинная писцовая книга Вощкой пятины письма и дозора С. Дмитриева, Е. Старого и подьячего С. Киселева. 1582 // Российский государственный архив древних актов. Ф. 1209. Д. 958 (далее Писцовая 1582).
- 25 Выпись из писцовой дворцовой книги Водской пятины письма и меры кн. В.А. Звенигородского и Е. Старого с товарищи. 1584 // СпбИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 65 (далее — Выпись 1584). Л. 105 — 178.
- 26 Список с межевой книги дворцового села Тесова дьяка А. Арцыбашева и подьячего С. Емельянова. 1586 // СпбИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 84 (другой список: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Q IV, 28) Л. 48—70.
- 27 Греков Б.Д. Новгородский дом святой Софии... С. 273.
- 28 Выпись 1629... Л. 244—245.
- 29 Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до сер. XVII в. Т. 2. М.-Л., 1948. С. 112. Примечание 3; также: Грамота царя Алексей Михайловича новгородскому митрополиту Афонию об отписке на государя Олонецкого погоста. 1648. 30.04 // Карелия в XVII в. Сборник документов / Сост. Р.Б.Мюллер. Петрозаводск, 1948. № 41. С. 71—72.
- 30 С 1993 г. исследуется С.Л. Кузьминым. Благодарю Сергея Леонидовича за возможность воспользоваться неопубликованными материалами раскопок и предварительными выводами исследователя.
- 31 Кладбище и курганы в Тесове впервые упомянуты в межевой 1578 г. — Межевая книга с. Тесова государева прикащика с. Тесова И. Левшина. 24.06. 1578 // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Q IV. Д. 28. Л. 55.
- 32 Ведомости о церквях г. Новгорода и его уезда (113 церквей). 1914 // Отдел письменных источников Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. Д. 11284. Л. 571—577.
- 33 На поселении представлен непрерывный ряд керамического материала, от лепной керамики рubeжа I—II тыс. н. э. до позднесредневековой XVII—XVIII вв. В пахотном слое лепная и раннегончарная керамика представлена единичными фрагментами. Наибольшее количество составляет серо-бежевая гончарная керамика, вторая по числу фрагментов — белостенная. Встречается также красно-кирпичная керамика, есть два фрагмента розовой, некоторое количество черной керамики. Так как памятник пропахивался до материка, керамика чрезвычайно фрагментирована.
- 34 Селин А.А., Магола А.А. Новые исследования Тесовского погоста // Староладожский сборник. Вып. 4. СПб.-Старая Ладога, 2001. С. 79—115.
- 35 Любезно определено А.Н. Кирпичниковым.
- 36 Собрание Б.И. и В.Н. Ханенко. Древности русские. Кресты и образки. Вып.1. Киев, 1898. Табл. 11, № 28.
- 37 Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 3. Ч. 2. М., 1987. С. 172—173.
- 38 Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 3. Ч. 2... С. 182.
- 39 Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. 2. Вып. 1. М., 1976. С. 91.
- 40 Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. 2. Вып. 1... С. 103.
- 41 Новгородские писцовые книги... Т. 3. Ст. 67.
- 42 Медынцева А.А. Подписные шедевры древнерусского ремесла. М., 1991. С. 232—236; Сарабьянов В.Д. Культ св. Климента папы римского и его отображение в новгородском искусстве XII в. // Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 20—22 декабря 1997 г. Материалы к чтениям. СПб., 1997. С. 34—38; Милютенко Н.И. Культ св. Климента на Руси и в Ладого XII в. // Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 20—22 декабря 1997 г. Материалы к чтениям. СПб., 1997. С. 38—41.
- 43 Отдельным анклавом по отношению к этим группам являются церкви посада Новая Соль на Мшаге.
- 44 Ярвосо́льский, Ижерский и Дудоровский погосты были переданы в Ореховский уезд из Новгородского около 1500 г. — Переписная и окладная книга Водской пятины. Вторая половина / Публ. М.Оболенского // ВОИДР. М., 1851. Т. 11. С. 287.
- 45 Отмечен в своде В.В. Зверинского (Зверинский В.В. Материалы для топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т. 3. СПб., 1897. № 2194. С. 203).
- 46 Новгородские писцовые книги... Т. 3. Ст. 81.
- 47 Челобитная царю Михаилу Федоровичу Софийского стряпчего П. Дулова на дворцовых крестьян д. Офимкович Климецкого Тесовского погоста, на С. Тимофеева с соседями, о том, что они несправедливо захватили себе половину земли Успенского пустого девичья монастыря, что бывал в Климецком погосте над озером, а оброка в Софийскую казну не платят (при митр. Киприане, 1627—1635 гг.) // СпбИИ. Кол. 171. Перепл. 11. Д. 723. Л. 152.
- 48 Список с переписной книги монастырских и церковных дворов, дворцовых, поместных и вотчинных сел и деревень Водской пятины стольника кн. Г.Д. Долгорукого и подьячего И. Раковского. 1646 // Российский государственный архив древних актов. Ф. 1209. Д. 984. Л. 64; Книга записей Софийской пошлыны. 1576/77 // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Соф. 1548. Л. 113.
- 49 Ведомости о церквях г. Новгорода и его уезда (113 церквей). 1914 // Отдел письменных источников Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. Д. 11284. Л. 839—845

- 50 Единственная обнаруженная нами церковь с подобным посвящением находилась в Московском Новодевичьем монастыре, во всяком случае — в XVII в. Ср.: [Приходно—расходная] книга 1668—1669 гг. Дела Тайного приказа. Т. 3 // Русская историческая библиотека. Т. 23. СПб., 1904. Ст. 1028: «В Новодевичьем монастыре, в трех церквах: в церкви Святых апостол, Прохора и Никанора, Тимона и Пармена». Память этих святых празднуется 28 июля старого стиля.
- 51 Книга сбора церковной дани (подъезда и десятины) с Вотской и Шелонской пятин сбора Каллины Литвинова да Тимофея Тютрюмова да Филипа Данилова 160 году, записано в феврале // Российский государственный исторический архив. Ф. 835. Оп. 5. Д. 18. Л. 13 об.
- 52 Челобитная Б. Тыркова и вкладчиков Никольского Клинского монастыря, находящегося в Вотской пятине в Климецком погосте о выдаче им выписи из писцовых книг на монастырскую землю. 1644. 29.12 // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Кол. 171. Перегл. 2. Д. 70. Л. 47—50. Богдан Иванов Тырков в 1646 году владел вотчиной в д. Вержжино Климентовского Тесовского погоста (Список с переписной книги монастырских и церковных дворов, дворцовых, поместных и вотчинных сел и деревень Водской пятины стольника кн. Г.Д. Долгорукого и подьячего И. Раковского. 1646 // Российский государственный архив древних актов. Ф. 1209. Д. 984. Л. 304).
- 53 Воробьев В.М., Дегтярев А.Я. Русское феодалное землевладение от «Смутного времени» до кануна петровских реформ. Л., 1986. С. 57
- 54 Книга записей Софийской пошрины... Л. 91 об.
- 55 Сорокин П.Е. Археологические исследования и проблемы сохранения культурного слоя на территории Санкт-Петербурга // *Archaeologia Petropolitana*. № 1. СПб., 1996. С. 28.
- 56 Грамота царя и великого князя Ивана Васильевича Всея Руси в Великий Новгород дьякам Ф. Ермееву и К. Дубровскому о посылке приказчиков в Кипенский погост и к Спасу на Неву для приготовления корму войску царевича Кайбалы. 1555. 4.12 // Дополнения к Актам историческим. Т. 1. № 70, V. С. 130—131.
- 57 Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1995. С. 267.
- 58 Грамота об отставке от службы. 1556. 12.03 // Дополнения к Актам историческим. Т. 1. СПб., 1846. № 47. IV. С. 66; Памятники дипломатических сношений России со Швецией // Сб. РИО. Т. 129. М., 1910. С. 360, 368, 370.
- 59 Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. 2. Вып. 2... С. 105.
- 60 Последний был построен в 1615 г. для обеспечения безопасности движения по р. Луге от «шишей», контролировавших Сумерскую волость — Грамота Якова Делгарди в Ям немецкому воеводе Клаусу Харлу и Миките Ивановичу Калитину о розыске и грабежах крестьян Сумерской волости. б/д (ок. 1615 г.) // Riksarchivet, Stockholm, Ockupationsarckivet från Novgorod. Serie II: 164.
- 61 Кормовые книги Тесовского острожка. 1614/1615 // Riksarchivet, Stockholm, Ockupationsarckivet från Novgorod. Serie I: 87. Л. 2.
- 62 Книги кормовые Тесовского острожка. 1611, дек. // Riksarchivet, Stockholm, Ockupationsarckivet från Novgorod. Serie I: 71. Л. 61—128.
- 63 Книги расхода кормов немецким ратным людям по Тесовскому острожку. 1611. 23.12—1612. 23.01 // Riksarchivet, Stockholm, Ockupationsarckivet från Novgorod. Serie I: 71. Ё. 163.
- 64 Goeteeris A. Journael der legatie ghedaen inde Jaren 1615 ende 1616 ... Graven—Hage, 1619. Л. 32.
- 65 Дозорная книга Водской пятины Полуужской половины дозору И.С. Мельницкого, Ф.Н. Нелюдова и подьячего М. Помещикова. 1612 г. // Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarckivet från Novgorod. Serie I (микрофильм Архив Санкт-Петербургского института истории РАН 321) — далее Дозорная книга 1612; Челобитная черного попа Никольского Клинского монастыря Ионы об обидах, понесенных от немецких людей. 1614—1616 // Якубов К.И. Русские рукописи Стокгольмского архива // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. № 14. М., 1890. С. 34; Донесения Нидерландских посланников о их посольстве в Швецию и Россию в 1615—1616 г. Сообщения из Нидерландского Государственного Архива // Сборник РИО. Т.24. М., 1878. С. 37.
- 66 Донесения Нидерландских посланников... С. 37.
- 67 Приходные книги государеву хлебу с дворцовых сел при дьяке Пятом Григорьеве. 1615/16 // Riksarchivet, Stockholm, Ockupationsarckivet från Novgorod. Serie I: 108. Л. 86, 87.
- 68 Челобитная дворцовых крестьян села Тесова, поданная Я.Делгарди и кн. И.Одоевскому. 1614. 25.07 // Riksarchivet, Stockholm, Ockupationsarckivet från Novgorod. Serie II: 168. Л. 15.
- 69 Челобитная Никиты Тыркова и подьячего Ивана Прокофьева о том, на каких десятинах села Тесова сеять рожь на 123 год и указ по ней. 1614. 19.08 // Riksarchivet, Stockholm, Ockupationsarckivet från Novgorod. Serie II: 284. Л. 3, 3 об.
- 70 Там же.
- 71 Опись Новгорода 1617 г. Памятники отечественной истории. Ч. 1. Вып. 3. М., 1984. С. 133—134.
- 72 Отношение подписавших с русской стороны на Столбовском договоре комиссаров к шведскому фельдмаршалу барону Карлу Гюлленгельму. Новгород, 1617. 23.05 // Саблер Г. Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делгарди. Ученые записки Юрьевского университета. Юрьев, 1896. Документ № 13. С. 57—63.

- 73 Отписка новгородских воевод о принятии мер против выходцев из-за рубежа и русских перебежчиков. 1631 // Акты Московского государства / под ред. Н. Попова. 1890. Т. 1. С. 330–332.
- 74 Неволин К.А. Образование управления в России от Ивана III до Петра Великого // Полное собрание сочинений. Т. 6. М., 1859. С. 175
- 75 Челобитная выборжца торгового человека Ф. Геслинга в новгородскую приказную палату о выдаче ему товаров, задержанных в Новгороде и об отпуске за шведский рубеж. 1668. до 1.05 // Русско-шведские экономические отношения в XVII в. Сб. док-тов. М.-Л., 1960. № 189. С. 309–310.
- 76 Перепись государевым царевым и великого князя Алексея Михайловича всяя Росии Новгородским дворцовым делам судного приказного стола. 1670.1.09–1675.1.09 // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Кол. 2. Оп. 1. Д. 2. Л. 112.
- 77 Там же. Л. 218 об.
- 78 Там же. Л. 218 об.
- 79 Обыскные книги (годовые сметные росписи) Новгорода, Ладоги, Порхова. 1698 // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Кол. 115. Оп. 1. Д. 324. Л. 4, 27 об.
- 80 «В сентябре взято в Пентелеевской острожек до *нового* (курсив мой. — А.С.) острошку 437 хлебов» — Приходная книга Водской пятины Полуужские половины кормов на Тесовский и Пентелеевский острожки. 1611, авг. — 1616, сент. // Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet från Novgorod, Riksarchivet. Serie II: 109
- 81 Ср.: «пустошь, что была деревня Пантелеевичи, что была за Иваном за Серковым да за Васильем за Колобовым да за Тимофеем за Митковым... двory помещицкие выжгли воровские люди, как приходили под острог...» — Дозорные книги Полусской половины Водской пятины дозору Ивана Боранова да подьячего Семейки Шустова. 1615. 8.08 // Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet från Novgorod. Serie I: 6. Л. 47.
- 82 Приходно-расходные книги сбора и выдачи кормов немецким людям. 1612/14 // Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet från Novgorod. Serie I: 48. Л. 39.
- 83 Память Г.С. Обольянинову о посылке к нему вместо Михаила Неелова Селивестра Зиновьева. 1614. 3.08 // Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet från Novgorod, Riksarchivet. Serie II: 148. Л. 20; Приходно-расходные книги сбора и выдачи кормов немецким людям. 1612/14 // Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet från Novgorod. Serie I: 48. Л. 34.
- 84 Грамота об отставке от службы. 1556. 12.03 // Дополнения к Актам историческим. Т. 1. СПб., 1846. № 47. IV. С. 66.
- 85 Дело по челобитной крестьян села Тесова о несправедливом обвинении их в растрате соли в приход воровских людей. 1614, окт. // Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet från Novgorod. Serie 2: 122. Л. 33–35.
- 86 Память Г.С. Обольянинову по челобитью новгородского посадского человека Якуша Масленникова. 1614. 17.08 // Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet från Novgorod. Serie II: 148. Л. 10.
- 87 Челобитная выборжца торгового человека Ф. Геслинга...
- 88 Список с писцовой книги Водской пятины письма кн. П. Оболенского и И. Зюзина с товарищи. 1568 // Российский государственный архив древних актов. Ф.137. Оп.1, Новгород. Д. 1–6. Л. 84–84об.
- 89 Писцовая 1582. Л. 23.
- 90 Перепись охотникам и бобылям Тесовского яму и деловые книги земли Заяцова яма. 1601, апрель // Гурлянд И.Я. Новгородские ямские книги 1586–1631 гг. Ярославль, 1900. С. 102. Заметим, что отчество дьячка (довольно редкое для начала XVII в.) совпадает с отчеством священника Тесовского яма — Прова Анцыфорова, известного в 1612 г. (Дозорная книга 1612). Вероятно, это братья.
- 91 Выделные книги с земель Тесовского яма. 1631. 19.08 // Гурлянд И.Я. Новгородские ямские книги ... С. 153–157.
- 92 Отрывок писцовой книги Водской пятины письма кн. П. Оболенского и И. Зюзина. 1568... Л. 153.
- 93 Селин А.А. Источники по истории сельского расселения... С. 211.
- 94 Выпись 1584. Л. 155–155об.
- 95 Книги переписные судным и разбойным и татиным делам и запискам и книгам приходным пошлинным денгам с судных и с управных дел и холопым книгам, которые дела были в Судном приказе при разных воеводах и владыках. 1586–1596 // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Кол. 2, Оп. 1. Д. 12. Л. 134 об.
- 96 Выпись 1629... Л. 241 об.—242 об.
- 97 Греков Б.Д. Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI–XVII вв. // ЛЗАК за 1926 г. Вып. 1 (34). Л., 1927. С. 125–144.
- 98 Упоминание о «Городке», на котором стоит церковь позволяет посмотреть особым взглядом на топографию окрестных деревень, в частности — деревень Загороденье, Клюкошицы и Фроловской церкви. По современному административному делению, стоящая по сей день Фроловская церковь (постройки 1872 г. — Ведомости о церквях г. Новгорода и его уезда (113 церквей). 1914 // Отдел письменных источников Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. Д. 11284. Л. 898–908) относится к деревне Клюкошицы Ям-Тесовской волости, Луж. Однако согласно современной фольклорной традиции, деревня

- делится на два конца — Загородицы и Мельница, концы идут от церкви к окраинам деревни (полевые записи автора в д. Ключошицы, 2 мая 1991 г.). Сама церковь стоит на возвышенности, на высоком правом берегу р. Тесовой. Можно предположить, что она была построена на месте первоначального укрепленного поселения. К сожалению, все пространство близ церкви занято кладбищем и современной застройкой, так что археологическими методами определить более точно характер этой возвышенности не представляется возможным.
- 99 Впервые церковь свв. Фрола и Лавра близ д. Ключошицы упомянута в 1550/51 г. (Книга Вышеславцова... Л. 21–21 об.), но не исключено, что она существовала и ранее, являясь приходским центром именно для тех деревень, что были приписаны к Тесовской волости в 1578 г.
- 100 Список с межевой книги дворцового села Тесова дьяка А. Арцыбашева и подьячего С. Емельянова. 1586 // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Кол. 2. Оп. 1. Д. 84. Л. 8–8 об.
- 101 Обидные дела, которые учинили великие государи его царского величества подданным с стороны его королевского величества Свейской от подданных после последнего Московского подтверждения с прошлого со 192 году (Samling av ryska befolkningens vid svensk-ryska gränser klagomål angående oförrätter av olika slag, som tillfogades dem från svensk sida. Denka samling användes vid dåtidens svensk-ryska förhandlingar och bör därför placeras vid sidam av motsvarande förhandlingsprotocoll) 1697/98 // Riksarkivet, Stockholm, Muscovitica: 112. Л. 11 об.—12.
- 102 Новгородские писцовые книги... Т. 3. Ст. 82.
- 103 Деревня «на Шуче на луке у часовни» впервые упомянута в писцовой книге Дм. Китаева 1500 г. (Новгородские писцовые книги... Т. 3. Стб. 82). Егорьевский храм возникает здесь в середине XVI столетия, до 1568 г.
- 104 Селин А.А. Источники по истории сельского расселения XVI в... С. 222.
- 105 Таможенные книги Великого Новгорода 1610/11 и 1613/14 годов. СПб., 1996. С. 97.
- 106 «А в сыску волостные люди про те деревни сказали, что в тех деревнях крестьян и бобылей нет, и пашня не пахана, и в те деревни приходят воровские людишки...» — Дозорные книги Полусской половины Водской пятины дозору Ивана Боранова да подьячего Семейки Шустова. 1615. 8.08 // Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarckivet fren Novgorod. Serie I: 6. Л. 11–12.
- 107 Челобитная Г.С. Обольянинова на старцев Зверина монастыря. 1616, окт.; Запись о взятии на поруку старца Зверина монастыря Деонисья. 1617. 11.01 // Селин А.А., Магола А.А. Новые исследования...
- 108 Жербин А.С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956. С. 49; Отписка А. Мелничкого и С. Свербесва в Новгород о пути их на Осиную Горку для перебежчицкой размены. 29.03.1636. // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 109. Д. 595.
- 109 План лесонасаждений и статистическое описание Орлинской лесной дачи. 1874 // Российский государственный исторический архив. Ф. 515. Оп.72. Д. 6662. Карта.
- 110 Отписка новгородских воевод о принятии мер против выходцев из—за рубежа и русских перебежчиков. 1631 // Акты Московского государства / под ред. Н.Попова.. 1890. Т. 1. С.330–332.
- 111 Подлинная переписная книга поместных и вотчинных сел и деревень, дворов и людей Водской пятины, обеих половин А.М. Змеева. 1669. 22.05 // Российский государственный архив древних актов. Ф. 1209. Д. 984. Л. 533 об., 722об., 723.
- 112 Этому вопросу посвящена еще одна наша работа, находящаяся в печати (Selin A.A. New approaches to the studying of Russian—Swedish frontier organization of 17th cent.).
- 113 Списки с подлинных писцовых книг письма, меры и межевания писца Ф.В. Нашокина и подьячих В. Баристова и М. Полуженинова новгородским дворцовым селам, погостам и рядкам. 1674–1676 // Российский государственный архив древних актов. Ф.1209. Д. 763.
- 114 Именной указ, данный Сенату об отдаче Александро—Невскому монастырю в вечное владение вотчин Старорусского Иверского монастыря, некоторых дворцовых волостей и отписных у князя Долгорукова, взامن взятых у одного монастыря и приписных к дворцовому ведомству волостей Толмачевской, Дорской и Охонской. 1733. 11.06 // Полное собрание распоряжений и узаконений по ведомству православного вероисповедания. Т. 8. СПб., 1898. С. 351–352.
- 115 Согласно П.И. Кеппену, в середине XIX в. в Лужском уезде ижоры обитали в деревнях Нестерково, Тарасино, Кремена, Воцко или Новоселки, Ольховец, Озерешно, Новинка, Чаша, Низовка (в 1840 переселились из д. Чаша), Луги, Черница (в 1842 переселились из д. Луги), Пелкова (Кеппен П.И. Селения, обитаемые ижорами в Санкт—Петербургской губернии // Ученые записки Императорской академии наук по I и III отд. 1853. Т. 2. Вып. 3. С. 412–422). Именно эти селения относились в XVII в. к Тесовской дворцовой волости или принадлежали Троицкому Зверинскому монастырю (Нестерково, Тарасина, Кремена). Примерно этими же деревнями ограничивают верхнеореджский диалект и исследователи XX в. — Федоров И.Т. Расселение ижоры в XIX—XX веках // СЭ. 1983. № 5. С. 97–104; Конькова О.И. Ижора // Мы живем на одной земле. Население Петербурга и Ленинградской области. СПб., 1992. С. 89–109.
- 116 Распросные речи о бобылях села Тесова, возвратившихся из—за рубежа и о Тесовских крестьянах, ушедших за рубеж. [1623] // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 109. Д. 65.

УСТЬ-ИЖОРА — ПОЛЕ НЕВСКОЙ БИТВЫ (результаты изучения и перспективы создания музея-заповедника)

Поле Невской битвы: мнения и оценки. Битва 1240 г. в устье реки Ижоры знакома многим еще со страниц учебника истории, где изображалась рисованная карта с ладьями у берега Невы, со стрелками, показывавшими наступление новгородцев и отход шведов. В сознании нашего народа эта битва стоит в одном ряду с крупнейшими сражениями российской истории, в которых решались судьбы государства. При этом, по свидетельству исторических документов, по своим масштабам, битва на Неве вовсе не выделяется на фоне других вооруженных столкновений своего времени. Но несмотря на это, значение Невской битвы для сохранения русской государственности трудно переоценить — ведь она положила конец шведской экспансии в земли Северо-Запада в тяжелейшее для Руси время монголо-татарского нашествия. Другой причиной широкой известности Невской битвы следует признать участие в ней Александра Невского, получившего за победу в этом сражении свое прозвище и провозглашенного, впоследствии, национальным героем России, святым покровителем русского воинства и Санкт-Петербурга.

Сведения о Невской битве содержатся в двух первоисточниках. Это — краткое сообщение в новгородской летописи, составленное, вероятно, вскоре после битвы, и затем попавшее в другие летописные своды, а также литературный памятник — «Повесть о житии Александра Невского», написанный, по мнению специалистов, со слов участников битвы, во Владимире, и также дошедший до нас в нескольких редакциях. При этом в шведских хрониках битва 1240 г. вообще не упоминается. Это может объясняться неразвитостью шведской исторической традиции того времени.

В русских документах имеется достаточно подробное освещение обстоятельств и хода битвы на Неве. Изучением их занимались: В.Т. Пашуто, И.П. Шаскольский, Г.Д. Караев, А.Н. Кирпичников, А.Я. Дегтярев В.А. Кучкин и другие историки, однако по прежнему остаются спорные моменты, вызывающие полемику исследователей. В частности имеются разногласия о целях этого вторжения. Обращает на себя внимание тот факт, что шведский флот, вошедший в Неву, вместо того, чтобы, как это случалось обычно, использовав фактор внезапности, обрушиться на Приладожье — на длительное время останавливается при впадении р. Ижоры в Неву, тем самым дав возможность новгородцам взять инициативу в свои руки.

Рассматривая вторжение 1240 г. в контексте шведского и тевтонского продвижения на восток, нетрудно заметить, что основой владычества шведов в Финляндии и немцев в Прибалтике было сооружение в этих землях многочисленных крепостей и замков. И если первоначально вторжения этих государств в земли финских народов зависимых от Новгорода носили характер устрашающих и грабительских, то позднее, с укреплением позиций завоевателей, в соседних землях начинают предприниматься попытки утвердиться и здесь. Так всего через год после Невской битвы, в 1241 г., тевтонцы попытались построить крепость в земле води (Копорье), шведы же в 1256 г. начинают сооружать укрепления в устье р. Нарвы, в 1293 г. основывают в землях карелы Выборгский замок, а в 1300 г. предпринимают попытку закрепиться в Ижорской земле, построив при впадении р. Охты в Неву крепость Ландскрону.

Такое развитие событий позволяет предположить, что подобная цель

ставилась и в 1240 г. в местечке при впадении Ижоры в Неву. Место это, находящееся в среднем течении Невы, ниже труднопроходимых Ивановских порогов, обладало удобным географическим положением для ведения торговли и судоходства. Оно имело также несомненные топографические преимущества — гавань для стоянки и ремонта кораблей, перегрузки товаров с морских судов на речные и наоборот, а также рельеф, облегчающий сооружение укреплений. Такой опорный пункт, расположенный в центре Ижорской земли, позволил бы надежно контролировать водные пути по Неве и Ижоре¹. Предположение о сооружении шведского опорного пункта в устье Ижоры подтверждается сообщением Лаврентьевской летописи XIV в.², где говорится что Пелугий-Филипп указал «станы и обрывать» неприятеля. Одни исследователи трактуют их как начало сооружения долговременных укреплений — крепости³, другие же как временный полевой лагерь⁴.

Вероятно, согласованные действия Тевтонского ордена и Шведского королевства предусматривали одновременное вторжение в Новгородские владения и сооружение опорных пунктов — крепостей в землях води (Копорье) и ижоры (в устье этой реки). Именно этим и может быть объяснено необычное промедление шведского отряда, задержавшегося в середине Невы, и поспешность выступления новгородского князя Александра, который напал на неприятеля с малыми силами, не дожидаясь помощи от великого князя Владимирского, с тем, чтобы предотвратить сооружение здесь укреплений.

Получив известие о приходе шведов, князь Александр Ярославич, собрав малую дружину в Новгороде, выступил к устью Ижоры. По пути к новгородцам присоединились ладожане. Каким путем двигались русские войска, летописи не сообщают. Существуют точки зрения, что они могли спуститься вниз по Волхову к Ладоге водным или сухим путем, где к ним прикнул отряд ладожан, или двигаться Волдской дорогой через Тесово⁵. Но вероятнее всего уже в то время существовала прямая дорога от Новгорода к истокам Невы, ставшая в XVI столетии ямским трактом, который проходил примерно в 40–50 км к западу от Волхова через Петровский погост, к реке Назии. В среднем ее течении

она пересекалась с другой дорогой, проходившей по краю глинта (Балтийско-Ладожского уступа) из Нижнего Поволховья к Ижорскому плато, по которой, вероятно, и шли на соединение с Александром ладожане. Этот путь пересекал реку Ижору в ее мелководной и порожистой части в 15 км от впадения в Неву (современная Ям-Ижора), где имелись броды. Отсюда русские войска, в сопровождении местных жителей, могли лесными дорогами незаметно выдвинуться по обоим берегам реки к ее устью.

Битва началась в «шестом часу дни», то есть в 11 часов утра, видимо, с того, что русская конная дружина неожиданно обрушилась на шведский лагерь. В это же время пеший отряд налетел на стоявшие у берега со спущенными сходнями шнекеры, отрезая их от лагеря⁶. За литературным вымыслом о помощи, оказанной ангелом русским войскам на другом берегу этой реки, некоторые исследователи видят реальный факт действий ижорского контингента войск⁷. Шведы, оказавшись в замешательстве, откатывались вниз по склону к судам, стоявшим у мыса. Русские конники, увлекшись преследованием, врывались на опущенные с кораблей сходни. Битва проходила на границе суши и воды. В результате этой атаки три судна были выведены из строя.

Судя по тому, что шведы остаются на мысу до утра, а упоминаемое в документах число погибших новгородцев всего 20 человек, битва не могла продолжаться до сумерек. Скорее всего, она была достаточно скоротечна. По-видимому, получив подкрепление с кораблей, шведы сопротивлялись натиску новгородцев, а Александр, добившись деморализации противника и не желая нести потери, отвел свои войска. В конечном счете цель была достигнута — из-за внезапности нападения, противник понес значительный урон и, утратив веру в успех своего предприятия, частью захоронив, а частью погрузив на суда тела погибших воинов, под покровом темноты ушел по Неве в Балтику.

Прямых упоминаний о численности русских и шведских войск, участвовавших в битве, в источниках не содержится. Однако, сам ход ее свидетельствует об их примерном равенстве. Исследователи называют различное количество участников сражения — от нескольких сотен⁸ до

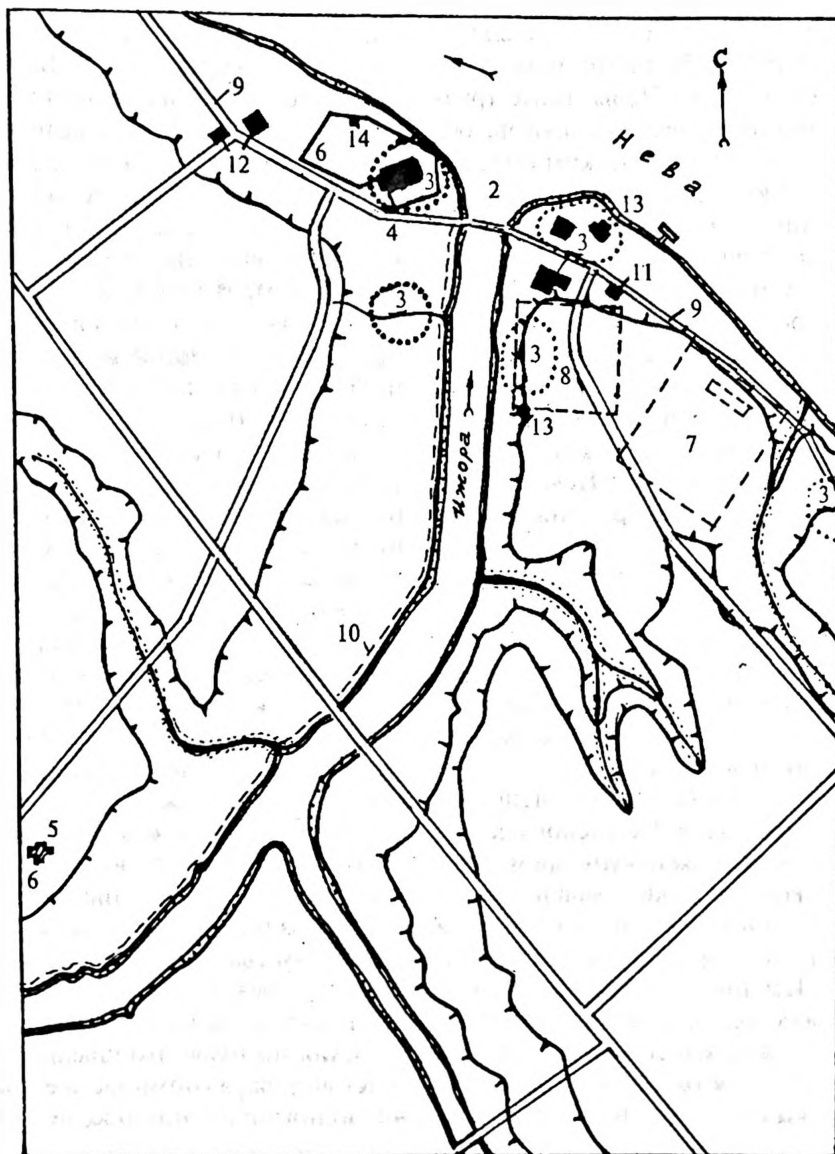

Рис. 1

Поле Невской битвы. Памятники истории и культуры: 1. Поле Невской битвы, 2. Место стоянки судов, 3. Позднесредневековые поселения XIV-XVII в.в., 4. Церковь Александра Невского, 5. Владимирская часовня, 6. Кладбища XVIII-XIX в.в., 7. Меншиковская усадьба, 8. Петровская земляная фортеция, 9. Шлиссельбургский тракт, 10. Бичевник XVIII в. 11. Обелиск в честь участия усть-ижорцев в Свейской войне, 12. Здания XIX в.: волостная управа, ямская станция, трактир-чайная, 13. Обелиск в память о Невской битве. 14. Братская могила.

нескольких тысяч человек⁹. Масштабы этой битвы можно представить лишь приблизительно — по аналогии с другими военными столкновениями того времени¹⁰. Так, в шведском вторжении на Неву 1300 г., подробно описанном в хронике Эрика, принимало участие 1100 человек на 25–30 судах — из расчета около 40 человек на одно судно, а в походе 1164 г. на Ладогу, когда, по сообщению летописца, шведы пришли на 55 шнеках, их численность соответственно достигала около 2200 человек. Таким образом можно

предполагать, что и в этой битве с каждой из сторон, могло участвовать по одной — две тысячи воинов. Если сравнивать Невскую битву по масштабам с современными ей военными столкновениями в Западной Европе, то по названному числу участников ее можно причислить к достаточно крупным сражениям.

Одним из ключевых вопросов, касающихся Невской битвы, является вопрос о точном месте, где она происходила (рис. 1). Письменные источники содержат лишь общие сведения по этому

поводу: «В Неве Устье Ижоры»¹¹, «приде в рику Неву и ста Усть Ижеры...»¹². Традиционно местом Невской битвы считался правый берег реки Ижоры — мыс при ее впадении в Неву. Однако, в последнее время появилась иная точка зрения по этому вопросу — И.П. Шаскольский высказал мнение, что битва должна была происходить на левом берегу Ижоры, так как этот берег якобы более подходил для места ристалища¹³. Эту позицию поддержал А.Я. Дегтярев, на том основании, что расположение лагеря шведов на левом — западном берегу Ижоры предохраняло его от внезапного нападения новгородцев, двигавшихся с востока¹⁴.

По нашему мнению, битва происходила на обоих берегах Ижоры, как об этом и сообщается в Житии Александра Невского, где речь идет о помощи Ангела русским войскам на другом берегу реки. Это вполне реально, так как ширина этой реки невелика и достигает всего около 40 метров, и если шведские суда стояли в устье Ижоры поперек течения реки, они почти полностью перекрывали реку от одного берега до другого.

Не следует забывать, что шведы не искали места для битвы, они искали наиболее защищенную природой позицию. Учитывая, что сильно заболоченные, покрытые непроходимым лесом берега Невы в это время не были заселены, то и хорошие дороги здесь наверняка отсутствовали. Путь, связывавший заселенные территории Южного Приладожья и Ижорского плато проходил в 10–15 км от невских берегов по краю Балтийско-Ладжского уступа — глинта. Основными же путями сообщения в бассейне Невы были водные магистрали. В этих условиях выбор места для лагеря на том или ином берегу реки не имел особого значения.

Куда более важную роль играли ландшафтные условия местности. Судя по историческим планам XVIII–XIX вв., левый берег реки представлял собой пониженную заболоченную пойму, изрезанную многочисленными ручьями. Земляная поверхность плавно переходила в открытую береговую возвышенность в 100 метрах от берега Ижоры. На противоположном — правом берегу, мыс при впадении Ижоры в Неву с севера и запада омывался водами этих рек, а с южной и восточной сторон был надежно защищен заросшими лесом

труднопроходимыми оврагами, по которым еще в прошлом столетии протекали ручьи. Лишь незначительный по ширине перешеек, соединяющий мыс с остальным массивом коренного берега, существовал между этими естественными преградами. Наиболее удобным с фортификационной точки зрения было возвышенное место в северо-западной части мыса — на самом берегу Ижоры, где в Петровское время (1707 г.) была сооружена земляная фортеция. По-видимому, здесь и располагался в 1240 году лагерь шведских войск.

Освоение территории Поля Невской битвы. Несмотря на то что Нева, начиная с раннего средневековья, являлась оживленным водным путем, связывавшим Русь с Балтийским регионом, территория в устье реки Ижоры во времена Невской битвы еще не была постоянно заселена людьми. Славянское население к этому времени еще не добралось до этих мест — граница его компактного расселения проходила в нескольких десятках километров от побережья Невы — по северному краю Ижорского плато и по реке Лаве. Финское племя ижора также держалось на заметном удалении от берегов Невы, что подтверждается размещением древностей XII–XIV столетий, обнаруженных на возвышенных местах не ближе чем в 15–20 км от этой реки. Это объясняется как сильной заболоченностью этих территорий, так и опасностью проживания вблизи водного пути, открытого для внезапных вторжений с Балтики. Массовая колонизация этих территорий ижорским и русским населением происходит, вероятно, в XIV–XV столетиях после основания Орешка и разграничения русских и шведских владений в этих местах.

Место, где произошла Невская битва — устье реки Ижоры — почиталось на протяжении веков. Существуют предания, не нашедшие пока документальных подтверждений, что сразу же после битвы, здесь была воздвигнута небольшая часовня, а в XVI веке построен храм. К концу XV в. по писцовым книгам в устье Ижоры уже имелось пять небольших деревушек, насчитывавших всего десять дворов. Один из них принадлежал князю Ивану Темке Ростовскому, попавшему в эти края после присоединения Новгорода к Москве. Князь был назначен воеводой в новгородском войске и в 1514 г., возглавляя

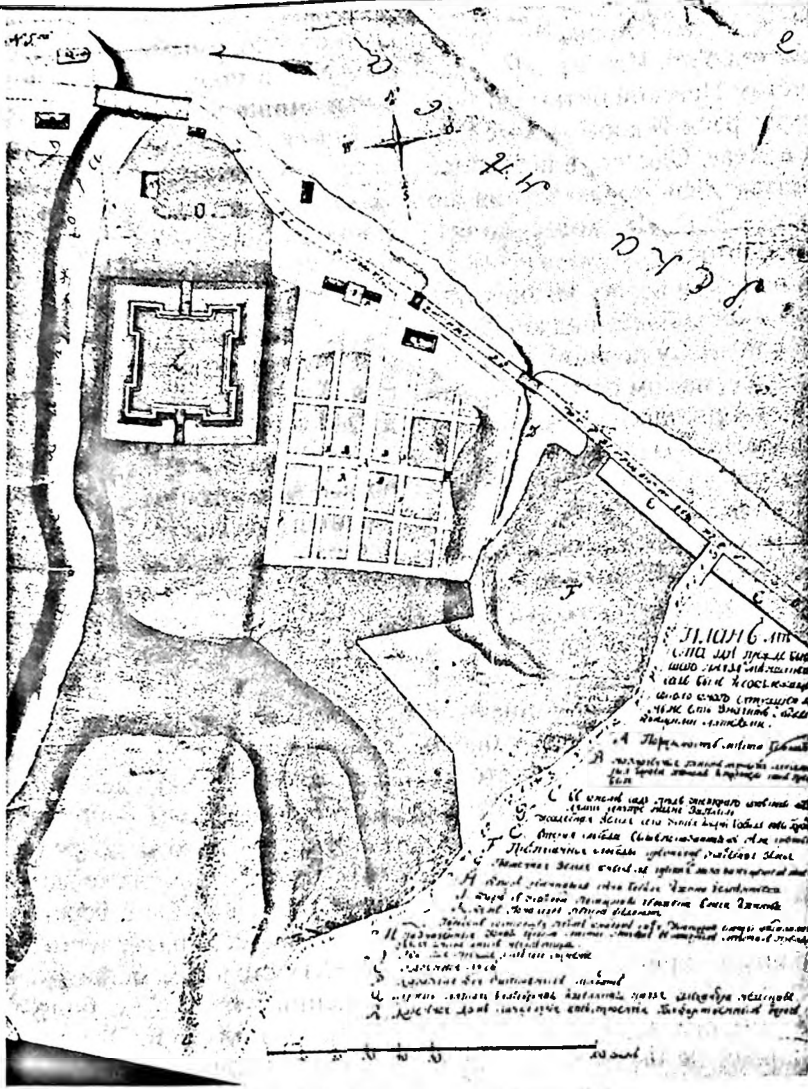

Рис. 2

План Усть-Ижоры 1760 г., деревянная церковь, фортеция, старая усадьба Меншикова.

передовой полк, погиб в битве с литовцами под Оршей.

Первые документированные сведения о сооружении церкви, посвященной Святому Александру, относятся уже к эпохе Петра I, когда Усть-Ижора была подарена монархом Александру Меншикову, получившему титул князя ижорского. Заложена она была в 1711 г., по именному его императорского величества указу, а в следующем 1712 г. Петр Великий присутствовал на ее освящении со всем генералитетом¹⁵. Этот факт служит надежным опровержением распространенной легенды о том, что первоначально полем Невской битвы считалось место сооружения Александро-Невского монастыря. Именно в устье Ижоры, по преданию, Петр I встречал на галере процессию с мошами святого князя при перенесении их в новую

столицу. Отдавая честь этому славному месту, он сам становится у руля, а сановникам велит сесть на весла. Царь неоднократно гостил в ижорской резиденции светлейшего на берегу Невы, представлявшей собой деревянный дворец с двумя шпицами, в окружении фруктового сада. А рядом, на возвышении, располагалась земляная фортеция с четырьмя бастионами, сооруженная в 1707 году (рис. 2). Наряду с другими фортами, воздвигнутыми у устьев южных притоков Невы, она входила в систему укреплений побережья этой реки от шведских войск, делавших вылазки из Карелии в начале Северной войны.

В XVIII–XIX в.в. в Усть-Ижоре и ее окрестностях возникает множество кирпичных заводов, осуществлявших поставки кирпича для нужд строящейся столицы. Здесь же — несколько выше по

течению (район Ям-Ижоры, Колпино) с петровских времен работали пильные мельницы, поставлявшие лес для адмиралтейства. Известно, что в 1711 г. на Ижоре строилось 150 бригаantin для военных действий в финских шхерах. Еще одна славная страница была вписана в историю Усть-Ижоры во время Свейской войны 1789—1790 гг.: когда русский флот испытывал затруднения в личном составе, на сельском сходе было решено направить гребцами на галеры каждого пятого мужчину. И усердие это не осталось незамеченным — по указанию Екатерины II в центре села был установлен монумент со словами благодарности и в память об этом событии.

После того как деревянная церковь в Усть-Ижоре дважды в 1726 и 1797 годах сгорала, в 1798—1799 гг. здесь был построен новый, каменный храм с колокольней. Этот храм, значительно изменившийся после двух перестроек, последняя из которых производилась известным архитектором М.А. Шуруповым, дожил до нашего столетия¹⁶.

В XIX — начале XX веков Усть-Ижора была известна не только своими кирпичными заводами. Славилась она также своим ягодным садоводством и кустарными промыслами вязания рыболовных сетей, косяков и мереж¹⁷. В это время здесь имелись сельское училище, молочные, табачная и кожевенные лавки, питейные дома, ямская станция и шесть постоянных дворов — харчевен, где на окраине Петербурга могли останавливаться путники, путешествовавшие по Архангелогородской дороге — старому мощеному булыжником Шлиссельбургскому тракту.

После революции — в 1934 г. усть-ижорская церковь была закрыта, а ее священники репрессированы. Первоначально в церковном здании был размещен клуб, позднее оно было приспособлено под склад. Во время войны здесь проходила линия фронта. На берегах Ижоры занимали оборону советские войска. Колокольня храма служила наблюдательным пунктом, однако, когда противник стал использовать ее как ориентир для пристрелки по нашим позициям, колокольня была взорвана. Позднее — уже после войны — обрушился прогнивший деревянный купол.

Так и стояла эта полуразрушенная церковь до наших дней, пока в 1987 году

не появилась среди местных жителей идея ее восстановления — как памятника Невской битве. Именно так — «Невская битва» и было названо добровольное объединение, начавшее работы по восстановлению сооружения. Позднее, к этой работе подключились и профессиональные реставрационные организации. Первоначально, в нем планировалось разместить мемориальный музей Невской битвы. Но времена менялись и постепенно с переменами в общественном сознании «крамольная» идея, а не возродить ли здесь храм, наталкивавшаяся на первых порах на непонимание властных структур да и самих церковных властей, стала общепризнанной и единственной. Окончание реставрации, которое планировалось к 750 летию битвы — в 1990 г., затянулось, и освящение храма состоялось только пять лет спустя — в 1995 г.

Поселок в последнее время также переживал не лучшие времена. В 60-е годы он был объявлен неперспективным — из него удалили организации сферы обслуживания, потом закрыли школу. По плану детальной планировки он должен был быть принесен в жертву растущему городу, наступающему в юго-восточном направлении вдоль берега Невы. Жители стали покидать Усть-Ижору, и постепенно этот поселок с его интересными деревянными и кирпичными домиками рубежа веков стал приходить в запустение. В последние годы борьба общественности против сноса поселка и строительства здесь многоэтажных домов увенчалась успехом, и сейчас по инициативе местного совета здесь началась реализация проекта его благоустройства и застройки пустующих мест индивидуальными домами. Это не только даст возможность вдохнуть в историческое село в устье Ижоры новую жизнь, но и будет способствовать сохранению традиционного ландшафта и многочисленных памятников различных эпох на этой территории.

Изучение и мемориализация поля Невской битвы. Впервые — в 1957 г. поле Невской битвы обследовали представители военно-исторической секции Дома ученых АН СССР, во главе с генералом Г.Н. Караевым. Им были организованы подводные поисковые работы в устье реки Ижоры и собраны сведения о находках предметов вооружения на территории

поселка. Обнаружить здесь какие либо свидетельства битвы тогда не удалось. Зафиксированная информация о находке на берегу Невы средневековой кольчуги, переданной в Эрмитаж¹⁸, не подтверждается.

В канун приближающегося празднования 750-летия победы на Неве в Усть-Ижоре в 1988—1989 гг. были организованы широкомасштабные работы по комплексному изучению поля битвы. Они предусматривали выявление и обследование памятников истории и культуры различного времени на территории, примыкающей к устью Ижоры. Археологические раскопки производились отрядом треста Леноблреставрация под руководством автора.

Археология традиционно позволяет получать новые данные по проблемам древней истории, однако в случаях исследований древних полей битв, археологам редко что удается обнаружить. Дело в том, что оставшийся на поле брани победители обычно собирали все вооружение и снаряжение. Все, что оставалось после них, доставалось местным жителям. Погибших воинов не всегда погребали на поле брани — так после Невской битвы, убитые в ней знатные воины, были вывезены обеими сторонами. Захоронение их могло происходить как на родине, так и в близлежащих от места битвы населенных пунктах у храма. В случае с Невской битвой известно о захоронении части шведских воинов прямо на поле боя — «...ископавше ямы, вметаша в ня бещисла...» — говорится в летописи. Здесь же сообщается об уничтожении, то есть вероятно затоплении в ходе боя трех шведских судов — «...погуби три корабли Римлян.»¹⁹

Учитывая, что столкновение произошло в условиях лесистой местности, на берегу рек, можно было бы ожидать здесь находки предметов вооружения, которые могли затеряться в воде или в высокой траве.

Археологические работы включали: шурфовку предполагаемого поля битвы, а также обследование отдельных участков на суше и в воде с применением геофизического метода магниторазведки. В акватории Невы, примыкающей к устью Ижоры, эти работы дополнялись проведением гидролокации бокового обзора и подводным обследованием донной поверхности с закладкой в различных ее местах 12

разведочных шурфов с помощью гидромонитора.

Однако, уже при предварительном знакомстве с местом предполагаемого ристалища становилось ясно, что шансы обнаружения здесь археологических свидетельств Невской битвы крайне невелики. Вся эта территория в настоящее время занята поселком, разбитым на небольшие земельные участки с жилыми домами и хозяйственными постройками. Доступные для исследования места обнаруживаются здесь лишь по берегам рек, да и те оказались сильно замусорены. Начиная с XVIII в. они постоянно подсыпались битым кирпичом, привозимым с располагавшихся в окрестностях заводов. Эта же участь постигла и реки, по которым несколько столетий сплавляли лес, в результате чего дно их во многих местах оказалось перекрыто завалами топляка, занесенного песком местами же — на судоходном фарватере, регулярно углублялось с помощью специальных машин.

Упоминание в литературе находок предметов вооружения в урочище Бугры — на месте земляной фортеции XVIII в., вероятно, следует связывать с XVIII в. Многочисленные же рассказы местных жителей, о таких находках, на проверку, чаще всего оказывались фантазиями — так как за оружие выдавались самые разнообразные старые вещи и бытовые инструменты. Наблюдения за земляными работами и контакты с местными жителями в последние годы позволили отследить несколько находок предметов, которые могли быть связаны с битвой (рис. 3). Это найденная на левом берегу Ижоры рукоятка от скребницы для ухода за лошадьми, которая судя по ее форме могла относиться к XIII веку.

Во время реставрационных работ у церкви Александра Невского, в строительной траншее, был найден железный наконечник стрелы. Он имеет нестандартную треугольную форму и может быть отнесен к достаточно редким образцам, точное датирование которых затруднительно. Здесь же, под храмом Александра Невского, в его южном приделе было обнаружено скопление переотложенных человеческих останков. Однако, связь их с коллективным захоронением шведских воинов, погибших в битве, маловероятна. Учитывая, что каждая последующая церковь

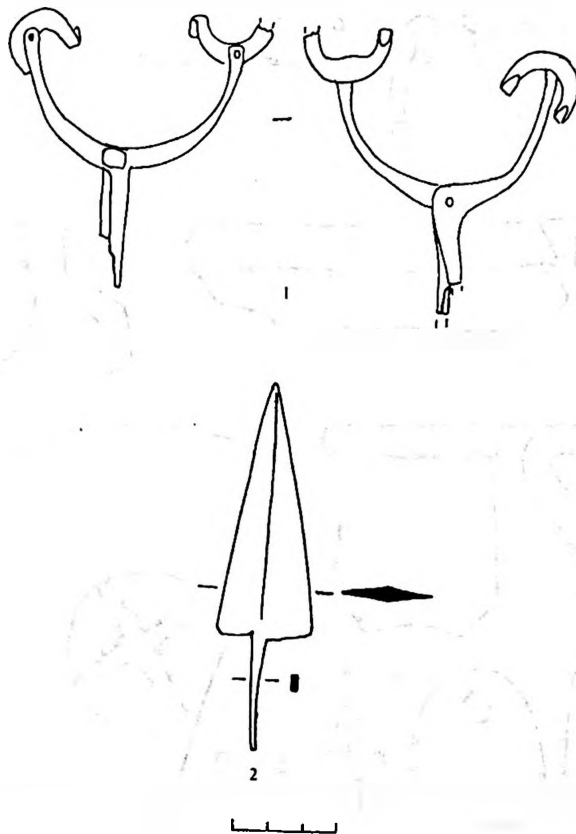

Рис. 3

Находки, связываемые с Невской битвой: 1. рукоять скребницы, 2. наконечник стрелы.

была по своим размерам больше предыдущей и увеличение ее происходило за счет участков прилегающего кладбища, многие ранние погребения XVIII — начала XIX вв. оказались внутри храма. В условиях существующего длительного времени сельского кладбища происходит постоянное разрушение старых погребений новыми, таким образом, и могут быть объяснены найденные захоронения. Хотя вполне логично предположить, что церковь и кладбище при ней возникли как раз на месте коллективного погребения, произведенного после битвы, тем более, что располагаются они на самом мысу, где могли обороняться шведские войска перед их отходом.

Еще один наконечник стрелы был найден в 1970-е гг. местным жителем в устье реки Ижоры, в воде у левого берега. Сильно корродированная находка рассыпалась через несколько дней. Изображение, сделанное по памяти, напоминает реально существовавшие втульчатые наконечники ромбовидной формы времен Невской битвы.

Другими результатами многолетних историко-археологических исследований

Санкт-Петербургской археологической экспедиции стали: выявление местоположения позднесредневековых поселений, изучение строительной истории церкви Александра Невского, точная локализация на местности и исследование сохранившихся укреплений земляной фортеции. Полученные данные позволили реконструировать систему расселения в устье реки Ижоры в XIV—XVII вв. Все пять упоминаемых в документах деревень находились в непосредственной близости от устья. Две из них на ее левом берегу в пойме: одна на месте современного храма и кладбища, вторая — в 100 метрах выше по течению за ручьем, впадавшим в Ижору.

Еще три поселения находились на правом берегу. Первое — в пойме на мысу у устья, второе — на возвышенном берегу Ижоры (на месте, где в XVIII в. была сооружена земляная крепость), и третье на высоком берегу Невы в 300 м от устья Ижоры.

Были изучены подземные конструкции каменной церкви Александра Невского и обнаружены остатки сгоревшего деревянного храма XVIII столетия. Его местонахождение определяется по слою

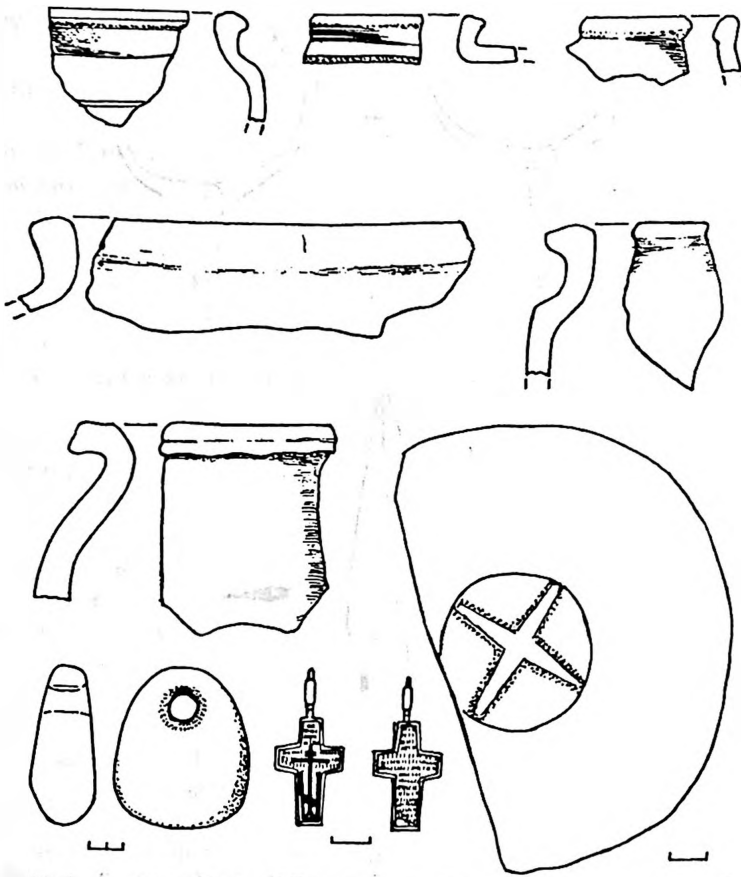

Рис. 4

Находки позднесредневекового времени в Усть-Ижоре: фрагменты керамических сосудов, керамическое грузило, нательный крестик.

древесного угля и расположению окружающих его кладбищенских погребений, перекрытых впоследствии, каменной церковью.

Отдельные участки оплывших укреплений земляной фортеции до сих пор читаются в рельефе местности, особенно отчетливо со стороны реки Ижоры, где ров находился под крутым берегом. В процессе раскопок был прорезан северный участок рва. Были определены размеры и профиль рва, находившегося на береговом склоне, понижающемся в сторону Невы. Исследования показали, что при строительстве фортеции максимально использовались особенности рельефа местности.

В результате проведенных историко-археологических исследований Поля Невской битвы была получена информация о памятниках истории и культуры различных эпох, находившихся на этой территории (таблица 1).

Еще с конца 80-х гг. рассматривался вопрос о создании исторической архитектурно-ландшафтной зоны в Усть-Ижоре.

Сам музей Невской битвы предполагалось разместить в реставрируемом здании церкви. В 1990 г. впервые был поставлен вопрос о создании музея «Александра Невского и Ижорской земли» в здании ямской станции, где периодически устраивались выставки по этой тематике. Коллекция, собранная в процессе многолетних научно-исследовательских работ в Усть-Ижоре, должна, со временем, лечь в основу создаваемого музея.

В 1994 г. Комитетом государственной охраны памятников Петербурга был разработан проект зон охраны заповедной территории «Поле Невской битвы» в Усть-Ижоре. В 1998 г. по результатам археологических работ в Усть-Ижоре на государственную охрану было поставлено несколько памятников археологии: 1. Поле Невской битвы, 2. Петровская земляная фортеция, 3. Гнездо позднесредневековых поселений.

Выгодное географическое положение Усть-Ижоры на окраине Петербурга, на сухопутном и водном путях от него

Таблица 1
Объекты историко-культурного наследия в Усть-Ижоре

№	Наименование и датировка объекта	Примечание
1	Поле Невской битвы 1240 г.	Памятник археологии 1998 г.
2	Место средневековой стоянки судов на Невском водном пути.	Данные письменных источников
3	Гнездо позднесредневековых поселений XIV-XVII в.в.	Выявлены в 1989 г. Памятник археологии 1998 г.
4	Церковь Александра Невского XVIII-XIX вв.	Архитектор М.А. Шурупов Памятник архитектуры. Реставрация 1995 г.
5	Владимирская часовня XIX в.	Архитектор М.А. Шурупов Памятник архитектуры. Реставрация 1993 г.
6	Некрополи XVIII-XIX в.в.	Частично сохранились склепы, надгробные плиты и памятники.
7	Усадьба Александра Меншикова, начало XVIII в.	Утрачена. Территория занята индивидуальной застройкой.
8	Земляная фортеция, начало XVIII в.	Валы читаются в рельефе. Памятник археологии 1998 г.
9	Шлиссельбургский тракт XVIII-XIX в.в..	Сохранилось булыжное мошение, свайное укрепление берега.
10	Бичевник по левому берегу реки Ижоры XVIII-XIX в.в.	Сохранилось булыжное мошение, свайное укрепление берега, деревянные водотоки.
11	Монумент в честь участия усть-ижорцев в свейской войне 1789 г.	Создан по указу Екатерины II, автор не известен. Памятник архитектуры.
12	Каменные здания: волостная управа, ямская станция, чайная-постоялый двор и др. XIX-начала XX в.в.	Учетные здания КГИОП.
13	Обелиск в честь Невской битвы 1957 г..	Установлен по инициативе Военно-исторической секции Дома ученых 1957 г. к 250-летию Ленинграда.
14	Братская могила советских воинов, погибших в Великой Отечественной войне.	Расположена на церковном кладбище

к Шлиссельбургу и Старой Ладогге, с одной стороны, и дороге, связывающей культурно-исторические центры южных окрестностей города — Ломоносова, Стрельны, Красного села, Павловска, Пушкина и Колпино с другой, позволили бы включить ее в туристические маршруты.

Музей на поле Невской битвы мог бы стать в один ряд с музеями-заповедниками Куликовского, Бородинского и Пророровского полей. В предшествующие годы силами энтузиастов уже была подготовлена историко-краеведческая выставка с использованием археологических находок, предметов этнографического быта, архивных документов и старых фотографий, которая могла бы лечь в основу будущего музея, а для размещения музея было выделено здание — бывшая ямская станция, дальше этого дело пока не пошло. Чиновники всех уровней ссылаются на тяжелые времена, когда впору закрывать старые, а не устраивать новые музеи, не

понимая того, какие потенциальные возможности для сохранения памятников старины, патриотического воспитания, проведения праздников-фестивалей и развития туризма содержит в себе эта идея.

Ни для кого не секрет, что Петербург отсчитывает свою историю с начала XVIII столетия, и его культурный облик теснейшим образом связан с новым временем. Древнерусский период не наложил своего отпечатка на Северную столицу. Однако, предыстория города на Неве богата интереснейшими событиями, и особое место среди них имеет битва 1240 г. в устье Ижоры, когда впервые упоминание о местности современного Петербурга попадает в летописи. Здесь перекрестились пути Александра Невского и Петра Великого. Трудно представить себе более удачное место для организации экспозиции на тему образ Александра Невского в русской культуре, чем Санкт-Петербург, где нашли последнее пристанище его

останки и святым покровителем которого он является. Усть-Ижора с ее музеем Истории Ижорской земли и Александра Невского могла бы стать одним из центров изучения и популяризации допетровской истории края и таким образом органически дополнить историко-культурное наследие Петербурга.

***

- 1 Сорокин П.Е. Страницы истории ижорской земли. Усть-Ижора, 1993. С. 12.
- 2 Полное собрание русских летописей Т.1. Л., 1926-1928. С. 479.
- 3 Кучкин В.А. Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси // Александр Невский и история России. Новгород, 1996. С. 14.
- 4 Кирпичников А.Н. Две великих битвы Александра Невского // Александр Невский и история России. Новгород, 1996. С. 31.
- 5 Там же.
- 6 Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость. М., 1956, с. 111.
- 7 Гадзяцкшй С.С. Водская и Ижорская земли новгородского государства // Исторические записки. Т. 6. Л.; 1940. С. 100—150.
- 8 Кирпичников А.Н. Две великих битвы... С. 31.
- 9 Кучкин В.А. Александр Невский... С. 15.
- 10 Сорокин П.Е. Страницы истории... С. 14.
- 11 Полное собрание русских летописей. Т. III. Л., 2000. С. 77.
- 12 Там же. С. 291.
- 13 Шаскольский И. П. Сражение на Неве (к 750-летию) // Колпица. СПб., 1995. С. 61—68.
- 14 Дегтярев А.Я. Место битвы изменить нельзя // Колпица. СПб., 1995. С. 78-82.
- 15 Богданов Г., Рубан В. Историческое географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга. СПб, 1749. С. 198, 199.
- 16 Гусарова Е. В. Церковь Александра Невского в пос. Усть-Ижора. Рукопись. Историческая справка // Архив треста Леноблреставрация. Ф. 1987 г. В оформлении.
- 17 Семенов В. Л. Россия озерная область. Т. III, СПб, 1900. С. 179, 199.
- 18 Караев Г.Н. Путем Александра Невского. М., 1970. С. 17.
- 19 ПСРЛ. Т. III... С. 293-294.

СОДЕРЖАНИЕ

Новые исследования

Кильдюшевский В.И. «Керамика Пскова XII–XVII вв.»	5
Кирпичников А.Н. «Великий Волжский путь и евразийские торговые связи в эпоху раннего средневековья»	34
Лапшин В.А. «Археологические свидетельства связей Твери с Новгородской землей в XIII–XIV вв.»	59
Михайлов К.А. «Скандинавский могильник в урочище Плакун (заметки о хронологии и топографии)»	63
Мусин А.Е. «Структуры власти Ладоги XI–XV вв.»	69
Сакса А.И. «Древняя Карелия и Новгород»	88
Сениченкова Т.Б. «Орнаментация ладожской керамики VIII – X вв.»	93
Хвошинская Н.В. «Погребальные дерево-земляные сооружения на западе Новгородской земли»	114
Чукова Т.А. «Новгородские печати XII–XV вв. с изображением Богоматери»	122
Щеглова О.А. «Свинцово-оловянные украшения VIII–X вв. на Северо-Западе Восточной Европы»	134

Новые раскопки

Кирпичников А.Н., Сорокин П.Е. «Исследования старолadoжского “Земляного городища” в 2000 г.»	151
Носов Е.Н., Плохов А.В. «Новые исследования в Ильменском Поозерье»	159
Платонова Н.И. «О погребальном обряде верхнелужских сопok (по материалам Передольского погоста)»	181
Рябинин Е.А., Дубашинский А.В. «Любшанское городище в Нижнем Поволховье (предварительное сообщение)»	196

Новые находки

Алексашин С.С., Белецкий С.В. «Сфрагистические памятники Передольского погоста»	204
Платонова Н.И., Алексашин С.С. «Новые находки на Передольском погосте (перспективы дальнейших исследований)»	208
Горюнова В.М., Овсянников О.В. «Клад конца X — начала XIII вв. в устье р. Варзуги (Терский берег Кольского п-ова)»	211
Жуков К.А. «Два позднесредневековых меча из Новгородской области»	221
Кирпичникова А.Н. «Производственный комплекс IX в. из раскопок Старой Ладоги»	227
Носов Е.Н., Плохов А.В. «Некоторые сфрагистические находки 1985–1988 гг. с Рюрикова городища»	251
Пскова А.А. «Крест с Распятием из Лилла Клинтегарда (о. Готланд) и его византийский прототип»	254
Томсинский С.В. «Серебряный крестик-энколпион (из раскопок 2001 г. в Угличе)»	263

Источниковедение и региональные исследования

Кирпичников А.Н. «Ладога в третьей четверти XVI в. (первопубликация писцовой книги 1568 г.)»	268
Курбатов А.В. «Археологические памятники г. Осташкова (исследования в зоне южных рубежей Новгородской земли)»	278
Селин А.А. «Тесово (исторические исследования и археологические перспективы)»	284
Сорокин П.Е. «Усть-Ижора — поле Невской битвы (результаты изучения и перспективы создания музея-заповедника)»	300

Ладога и ее соседи в эпоху средневековья

Сборник научных статей

**Институт истории материальной культуры Российской Академии Наук
191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб. 18**

**Отпечатано АО «Бизнес-Элита»
г. Кишинев, ул. Болгарская, 24**

Формат 90x120 1/8 Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 60. Усл. изд. л. 39

Подписано в печать 10.01.2002. Тираж 500 экз. Заказ № 117